

Аркадий СТРУГАЦКИЙ, Борис СТРУГАЦКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в тридцати трех томах

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

1960

Концепция издания — Светлана Бондаренко и Александр Воронин

Составители: Светлана Бондаренко, Виктор Курильский, Юрий Флейшман

Редакционная коллегия: С. Бондаренко, В. Борисов, А. Горбов, В. Дьяконов, А. Заршиков, В. Казаков, А. Кузнецова, И. Кузнецова, В. Курильский, Р. Муринский, П. Поляков, Л. Рудман, Ю. Флейшман, И. Юдин

Подготовка иллюстративных материалов — А. Горбов, П. Северцов

В книге использованы фотографии из архива Аркадия Стругацкого, Бориса Стругацкого, в том числе фотографии Лидии Камионко

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими, без предварительного согласования с правообладателями.

© Стругацкий А., Стругацкий Б., текст, 1960, 2016

© Бондаренко С., Воронин А., концепция, 2016

© Бондаренко С., Курильский В., Флейшман Ю., составление, 2016

© Бондаренко С., Казаков В., варианты произведений, 2016

© Курильский В., Муринский Р., Рудман Л., комментарии, примечания, 2016

© Казаков В., Флейшман Ю., библиография, 2016

© Курильский В., указатели, 2016

I. Художественные произведения

Из архива

Аркадий Стругацкий. [Эссе, 1960]

4 марта.

Дано обязательство. Обязательство выполнять не трудно, не трудно потому, что это не требует больших усилий. Как обязательство не пить водку всю неделю. Не существует важнейшего фактора, определяющего понятие «трудность», — сопротивления. Я имею в виду физическое сопротивление. Но это же оборачивается задней стороной. Когда нет сопротивления, всегда кажется, что приступить к выполнению обязательства никогда не поздно. Выполнение не убежит. Какая тут связь — между способностью выполнить и наличием сопротивления? Должна быть какая-то. Дело, думается, в том, что нормальных, законных, нормативных критериев не существует. Как с курением: кто доказал, что курить хуже, чем не курить? То есть иногда отчетливо видно, что именно хуже, но поскольку объективных критериев все-таки нет, стараешься сам себе не верить. И блюешь.

Очень не люблю беспорядок в делах. Очень люблю во всем хозяйстве порядок. Память ни к черту, всегда забываю, что нужно сделать, о чем узнать. Забываю активно. В подсознании всегда шевелится сердитый колючий червяк, совершенно безликий. По шевелению узнаешь, что что-то забыто, а что именно? Вчера и сегодня трижды вспоминал, что в субботу надобно в Детгизе забрать перепечатанный «Путь на Амальтею». Интересно, вспомню ли в субботу? Вообще это не страшно, вышлет кто-нибудь вдогонку в Л<енингра>д, но ведь так короче. Впрочем, теперь прочитает это Крыса и тоже, может быть, вспомнит.

Когда пишу, всегда хочется, чтобы абзацы были одинакового размера или чтобы размеры более или менее компенсировались. А всем твержу — и себе тоже — что важен смысл, при чем тут размеры абзацев, а вот поди ж ты, все равно. Даже черновики стараюсь делать очень аккуратно. Сейчас добавил слово «очень», потому что неосторожно вместо «а» (аккуратно) ударил по клавише «о». Все время такое со мной, а хорошо это или плохо? Кто может поручиться, что удар клавиши не по той букве, которую задумал, не является сигналом из того подвала в черепе, где делается литература? Когда работаем с Борькой, если я печатаю, так бывает довольно часто. Не заметил, может быть, и у Борьки тоже. Хотя нет, он неряшлив в печатании черновика. Ну вот, а потом кто-нибудь из первочитающих говорит: а это у вас здорово сказано. И я важно соглашаюсь.

Что есть критерий искусства? Мнится, то же, что энгельсовский критерий факта: то, что большинство принимает как действительность. Результат опыта. Наверное, это упрощение, Энгельс не мог проглядеть здесь здоровенной логической прорехи. Но под настоящей литературой надо понимать произведение, которое достаточно большое число интеллигентных квалифицированных читателей считает хорошим. То-то раздолье для критиков! Крыса лежит и ждет, когда закончу. Страница заканчивается. Все.

Борис Стругацкий. Год тридцать седьмой

В свете фонарей падали с темного неба крупные снежинки, и было тепло и тихо. Здесь всегда было тихо и спокойно, даже ранними вечерами, только у подъезда клуба ВМА толпились молодые люди в длинных шинелях да по площади бегали мальчишки, мокрые от снега.

Они условились встретиться в восемь, а было еще без четверти, и Григорий некоторое время постоял у афишной тумбы, читая, что в каком театре идет. Он терпеть не мог театра, но давно решил, что на этот раз надо обязательно сходить куда-нибудь с Валькой, хотя знал, что потом будет плевать и поносить театральных критиков вообще и Мишку Шмидта в частности. Он подумал, что надо бы навестить Мишку и рассказать ему про его однофамильца из Баварии, Вольфганга Шмидта. Как тот все жаловался, что в Гвадалахаре нет пива, а потом под Торихой ему удалось подбить штабную машину, и в машине оказался целый ящик с пивом. Ящик был оцинкован, на нем, уткнувшись головой, лежал толстый майор с перебитым позвоночником. В ящик натекло крови, но Шмидт, отпихнув труп, стал доставать бутылку за бутылкой и передавать бойцам. Он таскал бутылки по три-четыре каждой рукой, из машины торчал его зад в брезентовых штанах, на каждой ягодице было по дыре, и из дыр торчали ключья серого от грязи белья. Бойцы подхватывали бутылки и тут же пили, отбивая горлышки, и мне тоже досталась бутылка. Стекло было в крови, пиво оказалось теплым, но оно было вкуснее, чем вода из Эбро — желтая, холодная, провонявшая мертвечиной.

Григорий взглянул на часы. Было ровно восемь. Сашка сказал, что будет дома ровно в восемь, а если не в восемь, то ровно в десять. Он и раньше назначал так свидания, даже девчатам, и те не обижались. Потому что догадывались, наверное, какая у него работа. Сашка не любил рассказывать, где он работает и чем занимается, но все его знакомые рано или поздно узнавали об этом. Он просил, чтобы про него говорили, будто он милиционер, но Григорий обычно рассказывал знакомым, что Сашка — завмаг, «знаете, булочная на углу Финляндского и Астраханской». «А-а...» — говорили знакомые разочарованно. Сашка был больше похож на боксера, чем на завмага.

Сашкина квартира была на третьем этаже, и окна были освещены. Григорий шагнул на мостовую, чтобы перейти улицу, но тут подкатила эмка, гуднула и остановилась, загородив дорогу. Из эмки вылез плечистый парень, открыл капот и полез в мотор. Снег все падал, теплый, мягкий, совершенно ленинградский снег, кружился вокруг матовых шаров фонарей, опускался на лицо и на ресницы. Григорий протянул руку, и на ладонь опустились мохнатые снежинки. Ручной снег, подумал Григорий. Он обошел эмку, перешел улицу и вошел в вестибюль. В вестибюле топилась большая, зеленого кафеля печь, было светло и тепло, и было приятно подниматься по лестнице и знать, что тебя ждут, и завтра будут ждать — уже в другом месте и другие люди, и послезавтра, и еще долго-долго, месяца два. Два месяца приятных обязанностей, исключительно приятных обязанностей и хорошей работы, и работать есть над чем, и приятно думать, что эта работа сейчас нужна, потому что на Эбро не так уж много журналистов, и большинство из них пишут ерунду, ставят все вверх ногами — чаще не по злобе, а по глупости. Просто не видят главного — классовая глупость, они считают, что человек — всего лишь человек, и переубедить их невозможно, да, наверное, и не нужно...

Сашка стоял на стремянке и копался в дверном звонке.

— Здравствуй, завмаг, — сказал Григорий.

Сашка взглянул сверху вниз, спрыгнул и сказал:

— Здравствуй, испанец.

— Салюд, камарада, — сказал Григорий, и они обнялись и стали хлопать друг друга по спине.

— Жив, жив, писака, — приговаривал Сашка. — Жив, старый хрен...

Они отпустили друг друга, и Сашка сказал:

— Заходи, раздевайся и кури. Я сейчас...

У него стало какое-то другое лицо — какое-то немного обрюзглое, немного старое, немного нездоровое, но глаза были теплые, кожа по-прежнему смуглая, и у него была прежняя боксерская челюсть.

— Заходи, заходи, нечего меня разглядывать. — Он втащил Григория в прихожую, а сам снова забрался на стремянку. — Там Олег сидит, — сообщил он со стремянки.

— Да ну! — Григорий торопливо стащил пальто, смотал с шеи шарф и бросил шапку на столик у дверей. Он пошел прямо в гостиную. Там сидел тощий и бледный Олег и курил трубку. На столе стояла всякая закуска и две бутылки с коньяком.

— Ого-го! — заорал Олег и вскочил, распахивая руки. — Писатель!

Они обнялись.

— Рассказывай, — сказал Олег.

— Да ну тебя к черту, — сказал Григорий. — Я тебя сто лет не видел. Ничего не хочу рассказывать.

— Чесать, где чешется, и слушать друга, вернувшегося из дальнего путешествия, — сказал Олег. Он очень любил Пругкова.

Они сели рядом на диван, и Григорий закурил, рассматривая Олега, комнату и вообще все. Он очень любил эту комнату. Здесь всегда было хорошо и уютно, хотя и не всегда чисто. И здесь ничего не менялось.

— Ты будешь рассказывать? — осведомился Олег.

— Потом. Дай отдышаться.

— Тогда будем коньяк пить. Сашка! Иди коньяк пить! Ты худой стал, как мощи. Не женился?

— Нет.

— Эх ты, старый хрен. В Испании — и не женился! Смотри, опоздаешь...

— Жениться, Олег, никогда не поздно и всегда рано, — сказал Григорий вдумчиво.

— Не жрешь по утрам, я думаю.

— Не жру.

— То-то и оно.

— Что «то-то и оно»?

— Да вот это самое.

— А конкретнее?

— Заработал язву.

— Аналогичный случай был в Пензе, — сказал Григорий.

— Ладно, дело твое, — сказал Олег. — Но учти, что язва желудка состоит в том, что желудок, не получая питания, начинает переваривать сам себя.

— Есть еще такая болезнь — волчанка, — сказал Григорий. — Ты на себя посмотри, мыслитель. Сеченов. Пастер. Тебя ведь анфас не видно.

— Я истощен наукой, — сказал Олег.

— А, — сказал Григорий. — Протвоестественная любовь.

— Понаблюдай-ка, братец, десять ночей подряд — похудеешь.

— Я наблюдаю круглые сутки, — сказал Григорий важно. — Я наблюдаю жизнь.

— Ну и как жизнь?

— Да так. День живем, неделю хотим.

— Тьфу на тебя, — сказал Олег и заорал: — Сашка! Пора коньяк пить!

Ни черта здесь не меняется, думал Григорий, осматриваясь. Все то же. Э, а это кто? Здесь раньше висел Ягода... Ну ясно, он его снял. Нехорошая история. А кто же это?

— Сашка! — крикнул он. — Кто это у тебя на стене?

Было слышно, как Сашка ломится со стремянкой в переднюю.

— Эх ты, деревня, — сказал Олег. — Это Ежов.

— А, — сказал Григорий. — Ясно.

Вошел Сашка. Они сели за стол и подняли по первой.

— За Испанию, — сказал Олег.

— За Испанию, — повторил Григорий с удовольствием.

Они чокнулись и выпили. За Испанию я могу выпить сколько угодно, сказал Григорий. А как там дела? — спросил Олег. У него сразу широко раскрылись глаза. Не очень важно, сказал Григорий. Правда? Да, неважно. Трудно очень. А как же «но

пасаран»? — сказал Олег расстроенно. Очень трудно. Все правильно, но очень трудно. Сволочь Франция, сказал Олег. Задержали оружие. Сволочи.

Сашка молча разлил коньяк.

— Теперь выпьем за встречу, — предложил Олег. — И чтоб не последнюю.

— Самый хороший тост — первый, — сказал Григорий. — Но все равно, выпьем...

Они выпили, и Олег стал есть шпроты прямо из банки. Сашка налил себе еще одну и выпил. Потом снова налил всем.

— Я рад, что ты жив, Гриша, — сказал он. — И давайте поговорим про что-нибудь веселое.

Олег оживился.

— Слыхали? — сказал он. — У нас в Пулково раскрыли банду. Целая организация. Вот сволочи! И все маститые, пузатые... Такая дрянь!

— Поговорили про веселое, — сказал Сашка и выпил. Он был всегда такой — с ним было трудно разговаривать. Но обычно он расходился после пятой-шестой рюмки.

— Арестован Черепанов, — продолжал Олег, — Пересветов, Иванов — директор. Еще человек пять рангом поменьше. И подумать только — ведь известные ученые, в почете... Все им было дано, все — работайте только! Что им, хуже, чем при царе, что ли, было? И главное — притаились, тихие. Никто ничего не знал, не подозревал даже.

— Я думаю. Иванов — это же мировое имя, — сказал Григорий.

Олег перестал жевать и задумчиво поглядел на него.

— Нет, — сказал он. — Иванов — это, я думаю, ошибка. Он, по-моему, хороший человек. Я думаю, его выпустят, когда разберутся. Ведь без ошибок нельзя, я понимаю... — Он поглядел на Сашку. Сашка выпил.

— Лес рубят — щепки летят, — сказал Олег. — Ничего не поделаешь. Лучше пусть пострадают несколько невиновных, чем останется какой-нибудь притаившийся гад. Это верно Сталин сказал насчет моста.

— Да, — сказал Григорий. — Здесь зевать не приходится. В Мадриде пятая колонна, стреляют из-за угла, саботируют, шпионят. Говорят, их расстреливают.

— Душить без пощады, — сказал Олег яростно. Он был уже готов. — У нас здесь тоже пятая колонна. И еще страшнее. Потому что тихие и высокосидящие.

Сашка выпил еще рюмку и сказал:

— А как Валечка?

— Ничего, спасибо, — сказал Григорий.

— Рада?

— По-моему, рада. А ты с ней давно не виделся?

— Давно, — сказал Сашка. — Полгода, наверное. Она приходила к нам в клуб танцевать. Был с нею какой-то хмырь, но я к нему пригляделся и не стал его уничтожать. Недотепа. Никаких шансов.

— С-слушай, — сказал Олег. — Р-расскажи что-нибудь, Гришка. Черт, что вы все такие засекреченные?

— А как насчет источников свечения звезд? — осведомился Сашка.

— Что? — сказал Олег.

— Как там со звездами? Почему они, подлые, светят, но не греют?

— Цикл Бете, — сказал Олег и икнул.

— Все ясно, — сказал Григорий. — Вопросов нет. Есть два новых анекдота.

— Трави, — потребовал Сашка.

Григорий стал рассказывать, но у него получилось плохо. Он услышал эти анекдоты полгода назад в батальоне Линкольна. Их рассказывал один славный парень, даже не парень, а мужик с седой головой, коммунист из Буффало. По-английски эти анекдоты звучали очень хорошо, но по-русски было трудно подобрать подходящие слова. Сашка кривовато усмеялся, а Олег икал и говорил вежливо: «Н-ничего... Н-ничего себе...»

Тогда Григорий взял и рассказал, где он услышал эти анекдоты и кто их рассказывал. Это было под Бриуэгой. В каменной лощине горела танкетка, и красный огонь освещал трупы, темными мешками валявшиеся поодаль. Они сидели за огромным валуном, жадно курили, и Григорий все думал: на кой черт меня принесло сюда, на кой черт. В руках у него был карабин с горячим стволом, и было тихо, только трещало и шипело в танкетке, а фашисты только что откатились и теперь готовились к новой атаке. Тут парень из Буффало докурил окурочок, выругался по-русски, очень забавно, и рассказал подряд оба анекдота, а когда вокруг отсмеялись — смеялись почти все — вдруг запел очень энергично, но немзыкально:

Иф э-боди кисс э-боди,
Вуд э-боди край?
Иф э-боди лав э-боди,
Вуд э-боди дай?

После следующей атаки мы снова собрались за этим валуном и пили из фляжек, содранных с убитых мятежников, но парня из Буффало уже не было.

— Эх, — сказал Олег тоскливо. — Сижу тут, как старое дерьмо... Ну кому все это нужно — Дзета Пупис, Бета Лиры... Дерьмо. Я туда хочу!

— Там убивают, — сказал Григорий. Он сказал это просто так, механически. Он не хотел страдать или хвастаться. Ему вдруг стало нехорошо — там убивают, а он здесь сидит уютно и спокойно и пьет коньяк, когда там так нужны люди. Просто люди — руки с винтовкой и ясная душа. Там все были честные, даже анархисты...

— Я большевик, — упрямо сказал Олег. — И сижу тут, как дерьмо. Безо всякого толка и пользы. Наше место там!

Сашка сидел, откинувшись, и медленно тянул коньяк. Теперь он пил из стакана.

— Все на свете проморгал, — продолжал Олег. — Перед Черепановым ходил на полусогнутых, а он враг. Где наши глаза были?

— Ну, этим заняты те, кому следует, — сказал Григорий.

— В-верно! Я тоже так думаю! Сталин знает, что делает. Раз не объявляют поголовный набор добровольцев в Испанию, значит, этого делать нельзя...

— Да. Нельзя, пожалуй.

— Там люди сидят поумнее нас с тобой, — сказал Олег. Он тяжело поднялся и пробрался к окну. — Мать честная, ясно! Мне ехать надо, ребята... Н-наблюдать надо!

— Ладно, — сказал Сашка. — Ложись и спи. Ехать ему надо. Тазик принести?

— Иди ты в штаны... Мне ехать... Н-наблюдать...

Олег пошел кругом по комнате, придерживаясь за мебель.

— Где мое пальто?! — заорал он.

Сашка встал, взял его за плечи и усадил, а затем уложил на диван.

— Дрыхни, астрономия, — сказал он.

— Й-эхать!..

Олег заснул и сразу захрапел. Сашка вышел и вернулся с тазиком.

— Среди ночи непременно поблюет, — сказал он.

— Н-на пол, — сказал Григорий Олеговым голосом.

Сашка сел и вылил остаток коньяка себе в стакан.

— Теперь рассказывай, — сказал он.

— Сначала скажи, что с тобой. Ты устал?

— Конечно, — сказал Сашка.

— Неприятности?

— Нет, — сказал Сашка. Он выпил и весь скривился, как от дряни.

— Ну хорошо, — сказал Григорий. — У тебя карта есть?

Сашка снова поднялся и принес свернутую в рулон большую немецкую карту Испании. Они сдвинули посуду и расстелили карту, прижав по углам пустыми стаканами.

— Вот где они, — сказал Григорий.

Сашка засопел.

— Что же это, — сказал он. — Это же значит...

— Да, — сказал Григорий.

— Что же это, — повторил Сашка. — Что же это...

— Я еще надеюсь вернуться, — сказал Григорий. — Я хочу быть там до конца. К чертовой матери, Сашка, ты это пойми... Я там как за родную землю дрался, как за Ленинград... После гражданской — это первый настоящий бой за советскую власть...

Они долго молчали. Потом громко зазвенел звонок, и Григорий вдруг увидел, как лицо Сашки стало серым. Наступила тишина, только тихонько храпел Олег на диване. Снова зазвенел звонок.

— Спокойно, — сказал Сашка. — Это за мной. Ты, главное, спокойно... — Он схватил Григория за руки и крепко стиснул. — Ты, главное, спокойно...

Звонок.

Сашка сидел неподвижно и только быстро шарил глазами по стенам.

— Спокойно... Я через два дня вернусь... Максимум через три...

Он вскочил и бросился в прихожую. В двери начали стучать. Что-то с грохотом повалилось в прихожей, и Григорий услышал высокий незнакомый голос:

— Живой не дамся!..

Щелкнул замок. Стало тихо. В прихожей заговорили вполголоса, хлопнула дверь, и вернулся Сашка. Он был совершенно белый, с белыми вытаращенными глазами. Он держал обеими руками телеграмму, в правой руке у него тряся наган.

— Почтальон, — сказал он, усмехаясь. — От мамы. Беспокоится, что не пишу.

Он посмотрел на наган и сунул его в карман пижамы.

— Здорово я его напугал, — сказал он.

Григорий молчал.

.....

Спать хотелось невыносимо. Только спать, и больше ничего. Не было больше ни тоски, ни ярости. Глаза сами собой съезжались к переносице, веки опускались, точки и крапинки на серой стене таяли и расплывались. И сейчас же возникала смеющаяся Валькина мордочка... Медленные снежинки в свете фонарей... Большая карта Испании — немецкая карта — и заскорузлый палец баварца Шмидта чертил грязным ногтем кривые линии поперек голубой ленты Эбро... Что там было, на Эбро? Что-то очень плохое или хорошее — надо только подумать и вспомнить. Но думать не хочется. Хочется спать.

Григорий качнулся и ударился лбом в стену. Следователь спокойно сказал:

— Стоять смирно, ты...

Григорий стоял спиной к следователю. Он смотрел в стену, выкрашенную серой краской, и слушал, как следователь шуршит бумагами, зевает, скрипит креслом. В кабинете было тепло, пахло табачным дымом. Хорошо бы убить следователя, подумал Григорий. И лечь спать прямо здесь, на полу. Закрыть глаза, растянуться и заснуть. Хоть на час. Хоть на четверть часа.

Дверь приоткрылась, кто-то сказал:

— Угости папироской. Все, понимаешь, выкурил.

Следователь сказал:

— Бери.

Кто-то почти бесшумно прошел за спиной и остановился у стола.

— «Беломор»? А «Казбека» нет?

— Я только «Беломор» признаю, — сказал следователь. — От «Казбека» у меня кашель.

Чиркнула спичка. Кто-то сказал:

— Спасибо. Домой, понимаешь, собрался, хватился — папиросы кончились. Может, дашь парочку про запас? Магазины еще закрыты.

— Бери, — сказал следователь.

— Спасибо. Молчит?

— Молчит. Упорный попался, сука.

— Ну, я пошел. Пока.

— Пока.

Кто-то почти бесшумно прошел за спиной, дверь открылась и закрылась. Следователь громко, с прискуливанием, зевнул и опять зашуршал бумагами. Как ему не надоест, подумал вдруг Григорий. Неужели он не понимает, что все это — страшная ошибка? Лес рубят — щепки летят. Я — щепка. Нет, конечно, он не знает, что я — только щепка. Он уверен, что я фашист, изменник родины... Как это все они спрашивают: «Расскажите о ваших связях в Испании». Мои связи в Испании... Если бы ты побывал в Испании, ты бы сдох от страха, подумал Григорий. Или нет? Может быть, ты тоже сидел за валуном и торопливо тянул замусоленный окурочок, и смотрел, как догорает фашистская танкетка, и трясущимися руками ощупывал горячий ствол карабина... И теперь, озлобленный, творишь суд и расправу? Но мне-то каково? Каждый день, каждый день, и этому не видно конца, и кажется, что вот-вот сойдешь с ума...

Странно, что меня не бьют, подумал Григорий. Других бьют. Иногда слышно даже, как кричат избиваемые. Вероятно, бьют очень больно. И рано или поздно начнут бить меня. И я тоже буду кричать... Сашка кричал тогда: «Живым не дамся». Сашка знал, конечно. Может быть, он тоже бил? И он, наверное, так и не дался. Григория взяли в подъезде Сашкиного дома и увезли на эмке. На той самой эмке. «Это недоразумение!» — «Молчите». — «Поймите, я журналист, я вернулся из Испании...» — «Там выясним, какой ты журналист». И потом: «Расскажите о ваших связях в Испании».

Точки и крапинки на серой стене снова растаяли. Григорий совершенно отчетливо увидел свой карабин. Он очень обрадовался. Он узнал даже царапины на ложе — это когда он переползал через битый кирпич вперемешку со стеклом, и пули хлестко щелкали перед самым носом, поднимая облачка красной пыли... Отличный карабин, когда смертельно хочется спать. Надо только разуться, сунуть дуло в рот и нажать большим пальцем ноги на спусковой крючок.

— Смирно стоять, я сказал... — спокойно сказал следователь.

Григорий разлепил глаза. Следователь отодвинул кресло и с хрустом потянулся.

— Ну что, долго в молчанку играть будем? — спросил он добродушно.

Григорий облизнул пересохшие губы.

— Ведь нам уже все известно. Твой приятель астроном все нам рассказал. Чего же ты зря запираешься? Умел нашкодить, умей и отвечать.

Григорий втянул голову в плечи. Да, Олег все рассказал. Добрый глупый Олежка. Он подписал отвратительную бумагу. Подпись была страшная, корявая, но она была Олежкина. И ниже подписи — коричневый мазок, какой бывает на простыне от раздавленного клопа. Наверное, из носа.

— Ладно, — сказал следователь. — Пойди, часок отдохни.

Григорий молчал. Сейчас придет белобрысый лейтенант, отведет в камеру, а через двадцать минут придет чернявый лейтенант и снова приведет его в этот кабинет, или в другой кабинет. И его снова поставят носом в стену.

Пришел лейтенант и сказал:

— Пошли.

Григорий заложил руки за спину и направился к двери. Следователь, пожилой, с усталым желтым лицом раскуривал папироску. Григорий и лейтенант вышли из кабинета.

Григорий с трудом переставлял затекшие ноги. Впрочем, он знал, что это сейчас пройдет. Это всегда проходит, когда кончается коридор. Лейтенант шел в двух шагах позади и, не отрываясь, смотрел Григорию в затылок. На лестничной площадке Григорий замедлил шаг и оглянулся, и сразу встретился взглядом с его глазами, голубыми и злобно-испуганными.

— Давай-давай, живей, — сказал лейтенант.

Лейтенант был в новенькой гимнастерке с новенькими кубиками в петличках. Конечно же, лейтенант знал наверняка, что ведет фашиста, предателя, троцкистского последыша.

Они стали спускаться по лестнице. Лестница была широкая, трехмаршевая, точно по шестнадцать ступенек на марш, с балюстрадой под красное дерево и с гулким просторным колодцем.

Григорий спускался, придерживаясь за перила. Снизу, из шестиэтажной глубины, донеслись чьи-то неразборчивые голоса. Потом пронзительный голос крикнул:

— Отойти от стены!

— Давай-давай, — пробормотал за спиной лейтенант.

Будет же когда-нибудь такое время, что не будут гореть танкетки, не будет следователей и глупых лейтенантов... И можно будет спать, сколько хочешь, и не ждать, когда тебя ударят по лицу. Но мне этого уже не увидеть, подумал Григорий. От жалости к себе у него навернулись слезы на глаза, хотя он еще не был уверен, что сделает это. Хорошо было Сашке, у него был наган... А мой карабин остался там.

Григорий нагнулся и вдруг перевалился через перила.

— Стой! Куда, сволочь? — отчаянно закричал лейтенант.

Было просто страшно. Потом он подумал: «Теперь здесь наверняка поставят решетки...» И все кончилось.

Борис Стругацкий **Астрономическая походная (На мотив «Марша славянки»)**

Облака над горой собираются,
Мелкий дождик прогноз обещал.
Астрономы в поход отправляются
Штурмовать неприступный Кинжал.

Надоела вода минеральная,
Теплый дом и чаек по утрам,
Незнакомая, трудная, дальняя
Нас дорога ведет к облакам.

И ночью, и днем
Шофер за рулем,
Канистра полна —
Мы не боимся ни хрена!

Борис Стругацкий. Гимн астроразведчиков

Ползет и трясет дорога,
Трясет и кидает дорога
В краях, позабытых богом,
Где только коровий кал,
Где только кручи

Да зыбучий перевал,
И в медленных тучах
Харбас, Бермамыт и Кинжал.

Товарищ, мотай портянку,
Товарищ, гитару достань-ка.
Закрыта в Москве Таганка.
В Сибири закрыт Централ.
Остались кручи
Да зыбучий перевал,
И в медленных тучах
Харбас, Бермамыт и Кинжал¹.

Во имя великой цели
Дерьмом обросли, озверели,
Без женщин осатанели —
Не действует бром-урал.
Здесь только кручи
Да зыбучий перевал,
И в медленных тучах
Харбас, Бермамыт и Кинжал.

За то, что пока живые,
Исправно идут полевые,
За то, что туманы злые,
За то, что в горах обвал,
И только кручи
Да зыбучий перевал,
И в медленных тучах
Харбас, Бермамыт и Кинжал.

Борис Стругацкий **[Экспедиция на Северный Кавказ, записки]**

Первый отрывок

Ночью я проснулся от какого-то постороннего звука и некоторое время лежал, прислушиваясь. Звук не повторялся. Было очень тихо, только ветер, налетая, шелестел полами палатки, как будто кто-то ходил вокруг и шарил мягкими руками по стенам. Мне стало жутковато. В долине залаял шакал. На соседней раскладушке заворочался Костя, забормотал, заскрипел лопнувшими пружинами и снова затих, еле слышно посапывая.

Я поднялся, опираясь руками на алюминиевые трубки раскладушки, и сел, не вылезая из мешка. Трубки были шершавые и холодные. Вообще было холодно, и меня начала бить дрожь.

¹ Вариант куплета:
Товарищ, вылезь из танка,
Товарищ, гитару достань-ка,
Товарищ, суши портянку —
Пора начинать привал.
Споём про...

Я в общем-то человек невеликой смелости. Конечно, если надо, я сумею сделать вид, что мне не страшно, а, скажем, вкусно, но когда остаешься один на один с собой, то приходится быть честным. Правда, сейчас я был не один. Мне стоило только протянуть руку, и я разбудил бы Костю — человека сильного, злого и дерзкого, с которым нечего было бояться даже здесь, в этих забытых богом мокрых горах, похожих на огромные травянистые холмы, где ничего не было, кроме очень плохих дорог, свирепых маленьких пчел и неприветливых пастухов — местных жителей, которых Костя называл «неграми». Себя он считал Человеком на белом коне — это случается с красивыми мускулистыми парнями в ту пору жизни, когда им везет.

Я не стал будить Костю. Стараясь не шуметь, я выбрался из мешка, натянул сапоги и снял с гвоздика на столбе Костину старую мелкокалиберную винтовку с обоймой на пять пуль. Конечно, неприятно быть трусоватым, но если тебе вчера не дают воды, а только смотрят прищуренными азиатскими глазами, сегодня — рассказывают, что под Гудаутой телегу с двумя русскими сбросили в пропасть, а завтра — что кто-то разрушил дорогу на Чоксан так, что ездить стало невозможно — тогда, знаете, хочется быть осторожным. Как-то, знаете, хочется уповать больше не на интернациональную солидарность трудящихся, а на что-нибудь вещественное. Стыдно так говорить, но я же предупредил, что я человек невеликой храбрости. Берсеркьера из меня явно не получилось.

Снаружи была ясная лунная ночь. Мертво поблескивал снег на склонах Кинжала, но в долине лежали облака и заслоняли главный хребет. Вокруг было все черно-белоголубым и неверным. Я посмотрел на свою тень — она была голубоватая и тоже неверная — и пошел вокруг палатки. На траве серебрился иней. Канаты-растяжки тоже были покрыты инеем и коробились от холода. Вокруг луны белел большой размытый круг, и небо было светлое со слабыми немигающими звездами.

Здесь, на Харбазе, нас было двое. У нас была палатка и газик-вездеход, который называют также «козлом», а иногда — «проходимцем», потому что он высокой проходимости, с двумя ведущими осями и раздаточной коробкой. Газик стоял, приткнувшись носом к северной стороне палатки — так он защищал нас от частого и холодного северного ветра. С запада была наблюдательная площадка, и там, бросая голенастую тень, стыл под заледеневшим брезентом блинк-телескоп. А сразу за газиком стояла вторая палатка.

Я увидел ее и сразу остановился. Вчера ее не было. И позавчера ее не было. Ее никогда не было. Мы приехали сюда неделю назад, и здесь ничего не было — только торчала из мокрой земли старая черная палка, примерно там, где теперь стояла палатка, взявшаяся невесть откуда. Я не мог себе представить, как можно было прийти сюда ночью и разбить палатку и сделать это так, чтоб мы ничего не слышали.

Я подошел к палатке. Она была маленькая, низкая, провисшая. Белая двухместная палатка, какие любят туристы-дилетанты. В нее надо залезать на карачках и внутри можно только лежать. Я подошел вплотную и, отогнув полог, заглянул внутрь. Я имел право это сделать. В конце концов, наша группа была хозяином этой горы, а я был начальник группы, и было просто свинством — располагаться здесь, не спросив разрешения. А может, мы против? А может, мы ведем секретную работу? Свинство.

В палатке было темно.

— Эй, хозяин, — позвал я негромко. Никто не отозвался. Я стал на корточки и пошарил рукой. Я нащупал ногу и дернул. Нога мотнулась у меня под рукой и снова застыла.

— Хозяин! — позвал я. Человек в палатке молчал. И вдруг я почувствовал, что у меня стало холодно внутри. Человек не дышал. Я полез в карман ватника и зажег спичку. Ветер колебал желтый огонек, но я увидел человека целиком. Он лежал навзничь, вытянувшись, бессильно положив ладони рядом с телом, и смотрел в низкий потолок прикрытыми глазами. Лицо у него было разбито, и кровь засохла черными пятнами, и черные пятна засохла на больших широких руках.

Я осторожно поднялся и попятился. В голове стало пусто и звонко. Я представил себе милицию, следователей, осторожные невинные вопросы, подозрения, конец работам, недовольство начальства... Особенно хорошо я представил себе следователя: «Так вы не видели, как он появился? Вот странно. И не слышали? И он не позвал вас? Не зашел поговорить? Странно. А когда вы легли? А почему вы не наблюдали в эту ночь? Ведь вы должны были наблюдать...» Не говорить же ему, что мы вместо наблюдений пили казенный спирт и орали песни под гитару, потому что у Кости был день рождения...

А может, он просто спит, подумал я. Я влез в палатку — заставил себя влезть, — зажег спичку и наклонился над телом. Это был мертвый человек. У него была восковая кожа и мутные глаза. Все лицо у него было разбито в кровь. Мне даже показалось, что я слышу нехороший мертвый запах, но это, конечно, был бред. Я потрогал руку. Она была ледяная и твердая. Меня стало мутить, и я скорее выбрался из палатки. Вокруг была лунная тихая ночь, только где-то высоко и звонко пел мотор автомобиля.

Я вернулся в свою палатку и стал будить Костю. Я очень надеялся на него — он был парень бывалый и два раза уже сидел по мелочам.

— Костя, проснись... — Я тряс его за плечо. — Костя!

— Ну чего?

— Вставай...

— Иди ты... Ложись спать, что тебя носит?..

— Костя, там человек мертвый...

Он перестал отбиваться, помолчал.

— Что?

— Там откуда-то палатка, и в ней покойник.

Он поднялся, выпростал руки из мешка и чиркнул зажигалкой. В бегающем свете я увидел его опухшее лицо.

— Ты что — пьяный? — Он внимательно рассматривал меня, держа в одной руке зажигалку, а другой сжав мое плечо.

— Я тебе говорю, вставай. Надо что-нибудь придумать, что ли... Совершенно ничего не понятно... Стоит палатка сразу за машиной, и в ней мертвец — все лицо в крови, мертвый...

Костя потушил зажигалку и, толкнув меня ногами, выбрался из мешка. Было слышно, как он натягивает сапоги, сопя носом.

— Местный? — спросил он.

— Не знаю. Не разобрал. Главное — как он ухитрился тут палатку разбить, не спросясь, не разбудив...

Костя вдруг взял меня за плечо.

— Слушай, — сказал он с угрозой. — Если ты задумал шуточки...

— Брось, какие там шуточки, иди посмотри...

Он поднялся было и вдруг сел.

— А я откуда знаю, — сказал он неприятным голосом. — Может, ты его и шлепнул...

Я даже задохнулся. Вот так Костя!

— Ты же пьяный был как собака — хоть в штаны тебе мочись... Я тут дрых, а ты его хлопнул и теперь мне тут мозги вправляешь...

— Иди к черту, — сказал я. — Сволочь ты.

— Кто тут сволочь, я еще пока не знаю, — протянул Костя.

Мы замолчали. Было слышно, как совсем рядом воет машина. Потом по палатке полоснул свет фар. Мотор заревел и заглох. Было слышно, как хлопнула дверца и кто-то негромко сказал: «Здесь, вероятно. Вот его палатка...»

— С приветом, — пробормотал Костя.

Я подкрался к двери и, холодея, выглянул наружу. Ничего не было видно, машина стала с другой стороны палатки. Я стиснул зубы и выбрался наружу. Я испытывал отчаяние и только старался сдержаться и сохранить ясность мысли.

За нашей палаткой действительно стоял вездеход с распахнутой дверцей. Двое каких-то в городских костюмах возились у белой палатки. Я стоял, смотрел на них и слушал.

— Берись осторожнее...

— Может, сначала снимем палатку?

— Нет, она с полом. Подержите полог, я его сейчас вытащу...

— Валя, Валя, — горестно сказал тот, что придерживал полог.

Второй пыхтел, согнувшись пополам, — он вытаскивал тело. Это было похоже на бред — голубая луна, мертвые горы вокруг и эти двое, копошащиеся над покойником. И ведь всего три часа назад ничего этого не было.

— Вот и всё. Смотрите, все лицо разбито.

— Эх, Валя...

— Этот гад бил его ногами... Продавлена грудь... Идите, откройте заднюю полость.

Тот, что держал полог, подошел к своей машине и отстегнул брезент сзади. Потом они вдвоем подняли тело и с трудом уложили его в машину.

— Я пойду их перестреляю.

— Никуда вы не пойдете. Возьмите себя в руки. И так будет трудно.

— Но как все это оставить! Безнаказанно. Зверь, негодяй...

— Садитесь в машину, я сверну палатку...

Тогда я вышел из тени и пошел прямо к ним.

— В чем дело? — спросил я, стараясь говорить спокойно.

Они уставились на меня — оба рослые, плечистые, в хороших темных костюмах с галстуками. Один был обрит наголо, у другого на голове была соломенная шляпа.

— Это не тот, — сказал бритый.

— Его счастье...

— Поспокойнее, — посоветовал бритый и, повернувшись ко мне спиной, направился к палатке.

— Кто вы такие? — спросил я. Это вышло не сердито, как мне хотелось, а испуганно.

— Мы его друзья, — сказал человек в шляпе. Он некоторое время смотрел на меня, а потом принялся застегивать заднюю стенку автомобиля.

— А он кто такой?

Человек в шляпе сказал:

— Вам все равно ничем не помочь. — Он кончил застегивать и вытер руки платком. — Я хочу сказать: вы ничем не поможете. И никто не поможет. А вашего приятеля...

— Эй-эй! — предостерегающе крикнул бритый. Он ловко собирал палатку. — Перестаньте болтать, Володя...

— Но я не могу, — сказал человек в шляпе. — Если бы я даже сейчас пошел и вышиб ему мозги...

— Прекратите!

Человек в шляпе замолчал и, опустив голову, забрался в машину.

— Зверь, — сказал он отчетливо. — Дважды зверь. И зверем останется.

Бритый собрал палатку, свернул ее и бросил в машину.

— Вам лучше молчать об этом, — сказал он мне. — Вы ни в чем не виноваты, и вам лучше молчать...

— Предъявите документы, — сказал я хрипло.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Это ни к чему. Мы больше никогда не встретимся.

— Не бойтесь, мы не шпионы, — сказал из машины второй. — Мы просто очень несчастные люди...

Бритый сел за руль и завел мотор. Я не мог его удержать. Да и не был он похож на бандита. Лицо у него было худое и печальное.

Машина рванулась с места, сделала круг около нашей палатки и покатила под гору по наезженной дорожке в траве.

В голове у меня была каша, но я чувствовал облегчение. Мне казалось, что все кончилось. Я подошел к тому месту, где стояла белая палатка, и постоял там немножко. Трава была немножко примята, и из нее торчал тот самый кол, который мы увидели, когда впервые приехали сюда и решили тут остановиться.

Потом я вернулся в свою палатку и только тут сообразил, что все время был один. Костя так и не вышел. Он лежал, забравшись в спальный мешок, и старательно дышал.

— Уехали, — сказал я, садясь на свою койку. — Свернули палатку, забрали покойника и уехали... Можешь не притворяться...

Костя открыл глаза и сказал:

— Холодно что-то. Дай-ка я разведу примус.

Он быстро развел примус, и мы долго сидели молча, курили и смотрели, как скачут голубые язычки огня.

— Темное дело, — сказал наконец Костя. — Ты меня извини, если сердись, а только кому охота ввязываться. Тебе-то все равно, ты начальник, а меня затаскают по судам. Знаю я это дело.

А я все старался понять, что произошло.

Второй отрывок

Сего июля 1-го дня года 1960 от рождества Г<оспода> Н<ашего> И<исуса> Х<риста> начну дневник, памятуя, что мысль изреченна есть ложь, но мысль, забвению преданная, яхонту подобна, в сельский клозет упавшему. Не возьму на себя смелость обещать, что записи эти полны будут и чтения достойны, но в меру сил своих слабых и невоеннообязанного зренья (без очков мир в виде туманной пелены зрю) тщусь и тщиться буду рецепторы свои втуне не оставлять, но осязать, обонять и прочее от Вселенной и мысли, каковые взблеснут, сюда заносить, к наблюдениям относящиеся.

И надеюсь решить здесь, в добровольной ссылке, оплачиваемой из расчета сто плюс сто двадцать процентов, многие насущные вопросы, как-то: что есть человек? что есть смысл его жизни? что есть жизнь его? где же корень? и другие.

Я лежу на кровати в трусах, в носках и в берете. Одеяло на кровати гостиничное, шерстистое, грубоволосое. Оно ест меня за ноги и впивается в подмышку, когда я опираюсь локтем. Сзади в чистовымытое окно сильно греет солнце. Лежа писать неудобно. Кроме того, лежать — колко и жарко, но стол занят. На нем лежат сегодняшние газеты, вчерашние полбатона и позавчерашние корки от позапозавчерашнего арбуза. Кроме того, на свободном пространстве разлит горячий нарзан, а в нем плавают описи экспедиционного оборудования. В этой комнате еще есть одна кровать с гостиничным одеялом и печка, в которую мы выбрасываем иногда всякий мусор — окурки, бумажки, пробки и объедки. На спинках кроватей висят наши экспедиционные полотенца из водоотталкивающей ткани.

Комната наша — угловая в здании Базы, а всего комнат — три или четыре. Здесь сейчас никого нет, потому что наблюдатели все на обсерватории — в горах, завхоз уехал в город, в милицию — заявлять о краже трех стульев из клуба обсерватории, сторожика на своем огороде, а сторож... Я не знаю, где сторож. Это, конечно, непристойно с моей стороны, но я этого не знаю. Недавно он был здесь и объяснял мне, почему он не курит. (В одна тысяча девятьсот первом году он служил в кавалерии и был денщиком у его благородия — человека интеллигентного и с идеями. Его благородие всё убеждали

денщика: не кури, брат, это вредно. А денщик — вот тупое животное — все курил. Однажды благородие нажрались вин в офицерском собрании и, придя домой, обнаружили денщика с самокруткой на губе, спящего. Его благородие решили, что надо менять метод воспитания, и въехали денщику в ухо, от чего тот и оглох. Но курить с тех пор бросил.) Так вот, я не знаю, где сторож. Не знаю я также, где наши экспедиционные шоферы — Юра и Володя. Думаю, что они ходят по городу насчет баб. Машины их стоят за окном, и над ними дрожит горячий воздух.

— Ну, в конце концов, это хамство! — Мой начальник стоит в дверях и смотрит на меня грозно выпуклыми глазами контрразведчика. Он возмущен тем, что я лежу, когда стол не убран, ящики не упакованы, ящики — другие — не распакованы, пропало куда-то двадцать метров вафельного полотнища (на портянки и полотенца), в чайнике еще при упаковке пробили гвоздем дыру, и никак не найти двух комплектов штормовых костюмов.

— Витя, — говорю я, — не смотри на меня так.

Он берет меня за ногу и тащит. Я держусь за подоконник. Тогда он бьет меня молотком по правой ягодице.

— Это хамство, — говорит он. — Куда ты дел штормовки?

Я не знаю.

— Иди ищи, — говорит он.

Пожалуйста, пойду искать. Не я первый, не я последний. Я снимаю носки и выхожу на веранду, где свалено оборудование. На веранде страшно жарко — она буквально затоплена солнцем. Хочется оттолкнуться от горячего пола и выплыть куда-нибудь на поверхность. Пол покрыт стружкой, вываленной из ящиков. Ящики молча шерятся ржавыми зубами кривых гвоздей, полураспавшимися досками и мириадами заноз. Я осторожно роюсь в одном из них. По-моему, я паковал сюда штормовки. Я обертывал в них кастрюли и примусы. Это было две недели назад в Ленинграде. За две недели можно забыть все что угодно. Кастрюли обернуты в вафельное полотно, а примусы, оказывается, совсем не обернуты.

— Витя, — зову я. — Вот вафель. Ты его искал. Эх ты.

Он появляется, держа в обеих руках мокрую опись имущества. Нечего рассматривать меня с недоброй пристальностью. Нарзан разлил Мишка, а опись в нарзан положил ты сам.

— Давай проверь, — говорит он. — Кастрюль больших три.

Раз, два, три. Верно. Одна помята.

— Отложи одну, — говорит он. — Возьмем с собой. Клади вон в тот ящик. Это будет наш ящик.

Я кладу.

— Чайников два, — говорит он.

Точно, два. Один дырявый.

— Бери целый, — говорит он. — Мишке чайник ни к чему: на Бермамыте метеостанция. Кастрюль малых три. Бери две — пригодятся. Примусов бесшумных три. Бери два. Нет, бери один. У Юры есть примус. Сковород три. Котелков шесть. Бидонов — десять литров — три. Бери все. Бидонов — пять литров — два. (Я работаю, как вол, а он пристроился на ящике, положив под зад двадцать метров вафельного полотна.) Канистры — четыре. Берем все. Телескоп — один... Странно, как это сюда попал телескоп. Кто составлял опись?

— Ты.

— Да? Ну ладно. А почему один? Должно быть два.

Я проверяю наличие — два. Лежат рядышком, старательно упакованные. Телескопы ТЭМ-140, менисковые, системы Максутова. Кормильцы наши, отцы родные. Один нам — на Харбаз, другой Мишке — на Бермамыт.

— Анемометров — три, — бубнит начальство. — Барографов — три. Термометров — максимальных два, обыкновенных — один...

Приходит Мишка — он, видите ли, обедал. Нашел время. Витя передает мне опись и велит заканчивать упаковку, а сам принимается инструктировать Мишку и помогать ему укладываться. Мишка уезжает сегодня вечером на Бермамыт. Ему дается машина — грузовик, с шофером Володей. Мы отбываем завтра на «козле» с шофером Юрой. Мишка будет сидеть на Бермамыте — плоской двухкилометровой горе, рядом с метеостанцией, стоящей там с незапамятных времен. Мы будем сидеть на Харбазе — двухкилометровой горе, поросшей альпийской растительностью (густая коротенькая травка пополам с жиденькими синими цветочками). Мишкино место обжитое, наше — нет. Поэтому нам идет что получше, а ему что похуже. Он не возражает и на всё готов.

Мишка — двадцатилетний сопляк. Он вбил себе в голову, что не переживет свое тридцатилетие, и действует исходя из этого. Парень он добрый и ласковый, но когда я гляжу на него, то все время радуюсь, что не я начальник экспедиции, а Витя. И Вите за него отвечать. Мишка по происхождению местный, и мы его за это уважаем. Кроме того — он лихой, а это важно. Места здесь гнилые, без лихости нельзя.

Витя с Мишкой принимаются заколачивать ящики. От гвоздя отлетает шляпка и попадает в шею. Из Вити вытекает струя крови, почему-то бурой, даже какой-то синеватой, как чернила. Заливаем его йодом. Йода у нас бутылка. То есть была бутылка — теперь полбутылки: остальное испарилось сквозь парафин. Йод весьма летуч. Вот первая ценная информация в этих записях: йод летуч. И весьма, притом. Запишите это в свои книжечки.

Местные жители, по слухам, не любят русских. Как-то не вышло у них с интернациональной солидарностью. Когда сюда пришли немцы, старейшины отправились к ним и предложили вырезать Кисловодск. Немцы почему-то отказались. Потом — когда немцев вышибли вон — весь край был отправлен в Сибирь. Большинство там прижилось и осталось, но многие вернулись. Месяц назад сбросили в пропасть телегу с двумя русскими. Недавно пьяный абориген принялся на огородах около обсерватории лапать девушку — еле уговорили отпустить. Кто-то разрушает плотинки, чтобы вода размывала дорогу. Ходят из уст в уста легенды о некоем Гришке, который (еще в царские времена) ужасно мстил аборигенам за вырезанных родственников, но его в конце концов загнали в ловушку и пристрелили. Это место так и называется — Гришкина балка. Я ее видел — балка как балка.

А вчера — здравствуйте! — объявляется Маринка. У нее отпуск, и она хочет путешествовать по горам. Одна. Девица среди аборигенов — одна. Опупеть можно. Мы ее отговаривали, отговаривали, а потом обозлились, посадили на машину и отправили на Гору — пусть делает что хочет. Слава богу — совершеннолетняя, скоро тридцать стукнет. Вздорное существо.

Однако надо паковать.

Мы упаковались полностью к семи вечера. На нашу долю пришлось четыре ящика: ящик с телескопом, ящик с головкой телескопа, с треногой и прочим, ящик с барахлом вроде кастрюль и чайников и ящик с едой. Пока он, правда, без еды, но завтра с утра мы поедем на базар и всё там купим. Все это мы погрузили в машину, на ящики навалили тюки со спальными мешками и с палатками, а всё сверху прикрыли толстой кошмой. Я попробовал, как это будет — сидеть на этой горе. Ничего, только голова упирается в брезентовую крышу и скользко — все время съезжаешь на пол.

— Ничего, — сказал фельдмаршал. — Перебьешься.

— Ты только не воображай, что все время будешь ехать на переднем сиденье, — сказал я. — Я веду дневник и должен накапливать впечатления. А сзади ничего не видно, кроме твоего затылка.

Он промолчал и пошел на вечерний сеанс связи с Горой. Телефона тут нет, связь по радио. Три сеанса в день. И на каждый сеанс он ходит, чтобы быть в курсе всех местных дел. Есть у него такая привычка — быть в курсе. Он даже зачитывается местными газетами, состоящими, по-моему, из одних опечаток.

А я отправился смотреть, как Мишка с Володей грузятся на свою машину. Володя — здоровенный краснолицый мужчина, шофер первого класса. Говорит он мало и косноязычно и в основном — по-матерному. Но сейчас он под мухой и все время погогатывает. Он рассказывает, как прицепился к одной тут, местной, а она, сука, говорит, что только за деньги, ну он и послал ее на... К Мишке он относится без всякого уважения, хотя Мишка ему начальник. Впрочем, он ни к кому не относится с уважением. По-моему, ему очень трудно говорить нашему фельдмаршалу «вы» и звать его по имени-отчеству. И еще труднее удерживаться при этом от некоторых слов, к которым он привык. Поэтому он, скажем, говорит: «Ну так, Виктор Борисович, где я достану здесь рессору?..» — и после этого еще немножко шевелит губами — беззвучно, но понятно.

Погрузили мы Мишку, пришел Витя, отозвал Мишку в сторону и долго с ним беседовал — Мишка кивал и приговаривал: «Ну ясно, ну понятно». Володя возился в кузове, приматывая к бортам ящики, потом вылез и сказал угрюмо:

— Поедем или нет? Ночью, что ли, ехать? — и беззвучно пошевелил губами.

Мишка оторвался от Вити и полез в кабину, крича: «Ну, все ясно!» У него был очень деловой и сосредоточенный вид, словно он немедленно хочет приступить к исполнению каких-нибудь обязанностей. В таком состоянии он обычно начинает говорить отрывисто и мужественно. Это просто замечательно, что не я начальник, а Витя.

Витя отозвал в сторону Володю и принялся ему что-то втолковывать. Володя бурчал неразборчивое. Потом Витя потряс ему руку, и он забрался за руль и включил двигатель. Двигатель зарычал. Я помахал рукой. Грузовик тяжело тронулся и, встряхиваясь на гравии, пополз вокруг дома — на выход к воротам. Сзади было видно, как фургон перекашивает при каждом толчке то вправо, то влево. Было уже темно, и Володя включил свет. Мы с Витей стояли рядом и смотрели, как пляшет рубиновый огонек и в свете фар клубится желтая пыль. Грузовик выполз на улицу и около самых ворот остановился. Хлопнула дверца.

— Вот резинчики, — сказал Витя.

Снова хлопнула дверца, и грузовик покатил вниз по улице, а потом свернул налево.

Я посмотрел на небо. Там были низкие черные тучи с просветами. В просветах мигали крупные южные звезды. На нос упала капля.

— Я тебя поздравляю, — сказал я. — Дождик.

— Ничего. Пройдут. На Бермамыт дорога проходима в любое время. — Он помолчал и добавил: — Мишка, мерзавец, пьяный.

— Володя тоже.

— Вот сволочи, — сказал фельдмаршал.

2 июля. Сегодня в шесть утра мы встали, умылись, оделись, и я пошел будить шофера Юру, который вернулся вчера очень поздно. Он зашел к нам посмотреть, как мы читаем газеты, лежа на кроватях, и грызем семечки. От него пахло вином, но Витя только носом повел и ничего не счел нужным отмечать. Юра был очень веселый. Блестел глазами, блестел зубами и демонстрировал свой ослепительно синий свитер заграничного производства. Он было наладился рассказывать, как провел день, но фельдмаршал отослал его спать, сказав, что будет будить без пощады в шесть.

Впрочем, будить он не стал — послал меня, а сам отправился что-то организовывать — что-то насчет кроватей, комнаты, ящиков, веранды — бог знает, о чем он только не заботится, наш фельдмаршал.

Юру я разбудил, и он сразу же принялся тянуть резину. Сколько я шоферов знаю — все они резинчики. Вот Юра вылез из-под простыни, потянулся, высморкался, почесался, полез под кровать, принялся возиться зачем-то в своем чемодане, вынимал какие-то рубашки, укладывал какие-то рубашки, обтирал рукавом штилеты, расправлял свитер, рассматривал свитер, потом побежал в ванную умылся, потом начал рассказывать, какая вчера у него была девочка — стройненькая да молоденькая, потом оделся, потом куда-то

сбегал, потом фельдмаршал ему намекнул, что уже полседьмого, и он засуетился: начал убирать кровать, устанавливать чемодан, искать сигареты — и скоро выяснилось, что бензина нет и надо запрапляться. Витя только глазами покрутил.

Мы разместились в машине. Машина ГАЗ-69 — это маленький грузовичок. Впереди два сиденья, а сзади все забито грузом. На этом грузе я сидел и все время съезжал на пол. Фельдмаршал сидел впереди, держась за борт, и смотрел прямо, а Юра, крутя баранку, тархтел про то и про се. Мы спустились в город и подъехали к ближайшему кафе «Лето».

— Поесть бы надо, — сказал Юра. — Еще неизвестно, что впереди будет. А главное — надо поесть.

Фельдмаршал не отрицал. Мы вылезли из машины и ввалились в кафе, где за маленькими столиками сидели изящные люди, одетые в легкие платья и разноцветные рубашечки, и кушали кефир. Мы ввалились, громяхая сапожищами — Юра в провонявшей потом старинной гимнастерке, из ворота которой глядела застиранная тельняшка, в серой с пятнами кепочке, и Витя в пиджачке цвета погасшего костра с раздутыми от документов карманами, и я — в лыжной рубахе (под рубахой — свитер и тельняшка), в лыжных штанах и выцветшем берете, с которым еще в пятьдесят восьмом ездил в экспедицию в Среднюю Азию. Кроме того, на каждом из нас были тяжелые сапоги, смазанные смесью автола и горелой резины.

Тут же выяснилось, что Юрина девочка тут в кафе разливает чай и кофе, очень симпатичная молоденькая особа, слегка рыжая. Юра занял место перед окном выдачи кофе и там застыл. Мы с Витей сели за столик, съели чахохбили из кур и выпили по две бутылки кефира с булочками. Я полез под рубаху и вытащил пачку сигарет. Курить было нельзя, и мы вышли на свежий воздух. Утро было отличное, синее, свежее. На улицах было полно хорошо одетых людей, загорелых и беззаботных — город был курортный, с водами и грязями. Наш «козлик» стоял у обочины и имел очень специальный, почти секретный вид. На таких машинах разъезжают усталые, пропыленные люди с колючими подбородками. На передке под ветровым стеклом белеет какая-нибудь надпись: «специальная», или «геологоразведка», или «связь»...

— Ночью был дождь, — сказал я Вите.

— Да-а... Надо все-таки пробиться.

— Надо бы, — сказал я без энтузиазма. Мне вдруг захотелось остаться в городе еще на денек. Побродить по парку, сходить в кино, посидеть в ресторане и вообще.

Мы забрались в машину и курили, поглядывая, не идет ли Юра. Он наконец появился с промасленным пакетом в руке, веселый и бодрый. Он уселся за руль, поерзал, завел машину, и мы поехали. Мы вернулись к Базе, миновали ее и выкатились на грязную дорогу, ведущую к горе.

Сразу стало ясно, что машина перегружена. На колдобинах она плавно приседала, и что-то стучало внизу под днищем. Мотор завывал. Юра крутил баранку, объезжая какие-то мрачного вида ямы, наполненные водой и грязью. Справа и слева тянулись поля кукурузы, а вдали виднелись какие-то синие холмы. Впрочем, я видел все это, только если съезжал на дно кузова. Если я сидел нормально, то видел только грязную дорогу. Вообще, было весело, и мы все время бодро материли Юру, когда он вваливался в очередную яму.

— Ну и дорога, — говорил он. — Триста лет здесь живут обалдуи, дорогу нормальную не могут сделать. Ни фига нам не проехать, Виктор Борисович.

* * *

Когда мы свернули с дороги на главную улицу Каменномоста, машину сразу стало трясти на крупном булыжнике, а я высунулся в боковое окно и старался рассмотреть грузовик Володи около чайной.

— Да там он! — сказал Юра. — Я Володьку знаю — если ему сказано — к трем, значит он и будет к трем.

Справа и слева вдоль улицы тянулись невысокие и негустые деревца, какие-то чахлые и пыльные на вид. Улица была серенькая, и небо было серенькое, и вдоль улицы брели люди — тоже серенькие и не очень чистые.

— Вон он, — сказал Юра, и тут я тоже увидел Володин фургон около чайной.

Мы подъехали, Юра лихо затормозил и сразу же принялся гудеть. В грузовике никого не было, только из крытого кузова затыкал Мишкин Джамах.

— В чайной сидят, — сказал Юра и заглушил мотор. — Полезли, что ли, начальник.

Я представил себе Володю и Мишку в чайной и сказал:

— Вот что, Юра. Ты иди и позови их сюда. Скажи, что надо ехать.

— Да пойдем вместе. Поесть надо.

— Нет, сразу поедем. Нечего здесь есть. Поедим в лагере, — я начал злиться в предчувствии неприятностей. Я уже жалел, что назначил randevu около чайной.

Юра с раздражающей неторопливостью поставил машину на ручной тормоз, вытащил ключ из замка зажигания, открыл дверцу и принялся копать под сиденьем. Я хмуро молчал и смотрел на улицу. Перед чайной никого не было, зато напротив через дорогу стояли и сидели люди, одетые пестро и грязно. Несколько женщин-балкарок торговали маленькими зелеными яблоками. Яблоки лежали перед ними горкой на мешковине, а мешковина была разостлана прямо на земле. Люди молчали и смотрели на нашу машину. Все они ждали попутку до Харбаза.

— Вот они, тепленькие, — сообщил Юра и хохотнул.

Дверь чайной распахнулась, и появился багровый Володя. Он с трудом пролез в дверь, держа перед собой под мышки Мишку. Мишка, едва перебирая ногами, волокся по земле. Воротник у него был растянут, глаза полузакрыты, с отвалившейся челюсти тянулась липкая слюна. Готов, паршивец, подумал я с ненавистью. Сопляк вонючий, начальничек. Из рук Мишки вывалился большой охотничий по сии поры не зарегистрированный кинжал и с лязгом покотился по ступенькам.

— Растудыт-твою! — прохрипел Володя, взвалил Мишку на плечо и понес его к машине.

Я вылез и, стиснув зубы, пошел ему навстречу.

— А, Борька! — сказал Володя. Вид его на мгновение стал виноватым. — Вот Михаил трам-тара-рам...

Я, не глядя на него, прошел к крыльцу и подобрал кинжал. Володя впихивал бесчувственного Мишку в кабину. Люди с противоположной стороны улицы тихо смотрели на эту сцену. Со стороны это, наверное, выглядело забавно, но они не смеялись. Может быть, привыкли. Я встал перед Володей и сказал нарочито негромко:

— Хватит, поехали.

— Ну что ты, Борис, — горячо заговорил Володя. — Там выпивка осталась, закуска. Пошли, не пропадать же деньгам.

— Хватит, поехали, — сказал я.

Рядом с Володей появился откуда-то паренек в возрасте Мишки с серьезным лицом. Он стоял и слушал. Чем-то он показался мне симпатичным, но я тут же забыл о нем.

— Боря, в самом деле, пойдем немножко поедем, — быстро заговорил Юра. — Ну Мишка перехватил, ну пусть лежит.

— Ладно, — сказал я. — Идите доедайте. Но смотри, Юрка, я на тебя рассчитываю...

— Ну, спрашиваешь! Ясное дело, ты же меня знаешь...

— Эх, Борька! — завопил Володя. — Хороший ты человек. Ну пошли выпьем, не обижай!

— Иди, иди, — сказал я сдерживаясь. Я лопался от злости, но ничего не мог поделать. Не умел. Они были сильнее меня, и им было наплевать на все.

Я снова уселся в машину. Мне было стыдно этих простых грязноватых людей на улице. Наши машины были с московскими номерами, я был в очках и, несмотря на небритую морду, ватник и сапоги, несомненно, выглядел интеллигентом. Цивилизация.

Сволочи. Серьезный парень возился с Мишкой в кабине рядом. Я искоса поглядел на него. Он укладывал Мишку поудобнее. Я понял, чем он мне понравился — он был трезвый.

— Я Мишкин приятель, — сказал он. — Я поеду с вами, помогу вам разобрать лагерь, и вообще хочется посмотреть, как и что.

— Ладно, — сказал я угрюмо. Я посмотрел на часы, была половина третьего.

Третий отрывок

Всю последнюю неделю шел дождь. Он начинался утром и моросил весь день. Все было мокрое и холодное. Под сапогами хлюпала мокрая земля. Мы сидели в палатках над примусами.

По-моему, многие считают, что в экспедиции самое страшное — это разнообразные опасности. Например, в горах — пропасти, грозы, дикие звери.

Юра, весело напевая, тронул машину, и я оглянулся на лагерь. Бедный Тишуй все стоял у палатки — нелепый и длинный, непонятно на кого похожий в грязных штанах и в ватном жилете. На голове у него была ушанка с оттопыренным ухом, а сапоги были сырые от мокрой травы. Он увидел, что я смотрю на него, и жалостно заулыбался и помахал рукой. Я тоже помахал ему и отвернулся. Машина с ревом катилась под гору по черной колее, которую мы наездили здесь среди травы за месяц. Колея была очень черная и грязная. Вокруг тихо стояли розовые и черно-синие горы, солнце было еще низко, и все вокруг было сырое после ночного дождя и всех дождей, которые так надоели за последние дни.

— Сыро все-таки, — сказал я.

— Ничего, — бодро сказал Юра.

Он сказал, правда, не «ничего», а гораздо крепче, но я его отлично понял. У него был очень богатый лексикон, но этот лексикон не годился для любого уха. Я-то к этому привык быстро, но я знаю людей, которые никогда не смогли бы привыкнуть.

— Нам такие дороги раз плюнуть, — заявил Юра.

Четвертый отрывок

...Когда они подъехали к какому-то обрыву, туман стал очень густым, и теперь ничего не было видно за десять шагов от машины. Все вылезли и, разминая ноги, пошли вдоль обрыва. Сапоги сразу стали мокрыми от коротенькой горной травки, на которую уже пятый день падал дождь и садился туман. Туман пропускал их и смыкался за спиной, белый и глухой, и видно было все время одно и то же — мокрая травка, обломки камня, коровьи лепешки — давно засохшие и теперь снова отсыревшие от дождя, — темные пятна — следы костров и снова камни и лепешки. Слева был обрыв — там клубился и ворочался туман, и слышно было далекое слабое ворчание воды по камню, и ветер посвистывал в опущенных ушах шапок.

— Это, что ль, Кетмень, — спросил Юра, зябко передергиваясь.

— А черт его знает, — сказал Игорь. Он остановился, неторопливо раскурил сигарету и пошел дальше, засунув руки в карманы ватника. — Вон туман — где ж тут разобратся.

Я обернулся и посмотрел назад. Машина скрылась в тумане, и я подумал, что нужно будет ее потом искать. И еще — что уже пять часов и скоро начнет темнеть. И еще — что ветер сырой и продувает ватник насквозь, надо было надеть еще одну тельняшку. Впереди заорал из тумана Виктор: «Ого-го!» — «Ого-го!» — крикнул я.

— Ребята, тут спуск!

— Ну, значит, он, — сказал Игорь спокойно.

Мне очень хотелось увидеть этот знаменитый спуск, и я побежал вперед, не вынимая рук из ватника. Сапоги были велики. Явно велики — нога в них моталась, как плохой орех в скорлупе. Потом я увидел спуск. Он шел по самому краю обрыва — белый, каменистый, весь в ступеньках, но сначала мне показалось, что машина пройти может. Тумана здесь было меньше. Спуск заканчивался неширокой площадкой, засыпанной битым камнем, а дальше смутно виднелся какой-то уходящий высоко в туман склон, и вдоль него еще один белый каменистый спуск — он казался отсюда очень гладким и хорошим.

Подошли Игорь с Юркой и сразу стали спускаться вниз, размахивая руками для равновесия.

— Ни хрена тут не пройдешь, — говорил Юрка возбужденно. — Как понесет юзом. Что ты! Это ж гробовое дело!

— Точно — Кетмень, — сказал Игорь. — Вот по этой дороге никто не ходит — видал, какие ступени. А должна быть еще одна.

Я тоже стал спускаться и увидел ступени — их было три подряд, каждая по полметра высотой. Слева был обрыв, справа — каменная осыпь. Внизу на площадке стоял Виктор и крутил головой озираясь. Он сразу спросил: «Пройдем?», и Юрка принялся объяснять ему, что ни хрена. Здесь, небось, и на волах-то не пройдешь, а у них проходимость получше.

— Это точно, — сказал Игорь, затягиваясь. — Знаешь, они как спускаются? Снимут у телеги задние колеса и — юзом. И еще палки в передние вставят.

— Ну да, чтоб тормозило, — сказал Юра.

На площадке было тесно для машины. По крайней мере, так мне казалось. По осыпи ехать было невозможно — это ясно. Оставалось искать еще один спуск.

— Ага! — сказал Игорь. — Вот в этом месте и можно спуститься.

Второй спуск выглядел, по-моему, еще хуже первого — он был прорублен в горе, шел петлей и был на удивление неровным.

— Спустишься, — успокаивающе говорил Игорь Юре. — Спокойненько, на первой, без газу...

Спокойный был человек Игорь. Приятно было глядеть на его худощавое темное лицо с серыми глазами. Юра шмыгал носом, с нервным сомнением приговаривал: «Ну да! Как понесет...»

— Ну куда тут тебя понесет? Слева камень, справа камень. Так и пойдешь по коридорчику.

— А обратно заберемся? — спросил Виктор.

Тексты подготовлены: С. Бондаренко

Варианты рукописей и изданий

«Полдень, XXII век». Ранние варианты новелл

Здесь представлены полные тексты рассказов, которые после отдельной публикации вошли в состав повести «Полдень, XXII век» («Возвращение»), причем лишь те из них, чей первоначальный вариант существенно отличается от вошедшего в повесть. Также публикуется журнальный вариант повести, заметно отличающийся от книжных редакций «Полдня...» не только количеством новелл, но и их содержанием.

Сначала следуют тексты, вошедшие в измененном виде в первую книжную редакцию повести, затем — использованные при подготовке второй, окончательной редакции.

Первый книжный вариант «Полдня...», опубликованный под заглавием «Возвращение (Полдень, 22-й век)» в 1962 году, полностью представлен в этом же томе.

Подробно разные варианты как повести в целом, так и отдельных ее новелл рассматриваются в томе Собрания, включающем «Полдень, XXII век» в окончательной авторской версии, поэтому далее приводятся лишь минимально необходимые сведения.

Все произведения печатаются по первопубликациям.

Десять новелл из повести «Возвращение» с авторским предисловием опубликованы в 6-м номере журнала «Урал» за 1961 год под общим заглавием «Полдень, XXII век». Все они с изменениями (порой значительными) вошли в следующем году в первую книжную редакцию повести (Детгиз, 1962).

Полдень, XXII век (Главы из научно-фантастической повести «Возвращение»)

Перестарок

Когда помощник вернулся, старший диспетчер по-прежнему стоял перед экраном, нагнув голову, засунув руки в карманы чуть ли не по локоть. В глубине экрана, расчерченного координатной сеткой, медленно ползла яркая белая точка.

— Где он сейчас? — спросил помощник. У него был глубокий бархатный бас.

Старший диспетчер не обернулся.

— Девять мегаметров, — сказал он сквозь зубы. — Прошел над Мадагаскаром.

— А скорость?

— Почти круговая. — Диспетчер обернулся. — Ну что ты мнешься? Что там еще?

— Ты, пожалуйста, не волнуйся, — сказал помощник. — Ничего не сделаешь...

Вломился в Главное Зеркало и пошел дальше. Зеркало, конечно, вдребезги.

Старший диспетчер шумно выдохнул воздух и, не вынимая рук из карманов, присел на подлокотник кресла.

— Сумасшедший, негодяй, — пробормотал он.

Некоторое время они молча смотрели на экран. Белая точка ползла и ползла, пересекая экран наискосок.

— Может быть, у них неисправное управление, — сказал помощник неуверенно.

— Но кто пустит в Пространство неисправный звездолет? И почему он не дает позывные?

— Он подает что-то...

— Это не позывные. Это абракадабра.

— Это все-таки позывные, — тихонько возразил помощник. — Все-таки вполне определенная частота...

— Частота, частота... — буркнул старший диспетчер. — Хотел бы я поглядеть на него поближе.

Помощник нагнулся к экрану, близоруко вглядываясь в цифры координатной сетки. Потом он поглядел на часы и сказал:

— Через пять минут он пройдет мимо Станции Гамма. Тогда мы попробуем.

Старший диспетчер угрюмо нахмурился. «Что можно сделать еще, — думал он. — Все как будто бы сделано. Остановлены все полеты. Запрещены все финиши. Объявлена тревога на всех возлеземных станциях. Турнен готовит аварийные роботы...»

Нашарив на груди микрофон, старший диспетчер спросил:

— Турнен, что с роботами?

Турнен не спеша отозвался:

— Я рассчитываю выпустить роботы через пятнадцать-шестнадцать минут. Когда они отстартуют, я дополнительно сообщу вам.

— Прощу тебя, — настойчиво проговорил диспетчер, — не копайся, пожалуйста, поторопись.

— Я никогда не копаюсь, — ответил Турнен с достоинством. — Но и торопиться напрасно не следует. Я не задержу старт ни на одну секунду.

— Пожалуйста, Турнен, пожалуйста...

— Подходит к Станции Гамма, — предупредил помощник. — Даю максимальное увеличение.

Экран мигнул, координатная сетка исчезла. В черной пустоте возникла странная конструкция, похожая на перекошенную садовую беседку с нелепо массивными колоннами. Старший диспетчер протяжно свистнул и вскочил.

— Ядерная ракета! — воскликнул он с изумлением. — Двадцатый век!..

Этого он ожидал меньше всего.

— Да-да, — нерешительно проговорил помощник. — Действительно... Я такое где-то видел...

Диковинная конструкция с торчащими из-под купола пятью толстыми трубами-колоннами медленно поворачивалась. Под куполом дрожало лиловое сияние — колонны казались черными на его фоне. Старший диспетчер медленно опускался на подлокотник кресла. Конечно, это была ядерная ракета. Точнее, ядерный планетолет. Фотонный привод, двуслойный параболический отражатель из мезовещества, водородные двигатели. Полтора столетия назад было много таких планетолетов. Солидные, неторопливые машины с пятикратным запасом прочности. Они долго и хорошо служили, но последние из них были уже давным-давно демонтированы.

— Действительно... — бормотал помощник. — Изумительно... Сижу, как в кино.

— Ты, главное, не переживай, — усмехнулся старший диспетчер.

Через экран слева направо быстро прошла широкая серая тень.

— Наши оранжереи, — прошептал помощник.

Старший диспетчер зажмурился. «Тысяча тонн, — подумал он. — Тысяча тонн и такая скорость. Где же роботы?!»

Помощник сказал хрипло:

— Прошел. Второй раз прошел мимо.

Старший диспетчер открыл глаза.

— Где роботы? — заорал он.

У стены на пульте селектора вспыхнула зеленая лампочка, и спокойный мужественный голос произнес:

— Говорит Д-П. Капитан Келлог вызывает Главную Диспетчерскую. Прощу финиша на базе Пи-Экс Семнадцать...

Старший диспетчер, налившись краской, открыл было рот, но не успел. В Зале Телепроектора загремели сразу несколько голосов:

— Назад!..

— Д-П, финиш воспрещен!..

— Капитан Келлог, назад!..

— Главная Диспетчерская капитану Келлогу. Немедленно выйти на любую орбиту четвертой зоны. Не финишировать. Не приближаться. Ждать.

— Слушаюсь, — растерянно отозвался капитан Келлог. — Выйти в четвертую зону и ждать.

Было слышно, как в селекторе женский голос убеждал кого-то: «Объясните же ему, в чем дело... Объясните же...» Затем зеленая лампочка на пульте селектора погасла, и все смолкло.

Изображение на экране померкло. Снова появилась координатная сетка, и снова в глубине экрана поползла яркая мерцающая искра.

Раздался голос Турнена:

— Аварийный дежурный старшему диспетчеру. Могу сообщить, что роботы уже стартовали.

В ту же секунду в правом нижнем углу экрана появились еще две светлые точки. Старший диспетчер нервно-зябко потер ладони.

— Спасибо, Турнен, — пробормотал он.

Помощник следил за планетолетом, неведомо откуда появившимся.

— Изумительно... Ядерная ракета... Ты что-нибудь понимаешь?

— Ничего я не понимаю, — с тоской ответил старший диспетчер. — Я думаю о наших ребятах, которые сидят на станции Тэта... Как раз высота восемь пятьдесят, и там сейчас бродит этот перестарок... А им не на чем эвакуироваться.

— Его сейчас перехватят, вот увидишь...

Диспетчер покачал головой.

— Тысяча тонн, и такая скорость... Наткнется на станцию и всю разнесет.

Две светлые точки — аварийные роботы — ползли по экрану. Расстояние между ними и ядерным перестарком постепенно уменьшалось.

— Его перехватят, — повторил помощник. — Но это опасно.

— Для кого?

— Для него опасно.

Старший диспетчер промолчал. Он смотрел на ползущую между четкими линиями сетки мерцающую точку и думал, что странный планетолет вот-вот войдет во вторую зону, где густо расположены космические ангары и заправочные станции; что на одной из этих станций работает дочь; что зеркало Главного рефлектора Внеземной обсерватории разбито; что этот корабль движется словно вслепую и сигналов он то ли не слышит, то ли не понимает; что каждую секунду он рискует погибнуть, врезавшись в одну из многочисленных тяжелых конструкций или попав в стартовую зону Д-космолетов. Он думал, что остановить слепое и бессмысленное движение этого корабля будет очень трудно, ведь он так дико и беспорядочно меняет скорость, и роботы могут протаранить его, хотя роботами управляет, наверное, сам Турнен...

— Станция Дельта, — пробормотал помощник. — Даю максимальное увеличение.

Снова на черном экране появилось изображение неуклюжей громады ядерного планетолета. Вспышки плазмы под его куполом стали неровными, неритмичными, и казалось, что это огромное чудовище судорожно перебирает черными толстыми ногами. Рядом возникли смутные очертания аварийных роботов. Роботы приближались осторожно, отскакивая при каждом рывке ядерной ракеты.

Диспетчер и помощник глядели во все глаза. Диспетчер, вытянув шею до отказа, шептал: «Ну, Турнен... Ну... Ну, голубчик... Ну...»

Роботы начали двигаться быстрее и увереннее. Цепкие титановые щупальца с двух сторон протянулись к ядерной ракете и вцепились в растопыренные столбы-колонны. Одно из щупалец промахнулось, попало под купол и разлетелось в пыль под ударом плазмы. (Помощник тихо охнул.) Откуда-то сверху свалился третий робот и вцепился в

купол растопыренными блестящими манипуляторами. Ядерная ракета медленно пошла вниз. Мерцающее сияние под ее куполом вдруг погасло.

— Ф-фу... — пробормотал старший диспетчер и вытер лицо ладонью.

Помощник нервно засмеялся.

— Как кальмары кита! И куда же ее теперь?

Старший диспетчер спросил в микрофон:

— Турнен, куда ты ведешь его?

— На наш ракетодром, — ответил Турнен не спеша. Чувствовалось, что он слегка задыхается. Старший диспетчер вдруг ясно представил себе его круглое, лоснящееся от пота лицо, освещенное экраном.

— Спасибо, Турнен, — сказал он проникновенно и повернулся к помощнику. — Дай отбой тревоги. Выпрями график, и пусть возобновляют работу.

— А ты? — удивился помощник.

— Я лечу туда. У меня есть что сказать этим идиотам.

Старший диспетчер пощелкал клавишами, и на экране открылась холмистая равнина. Ветер гнал по небу белые рваные облака, рябил темные лужицы между кочками, поросшими чахлой растительностью. В маленьком озерце барахтались утки.

Давно здесь не опускались звездолеты, подумал помощник. Ракетодром был почти заброшен с тех пор, как звездоплавание перешло на Д-технику. Д-корабли стартовали только в пространстве.

— Хотел бы я все-таки знать, кто это? — промолвил старший диспетчер сквозь зубы.

— Скоро узнаешь, — с завистью сказал помощник.

Утки неожиданно поднялись и редкой стайкой помчались прочь. Облака закрутились воронкой, смерч воды и пара поднялся из центра равнины. Исчезли холмы, исчезло озерцо, понеслись в облаках бешеного тумана вырванные с корнем чахлые кустики. Что-то огромное и темное мелькнуло на мгновение в клубящейся мгле, что-то вспыхнуло алым заревом, и видно было, как холм на переднем плане задрожал, вспучился и медленно перевернулся, будто слой влажного дерна под лемехом мощного плуга.

— Ай-яй-яй! — проговорил помощник, не сводя глаз с экрана. Но он уже не видел ничего, кроме быстро проплывающих белых и серых облаков пара.

Когда вертолет опустился в сотне метров от края исполинской воронки, пар уже успел рассеяться. В центре воронки лежал на боку ядерный корабль, толстые тумбы реакторных колец беспомощно торчали в воздухе. Рядом лежали, зарывшись наполовину в горячую жидкую грязь, вороненые туши аварийных роботов. Один из них медленно втягивал под панцирь свои механические лапы. Над воронкой дрожал горячий воздух.

— Нехорошо, — пробормотал кто-то, пока они выбирались из вертолета.

Над головами мягко прошуршали винты — еще три вертолета пронеслись в воздухе и сели неподалеку.

— Пошли, — сказал старший диспетчер, и все потянулись за ним, не отрывая взгляда от поверженной громадины. Они спустились в воронку. Ноги по щиколотку уходили в горячую скользкую жижу. Они не сразу увидели человека рядом со звездолетом, а когда увидели, то остановились.

Он лежал ничком, раскинув руки, уткнув лицо в мокрую разрыхленную горячую землю, прижимаясь к ней всем телом и дрожа, как от сильного холода. На нем был странный костюм, измятый и словно изжеванный, непривычного вида и расцветки, и сам человек был рыжий, ярко-рыжий, и он не слышал их шагов. А когда к нему подбежали, он поднял голову, и все увидели его лицо, бело-голубое и грязное, пересеченное через губы багровым шрамом. Кажется, этот человек плакал, потому что его синие запавшие глаза блестели, и в этих глазах были сумасшедшая радость и страдание. Его подняли, подхватив под руки, и тогда он глухо заговорил:

— Доктора. Доктора, скорее... Штурману Кондратьеву очень плохо...

Он переводил взгляд с одного лица на другое и вдруг улыбнулся:

— Здравствуйте, праправнуки...

От улыбки затянувшийся шрам открылся, и на губах повисли густые красные капли, и все подумали, что этот человек улыбался в последний раз очень давно. В воронку, скользя и спотыкаясь, спускались люди в белых халатах.

— Доктора, — повторил рыжий и пошатнулся. Его подхватили стоящие рядом люди.

Хроника

НОВОСИБИРСК, 8 октября 2021 года (Соб. корр.). Здесь сообщают, что Комиссия АН ССКР по изучению результатов экспедиции «Таймыр — Ермак» закончила работу.

Как известно, выполняя международную программу исследования глубокого космического пространства и возможностей межзвездных перелетов, Академия наук ССКР в 2017 году отправила в глубокое пространство экспедицию в составе двух планетолетов первого класса «Таймыр» и «Ермак». Экспедиция стартовала 7 ноября 2017 года с международного ракетодрома Плутон-2 в направлении созвездия Лиры. В состав экипажа планетолета «Таймыр» вошли: капитан и начальник экспедиции А. Э. Жуков, бортинженеры К. И. Фалин и Дж. А. Поллак, штурман С. И. Кондратьев, кибернетист П. Кениг и врач Е. М. Славин. Планетолет «Ермак» выполнял функции беспилотного информационного устройства.

Специальной целью экспедиции являлась попытка достичь светового барьера (абсолютной скорости — 300 тысяч км/сек) и исследования вблизи светового барьера свойств пространства-времени при произвольно меняющихся ускорениях.

16 мая 2020 года беспилотный планетолет «Ермак» был обнаружен и перехвачен на возвратной орбите в районе планеты Плутон и приведен на международный ракетодром Плутон-2. Планетолет «Таймыр» на возвратной орбите не появился.

Изучение материалов, доставленных планетолетом «Ермак», показало, в частности, следующее:

а) на 327-е сутки локального времени экспедиция «Таймыр-Ермак» достигла скорости 0,957 абсолютной относительно Солнца и приступила к выполнению программы исследований;

б) экспедиция получила и приемные устройства «Ермака» зарегистрировали весьма ценные данные относительно поведения пространства-времени в условиях произвольно меняющихся ускорений вблизи светового барьера;

в) на 342-е сутки локального времени «Таймыр» приступил к выполнению очередной эволюции, удалившись от «Ермака» на 900 млн километров. В 13 часов 09 минут 11,2 сек. 344-х суток локального времени следящее устройство «Ермака» зафиксировало в точке нахождения «Таймыра» вспышку большой яркости, после чего поступление информации с «Таймыра» на «Ермак» прекратилось и больше не возобновлялось.

На основании вышеизложенного Комиссия вынуждена сделать вывод о том, что планетолет первого класса «Таймыр» со всем экипажем в составе Алексея Эдуардовича Жукова, Константина Ивановича Фалина, Джорджа Аллана Поллака, Сергея Ивановича Кондратьева, Петера Кенига и Евгения Марковича Славина погиб в результате катастрофы. Причины катастрофы не установлены.

Светлая память бесстрашным героям-исследователям Космоса!

Известия Международного Центра Научной Информации, № 237, 9 октября 2021 года.

Двое с «Таймыра»

После обеда штурман Сергей Иванович Кондратьев немного поспал, а когда он проснулся, пришел Женя Славин. Его рыжая шевелюра озарила стены, как солнце в час заката. От Жени хорошо и сильно пахло каким-то незнакомым одеколоном.

— Здравствуй, Сережа, милый! — закричал он с порога, и сейчас же кто-то строго сказал: «Разговаривайте тише, пожалуйста».

Женя с готовностью кивнул, на цыпочках приблизился к постели и сел так, чтобы Кондратьев мог его видеть, не поворачивая головы. Женя был радостным и возбужденным. Кондратьев уже и не помнил, когда в последний раз видел его таким. А длинный красноватый шрам на лице Славина он вообще видел впервые.

— Здравствуй, Женя, — прошептал Кондратьев, зажмурился и всхлипнул. — Фу, черт, — пробормотал он сердито. — Ты прости, пожалуйста. Я, брат, совсем ослаб... Как ты там?

— Да хорошо, все хорошо, — растроганно произнес Женя. — Все просто великолепно! Главное, тебя вот выходили. Я, признаться, уже и не надеялся...

Штурман ожесточенно шмыгнул носом.

— Черт знает что! Лежу тут один... Ты чего раньше-то не приходил?

— Ты представляешь, не пускали! Я к самому Протосу ходил, орал на него, знаешь, по-нашему, по-старому... Никакого впечатления. Уговаривал, убеждал, пытался доказать, что я все-таки сам врач... хотя какой я, в общем, теперь врач...

— Ну, ладно, верю, верю, — ласково сказал Кондратьев.

— А сегодня он сам позвонил мне. Ты здорово идешь на поправку, Сережа. Через полторы недели я буду учить тебя водить птерокар¹! Я уже заказал для тебя птерокар!

У Кондратьева в четырех местах был переломлен позвоночник, разорвана диафрагма и разошлись швы на черепе. В бреду он все время представлял себя тряпичной куклой, раздавленной тяжелым грузовиком. Впрочем, на врача Протоса можно было положиться. Это был толстый румяный человек лет пятидесяти (или ста, кто их теперь разберет), очень молчаливый и очень добрый. Он приходил каждое утро и каждый вечер, присаживался рядом и сопел до того уютно, что Кондратьеву сразу становилось легче. И, конечно, это был превосходный врач, если до сих пор не дал умереть изувеченному грузовиком человеку.

— Птерокар — это не для меня, — проворчал Кондратьев.

— О-о! — вскричал Женя. — Через полторы недели ты будешь его водить! Протос — волшебник, я говорю это тебе как бывший врач!

— Да, — сказал Кондратьев. — Протос очень хороший человек...

— Блестящий врач! Когда я увидел, как он работает, я понял, что надо менять профессию. Меняю профессию, Сережа! Пойду в писатели!

— Так, — усмехнулся Кондратьев. — Значит, писатели лучше не стали?

— Еще не знаю, — ответил Женя. — Во всяком случае, они, наверное, все модернисты, и я буду единственным классиком.

Кондратьев поглядел на Женю из-под полуопущенных ресниц. Да, Женька не теряет времени даром. Одет по последней моде, несомненно: короткие штаны и мягкая свободная куртка с короткими рукавами и открытым воротом. Ни единого шва, все мягкой светлой окраски. Причесан слегка небрежно, гладко выбрит и наодеколонен. Даже слова старается выговаривать так, как выговаривают праправнуки, — твердо и звонко и старается не жестикулировать. «Птерокар — надо же! А ведь всего несколько недель прошло, как мы вернулись...»

— Я опять забыл, Евгений, какой нынче год?

¹ Птерокар — летающий автомобиль с машущими крыльями (*фантаст.*).

— Две тысячи сто девятнадцатый, — сказал Женя торжественно. — Все называют его просто сто девятнадцатым.

— А рыжие, рыжие — они как? Сохранились в двадцать втором веке или совершенно вымерли?

Женя все так же торжественно ответил:

— Вчера я имел честь беседовать с секретарем Экономического Совета Северо-Западной Азии. Умнейший человек и совершенно инфракрасный.

Они засмеялись, рассматривая друг друга. Потом Кондратьев спросил:

— Слушай, Женя, откуда у тебя эта трасса через физиономию?

— Это? — Женя ощупал пальцами шрам. — Неужели еще видно? — огорчился он.

— Еще как, красным по белому.

— Это меня тогда же, когда и тебя. Но мне обещали, что это скоро пройдет. Исчезнет без следа. И я верю, потому что они все могут.

— Кто это — они?

— Как кто? Люди... Земляне.

— То есть — мы?

Женя заморгал.

— Конечно, — сказал он неуверенно. — В некотором смысле... мы.

Он перестал улыбаться и внимательно поглядел на Кондратьева.

— Сережа, — позвал он тихо. — Тебе очень больно, Сережа?

Кондратьев слабо усмехнулся и показал глазами: нет, не очень. «Но скоро будет очень, — подумал он. — Все равно, Женя хорошо сказал: «Сережа. Тебе очень больно, Сережа?» Хорошие слова. Он сказал их совершенно так же, как в тот несчастный день, когда «Таймыр» зарылся в зыбкую пыль безымянной планеты, и Кондратьев глупо, ничемно рискнул во время вылазки и повредил ногу. Было очень больно, хотя, конечно, не так, как сейчас. Женя, бросив кинокамеры, полз по осыпающемуся склону бархана, волоча за собой Кондратьева, и неистово ругался. А потом, когда им удалось, наконец, вскарабкаться на гребень бархана, он ощупал ногу Кондратьева сквозь ткань скафандра и вдруг тихонько спросил: «Сережа. Тебе очень больно, Сережа?» Над голубой пустыней выползал в сиреневое небо жаркий белый диск, раздражающе тарактели помехи в наушниках, и они долго сидели, дожидаясь возвращения робота-разведчика. Робот-разведчик так и не вернулся, должно быть, затонул в пыли, и тогда они поползли обратно к «Таймыру»...»

— О чем ты хочешь писать? — спросил Кондратьев. — О нашем рейсе?

Женя с увлечением принялся говорить о частях и главах будущей повести, но Кондратьев уже не слышал его. Он смотрел в потолок и думал: больно, больно, больно... И как всегда, когда боль становилась невыносимой, в потолке раскрылся овальный люк, бесшумно выдвинулась серая шершавая труба с зелеными мигающими окошечками. Труба плавно опустилась, почти касаясь груди Кондратьева, и замерла. Затем раздался тихий вибрирующий гул.

— Эт-то что? — осведомился Женя и встал.

Кондратьев молчал, закрыв глаза, с наслаждением ощущая, как отступает, затихает, исчезает сумасшедшая боль.

— Может быть, мне лучше уйти? — спросил Женя, озираясь.

Боль исчезла. Труба бесшумно ушла наверх, люк в потолке закрылся.

— Нет-нет, — сказал Кондратьев, — это просто процедура. Сядь, Женя.

Он пытался вспомнить, о чем говорил Славин. Да. Повесть-очерк «За световым барьером». О рейсе «Таймыра». О попытке проскочить световой барьер.

— Слушай, Евгений, — вымолвил наконец Кондратьев. — Они понимают, что случилось с нами?

— Да, конечно, — ответил Женя.

— Ну?

— Гм, — сказал Женя. — Они это, конечно, понимают. Но нам от этого не легче. Я, например, не могу понять, что они понимают.

— А все-таки?

— Я рассказал им все. Когда я дошел до этих чертовых эфирных мостов, они заявили: «Все понятно. Это была сигма-деритринитация».

— Как? — спросил Кондратьев.

— Де-ри-три-ни-та-ци-я. Сигма притом.

— Прелестно, — пробормотал Кондратьев. — Глокая куздра. Может быть, они еще что-нибудь заявили?

— Они мне прямо сказали: «Ваш «Таймыр» подошел вплотную к световому барьеру с легенным ускорением и сигма-деритринитировал пространственно-временной континуум». Они сказали, что нам не следовало прибегать к легенным ускорениям.

— Так, — вздохнул Кондратьев. — Это я все понял. Теперь я вижу, что нам, пожалуй, действительно не стоило прибегать к этим... как их... ускорениям. Дери... тери... Как это называется?

— Деритринитация. Я запомнил с третьего раза. Одним словом, насколько я понял, всякое тело у светового барьера при определенных условиях чрезвычайно сильно искажает форму мировых линий и как бы прокалывает риманово пространство. Ну... это приблизительно то, что предсказывал в наше время Быков-младший. — («Угу!» — проворчал Кондратьев.) — Это прокалывание они называют деритринитацией. У них все корабли дальнего действия работают на этом принципе. Д-космолеты! При деритринитации особенно опасны эти самые легенные ускорения. Откуда они берутся и в чем их суть — я совершенно не понял. Какие-то локальные вибрационные поля, гиперпереходы плазмы и так далее. Факт тот, что при легенных помехах неизбежны чрезвычайно сильные искажения масштабов времени. Вот это и случилось с нашим «Таймыром».

— Прелестно, — печально произнес Кондратьев и закрыл глаза.

Они помолчали. «Плохо дело, — думал Кондратьев. — Д-космолеты. Деритринитация. Этого мне никогда не одолеть. И сломанная спина...»

Женя погладил его по щеке.

— Ничего, Сережа. Я думаю, со временем мы во всем разберемся. Конечно, ничего не поделаешь, придется очень много учиться...

— Переучиваться, — прошептал Кондратьев, не открывая глаз. — Не обольщайся, Женя. Переучиваться! Все с самого начала.

— Ну что же, я не прочь, — ответил Женя бодро. — Главное — захотеть.

— Хотеть — значит мочь? — ядовито осведомился Кондратьев.

— Вот именно.

— Это присловье придумали люди, которые могли, даже когда не хотели. Железные люди.

— Ну-ну, — возразил Женя. — Ты тоже не бумажный. Вот слушай. На прошлой декаде я познакомился с одной... м-м... молодой женщиной...

— Понятно, — сказал Кондратьев.

— Она учительница. Преподает литературу. Между прочим, мулатка. Веселая, красивая, славная...

— Ну разумеется.

Женя поджал губы и принялся рассматривать собственные пальцы.

— Словом, выходи из больницы, и тогда поговорим. Ты киснешь, штурман. Поправляйся скорее.

— Постараюсь, — проговорил Кондратьев. — Евгений, — попросил он, — будь добр, подойди к окну.

Женя встал и, неслышно ступая, подошел к огромному — во всю стену — голубому окну. В окно штурман не видел ничего, кроме далекого, прозрачного неба. Ночью окно

было похоже на темно-синюю пропасть, утыканную колючими звездочками, и раз или два штурман видел, как там загорается красноватое зарево — загорается и быстро гаснет.

— Подошел, — сказал Женя.

— Что там?

— Там балкон.

— А дальше?

— А под балконом площадь. — Женя оглянулся на Кондратьева.

Кондратьев насупился. Ему было неловко и обидно, что до сих пор он не знает ничего. Ничего. Он не знает даже, какой пол в его комнате, почему все ступают по этому полу совершенно бесшумно. Вчера вечером штурман попытался приподняться и осмотреть комнату, но сразу свалился в обморок. Больше он не делал попыток.

— Вот это здание, в котором ты лежишь, — негромко говорил Женя, — это санаторий для тяжелобольных. Здание шестнадцатизэтажное, и твоя комната...

— Палата, — проворчал Кондратьев.

— ...и твоя комната находится на девятом этаже. Балкон. Кругом горы — Урал — и сосновый лес. Отсюда я вижу, во-первых, второй такой же санаторий. Это километрах в двадцати. Во-вторых, вижу стартовую площадку для птерокаров. Ах, право, чудесные машины. Там их сейчас четыре. Так. Что еще? В-третьих, на площади цветник с фонтаном. Возле фонтана стоит какой-то ребенок и, судя по всему, размышляет, как бы удрать в лес...

— Тоже тяжелобольной? — спросил штурман с интересом.

— Возможно. Хотя мало похоже. Так... Удрать ему не удалось, потому что его уже поймала одна голоногая тетя. Я уже знаком с этой тетей, она работает здесь. Очень милая особа. Ей лет двадцать. Вчера она спрашивала меня, не был ли я случайно знаком с Норбертом Винером и с Антоном Макаренко... Сейчас она тащит этого тяжелобольного ребенка и, по-моему, воспитывает его на ходу... А вот снижается еще один птерокар. Хотя нет, это не птерокар... А ты, Сережа, попросил бы у врача стереовизор.

— Я просил, — ответил штурман мрачно. — Он не разрешает.

— Почему?

— Откуда я знаю? Возможно, здесь теперь не принято развлекать людей со сломанной спиной.

Женя подумал и глубокомысленно согласился:

— Очень может быть. Возможно, врачи стараются свести к минимуму все воздействия на нервную систему больного. Лечение изоляцией.

Он вернулся к постели.

— Сережа, — сказал он. — А помнишь Кенига?

— Ну?

— Помнишь, как ты рассказывал ему про свою сломанную ногу, а он громко кричал с великолепным акцентом: «Ах, какой я впечатлительный! Ах!»

Кондратьев улыбнулся.

— А наутро я пришел к тебе, — продолжал Женя, — и спросил, как дела, а ты злобно ответил, что провел «разнообразную ночь».

— Помню, — ответил Кондратьев. — И вот здесь я провел много разнообразных ночей. И сколько их еще впереди.

— Ах, какой я впечатлительный! — закричал Женя.

Кондратьев опять закрыл глаза и некоторое время лежал молча.

— Слушай, Евгений, — позвал он, не открывая глаз. — А что тебе сказали по поводу твоего искусства водить звездолет?

Женя весело засмеялся.

— Была великая, очень вежливая ругань. Оказалось, я разбил какой-то телескоп на внеземной обсерватории. Честное слово, не заметил — когда. Начальник обсерватории чуть не удавил меня. Но воспитание не позволило.

Кондратьев открыл глаза.

— А потом?

— Потом, когда они узнали, что я не пилот, все обошлось. Меня даже хвалили. Начальник обсерватории сгоряча даже предложил мне принять участие в восстановлении телескопа.

— А ты? — спросил Кондратьев.

Женя вздохнул.

— Ничего не получилось. Врачи запретили.

— А если бы не запретили?

Женя пожал плечами.

— Конечно же, какой может быть разговор.

Приоткрылась дверь, в комнату заглянула смуглая девушка в белом халатике, туго перетянутом в талии. Девушка строго поглядела на больного, затем на гостя и сказала:

— Пора, писатель Славин.

— Сейчас ухожу, — сказал Женя.

Девушка кивнула и затворила дверь. Кондратьев сказал:

— Как она тебя назвала? Писатель Славин?

— Они все зовут друг друга по профессии. — Женя засмеялся. — Обращение «товарищ» употребляется только к незнакомому человеку. И при знакомстве представляются: «Механик Иванов», «агроном Сидоров».

— Здорово, — сказал Кондратьев. — А как будут звать меня?

— Тебя? Тебя будут звать — звездолетчик Кондратьев. Или — штурман Кондратьев.

— Звездолетчик Кондратьев. — Штурман криво усмехнулся. — Ладно, Евгений, ступай. Сейчас звездолетчика Кондратьева будут кормить кашкой. С ложечки.

Женя поднялся.

— До свидания, Сережа, — сказал он, осторожно похлопав руку Кондратьева, лежавшую поверх простыни. — Выздоровливай. На днях увидимся еще раз, если разрешат.

— До свидания, писатель Славин, — проговорил Кондратьев. — Приходи обязательно. Приходи вместе со своей мулаткой. Как ее зовут? Преподаватель литературы Петрова?

— Учительница Калиняк, — сказал Женя серьезно. — Шейла Калиняк. До свидания.

Он вышел. Вышел в незнакомую и словно чужую жизнь, под бескрайнее небо, в зелень бескрайних садов. В мир, где, наверное, стрелами уходят за горизонт стеклянные автострады, где стройные здания бросают на площади ажурные тени. Где мчатся машины без людей и с людьми, одетыми в диковинные одежды, — спокойными, умными, доброжелательными, всегда очень занятыми и очень этим довольными. Вышел и пойдет дальше бродить по планете, похожей и не похожей на Землю, которую мы покинули так давно и так недавно. Он будет бродить со своей мулаткой Шейлой Калиняк и скоро напишет свою книгу, и книга эта будет, конечно, очень хорошей, потому что Женя всегда писал только очень хорошие книги...

Кондратьев открыл глаза. Рядом с постелью сидел толстый румяный врач Протос и молча смотрел на него. Врач Протос улыбнулся, покивал и сказал вполголоса:

— Ничего, все будет хорошо, Сергей.

Самодвижущиеся дороги

— Может, ты все же проведешь вечер с нами? — сказал Женя Славин с виноватым видом.

— Правда, оставайтесь с нами, Сережа! — попросила Шейла. — Поедем к нам, потанцуем. Я приглашу девушек...

— Нет уж, — пробормотал Кондратьев. — Я пойду.

— Куда вы пойдете с таким печальным видом? — настаивала Шейла. — Может, вам не хочется танцевать? Тогда просто побеседуем. Наш сосед очень славный человек...

— Инженер-ассенизатор, — вставил Женя.

— Нет, спасибо.

Шейла, конечно, приглашает искренне, но Женька... Хотя черт их разберет, влюбленных... И вообще — сидеть, завидовать и еще беседовать с каким-то ассенизатором... Нет уж.

— До свидания, — сказал Кондратьев решительно, отступая от птерокара. Шейла улыбнулась ему ласково и печально. Прекрасный человек Шейла, она все понимает. Не станет смотреть вслед и шептать: «Ах, как ему тяжело сейчас, бедняжке».

Женя небрежно, кончиками пальцев коснулся клавиш на приборной доске. Он даже не глядел на приборную доску. Левая рука его лежала за спиной Шейлы. Он был великолепен и, подмигнув Кондратьеву, рванул птерокар с места так, что дверца захлопнулась сама. Птерокар взмыл в небо и поплыл над крышами. Кондратьев поплелся к эскалатору.

Ладно, подумал он, окунемся в жизнь. Женька говорит, что в этом городе нельзя заблудиться. Посмотрим.

Эскалатор бесшумно понес его в недра здания. Кондратьев посмотрел вверх. Над головой была полупрозрачная крыша, на ней лежали тени птерокаров и вертолетов, принадлежавших, видимо, обитателям этого дома. Кажется, каждая крыша в городе была посадочной площадкой. Кондратьев посмотрел вниз. Там был обширный светлый вестибюль. Пол вестибюля был гладкий и блестящий, как лед.

Мимо Кондратьева, дробно стуча каблучками по ступенькам, сбежали две молоденькие девушки. Одна из них, маленькая, в белой блузе и ярко-синей юбке, пробегая, заглянула ему в лицо. У нее был нос в веснушках и челка до бровей. Что-то в Кондратьеве поразило ее. На мгновение она остановилась и, чтобы не упасть, ухватилась за поручень. Затем она догнала подругу, и они побежали дальше, а внизу, уже в вестибюле, оглянулись обе. «Ну вот, — уныло подумал Кондратьев, — начинается. По улицам слона водили».

Он спустился в вестибюль (девушек уже не было), попробовал ногой пол — не скользит ли. Оказалось — не скользит. В вестибюле были огромные окна, и в окна было видно, что на улице очень много зелени. Город тонул в зелени — это Кондратьев видел, пролетая на птерокаре. Сверху казалось, что зелень заполняла все промежутки между крышами. Кондратьев обошел вестибюль, постоял перед торшерной вешалкой, на которой висел одинокий сиреневый плащ, осторожно оглянувшись, пощупал материю и направился к двери. На ступеньках крыльца он остановился. Улицы не было.

Прямо от крыльца через густую высокую траву вела утоптанная тропинка. Шагах в десяти она исчезала в зарослях кустарника. За кустарником начинался лес — высокие прямые сосны вперемежку с приземистыми, видимо очень старыми, дубами. Вправо и влево уходили чистые голубые стены домов.

— Хорошо! — произнес Кондратьев и потянул носом воздух.

Воздух был очень хороший. Кондратьев заложил руки за спину и решительно двинулся по тропинке. Тропинка вывела его на довольно широкую песчаную дорожку. Кондратьев, поколебавшись, свернул направо. На дорожке было много людей. Он даже напрягся, ожидая, что праправнуки при виде его немедленно прервут разговоры, отвлекутся от своих насущных забот, остановятся и примутся пялить на него глаза, может быть, даже расспрашивать. Но ничего подобного не случилось. Какой-то пожилой праправнук, обгоняя, неловко толкнул его и сказал: «Простите, пожалуйста...» Кондратьев на всякий случай улыбнулся. «Что-нибудь случилось?» — услышал он слабый женский голос, исходивший, казалось, из недр пожилого праправнука. «Нет-нет, — сказал праправнук, доброжелательно кивая Кондратьеву. — Я здесь нечаянно толкнул одного молодого человека». — «А, — сказал женский голос, — тогда слушай дальше. Ванда

стала спорить, что хориола лучше пианино, и мы...» Пожилой праправнук удалялся, и женский голос постепенно затих. «Замечательно, — подумал Кондратьев. — Это, конечно, радифон, но только где он у него?»

Праправнуки обгоняли Кондратьева и шли навстречу. Многие улыбались ему, иногда даже кивали. Однако никто не лез с расспросами. Правда, некоторое время вокруг Кондратьева описывал сложные траектории какой-то черноглазый юнец — руки в карманы, — но в тот самый момент, когда Кондратьев сжалился наконец и решил ему кивнуть, юнец, видимо отчаявшись, отстал. Кондратьев почувствовал себя свободнее и стал присматриваться и прислушиваться.

Праправнуки казались самыми обыкновенными людьми. Пожилые и молодые, высокие и маленькие, красивые и некрасивые. Не было глубоких стариков. Не было дряхлых и болезненных. И не было видно детей. Впрочем, Кондратьев вспомнил, что все дети сейчас должны находиться в школах-интернатах. И вели себя праправнуки на этой зеленой улице очень спокойно, но нельзя сказать, чтобы все они казались радостными и счастливыми: Кондратьев видел и озабоченные, и усталые, изредка даже просто мрачные лица. Один молодой парень сидел у обочины дорожки среди одуванчиков, срывал их один за другим и свирепо дул на них. Видно было, что мысли его гуляют где-то далеко-далеко и эти мысли совсем невеселые.

Одевались праправнуки просто. Мужчины постарше были в длинных брюках и мягких куртках с открытым воротом, женщины — тоже в брюках или длинных платьях строгой изящной раскройки. Молодые люди и девушки почти все были в коротких штанах и белых или цветных блузах. Встречались, впрочем, и модницы, щеголявшие в пурпурных или золотых плащах. На модниц оглядывались.

В городе было тихо. Во всяком случае, не было слышно никаких механических звуков. Кондратьев слышал только человеческие голоса да иногда откуда-то музыку. Еще шумели кроны деревьев, и изредка проносилось мягкое «фр-р-р» пролетающего птерокара. Видимо, воздушный транспорт двигался, как правило, на большой высоте. Задевая одеждой за ветки кустарника, Кондратьев с любопытством бродил по тропинкам и песчаным дорожкам и не чувствовал себя здесь совершенно чужим. Почти такими же были сто лет назад пригородные парки. Если бы еще уверенность в том, что он нужен этому городу, этим людям.

Кондратьев обогнал мужчину и женщину, идущих под руку. Мужчина рассказывал:

— ...в этом месте вступает скрипка — та-ла-ла-ла-а! — а потом тонкая и нежная ниточка хориолы — ти-ии-та-та-та...ти-и-и!

Это получалось у него проникновенно. Женщина смотрела на своего спутника с любовью и восторгом.

У обочины стояли двое немолодых и молчали. Один совершенно неожиданно сказал с вызовом:

— В экзостазе имеются отверстия сосудов. Бедро функционирует совершенно нормально.

— Все равно! — отозвался другой, и они снова замолчали.

Навстречу Кондратьеву медленно шли трое — высокая бледная девушка, огромный пожилой индус и задумчивый, рассеянно улыбающийся парень. Девушка говорила, резко взмахивая сжатым кулачком:

— Вопрос решать надо альтернативно. Или ты — художник-писатель, или ты художник-сенсуалист. Третьего быть не может. По крайней мере, сейчас. Я не могу считать достойными те приемы, к которым прибегает Вальедалид. Он играет пространственными отношениями. Никчемно! Хотя бы потому, что это техника, а не искусство. Он просто равнодушный и самодовольный дурак.

— Маша, Маша! — укоризненно прогудел индус.

— Не останавливайте ее, учитель Кедар, пусть ее, — сказал парень.

Кондратьев поспешно свернул на боковую тропинку, миновал живую изгородь, пеструю от больших желтых и синих цветов, и остановился как вкопанный. Перед ним была самодвижущаяся дорога.

Кондратьев уже слышал от Жени об удивительных самодвижущихся дорогах. Их начали строить давно, и теперь они тянулись через многие города, образуя непрерывную разветвленную материковую систему от Пиренеев до Тянь-Шаня и на юг через равнину Китая до Ханоя, а в Америке — от порта Юкон до Огненной Земли. Женя рассказывал об этих дорогах неправдоподобные вещи. Он говорил, будто дороги эти не потребляют энергии и не боятся времени; будучи разрушенными, восстанавливаются сами; легко взбираются на горы и перебрасываются мостами через пропасти. По словам Жени, эти дороги будут существовать и двигаться вечно до тех пор, пока светит солнце и цел земной шар. И еще Славин говорил, что самодвижущиеся дороги — это, собственно, не дороги, а поток чего-то среднего между живым и неживым.

Дорога текла в нескольких шагах от Кондратьева шестью ровными серыми потоками. Это были так называемые полосы Большой Дороги. Полосы отделялись друг от друга и от травы улиц низкими белыми барьерами. На полосах сидели, стояли, шли люди. Кондратьев приблизился и нерешительно поставил ногу на барьер. И тогда, наклонившись и прислушавшись, он услышал голос Большой Дороги: скрип, шуршание, шелест. Дорога, действительно, ползла.

Рядом остановились двое в комбинезонах. Они прощались.

— Значит, мы ждем тебя на заводе. А то Валя очень устал и просится отдохнуть месяц-другой. Он, правда, измотался совершенно.

— Я только приведу в порядок дела в лаборатории...

— Ничего, поработаешь пока на два фронта. Сам же говоришь — руки чешутся, а наш заказ — для Венеры.

— О! Ладно, приду завтра.

— Славно! Ждем.

Они махнули друг другу рукой. Затем один вскочил на дорогу, а другой повернулся и пошел прочь через кустарник. Тогда Кондратьев решился и тоже шагнул на дорогу.

Он чуть не потерял равновесие — кто-то поддержал его под локоть, — выпрямился, постоял немного и перешел на следующую полосу.

Дорога текла с холма, и Кондратьев видел сейчас ее до самого синего горизонта. Она блестела на солнце, как гудронное шоссе.

Кондратьев стал глядеть на проплывающие над вершинами сосен крыши домов. На одной из крыш блестело исполинское сооружение из нескольких громадных квадратных зеркал, нанизанных на тонкие ажурные конструкции. На всех крышах стояли птерокары — красные, зеленые, золотистые, серые. Сотни птерокаров и вертолетов висели над городом. Вдоль дороги, ненадолго закрыв солнце, проплыл с глухим свистящим рокотом треугольный воздушный корабль и скрылся за лесом. Никто не поднял головы. Далеко в туманной дымке обозначились очертания какого-то сооружения — не то мачты, не то телевизионной башни. Дорога текла плавно, без толчков, зеленые кусты и коричневые стволы сосен весело бежали назад, в просветах между ветвями появлялись и исчезали большие стеклянные здания, светлые коттеджи, открытые веранды под блестящими пестрыми навесами.

Кондратьев вдруг сообразил, что дорога уносит его на окраину Свердловска. «Ну и пусть, — подумал он. — Ну и хорошо». Наверное, эта дорога может унести куда угодно. В Сибирь, в Китай, во Вьетнам. Он сел и обхватил руками колени. Сидеть было не очень мягко, но и не жестко. Впереди Кондратьева трое юношей сидели по-турецки, склонившись над какими-то разноцветными квадратиками. Наверное, они решали геометрическую задачу. А может быть, играли. «Зачем нужны эти дороги? — подумал Кондратьев. — Вряд ли кому-нибудь придет в голову ездить таким вот образом во Вьетнам или в Китай. Слишком мала скорость... и слишком жестко. Ведь есть

стратопланы, громадные треугольные корабли, птерокары, наконец... Какой же прок в дороге? И сколько она, наверное, стоила!» Он стал вспоминать, как строили дороги век назад — и не самодвижущиеся, а самые обыкновенные, и притом не очень хорошие. Огромные полуавтоматические дорогоукладчики, гудронная вонь, зной и потные измученные люди в кабинах, запорошенных пылью. А в Большую Дорогу вбита чертова уйма труда и мысли, гораздо больше, конечно, чем в Трансгобийскую магистраль. И все для того, видимо, чтобы можно было сойти где хочешь, сесть где хочешь и ползти, ни о чем не заботясь, срывая по пути ромашки. Странно, непонятно, нерационально. А еще двадцать второй век!

Стеклянные этажи над вершинами сосен внезапно кончились. Сосны стали ниже и гуще. На минуту рядом с дорогой открылась широкая поляна, на которой кучка людей в комбинезонах возилась с каким-то сложным механизмом. Дорога проскользнула под узкой полукруглой аркой-мостиком, прошла мимо указателя со стрелой, на котором было написано: «Матросово — 15 км. Поворот к Желтой Фабрике — 6 км» и еще что-то — Кондратьев не успел прочитать. Он огляделся и увидел, что людей на лентах дороги стало меньше. На лентах, бегущих в обратную сторону, было вообще пусто. «Матросово — это, наверное, поселок. А Желтая Фабрика?» Сквозь стволы сосен мелькнула длинная веранда, уставленная столиками. За столиками сидели люди, ели и пили. Кондратьев почувствовал голод, но, поколебавшись, решил пока воздержаться. На обратном пути, подумал он. Было очень радостно ощущать здоровый сильный голод и быть в состоянии в любой момент сойти и поесть.

Сосны поредели, и откуда-то вынырнула широченная автострада, блестящая под лучами вечернего солнца. По автостраде летели ряды чудовищных машин на двух, трех, даже восьми шасси, тупорылых, с громадными кузовами-вагонами, закрытыми ярко раскрашенной пластмассой. Машины шли навстречу, в город. Видимо, где-то поблизости автострада ныряла под землю и скрывалась в многоэтажных тоннелях под городом. Приглядевшись, Кондратьев заметил, что на машинах не было кабин, не было места для человека. Машины шли сплошным потоком, сдержанно гудя, на расстоянии каких-то двух-трех метров друг за другом. В просветы между ними Кондратьев увидел несколько таких же машин, идущих в обратном направлении. Затем дорогу снова плотно обступили заросли, и автострада скрылась из глаз.

— Вчера один грузовик соскочил с шоссе, — сказал кто-то за спиной Кондратьева.

— Это потому, что снят силовой контроль. Роят новые этажи.

— Это-то так. Все равно, не люблю я этих носорогов.

— Ничего, скоро закончим многослойный конвейер, тогда шоссе можно будет закрыть.

— Давно пора...

Впереди показалась еще одна веранда со столиками.

— Леша! Лешка! — крикнули из-за соседнего столика и помахали рукой.

Парень и молодая женщина впереди Кондратьева тоже замахали руками, перешли на медленную ленту и соскочили на траву напротив веранды. И еще несколько человек соскочили тут же. Кондратьев хотел было тоже сойти, но тут заметил столб с указателем: «Поворот на Желтую Фабрику — 1 км» и остался.

Он соскочил у поворота. Между стволами была видна неширокая утоптанная дорожка, ведущая вверх по склону большого холма. На вершине холма на фоне закатного неба четко вырисовывались очертания небольших строений. Кондратьев не торопясь двинулся по дорожке, с наслаждением ощущая под ногами податливую землю. «А ведь в дождь здесь должна быть грязь», — почему-то подумал он. Он нагнулся и сорвал в траве большой белый цветок. По лепесткам цветка бегали маленькие муравьи. Кондратьев бросил цветок и пошел быстрее. Через несколько минут он выбрался на вершину холма и остановился на краю исполинской котловины, тянувшейся, как ему показалось, до самого горизонта.

Контраст между спокойной мягкой зеленью под синим вечерним небом и тем, что открылось в котловине, был настолько разителен, что Кондратьев попятился, зажмурил глаза и помотал головой. На дне котловины кипел ад. Настоящий ад, со зловещими сине-белыми вспышками, крутящимся оранжевым дымом, клокочущей вязкой жидкостью, раскаленной докрасна. Что-то медленно вспучивалось и раздувалось там, как гнойный нарыв, затем лопалось, разбрызгивая и расплескивая клочья оранжевого пламени, заволакивалось разноцветными дымами, исходило паром, огнем и ливнем искр и снова медленно вспучивалось и лопалось. В вихрях взбесившейся материи носились лохматые молнии, возникали и исчезали через секунду чудовищные неясные формы, крутились смерчи, плясали голубые и розовые призраки. Долго ошеломленный Кондратьев вглядывался, как завороченный, в это необыкновенное зрелище. Затем он понемногу пришел в себя, стал замечать и нечто другое.

Ад был бесшумен и строго геометрически ограничен. Ни одним звуком не выдавала себя грандиозная «Желтая Фабрика», ни языки пламени, ни дым не проникали за какие-то пределы, и, приглядевшись, Кондратьев обнаружил, что все обширное, уходящее далеко к горизонту пространство ада накрыто еле заметным прозрачным колпаком, края которого уходили в бетон (если это был бетон), покрывающий дно котловины. Потом Кондратьев увидел, что колпак этот был двойным и даже, кажется, тройным, потому что время от времени в воздухе над котловиной мелькали плоские отблески, вероятно, отражения вспышек от внутренней поверхности верхнего колпака. Котловина была глубокая, ее крутые ровные стены, облицованные гладким серым материалом, уходили на глубину по крайней мере сотни метров. «Крыша» необъятного колпака возвышалась над дном котловины не более чем метров на пятьдесят. Кондратьев сел на траву, сложил руки на коленях и стал смотреть в колпак.

Солнце зашло, по серым склонам котловины запрыгали разноцветные отсветы. Очень скоро Кондратьев заметил, что в бушующей адской кухне хаос царит не безраздельно. В дыму и огне то и дело возникали какие-то правильные четкие тени, то неподвижные, то стремительнодвигающиеся. Разглядеть их как следует было очень трудно, но один раз дым вдруг рассеялся на несколько мгновений, и Кондратьев увидел довольно отчетливо сложную машину, похожую на паука-сенокосца. Машина подпрыгивала на месте, словно пыталась выдернуть ноги из вязкой огненной массы или месила своими длинными блестящими сочленениями эту кипящую массу. Затем что-то вспыхнуло под нею, и она опять заволокла облаками оранжевого дыма.

Над головой Кондратьева с фырканием прошел небольшой вертолет. Кондратьев проводил его взглядом. Вертолет полетел над колпаком, затем вдруг вильнул в сторону и камнем рухнул вниз. Кондратьев ахнул и вскочил на ноги. Вертолет уже стоял на «крыше» колпака. Казалось, он просто неподвижно повис над языками пламени. Из вертолета вышел крошечный черный человечек, нагнулся, упираясь руками в колени, и стал смотреть в ад.

— Скажи, что я вернусь завтра утром, — крикнул кто-то за спиной Кондратьева. Штурман обернулся. Невдалеке, утопая в пышных кустах сирени, стояли два аккуратных одноэтажных домика с большими освещенными окнами. Окна до половины были скрыты в кустарнике, и качающиеся под ветерком ветки выделялись на фоне ярких голубых прямоугольников тонкими ажурными силуэтами. Послышались чьи-то шаги, и тот же голос крикнул: — И попроси маму, чтобы она сообщила Борису.

— Хорошо, — откликнулся женский голос.

Окна в одном из домиков погасли. Из другого домика доносились звуки какой-то грустной мелодии. В траве стрекотали кузнечики, слышалось сонное чириканье птиц. «Люди, — подумал Кондратьев. — Все-таки они люди. Веселые, умелые и немного наивные, какими были и мы, грешные. Хорошие, добрые люди».

Он встал и отправился назад. Несколько минут он плутал в кустарниках, отыскивая дорогу, затем отыскал и зашагал между соснами. Дорога смутно белела под звездами. Еще

через несколько минут Кондратьев увидел впереди голубоватый свет столба с указателем и почти бегом сошел к самодвижущейся дороге. Она была пуста.

Ленты неярко светились под ногами, слева и справа уносились назад темные массы кустов и деревьев. Далеко впереди горело в небе голубоватое зарево — там был город. Кондратьев вдруг ощутил зверский голод.

Он сошел у веранды со столиками, той самой, возле которой стоял указатель «Поворот на Желтую Фабрику — 1 км». На веранде было светло, шумно и вкусно пахло. Народу было так много, что Кондратьев даже удивился. Были заняты не только все столики — их было не меньше пятидесяти, и они стояли полукругом, — но и пространство внутри полукруга, где люди сидели и лежали на каких-то ярко раскрашенных круглых матрасиках. Большая куча таких матрасиков громоздилась в углу веранды. «Здесь, пожалуй, не поужинаешь», — уныло подумал Кондратьев, но все-таки поднялся по ступенькам и остановился на пороге. Праправнуки пили, ели, смеялись, разговаривали и даже пели.

Кондратьева сразу потянул за рукав какой-то голенастый праправнук.

— Садитесь, садитесь, товарищ, — сказал он, поднимаясь из-за столика.

— Спасибо, — пробормотал Кондратьев. — А как же вы?

— Ничего! Я уже поел, и вообще не беспокойтесь.

Кондратьев, совершенно не зная, что сказать и как себя вести, с величайшей неловкостью уселся, положив руки на колени. Его визави, огромный темнолицый мужчина, поедавший что-то очень аппетитное из глубокой тарелки, вскинул на него глаза и невнятно спросил:

— Ну, что там? Тянут?

— Что тянут? — не понял Кондратьев. Все за столиком поглядели на него.

Темнолицый, перекосив лицо, глотнул и сказал:

— Вы ведь из Аньюдина?

— Нет, — сказал Кондратьев. — Я с Желтой Фабрики.

«Не ляпнуть бы чего-нибудь невпопад», — подумал он.

— Где это? — с любопытством спросила молодая женщина, сидевшая справа от Кондратьева.

— До поворота на Желтую Фабрику один километр, — пробормотал экс-штурман. — А там — по холму... и... к домикам...

— А над чем вы там работаете?

Кондратьеву захотелось встать и уйти.

— Видите ли... — начал он, но тут коренастый юноша, сидевший слева, радостно воскликнул:

— Я знаю, кто вы! Вы штурман Кондратьев с «Таймыра»!

— Ох, простите! — извинилась женщина. — Я не узнала вас. Простите.

Темнолицый сейчас же поднял правую руку ладонью вверх и представился:

— Химик-технолог Москвичев.

Его примеру последовали другие:

— Хирург-эмбриомеханик Завадская.

— Метеоролог Басевич.

Маленькая белая девочка, затиснутая между метеорологом и химиком-технологом, весело пискнула:

— Оператор тяжелых систем Черняк.

Экс-штурман Кондратьев привстал и поклонился.

— Я вас тоже не сразу узнал, — объявил темнолицый химик-технолог. — Вы поправились. А мы здесь сидим и ждем. Не хватает планетолетов, остается только сидеть и поедать селянки. Сегодня днем нам предложили двенадцать мест на продовольственном танкере — думали, что мы не согласимся. Мы сдуру начали бросать жребий, а в это время на танкер погрузилась группа из Воркуты. Главное — здоровенные ребята! На двенадцать

мест еле втиснулись десять человек, а остальные пятеро остались здесь. — Он неожиданно захохотал. — Сидят и кушают селянку!.. Кстати, не съесть ли еще порцию? А вы ужинали?

— Нет, — ответил Кондратьев.

Химик-технолог вылез из-за стола.

— Тогда я и вам сейчас принесу. Вам с приправами или без?

— Без, — сказал Кондратьев решительно. Химик-технолог удалился, протискиваясь между столиками.

— Выпейте вина, — предложила хирург Завадская, пододвигая Кондратьеву свой стакан.

— Спасибо, не пью, — механически ответил Кондратьев. Но сразу же вспомнил, что он больше не звездолетчик и звездолетчиком никогда уже не будет. — Простите. С удовольствием.

Вино было ароматное, легкое, вкусное. «Нектар, — подумал Кондратьев. — Боги пьют нектар. И едят селянку с приправами».

— Вы летите с нами? — пропищала оператор тяжелых систем.

— Не знаю, — смутился Кондратьев. — Может быть. А куда вы собираетесь?

Праправнуки переглянулись.

— Мы — добровольцы, — сказал метеоролог. — Мы летим на Венеру. Надо превратить Венеру во вторую Землю.

Кондратьев резко выпрямился и поставил стакан.

— Венеру? — спросил он недоверчиво. Он-то хорошо помнил, что такое Венера. — А вы были когда-нибудь на Венере?

— Мы не были. Был химик Москвичев. — Хирург-эмбриомеханик кивнула в сторону ушедшего соседа. — Да это ведь неважно. Плохо, что не хватает планетолетов. Мы ждем уже три дня.

Кондратьев вспомнил, как он тридцать три дня крутился вокруг Венеры на планетолете первого класса, не решаясь высадиться.

— Да, — сказал он, усмехнувшись. — Это неприятно — ждать так долго...

Затем он с недоверием посмотрел на беленького оператора тяжелых систем.

— Простите, вы тоже летите на Венеру?

— У меня индекс здоровья восемьдесят восемь, — немножко обиженно ответила девушка.

— Простите... Конечно... восемьдесят восемь... — пробормотал Кондратьев. «Радиоактивные пустыни, — подумал он. — Атомные вулканы. Черные бури...»

Вернулся химик и грохнул на стол поднос, уставленный пиалами и тарелками. Среди тарелок торчала пузатая бутылка с длинным горлом.

— Вот, — сказал химик. — Кушайте, штурман Кондратьев. Вот, собственно, селянка, вот, если все-таки захотите, приправы... Десерт... Лед. Пейте, это «Яшма». Оно вам понравится... Беринг опять говорил с Аньудином. Обещают планетолет завтра в шесть.

— Вчера нам тоже обещали планетолет «завтра в шесть», — вздохнул юноша-метеоролог.

— Нет, теперь уже наверняка. Возвращаются звездолетки. Д-космолеты — это не продовольственные танкеры. Шестьсот человек за рейс, Земля — Венера за двадцать часов. Послезавтра в это время мы уже будем там.

— Ура звездолетчикам! — неожиданно заорал юноша и протянул к Кондратьеву стакан.

— Ура! Ура! — охотно откликнулось кафе, кто-то запел превосходным гулким басом: «Тяжелые громады звездолетов уносятся в Ничто...» — остальных слов разобрать было невозможно, все потонуло в невообразимом шуме, смехе, аплодисментах...

Кондратьев торопливо отхлебнул из стакана и снова уткнулся в тарелку. Селянка была превосходна.

Химик-технолог тоже ел селянку, одновременно рассказывая:

— С Д-космолетами мы уже через месяц будем иметь на Венере полмиллиона человек... Все оборудование и снаряжение... Нужны свои заводы. Хватит! Сто лет живем там как собаки — носа не высунешь без спецкостюма. Давно пора!..

— Совершенно незачем было там жить, — сказала вдруг хирург Завадская.

— Как вы можете так говорить? — жалобно запищала оператор тяжелых систем. — Всегда вы так, Елена Владимировна... Вы ее не слушайте, — обратилась она к Кондратьеву. — Елена Владимировна всегда так, а на самом деле вовсе этого не думает...

— Нет, думаю. — Елена Владимировна поглядела на девушку. — И моя точка зрения известна Совету. Прекрасно можно было поставить там автоматические заводы и уйти оттуда.

— Уйти? — Химик усмехнулся. — Еще чего!.. Нет уж, матушка Елена Владимировна, уйти...

Юноша произнес металлическим голосом:

— Куда ступила наша нога, оттуда мы не уйдем.

— Там слишком много наших могил, — крикнула девушка-оператор.

— В том-то и дело, — сказала Елена Владимировна. — А теперь и еще будут.

— На Земле тоже умирают, — возразил юноша. — Даже великие. Даже молодые! И если нужно умереть для того, чтобы после нас жили, любой из нас пойдет без колебаний на смерть. Так всегда было и всегда будет!

«Эк его», — подумал Кондратьев с восхищением.

— Мы не позволим вам умирать, — спокойно ответила Елена Владимировна.

— Ах, да не в этом дело. — Девушка даже покраснела. — Мы не об этом говорили. У вас, Елена Владимировна, так получилось, будто план «Венера» не нужен.

— Да, не нужен, — сказала просто Елена Владимировна.

— То есть как не нужен? — угрожающе спросил химик, отодвигая тарелку. — Нас там двадцать тысяч человек, мы даем Земле семнадцать процентов энергии, восемьдесят пять процентов редких металлов и все живем как собаки. В оранжерею полежать на травке ходим по очереди. Голубого неба месяцами не видим...

— Так зачем же вы там торчите? — вмешался в разговор широкоплечий человек, сидевший за соседним столиком. — Обошлись бы как-нибудь без ваших процентов...

— У тебя не спросили, — ответил химик, не поворачивая головы.

Широкоплечий немедленно схватил свой стул и втиснулся между Кондратьевым и Еленой Владимировной.

— Не спросили?! — возмутился он. — Зря не спросили! — Он повернулся к Кондратьеву. — Я — шахтер. Зегерс. Посудите сами, штурман Кондратьев. Мы десять лет роем шахту к центру Земли. Нас тоже десять тысяч. Теперь всё бросают на Венеру. У нас отбирают производственные мощности и просят помочь. Где же справедливость?

— А вы бы отказались, — посочувствовал штурман. На лицах праправнуков изобразилось замешательство, и Кондратьев понял, что наконец что-то ляпнул. На него смотрели так, словно он посоветовал шахтеру обокрасть детский сад.

— Так ведь на Венере тоже нужны шахты, — сказал шахтер натянутым голосом.

— Простите, — пробормотал Кондратьев. — Я, кажется... В общем, не обращайтесь на меня внимания.

Все заулыбались. Шахтер, сообразив, видимо, что от экс-штурмана толку мало, апеллировал к хирургу-эмбриомеханику Завадской:

— Ведь верно, Елена Владимировна?

— Вашу шахту я предлагала закрыть пять лет назад, — ледяным голосом сказала Елена Владимировна.

Химик злорадно захохотал.

— О врачи, врачи! Выбираем мы вас в Совет на свою голову!

— Мы хотим работать! — горячилась девушка. — Чтобы весело было и трудно! А как же иначе? Что мои тяжелые системы на Земле? Ну, передвинуть домик с места на место, ну, котлованчик для фабрики отрыть... Да разве я это только могу? Дайте мне построить ракетодром. — Она взмахнула сжатым кулачком. — Дайте построить город на болоте! И чтобы буря была! И подземные взрывы! И чтобы потом сказали: «Этот город строила Марина Черняк», понимаете?

— Конечно... без бури и взрывов было бы лучше, — негромко сказал химик.

— Правильно, Маринка! — закричали за соседними столиками. — А то зажали нас здесь, на Земле, и развернуться негде...

За спиной Марины воздвигнулся худющий юноша с большим носом.

— Это все правильно, — произнес он рассудительно. — Я сам подрывник и ужасно хочу больших взрывов. Но есть еще другая сторона. Самая главная, простите меня, Елена Владимировна. Двадцать тысяч человек работают на Венере в ужасных условиях. Это очень хорошие люди. Я бы прямо сказал, лучшие люди. А мы, пятнадцать миллиардов землян, никак не соберемся им помочь! Это просто срам! Ну и что же, что они хотят работать на Венере? Это их право — работать на Венере! И раз они не хотят уходить оттуда, мы должны им помочь. И, простите, Елена Владимировна, поможем.

— Милый! — растроганно пробасил химик-технолог. — Милые вы мои пятнадцать миллиардов! Нет, я просто обязан съесть еще одну порцию!

Елена Владимировна бесконечно умными глазами поглядела на носатого юношу, улыбнулась и сказала:

— Да-да, в том-то все и дело.

«Ах, молодцы, молодцы, — весело подумал Кондратьев. — Черт знает что! Все правы!»

— Елена Владимировна, — понизив голос, спросил он, — а вы-то сами почему летите на Венеру?

— На Венере пока еще очень мало хирургических кабинетов, — тоже вполголоса ответила Елена Владимировна. — А я хирург-эмбриомеханик. Я могу работать без кабинета, в любых условиях, даже по пояс в болоте...

Кондратьев огляделся. Шахтер перебрался поближе к химику и юноше-подрывнику. Спор между ними разгорелся с новой силой. Коренастый метеоролог шептался с оператором тяжелых систем. Елена Владимировна, прищурясь, задумчиво смотрела поверх голов. Кондратьев встал и потихоньку вышел на крыльцо. Ночь была безлунная и ясная. Над черной бесформенной громадой леса низко висела яркая белая Венера. Кондратьев долго смотрел на нее и думал: «Может быть, попытаться туда? Все равно кем — землекопом, каким-нибудь водителем или подрывником».

— Смóтрите? — раздался из темноты голос. — Я вот тоже смотрю. Дождусь, когда она зайдет, и пойду спать. — Голос был спокойный и усталый. — Я, знаете, думаю и думаю. Насадить на Венере сады... Просверлить Луну огромным буравом. Была, знаете, такая юмореска у Чехова — прозорливец был старик. В конечном счете смысл нашего существования — тратить энергию... И, по возможности, знаете, так, чтобы и самому было интересно и другим полезно. А на Земле теперь стало трудно тратить энергию. У нас все есть, и мы слишком могучи. Противоречие, если угодно... Все есть, а силу девать некуда. Конечно, и сейчас есть много людей, которые работают с полной отдачей — исследователи, педагоги, врачи-профилактики, люди искусства... Агротехники, ассенизаторы... И их всегда будет много. Но вот как быть остальным? Инженерам, операторам, лечащим врачам... Конечно, кое-кто уходит в искусство, но ведь большинство ищут в искусстве не убежища, а вдохновения. Судите сами — чудесные молодые ребята... Им мало места! Им нужно взрывать, переделывать, строить... И не дом строить, а по крайней мере мир. Сегодня Венера, завтра Марс, послезавтра еще что-нибудь... Молодцы

Совет! Вот и начинается межпланетная экспансия человечества — разрядка великих аккумуляторов... Вы согласны со мной, товарищ?

— С вами я тоже согласен, — ответил Кондратьев.

На веранде захлопали в ладоши. Женский голос крикнул:

— «Марш добровольцев!» Прощу подпевать!

Мы пройдем горячими черными пустынями —
 Миллионы яростных, сильных, молодых!
 Если надо будет — горы передвинем мы,
 На вулканах атомных взрастим сады!

И кафе подхватило так, что Кондратьев вздрогнул.

Если надо будет — горы передвинем мы,
 На вулканах атомных взрастим сады!

Скатерть-самобранка

Шейла и Женя смотрели стереовизор. Славин сидел на полу, Шейла лежала рядом и грызла яблоки. Показывали фильм «Стажер» — о приключениях планетолетчиков начала двадцать первого века. Отважные планетологи, совершая чудеса храбрости, искали в кольцах Сатурна остатки догалактических форм существования материи. Фильм был трагический и кончался всеобщим неудовлетворением. Поиски и жертвы ни к чему не привели. Когда фильм закончился, Женя заметил:

— Хорошая картина. Самое главное — все это было на самом деле. Эту экспедицию затеял Юрковский, я был тогда совсем сопляком. И Юрковский там погиб. Очень талантливый был человек. Только аннигиляционных лучей тогда еще не было.

Шейла бросила в него огрызок яблока.

— Марк Твен был прав, — трагическим голосом сказал Женя. — Он говорил, что правнуки во все времена будут закидывать мусором своих предков. И будут кричать несчастным старцам: «Проваливай, лысый!»

— «Проваливай, рыжий!» — поправила Шейла. — Уникальный муж. Живое ископаемое.

— Зато как сохранился! — вскричал Славин. — И какой неподдельный интерес к жизни!

Он схватил Шейлу в охапку и принялся целовать. В дверь постучали.

— Ну вот, — проворчал Женя.

— Войдите! — крикнула Шейла.

Дверь приоткрылась, и голос инженера-ассенизатора спросил:

— Я вам помешал?

— Входите, входите, Юра, — пригласила Шейла.

— Эх, мешать так мешать, — инженер-ассенизатор вошел и потребовал: — А ну, пошли в сад.

— Чего мы не видели в саду? — удивился Женя. — Давайте лучше смотреть стереовизор.

— Стереовизор у меня у самого есть. Пойдемте, Женя, расскажете нам с Шейлой что-нибудь про Луи Пастера.

— Сколько вы нынче очистили выгребных ям? — осведомился Женя.

— Каких ям?

— Выгребных, знаете, с этим... со всяким мусором.

— А! — радостно воскликнул инженер-ассенизатор. — Как же, вспомнил. Выгребные ямы. Но на Планете давно уже нет выгребных ям, Женя!

— А я родился через полтора века после Пастера.

— Тогда расскажите про доктора Моргенау.

— Доктор Моргенау, насколько я знаю, родился через год после старта «Таймыра», — мрачно возразил Женя.

— Одним словом, пойдемте в сад. Шейла, берите его.

Они вышли в сад и уселись на скамейке под яблоней. Вечерело, деревья в саду казались черными. Шейла зябко поежилась, и Женя сбегал в дом за курткой. Некоторое время все молчали. Потом с ветки сорвалось большое яблоко и с глухим стуком ударилось о землю.

— Яблоки еще падают, — сказал Женя. — А Ньютонов что-то не видно.

— Ты имеешь в виду ученых-полилогов? — серьезно спросила Шейла.

— Н-да, — протянул Женя, который всего-навсего хотел сострить.

— Хотел бы я посмотреть сейчас на какого-нибудь полилога, — с внезапным раздражением сказал Юра. — Ведь мы часто полжизни мучаемся над решением какой-нибудь весьма частной задачи. А в двадцать первом веке об этой задаче были написаны целые тома всяких общих рассуждений. Возьмите теорию информации. Когда-то она считалась синтезом целой груды дисциплин — и математики, и лингвистики, и логики, и еще чего-то... А сейчас? Очень узкая отрасль знания.

— Я никого не хотел обидеть, — вскричал Женя. — Я просто пошутил!

— Дерево науки разрастается, — патетически продолжал Юра. — И хорошо, если вам за жизнь удастся переварить хотя бы один его листочек! Современные Ньютоны свихнулись бы, если бы им в головы пришли сразу все проблемы, связанные с падением яблока. Почему именно это яблоко? Почему именно в данный момент? Механика соприкосновения яблока с землей. Процесс передачи импульса. Условия обращенного падения. Квантовая картина падения. Наконец, как, черт подери, извлечь пользу из этого падения?..

— Это-то просто, — заметил Женя. Он нагнулся, пошарил на земле и поднял яблоко. — Я его съем.

— Еще неизвестно, будет ли это максимальная польза, — язвительно заметил Юра.

— Тогда съем я, — объявила Шейла и отобрала яблоко у Жени.

— Кстати, о пользе. — Славин решил не сдаваться. — Вы, Юра, очень любите рассуждать о пользе. Между тем вокруг бегают невообразимо сложные кибердворники, киберсадовники, киберпоедатели мух и гусениц, киберсоорудители бутербродов с ветчиной и сыром. Ведь это же дико. Это даже не стрельба из пушек по воробьям, как говорили в наше время. Это создание однокомнатных индивидуальных квартир для муравьев. А сколько энергии они жрут, наверное!

— Женечка! — укоризненно сказала Шейла, а инженер весело засмеялся.

— Это же так просто, — сказал он. — Освобождение мысли, удобство, экономия. Если есть грязная и скучная работа, ее следует передать механизмам, каких бы затрат это ни стоило, и это всегда будет рационально. Да кто же пойдет сборщиком мусора? А если даже и найдется такой любитель, то все равно он будет работать медленнее и хуже киберов. Потом эти киберы вовсе не так трудно производить, как вы думаете. Их было довольно сложно придумать, это правда. Их трудно совершенствовать, это тоже правда. Но коль скоро они попали в серийное выращивание, с ними гораздо меньше возни, чем с... э-э... лаптями... как они у вас там назывались...

— С ботинками, — кротко поправил Женя.

— И самое главное, в наше время никто не делает одноплановых машин. Во-первых, вы совершенно напрасно разделяете кибердворников и киберсадовников. Это одни и те же машины.

— Позвольте! — возмутился Женя. — Я же видел! Кибердворники — они с такими лопатками, пылесосами... А киберсадовники...

— Да просто на них сменные наборы манипуляторов. И дело даже не в этом. Дело в том, что все эти киберы... и вообще все бытовые машины и приборы... это все великолепные озонаторы. Они поедают мусор, сухие ветки и листья, жир с грязной посуды, и все это служит им топливом. Вы поймите, Женя, это не грубые механизмы вашего времени. По сути это квазиорганизмы. И в процессе работы, в процессе своей квазижизни они еще и озонируют воздух, витаминизируют воздух, насыщают воздух легкими ионами. Это маленькие добрые солдаты огромной славной армии чистоты.

— Сдаюсь. — Славин развел руками.

— Нынешняя ассенизация, Женя, это не очистка выгребных ям. Мы не просто уничтожаем мусор, не создаем мерзких свалок на дне океанов и в пустынях. Мы превращаем мусор в свежий воздух и солнечный свет.

— Сдаюсь, сдаюсь, — повторил Женя. — Слава ассенизаторам! Превратите меня в солнечный свет!

— Приятно встретить человека, который ничего не знает, — вздохнул Юра. — Самый лучший отдых — растолковывать кому-нибудь общеизвестные истины. А теперь вы, Женя, расскажите что-нибудь о Краюхине.

— Я не устал.

— А правда, что Краюхин еще в детстве пытался забраться в геодезическую ракету?

— Было такое происшествие, — сказал Женя. — Как сейчас помню. Иду это я мимо ракеты...

— Женька, Женька, — покачала головой Шейла. — Тебя тогда, по-моему, еще на свете не было.

— В том-то все и дело, — вздохнул Женя. — Я это помню потому, что тогда как раз вышла замуж моя бабушка. Она была геодезистом.

— Да, Шейла, а как ваши злоумышленники?

— Какие злоумышленники? Ах, мальчишки, которые собирались на Венеру? Ничего, учатся. Вчера поставила Комову тройку за сочинение.

— Их поймали?

— Конечно. И поймав, учинили им экзамен по газовой динамике. Там же, в Аньюдине. Мальчишки, конечно, с треском провалились, и их с позором отправили назад в школу.

— А если бы не провалились? — поинтересовался Женя.

Шейла презрительно фыркнула.

— А если тебя проэкзаменовать по Д-принципу?

— Да, это был бы цирк.

— Кстати, позавчера я был в цирке, — вставил Юра.

— Цирк еще сохранился? — удивился Женя.

— Очень хорошо сохранился. Выступала Харуко Катаяма с дрессированными спрутами из полинезийского заповедника.

— С ума сойти!

— Это было очень эффектно. В огромном бассейне с флюоресцирующей водой маленькая смуглая девочка среди омерзительных чудовищ. Хлопали ужасно. Но самый сильный номер она приберегла под конец. Взяла крошечного спрутика, такого серенького гаденыша, впрыснула ему что-то и тут же, на глазах у всех, вырастила из него вполне взрослый экземпляр. Мы — хлопать. А она поклонилась очень изящно и объявила, что никакой магии здесь нет, что это последние результаты работы их лаборатории.

— Правда, — подтвердила Шейла. — Я слыхала, что в Полинезии ведутся работы по восстановлению поголовья головоногих на корм кашалотам...

Раздался тонкий писк радиофона.

— Это меня, — шепнул Юра и сказал: — Слушаю.

— Ты где? — осведомился сердитый голос.

— В саду. Сижу отдыхаю.

— Ты придумал что-нибудь?

— Нет.

— Каков тип! Он сидит и отдыхает! У меня ум за разум заходит, а он отдыхает!

Шейла, писатель Славин, гоните его вон!

— Иду, иду, чего ты раскричался, — пробормотал Юра, поднимаясь.

— Иди прямо к экрану. И вот что — теперь мне совершенно ясно, что бензольные процессы здесь не годятся...

— А я что говорил?! — вскричал Юра и, пробираясь между кустами, направился к своему коттеджу.

Шейла и Женя вернулись к себе.

— Будем ужинать? — спросил Женя.

— Не хочется в кафе идти.

— Вот всегда так. После яблок ничего не ешь.

— Не ворчи на меня. Я ужасно замерзла, — жалобно сказала Шейла. — А ты?

В этот момент стереовизор щелкнул, и приятный мужской голос сообщил:

— Товарищи! Коллектив нашей фабрики бытовых приборов начал серийный выпуск кухонных машин нового образца. Универсальная кухонная машина УКМ–2 «Красноярск» проста и неприхотлива в обращении и представляет собой полукибернетический автомат, рассчитанный на шестнадцать сменных программ. УКМ–2 объединяет в себе механизм для переработки сырья и полуфабрикатов, сдабривания их специями и обработки различными температурами — варение, жарение, тушение на пару и под давлением, с механизмом мойки и сушки столовой посуды. УКМ–2 способна одновременно готовить обед из трех блюд, в том числе на первое: супы и борщи разные, бульоны и крошки...

— Это то, что нам нужно, — обрадовался Женя. Глаза его загорелись. — Как ты думаешь, Шейла?

— Пожалуй. Пока нас не подключили к фабрике-кухне, это было бы очень недурно.

А то ты в последнее время одними бутербродами питаешься.

— Ты тоже. Одними яблоками.

Приятный мужской голос продолжал:

— Первые партии УКМ–2 «Красноярск» уже поступили в сеть Доставки на дом. Заказы принимаются, начиная с этой минуты, через общую Линию Доставки по шифру УКМ–2–7173. Повторяю...

Женя торопливо достал записную книжку. Он еще не привык к диктофону.

— Желающие могут дополнительно вызвать инструктора по тому же шифру с добавлением индекса КЖ. Доставка УКМ–2 производится в течение двенадцати часов с момента набора шифра.

Приятный мужской голос замолк.

— Иду заказывать, — сказал Женя. — Хочу гуляш. Со специями. С последующей полукибернетической мойкой посуды. И чтобы жир с моих тарелок превратился в воздух и солнце!

Рано утром писателя Славина разбудило фыркание тяжелого вертолета. Женя вскочил с постели и подбежал к окну. Он успел заметить синий фюзеляж вертолета с надписью большими белыми буквами: «Доставка на дом». Вертолет прошел над садом и скрылся за кронами деревьев, сверкающих росой, полных птичьего гомона. На садовой дорожке у крыльца стоял большой желтый ящик. Возле ящика, неуверенно переступая коленчатыми лапами, топтался изумрудно-зеленый киберсадовник.

— Я вот тебя, ассенизатора! — заорал Женя и полез через окно. — Шейла! Шейлочка! Привезли!

Киберсадовник скрылся в кустах. Женя подбежал к ящику и, не притрагиваясь, обошел со всех сторон.

— Она! — сказал он растроганно. — Молодцы, «Доставка на дом!» «Красноярск», — прочитал он сбоку ящика. — Она!

На крыльцо, кутаясь в халатик, вышла Шейла.

— Утро какое чудесное! — Она сладко зевнула. — Что ты расшумелся? Соседа разбудишь.

Женя посмотрел в сад, где за деревьями белели стены коттеджа инженера-ассенизатора. Там что-то вдруг загремело, и послышалось невнятное восклицание.

— Он уже проснулся, — сообщил Женя. — А ну, возьмемся, Шейлочка!

Ящик оказался совсем легким. Они втащили его в кухню без особого труда и поставили у стены рядом с окном Линии Доставки. Женя потер руки и пропел: «Шекснинска стерлядь золотая...»

— Ужасно кушать хочется, — жалобно сообщила Шейла. — Давай распакуем и попробуем...

— Ну уж нет, — решительно возразил Женя. — А зарядка? А душ?

— Ты нарочно оттягиваешь удовольствие, — заявила Шейла. — Ты — гурман несчастный.

— Для спасенья ваших душ принимайте ионный душ, — продекламировал Славин и потащил Шейлу делать зарядку.

Через пятнадцать минут они, свежие и взъерошенные, нетерпеливо отталкивая друг друга, распаковывали ящик. Женя с чувством цитировал:

— «УКМ способна одновременно готовить обед из трех блюд, в том числе на первое: супы и борщи разные, бульоны и окрошки, на второе: бифштексы, ростбифы и лангеты...»

— Не будем вызывать инструктора, — объявила Шейла.

— Ни в коем случае. Беру эту машину на себя. Тем более что она, как известно, «проста и неприхотлива в обращении».

— Как гребенка.

Они отошли в сторонку и полюбовались своей машиной издали. Она горделиво поблескивала гладкой пластмассой кожуха среди вороха мятой бумаги.

— Инструктор нам совершенно не нужен. У Вари почти точно такая машина. И я уже один раз готовила гуляш. Получился из-з-зумительно вкусный гуляш. Смотри, здесь окно для закладки продуктов, здесь — для подачи посуды, отсюда вынимают готовое блюдо. Ты что там делаешь?

Женя возился у клавиш Линии Доставки.

— Мясо — р-р-раз, — бормотал он, — баранину... Картошка — два... так...

— Только почему-то здесь всего четыре кнопки, — вслух размышляла Шейла. — У Вариной машины двенадцать кнопок.

— Значит, наша лучше, — сказал Славин не оборачиваясь. — Лук — четыр-р-ре... Петрушка...

— Конечно. Проста и неприхотлива в обращении. Четыре кнопки — это первое блюдо, второе, третье...

— Четвертое, — добавил Женя. Он кончил набирать шифры и нежно обнял машину. — Милая, спасительница ты наша!

— Да, наверное, четвертое. Чай, например. А если будешь обниматься с машиной, я оболую тебя кислотой. Дезоксирибонуклеиновой. Так, кажется, поступали ревнивые женщины в твоих романах?

Славин опустил на корточки и снял боковую стенку.

— Кишок-то, кишок! — поразился он. — Не дай бог — испортится. Может, лучше все-таки вызвать инструктора?

— Эх ты! Я поняла, для чего четвертая кнопка. Для нарезки хлеба. У Вариной машины есть такая кнопка.

— Логично, — согласился Женя. — Только мне почему-то кажется, что эти четыре кнопки — это четыре стихии Фалеса Милетского. Вода, огонь, воздух, земля. Или четыре арифметических действия.

Сложные внутренности машины произвели на него впечатление.

— Давай сюда мясо, — сказала Шейла. — И картошку.

Женя полез в окно Линии Доставки.

— Так. И что будет? — спросил он.

— Гуляш.

Женя не стал спорить. Шейла вложила мясо и картофель в окно справа и со шнуром в руке отправилась к штепселю.

— Включай.

— Как? — осведомился Женя.

— Нажми кнопку.

— Какую?

— Вторую, Женечка. Мы же делаем второе — гуляш.

Машина ответила на нажатие кнопки глухим рокотом. На переднем щитке ее зажглась белая лампочка, и Женя, заглянув в окно «для закладки продуктов», увидел, что там уже ничего нет.

— Кажется, она приняла мясо, — произнес он изумленно.

— Ну вот видишь! — Шейла была удовлетворена.

Они стояли рядом, любовались своей машиной и слушали, как она щелкает и жужжит. Потом белая лампочка погасла и зажглась красная. Машина перестала жужжать.

— Все. — Шейла пошла к столу за тарелками. — Вынимай гуляш.

Женя взялся обеими руками за ручки в верхней части машины и потянул их к себе. Из машины выдвинулся белый ящик, и странный запах распространился по комнате.

— Что там? — спросила Шейла.

— Посмотри сама, — сдавленным голосом ответил Славин. Он стоял, держа в руках ящик, и, скривившись, рассматривал его содержимое. — Она превратила мясо в воздух и солнечный свет. Может быть, здесь лежала инструкция?

Шейла посмотрела и воскликнула: «Ой!» В ящике лежала пачка каких-то тонких листов, красных, испещренных белыми пятнами. От листов поднимался смрад.

— Что это? — спросила Шейла и взяла верхний лист двумя руками. Лист сломался у нее в руках, и куски его упали на пол, дребезжа, как консервная банка.

— Прелестный гуляш! — Женя покачал головой. — Гремящий гуляш! Пятая стихия! Интересно, каков он на вкус?

Шейла самоотверженно сунула кусок «гуляша» в рот.

— Мужественная женщина! — пробормотал Женя.

Шейла отвернулась и выплюнула. Женя со вздохом вывалил дымящееся второе в упаковочную бумагу. Запах усилился. Шейла взяла буханку хлеба.

— Какую кнопку ты нажал? — спросила она.

— Вторую сверху, — робко ответил Женя, и ему сейчас же показалось, что он нажал вторую снизу.

— Я уверена, что ты нажал четвертую кнопку. — Шейла решительно сунула буханку в окно справа. — А это хлебная кнопка.

Славин хотел было спросить, не может ли Шейла объяснить странные метаморфозы, происшедшие с мясом и картошкой, но жена оттолкнула его в сторону и, сухо извинившись, нажала четвертую кнопку. Раздался какой-то лязг, и стали слышны частые негромкие удары.

— Видишь, — назидательно произнесла Шейла. — Режет хлеб.

— Почему-то не загорается лампочка, — глубокомысленно заметил Женя.

Машина стучала и фыркала, и это длилось довольно долго. Женя начал соображать — какую бы кнопку нажать, чтобы она остановилась. Но машина издала приятный звон и принялась мигать красной лампочкой, не переставая жужжать и стучать. Женя посмотрел на часы.

— Я всегда думал, что приготовить гуляш легче, чем нарезать хлеб.

— А куда, собственно, спешить?

Это был резонный вопрос. Спешить было совершенно некуда. Через три минуты Славин обошел машину и заглянул внутрь. Он не увидел там ровным счетом ничего такого, что могло бы послужить пищей для размышлений, ничего такого, что могло бы послужить просто пищей. Выпрямившись, он внимательно посмотрел на жену и покачал головой.

Машина продолжала стучать и фыркать.

— Ты не могла бы ее остановить? — спросил наконец Женя.

Шейла промолчала, и некоторое время они еще стояли в ожидании, глядя, как машина мигает лампочками — белой и красной попеременно. Потом Шейла протянула руку и ткнула пальцем в самую верхнюю кнопку. Раздался звон, и машина остановилась. Стало тихо.

— Хорошо как! — вырвалось у Жени. Было слышно, как за окном ветер шелестит в кустах и стрекочут кузнечики.

— Куда ты девал ящик? — воскликнула вдруг Шейла.

Славин испуганно оглянулся и увидел, что ящик стоит на столе среди тарелок.

— А что? — спросил он.

— Ты не вставил ящик на место, и теперь я не знаю, где нарезанный хлеб.

Славин обошел машину и заглянул в оба окна — справа и слева. Хлеба не было. Он со страхом поглядел на черную глубокую щель в машине, где раньше был ящик. Щель выглядела зловеще.

— М-может быть, мы обойдемся без? — предложил Женя неуверенно.

— Как так — без? Какой может быть завтрак без хлеба?

— А он вообще — может быть? — проворчал Женя и залез рукой в щель. — И вообще, мясо на завтрак — это вредно.

В машине было горячо. Женя нащупал какие-то гладкие поверхности, но это был не хлеб. Он вытащил руку и пожал плечами.

— Хлеба нет.

Шейла, нагнувшись, заглянула под машину.

— Тут, Женя, какой-то шланг.

— Шланг?!

Вытянув из-под машины длинную гофрированную трубку с блестящим кольцом на конце, Шейла обрадовалась.

— Глупый, — сказала она, — ты же не подключил к машине воду. Понимаешь — воду! Вот почему гуляш вышел таким...

— Н-да, — протянул Женя, косясь на останки гуляша. — Воды в нем, действительно, немного... Но где же все-таки хлеб?

— Не все ли равно? Хлеб — это не проблема. Смотри, вот я подключаю шланг к водопроводу.

— А может быть, не стоит? — с опаской сказал Женя.

— Глупости. Будем делать рагу. Сейчас я принесу овощи, а ты вставь ящик. Исследовать — так исследовать.

На этот раз машина, побужденная к действиям нажатием первой кнопки сверху, работала около минуты.

— Неужели рагу тоже вываливается в ящик? — спросил Женя, берясь за ручки.

— Давай-давай, — нетерпеливо сказала Шейла.

Ящик был до краев наполнен розовой кашей, лишенной запаха.

— Борщ украинский, — грустно пробормотал Женя. — Это похоже на...

— Вижу сама, — перебила Шейла. — Ну и срамотища! Даже инструктора стыдно вызывать. Может, позовем соседа?

— Да, ассенизатор здесь подойдет больше. Пойду позову.

— Войдите, — послышался голос Юры.

Славин вошел и, пораженный, остановился в дверях.

— Надеюсь, супруги с вами нет? — спросил Юра. — Я не одет.

На нем была плохо выглаженная сорочка. Из-под сорочки торчали голые загорелые ноги. На полу по всей комнате были разложены какие-то странные детали и валялись листы бумаги. Юра сидел прямо на полу, держа в руках ящик с окошечками, в которых бегали световые зайчики.

— Что это? — спросил Женя.

— Это тестер, — ответил Юра устало.

— Нет, вот это всё?..

Юра огляделся и сказал:

— Это — УСМ-16. Универсальная Стиральная Машина с полукибернетическим управлением. Стирает, гладит и пришивает пуговицы. Осторожнее! Не наступите.

Женя посмотрел под ноги и увидел кучу черного тряпья, лежащего в луже воды. От тряпья шел пар.

— Это мои брюки, — невесело пояснил Юра.

— Значит, ваша машина тоже не в порядке?

Надежда получить консультацию и завтрак испарилась.

— Она в полном порядке, — сердито возразил Юра. — Я разобрал ее по винтикам и целиком понял принцип действия. Вот подающий механизм. Вот анализатор — его я не стал разбирать: он и так в порядке. Вот транспортный механизм и система терморегулирования. Правда, я не нашел пока шьющего устройства, но машина должна быть в полном порядке. Я думаю, вся беда в том, что у нее почему-то двенадцать клавиш программирования, а в проспекте было сказано — четыре...

— Четыре? — переспросил Женя.

— Четыре, — ответил Юра, рассеянно почесывая колено. — А почему вы сказали: «Ваша машина тоже...»? У вас тоже есть стиральная машина? Мне привезли мою всего час назад. Доставка на дом.

— Четыре! — повторил Женя с восторгом. — Четыре, а не двенадцать... Скажите, Юра, а вы не пробовали закладывать в нее мясо?

Известные люди

Сергей Иванович Кондратьев вернулся домой в полдень. Все утро он провел в Малом Информарии: искал профессию. Дома было прохладно, тихо и очень одиноко. Кондратьев прошелся по всем комнатам, попил нарзану, встал перед пустым письменным столом и принялся придумывать, как убить день. За окном ярко светило солнце, чирикала какая-то птичка, а в кустах сирени слышалось металлическое стрекотание и пощелкивание, видимо, там копошился один из этих многоногих деловитых уродов, отнимающих у честного человека возможность заняться, скажем, садоводством.

Экс-штурман вздохнул и закрыл окно. Пойти, что ли, к Женьке? Но его наверняка не застанешь дома. Обзавелся диктофонами новейшей системы и носится по всему Уралу: в голове тридцать три заботы, не считая мелких поручений. А Шейлы нет дома, она на работе. Прекрасный человек Шейла, все понимает.

Штурман поплелся на кухню и выпил еще стакан нарзану. Может быть, пообедать? Мысль неплохая, пообедать можно тщательно и со вкусом. Только не хочется есть...

Штурман подошел к окну Линии Доставки, набрал шифр наугад и с любопытством стал ждать, что получится. Над окном вспыхнула зеленая лампа: заказ исполнен. Штурман сдвинул крышку. На дне просторного кубического ящика стояла картонная тарелка. Штурман взял ее и поставил на стол. На тарелке лежали два крепеньких малосольных огурца. Такие огурчики — да на «Таймыр» бы, к концу второго года... Может, сходить к Протосу? Протос редкой души человек. Но ведь он очень занят, милый старый Протос. Все хорошие люди чем-то заняты...

Штурман рассеянно взял с тарелки огурец и съел. Потом он съел второй и отнес тарелку в мусоропровод. «Может, опять сходить потолкаться среди добровольцев, — подумал он. — Или съездить в Китай? В Китае я не был...»

Размышления штурмана были прерваны пением сигнала — кто-то просил разрешения войти. Кондратьев обрадовался, он не привык, чтобы к нему заходили. Видимо, праправнуки из ложной скромности не хотели его беспокоить.

За всю неделю, что он здесь жил, его только один раз посетила соседка, восьмидесятилетняя свежая женщина со старомодным узлом черных волос на затылке. Она отрекомендовалась старшим оператором хлебозавода и в течение двух часов терпеливо учила его набирать шифры на клавишной панели Линии Доставки. Задушевного разговора с ней как-то не получилось, хотя она, несомненно, была превосходным человеком. Несколько раз без всякого приглашения являлись очень юные праправнуки, совершенно лишенные, по-видимому, чувства ложной скромности. Визиты эти были продиктованы соображениями чисто эгоистическими. Один, судя по всему, пришел для того, чтобы прочитать штурману свою оду «На возвращение “Таймыра”», из которой штурман понял только отдельные слова («Таймыр», «Космос») — ода была на африканском языке суахили. Другой работал над биографией Эдгара Аллана По и без особой надежды просил каких-нибудь малоизвестных подробностей из жизни великого американского писателя. Кондратьев передал ему слухи о встречах Э. А. По с А. С. Пушкиным и посоветовал обратиться к писателю Славину. Прочие юнцы и девчонки являлись за тем, что когда-то давно называлось собиранием автографов. Но даже юные охотники за автографами были лучше, чем ничего, поэтому пение сигнала обрадовало Кондратьева.

Он вышел в прихожую и крикнул: «Войдите». Вошел человек высокого роста, в просторной серой куртке и длинных синих штанах пижамного типа. Он тихо притворил за собой дверь и, несколько наклонив голову, принялся рассматривать штурмана. Физиономия вошедшего очень напомнила Кондратьеву виденные когда-то фотографии каменных истуканов острова Рапа-Нуи: узкая, длинная, с узким высоким лбом и мощными надбровьями, с глубоко запавшими глазами и длинным острым носом. Лицо было темное, а в распахнутом вороте куртки проглядывала неожиданно нежная белая кожа. На охотника за автографами этот человек решительно не походил.

— Вы ко мне? — с надеждой спросил Кондратьев.

— Да, — тихо и печально сказал незнакомец. — Я к вам.

— Так входите же, — пригласил Кондратьев. Он был тронут и немного разочарован печальным тоном незнакомца. «Кажется, это все-таки собиратель автографов, — подумал он. — Надо принять его посердечнее».

— Спасибо, — еще тише проговорил незнакомец.

Немного сутулясь, он прошел мимо штурмана и остановился посередине гостиной, устремив взгляд на кушетку. Кондратьев с некоторым беспокойством тоже посмотрел на кушетку. Это была чудесная откидная кушетка, широкая, мягкая, с пружинящей пенопластовой крышкой светлого зеленого цвета, пористой, как губка.

— Меня зовут Горбовский, — тихо сказал незнакомец, не спуская глаз с кушетки. — Леонид Андреевич Горбовский. Я пришел поговорить с вами как звездолетчик со звездолетчиком.

— Что случилось? — испуганно спросил Кондратьев. — Что-нибудь с «Таймыром»? Да вы садитесь, пожалуйста, садитесь!

Горбовский продолжал стоять.

— С «Таймыром»? Вряд ли... Он ведь в Музее Космогации. Что с ним еще может случиться?

— Да уж, — согласился Кондратьев, широко улыбнувшись. — Дальше некуда.

— Некуда, — Горбовский тоже улыбнулся. Улыбка у него, как у многих некрасивых людей, была милая и какая-то детская.

— Так что же мы стоим? — бодро вскричал Кондратьев. — Давайте сядем!

— Вы... вот что, Сергей Иванович, — смутился вдруг Горбовский. — Можно я лягу?

Кондратьев поперхнулся.

— П-пожалуйста, — пробормотал он. — Может быть, вам водички?

Горбовский уже лежал на кушетке.

— Ах, Сергей Иванович! — сказал он. — И вы такой же, как все. Ну при чем здесь водичка, если человеку просто хочется полежать? В античные времена почти все лежали... Даже за едой.

Кондратьев сел в кресло.

— Уже в те времена, — продолжал Горбовский, — имела хождение многоэтажная пословица, существенной частью которой было «лучше лежать, чем сидеть». А я только что из рейса. Вы сами знаете, Сергей Иванович, что такое диваны на кораблях. Отвратительные, жесткие устройства. Да разве только на кораблях? Эти невообразимые скамейки на стадионах и в парках! Складные самопадающие стулья в кафе! А ужасные камни на морских купаниях? Нет, Сергей Иванович, воля ваша, искусство создания по-настоящему комфортабельных лежбищ безвозвратно утрачено в нашу суровую эпоху эмбриомеханики и Д-принципа.

«Бедняга», — подумал Кондратьев сочувственно. Проблема «лежбищ» встала перед ним в совершенно новом свете.

— Знаете, — поддержал он гостя, — я застал еще то время, когда в Северной Америке подвизались всякие там фирмы и монополии. Так вот, дольше всех продержалась небольшая фирма, которая сколотила себе за полтора века баснословный капитал на матрасах. Она выпускала какие-то особенные шелковые матрасы — немного, но страшно дорого. Говорят, миллиардеры дрались из-за этих матрасов. Замечательные были матрасы. На них ничего нельзя было отлежать.

— И секрет их погиб вместе с империализмом? — спросил Горбовский.

— Вероятно, — ответил Кондратьев. — Я ушел в рейс на «Таймыре» и больше ничего о них не слышал.

Они помолчали. Кондратьев блаженствовал. Давно уже ему не приходилось вести таких легких и приятных светских разговоров. Протос и Женя тоже были отличными собеседниками, но Протос очень любил рассказывать про операции на печени, а Женя большею частью учил Кондратьева водить птерокар и ругал за инертность.

— Нет, почему же? — неожиданно сказал Горбовский. — У нас тоже есть отличные лежбища. Но ими у нас никто не интересуется. Кроме меня. — Он повернулся на бок и подпер щеку кулаком. — Ах, Сергей Иванович, дорогой. И зачем это вы высадились на Планете Синих Песков?

Штурман опять поперхнулся. Планета Синих Песков с ужасающей отчетливостью встала перед его глазами. Детище чужого солнца. Совсем чужая. Она была покрыта океанами тончайшей голубой пыли, и в этих океанах были приливы и отливы, многобальные штормы и тайфуны и даже, кажется, какая-то жизнь. Вокруг засыпанного «Таймыра» крутились хороводы зеленых огней, голубые дюны кричали и вопили на разные голоса, пылевые тучи гигантскими амебами проползали по белесому небу. И ни одной тайны не открыла людям Планета Синих Песков. Штурман при первой же вылазке сломал ногу, киберразведчики потерялись все до единого, а затем при полном безветрии

налетела настоящая буря, и славного доброго Кенига, не успевшего подняться в корабль, ударило вместе с подъемником о реакторное кольцо, раздавило, расплющило и унесло за сотни километров в пустыню, где среди голубых волн гигантские провалы засасывали миллиарды тонн пыли в непостижимые недра планеты...

— А вы бы не высадились? — хрипло спросил Кондратьев.

Горбовский молчал.

— Вы хороши сейчас на ваших Д-звездолетах... Сегодня одно солнце, завтра другое, а послезавтра — третье... А для меня... а для нас это было первое чужое солнце, первая чужая планета, понимаете? Мы чудом попали туда... Я не мог не высадиться, потому что иначе... Зачем же тогда все?

Кондратьев остановился. «Нервы, — подумал он. — Надо спокойнее. Все это прошло».

Горбовский заговорил тихо и задумчиво:

— После вас на Планете Синих Песков первым высадился, наверное, я. Пошел на десантном боте и взял планету с полюса. Ах, Сергей Иванович, как это было нелегко! Полмесяца я ходил вокруг да около. Двенадцать зондирующих поисков! А сколько автоматов мы там загубили! Классическая бешеная атмосфера, Сергей Иванович. А вы ведь бросились в нее с экватора. Без разведки. Да еще на старой дряхлой «черепашке». Да...

Горбовский закинул руки за голову и уставился в потолок. Кондратьев никак не мог понять, одобряют его или осуждают.

— Так ведь, Леонид Андреевич, — осторожно сказал он, — как я мог вернуться на землю и заявить — так, мол, и так, летел десять лет, долетел до планеты, был около и вернулся. Вы понимаете, был около и вернулся! С пустыми руками! Да вы бы первый меня осмеяли. Верно же?

— Да, пожалуй... Но все равно, это было очень дерзко.

И опять Кондратьев не понял, одобряют его или осуждают. Горбовский оглушительно чихнул и быстро сел, спустив с кушетки ноги.

— Извините, — произнес он и снова чихнул. — Я опять простудился. Провалюсь ночь на бережку, и сразу насморк.

— А зачем это — на бережку?

— Как же, Сергей Иванович? На бережку лужайка, травка, приятно так рыбка плещется в заводи... — Горбовский опять чихнул. — Извините... И луна на воде — «дорожка к счастью», знаете?

— «Дорожка к счастью» хороша на море, — сказал Кондратьев мечтательно.

— Не скажите. Я сам из Торжка, речушка у нас там маленькая, но очень чистая. А в заводах — кувшинки. Ах, как отлично!

Кондратьев улыбнулся.

— В мое время это называлось «тоска по голубому небу».

— Это и сейчас так называется. А на море... Я как-то сидел — на Гавайях это было — ночью, луна изумительная, где-то девушки поют, и вдруг из воды как полезли, полезли какие-то... в рогатых костюмах...

— Кто?

— Спортсмены...

Кондратьев хохотнул.

— Нет уж, Леонид Андреевич, море вы не трогайте. Я и сам не прочь так... в рогатом костюме. А куда вы сейчас ходили, Леонид Андреевич?

Горбовский махнул рукой:

— А! Брожу к Венере и обратно. Нужно возить добровольцев. Славные ребята — добровольцы. Только очень шумные, едят ужасно много и все, знаете, рвутся на смертоубийственные подвиги.

Кондратьев с интересом спросил:

— А как вы смотрите на проект, Леонид Андреевич?

— Очень правильный проект. — Горбовский снова лег. — Я его составлял. Не я один, конечно... В молодости мне много приходилось иметь дела с Венерой. Злая, злая планета. Да вы, наверное, сами знаете...

— По-моему, очень скучно возить добровольцев на Д-космолете, — заметил Кондратьев.

— Да, конечно, задачи у Д-космолетов несколько иные. Вот я, например, на своем «Гаризэле», когда все это закончится, пойду к ЕН 17 — это на пределе, двенадцать парсеков. Там есть планета Владислава, и у нее — два чужих искусственных спутника. Мы будем искать там Город. Это очень интересно — искать Города, Сергей Иванович!

— Какие Города?

— Чужие... Знаете, Сергей Иванович, вас как звездолетчика, наверное, очень интересует, чем мы сейчас занимаемся. Я приготовил для вас специально небольшую лекцию и, если хотите, сейчас прочитаю, а?

— Ну конечно же!.. С удовольствием... Пожалуйста. — Кондратьев подтащил кресло поближе к кушетке.

Горбовский устался в потолок и начал:

— В зависимости от своих вкусов и наклонностей наши звездолетчики решают главным образом три задачи, но меня лично интересует четвертая. Ее многие считают слишком специальной, слишком безнадёжной, но, на мой взгляд, человек с воображением легко найдет в ней призвание. Тем не менее есть люди, которые утверждают, что она ни при каких условиях не может оправдать затраченного горючего. Так говорят снобы и утилитаристы. Мы отвечаем им на это...

— А в чем, собственно, состоит эта четвертая задача? — осведомился Кондратьев. — И заодно — первые три?

Горбовский некоторое время молчал, глядя на Кондратьева и помаргивая.

— Да, — сказал он наконец. — Лекция, кажется, не получилась. Я начал с середины. Первые три задачи — это... планетологические, астрофизические и космогонические исследования. Затем. Проверка и дальнейшая разработка Д-принципа, то есть берут новый, с иглолочки, Д-космолет и гоняют его у светового барьера до изнеможения. И, наконец, попытки установить контакт с иными цивилизациями в Космосе. Пока тщетные попытки. Моя любимая задача тоже связана с иными цивилизациями. Только мы ищем не контакты, а следы. Следы побывок чужих космических летчиков на разных мирах. Некоторые утверждают, что эта задача ни при каких условиях не может оправдать... Или я это уже говорил?

— Говорили. А что это все-таки за следы?

— Видите ли, Сергей Иванович, каждая цивилизация должна оставлять множество следов. Возьмите хотя бы нас, человечество. Как мы осваиваем новую планету? Мы ставим возле нее искусственные спутники, от Солнца до нее тянется длинная цепь радиобакенов — по два-три бакена на световой год, маяки, всевозможные пеленгаторы... Если нам удастся высадиться, мы строим на планете базы, научные города. И не берем же мы все это с собой, когда покидаем планету! Так же и другие цивилизации.

— И нашли вы что-нибудь? — спросил Кондратьев.

— А как же? Фобос и Деймос — это вы, конечно, знаете, подземный город на Марсе, искусственные спутники у Владиславы... Очень интересные искусственные спутники. Да. Вот чем мы, в общем, занимаемся, Сергей Иванович.

— Интересно, — сказал Кондратьев. — Только я, будь моя воля, выбрал бы все-таки исследование Д-принципа.

— Ну, это зависит от вкусов и наклонностей. А сейчас все мы возим добровольцев. Даже гордые исследователи Д-принципа. Мы сейчас — как в ваше время кучера трамваев...

— В наше время уже не было трамваев, — поправил с негодованием Кондратьев. — И трамваи водили не кучера, а... м-м-м... Это как-то по-другому называлось. — Его вдруг

осенило. — Слушайте, Леонид Андреевич, а что если мы с вами сейчас пообедаем? И бутылочку винца...

Горбовский чихнул, сказал «извините» и сел.

— Пойдите, Сергей Иванович, — произнес он, доставая из кармана огромный цветастый носовой платок. — Пойдите... Я вам сказал, для чего я к вам пришел?

— Чтобы поговорить как звездолетчик со звездолетчиком?

— Правда. А больше ничего не сказал? Нет?

— Нет. Вас сразу очень заинтересовала кушетка.

— Ага. — Горбовский задумчиво высморкался. — Вы, случайно, не знаете океанолога Званцева, Николая Евсеевича?

— Я знаю только врача Протоса, — печально ответил Кондратьев, — и вот с вами познакомился.

— Отлично. Вы знаете Протоса, Протос хорошо знает Званцева, а я хорошо знаю Протоса и Званцева... Вообще Званцев сейчас придет.

— Вот хорошо-то, — обрадовался Кондратьев. — Пообедаем втроем. А то мне, знаете, как-то одиноко все...

Послышалось пение сигнала. Кондратьев вскочил.

— Это он, — кивнул Горбовский и снова улегся.

Океанолог Званцев был громадного роста и чрезвычайно широк в плечах. У него было широкое, медного цвета лицо, густые темные, коротко остриженные волосы, большие глаза и прямой маленький рот. Он молча пожал Кондратьеву руку, покосился на Горбовского и сел.

— Вы тут посидите, — попросил Кондратьев, — а я пойду закажу обед. Вы что любите, Николай Евсеевич?

— Я все люблю, — ответил Званцев. — И он тоже все любит.

— Да, я все люблю, — подтвердил Горбовский. — Только, пожалуйста, не надо овсяного киселя.

— Ладно.

Кондратьев пошел на кухню.

— И цветной капусты не надо! — крикнул Горбовский вслед.

Набирая шифры у окна Линии Доставки, Кондратьев думал: «Они пришли неспроста. Они умные и добрые люди, значит, они пришли не из пустого любопытства, они пришли мне помочь. Они люди энергичные и деятельные, значит, вряд ли они пришли утешать. Но как они думают помочь? Мне нужно только одно...» Кондратьев зажмурился и немного постоял неподвижно, упираясь рукой в крышку окна Доставки. Из гостиной доносилось:

— Ты опять валяешься, Леонид. Есть в тебе что-то от мимикродона.

— Валяться нужно, — с глубокой убежденностью отвечал Горбовский. — Это философски необходимо. Бессмысленные движения руками и ногами неуклонно увеличивают энтропию Вселенной. Я хотел бы сказать миру: «Люди! Больше лежите! Бойтесь тепловой смерти!»

— Удивляюсь, как ты еще не перешел на ползанье.

— Я думал об этом. Слишком велико трение. С энтропийной точки зрения выгоднее перемещаться в вертикальном положении.

— Словоблуд, — возмущился Званцев. — А ну вставай!..

Кондратьев отодвинул крышку и расставил на столе пиалы и кастрюльки.

— Кушать подано! — крикнул он деланно-веселым голосом. «Ну, держись, Сергей Иваныч».

В гостиной завопили, и Горбовский откликнулся:

— Сейчас меня принесут!

Впрочем, в столовой он появился в вертикальном положении.

— Вы его извините, Сергей Иванович, — сказал Званцев, появляясь следом. — Он везде валяется. Причем сначала валяется в траве, а потом, не почистившись, лезет на кушетку.

— Где в траве? Где? — закричал Горбовский и принялся себя осматривать.

Кондратьев с трудом улыбнулся.

— Вот что. — Званцев уселся за стол. — По вашему лицу, Сергей Иванович, я вижу, что преамбулы не нужны. Мы с Горбовским пришли вербовать вас на работу.

— Спасибо, — тихо ответил Кондратьев.

— Я океанолог и давно работаю в организации, которая называется Океанская охрана. У нас на планете огромное сложное океанское хозяйство. Мы выращиваем планктон — это протеин — и пасем китов — это мясо, жир, икра, химия. Врач Протос сказал нам, что вам категорически запрещено покидать планету. А нам всегда нужны люди. Особенно сейчас, когда многие уходят от нас в проект «Венера». Я приглашаю вас к нам.

Наступило молчание. Горбовский, ни на кого не глядя, истово хлебал суп. Званцев тоже начал есть. Кондратьев крошил хлеб.

— Я готов, — пробормотал он. — Если вы считаете, Николай Евсеевич, что я справлюсь, я готов.

— Вы справитесь, — заверил Званцев.

— Изъяснись подробнее, — сказал Горбовский, — чем Сергей Иванович может у вас там заниматься.

— Можно смотрителем на плантации ламинарий, — стал перечислять Званцев. — Можно в охрану на планктонные плантации. Можно в патруль, но там нужна очень высокая квалификация, это со временем. А лучше всего — китовым пастухом. Идите-ка вы, Сергей Иванович, в китовые пастухи. — Он положил нож и вилку. — Как я жалею, что ушел из китовых пастухов в океанологию! Какие это были годы, Сергей Иванович!

Горбовский с любопытством смотрел на Званцева.

— Рано-рано утром... Океан тихий, ни волны... ни ветерка... Розовое небо на востоке... Всплывешь на поверхность, откинешь крышку люка, выберешься на башенку и сидишь, сидишь, сидишь... Вода под ногами зеленая, чистая, из глубины поднимается медуза, перевернется и уйдет под субмарину... Рыба большая лениво так это проплывет... Хорошо!..

Кондратьев взглянул в его лицо, мечтательно-ублагодотворенное, и вдруг ему так нестерпимо захотелось немедленно, сейчас же на океан, на соленый воздух, что он даже дышать перестал.

— А когда киты переходят на новые пастбища! — продолжал Званцев. — Знаете, как это выглядит? Впереди и сзади идут старые самцы, по два, по три в стаде, огромные, иссиня-черные, мчатся плавно, будто и не они мчатся, а вода мимо них несется... Идут по прямой, а молодняк и щенные самки за ними... Старики ведь у нас ручные, ведут, куда мы хотим, но им помогать надо. Особенно когда в стаде подрастают молодые самцы — те всегда норовят стадо расколоть и увести часть за собой. Вот тут-то нам и работа. Вот тут и начинается настоящее дело. Или вдруг косатки нападут... Ну, с ними разговор короткий — акустическими пушками...

Он внезапно очнулся и посмотрел на Кондратьева совершенно трезвым взглядом.

— Одним словом, здесь всё есть. И просторы, и глубины, и большая польза для людей, и добрые товарищи... и приключения, если особенно захотите.

— Да, — согласился Кондратьев.

Званцев улыбнулся.

— Готов! — воскликнул Горбовский. — И я тоже готов. Ну их к черту, Д-звездолеты. Хочу, как Коля, на башенке... и чтобы медузы...

— Теперь так, — деловито сказал Званцев. — Я отвезу вас во Владивосток. Занятия в школе переподготовки начинаются через два дня. Вы уже пообедали?

— Пообедал.

«Работа, — думал Кондратьев. — Вот она, настоящая работа!»

— Тогда поедем, — предложил Званцев, поднимаясь.

— Куда?

— На аэродром.

— Прямо сейчас?

— Конечно, прямо сейчас. А чего ждать?

— Ждать, конечно, нечего, — растерянно проговорил Кондратьев. — Только... — Он спохватился и принялся быстро, слегка трясущимися руками, убирать посуду. Горбовский, доедая банан, помогал ему.

— Вы езжайте, — сказал он, — а я тут останусь. Полежу. У меня рейс в двадцать один тридцать.

Они вышли в гостиную, и штурман, бегло оглядев комнату, с отчетливостью подумал, что, куда бы он ни приехал на этой странной планете праправнуков, всюду в его распоряжении будет такой вот прекрасный тихий домик, и добрые соседи, и волшебная Линия Доставки, и Самодвижущаяся Дорога в двадцати шагах...

— Вот, — не без грусти произнес он. — Пожил здесь всего неделю...

Званцев переминался с ноги на ногу. Видно, ему было непонятно, что переживает экс-штурман.

— Поедем, — махнул рукой Кондратьев. — До свидания, Леонид Андреевич. Спасибо вам за ласку.

Горбовский уже устраивался на кушетке.

— До свидания, Сергей Иванович, — отозвался он. — Мы еще много раз увидимся.

Кондратьев затворил за собой дверь и вслед за Званцевым вышел в сад. Они пошли рядом по песчаной дорожке.

— Николай Евсеевич, — спросил Кондратьев. — Почему вы так заинтересовались моей скромной персоной? Вы обо всех здесь так заботитесь?

— Нет, — просто ответил Званцев. — О других заботиться не надо. Они хозяева. А вы пока гость. А почему именно мы... Видите ли, Сергей Иванович, и я, и Леня Горбовский в свое время были весьма тяжелыми пациентами у врача Протоса. Он нас, как видите, спас. И он наш друг на всю жизнь. И он попросил помочь вам.

— Ага, — сказал Кондратьев и остановился. — Вот что, Николай Евсеевич, — произнес он решительно. — Мы сию минуту едем к врачу Протосу. А Жене Славину я позвоню с дороги.

Десантники

Спутник был огромен. Это был тор¹ в два километра в поперечнике, разделенный внутри массивными переборками на множество помещений. В кольцевых коридорах было пусто и светло, треугольные люки, ведущие в пустые светлые помещения, были распахнуты настежь. Спутник был покинут невероятно давно, может быть миллионы лет назад, но шершавый желтый пол был чист, и Август Бадер сказал, что не видел здесь ни одной пылинки.

Бадер шел впереди, как и полагается первооткрывателю и хозяину. Горбовский и Валькенштейн видели его большие оттопыренные уши и светлый хохолок на макушке.

— Я ожидал увидеть здесь запустение, — неторопливо рассказывал Бадер. Он говорил по-русски, старательно выговаривая каждый слог. — Этот спутник заинтересовал нас прежде всего. Это было десять лет назад. Я увидел, что внешние люки раскрыты. Я сказал себе: «Август, ты увидишь картину ужасающего бедствия и разрушения». Я даже приказал жене остаться на корабле. Я боялся найти здесь мертвые тела, вы понимаете.

¹ Тор — геометрическое тело в форме бублика.

Он остановился перед каким-то люком, и Горбовский чуть не налетел на Бадера. Валькенштейн, который немного отстал, догнал их и остановился рядом, насупившись.

— Абер здесь было пусто, — сказал Бадер. — Здесь было светло, очень чисто и совершенно пусто. Прошу вас, взгляните. — Он сделал плавный жест рукой. — Я склонен полагать, что здесь была диспетчерская Спутника.

Они протиснулись в помещение с куполообразным потолком и с низкой полукруглой стойкой посередине. Стены были ярко-желтые, матовые и светились изнутри. Горбовский потрогал стену. Она была гладкая и прохладная.

— Похоже на янтарь, — сказал он. — Попробуй, Марк.

Валькенштейн попробовал и кивнул.

— Все демонтировано, — продолжал Бадер. — Но в стенах и переборках, а равно и в тороидальной оболочке Спутника остались скрытые пока от нас источники света. Я склонен полагать...

— Мы знаем, — быстро сказал Валькенштейн.

— Вот как? — Бадер посмотрел на Горбовского. — Но что вы читали? Вы, Марк, и вы, Леонид?

— Мы читали серию ваших статей, Август, — ответил Горбовский. — «Искусственные спутники Владиславы».

Бадер наклонил голову.

— «Искусственные, неземного происхождения спутники планеты Владислава звезды ЕН 17», — поправил он. — Да. В таком случае, разумеется, я могу не излагать вам свои соображения по поводу источников света.

Валькенштейн пошел вдоль стены, озираясь.

— Странный материал, — заметил он. — Металлопласт, наверное. Но я никогда не видел такого металлопласта.

— Это не металлопласт, — возразил Бадер. — Не забывайте, где вы находитесь. Вы, Марк, и вы, Леонид.

— Мы не забываем. — Горбовский еле заметно улыбнулся. — Мы бывали на Фобосе, и там действительно совсем другой материал.

Горбовский и Валькенштейн бывали на Фобосе. Это был спутник Марса, и долгое время его считали естественным спутником. Но он оказался четырехкилометровым тором, окутанным металлической противометеоритной сеткой. Густая сеть была изъедена метеоритной коррозией и местами прорвана. Но сам спутник уцелел. Внешние люки его были открыты, и гигантский бублик был пуст точно так же, как этот. По изношенности противометеоритной сети подсчитали, что он был выведен на орбиту вокруг Марса по крайней мере десять миллионов лет назад.

— О, Фобос! — Бадер покачал головой. — Фобос — это одно, Леонид. Владислава — это отнюдь другое.

— Почему? — осведомился Валькенштейн, подходя. Он думал иначе.

— Например, потому, что от Солнца и от Фобоса до Владиславы, где находимся сейчас мы, триста тысяч астрономических единиц.

— Мы покрыли это расстояние за полгода, — сердито сказал Валькенштейн. — Они могли сделать то же. И потом, спутники Владиславы и Фобос имеют много общего.

— Но это следует доказать. — Бадер поднял палец.

Горбовский проговорил, лениво усмехаясь:

— Вот мы и попробуем доказать.

Некоторое время Бадер размышлял и затем изрек:

— Фобос и земные спутники тоже имеют много общего.

Это был ответ в стиле Бадера — очень веско и на полметра мимо.

— Хорошо, — вздохнул Горбовский. — А что здесь есть еще, кроме этой диспетчерской?

— На этом Спутнике, — важно сказал Бадер, — имеются сто шестьдесят помещений размером от пятнадцати до пятисот квадратных метров. Мы можем осмотреть их все. Но они пусты.

— Раз они пусты, — заметил Валькенштейн, — нам лучше вернуться на «Гаризель».

Бадер поглядел на него и снова повернулся к Горбовскому:

— Мы называем этот Спутник Владя. Как вам известно, у Владиславы есть еще один спутник, тоже искусственный и тоже неземного происхождения. Он меньше по размерам. Мы называем его Слава. Вы понимаете? Планета называется Владислава. Естественно назвать два ее спутника Владя и Слава. Не так ли?

— Да, конечно, — согласился Горбовский. Это изящное рассуждение было ему знакомо. Он слышал его в третий раз. — Это вы очень остроумно предложили, Август. Владя и Слава. Владислава. Прекрасно.

— У вас на Земле, — продолжал Бадер неторопливо, — эти спутники называют «Игрек один» и «Игрек два». Но мы — мы называем их иначе. Мы называем их Владя и Слава.

Он строго поглядел на Валькенштейна.

— Что же касается состава этого желтого материала, который отнюдь не является металлопластом и который я называю янтарин...

— Очень удачно, — вставил Горбовский.

— Да... Неплохо... То состав его пока неизвестен. Он остается тайной.

Наступило молчание. Горбовский рассеянно оглядывал помещение.

Он пытался представить себе тех, кто строил этот Спутник и потом работал здесь когда-то очень давно. Это были другие люди. Они пришли в Солнечную систему и ушли, оставив возле Марса покинутые космические лаборатории и большой город вблизи северной полярной шапки. Спутники были пусты, и город был пуст — остались только странные здания, на много этажей уходящие под почву. Затем — или, может быть, до того — они пришли в систему звезды ЕН 17, построили возле Владиславы два искусственных спутника и тоже ушли. И здесь, на Владиславе, тоже должен быть покинутый город. Почему и откуда они приходили? Почему и куда они ушли? Впрочем, ясно почему. Они, конечно, были великие исследователи. Десантники другого мира.

— Теперь, — предложил Бадер, — мы пойдем и осмотрим помещение, в котором я нашел предмет, названный мною условно пуговицей.

— Он и сейчас там? — спросил Валькенштейн, оживившись.

— Кто «он»? — не понял Бадер.

— Предмет.

— Пуговица, — веско поправил Бадер, — находится в настоящий момент на Земле, в распоряжении Комиссии по изучению следов деятельности иного разума в Космосе.

— Но я собирал материал по Владиславе, и мне не показали эту вашу пуговицу.

Бадер задрал подбородок.

— Я отправил ее с капитаном Антоном Быковым четыре локальных месяца назад.

С Быковым они разминулись в пути. Он должен был прибыть на Землю спустя два месяца после старта «Гаризеля» к звезде ЕН 17.

— Так, — безучастно произнес Горбовский. — Осмотр пуговицы, таким образом, откладывается.

— Но мы осмотрим помещение, где я ее нашел, — настаивал Бадер. — Не исключено, Леонид, что в гипотетическом городе на поверхности планеты Владиславы вы обнаружите аналогичные предметы.

Он полез в люк. Валькенштейн процедил сквозь зубы:

— Надоел он мне, Леонид Андреевич...

— Надо терпеть, — ответил Горбовский.

До помещения, где Бадер нашел пуговицу, оказалось полкилометра. Бадер показал место, где пуговица лежала, и подробно рассказал, как он пуговицу обнаружил. (Он

наступил на нее и раздавил.) По мнению Бадера, пуговица была аккумулятором, имевшим первоначально сферическую форму. Она была сделана из полупрозрачного серебристого материала, очень мягкого. Диаметр — тридцать восемь и шестнадцать сотых миллиметра... плотность... вес... расстояние от ближайшей стены...

В комнате напротив, по другую сторону коридора, сидели среди приборов, расставленных прямо на полу, два молодых парня в синих рабочих куртках. Они работали, поглядывая в сторону Горбовского и Валькенштейна, и переговаривались вполголоса.

— Десантники. Прилетели вчера.

— Вон тот, длинный, — Горбовский.

— Знаю.

— А другой, беловолосый?

— Марк Ефремович Валькенштейн. Штурман.

— А-а, слышал.

— Они начнут завтра...

Бадер наконец кончил объяснения и спросил, все ли понятно. «Все», — ответил Горбовский и услышал, как в комнате напротив хихикнули.

— Теперь мы вернемся домой, — сказал Бадер.

Они вышли в коридор, и Горбовский кивнул парням в синем. Парни встали и поклонились с улыбками.

— Желаем удачи! — крикнул один. Другой молча улыбался, крутя в руках моток многоцветного провода.

— Спасибо.

Валькенштейн тоже поблагодарил:

— Спасибо.

Отойдя шагов сто, Горбовский обернулся. Двое в синих куртках стояли в коридоре и смотрели им вслед.

Время в «Империи Бадера» (так насмешники называли всю систему искусственных и естественных спутников Владиславы — обсерватории, мастерские, заправочные станции, черные цистерны-плантации с хлореллой, оранжереи, питомники, стеклянные сады отдыха и пустующие торы неземного происхождения) исчислялось тридцатичасовыми циклами. К концу третьего цикла, после того как Д-звездолет «Тариэль», шестикилометровый гигант, похожий издали на сверкающий цветок, вышел на меридиональную орбиту вокруг Владиславы, Горбовский предпринял первый поиск. Д-звездолеты не приспособлены к высадкам на массивные планеты, особенно на планеты с атмосферами, и тем более на планеты с бешеными атмосферами. Для этого они слишком хрупки. Высадки осуществляются вспомогательными кораблями-ботами с атомно-импульсным или фотонным приводом, устойчивыми планетолетами облегченного типа с нефиксированным центром тяжести. Рейсовый звездолет несет на себе один такой бот, а десантный — от двух до четырех. «Тариэль» имел на борту два фотонных бота, и в одном из них Горбовский предпринял первую попытку прощупать атмосферу Владиславы. «Поглядеть, стоит ли», — сказал Горбовский Бадеру.

Бадер лично прибыл на «Тариэль». Он много кивал и говорил: «О, да!» — и когда бот Горбовского оторвался от «Тариэля», сел на стульчик сбоку от наблюдательного пульта и стал терпеливо ждать.

Все десантники собрались возле пульта и следили за неясными вспышками на сером экране осциллографа — это были отпечатки сигнальных импульсов, которые посылал автопередатчик на боте. Десантников было трое, если не считать Бадера. Они молчали и думали о Горбовском, каждый по-своему.

Валькенштейн думал о том, что Горбовский вернется через час. Он терпеть не мог неопределенности, и ему хотелось, чтобы Горбовский был уже здесь, хотя он знал, что

первый поиск всегда проходит благополучно, особенно если десантный бот ведет Горбовский. Валькенштейн вспомнил первую встречу с Горбовским. Валькенштейн только что вернулся из броска на Нептун, вернулся без потерь, гордился этим и хвастался ужасно. Это было на Цифэе, спутнике Луны, откуда обычно стартовали все фотонные корабли. Горбовский подошел к нему в столовой и сказал: «Извините, ради бога, вы, случайно, не Марк Ефремович Валькенштейн?» Валькенштейн кивнул и спросил: «Чем могу?» У Горбовского был очень несчастный вид. Он сел рядом, пошевелил длинным носом и сказал просительно: «Послушайте, Марк, вы не знаете, где здесь можно достать арфу?» Здесь — это на расстоянии в триста пятьдесят тысяч километров от Земли, на звездолетной базе. Валькенштейн подавился супом. Горбовский с любопытством разглядывал его, затем представился и сказал: «Да вы успокойтесь, Марк, это не срочно. Я, собственно, хотел узнать, на каком режиме вы входили в экзосферу Нептуна». Это была манера Горбовского: подобраться к человеку, особенно незнакомому, задать такой вот вопрос и смотреть, как человек выкручивается.

И биолог Перси Диксон, черный, заросший курчавым волосом, тоже думал о Горбовском. Перси Диксон работал в области космопсихологии и космофизиологии человека. Он был стар, очень много знал и провел над собой и над другими массу сумасшедших экспериментов. Он пришел к заключению, что человек, пробывший в Пространстве в общей сложности больше двадцати лет, отвыкает от Земли и перестает считать Землю домом. Оставаясь землянином, он перестает быть человеком Земли. Перси Диксон сам стал таким и не понимал, почему Горбовский, налетавший полтора парасекунды и побывавший на десятке лун и планет, время от времени вдруг поднимает очи горé и говорит со вздохом: «На лужайку бы. В травку. Полежать. И чтобы речка».

И Лю Гуаньчэн, атмосферный физик, думал о Горбовском. Он размышлял над его прощальными словами: «Посмотрю, стоит ли». Лю Гуаньчэн очень боялся, что Горбовский, вернувшись, скажет: «Не стоит». Так уже случалось несколько раз. Лю Гуаньчэн занимался бешеными атмосферами и был вечным должником Горбовского, и каждый раз ему казалось, что он отправляет Горбовского на смерть. Однажды Лю сказал ему об этом. Горбовский серьезно ответил: «Знаете, Лю, еще не было случая, чтобы я не вернулся».

Генеральный Уполномоченный Совета Космогации, директор Транскосмической звездолетной базы и лаборатории «Владислава ЕН 17», профессор и десантник Август-Иоганн Бадер тоже думал о Горбовском. Почему-то он вспомнил, как пятнадцать лет назад на Цифэе Горбовский прощался со своей матерью. Горбовский и Бадер уходили к Трансплутону. Это очень печальный момент — прощание с родными перед космическим рейсом. Бадеру показалось, что Горбовский простился с матерью очень небрежно. Как капитан корабля — тогда он был капитаном корабля — Бадер счел своим долгом сделать Горбовскому внушение. «В такой печальный момент, — сказал он строго, но мягко, — ваше сердце должно было биться в унисон с сердцем вашей матушки. Высокая добродетель каждого человека состоит в том, чтобы...» Горбовский слушал молча, а когда Бадер закончил выговор, сказал странным голосом: «Август, а у вас есть мама?» Да, он так и сказал «мама». Не мать, не муттер, а мама...

— Вышел на ту сторону! — воскликнул Лю.

Валькенштейн поглядел на экран. Всплески туманных пятен исчезли. Он поглядел на Бадера. Бадер сидел, вцепившись в сиденье стула, и у него был такой вид, словно его тошнит. Он поднял на Валькенштейна глаза и вымученно улыбнулся.

— Одно дело, — старательно выговорил он, — когда ты сам. Абер совсем другое дело, когда некто другой.

Валькенштейн отвернулся. По его мнению, было совершенно безразлично, кто делает дело. Он поднялся и вышел в коридор. У кессонного люка он увидел незнакомого молодого человека с бритым загорелым лицом и бритым лоснящимся черепом. Валькенштейн остановился, оглядывая его с головы до ног и обратно.

— Кто вы такой? — спросил он неприветливо. Меньше всего он ожидал встретить на «Таризэле» незнакомого человека.

Молодой человек кривовато усмехнулся.

— Моя фамилия Сидоров, — сказал он. — Я биолог и хочу видеть товарища Горбовского.

— Горбовский в поиске, — сказал Валькенштейн. — Как вы попали на корабль?

— Меня привез директор Бадер...

— А-а, — протянул Валькенштейн. Бадер прибыл на звездолет два часа назад.

— ...и, вероятно, забыл про меня.

— Естественно. Это вполне естественно для директора Бадера. Он весьма взволнован.

— Я понимаю. — Сидоров поглядел на носки своих ботинок и сказал: — Я хотел переговорить с товарищем Горбовским.

— Вам придется подождать. Пойдемте, я провожу вас в кают-компанию.

Он проводил Сидорова в кают-компанию, положил перед ним пачку последних земных журналов и вернулся в рубку. Десантники улыбались, Бадер утирал пот со лба и тоже улыбался. На экране опять бились туманные всплески.

— Возвращается, — облегченно вздохнул Диксон. — Он сказал, что одного витка на первый раз достаточно.

— Конечно, достаточно, — согласился Валькенштейн.

— Вполне достаточно, — добавил Лю.

Через четверть часа Горбовский выкарабкался из кессона, на ходу расстегивая пилотский комбинезон. Он был рассеян и смотрел вверх голов.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Лю.

— Все в порядке, — ответил Горбовский. Он остановился посередине коридора и стал вылезать из комбинезона. Выпростал из комбинезона одну ногу, наступил на рукав и чуть не упал. — То есть что я говорю — все в порядке? Все ни к черту не годится.

— А что именно? — осведомился Валькенштейн.

— Я есть хочу, — заявил Горбовский. Он вылез наконец из комбинезона и направился в кают-компанию, волоча комбинезон по полу за рукав. — Дурацкая планета.

Валькенштейн отобрал у него комбинезон и пошел рядом.

— Дурацкая планета, — повторил Горбовский, глядя вверх голов.

— Это весьма трудная планета для высадки, — подтвердил Бадер, отчетливо выговаривая слова.

— Дайте мне поесть, — попросил Горбовский.

Когда он вошел в кают-компанию, Сидоров вскочил на ноги.

— Сидите, сидите, — благосклонно сказал Горбовский и повалился на диван.

— Так что же случилось? — спросил Валькенштейн.

— Ничего особенного. Наши боты не годятся для высадки.

— Почему?

— Не знаю. Фотонные корабли не годятся для высадки. Все время нарушается настройка магнитных ловушек в реакторе.

— Атмосферные магнитные поля, — предположил атмосферный физик Лю и потер руки, шурша ладонями.

— Может быть, — отозвался Горбовский.

— Что же, — неторопливо сказал Бадер. — Я дам вам импульсную ракету. Или ионолет.

— Дайте, Август, — оживился Горбовский. — Дайте, пожалуйста, нам ионолет или импульсную ракету. И дайте мне поесть что-нибудь.

— Интересно! — воскликнул Валькенштейн. — Да я и не помню уже, когда в последний раз водил импульсную ракету.

— Ничего, — успокоил Горбовский. — Вспомнишь... Послушайте, а дадут мне сегодня поесть?

Валькенштейн извинился перед Сидоровым, снял со стола журналы и накрыл стол хлорвиниловой скатертью. Затем он поставил на стол хлеб, масло, молоко и гречневую кашу.

— Пожалуйста, Леонид Андреевич.

Горбовский нехотя встал с дивана.

— Всегда приходится подниматься, когда надо что-нибудь делать...

Он сел за стол, взял обеими руками чашку с молоком и выпил ее залпом. Затем он обеими руками придвинул к себе тарелку с кашей и взял вилку. Только когда он взял вилку, стало понятно, почему он брал чашку и тарелку обеими руками. У него тряслись руки. У него так сильно тряслись руки, что он два раза промахнулся, стараясь поддеть на кончик ножа кусок масла. Бадер, вытянув шею, глядел на руки Горбовского.

— Я постараюсь дать вам самую лучшую импульсную ракету, Леонид, — сказал он слабым голосом. — Наиболее лучшую.

— Дайте, Август. Самую лучшую. А кто этот молодой человек?

— Это Сидоров, — объяснил Валькенштейн. — Он хотел говорить с вами.

Сидоров встал опять. Горбовский благожелательно поглядел на него снизу вверх.

— Садитесь, пожалуйста.

— О, — сказал Бадер, — я совершенно забыл. Простите меня. Леонид, товарищи, позвольте представить вам...

— Я Сидоров. — Молодой человек чувствовал себя неловко, потому что все глядели на него. — Михаил Альбертович. Биолог.

— Уэлкам, Михаил Альбертович, — сказал волосатый Диксон.

— Ладно. — Горбовский снова принялся за кашу. — Сейчас я поем, Михаил Альбертович, и мы пойдем в мою каюту. Там есть диван. Здесь тоже есть диван... — он понизил голос до шепота, — но на нем расселся Бадер, а он — директор.

— Не вздумайте взять его, — сказал Валькенштейн по-китайски. — Мне он не нравится.

— Почему? — спросил Горбовский.

Горбовский возлежал на диване, Валькенштейн и Сидоров сидели у стола. На столе валялись блестящие мотки лент видеофонографа.

— Не вздумайте взять его, — повторил Валькенштейн.

Горбовский закинул руки за голову.

— Родных у меня нет, — сказал Сидоров. — Плакать по мне некому.

— Почему — плакать? — спросил Горбовский.

Сидоров нахмурился.

— Я хочу сказать, что знаю, на что иду. Мне необходима информация. На Земле меня ждут. Я сижу здесь над Владиславой уже год. Год потратил почти зря...

— Да, это обидно.

Сидоров сцепил пальцы.

— Очень обидно, Леонид Андреевич. Я думал, на Владиславу высадятся скоро. Я вовсе не лезу в первооткрыватели. Мне просто нужна информация, понимаете?

— Понимаю. Вы ведь, кажется, биолог...

— Да. Кроме того, я проходил курсы пилотов-космогаторов и получил диплом с отличием. Вы у меня экзамены принимали, Леонид Андреевич. Но вы меня, конечно, не помните. В конце концов, я прежде всего биолог, и я больше не хочу ждать. Меня обещал с собой взять Квиппа. Но он попытался два раза высадиться и отказался. Потом прилетел Стринг. Вот это был настоящий смельчак. Но он тоже не взял меня с собой. Не успел. Он пошел на посадку со второй попытки и не вернулся.

— Вот чудак, — произнес Горбовский, глядя в потолок. — На такой планете надо делать по крайней мере десять попыток. Как, вы говорите, его фамилия? Стринг?

— Стринг, — ответил Сидоров.

— Чудак, — сказал Горбовский. — Неумный человек.

Валькенштейн поглядел на лицо Сидорова и проворчал:

— Так и есть. Это же герой.

— Говори по-русски, — строго сказал Горбовский. — Он же знает китайский.

Сидоров покраснел.

— Да, знаю. Только я не герой. Стринг — вот это герой. А я биолог, и мне нужна информация.

— Сколько информации вы получили от Стринга? — спросил Валькенштейн.

— От Стринга? Нисколько, — ответил Сидоров. — Ведь он погиб.

— Так почему же вы им так восхищаетесь?

Сидоров пожал плечами. Он не понимал этих странных людей. Это очень странные люди — Горбовский, Валькенштейн и их друзья. Назвать замечательного смельчака Стринга неумным чудачком... Он вспомнил Стринга, высокого, широкоплечего, с раскатистым беззаботным смехом и уверенными движениями. И как Стринг сказал Бадеру: «Осторожные сидят на Земле, Август-Иоганн. Специфика работы, Август-Иоганн!» и щелкнул крепкими пальцами.

«Неумный чудак». Ладно, подумал Сидоров, это их мнение. Но что делать мне? Опять сидеть сложа руки и радировать на Землю, что очередная обойма киберразведчиков сгорела в атмосфере; что очередная попытка высадиться не удалась; что очередной отряд исследователей-межпланетников отказывается брать меня в поиск; что я еще раз вдребезги разругался с Бадером, и Бадер еще раз подтвердил, что планетолета мне не доверит, но за «систематическую дерзость» вышлет меня из «вверенного ему участка Пространства». И опять добрый старый Рудольф Крейцер в Ленинграде, трясая академической ермолкой, будет приводить свои интуитивные соображения в пользу существования жизни в системах голубых звезд, а неистовый Гаджибеков будет громить его испытанными доводами против существования жизни в системах голубых звезд; и опять Рудольф Крейцер будет говорить все о тех же восемнадцати бактериях, выловленных экспедицией Квиппа в атмосфере планеты Владислава, а Гаджибеков будет отрицать какую бы то ни было связь между этими восемнадцатью бактериями и атмосферой планеты Владислава, с полным основанием ссылаясь на сложность идентификации в конкретных условиях данного эксперимента. И опять Академия Космобиологии оставит открытым вопрос о существовании жизни в системах голубых звезд. А эта жизнь есть, есть, есть! И нужно только до нее дотянуться. Дотянуться до Владиславы, планеты голубой звезды ЕН 17.

Горбовский посмотрел на Сидорова и ласково спросил:

— В конце концов, зачем вам обязательно лететь с нами? У нас есть свой биолог. Прекрасный биолог Перси Диксон. Он немножко сумасшедший, но он доставит вам образцы какие угодно и в любых количествах.

— Эх! — Сидоров в отчаянии махнул рукой.

— Честное слово, — убеждал Горбовский. — Вам бы у нас очень не понравилось. А так все будет в порядке. Мы высадимся и доставим вам все, что вам нужно. Дайте нам только инструкции.

— И вы все сделаете наоборот, — не унимался Сидоров. — Вы же не знаете условий работы на Владиславе. Вам там будет не до моих инструкций.

— Что верно, то верно, — вздохнул Горбовский. — Условий мы не знаем. Придется вам подождать еще немножко, Михаил Альбертович.

Валькенштейн удовлетворенно кивнул.

— Хорошо, — Сидоров сдался. Глаза его совсем закрылись. — Тогда возьмите хоть инструкции.

— Обязательно, — заверил Горбовский. — Непременно.

На протяжении последующих сорока циклов Горбовский произвел шестнадцать поисков. Он работал на превосходном импульсном планетолете «Скиф-Алеф», который ему предоставил Бадер. Первые пять поисков он произвел в одиночку, пробуя экзосферу Владиславы на полюсах, на экваторе, на различных широтах. Наконец он облюбовал район Северного полюса и стал брать с собой Валькенштейна. Они раз за разом погружались в атмосферу черно-оранжевой планеты и раз за разом, как пробки из воды, высасывали обратно. Но с каждым разом они погружались все глубже.

Бадер подключил к работе десантников три обсерватории, которые непрерывно информировали Горбовского о передвижениях метеорологических фронтов в атмосфере Владиславы. По приказу Бадера было возобновлено производство атомарного водорода — горючего для «Скиф-Алефа» (расход горючего оказался непредвиденно громадным). Исследования химического состава атмосферы бомбозондами с мезонными излучателями были прекращены.

Валькенштейн и Горбовский возвращались после поисков измученные и измочаленные и жадно набрасывались на еду, после чего Горбовский пробирался к ближайшему дивану и подолгу лежал, развлекая друзей разнообразными сентенциями.

Сидоров по приглашению Горбовского остался на «Тариэле». Ему разрешили установить в тестерных пазах «Скиф-Алефа» контейнеры-ловушки для биообразцов и биологическую экспресс-лабораторию. При этом он несколько потеснил хозяйство атмосферного физика Лю. Впрочем, толку было мало: контейнеры возвращались пустыми, записи экспресс-лаборатории не поддавались расшифровке. Воздействие магнитных полей бешеной атмосферы на приборы менялось хаотически, и экспресс-лаборатория требовала руки человека. Вылезая из кессона, Горбовский прежде всего видел бритый лоснящийся череп Сидорова и молча хлопал себя ладонью по лбу. Однажды он сказал Сидорову: «Дело в том, Михаил Альбертович, что вся биология вылетает у меня из головы на сто двадцатом километре. Там ее просто вышибает. Уж очень там страшно. Того и гляди — убьешься».

Иногда Горбовский брал с собой Диксона. После каждого такого поиска волосатый биолог отлеживался. В ответ на робкую просьбу Сидорова присмотреть за приборами Диксон прямо ответил, что никакими посторонними делами заниматься не собирается. («Просто не хватает времени, мальчик...»)

«Никто из них не собирается заниматься посторонними делами, — с горечью думал Сидоров. — Горбовский и Валькенштейн ищут Город, Валькенштейн и Лю заняты атмосферой, а Диксон изучает божественные пульсы всех троих. И они тянут, тянут, тянут с высадкой... Почему они не торопятся? Неужели им все равно?»

Сидорову казалось, что он никогда не поймет этих странных людей, именуемых десантниками. Во всем огромном мире знали десантников и гордились ими. Быть личным другом десантника считалось честью. Но тут оказывалось, что никто не знал толком, что такое десантник. С одной стороны, это — что-то невероятно смелое. С другой — что-то позорно осторожное: они возвращались. Они всегда умирали естественной смертью. Они говорили: «Десантник — это тот, кто точно рассчитывает момент, когда можно быть нерасчетливым». Они говорили: «Десантник перестает быть десантником, когда погибает». Они говорили: «Десантник идет туда, откуда не возвращаются машины». И еще они говорили: «Можно сказать: он жил и умер биологом. Но следует говорить: он жил десантником, а погиб биологом». Все эти высказывания были очень эмоциональны, но они совершенно ничего не объясняли. Многие выдающиеся ученые и исследователи были десантниками. В свое время Сидоров тоже восхищался десантниками. Но одно дело — восхищаться, сидя за партией, и совсем другое — смотреть, как Горбовский черепахой ползет по километрам, которые можно было бы преодолеть одним рискованным, но молниеносным броском.

Вернувшись из шестнадцатого поиска, Горбовский объявил, что собирается приступить к исследованию последней и самой сложной части пути к поверхности Владиславы.

— До поверхности остаются двадцать пять километров совершенно неизученного слоя, — сказал он, по обыкновению помаргивая сонными глазами и глядя поверх голов. — Это очень опасные километры, и здесь я буду продвигаться особенно осторожно. Мы с Валькенштейном сделаем еще по крайней мере десять-пятнадцать поисков. Если, конечно, директор Бадер обеспечит нас горючим.

— Директор Бадер обеспечит вас горючим, — величественно сказал Бадер. — Вы можете несколько не сомневаться, Леонид.

— Вот и отлично. Дело в том, что я буду предельно осторожен и потому считаю себя вправе взять с собой Сидорова.

Сидоров вскочил. Все посмотрели на него.

— Ну вот и дождался, мальчик, — улыбнулся Диксон.

— Да. Надо дать шанс новичку, — веско произнес Бадер.

Лю только кивнул красивой головой. И даже Валькенштейн промолчал, хотя и был недоволен.

— Это будет справедливо, — сказал Горбовский. Он попятился и, не оглядываясь, с завидной аккуратностью сел на диван. — Пусть идет новичок. — Он улыбнулся и лег. — Готовьте ваши контейнеры, Михаил Альбертович, мы берем вас с собой.

Сидоров бросился вон из кают-компании.

— Зря, — сказал Валькенштейн.

— Не будь эгоистом, Марк, — ответил Горбовский лениво. — Парень сидит здесь уже год. А ему всего-то и нужно только, что добыть бактерии из атмосферы.

Валькенштейн покачал головой:

— Зря. Он герой.

— Это ничего. Я теперь вспоминаю, курсанты звали его Атосом. Кроме того, я читал его книжку. Он хороший биолог и не будет шалить. Я тоже когда-то был героем. И ты тоже. И Лю. Верно, Лю?

— Верно, командир, — согласился Лю.

Горбовский сморщился и погладил плечо.

— Болит, — пожаловался он. — Такой чертов вираж. Да еще против потока. А как твое колено, Марк?

Валькенштейн поднял ногу, несколько раз согнул и разогнул ее. Все внимательно следили за его движениями.

— «Увы мне, чашка на боку», — пропел он.

— А вот я вам сейчас сделаю массаж, — сказал Диксон и тяжело поднялся.

«Гаризель» двигался по меридиональной орбите и проходил над Северным полюсом Владиславы каждые три с половиной часа. К концу цикла «Скиф-Алеф» с Горбовским, Валькенштейном и Сидоровым отделился от звездолета и бросился вниз, в самый центр черной спиральной воронки, медленно скручивающейся в оранжевом тумане, который скрывал Северный полюс Владиславы.

Сначала все молчали, потом Горбовский сказал:

— Разумеется, *они* высадились на Северном полюсе.

— Кто? — спросил Сидоров.

— *Они*, — пояснил Горбовский. — И если они построили где-нибудь свой город, то именно на Северном полюсе.

— На том месте, где тогда был Северный полюс, — уточнил Валькенштейн.

— Да, конечно, на том месте. Как на Марсе.

Сидоров напряженно глядел, как на экране стремительно разлетаются из какого-то центра оранжевые зерна и черные пятна. Затем это движение замедлилось. «Скиф-Алеф» тормозил. Теперь он спускался вертикально.

— Но они могли сесть и на Южном полюсе, — добавил Валькенштейн.

— Могли, — согласился Горбовский.

Сидоров подумал, что, если Горбовский не найдет поселения чужеземцев у Северного полюса, он так же методически будет копаться у Южного, а потом, если не найдет у Южного, будет вылизывать всю планету, пока не найдет. Ему даже стало жалко Горбовского и его товарищей. Особенно его товарищей.

— Михаил Альбертович, — позвал вдруг Горбовский.

— Да?

— Михаил Альбертович, вы когда-нибудь видели, как танцуют эльфы?

— Эльфы? — удивился Сидоров. Он оглянулся. Горбовский сидел вполоборота к нему и косил на него нечестивым глазом. Валькенштейн сидел спиной к Сидорову. — Эльфы? — спросил Сидоров. — Какие эльфы?

— С крылышками. Знаете, такие... — Горбовский отнял руку от клавиш управления и неопределенно пошевелил пальцами. — Не видели? Жаль. Я вот тоже не видел. И Марк тоже, и никто не видел. А интересно было бы посмотреть, правда?

— Несомненно, — сухо ответил Сидоров.

— Леонид Андреевич, — спросил Валькенштейн. — А почему *они* не демонтировали оболочки станций?

— *Им* это было не нужно.

— Это неэкономно.

— Значит, они были неэкономны.

— Расточительные разведчики.

Планетолет трянуло.

— Взяли, Марк, — сказал Горбовский незнакомым голосом.

И планетолет начало ужасно трясти. Просто невозможно было представить, что можно вынести такую тряску. «Скиф-Алеф» вошел в атмосферу, где ревели бешеные горизонтальные потоки, таща за собой длинные черные полосы кристаллической пыли, где сейчас же ослепли локаторы, где в плотном оранжевом тумане носились молнии невиданной силы. Здесь мощные, совершенно необъяснимые всплески магнитного поля сбивали приборы и расщепляли плазменный шнур в реакторе фотонных ракет. Фотонные ракеты здесь не годились, но и первоклассному атомному планетолету «Скиф-Алеф» тоже приходилось несладко.

Впрочем, в рубке было тихо. Перед пультом скорчился Горбовский, примотанный к креслу ремнями. Черные волосы падали ему на глаза, и при каждом толчке он скалил зубы. Толчки следовали непрерывно, и казалось, что он смеется. Но это был не смех. Сидоров никогда не предполагал, что Горбовский может быть таким — не странным, а каким-то чужим. Горбовский был похож на дьявола. Валькенштейн тоже был похож на дьявола. Он висел, раскорячившись, над пультом атмосферных фиксаторов, дергая вытянутой шеей. Было удивительно тихо. Но стрелки приборов, зеленые зигзаги и пятна на флюоресцентных экранах, черные и оранжевые пятна на экране перископа — все металось и кружилось в веселой пляске, а пол дергался из стороны в сторону, как укороченный маятник, и потолок падал и снова подскакивал.

— Киберштурман, — хрипло бросил Валькенштейн.

— Рано. — Горбовский снова оскалился.

— Сносит... Много пыли.

— Рано, черт, — крикнул Горбовский. — Иду к полюсу.

Ответа Валькенштейна Сидоров не услышал, потому что заработала экспресс-лаборатория. Вспыхнула сигнальная лампа, и под прозрачной пластмассовой пластинкой поползла лента записи. «Ага!» — закричал Сидоров. За бортом был белок. Живая

протоплазма. Ее было много и с каждой секундой становилось все больше. «Что за черт», — подумал Сидоров. Самописцу не хватило ширины ленты, и прибор автоматически переключился на нулевой уровень. Затем сигнальная лампа погасла, и лента остановилась. Сидоров зарычал, сорвал заводскую пломбу и обеими руками залез в механизм прибора. Он хорошо знал этот прибор, он сам принимал участие в его конструировании и не мог понять, что разладилось. С огромным напряжением, стараясь сохранить равновесие, Сидоров ощупывал блоки печатных схем. Они могли расколоться от толчков. Он совсем забыл об этом. Они двадцать раз могли расколоться во время прошлых поисков. «Только бы они не раскололись, — думал он. — Только бы они остались целы».

Корабль трясло невыносимо, и Сидоров несколько раз ударился лбом о пластмассовую панель. Один раз он ударился переносицей и на некоторое время совсем ослеп от слез. Блоки, по-видимому, были целы. Тут «Скиф-Алеф» круто лег на борт.

Сидорова выбросило из кресла. Он пролетел через всю рубку, сжимая в обеих руках вырванные с корнем обломки панелей. Он даже не сразу понял, что произошло. Потом он понял, но не поверил.

— Надо было привязаться! — крикнул Валькенштейн. — Пилот!

Сидоров на четвереньках добрался по пляшущему полу до своего кресла, пристегнулся ремнями и тупо уставился в развороченные внутренности прибора.

Планетолет ударило так, словно он налетел на скалу. Сидоров, разинув пересохший рот, глотал воздух. Очень тихо было в рубке, только хрипел Валькенштейн, шея его наливалась кровью.

— Киберштурман, — повторил он. И тотчас снова дрогнули стены. Горбовский молчал.

— Нет подачи горючего, — сказал Валькенштейн неожиданно спокойно.

— Вижу. — Горбовский тоже был спокоен. — Делай свое дело.

— Нет ни капли. Мы падаем. Замкнуло, черт...

— Включаю аварийную, последнюю. Высота сорок пять... Сидоров!

— Да, — отозвался Сидоров и принялся откашливаться.

— Ваши контейнеры наполняются. — Горбовский повернул к нему свое длинное лицо с сухими блестящими глазами. Сидоров никогда не видел у него такого лица, когда он лежал на диване. — Компрессоры работают! Вам везет, Атос!

— Мне здорово везет, — прошептал Сидоров.

Теперь ударило снизу. У Сидорова что-то хрустнуло внутри, и рот наполнился горькой слюной.

— Пошло горючее! — крикнул Валькенштейн.

— Хорошо... Прелесть! Но занимайся своим делом, ради бога. Сидоров! Эх, Миша...

— Да, — сипло сказал Сидоров, не разжимая зубов.

— Запасного комплекта у вас нет?

— Ага. — Сидоров плохо соображал сейчас.

— Что «ага»? — закричал Горбовский. — Есть или нет?

— Нет.

— Пилот... — буркнул Валькенштейн. — Герой...

Сидоров скрипнул зубами и стал смотреть на экран перископа. По экрану справа налево неслись мутные оранжевые полосы. Было так страшно и тошно видеть это, что Сидоров закрыл глаза.

— Они высадились здесь! — услышал он голос Горбовского. — Там город, я знаю!

Что-то тоненько зазвенело в рубке, и вдруг Валькенштейн заревел тяжелым прерывистым басом:

Бешеных молний крутой зигзаг,
Черного вихря взлет,
Злое пламя слепит глаза,

Но если бы ты повернул назад,
Кто бы пошел вперед?

«Я бы пошел, — подумал Сидоров. — Дурак, осел. Нужно было дожидаться, пока Горбовский решится на посадку. Не хватило терпения. Если бы сегодня он шел на посадку, плевал бы я на экспресс-лабораторию». А Валькенштейн ревел:

Чужая улыбка, недобрый взгляд,
Губы скривил пилот...
«Струсил Десантник», — тебе говорят,
Но если бы ты не вернулся назад,
Кто бы пошел вперед?

— Высота двадцать один, — крикнул Горбовский. — Перехожу в горизонталь.

«Теперь бесконечные минуты горизонтального полета, — думал Сидоров. — Ужасные минуты горизонтального полета. Многие минуты толчков и тошноты, пока они не насладятся своими исследованиями. А я буду сидеть, как слепой, со своей дурацкой разбитой машиной».

Планетолет ударило. Удар был очень сильный, такой, что потемнело в глазах. И Сидоров, задыхаясь, увидел, как Горбовский с размаху ударился лицом о пульт, а Валькенштейн раскинул руки, взлетел над креслом и медленно, как это бывает во сне, с раскинутыми руками опустился на пол и остался лежать лицом вниз. Кусок ремня, лопнувшего в двух местах, плавно, как осенний лист, скользнул по его спине. Несколько секунд планетолет двигался по инерции, и Сидоров, вцепившись в замок ремня, чувствовал, что все падает. Но затем тело снова стало весомым.

Тогда он расстегнул замок и поднялся на ватные ноги. Он смотрел на приборы. Стрелка альтиметра ползла вверх, зеленые зигзаги контрольной системы металась в голубых окошечках, оставляя медленно гаснущие туманные следы. Киберштурман вел планетолет прочь от Владиславы. Сидоров перешагнул через Валькенштейна и подошел к пульту. Горбовский лежал головой на клавишах. Сидоров оглянулся на Валькенштейна. Тот уже сидел, упиравшись руками в пол. Глаза его были закрыты. Тогда Сидоров осторожно поднял Горбовского и положил его на спинку кресла. «Плевать я хотел на экспресс-лабораторию», — подумал Сидоров. Он выключил киберштурмана и опустил пальцы на липкие клавиши. «Скиф-Алеф» начал разворачиваться и вдруг упал на сто метров. Сидоров улыбнулся. Он услышал, как позади Валькенштейн яростно прохрипел:

— Не смей!..

Но он даже не обернулся.

— Вы хороший пилот, и вы хорошо посадили корабль. И по-моему, вы прекрасный биолог, — сказал Горбовский. Лицо его было все забинтовано. — Просто прекрасный биолог. Настоящий энтузиаст. Правда, Марк?

Валькенштейн кивнул и, разлепив губы, сказал:

— Несомненно. Он хорошо посадил корабль. Но поднял корабль не он.

— Понимаете, — Горбовский говорил очень проникновенно. — Я читал вашу монографию о простейших — она превосходна. Но нам с вами не по дороге.

Сидоров с трудом глотнул и спросил:

— Почему?

Горбовский поглядел на Валькенштейна, затем на Бадера.

— Он не понимает.

Валькенштейн кивнул. Он не смотрел на Сидорова. Бадер тоже кивнул и посмотрел на Сидорова с какой-то неопределенной жалостью.

— А все-таки? — вызывающе спросил Сидоров.

— Вы слишком любите штурмы, — сказал Горбовский мягко. — Знаете, это — штурм унд дранг, так сказал бы директор Бадер.

— Штурм и натиск, — важно перевел Бадер.

— Вот именно. А это не нужно. Это па-аршивое качество. Это кровь и кости. И вы даже не понимаете этого.

— Моя лаборатория погибла, — пытался оправдаться Сидоров. — Я не мог иначе.

Горбовский вздохнул и посмотрел на Валькенштейна. Валькенштейн бросил брезгливо:

— Пойдемте, Леонид Андреевич.

— Я не мог иначе, — упрямо повторил Сидоров.

— Нужно было совсем иначе, — сказал Горбовский. Он повернулся и пошел по коридору.

Сидоров стоял посреди коридора и смотрел, как они уходят втроем и Бадер и Валькенштейн поддерживают Горбовского под локти. Потом он посмотрел на свою руку и увидел красные пятна на пальцах. Тогда он пошел в медицинский отсек, придерживаясь за стену, потому что его качало из стороны в сторону. «Я же хотел, как лучше, — думал он. — Это же было самое важное — высадиться. И я привез контейнеры с микрофауной. Я знаю, что это очень ценно. И для Горбовского это тоже очень ценно: ведь Горбовскому рано или поздно самому придется высадиться и провести рейд по Владиславе. И бактерии убьют его, если я не обезврежу их. Я сделал то, что надо. На Владиславе, планете голубой звезды, есть жизнь. Конечно, я сделал то, что надо». Он несколько раз прошептал: «Я сделал то, что надо». Но он чувствовал, что это не совсем так. Он впервые почувствовал это там, внизу, когда они стояли возле планетолета по пояс в бурлящей нефти, и на горизонте огромными столбами поднимались гейзеры, и Горбовский спросил его: «Что вы намерены предпринять, Михаил Альбертович?», а Валькенштейн что-то сказал на незнакомом языке и полез обратно в планетолет. Затем он почувствовал это, когда «Скиф-Алеф», в третий раз оторвавшись от поверхности страшной планеты, снова плюхнулся в нефтяную грязь, сброшенный ударом бури. И он чувствовал это теперь.

— Я же хотел, как лучше, — невнятно пробормотал он Диксону, помогавшему ему улечься на стол.

— Что? — спросил Диксон.

— Я должен был высадиться...

— Лежите, — проворчал Диксон. — Первобытный энтузиазм...

Сидоров увидел, как с потолка спускается большая белая груша. Груша повисла совсем близко, у самого лица, перед глазами поплыли темные пятна, заложило уши, и вдруг тяжелым басом запел Валькенштейн:

И если бы ты не вернулся назад,
Кто бы пошел вперед?

— Кто угодно... — упрямо прошептал Сидоров с закрытыми глазами. — Любой пойдет вперед...

Диксон стоял рядом и смотрел, как тонкая блестящая игла киберхирурга входит в изуродованную руку. «Как много потерял крови, — подумал Диксон. — Много-много. Горбовский вовремя вытащил их. Опоздай он на полчаса, и мальчишка никогда уже больше не оправился бы... Но Горбовский всегда возвращается вовремя. Так и надо. Десантники должны возвращаться, иначе они бы не были десанниками».

Свидание

Вильгельм Эрмлер стоял перед своим огромным письменным столом и разглядывал блестящие глянцевитые фотографии.

— Здравствуй, Вилли, — сказал охотник.

Эрмлер поднял лобастую лысую голову и закричал:

— A! Home is the sailor, home from sea!..

— And the hunter home from the hill¹, — ответил охотник. Они обнялись.

— Чем ты меня порадуешь на этот раз? — деловито спросил Вилли. — Ты ведь с Пандоры?..

— Да, прямо с Серых Болот. — Охотник сел в кресло и достал трубку. — А ты все толстеешь и лысеешь, Вилли. Сидячая жизнь тебя доконает. В следующий раз я возьму тебя с собой.

Эрмлер озабоченно взялся за свой толстый живот.

— Да, — согласился он. — Ужасно. Нарушение метаболизма и еще что-то. Так ты привез что-нибудь интересное?

— Нет, Вилли, одни пустяки, десяток двухордовых змей, несколько новых видов многостворчатых моллюсков... А это у тебя что? — Он протянул руку и взял со стола пачку фотографий.

— Это привез один новичок, Поль Гнедых. Знаешь его?

— Нет. — Охотник разглядывал фотографии. — Недурно. Это, конечно, с Яйлы.

— Правильно. Яйла. Гигантский ракопук. Очень крупный экземпляр.

— Да. — Охотник разглядывал ультразвуковой карабин, прислоненный для масштаба к желтому голому брюху ракопука. — Неплохой экземпляр для новичка. Но я-то видел крупнее. Сколько раз он стрелял?

— Этот мальчик? Он говорит — два раза. И оба раза — в главный нервный узел. Теперь я не могу разобраться в двигательной системе этого господина.

— Следовало стрелять анестезирующей иглой. Мальчик немножко растерялся. — Охотник с улыбкой рассматривал фотографию, где возбужденный новичок горделиво попирает мертвое чудовище. — Ну ладно, а что у тебя дома?

Эрмлер махнул рукой:

— Сплошная матримония. Все выходят замуж. Марта вышла за какого-то агронома.

— Это которая Марта? — спросил охотник. — Внучка?

— Правнучка, Игорь, правнучка!

— Да, идет время... Ну что ж, я пойду. На свидание пойду. Ты знаешь.

— Опять? — Эрмлер с досадой покачал головой. — Может быть, хватит?

— Нет, Вилли. Надо. Встретимся, как всегда, в десятом павильоне.

Охотник положил на стол фотографии, кивнул и вышел. Он спустился в парк и направился к павильонам. Как обычно, в Музее было очень много народа. Люди шли по аллеям, обсаженным оранжевыми венерианскими пальмами, толпились вокруг террариев и над бассейнами с прозрачной водой; в траве между деревьями возились детишки — они играли в «марсианские прятки». Это была очень увлекательная, хотя и не очень поучительная игра. Давным-давно с Марса на Землю были привезены мимикродоны — спокойные, меланхоличного нрава ящеры, отлично приспособленные к любым условиям существования. Они обладали необычайно развитой способностью мимикрии. В парке Музея они пользовались полной свободой. Детишки развлекались тем, что разыскивали их — это требовало немалой зоркости и ловкости — и затем таскали их с места на место, чтобы посмотреть, как мимикродоны меняют окраску. Ящеры были большие, тяжелые, ребятишки тащили их волоком. Мимикродоны не сопротивлялись. Кажется, им это даже нравилось.

Охотник миновал огромный прозрачный колпак, под которым помещался террарий «Лужайка планеты Ружена». Там, в бледной голубоватой траве, прыгали и дрались

¹ Домой вернулся моряк, домой вернулся он с моря,
И охотник вернулся с холмов.
(Стивенсон «Реквием».)

забавные рэмбы — гигантские, изумительной расцветки насекомые, немного похожие на земных богомолов. Охотник вспомнил, как лет двадцать назад он впервые охотился на Ружене. Трое суток сидел он в засаде, поджидая кого-нибудь, и огромные радужные рэмбы прыгали вокруг и садились на ствол его карабина. У «Лужайки» всегда было полно народу, потому что рэмбы очень забавны и красивы.

У входа в Центральный Павильон охотник задержался возле балюстрады, окружающей глубокий круглый бассейн-колодец. В бассейне, в воде, освещенной сиреневым светом, без устали кружило длинное волосатое животное. Это был ихтиомамал, единственное известное животное, которое было теплокровным и дышало жабрами. Ихтиомамал непрерывно двигался, он плавал так кругами и год назад, и пять лет назад, и сорок лет назад, когда охотник впервые увидел его. Ихтиомамала с большим трудом добыл знаменитый Салье. Теперь Салье давно уже мертв и спит вечным сном где-то в болотах Пандоры, а его ихтиомамал все кружит и кружит в сиреневой воде бассейна.

В вестибюле Павильона охотник опять остановился. Всю середину огромного светлого зала занимало чучело «летающей пиявки», «сора-тобу хиру» (животный мир Марса, Солнечная система; тип полихордовых, класс кожедышащих, отряд, род, вид — сора-тобу хиру). Летающая пиявка была одним из первых экспонатов Музея Космозоологии, вот уже полтора века это омерзительное чудовище скалило свою кошмарную пасть, похожую на многочелюстный грейфер, в лицо каждому, кто входил в Павильон. Девятиметровое, покрытое жесткой блестящей шерстью, безглазое, безногое...

«Да, были дела на Марсе, — думал охотник. — Пятьдесят лет назад эти чудовища, почти нацело истребленные, неожиданно размножились вновь и принялись, как встарь, пиратствовать на коммуникациях марсианских баз. Вот тогда-то и была проведена знаменитая глобальная облава, единственная в своем роде. Я трясся на краулере и почти ничего не видел в туче песка, поднятого взрывами. Справа и слева неслись желтые танки, набитые добровольцами, и один танк, выскочив на бархан, вдруг развернулся, и люди стремглав посыпались с него, а танк тяжело завалился на бок и перевернулся вверх гусеницами. И тут мы выскочили из пыли, Эрмлер вцепился в мое плечо и заорал, указывая вперед. Я увидел пиявок, сотни пиявок, которые крутились на солончаке в низине между барханами. Я стал стрелять, и другие тоже начали стрелять, а Эрмлер все возился со своим самодельным ракетометателем и никак не мог привести его в действие. Все кричали и ругали его и даже грозили побить, но никто не мог оторваться от карабинов. Кольцо облавы смыкалось, и мы уже видели вспышки выстрелов с краулеров, идущих навстречу, и тут Эрмлер просунул между мной и водителем ржавую трубу своей пушки, раздался ужасный рев и грохот, и я повалился, оглушенный и ослепленный, на дно краулера. Солончак заволокло густым черным дымом, все краулеры остановились, а люди прекратили стрельбу и только орали, размахивая карабинами. Эрмлер в пять минут растратил весь свой боезапас, краулеры съехали на солончак, и мы принялись добывать все живое, что здесь осталось после ракет Эрмлера. Пиявки метались между машинами, их давили гусеницами, а я все стрелял, стрелял, стрелял... Я был молод тогда и очень любил стрелять. К сожалению, я всегда был отличным стрелком, к сожалению, я никогда не промахивался. К сожалению, я стрелял не только на Марсе и не только по отвратительным хищникам... Лучше бы мне никогда в жизни не видеть карабина...»

Охотник обошел чучело сора-тобу хиру и двинулся вдоль галереи.

Видимо, он выглядел неважно, потому что многие останавливались и с тревогой смотрели на него, а одна девушка даже подошла и робко осведомилась, не может ли она чем-нибудь помочь. «Ну что ты, девочка? — ответил охотник. Он через силу улыбнулся, залез двумя пальцами в нагрудный карман и достал диковинной красоты раковину с Пандоры. — Это тебе, — подал он раковину. — Я привез ее издалека». Девушка улыбнулась и взяла раковину.

— Вы очень дурно выглядите, — сказала она.

— Я уже не молод, детка, — ответил охотник. — Мы, старики, редко выглядим хорошо. Нам приходится слишком много таскать на душе.

Наверное, девушка не поняла его, но он и не хотел, чтобы она поняла. Он погладил ее по голове и пошел дальше. Но теперь он расправил плечи и старался держаться прямо. Люди больше не оглядывались на него. «Не хватает еще, чтобы меня жалели девчонки, — думал он. — Совершенно расклеился. Наверное, мне больше не нужно возвращаться на Землю. Наверное, мне нужно навсегда остаться на Пандоре, поселиться на краю Серых Болот, охотиться и никогда не слушать новостей. Никто не знает Серых Болот лучше меня, и я был бы там на месте. Там очень много дела для человека, который никогда не стреляет...»

Он остановился. Он всегда останавливался здесь. В продолговатом стеклянном ящике на обломках серого песчаника стояло, растопырив три пары корявых ножек, чучело сморщенной невзрачной серенькой ящерицы. У большинства неосведомленных посетителей серый шестиног не вызывал никаких эмоций. Немногие знали чудесную историю сморщенного шестинога. Но охотник знал и всегда испытывал чувство какого-то суеверного восхищения перед могучей силой жизни, когда останавливался здесь. Эта ящерица была убита в десяти парсеках от Солнечной системы, ее труп был препарирован, и сухое чучело простояло на этом самом стенде два года. И вдруг в один прекрасный день на глазах у посетителей из морщинистой серой шкурки полезли десятки крошечных юрких шестиногов. Правда, они сразу же погибли в воздухе Земли, сгорели от избытка кислорода, но шум был страшный, и зоологи так до сих пор не знают, как это могло произойти. Воистину, жизнь — это единственное, чему стоит поклоняться в этом мире...

Охотник брел по галереям, переходя из павильона в павильон. Яркое африканское солнце — доброе горячее солнце Земли — освещало залитых в стеклопласт зверей, родившихся за сотни миллиардов километров отсюда, под другими солнцами. Почти все они были знакомы охотнику, он видел их много раз и не только в Музее. Иногда он останавливался перед новыми экспонатами, читал диковинные названия диковинных животных и знакомые имена охотников. «Мальтийская шпага», «Крапчатый дзо», «Большой цзи-линь», «Малый цзи-линь», «Капуцин перепончатый», «Черное пугало», «Царевна-лебедь»... Симон Крейцер, Владимир Бабкин, Бруно Бельяр, Николас Друо, Жан Салье-младший... Он знал их всех и был самым старшим из них, хотя и не самым удачливым. Но он радовался, узнавая, что Салье-младший поймал наконец чешуйчатого скрытожаберника, что Володя Бабкин доставил на Землю живым слизняка-глайдера, а Бруно Бельяр подстрелил все-таки на Яйле горбоноса с белой перепонкой, за которым охотился уже несколько лет...

Так он пришел в десятый павильон, где было много его собственных трофеев. Здесь он останавливался почти у каждого стенда, вспоминая и смакуя. Вот «ковер-самолет», он же «падающий лист». Он выслеживал его четыре дня. Это было на Ружене, где так редко выпадают дожди, где когда-то давным-давно погиб замечательный зоолог Людвиг Порта. «Ковер-самолет» передвигается очень быстро и имеет очень тонкий слух. За ним нельзя охотиться на машине, его надо выслеживать днем и ночью, отыскивая слабые маслянистые следы в листве деревьев. Охотник выследил его, и с тех пор никто больше его не может выследить, и самолюбивый Салье не раз говаривал, что это была случайная удача. Охотник с гордостью потрогал буквы, врезанные в пояснительную табличку: «...Добыт и препарирован охотником И. Хариным». Он выстрелил в него четыре раза и ни разу не промахнулся, но «ковер-самолет» был еще жив, когда валился на землю, ломая ветки деревьев с зелеными стволами. «Это было, когда я еще стрелял...»

А вот безглазое венерианское чудовище из тяжеловодных болот. Безглазое и бесформенное. Никто толком не знал, какую придать ему форму, когда набивали чучело, и в конце концов набили по самой удачной фотографии. Охотник гнал его через болото к берегу, где были открыты несколько ловушек, и оно провалилось в одну и долго ревело

там, ворочаясь в черной жиже, и потребовалось два ведра бета-новокаина, чтобы усыпить его. Это было совсем недавно, лет десять назад. «Но тогда я уже не стрелял...»

Это было приятное свидание.

Чем дальше продвигался охотник по галерее десятого павильона, тем медленнее становились его шаги. Потому что ему не хотелось идти дальше. Потому что он не мог не идти дальше. Потому что приближалось главное свидание. И с каждым шагом он все сильнее ощущал знакомое тоскливое беспокойство. А из стеклянного ящика уже следили за ним круглые белые глаза...

Как всегда, он подошел к этому небольшому стенду, опустив голову, и прежде всего прочитал на пояснительной табличке надпись, которую давно выучил наизусть: «Животный мир планеты Крукса, система звезды ЕН 92. Цикл углеродный, тип монохордовые, класс не определен, отряд, род, вид — четверорук трехпалый. Добыт охотником И. Хариным, препарирован доктором В. Эрмлером». Потом он поднял глаза.

Под стеклянным колпаком на наклонной полированной доске лежала голова — сильно сплюснутая по вертикали, голая и черная, с плоской овальной лицевой частью. Кожа на лицевой части была гладкая, как на барабанах, не было ни рта, ни носовых отверстий, были только глаза. Круглые, белые, с маленькими черными зрачками и необычайно широко расставленные. Правый глаз был слегка попорчен, и это придавало мертвому взгляду странное выражение. Эрмлер был превосходным таксидермистом — точно такое же выражение было у четверорука, когда охотник впервые наклонился над ним в тумане. Давно это было...

Это было сорок три года назад. «Зачем это случилось? — подумал охотник. — Ведь я не собирался там охотиться. Крукс сообщал, что там нет ничего интересного — только бактерии да сухопутные рачки. И все-таки, когда Сандерс попросил меня осмотреть окрестности, я взял в вездеход карабин...»

Над каменными осыпями висел туман. Поднималось маленькое красное солнце — звезда ЕН 92, — тусклый красный карлик, и туман казался красным. Под мягкими гусеницами вездехода шуршали камни, было очень пусто вокруг, только из тумана одна за другой выплывали навстречу темные невысокие скалы. Потом что-то зашевелилось на гребне одной из скал, и охотник сразу остановил машину. На таком расстоянии трудно было рассмотреть животное. К тому же мешал туман и сумеречное освещение. Но у охотника был опытный глаз. Конечно, по гребню скалы пробиралось какое-то крупное четвероногое, и он обрадовался, что все-таки захватил с собой карабин. «Посрамм Крукса», — весело подумал он. Охотник опустил ветровое стекло, осторожно высунул ствол карабина и стал целиться. Когда туман немного поредел и горбатый силуэт животного отчетливо обозначился на фоне красноватого неба, охотник выстрелил. То, что произошло в следующий момент, было совершенно неожиданным. Слепящая лиловая вспышка возникла на том месте, где находилось животное. Что-то громко треснуло, и послышался долгий шипящий звук. Затем над гребнем скалы поднялись и смешались с туманом облака серого дыма.

Охотник очень удивился. Он помнил, что зарядил карабин анестезирующей иглой, от которой меньше всего можно было ожидать такого взрыва. Поразмыслив несколько минут, он вылез из вездехода и отправился искать труп. Он нашел его там, где и ожидал, — под скалой, на каменной осыпи. Это действительно было четвероногое или четверорукое животное размером с крупного дога. Оно было страшно обожжено и изувечено, и охотник вновь поразился, какое ужасное действие способна иногда оказывать обыкновенная анестезирующая игла. Трудно было даже представить себе первоначальный вид животного. Относительно целой оказалась только передняя часть головы — плоский овал, обтянутый гладкой черной кожей, и на нем белые потухшие глаза. Охотник перенес останки на вездеход и вернулся к кораблю.

На Земле трофеем охотника занялся Эрмлер. Через неделю он сообщил охотнику, что трофей сильно разрушен и особого интереса не представляет, разве что как

доказательство существования высших форм животных на планете Крукса, и посоветовал на будущее поаккуратнее обращаться с термитными патронами. «Можно подумать, что ты палил в него с испугу, — сказал он с раздражением, — словно оно на тебя напало». — «Но я отлично помню, что стрелял анестезирующей иглой», — возразил охотник. «А я отлично вижу, что ты попал ему термитной пулей в позвоночник», — ответил Эрмлер. Охотник пожал плечами и не стал спорить. Интересно было, конечно, узнать, отчего произошел такой взрыв, но, в конце концов, это было не так уж и важно.

«Да, тогда это казалось совсем не важным», — подумал охотник. Он все стоял и смотрел на плоскую голову четверорука. «Посмеялся над Круксом, поспорил с Эрмлером и все забыл. А потом пришло сомнение и за сомнением — горе».

Крукс организовал две крупные экспедиции. Он обшарил большие пространства на своей планете. И он не нашел там ни одного животного крупнее рачка величиной с мизинец. Зато в южном полушарии планеты, на обширном каменистом плоскогорье, спутники Крукса случайно обнаружили радиоактивный участок примерно круговой формы диаметром около двадцати метров. Замечательно было то, что радиоактивность была довольно сильной, быстро спадала и распространялась под почву на глубину всего в несколько сантиметров. Сначала этой находкой заинтересовались, но затем выяснилось, что где-то в том районе лет пять назад приземлялся для текущего ремонта звездолет Сандерса, и о находке забыли. Забыли все, кроме охотника. Потому что к тому времени у охотника уже родилось сомнение.

Как-то в Ленинградском Клубе Звездолетчиков охотник услышал историю о том, как бортиженер Фалин чуть не сгорел заживо на планете Крукса. Он вылез из корабля с неисправным кислородным баллоном. В баллоне была трещинка, а атмосфера планеты Крукса была насыщена легкими углеводородами, бурно реагирующими со свободным кислородом. К счастью, с Фалина успели сорвать пылающий баллон, и он отделался только небольшими ожогами. Охотник слушал этот рассказ, а перед его глазами стояла лиловая вспышка над черным гребнем горы.

После того как на планете Крукса была обнаружена неизвестная стартовая площадка, сомнение превратилось в страшную уверенность. Охотник кинулся к Эрмлеру. «Кого я убил?! — кричал он. — Это зверь или человек? Вилли, кого я убил?!» Эрмлер слушал его, наливаясь кровью, а потом заорал: «Сядь! Прекрати истерику, старая баба! Как ты смеешь мне это говорить? Ты думаешь, я не могу отличить разумное существо от зверя?» — «Но радиоактивная площадка!..» — «Ты сам сажился на это плоскогорье с Сандерсом...» — «Вспышка...» — «Не надо стрелять термитными снарядами в углеводородной атмосфере». — «Пусть так, но ведь Крукс не нашел там больше ни одного четверорука! Я знаю, это был чужой звездолетчик!» — «Истеричка! — орал Эрмлер. — Да на планете Крукса, может быть, еще сто лет не найдут ни одного четверорука! Огромная планета, изрытая пещерами, как голландский сыр! Тебе просто повезло, дурак, а ты не сумел воспользоваться и привез мне обугленные кости вместо животного!..»

Охотник стиснул руки так, что у него затрещали пальцы.

— Да, Вилли, я привез тебе не животное, — пробормотал он, — я привез тебе все-таки чужого звездолетчика...

«Как много слов ты потратил, Вилли. Сколько раз ты убеждал меня! Сколько раз мне казалось, что сомнения уходят навсегда, что я снова могу вздохнуть спокойно и не чувствовать себя убийцей... Но сомнения возвращаются, их не убьешь хитроумной логикой. Мы ни разу еще не встречались с чужими разумными существами. Но мы наверняка встретимся с ними. Разумное существо не может быть похоже на этого бедного четверорука? Но кто может доказать это? Нет прямых доказательств моего преступления? Но нет и прямых доводов моей невиновности. И разве дело в доводах?»

Он положил руки на ящик и прижался лицом к прозрачному пластику.

— Кто ты? — прошептал он.

Эрмлер увидел его издалека, и, как всегда, ему стало невыносимо больно при виде этого гордого сильного человека, страшно сломленного собственной совестью. Но он не подал вида. Нарочито громко стуча каблуками, он подошел к охотнику, хлопнул его ладонью по спине и нарочито бодрым голосом воскликнул:

— Ну, свидание окончено! Я зверски хочу есть, Игорь, и мы пойдем сейчас ко мне и славно пообедаем! Сегодня Марта приготовила настоящий оксеншванцензуппе! Пойдем, Игорь, зуппе ждет нас!

— Пойдем, — тихо ответил охотник.

— Я уже звонил домой. Все жаждут видеть тебя и слушать твои рассказы.

Охотник покивал и медленно пошел к выходу. Эрмлер посмотрел на его согнутую спину и повернулся к стенду. Глаза его встретились с белыми мертвыми глазами за прозрачной стенкой. «Поговорили?» — молча спросил Эрмлер. «Да». — «Ты ничего ему не сказал?» — «Нет». Эрмлер взглянул на пояснительную табличку. «...четверорук трехпалый. Добыт охотником И. Хариным, препарирован доктором В. Эрмлером». Он снова оглянулся на охотника и украдкой написал мизинцем после слова «трехпалый»: «sapiens»¹. На табличке не осталось ни одного штриха, но Эрмлер поспешно потер ее ладонью.

Доктору Эрмлеру тоже было тяжело. Он-то знал наверняка, знал с самого начала...

Благоустроенная планета

Лю стоял по пояс в сочной зеленой траве и смотрел, как опускается вертолет. От ветра, поднятого винтами, по траве шли широкие волны, серебристые и темно-зеленые. Лю казалось, что вертолет опускается слишком медленно, и он нетерпеливо переступал с ноги на ногу. Было очень жарко и душно. Маленькое белое солнце стояло высоко, от травы поднималась влажная жара. Винты заверещали громче, вертолет развернулся бортом к Лю, затем упал сразу метра на полтора и словно утонул в траве на вершине холма. Лю побежал вверх по склону, путаясь и спотыкаясь.

Двигатель стих, винты стали вращаться медленнее и остановились. Из кабины вертолета полезли люди. Первым вылез долговязый человек в куртке с засученными рукавами. Он был без шлема, выгоревшие волосы его торчали дыбом над длинным коричневым лицом. Лю узнал его: это был начальник группы следопыт Анатолий Попов.

— Здравствуй, хозяин, — весело сказал он, протягивая руку. — Ниньхао!

— Хаонинь, следопыт! — воскликнул Лю. — Добро пожаловать на Леониду.

Он тоже протянул руку, но им пришлось пройти навстречу друг другу еще десяток шагов, прежде чем они сошлись.

— Очень, очень рад вам. — Лю улыбался во весь рот.

— Соскучились?

— Очень, очень соскучился. Один на целой планете.

За спиной Попова кто-то сказал «ох ты», и что-то с шумом повалилось в траву.

— Это Борис Фокин, — пояснил Попов не оборачиваясь. — Самопадающий археолог.

— Здесь такая чертова трава, — проворчал Борис Фокин, поднимаясь. У него были рыжие усики, засыпанный веснушками нос и белый пенопластовый шлем, сбитый набекрень. Борис торопливо вытер о штаны измазанные зеленью ладони и представился:

— Следопыт-археолог Фокин. Очень приятно познакомиться, физик Лю.

Это получилось у него очень здорово и по всем правилам, как его, вероятно, совсем еще недавно учили в школе.

— Добро пожаловать, следопыт-археолог Фокин, — ответил Лю.

¹ Sapiens — разумный, мыслящий (лат.).

— А это Татьяна Палей, инженер-археолог, — представил Попов.

Лю подобрался и вежливо наклонил голову. У инженера-археолога были серые отчаянные глаза и ослепительные зубы. Рука у инженера-археолога была крепкая и шершавая. Комбинезон на инженере-археологе сидел с большим изяществом.

— Меня зовут Таня.

— Лю Гуаньчэн, — нерешительно пробормотал Лю.

— Мбога, — продолжал Попов. — Биолог и охотник.

— Где он? — спросил Лю. — Ох, извините, пожалуйста, тысяча извинений.

— Ничего, физик Лю, — сказал Мбога. — Здравствуйте.

Мбога был пигмеем, и над травой виднелась только его черная голова, туго повязанная белым платком. Рядом с головой торчал толстый вороненый ствол карабина.

— Это — Тора-охотник, — с нежностью сказала Татьяна.

Лю пришлось нагнуться, чтобы пожать руку Тора-охотнику. Теперь он знал, кто такой Мбога. Тора-охотник, член комитета по охране животного мира иных планет. Биолог, открывший «бактерию жизни» на Пандоре. Зоопсихолог, приручивший чудовищных марсианских «сора-тобу хиру» — «летающих пиявок». Лю было ужасно неловко за свой промах.

— Я вижу, вы без оружия, физик Лю, — заметил Мбога.

— Вообще, у меня есть пистолет, — сказал Лю. — Но он очень тяжелый.

— Понимаю, — кивнул Мбога. Он огляделся. — Все-таки зажгли степь, — неодобрительно сказал он.

Лю обернулся. От холма до самого горизонта тянулась плоская равнина, покрытая блестящей сочной травой. В трех километрах от холма трава горела, запаленная реактором бота. В небо ползли густые клубы белого дыма. За дымом смутно виднелся бот — темное яйцо на трех растопыренных упорах. Вокруг бота чернел широкий выгоревший круг.

— Это не страшно, — успокоил Лю. — Она скоро погаснет. Здесь очень влажно. Пойдемте, я покажу ваше хозяйство.

Он взял Попова под руку и повел его мимо вертолета на другую сторону холма. Остальные двинулись следом. Лю несколько раз оглянулся, с улыбкой кивая им. Попов сказал с досадой:

— Всегда неприятно, когда напакостишь при посадке.

— Она скоро погаснет, — повторил Лю. Он слышал, как позади Фокин заботится об инженере-археологе: «Осторожнее, Танечка, здесь, кажется, кочка...» — «Горе мое, — отвечал инженер-археолог. — Смотри себе под ноги».

— Вот ваше хозяйство, — Лю показал рукой.

Бескрайнюю зеленую равнину пересекала широкая спокойная река. В ее излучине блестела под солнцем гофрированная крыша.

— Моя лаборатория.

Правее лаборатории поднимались в небо струи красного и черного дыма.

— Там строится склад.

Было видно, как в дыму мечутся какие-то тени. На мгновение появилась огромная неуклюжая машина на гусеницах — робот-матка. В дыму сейчас же что-то сверкнуло, донесся раскатистый грохот, и дым повалил гуще.

— А вон там Город...

От базы до Города было немногим больше километра. С холма здания Города казались серыми приземистыми кирпичами. Шестнадцать серых плоских кирпичей, выступающих из зеленой травы.

— Да, — задумчиво произнес Фокин, — планировка совершенно необычайная.

Попов молча кивнул. Этот Город был совсем не похож на другие. До открытия Леониды следопыты — работники Комиссии по изучению следов деятельности иного разума в Космосе — имели дело только с двумя Городами. Пустой Город на Марсе и

пустой Город на Владиславе, планете голубой звезды ЕН 17. Оба Города строил явно один и тот же архитектор — цилиндрические, уходящие на много этажей под почву здания из светящегося кремний-органика. А вот Город на Леониде был совсем другим. Два ряда серых коробок из ноздреватого известняка.

— Вы там бывали после Горбовского? — спросил Попов.

— Нет, — ответил Лю. — Ни разу. Собственно, мне было некогда. Я ведь не археолог, я атмосферный физик. И потом, Горбовский просил меня не ходить туда.

«Бу-бух!» — донеслось со стройки. Там густыми облаками взлетели красные клубы дыма. Сквозь дым уже обрисовывались гладкие стены склада. Робот-матка выбрался из дыма в траву. Рядом с ним прыгали черные киберстроители, похожие на богомолов. Затем киберы построились цепью и побежали к реке.

— Куда это они? — с любопытством спросил Фокин.

— Купаться, — засмеялась Таня.

— Они разравнивают завал, — объяснил Лю. — Склад почти готов. Сейчас вся система перестраивается. Они будут строить ангар и водопровод.

— Водопровод! — восхитился Фокин.

— Все-таки лучше было бы отодвинуть базу подальше от Города, — сказал Попов с сомнением.

— Так распорядился Горбовский, — ответил Лю. — Нехорошо удаляться от базы.

— Тоже верно, — согласился Попов. — Только не испортили бы киберы Города...

— Ну что вы! Они у меня туда не ходят.

— Какая благоустроенная планета! — тихо проговорил Мбога.

— Да! Да! — радостно подтвердил Лю. — Река, воздух, зелень и никаких комаров, никаких вредных насекомых!..

— Очень благоустроенная планета, — повторил Мбога.

— А купаться можно? — спросила Таня.

Лю посмотрел на реку. Река была зеленоватая, мутная, но это была настоящая река с настоящей водой. Леонида была первой планетой, на которой оказался пригодный для дыхания воздух и настоящая вода.

— Купаться, я думаю, можно. Правда, я сам не купался — времени не было.

— Тогда мы будем купаться каждый день, — заявила Таня.

— Еще бы! — закричал Фокин. — Каждый день! Три раза в день! Мы только и будем делать, что купаться!

— Ну ладно, — сказал Попов. — А там что? — Он указал на гряду плоских холмов на горизонте.

— Не знаю. Там еще никто не был. Валькенштейн заболел внезапно, и Горбовскому пришлось улететь. Он успел только выгрузить для меня оборудование и улетел.

Некоторое время все стояли молча и глядели на холмы у горизонта.

— Дня через три я сам слетаю вдоль реки в обе стороны, — решил Попов.

— Это будет интересно, — вежливо сказал Лю. — А сейчас пойдемте ко мне.

Попов оглянулся на вертолет.

— Ничего, пусть остается здесь. Бегемоты на холмы не поднимаются.

— О, бегемоты? — спросил Мбога.

— Это я их так называю. Издали они похожи на бегемотов, а вблизи я их не видел.

Они стали спускаться с холма.

— На той стороне трава очень высокая, я видел только их спины.

Мбога шел рядом с Лю мягкой скользящей походкой. Трава словно обтекала его.

— Затем здесь есть птицы, — продолжал Лю. — Они очень большие и иногда летают очень низко. Одна чуть не сбила у меня локатор.

Попов, не замедляя шага, поглядел в небо, прикрываясь ладонью от солнца.

— Кстати, — вспомнил он, — я должен послать радиogramму на «Подсолнечник». Можно будет воспользоваться вашей рацией, Лю?

— Сколько угодно... Вы знаете, Перси Диксон хотел подстрелить одну. Я говорю о птицах. Но Горбовский не разрешил.

— Почему? — спросил Мбога.

— Не знаю. Но он был страшно рассержен и даже хотел отобрать у всех оружие.

— У нас он оружие отобрал. — Попов нахмурился. — Это был великий скандал на Совете. По-моему, очень некрасиво вышло — Горбовский просто задавил нас всех своим авторитетом.

— Только не Тора-охотника, — заметила Таня.

— Да, я взял оружие, — отозвался Мбога. — Но я понимаю Леонида Андреевича. Здесь очень не хочется стрелять.

— И все-таки Горбовский человек со странностями.

— Возможно, — согласился Лю сдержанно. — По-моему, это замечательный человек.

Они подошли к просторному куполу лаборатории с низкой круглой дверцей. Над куполом вращались в разные стороны три решетчатых блюдца локаторов.

— Вот здесь можно поставить ваши палатки, — сказал Лю. — А если нужно, я дам команду киберам, и они вам построят что-нибудь попрочнее.

Попов поглядел на купол, поглядел на клубы красного и черного дыма за лабораторией, затем оглянулся на серые крыши Города и признался виновато:

— Знаете, Лю, боюсь, мы будем вам тут мешать. И до Города далековато. Уж лучше мы устроимся в Городе, а?

— И потом, здесь как-то гарью пахнет, — добавила Таня, — и я киберов боюсь...

— Я тоже боюсь киберов, — решительно сказал Фокин.

Лю обиженно пожал плечами:

— Как хотите. По-моему, здесь очень хорошо.

— Вот мы поставим палатки, — воодушевилась Таня, — и перебирайтесь к нам. Вам понравится, вот увидите. А от Города до базы совсем недалеко.

— М-м-м... — промычал Лю. — Пожалуй... А пока прошу ко мне.

Археологи, заранее сгибаясь, направились к низкой дверце. Мбога шел последним, ему даже не пришлось наклонить голову.

Лю задержался на пороге. Он осмотрелся и увидел вытопанную землю, пожелтевшую смятую траву, унылые штабели литопласта и подумал, что здесь действительно как-то пахнет гарью.

Город состоял из единственной улицы, очень широкой, заросшей густой травой. Улица тянулась почти точно по меридиану и кончалась недалеко от реки. Попов решил ставить лагерь в центре Города. Разбивку лагеря начали в три часа пополудни по местному времени (сутки на Леониде составляли двадцать семь часов с минутами).

Жара как будто усилилась. Ветра не было. Над серыми параллелепипедами зданий дрожал горячий воздух, и только в южной части Города, ближе к реке, было немного прохладнее. Пахло, по словам Фокина, сеном и «немножко хлорелловой плантацией».

Попов взял Мбога и Лю, предложившего свою помощь, сел в вертолет и отправился к боту за оборудованием и продуктами, а Татьяна и Фокин занялись съемкой Города. Оборудования было немного, и Попов перевез его в два приема.

Когда он прилетел в первый раз, Фокин, помогавший при выгрузке, многозначительно сообщил, что все здания Города весьма близки по размерам и отклонения размеров от средних хорошо укладываются на гауссиану.

— Очень интересно, — сказал вежливый Лю.

— Это доказывает, — сообщил Фокин, — что все здания имеют одно и то же назначение... Остается только установить — какое... — добавил он, подумав.

Когда вертолет вернулся второй раз, Попов увидел, что Таня и Фокин установили высокий шест и подняли над Городом неофициальное знамя следопытов — белое

полотнище со стилизованным изображением семигранной гайки. Давным-давно, почти столетие назад, один крупный межпланетник, ярый противник поисков следов деятельности иного разума в Космосе, как-то сгоряча заявил, что неопровержимым свидетельством такого рода деятельности он готов считать только колесо на оси, чертеж пифагоровой теоремы, высеченный в скале, и семигранную гайку. Следопыты приняли вызов и украсили свое знамя изображением семигранной гайки.

Попов с удовольствием отсалютовал знамени. Много было сожжено горючего и пройдено парсеков с тех пор, как родилось это знамя. Впервые его подняли над круговыми улицами пустого Города на Марсе. Тогда еще имели хождение фантастические гипотезы о том, что и Город, и спутники Марса могут иметь естественное происхождение. Тогда еще самые смелые следопыты считали Город и спутники единственными следами таинственно исчезнувшей марсианской цивилизации. И много пришлось пройти парсеков и перекопать земли, прежде чем неопровергнутой осталась единственная гипотеза: пустые Города и покинутые спутники построены пришельцами из далекой и неведомой планетной системы. Только вот этот Город на Леониде...

Попов вывалил из кабины вертолета последний тюк, спрыгнул в траву и с силой захлопнул дверцу. Лю подошел к нему, опуская засученные рукава, и сказал:

— Теперь разрешите мне покинуть вас, Анатолий. Через двадцать минут у меня зондирование.

— Конечно. Какой может быть разговор. Большое спасибо, Лю. Приходите к нам ужинать.

Лю посмотрел на часы.

— Спасибо. Не обещаю.

Мбога, прислонив карабин к стене ближайшего здания, надувал палатку прямо посреди улицы. Он поглядел вслед Лю и улыбнулся Попову, растягивая серые губы на маленьком сморщенном лице.

— Поистине благоустроенная планета, Анатолий, — сказал он. — Здесь ходят без оружия, ставят палатки прямо в траве... И вот это...

Мбога кивнул в сторону Фокина и Тани. Следопыт-археолог и инженер-археолог, вытоптав вокруг себя траву, возились в тени здания над экспресс-лабораторией. Таня была в шелковой безрукавке и в коротких штанах. Ее тяжелые башмаки красовались на крыше здания над ее головой, а комбинезон валялся рядом на тюках. Фокин в волейбольных трусах с остервенением стаскивал через голову мокрую от пота рубашку.

— Горе мое, — говорила Таня. — Куда ты подключил аккумуляторы?

— Сейчас, сейчас, Танечка, — невнятно отвечал Фокин.

— Да, доктор Мбога, — сказал Попов. — Это не Пандора.

Он вытянул из тюка вторую палатку и принялся прилаживать к ней центробежный насос. «Да, это не Пандора», — подумал он и вспомнил, как на Пандоре они ломались через сумрачные джунгли, и на них были тяжелые скафандры высшей защиты, и руки оттягивал громоздкий дезинтегратор со снятым предохранителем. Под ногами хлюпало, и при каждом шаге в разные стороны бросалась многоногая мерзость, а над головой сквозь путаницу липких ветвей мрачно светили два близких кровавых солнца. Да разве только Пандора! На всех планетах с атмосферами следопыты и десантники передвигались с величайшей осторожностью, гнали перед собой колонны роботов-разведчиков, самоходные кибернетические биолaborатории, токсиноанализаторы, конденсированные облака универсальных вирусифобов. Немедленно после высадки капитан корабля был обязан выжечь термитом зону безопасности. И величайшим преступлением считалось возвращение на корабль без предварительной тщательнейшей дезинфекции и дезинсекции. Невидимые чудовища страшнее чумы и проказы подстерегали неосторожных. Так было всего десять лет назад.

Так могло бы быть и сейчас, и на благоустроенной Леониде. Здесь тоже есть микрофауна, и очень обильная. Но десять лет назад маленький доктор Мбога нашел на

страшной Пандоре «бактерию жизни», и профессор Карпенко на Земле открыл биоблокаду. Одна инъекция в сутки. Можно даже — одна в неделю. Попов вытер потное лицо и стал расстегивать куртку.

Когда солнце склонилось к западу и небо на востоке из белесого сделалось темно-лиловым, они сели ужинать. Лагерь был готов. Поперек улицы стояли три палатки, тюки и ящики с оборудованием были аккуратно сложены вдоль стены одного из зданий. Фокин, вздыхая, приготовил ужин. Все были голодны, поэтому Лю ждать не стали. Из лагеря было видно, что Лю сидит на крыше своей лаборатории и что-то делает с антеннами.

— Ничего, мы ему оставим, — пообещала Таня.

— Чего там, — сказал Фокин, поедая вареную телятину. — Проголодается и придет.

— Неудачно ты поставил вертолет, Толя, — заметила Таня. — Весь вид на реку загородил.

Все посмотрели на вертолет. Вида на реку, действительно, не было.

— Хороший вид открывается с крыши, — хладнокровно возразил Попов.

— Нет, правда, — вмешался Фокин, сидевший к реке спиной. — Абсолютно не на что со вкусом поглядеть.

— Как не на что? — Попов по-прежнему был невозмутим. — А телятина?

Он лег на спину и стал глядеть в небо.

— Вот о чем я думаю, — сказал Фокин, вытирая салфеткой усы. — Как мы будем прорываться в эти гробы? — Он ткнул пальцем в ближайшее здание. — Будем копать или резать стену?

— Вот это как раз не проблема. — Попов даже не шевельнулся. — Интересно, как туда попадали хозяева — вот проблема. Тоже резали стены?

Фокин задумчиво поглядел на Попова.

— А что, собственно, вы знаете об этих хозяевах? Может быть, им и не нужно было туда попадать.

— Новый архитектурный принцип. — Таня хмыкнула. — Человек садился на травку, возводил вокруг себя стены и потолок и... и...

— И отходил, — досказал Мбога.

— А может быть, это действительно гробницы? — Фокин вызывающе посмотрел на товарищей.

Некоторое время все обдумывали его предположение.

— Татьяна, а что с анализами? — спросил Попов.

— Известняк, — ответила Таня. — Углекислый кальций. Много примесей, конечно. Но, в общем, знаете, на что все это похоже? На коралловые рифы. И еще похоже, что все здание сделано из одного куска...

— Монолит естественного происхождения, — вставил Попов.

— Вот уже и естественного, — возразил Фокин. — Характерная закономерность: стоит обнаружить новые следы, и сразу же находятся товарищи, которые заявляют, что это естественные образования...

— Естественное предположение, — настаивал на своем Попов.

— А вот мы завтра соберем интравизор и посмотрим, — сказала Таня. — Главное, что этот известняк не имеет ничего общего с янтаринном, из которого выстроен марсианский Город. И Город на Владиславе.

— Значит, еще кто-то бродит по планетам, — негромко произнес Мбога. — Хорошо, если бы они на этот раз оставили нам что-нибудь посущественней.

— Библиотеку бы найти, — простонал Фокин. — Машины бы какие-нибудь!

Они замолчали. Мбога достал и принялся набивать короткую трубочку. Он сидел на корточках и задумчиво глядел поверх палаток в светлое небо. Его маленькое лицо под белым платком выражало полный покой и улагодворенность.

— Тихо как, — прошептала Таня.

«Бум! Бух! Тарахах!» — донеслось со стороны базы.

— О дьявол! — пробормотал Фокин. — Это-то зачем?

Мбога выпустил колечко дыма и сказал вполголоса:

— Я понимаю вас, Боря. Я сам впервые в жизни не ощущаю радости, слушая, как наши машины работают на чужой планете.

— Она какая-то не чужая, вот в чем все дело, — сказала Таня.

Большой черный жук прилетел неизвестно откуда, тяжело гудя, сделал два круга над следопытами и улетел прочь.

— Хорошо! Чувствуете, как хорошо?

Фокин тихонько засопел, уткнувшись носом в согнутый локоть. Таня поднялась и ушла в палатку. Попов тоже встал и с наслаждением потянулся. Было так тихо и хорошо вокруг, что он совершенно растерялся, когда Мбога, словно подброшенный пружиной, вдруг вскочил на ноги и застыл, повернувшись лицом к реке. Попов тоже повернулся лицом к реке.

Какая-то исполинская черная туша надвигалась на лагерь со стороны реки. Вертолет отчасти скрывал ее, но было видно, как она колыхается на ходу и как вечернее солнце блестит на ее влажных лоснящихся боках, раздутых, словно брюхо гиппопотама. Туша двигалась довольно быстро, раздвигая траву, и Попов с ужасом увидел, как вертолет качнулся и стал медленно валиться набок. Между стеной здания и днищем вертолета протиснулся низкий массивный лоб с двумя громадными буграми. Попов увидел два маленьких тупых глаза, устремленных, как ему показалось, прямо на него.

— Осторожнее! — заорал он.

Вертолет свалился, упираясь в траву лопастями винтов. Чудовище продолжало двигаться на лагерь. Оно было не менее трех метров высоты, покатые бока его мерно вздымались и опадали, и было слышно ровное шумное дыхание.

За спиной Попова Мбога щелкнул затвором карабина, тогда Попов очнулся и попятился к палаткам. Обгоняя его, очень быстро на четвереньках пробежал Фокин. Чудовище было уже шагах в двадцати.

— Успеете разобрать лагерь? — быстро спросил Мбога.

— Нет, — ответил Попов.

— Тогда я буду стрелять.

— Погодите. — Попов шагнул вперед, взмахнул руками и крикнул: — Стой!

На мгновение гора живого мяса приостановилась. Шишковатый лоб вдруг задрался, и распахнулась просторная, как кабина вертолета, пасть, забитая зеленой травяной жвачкой.

— Толя! — закричала Таня. — Немедленно назад!

Чудовище издало продолжительный сипящий звук и двинулось вперед еще быстрее.

— Стой! — снова крикнул Попов, но уже без всякого энтузиазма. — По-видимому, оно травоядное, — сказал он и попятился к палаткам. Мбога стоял с карабином у плеча, и Таня уже зажимала уши. Возле Тани с тюком на спине и с треногой в руке стоял Фокин. Усы его были взъерошены.

— Будут в него сегодня стрелять или нет?! — заорал Фокин натужным голосом. — Уносить интравизор или...

«Ду-дуг!» Полуавтоматический охотничий карабин Мбога имел калибр 16,3 миллиметра, и живая сила удара пули с дистанции в двадцать шагов равнялась восьми тоннам. Удар пришелся в самую середину лба, между двумя шишками. Чудовище с размаху уселось на зад. «Ду-дуг!» Второй удар опрокинул чудовище на спину. Короткие толстые ноги судорожно задергались в воздухе. «Х-х-а-а...» — донеслось из густой травы. Вздулось и опало черное брюхо, и все стихло. Мбога опустил карабин.

— Пойдем посмотрим, — пригласил он.

По размерам чудовище не уступало взрослому африканскому слону, но больше всего оно напоминало гигантского гиппопотама.

— Кровь красная, — заявил Фокин. — А это что?

Чудовище лежало на боку, и вдоль его брюха тянулись три ряда мягких выростов величиной с кулак. Из выростов сочилась блестящая густая жидкость. Мбога вдруг шумно потянул носом воздух, взял на кончик пальца каплю жидкости и попробовал на язык.

— Фи! — поморщился Фокин. На всех лицах появилось одно и то же выражение.

— Мед, — произнес Мбога.

— Да ну! — изумился Попов. Он поколебался и тоже протянул палец. Таня и Фокин с отвращением следили за его движениями. — Настоящий мед! Липовый мед!

— Доктор Диксон говорил, что в этой траве много сахаридов, — добавил Мбога.

— Медоносный монстр. — Фокин озадаченно смотрел на поверженное животное. — Зря мы его так.

— Мы! — возмутилась Таня. — Горе мое, поди прибири интравизор.

— Ну ладно, — сказал Попов. — Что же делать дальше? Здесь жарко, и такая туша рядом с лагерем...

— Это на мне, — сказал Мбога. — Оттащите палатки шагов на двадцать вдоль улицы. Я сделаю обмеры, кое-что посмотрю и уничтожу его.

— Как?

— Дезинтегратором. У меня есть дезинтегратор. А ты, Таня, уходи отсюда: я сейчас буду заниматься очень неаппетитной работой.

Послышался топот, и из-за палаток выскочил Лю с большим автоматическим пистолетом.

— Что случилось?! — задыхаясь, спросил он.

— Мы убили одного из ваших бегемотов, — важно сказал Фокин.

Лю быстро оглядел всех и сразу успокоился. Он сунул пистолет за пояс.

— Нападение? — спросил он.

— В общем-то нет, — сказал Попов. — По-моему, он просто гулял, но его надо было остановить.

Лю посмотрел на перевернутый вертолет и кивнул.

— А нельзя ли его кушать? — спросил Фокин из палатки.

Мбога медленно ответил:

— Кажется, кто-то уже пробовал его кушать.

Попов и Лю подошли к нему. Мбога ощупывал пальцами широкие и глубокие прямые рубцы на филейных частях животного.

— Это сделали могучие клыки, — продолжал Мбога. — И острые, как ножи. Кто-то снимал с него ломти по два-три килограмма в один прием.

— Ужас какой-то!

Станный протяжный крик пронесся высоко в небе. Все подняли головы.

— Вот они! — сказал Лю.

На Город стремительно падали большие светло-серые птицы, похожие на орлов. Они падали друг за другом с огромной высоты, затем над самыми головами людей расправляли широкие мягкие крылья и так же стремительно взмывали вверх, обдавая людей волнами теплого воздуха. Это были громадные птицы, крупнее земных кондоров и даже летучих драконов Пандоры.

— Хищники! — встревожился Лю. Он потянул было из-за пояса пистолет, но Мбога крепко взял его за руку.

Птицы пронеслись над Городом и уходили на запад в лиловое вечернее небо. Когда последняя исчезла, раздался тот же тревожный протяжный крик.

— Я уже хотел было стрелять, — проговорил Лю с облегчением.

— Я знаю, — сказал Мбога. — Но мне показалось... — Он остановился.

— Да, — произнес Попов. — Мне тоже показалось...

Поразмыслив, Попов распорядился не только отодвинуть палатки на двадцать шагов, но и поднять их на плоскую крышу одного из зданий. Здания были невысокие —

всего два метра, — и забираться на них было нетрудно. На крышу соседнего здания Таня и Фокин подняли тюки с наиболее ценными приборами. Вертолет, как выяснилось, не пострадал. Попов поднял его и аккуратно посадил на крышу третьего здания.

Мбога провозился над тушей чудовища всю ночь при свете прожекторов. На рассвете улица огласилась пронзительным шипением, над Городом поднялось большое облако белого пара и вспыхнуло короткое оранжевое зарево. Фокин, никогда прежде не видевший, как действует органический дезинтегратор, в одних трусах вылетел из палатки, но увидел только Мбога, который неторопливо убирал прожекторы, и огромную кучу мелкой серой пыли на почерневшей траве. От медоносного монстра осталась только отлично препарированная, залитая в прозрачную пластмассу уродливая голова. Она предназначалась для кейптаунского Музея Космозоологии.

Фокин пожелал Мбога доброго утра и полез было обратно в палатку досыпать, но встретился с Поповым. «Куда?» — осведомился Попов. «Одеться, конечно», — с достоинством ответил Фокин. Утро было свежее и ясное, только на юге в лиловом небе неподвижно стояли белые растрепанные облака. Попов спрыгнул на траву и отправился готовить завтрак. Он хотел сделать яичницу, но вскоре обнаружил, что не может отыскать масло.

— Борис, — позвал он, — где масло?

Фокин стоял на крыше в странной позе: он занимался гимнастикой по системе йогов.

— Понятия не имею, — ответил он гордо.

— Ты же вчера был дежурным.

— Э-э... да. Значит, масло там, где было вчера вечером.

— А где оно было вчера вечером? — спросил Попов, сдерживаясь.

Фокин с недовольным видом взглянул на Попова из-под правого колена.

— Откуда я знаю? — сказал он. — Мы же потом все ящики переставили.

Попов чертыхнулся и принялся терпеливо осматривать ящик за ящиком. Масла не было. Тогда он подошел к зданию и стащил Фокина за ногу вниз.

— Где масло? — угрожающе спросил он.

Фокин открыл было рот, но тут из-за угла вышла Таня в безрукавке и коротких штанах. Волосы у нее были мокрые.

— Доброе утро, мальчики!

— Доброе утро, Танечка, — сказал Фокин. — Ты не видела случайно ящик с маслом?

— Где ты была? — свирепо спросил Попов.

— Купалась, — сказала Таня.

— О, черт! Кто тебе разрешил?

Таня отстегнула от пояса и бросила на ящики электрический резак в пластмассовых ножнах.

— Толечка, там нет никаких крокодилов. Замечательная вода и травянистое дно.

— Ты не видела масло? — спросил Попов.

— Масло я не видела, а вот кто видел мои башмаки?

— Я видел, — вспомнил Фокин. — Они на той крыше.

— На той крыше их нет.

Все трое повернулись и посмотрели на крышу. Башмаков, действительно, не было. Тогда Попов поглядел на доктора Мбога. Доктор Мбога лежал на траве в тени и крепко спал, подложив под щеку маленький кулачок.

— Ну что ты, — сказала Татьяна. — Зачем ему мои башмаки?

— Или масло, — добавил Фокин.

— Может быть, они ему мешали, — проворчал Попов. — Ну ладно, я попытаюсь приготовить что-нибудь без масла...

— И без башмаков.

— Хорошо, хорошо. — Настроение у Попова было испорчено. — Иди и займись интравизором. И ты, Таня, тоже. И постарайтесь собрать поскорее.

К завтраку пришел Лю. Он гнал перед собой большую черную машину на шести гемомеханических ногах. За машиной в траве оставалась широкая просека. Она тянулась от самой базы. Лю вскарабкался на крышу и сел к столу, а машина застыла посреди улицы.

— Послушайте, Лю, — спросил Попов. — У вас на базе ничего не пропало?

— В каком смысле?

— Ну... вы оставляете что-нибудь на ночь на дворе, а утром не можете найти.

— Как будто нет. — Лю пожал плечами. — Пропадают иногда мелочи, всякие отходы... обрывки проводов, обрезки пластолита. Но, я думаю, этот хлам забирают мои киберы. Они очень экономные, и у них все идет в дело.

— А могут у них пойти в дело мои башмаки? — спросила Таня.

Лю засмеялся.

— Не знаю. Вряд ли.

— А может у них пойти в дело ящик со сливочным маслом? — спросил Фокин.

Лю перестал смеяться.

— У вас пропало масло?

— И башмаки.

— Нет, — покачал головой Лю, — киберы в Город не ходят.

На крышу ловко, как ящерица, вскарабкался Мбога.

— Доброе утро! — воскликнул он. — Прошу извинить, я запоздал.

Таня налила ему кофе. Мбога всегда завтракал одной чашкой кофе.

— Итак, мы обворованы, — сказал он, улыбаясь.

— Значит, это не вы? — спросил Фокин.

— Нет, это не я. Но ночью над Городом два раза пролетали вчерашние птицы.

— Ну вот и башмаки, — сказал Фокин. — Я где-то читал...

— А ящик с маслом? — нетерпеливо спросил Попов.

Никто не ответил. Мбога задумчиво пил кофе.

— За два месяца у меня ничего не пропало, — размышлял Лю. — Правда, я все держу в куполе... И потом, у меня киберы. И все время дым и треск.

— Ладно. — Фокин поднялся. — Пойдем работать, Танечка. Черт с ними, с башмаками.

Они ушли, и Попов принялся собирать посуду.

— Сегодня же вечером, — сказал Лю, — я поставлю вокруг вас охрану.

— Пожалуй, — проговорил Мбога задумчиво. — Но я предпочел бы сначала сам. Анатолий, сейчас я лягу спать, а ночью устрою небольшую засаду.

— Хорошо, доктор Мбога, — неохотно согласился Попов.

— Тогда я, с вашего разрешения, тоже приду. — Во взгляде Лю была явная просьба.

— Приходите, — разрешил Мбога. — Но без киберов, пожалуйста.

С соседней крыши донесся взрыв негодования.

— Горе мое, я же просила тебя разложить тюки в порядке сборки!

— А я что сделал? Я и разложил!

— Это называется в порядке сборки? Индекс «Е-7», «А-2», «В-16»... Снова «Е»!..

— Танечка! Честное слово! Товарищи, — обиженно завопил Фокин через улицу, — кто перепутал тюки?

— А тюка «Е-9» вообще нет! — крикнула Таня.

— Что? — воскликнул Попов. Он был бледен. — Ищите хорошенько! — Он спрыгнул с крыши и побежал к Фокину и Тане.

Мбога проводил его глазами и стал смотреть на юг, за реку. Было слышно, как Попов на соседней крыше спросил: «Что, собственно, пропало?» — «ВЧГ», — ответила Таня. «Ну и что вы раскудахтались? Соберите новый». — «Да на это два дня уйдет», —

сердито ответила Таня. «Тогда что ты предлагаешь?» — «Резать стены надо», — сказал Фокин. На крыше воцарилось молчание.

— Глядите, физик Лю, — промолвил вдруг Мбога. Он стоял и, прикрывшись от солнца, смотрел за реку.

Лю повернулся. Зеленая равнина за рекой пестрела черными пятнами. Это были спины бегемотов, и их было очень много. Лю и в голову не приходило, что за рекой так много бегемотов. Черные пятна медленно двигались на юг.

— Они уходят, — сказал Мбога, — прочь от Города, за холмы.

Попов решил ночевать под открытым небом. Он вытащил из палатки свою постель и улегся на крыше, заложив руки за голову. Небо было черно-синее, из-за горизонта на востоке медленно выплзал большой зеленовато-оранжевый диск с неясными краями — Пальмира, луна Леониды. С темной равнины за рекой доносились приглушенные протяжные крики, должно быть, кричали птицы. Над базой вспыхивали короткие зарницы, и что-то негромко скрежетало и потрескивало.

«Надо ставить ограду, — думал Попов. — Обнести Город проволокой и пустить ток, не очень сильный. Впрочем, если это птицы, то ограда не поможет. А скорее всего, это — птицы. Такой громадине ничего не стоит утащить тюк. Ей, наверное, ничего не стоит утащить и человека. Ведь был же случай, когда на Пандоре крылатый дракон подхватил человека в скафандре высшей защиты, а это — полтора центнера. Так оно и идет — сначала башмачки, потом тючок... И на весь отряд, спасибо Горбовскому, один карабин. Конечно, надо было стрелять, тогда, по крайней мере, отпугнули бы их... Почему доктор не стрелял? Потому что ему «показалось»... Я и сам бы не выстрелил, потому что мне тоже «показалось»... А что мне, собственно, показалось?»

Попов сильно потер ладонью сморщенный от напряжения лоб. «Огромные птицы, очень красивые птицы, и как они летели!.. Какой бесшумный, легкий и правильный полет... Что ж, даже охотники иногда жалеют дичь, а я даже не охотник».

Среди мигающих звезд неторопливо прошло через зенит яркое белое пятнышко. Попов приподнялся на локтях, следя глазами за ним. Это был «Подсолнечник» — десантный звездолет сверхдальнего действия. Сейчас он обращался вокруг Леониды на расстоянии двух мегаметров от поверхности. Стоит подать сигнал бедствия, и оттуда придут на помощь. Но стоит ли подавать сигнал бедствия? Пропала пара башмаков, два тюка, и что-то показалось начальнику. Благоустроенная планета!

Белое пятнышко потускнело и скрылось — «Подсолнечник» ушел в тень Леониды. Попов снова улегся и заложил руки за голову. «Не слишком ли благоустроенная? — подумал он. — Теплые зеленые равнины, душистый воздух, идиллическая речка без крокодилов... Может быть, это только ширма, за которой действуют какие-то непонятные силы? Или все гораздо проще? Танька потеряла башмаки где-нибудь в траве; Фокин, как известно, растяпа, и пропавшие тюки лежат сейчас где-нибудь под грудой деталей экскаватора. То-то он сегодня весь день бегал, воровато озираясь, от штабеля к штабелю...»

Кажется, Попов задремал, а когда проснулся, Пальмира стояла уже высоко. Из палатки, где спал Фокин, раздавалось чмоканье и всхрапывание. На соседней крыше шептались.

— ...У нас в школе шефами были химики, и мы раздобыли три баллона с гелием и в тот же вечер надули шар. Костя полез на землю рубить конец. Как только трос оборвался, мы улетели, а Костя остался внизу. Он гнался за нами и кричал, чтобы мы остановились, затем назначил меня капитаном и приказал, чтобы я остановился. Я, конечно, сразу стал править на релейную мачту. Там мы повисли и провисели всю ночь. И всю ночь мы орали друг на друга — идти Косте к завучу или нет. Костя мог пойти, но не хотел, а мы хотели, но не могли, а утром нас заметили с аэробуса и сняли.

— А я была девочка тихая. И всегда очень боялась всяких механизмов. Киберов вот до сих пор боюсь.

— Киберов не нужно бояться, Танюша. Они добрые.

— Да, добрые... Как схватят за ногу... Нет, правда, они какие-то и живые, и неживые. Это очень неприятно...

Попов повернулся на бок и поглядел. Таня и Лю сидели на соседней крыше, свесив ноги. «Воробышки, — подумал Попов. — А завтра весь день зевать будут».

— Татьяна, — сказал он вполголоса. — Пора спать.

— Не хочется, — ответила Таня. — Мы по берегу гуляли. — Лю смущенно задвигался. — Очень хорошо на реке. Луна, и рыба играет.

Лю покашлял и спросил:

— Э-э... А где доктор Мбога?

— Доктор Мбога на работе, — сказал Попов.

— А правда, Гуаньчэн, — обрадовалась Таня, — пошли искать доктора Мбога!

«Безнадежно», — подумал Попов и повернулся на другой бок. На крыше продолжали шептаться. Попов решительно поднялся, собрал постель и вернулся в палатку. В палатке было очень шумно — Фокин спал вовсю. «Растяпа ты, растяпа, — рассуждал Попов, устраиваясь. — Вот в такую-то ночь и ухаживать. А ты усы отрастил и думаешь, что дело в шляпе». Он закутался в простыню и моментально заснул.

Оглушительный грохот подбросил его на постели. В палатке было темно. «Ду-дут! Ду-дут!» — прогремели еще два выстрела. «Дьявольщина! — заорал в темноте Фокин. — Кто здесь?» Послышался заячий короткий вскрик и торжествующий вопль Фокина: «Ага-а! Сюда, ко мне!» Попов запутался в простыне и никак не мог подняться. Он услышал тупой удар, Фокин ойкнул, и сейчас же что-то темное и маленькое мелькнуло и пропало в светлом треугольнике выхода. Попов рванулся вперед. Фокин тоже рванулся вслед, и они с размаху стукнулись головами. Попов скрипнул зубами и наконец вылетел наружу. Крыша напротив была пуста. Оглядевшись, Попов увидел, что Мбога бежит в траве вдоль улицы к реке, а за ним по пятам бегут, спотыкаясь, Лю и Татьяна. И еще одну вещь заметил Попов: далеко перед Мбога кто-то бежит, раздвигая на ходу траву. Бежит гораздо быстрее, чем Мбога. Мбога остановился, поднял одной рукой карабин дулом кверху и выстрелил еще раз. След в траве вильнул в сторону и исчез за углом крайнего здания. И через секунду оттуда, широко и легко взмахивая огромными крыльями, поднялась белая в лунном свете птица.

— Стреляйте! — заорал Фокин.

Он уже мчался вдоль улицы и падал через каждые пять шагов. Мбога стоял неподвижно, опустив карабин, и, задрвав голову, следил за птицей. Птица сделала плавный и бесшумный круг над Городом, набирая высоту, и полетела на юг. Через минуту она исчезла. И тогда Попов увидел, как совсем низко над базой пролетели еще птицы — три, четыре, пять — пять огромных белых птиц взмыли над местом работ киберов и исчезли.

Попов спустился с крыши. Мертвые параллелепипеды зданий отбрасывали на траву густые черные тени. Трава казалась серебристой. Что-то звякнуло под ногой. Попов нагнулся. В траве блеснула гильза. Попов пересек уродливую тень вертолета. Послышались голоса. Мбога, Фокин, Лю и Татьяна неторопливо шли навстречу.

— Я держал его в руках! — возбужденно говорил Фокин. — Но он треснул меня по лбу и вырвался. Если бы он меня не треснул, я бы его не выпустил! Он мягкий и теплый, вроде ребенка. И голый...

— Мы тоже его чуть не поймали, — сказала Таня, — но он превратился в птицу и улетел.

— Действительно, — ответил Лю. — Он свернул за угол, и оттуда сразу же вылетела птица.

— Ну и что? — Фокин был очень возбужден. — Он спугнул птицу, а вы рты разинули.

— Совпадение, — сказал Мбога.

Подошел Попов.

— Что, собственно, произошло? — спросил он.

— Я его уже держал, — заявил Фокин, — но он треснул меня по лбу.

— Это я уже слышал. С чего все началось?

— Я сидел в тюках, в засаде, — пояснил Мбога. — Я увидел, что кто-то ползет в траве прямо посередине улицы. Я хотел поймать его и вышел навстречу, но он заметил меня и повернул назад. Я увидел, что мне не догнать его, и выстрелил в воздух. Мне очень жаль, Анатолий, но, кажется, я напугал их.

Воцарилось молчание. Потом Фокин спросил с недоумением:

— А что вам, собственно, жаль, доктор Мбога?

Мбога ответил не сразу. Все ждали.

— Их было по крайней мере двое, — сказал он. — Одного обнаружил я, другой был у вас в палатке. Но когда я пробегал мимо вертолета... Вот что, — закончил он неожиданно, — надо пойти и посмотреть. Наверное, я ошибаюсь.

Мбога неслышно зашагал к лагерю. Остальные, переглянувшись, двинулись за ним. У здания, на котором стоял вертолет, Мбога остановился.

— Где-то здесь, — сказал он.

Фокин и Таня немедленно полезли в черную тень под стену. Лю и Попов сверху вниз выжидательно смотрели на Мбога. Мбога думал.

— Ничего здесь нет, — Фокин сердито отдувался.

— Что же я видел?.. Что же я видел? — бормотал Мбога. — Что же я увидел?

Раздраженный Фокин вылез из-под стены. Черная тень лопасти вертолета скользнула по его лицу.

— А! — воскликнул Мбога. — Странная тень!

Он бросил карабин и с разбегу прыгнул на стену.

— Прошу вас! — крикнул он с крыши.

На крыше за фюзеляжем вертолета, словно на витрине магазина, были аккуратно разложены вещи. Здесь был ящик с маслом, тюк с индексом «Е-9», пара башмаков, карманный микроэлектронный измеритель в пластмассовом футляре, четыре нейтронных аккумулятора, ком застывшего стеклопласта и черные очки.

— А вот и башмаки, — обрадовалась Таня. — И очки. Я их вчера утопила в речке...

— Да-а-а... — Фокин осторожно огляделся.

Попов словно очнулся.

— Физик Лю! — быстро сказал он. — Мне необходимо немедленно связаться с «Подсолнечником». Фокин, Таня, сфотографируйте эту выставку! Через полчаса я вернусь.

Он спрыгнул с крыши и торопливо пошел, потом побежал по улице к базе. Лю молча последовал за ним.

— Что же это? — возопил Фокин.

Мбога опустился на корточки, вытащил маленькую трубку, не торопясь раскурил ее и сказал:

— Это люди, Боря. Красть вещи могут и звери, но только люди могут возвращать украденное.

Фокин попятился и сел на колесо вертолета.

Попов вернулся один. Он был очень возбужден и высоким металлическим голосом приказал немедленно сворачивать лагерь. Фокин сунулся было к нему с вопросами. Он требовал объяснений. Тогда Попов тем же металлическим голосом процитировал: «Приказ капитана звездолета «Подсолнечник». В течение трех часов свернуть синоптическую базу-лабораторию и археологический лагерь, демобилизовать все

кибернетические системы, всем, включая атмосферного физика Лю, вернуться на борт “Подсолнечника”».

Больше Фокин расспрашивать не стал и принялся за работу с необычным усердием.

За два часа вертолет сделал восемь рейсов, а грузовые киберы протоптали от базы до бота широкую дорогу в траве. От базы остались только пустые постройки, все три системы кибернетических роботов-строителей были загнаны в помещение склада и полностью депрограммированы.

В шесть часов утра по местному времени, когда на востоке загорелась зеленая заря, выбившиеся из сил люди собрались у бота, и тут наконец Фокина прорвало.

— Ну хорошо, — начал он зловещим сиплым шепотом. — Ты, Анатолий, отдавал нам приказания, и я их честно выполнял. Но, черт побери, я хочу наконец узнать, зачем мы отсюда уходим?! Как?! — завопил он вдруг фальцетом, картинно выбросив руку. Все вздрогнули, а Мбога выронил из зубов трубочку. — Как?! В течение трех веков искать братьев по разуму и позорно бежать, едва их обнаружив? Лучшие умы человечества...

— Горе мое, — сказала Таня.

— Ничего не понимаю, — закончил Фокин сиплым шепотом.

— Вы думаете, Борис, что мы способны представлять лучшие умы человечества? — спросил Мбога.

Попов угрюмо пробормотал:

— Сколько мы здесь напакостили. Сожгли целое поле, топтали посевы, развели пальбу... А в районе базы!.. — Он махнул рукой.

— Но кто мог знать? — спросил Лю виновато.

— Да. — Мбога закинул карабин за плечо. — Мы сделали много ошибок. Но я надеюсь, что они нас поняли. Они достаточно цивилизованы для этого.

— Да какая это цивилизация, — не унимался Фокин. — Где машины? Где орудия труда? Где города, наконец?

— Да замолчи ты, Борис, — оборвал следопыта Попов. — Машины, города... Хоть теперь-то раскрой глаза! Мы умеем летать на птицах? У нас есть медоносные монстры? Которые к тому же дают мясо с живого тела? Давно ли у нас был уничтожен последний комар? Машины!..

— Биологическая цивилизация, — сказал Мбога.

— Как? — спросил Фокин.

— Биологическая цивилизация. Не машинная, а биологическая. Селекция, генетика, дрессировка. Кто знает, какие силы покорили они? И кто скажет, чья цивилизация выше?

— Представляешь, Борька, — улыбнулась Таня. — Дрессированные бактерии!

Фокин яростно крутнул ус.

— И уходим мы отсюда потому, — сказал Попов, — что никто из нас не имеет права взять на себя ответственность первого контакта.

— А на Земле существует специальная комиссия по контактам, — добавил Лю. — Горбовский член этой комиссии.

Попов поглядел на часы.

— Старт через двадцать минут. Прошу по местам.

Мбога задержался в кессоне и оглянулся. Белая звезда ЕН 23 уже поднялась над зелеными равнинами Леониды. Пахло влажной травой, теплой землей и свежим медом. Над далекими холмами неподвижно повисли белые растрепанные облака.

— Да, — сказал Мбога, — необычайно благоустроенная планета. Разве природе под силу создать такую?

Какими вы будете

Океан был как зеркало. Вода у прибрежных камней была такая спокойная, что темно-зеленые мочала водорослей на дне, обычно колеблющиеся, висели в глубине неподвижно. Кондратьев завел субмарину в бухту и поставил ее впритык к берегу.

— Приехали!

Пассажиры зашевелились.

— Где мой киноаппарат? — спросил Женя Славин.

— Я на нем лежу, — отозвался Горбовский слабым голосом. — Мне очень неудобно. Можно, я вылезу?

Кондратьев распахнул люк, и все увидели ясное голубое небо. Горбовский вылез первым. Он сделал по камням несколько неверных шагов, остановился и пошевелил носком сухой плавник.

— Как здесь хорошо! — вскричал он. — Как мягко! Можно, я лягу?

— Можно. — Женя тоже выбрался из люка и сладко потягивался.

Горбовский сейчас же лег. Кондратьев осторожно положил субмарину на камни и сбросил якорь.

— Лично я, — сказал он, — лежать на плавнике не советую. Там всегда песчаные блохи.

Славин, неестественно растопырившись, стрекотал киноаппаратом. Он снимал командира звена субмарин в момент возвращения из ответственной операции.

— Сделай лицо, — строго приказал он.

Кондратьев сделал лицо.

— Ну тебя к черту. — Женя обиженно опустил аппарат.

— Я не все понял насчет блох, — подал голос Горбовский. — Они что, Сергей Иванович, прыгают? Или могут укусить?

— Могут и укусить, — ответил Кондратьев. — Да оставь ты меня в покое, Евгений! Вот вернемся на базу, тогда и снимай хоть до белых пятен. Собирай плавник и разводи костер.

Он полез в люк и достал ведро. Женя сел на корточки и стал брезгливо копать в плавнике двумя пальцами, выбирая щепки покрупнее. Горбовский с интересом следил за его манипуляциями.

— И все-таки, Сергей Иванович, я не все понял насчет блох.

— Они прогрызают кожу, — ответил Кондратьев, ополаскивая ведро техническим спиртом, — и ужасно зудят.

— Да. — Горбовский перевернулся на спину. — Это ужасно.

Кондратьев набрал в ведро пресной воды из запасов на субмарине и спрыгнул на берег. Молча и ловко он собрал плавник, разжег костер, подвесил ведро над костром и достал из своих необъятных карманов леску, крючок и коробку с наживкой. Славин подошел с горстью щепок.

— Следи за костром, — приказал Кондратьев. — Я наловлю рыбы. Я мигом.

Прыгая с камня на камень, он перебрался на большую замшелую скалу, выступавшую из воды в двадцати шагах от берега, повозился там немного и застыл. Утро было тихое, солнце, выбравшись из-за горизонта, уставилось прямо в бухточку и слепило глаза. Женя сел по-турецки у костра и стал подкладывать щепочки.

— Изумительное существо — человек, — произнес вдруг Горбовский. — Проследите его историю за последние сто веков. Какого огромного развития достиг. К примеру, производственный сектор. Как расширились области исследовательской деятельности. И с каждым годом появляются всё новые области, новые профессии. Вот я недавно познакомился с одним товарищем. Он учит детишек ходить. Очень крупный специалист. И он рассказал мне, что существует уже очень сложная теория этого дела...

— Как его фамилия? — быстро спросил Женя и вынул диктофон.

— Его фамилия... Елена Ивановна. А фамилию я не знаю. Но я не об этом. Я хочу сказать, что вот науки и способы производства все время развиваются, а развлечения, способы отдыха все остаются такими же, как в Древнем Риме. Если мне надоест быть звездолетчиком, я могу стать биологом, строителем, агрономом... еще кем-нибудь. А вот если мне, скажем, надоест лежать, что тогда останется делать? Смотреть кино, читать, слушать музыку или еще посмотреть, как другие бегают на стадионах. И все! И так всегда было — игры и зрелища. Короче говоря, все наши развлечения сводятся в конечном счете к услаждению нескольких органов чувств. Даже, заметьте, не всех. Вот, скажем, никто еще не придумал, как развлекаться, услаждая органы осязания и обоняния.

— Еще бы! — рассмеялся Женя. — Массовые зрелища и массовые осязалища. И массовые обонялища.

Горбовский заулыбался.

— Вот именно, обонялища. А ведь будет, Евгений Маркович! Непременно когда-нибудь будет!

— Так ведь это закономерно, Леонид Андреевич. По-видимому, законы природы таковы, что человек в конечном счете стремится не столько к самим восприятиям, сколько к переработке этих восприятий, стремится услаждать не столько элементарные органы чувств, сколько свой главный воспринимающий орган — мозг.

Женя выбрал из плавника еще несколько щепок и подбросил в костер.

— Отец рассказывал мне, что в его время кое-кто пророчил человечеству вырождение в условиях изобилия. Всюду будут делать машины, на хлеб с маслом зарабатывать не надо, и люди займутся тунеядством. Человечество, мол, захлестнут трутни. Но дело-то как раз в том, что работать гораздо интереснее, чем отдыхать. Трутнем быть просто скучно.

— Я знал одного трутня, — серьезно ответил Горбовский. — Но его очень не любили девушки, и он начисто вымер в результате естественного отбора. И все-таки я думаю, что история развлечений еще не окончена. Я имею в виду развлечения в старинном смысле слова. И обонялища какие-нибудь будут обязательно. Я хорошо представляю это себе...

— Сидят сорок тысяч, — сказал Женя, — и все принимают. Симфония «Розы в томатном соусе». И критики — с огромными носами — будут писать: «В третьей части впечатляющим диссонансом в нежный запах двух розовых лепестков врывается мажорное звучание свежего лука...» «В огромном зале лишь немногие смогли удержаться от слез...»

Когда Кондратьев вернулся со связкой свежей рыбы, звездолетчик и писатель довольно ржали перед затухающим костром.

— Что это вас так разобрало? — с любопытством осведомился Кондратьев.

— Радуюсь жизни, Сережа, — ответил Женя. — Укрась и ты свою жизнь веселой шуткой.

— Могу. Сейчас я почищу рыбу, а ты соберешь внутренности и зароешь во-он под тем камнем. Я всегда там зарываю.

— Симфония «Могильный камень», — тихонько сказал Горбовский. — Часть первая, аллегро нон троппо.

Лицо Славина вытянулось, он замолчал и стал глядеть на роковой камень. Кондратьев взял камбалу и вытащил нож. Горбовский с восхищением следил за каждым его движением. Кондратьев одним ударом наискосок отделил голову камбалы, ловко запустил под кожу ладонь и мгновенно извлек камбалу из кожи целиком, словно снял перчатку. Кожу и выпавшие внутренности он бросил Жене.

— Леонид Андреевич, — позвал он. — Принесите соли, пожалуйста.

Горбовский, не говоря ни слова, встал и полез в субмарину. Кондратьев быстро разделал камбалу и принялся за окуней. Куча рыбьих внутренностей перед Женей росла.

— А где соль? — воззвал Горбовский из люка.

— В продовольственном ящике, — сказал Кондратьев. — Направо.

— А она не поедет? — с опаской спросил Горбовский.

— Кто — она?

— Субмарина. Тут направо пульт управления.

— Справа от пульта — ящик, — пояснил Кондратьев.

Было слышно, как Горбовский ворочается в кабине.

— Нашел, — радостно заявил он. — Всю нести? Тут килограммов пять...

Кондратьев поднял голову:

— Как так — пять? Там должен быть маленький пакет.

После минутной паузы Горбовский сообщил:

— Да, действительно. Сейчас несу.

Он выбрался из люка, держа в вытянутой руке пакетик с солью. Руки у него были в муке. Положив пакетик возле Кондратьева, он со стоном: «О мировая энтропия!..» — хотел было снова лечь, но Кондратьев попросил:

— А теперь, Леонид Андреевич, принесите-ка, пожалуйста, лаврового листа.

— Зачем? — с огромным изумлением спросил Горбовский. — Неужели три взрослых человека не могут обойтись без лаврового листа?

— Нет уж, — сказал Кондратьев. — Я обещал вам, Леонид Андреевич, что вы хорошо сегодня отдохнете, и вы у меня отдохнете. Марш за лавровым листом...

Горбовский сходил за лавровым листом, а затем сходил за перцем и кореньями, а потом — отдельно — за хлебом. Вместе с хлебом он — в знак протеста — принес тяжелющий баллон с кислородом и язвительно сказал:

— Вот я принес заодно. На всякий случай, если надо...

— Не надо, — ответил Кондратьев. — Большое спасибо. Отнесите назад.

Горбовский с проклятиями поволок баллон обратно. Вернувшись, он уже не пытался лечь. Он стоял рядом с Кондратьевым и смотрел, как тот варит уху. Мрачный корреспондент Европейского информационного центра Евгений Славин при помощи двух щепочек относил рыбы внутренности к могильному камню.

Уха кипела. От нее шел оглушающий аромат, приправленный легким запахом дыма. Кондратьев взял ложку, попробовал и задумался.

— Ну как? — спросил Горбовский.

— Еще чуть соли, — отозвался Кондратьев. — И, пожалуй, перчику. А?

— Пожалуй, — согласился Горбовский и проглотил слюнку.

— Да, — решительно сказал Кондратьев. — Соли и перцу.

Женя кончил таскать рыбы потроха, навалил сверху камень и отправился мыть руки. Вода была теплая и прозрачная. Было видно, как между водорослями снуют маленькие серо-зеленые рыбки. Женя присел на камень и загляделся. Океан блестящей стеной поднимался за бухтой. Над горизонтом неподвижно висели синие вершины соседнего острова. Все было синее, блестящее и неподвижное, только над камнями в бухте без крика плавали большие черно-белые птицы. От воды шел свежий солоноватый запах.

— Отличная планета — Земля! — проговорил Женя.

— Готово! — объявил Кондратьев. — Садитесь есть уху. Леонид Андреевич, принесите, пожалуйста, тарелки.

— Ладно, — сказал Горбовский. — Тогда я и ложки заодно.

Они расселись вокруг дымящегося ведра, и Кондратьев разлил уху. Некоторое время ели молча. Затем Горбовский сказал:

— Безмерно люблю уху. И так редко приходится есть.

— Ухи еще полведра, — сообщил Кондратьев.

— Ах, Сергей Иванович. — Горбовский вздохнул. — На два года не наешься.

— Разве на Леониде не будет ухи? — спросил Кондратьев.

Горбовский опять вздохнул.

— Может быть, и не будет. Хотя Леонида — это, конечно, не Пандора, и на уху надежда есть. Если только Комиссия разрешит ловить рыбу.

— А почему бы и нет?

— В Комиссии желчные и жестокие люди. Они наверняка запретят мне даже лежать. Они потребуют, чтобы все мои действия соответствовали интересам аборигенов этой планеты. А откуда я знаю, какие у них интересы?

— Вы нытик, Леонид Андреевич, — заявил Женья. — Сергей, налей мне еще тарелочку. Я вам невыносимо завидую, Леонид Андреевич. Я бы полжизни отдал, чтобы участвовать в первом контакте. И во втором, и в третьем. Увидеть человека другого мира! Поговорить с ним! Вы смотрите там, не оплошайте, Леонид Андреевич.

— Как можно!.. Сергей Иванович, и мне еще тарелочку. Плошать никак нельзя. Уж очень ответственность большая. Придется отвечать за все человечество. За нынешнее и за будущее. Чтобы потомкам не пришлось краснеть... Кстати, потомки в нас верят.

Кондратьев перестал есть и взглянул на Горбовского.

— Предки, вы хотели сказать?

— Нет, потомки, — спокойно возразил Горбовский. — За всех, конечно, ручаться не могу, но вот Петр Петрович — тот во время последней со мной встречи вполне определенно выразился в том смысле, что он в нас верит.

— Это чей же он потомок, ваш Петр Петрович? — спросил Кондратьев.

— Доподлинно сказать вам не могу. Ясно, однако, что он прямой потомок какого-то Петра. Мы, знаете, об этом с ним как-то не говорили. В конце концов, это не очень важно, не правда ли?

— А о чем вы с ним говорили? — язвительно осведомился Женья.

Горбовский поставил пустую тарелку рядом с собой на камень, вытер рот носовым платком и сказал:

— Если вам интересно, могу рассказать. История, в общем, не длинная.

— Может, сначала посуду вымоем? — предложил Кондратьев.

— Нет. Я так не согласен. Надо сначала полежать. Верно, Евгений Маркович?

— Конечно, верно! — воскликнул Женья, тоже отставил тарелку и повалился на бок.

— Рассказывайте, Леонид Андреевич.

И Горбовский начал рассказывать.

— Мы шли на «Таризле» к ЕН 6 — рейс легкий и неинтересный, — везли Перси Диксона и семьдесят тонн вкусной еды для тамошних астрономов, и тут у нас взорвался обогатитель. Кто его знает, почему он взорвался, такие вещи иногда случаются даже теперь. Мы повисли в пространстве в двух парсеках от ближайшей базы и потихоньку стали готовиться к переходу в иной мир, потому что без обогатителя плазмы ни о чем другом не может быть и речи. В нашем положении, как и во всяком другом, было два выхода: открыть люки сейчас же или сначала съесть семьдесят тонн астрономических продуктов и потом все-таки открыть люки. Мы с Валькенштейном собрались в кают-компанию около Перси Диксона и стали выбирать. Перси Диксону было легче всех — у него оказалась разбита голова, и он еще ничего не знал. Очень скоро мы с Валькенштейном пришли к выводу, что торопиться некуда. Это была самая грандиозная задача, какую мы когда-либо ставили перед собой: вдвоем уничтожить семьдесят тонн продовольствия. На Диксона надежды не было. Тридцать лет во всяком случае можно было протянуть, а потом можно было и открыть люки. Системы водной и кислородной регенерации у нас были в полном порядке, двигались мы со скоростью двести пятьдесят тысяч километров в секунду, и нам еще, может быть, предстояло увидеть всякие неизвестные миры, помимо иного...

Я хочу, чтобы вы отчетливо представили себе ситуацию: до ближайшего населенного пункта два парсека, вокруг безнадежная пустота, на борту двое живых и один полумертвый — три человека, заметьте, ровно три, это я говорю вам как командир. И тут открывается дверь, и в кают-компанию входит четвертый. Мы сначала даже не удивились.

Валькенштейн этак неприветливо спросил: «Что вам здесь надо?» И вдруг до нас сразу дошло, и мы вскочили и уставились на него. А он уставился на нас. Совершенно обыкновенный человек, должен вам сказать. Роста среднего, худощавый, лицом приятен, без этой, знаете, волосатости, как у нашего Диксона, например. Только глаза были особенные, веселые и добрые, как у детского врача. И еще — он был одет как звездолетчик в рейсе, однако куртка была застегнута справа налево. Так женщины застегиваются да еще, по слухам, дьявол. Это меня почему-то удивило больше всего. А пока мы разглядывали друг друга, я мигнул, гляжу — куртка у него уже застегнута правильно. Я так и сел.

«Здравствуйте, — говорит незнакомец. — Меня зовут Петр Петрович. Как вас зовут — я уже знаю, поэтому времени терять не будем, посмотрим, что с доктором Перси Диксоном». Он довольно бесцеремонно отпихнул Валькенштейна и сел возле Диксона. «Простите, — говорю я, — вы врач?» — «Да, — говорит он. — Немножко». И принимается сдирать с головы Диксона повязку. Так, знаете, шутя и играя, как ребенок сдирает обертку с конфетки. У меня даже мороз по коже пошел. Смотрю на Валькенштейна — Марк стоит бледный и только разевает и закрывает рот. Между тем Петр Петрович снял повязку и обнажил рану. Рана, надо сказать, была ужасная, но Петр Петрович не растерялся. Он растопырил пальцы и стал массировать Диксону череп. И можете себе представить, рана закрылась прямо у нас на глазах. Ни следа не осталось. Диксон перевернулся на правый бок и захрапел как ни в чем не бывало.

«Ну вот, — говорит Петр Петрович, — теперь пусть выспится. А мы с вами тем временем пойдем и посмотрим, что у вас делается в машинном отсеке». И повел нас в машинный отсек. Мы пошли за ним, как овечки, но, в отличие от овечек, мы даже не блеяли. Просто, вы представляете себе, у нас не было слов. Не приготовили мы слов для такой встречи.

Петр Петрович открывает люк в реактор и лезет прямо в обогатительную камеру. Валькенштейн так и ахнул, а я закричал: «Осторожно! Радиация! Смертельная радиация!» Он посмотрел на нас задумчиво, затем сказал: «Ах, да, верно. Идите, — говорит, — Леонид Андреевич и Марк Ефремович, прямо в рубку, я сейчас вернусь». И закрыл за собой люк. Пошли мы с Марком в рубку и стали там друг друга щипать. Молча щипали, зверски, с ожесточением. Однако не проснулись ни я, ни он. А минуты через две включаются все индикаторы, и пульт обогатителя показывает готовность номер один. Тогда Марк бросил щипаться и говорит слабым голосом: «Леонид Андреевич, вы помните, как надо крестить нечистую силу?» Едва он это сказал, вошел Петр Петрович. «Ах, — говорит он, — ну и звездолет у вас, Леонид Андреевич. Ну и гроб. Преклоняюсь перед вашей смелостью, товарищи». Затем он предложил нам сесть и задавать вопросы.

Я стал усиленно думать, какой бы вопрос задать поумнее, а Марк, человек сугубо практический, спросил: «Где мы сейчас находимся?» Петр Петрович грустно улыбнулся, и в ту же секунду стены рубки сделались прозрачными. «Вот, — говорит Петр Петрович и показывает пальчиком. — Вон там наша Земля. Четыре с половиной парсека. А там — ЕН 6, как это у вас называется. Измените курс на шесть десятых секунды и идите прямо на деритринитацию. А может быть, вас прямо, — говорит, — подбросить к ЕН 6?» Самолюбивый Марк ответил: «Спасибо, не трудитесь, теперь мы и сами...» Он прямо взял быка за рога и принялся ориентировать корабль. Я тем временем все думал над вопросом, и все время мне в голову лезли какие-то «погоды в надзвездных сферах». Петр Петрович засмеялся и сказал: «Ну ладно, вы сейчас слишком взволнованы, чтобы задавать вопросы. А мне уже пора. Меня в этих самых надзвездных сферах ждут. Лучше я вам сам все вкратце объясню».

«Я, — говорит, — ваш отдаленный потомок. Мы, потомки, очень иногда любим навестить вас, предков. Поглядеть, как идут дела, и показать вам, какими вы будете. Предков всегда интересуется, какими они будут, а потомков — как они стали такими. Вот, собственно, и все. А теперь я пойду, обо мне наверняка уже беспокоятся».

И тут я завопил: «Постойте, один вопрос! Значит, вы теперь уже все можете?» Он с этакой снисходительной ласкою на меня поглядел и отвечает: «Что вы, Леонид Андреевич. Кое-что мы, конечно, можем, но, в общем-то, работы еще на миллионы веков хватит. Вот, — говорит, — давеча тушили-тушили одну паршивенькую галактику, да так и отступились. Слабоваты пока. А вы, — говорит, — товарищи, на правильном пути. Вы нам нравитесь. Мы, — говорит, — в вас верим. Вы только помните: если вы будете такими, какими собираетесь быть, то и мы станем такими, какие мы есть. И какими вы, следовательно, будете».

Махнул он рукой и ушел прямо сквозь стену. Вот такая история...

Горбовский приподнялся на локтях и оглядел слушателей. Кондратьев спал, пригравшись на солнышке. Славин лежал на спине, задумчиво глядя в голубое небо.

— Да, небезынтересная сказочка, — медленно сказал он. — «Для будущего мы встаем ото сна. Для будущего обновляем покровы. Для будущего устремляемся мыслью. Для будущего собираем силы... Мы услышим шаги стихии огня, но будем уже готовы управлять волнами пламени».

Горбовский дослушал и обиженно возразил:

— Это не сказочка. Это, Евгений Маркович, быль. Не верите?

— Нет, — сказал Женя.

— Спросите Валькенштейна. И поглядите на Диксона. Есть у него шрам на голове или нет у него шрама на голове? По-моему, очень убедительно. — Он помолчал немного и добавил: — И как вообще, по-вашему, мы смогли выбраться, если у нас взорвался обогатитель плазмы?

— В вашей сказочке, Леонид Андреевич, есть только одна правда. Впереди еще миллионы веков разрешения великого и последнего противоречия. Противоречие между бесконечностью тайн природы и ограниченностью наших возможностей в каждый момент времени. Это противоречие заставляет нас двигаться и обещает миллионы веков интереснейшей жизни.

Горбовский промолчал. Кондратьев вдруг открыл глаза, сладко потянулся и сел.

— Философы, — усмехнулся он. — Аристотели. Давайте быстренько помоем посуду, искупаемся и рванем в Золотой Грот. Такого, мальчики, вы еще не видели.

Рассказ «Великий КРИ», опубликованный в 1961 году в сборнике «Золотой лотос», вошел затем (под названием «Загадка задней ноги») в книжное издание «Возвращения» 1962 года.

Великий КРИ

Научный поселок Джаккой располагался в тени черных акаций с кронами поперечником в сорок-пятьдесят метров. Поодаль, на берегу глубокого озера с синей прозрачной водой, белели развалины фермы какого-то древнего переселенца. Вода в озере даже с воздуха представлялась холодной до ломоты в зубах. А за озером снова начиналась саванна — знойная голубоватая саванна Западной Австралии.

Женя Славин облетел вокруг акаций, выбирая место поближе к поселку. В полдень обычно саванна пуста, все живое прячется в тени, поэтому Женя очень удивился, когда вдруг заметил в полукилометре от поселка необычайное оживление. Сначала ему показалось, что там играют в регби. В траве шевелилась и перекатывалась куча черных и белых человеческих тел. Из кучи неслись неразборчивые азартные возгласы. «Отлично сыгранись, — подумал Женя. — И как это им не жарко?» Тут куча распалась, открыв что-то округлое и блестящее, один из игроков кубарем покатился в сторону, упал и остался лежать, скорчившись и держась руками за живот. Крики усилились. «Э, нет, — подумал Женя. — Это не игра». Из-под акаций вынырнули еще трое, на ходу сбрасывая куртки. Женя стремительно пошел на посадку.

Когда он спрыгнул в траву и освободился от крыльев, скорчившийся человек уже сидел и, по-прежнему держась за живот, хрипел:

— Не подходите сзади! Эй! Берегитесь задней ноги!

Женя рысью пробежал мимо него. В копошащейся куче кричали по-русски и по-английски:

— Лапы к земле! Прижимайте к земле!

— Антенны не трогать!

— Пабло! Он уходит, Пабло!

— Зарывается в землю!

— Не пускать! Держать за бока! Еще немного, ребята...

«Поймали какого-то ящера», — мелькнуло в голове у Жени. И тут он увидел заднюю ногу. Она была громадная, черная, с острыми зубринами, похожая на ногу исполинского жука. Она со страшной силой скребла по земле, оставляя глубокие борозды. Было там еще много других ног — черных, коричневых, белых, — которые тоже ерзали, дрыгали и упирались, но то все были обыкновенные человеческие ноги. Задняя нога была одна, и несколько секунд Женя ошеломленно наблюдал за нею. Она раз за разом складывалась, глубоко зарывалась в землю и с натугой распрямлялась, и каждый раз грудa тел перемещалась метра на полтора.

— А ну! — воскликнул Женя, обеими руками вцепился в заднюю ногу у сустава и рванул на себя.

Послышался отчетливый хруст, и Женя опрокинулся на спину.

— Не смей ломать! — загредел яростный голос.

Женя полежал немного, сжимая заднюю ногу в объятьях, затем медленно поднялся.

— Еще немного! — гремел тот же голос, покрывая все остальные голоса. — Hold on a shake¹, Джо! Еще чуть-чуть... Ага! Вот где ты, голубчик!

Что-то жалобно зазвенело, и наступила тишина. Грудa тел застыла, слышно было только тяжелое, прерывистое дыхание. Затем люди разом заговорили и засмеялись, поднимаясь, вытирая потные лица. В измятой траве остался большой неподвижный черный бугор. Кто-то разочарованно сказал:

— Опять семиножка!

— Да, септопод...

— А где задняя нога?

Все взоры обратились на Женю. Женя смело сказал:

— Вот задняя нога. Она оторвалась. Я никак не ожидал, что она так легко оторвется.

Его обступили, с любопытством разглядывая. Громадный полуголый детина с копной растрепанных светлых волос протянул могучую исцарапанную руку:

— Дайте-ка сюда.

В другой руке детина держал обрывок блестящего провода. Женя с радостью отдал ногу.

— Моя фамилия Славин, — сказал он. — Я корреспондент Европейского Информационного Центра. Нам сообщили, что здесь интересно.

Все заулыбались. Детина несколько раз с задумчивым видом согнул и разогнул черный коленчатый рычаг. Задняя нога в суставе попискивала.

— Что именно заинтересовало Европейский Информационный Центр?

— КРИ, — быстро ответил Славин. — Коллектор Рассеянной Информации. Машина-археолог. И еще. Уродцы. Знаете, странные аппараты...

— Знаю, — сказал детина. Он отбросил проволоку, переложил заднюю ногу в левую руку, а правую протянул Жене. — Я заместитель директора КРИ, инженер-кибернетист Павел Руда. А это, — он ткнул рычагом в сторону остальных, — наша команда, рабы

¹ Держись, еще минуточку (англ.).

Великого КРИ. С ними вы познакомитесь после, когда они отнесут септопода в лабораторию.

— Стоит ли, Пауль? — спросил маленький курчавый австралиец. — Пусть уж валяется здесь. У нас есть два таких же...

— Не таких, Парнкала, — сказал Руда. — У этого задняя нога имеет всего один сустав.

— Правда? — Парнкала выхватил у Руды ногу и тоже несколько раз согнул и разогнул ее. — Да, действительно... Жаль, что она обломана.

— Я не знал... — сказал Женя, но его уже не слушали. Все обступили Парнкалу, затем гурьбой направились к черному бугру в траве и наклонились над ним. Возле Жени остался только Руда.

— Что это за семипод? — спросил Женя.

— Септопод? Один из Уродцев Великого КРИ.

— Ага, — сказал Женя. — Одна из этих машинок, что бегают сейчас по всему заповеднику... Значит, это все-таки ваши Уродцы?

— Не так просто, товарищ корреспондент, не так просто. Я ведь не сказал, что это наши Уродцы, я сказал, что это Уродцы Великого КРИ...

— То есть вы хотите сказать, что не имеете к Уродцам никакого отношения?

— Косвенное, товарищ корреспондент, косвенное... — Руда шагнул в сторону и поднял из травы заднюю ногу. — Сейчас мы на них охотимся. Последнюю неделю мы все время на них охотимся. Любопытные машинки. Очень. Вообще вы приехали вовремя...

Он с непонятной усмешкой стал смотреть вслед септоподу, которого тащили в поселок. Один из тащивших обернулся.

— Пабло Руда! — заорал он. — Наша кладь тяжела! Где твои сильные руки?

— Мои сильные руки понесут заднюю ногу! — закричал в ответ Руда.

— Давайте я понесу заднюю ногу, — предложил Женя. — Я ее оторвал, я ее и понесу.

— Ну что ж, валяйте, — весело разрешил Руда. — А я помогу ребятам.

Он в два прыжка нагнал «рабов», растолкал их, подлез под септопода, ухнул и свалил его на спину.

— Догоняйте, — сдавленно прогремел он и вперевалку побежал к акациям.

Женя подхватил заднюю ногу, повесил ее на шею, как коромысло, и затрусил вслед. Нога была колючая и довольно тяжелая.

— Ставлю свой микроэлектронметр против вашего диктографа, что вы еще не обедали, — провозгласил Руда, появляясь в дверях лаборатории.

Женя сидел в тени на крылечке, тихо охал и обмахивался чьей-то соломенной шляпой. Шея у него горела.

— Выиграли, — простонал он.

— А где нерадивые рабы? Как смели они бросить такого почетного гостя? Позор на весь Европейский Информационный Центр!

— Они пошли поклоняться задней ноге в здание напротив, — сказал Женя, поднимаясь. — Они попросили меня подождать здесь, сказали, что вы обещали вернуться через минуту. Это было полчаса назад.

— Нахалы, — сказал Руда с некоторым смущением. — Пойдемте, товарищ Славин, я постараюсь загладить их вину. Я угощу вас филе.

— Из задней ноги? — спросил Женя.

— Из окорока кенгуру, — сказал он. — Я подстрелил кенгуру вчера вечером. В Гибсоне нам разрешают охотиться, потому что нас здесь мало и иногда нам бывает скучно.

Руда взял Женю под локоть и повлек наискосок через улицу к аккуратному белому коттеджу.

В коттедже было чисто и прохладно. После душа Руда усадил гостя за стол, поставил перед ним стакан, графин и миску со льдом и принялся хозяйничать.

— Линии Доставки здесь нет, — гремел он. — Готовим сами.

Угощал он щедро и обильно. Женя ел так, что трещало за ушами. Руда не отставал, одобрительно на него поглядывал и время от времени подкладывал ему ломтик. Ломтики были крупные. Наконец Женя решительно отодвинул тарелку, сказал: «Пасс», — и они отправились на кухню мыть посуду.

— Вы вовремя приехали, товарищ корреспондент, — сказал Руда, когда все было убрано и они разлеглись в траве перед крыльцом коттеджа. — Здесь сейчас действительно очень интересно. Особенно интересно будет, наверное, сегодня. Завтра будет уже поздно, а сегодня в самый раз. Если вам повезет, вы даже увидите, как бьют палками. И другие любопытные вещи. Разрешаю задавать вопросы.

Женя торопливо заряжал диктограф.

— Расскажите, что такое Великий КРИ.

— Минуточку. — Руда перевернулся на спину и закинул ногу на ногу. — Сначала спрошу все-таки я. Какое у вас образование, товарищ Славин?

— Окончил медицинский институт, институт журналистики и курсы фельдшера-межпланетника.

— И все? Больше ничего?

— Ничего.

— И вы ничего не слышали о семи принципах Сунь Ситао?

— Ничего, — упавшим голосом сказал Женя.

— И об алгебре информационных полей, конечно?

— Нет.

— И о фундаментальной теореме диссипации информации?

Женя безмолвствовал. Руда подумал и сказал:

— Хорошо. Совету все ясно. Постараемся снизить. Только слушайте очень внимательно и, если что неясно, задавайте вопросы...

Вот что понял Женя. Коллектор Рассеянной Информации предназначался главным образом для собирания рассеянной информации, что, впрочем, явствовало из названия. Под рассеянной информацией понимались следы любых событий и явлений, рассеянные в пространстве и во времени. Первый принцип Сунь Ситао (единственный, который оказался доступен Жене) гласил, что ничто в природе и в обществе не проходит бесследно, все оставляет следы. Подавляющее большинство этих следов находится в виде чрезвычайно рассеянной информации. В конечном счете они представляют собой энергию в той или иной форме, и проблема сбора очень осложняется тем, что со временем первичные формы претерпевают многократные изменения. Следы накладываются друг на друга, смешиваются, стираются другими следами. Но в принципе любой след можно отыскать и восстановить: и след тени бронтозавра в угольных пластах, и след луча далекой звезды на обломке базальта. Для отыскания, сортировки, сопоставления этих следов и для преобразования их в привычные формы информации — например, в изображение — был построен Великий КРИ.

О том, как работает Великий КРИ, у Жени составилось очень смутное представление. Сначала воображение нарисовало ему миллиарды кибернетических инфузорий-микроинформаторов, которые тучами бродят по всему свету, собирая рассеянные следы давно минувшего и стаскивая их в необъятные кладовые механической памяти. Затем он подумал о густой паутине проводов, натянутой на мачты и башни, которые разбросаны по всей планете от полюса до полюса. Короче говоря, он так ничего и не понял, но переспрашивать не стал: он решил, что как-нибудь на досуге прослушает диктофонную запись с соответствующими книжками перед глазами и тогда поймет. А когда Руда принялся рассказывать о результатах работы, Женя забыл обо всем.

— Нам удалось получить очень интересные картины и даже целые эпизоды, — говорил Руда. — Конечно, подавляющее большинство материалов — брак, сотни и тысячи кадров, наложенных друг на друга, и никакие фильтры не в состоянии разделить их. Но кое-чего мы все-таки добились. Мы стали свидетелями вспышки сверхновой вблизи Солнца сто миллионов лет назад. Мы увидели драки динозавров и звездолеты пришельцев, эпизоды из битвы при Маренго и многое другое.

— А можно будет посмотреть? — с трепетом спросил Женя.

— А как же, можно... Но вернемся к теме дня.

Великий КРИ не только коллектор рассеянной информации. Это необычайно сложная и весьма самостоятельная счетно-логическая машина. В ее этажах, помимо миллиардов ячеек памяти и логических элементов, помимо всевозможных преобразователей и фильтров, есть собственные мастерские, которыми она сама управляет. При необходимости она надстраивает себя, создает новые элементы, строит модели. Это открывает широкие возможности. В настоящее время она, например, ведет дополнительно всю калькуляцию австралийской экономической сферы, используется для решения многих задач общей кибернетики, выполняет функции тончайшего диагностика, имея при этом отделения во всех крупнейших городах Земли и на некоторых внеземных базах. Решает она и другие задачи.

Нынешний директор КРИ, ученик гения кибернетики покойного Сунь Ситао, конголезец Августус Ламба запрограммировал несколько задач, связанных с предсказанием поведения живого организма. С задачами по детерминизму поведения беспозвоночных КРИ справился сравнительно легко, и три месяца назад Ламба запрограммировал и ввел в машину новую задачу.

— Задача получила название «Буриданов баран». С молодого мериноса был снят биологический код — знаете, полная информация о состоянии молекулярных связей в нервной системе — в тот момент, когда этот меринос находился между двумя кормушками с засахаренными бананами. Код в сочетании с биолого-психологическими данными о баранах был введен в КРИ. От машины требовалось, во-первых, предсказать, какую кормушку баран выберет, и, во-вторых, дать психологическое обоснование этого выбора.

— Интересная задача, — сказал Женя. — Вопрос о свободе воли. Очень интересно.

Руда усмехнулся.

— Вы думаете? — сказал он. — Да, возможно... Ламба ведь не только кибернетист, он еще и психолог. Прямо помешан на психологических проблемах. Вы это правильно поняли — задача о свободе воли. Вот он и выясняет, существует эта самая свобода воли или нет. Сначала для червей, затем для лягушек... Теперь вот очередь дошла до барана. Какие факторы — если нам известно о баране все, начиная с... гм... количества его ног и кончая распределением участков возбуждения у него в мозгу в данный момент, — заставляют барана выбрать именно, скажем, правую, а не левую кормушку?..

Так вот, два месяца КРИ работал вполне нормально. Жужжал и гудел. Ламба с нетерпением ждал моделей. Понимаете, обыкновенно КРИ, получив задачу, строит модели и затем вводит в себя данные об их поведении. Эффекторные машины¹ часто решают задачи по моделям. КРИ изготавливает иногда необыкновенно интересные модели. Вот когда он решал задачу о поведении земляного червя, то построил модель, на основе которой были созданы новые типы землепроходных устройств. Месяц назад появились модели и по задаче «Буриданов баран». И когда они появились, все ахнули...

— Уродцы, — пробормотал Женя.

¹ Эффекторные машины — счетно-логические машины, оборудованные исполнительными механизмами (эффекторами) для изготовления моделей или для выполнения каких-либо операций (фант.). — *Прим. авторов.*

— Вот именно. Те самые Уродцы, которые так заинтересовали Европейский Информационный Центр. Всякие шесты на колесиках, семиногие ползуны и так далее. КРИ производит их во множестве, и никто не понимает почему. У них есть одна странность: все они до крайности нелепы, и их нельзя привязать ни к одному аспекту задачи. Восхитительные машинки! В особенности задняя нога.

— Черная тень задней ноги, — продолжал, немного помолчав, Руда, — легла на Джакой. Высказываются удивительные предположения. Кое-кто считает, что КРИ свихнулся от натуги, — такое, мол, бывает. Некоторые слабонервные вообразили, что КРИ слишком умен для человека и всех дурачит. А директор Ламба уверен, что что-то не в порядке с программой. Умный старикан. Как только увидел первого Уродца — сейчас же забрал программу и укатил в Москву, в Институт Теории Программирования. Сегодня он возвращается, так что вы приехали вовремя.

— А кого будут бить палкой? — спросил Женя.

— Увидите. — Руда странно усмехнулся. — Все в свое время. Будет очень интересно. А теперь, товарищ корреспондент, пойдете, я вас представлю заведующей фильмотекой.

— Еще один вопрос, — сказал Женя, засовывая диктограф в футляр. — Где он находится, ваш Великий КРИ?

— Вы на нем лежите. А сейчас встанете и пойдете по нему. Он под землей, двести метров в глубину, шесть гектаров. Мозг, мастерские, энергогенераторы — все. Пошли.

Фильмотека КРИ находилась на другом конце поселка, в низком павильоне, на крыше которого блестели решетчатые щиты стереосинерамного демонстратора. Сразу за павильоном начиналась саванна.

В павильоне пахло озоном и кокосовым молоком. Заведующая фильмотекой сидела за столом и изучала через бинокулярный микроскоп какой-то фотоснимок. Должно быть, фотоснимок сустава задней ноги. Заведующей была хорошенькая таитянка лет двадцати пяти.

— Здравствуй, Энни, — сказал Руда.

Заведующая оторвалась от микроскопа и расцвела улыбкой.

— Здравствуй, Поль, — сказала она.

— Это Энни Кент. А это корреспондент Европейского Центра Славин, Энни. Отнесись к нему с уважением. Покажи ему кадры — двести шестьдесят седьмой, триста пятнадцатый и семь тысяч пятьсот двенадцатый.

— Если это вас не затруднит, конечно, — галантно добавил Женя.

— С удовольствием, — ответила заведующая.

— Тогда я оставляю вас, — сказал Руда. — Да, что с оборудованием, Энни?

— В пять должно быть здесь.

Руда кивнул и вышел. Было слышно, как он крикнул на весь поселок: «Акитада! Шеф не звонил?» Ответа слышно не было. Заведующая вздохнула и сказала:

— Берите складной стул, товарищ Славин, и пойдете.

Женя вышел и уселся у стены павильона. Заведующая деловито прикинула высоту солнца, что-то подсчитала в уме, шевеля губами, и вернулась в павильон.

— Кадр двести шестьдесят седьмой, — объявила она в раскрытое окно.

Солнечный свет померк. Женя увидел черно-фиолетовое ночное небо с яркими незнакомыми звездами. Низкие плоские облака протянулись над горизонтом, медленно возникли черные силуэты странных деревьев, похожих не то на пальмы, не то на цветную капусту. Звездные отсветы дрожали в черной воде.

Затем над облаками возникло белое зарево. Оно разгоралось все ярче, уродливые тени заскользили по черной маслянистой поверхности, и вдруг из-за горизонта вылетело ослепительное белое пульсирующее светило и рывками понеслось по небу, гася звезды.

Серый туман заметался между стволами странных деревьев, замелькали радужные блики, и все исчезло. Перед Женей вновь была залитая солнцем саванна.

— Дальше сплошные помехи, — сказала заведующая.

— А что это было? — спросил Женя. Он ожидал большего.

— Это восход сверхновой. Больше ста миллионов лет назад. Эта сверхновая породила динозавров¹. Теперь кадр триста пятнадцатый. Наша гордость. Пятьдесят миллионов лет спустя.

Снова исчезла саванна. Женя увидел покрытую водой равнину. Из воды повсюду торчали мясистые стебли каких-то растений. Через равнину по колено в воде брело длинное серое животное. Женя не сразу понял, где у животного голова. Мокрое цистернообразное туловище, облепленное зеленой травой, равномерно сужалось к обоим концам и переходило в длинные гибкие хвост и шею. Затем Женя разглядел крохотную плоскую головку с безгубым жабым ртом. В повадках чудовища было что-то куриное: шея равномерно раскачивалась взад и вперед в такт шагам. Время от времени животное ныряло головой в воду и хватало пучки зелени, после чего вниз по шее медленно сползало округлое вздутие.

— Диплодок, — сказала заведующая. — Длина — двадцать четыре метра.

Женя увидел другое чудовище. Оно змеиными движениями скользило рядом с диплодоком, оставляя за собой полосу взбаламученной воды. Один раз оно едва увернулось от колоннообразной ноги диплодока, и на мгновение Женя увидел бледную зубастую пасть. «Что-то будет», — подумал Женя. Это было гораздо интереснее вспышки сверхновой. Диплодок, видимо, не подозревал о своем зубастом спутнике либо просто не обращал на него внимания. А тот, ловко лавируя вокруг его ног, подобрался поближе, рывком высунулся из воды, откусил голову и нырнул в сторону.

Женя закрыл рот, лязгнув зубами. Картина была необычайно яркая и четкая. На секунду диплодок остановился и высоко вздернул обезглавленную шею. И пошел дальше, все так же размеренно покачивая кровотоющим обрубок. Только через несколько шагов у него подогнулись передние ноги. А задние продолжали ступать, и громадный хвост беспечно подергивался из стороны в сторону. Но вот подломились и задние ноги, и тотчас из вспененной воды вынырнули и кинулись оскаленные пасти...

— Ф-фу, — сказал Женя. — Страшное зрелище.

— Они беспрерывно жрали друг друга, — заметила заведующая. — Почти вся информация, которую мы получаем от тех эпох, это непрерывное пожирание. Но как вам понравилось качество изображения, товарищ Славин?

Над кронами акаций с грохотом пронеслась пузатая шестимоторная машина. Заведующая выбежала из павильона.

— Аппаратура! — крикнула она. — Пойдемте, товарищ Славин, это привезли аппаратуру!

— Позвольте! — сказал Женя. — А еще? Вы обещали показать мне еще!

— Не стоит, право, не стоит, — убедительно сказала заведующая. — Не знаю, что это взбрело Полю в голову... Семь тысяч пятьсот двенадцатый — это битва при Маренго. Качество изображения превосходное, но... Право, не стоит. Лучше пойдемте и посмотрим. Это тоже, наверное, будет интересно...

— А что там такое? Что это за аппаратура?

— Разве Поль не сказал вам? Сегодня он хочет выловить всех Уродцев. Перехватить управление у КРИ и выловить сразу всех Уродцев до единого...

¹ Существует гипотеза, что возникновение на Земле динозавров было обусловлено мощным потоком радиации от сверхновой звезды, взорвавшейся сравнительно недалеко от Солнечной системы. — *Прим. авторов.*

Громадный шестивинтовой вертолет сел недалеко от того места, где несколько часов назад изловили септопода. Из распахнутых трюмов выезжали платформы на высоких колесах, груженные разнокалиберными пронумерованными ящиками. Ящики свозились к подножию одной из акаций, где неутомимый Руда руководил сборкой. Его зычный голос далеко разносился по вечерней саванне.

Энни Кент извинилась и убежала куда-то. Женя принялся описывать неуверенные круги вокруг Руды. Его одолевало любопытство. Платформы на высоких колесах подкатывали, сдвигали ящики в траву и уезжали, а «рабы КРИ» — полсотни веселых юношей и девушек — вскрывали ящики, извлекали из них непонятные предметы из металла и пластика и что-то строили. Под акацией росло громоздкое угловатое сооружение. Руда трудился где-то в его недрах. Работали быстро и весело.

Женю беззлобно толкали под бока и просили убраться в сторонку. Вертолет, наконец, разгрузился, взревел, подняв ветер и клочья травы, и улетел. Из сооружения выполз на четвереньках Руда, встал, отряхнул ладони и сказал:

— Ну, все. Можно начинать. Давайте по местам.

Он вскочил на платформу, где был установлен небольшой пульт управления. Платформа крякнула и прогнулась.

— Может быть, подождем профессора Ламбу? — робко спросила худенькая, остриженная под мальчика девушка.

— Ни в коем случае, — внушительно сказал Руда. — Наоборот... Начнем!

Он положил руки на пульт. Пульт вспыхнул индикаторными лампочками.

И сейчас же все затихло на поляне. Женя с беспокойством заметил, что несколько человек торопливо вскарабкались на акацию и расселись на ветвях, а девушки теснее придвинулись к платформе. На всякий случай он тоже подошел поближе к платформе.

— Стронг и Джой, приготовились! — резким голосом сказал Руда.

— Приготовились! — откликнулись два голоса, мужской и женский.

— Пою на главной частоте. Подпевайте в крыльях. И больше шуму!

Женя ожидал, что все сейчас запоют и забарабанят, но стало еще тише. Прошла минута.

— Повысить напряжение! — негромко приказал Руда.

Прошло еще несколько минут. Солнце зашло, на небе высыпали крупные звезды. Где-то пронзительно прокричал эму. Девушка, стоявшая рядом с Женей, судорожно вздохнула. Вдруг наверху, на ветке акации зашевелились, и чей-то дрожащий от возбуждения голос крикнул:

— Да вот же они! Вон там, на поляне! Вы не туда смотрите!

Жене не было видно, куда надо смотреть, и он плохо представлял себе, что должно произойти. Он поднял киноаппарат, попятился еще немного, тесня к платформе девушек, и вдруг он увидел. Черная под звездами саванна шевелилась. Неясные серые тени выползали из нее, молчаливые и зловещие. Зашелестела трава, что-то скрипнуло, послышался дробный перестук, звяканье, потрескивание. Тишина наполнялась густыми невнятными шорохами.

— Свет! — рявкнул Руда. — Идут зольдатики!

В тот же миг над поляной вспыхнул ослепительный свет.

Через саванну шла армия Великого КРИ, шли полчища Уродцев. Они шли сдаваться. Такого парада технического уродства Женя не видел еще никогда в жизни. Гомерический хохот потряс акацию.

— Паровозы!

— Семнадцатый век! Кулиса Ватта!

— Мальчики! Мальчики! Смотрите! Паровая машина!

— Тележка Кювье!

— Робинзон! Где Робинзон?

— Робинзон, это ты уверял, что КРИ нас дурачит?

— Робинзон! Брось свой диплом в стиральную машину!

Ужасные страшилища двигались на поляну. Кособокие трехколесные велосипеды на паровом ходу. Железные черепахи, от которых летели искры и смердило горелым. Септоподы, неистово лягающиеся знаменитой задней ногой. Пауки на длиннейших проволочных ногах. Вихляющиеся шести на колесиках. Все это тащилось, хромало, толкалось, гремело жестью, ломалось на ходу и исходило паром и искрами. Женя самозабвенно водил киноаппаратом.

Передние ряды механических чудовищ, достигнув поляны, остановились. Задние карабкались на них и тоже замирали в куче, перепутавшись, растопырив уродливые сочленения. Поверх упали с деревянным стуком, ломаясь пополам, шести на колесиках. Одно колесо, звеня какими-то пружинками, докатилось до платформы и улеглось у ног Жени. Тогда Женя оглянулся на Руду. Руда стоял на платформе, уперев руки в бока.

— Ну вот, ребята, — сказал он. — Отдаю это вам на разграбление. Немедленно все систематизировать и синхронизировать с подпрограммой. Теперь мы узнаем, что и как думает Великий КРИ.

— Неужели Великий КРИ построил все это, чтобы изучать поведение «Буриданова барана»? — с ужасом спросил Женя.

— Сомнительно, правда? — сказал Руда, скаля белые зубы.

Мимо два здоровенных кибернетиста проволокли за заднюю ногу небольшого металлического жука. Напротив платформы нога оторвалась, и кибернетисты повалились в траву.

— Я же говорил, что она слабо держится, — сказал Женя.

Негромкий, но отчетливый голос прорезал шум:

— Что здесь происходит, дети?

Наступила тишина.

— Приехал, — шепотом сказал Руда. — Ну, сейчас начнется.

— Делим трофеи, учитель! — произнес он бодрым, веселым голосом. — Мы отобрали у КРИ все модели и теперь пойдем, в чем причина... гм...

— Мы исследуем модели, — подхватил кто-то, — выявим причины странностей аналитического сектора КРИ. Мы проследим вариации в конструкциях...

К платформе, прихрамывая и опираясь на толстенную трость, приблизился старый седой негр в белом костюме.

— Значит, тебя тоже беспокоит поведение КРИ, Поль, сынок мой? — ласковым вкрадчивым голосом осведомился старик. — Всерьез беспокоит?

Руда сошел с платформы. Жене показалось, что он как-то сразу усох.

— Что же ты молчишь, Поль? — продолжал Августус Ламба. — Ведь это гениальная идея — вскрыть причину неправильной работы аналитического сектора, проследив... Что вы там хотели проследить? И у тебя уже есть, наверное, какие-нибудь соображения на этот счет, да? Так, предварительные, правда?

Руда глядел себе под ноги и молчал. Вокруг стало тесно от кибернетистов. Видимо, никто ничего не понимал, но все чувствовали что-то неладное. Августус Ламба мелкими шажками обошел Руду и вдруг, размахнувшись, с треском опустил свою трость на его широкую спину.

— Ох, — сказал Руда и втянул голову в плечи.

— Только не говори мне, что это у тебя вышло не нарочно, — сказал Ламба, замахнувшись еще раз, но раздумал и сел на край платформы, поставив трость между колен.

— Вот, дети, — сказал он, тяжело вздохнув и оглядев испуганные лица кибернетистов. — Мы целый месяц бьемся, потеем, ломаем себе головы... А этот человек... Скажите, дети... Нет, ты мне скажи, Поль, сынок мой. Сколько ног у обыкновенного австралийского барана?

Гробовое молчание.

— Я спрашиваю, сколько у барана ног?

— Грубо говоря, четыре, — ответил Руда и кашлянул. Кибернетисты переглянулись. Кажется, они начали понимать.

— А кто последним контролировал программу задачи «Буриданов баран» перед вводом, Поль, сынок?

— Я, — сказал Руда. Трудно было поверить, что он способен разговаривать таким тихим голосом.

— Дети, — сказал старик, — этот мошенник сделал в программе маленькое исправление. В задаче «Буриданов баран» он показал, что у барана семь ног.

— Ой, — сказала какая-то девушка.

— Мало того, этот интеллектуальный пират убрал из программы все, что касается мозжечка барана!

Руда тяжело вздохнул — не очень искренне, как показалось Жене.

— Задача о семиногом баране без малейших признаков органов равновесия!

Кибернетисты хохотали. Августус Ламба ткнул Руду в живот концом трости.

— Почему ты не желаешь работать над моей темой, ты, рыжий разбойник?

Руда опять вздохнул и слегка развел руками.

— Почему ты хватаешься за десять тем сразу и обманываешь своего учителя?

— У меня дурная наследственность, — уныло пробубнил Руда.

Ламба еще раз ткнул Руду тростью.

— Долго это будет продолжаться? Долго ты еще будешь донимать несчастную машину задачами о пятиугольных треугольниках? Долго ты будешь водить меня за нос?

— Не могу, — сказал один из кибернетистов и упал на траву.

— Бедный, славный, добросовестный КРИ! — продолжал профессор. — Он так старался! Разве он мог предположить, что его хозяева окажутся такими... такими...

— Я больше не буду, — уныло сказал Руда.

Женя ночевал у Руды. Кибернетист постелил ему в кабинете и, не сказав ни слова, ушел обратно к акациям. Впрочем, по его лицу было видно, что самое страшное позади. Было жарко, в раскрытое окно заглядывала оранжевая Луна, расчерченная серыми квадратами и треугольниками звездолетных ракетодомов.

Женя смотрел на нее, с наслаждением перебирая в памяти события дня. Он очень любил такие дни, которые не пропадали даром, потому что удавалось познакомиться с новыми славными людьми. С такими, как вдумчивый Парнкала, или великолепный Руда, или Ламба-громовец...

Об этом я обязательно напишу, подумал он. Обязательно! Как веселые умные молодые ребята на свой страх и риск вложили заведомо бессмысленную программу в необычайно сложную и умную машину, чтобы посмотреть, как эта машина будет себя вести. И как она себя вела, тщетно тужась создать непротиворечивую модель барана с семью ногами и без мозжечка. И как шла через черную теплую саванну армия этих уродливых моделей, шла сдаваться рыжебородому интеллектуальному пирату. И как интеллектуального пирата били палкой — наверное, не в первый и не в последний раз... Это может получиться хороший очерк...

Женя смотрел на Луну, пока не заснул. На рассвете он проснулся. На кухне тихонько звенели посудой и вполголоса разговаривали.

— Мне тоже показалось, что старик не очень рассердился, — сказал Парнкала. — Меня он однажды гнал через весь поселок. А что это он говорил насчет пятиугольных треугольников?

— Это моя тема, — ответил Руда. — Мы с Энни исследуем поведение машины в специальных условиях... Хотим создать экспериментальную основу для теории больших ошибок¹. Старик очень неохотно дает для этого машину.

— Он считает, что это оскорбляет ее достоинство, — сказала Энни. — Но получилось все-таки неудобно. Ребята месяц ломали головы, старик в Москву ездил...

— Ерунда, — уверенно сказал Руда, — ребят очень интересует эта тема. А старик любит Россию и с удовольствием ездит туда. Ведь если бы я сразу ему сказал, он попросту прекратил бы опыт, вот и все. Жди потом другого случая! А сейчас, когда есть готовые результаты, ему и самому интересно. Ох, и поработаю я теперь, друзья!

После длительной паузы, когда Женя уже начал дремать, Парнкала вдруг сказал:

— О семиногий баран! До чего грустно, что больше нет твоей загадки!

Рассказ «Белый конус Алаида» впервые опубликован в журнале «Знание — сила» (№ 12 за 1959 год). Также издавался под названием «Поражение», под ним и входит с 1967 года в окончательную редакцию повести «Полдень, XXII век».

Белый конус Алаида

Эмбриомеханика есть наука о моделировании процессов биологического развития и теории конструирования саморазвивающихся механизмов.

(Примечание авторов)

1

Вахлаков сказал Ашмарину:

— Вы поедете на остров Шумшу.

— Где это? — хмуро спросил Ашмарин.

— Северные Курилы. Летите сегодня в двадцать тридцать. Грузо-пассажирским — Новосибирск — Порт Провидения.

Механозародыши предполагалось опробовать в разнообразных условиях. Институт занимался главным образом делами межпланетников, поэтому тридцать групп из сорока семи направлялись на Луну и на другие планеты. Остальные семнадцать должны были работать на Земле.

— Хорошо, — медленно проговорил Ашмарин.

Он надеялся, что ему дадут межпланетную группу, хотя бы лунную, и у него было много шансов на это, потому что он давно не чувствовал себя так хорошо, как последнее время. Он был в отличной форме и надеялся до последней минуты. Но Вахлаков почему-то решил иначе, и нельзя даже поговорить с ним по-человечески, потому что в кабинете торчат какие-то незнакомые с постными физиономиями.

— Хорошо, — повторил он спокойно.

— Северокурильск уже знает, — сказал Вахлаков. — Конкретно о месте для пробы договоритесь в Байкове.

— Где это?

— На Шумшу. Административный центр Шумшу. — Вахлаков сцепил пальцы и стал глядеть на стену. — Сермус тоже остается на Земле, — сказал он. — Он поедет в Сахару.

Ашмарин промолчал.

¹ Теория больших ошибок — раздел математической логики, изучающий ход логических построений на основе заведомо бессмысленных и противоречивых исходных данных (фант.). — *Прим. авторов.*

— Так вот, — сказал Вахлаков. — Я уже подобрал вам помощников. У вас будут двое помощников. Хорошие ребята.

— Новички, — сказал Ашмарин.

— Они справятся, — быстро ответил Вахлаков. — Они получили общую подготовку. Хорошие ребята, говорю вам. Знают, что делать по любую сторону от мушки.

Незнакомые в кабинете почтительно улыбнулись. Вахлаков заметил:

— Один, между прочим, тоже был Десантником.

— Хорошо, — сказал Ашмарин. — У вас все?

— Все. Можете отправляться, желаю удачи. Ваш груз и ваши люди в сто шестнадцатой.

Ашмарин пошел к двери. Вахлаков помедлил и сказал вдогонку:

— И возвращайся скорее, камрад. У меня есть для тебя интересная тема.

Ашмарин притворил за собой дверь и немного постоял. Потом он вспомнил, что лаборатория 116 находится пятью этажами ниже, и пошел к лифту. В лифте он встретил Тацудзо Мисима, плотного бритоголового японца в голубых очках. Мисима спросил:

— Ваша группа куда, Федор Семенович?

— Курилы, — ответил Ашмарин.

Мисима поморгал припухшими глазками, вынул носовой платок и принялся протирать очки. Ашмарин знал, что группа Мисима отправляется на Меркурий, на Горящее Плато. Мисима было двадцать восемь лет, и он не налетал еще своего первого миллиарда километров. Лифт остановился.

— Саёнара, Тацудзо. Ёросику, — сказал Ашмарин.

Мисима улыбнулся во весь рот.

— Саёнара, Федор-сан, — сказал он.

В лаборатории 116 было светло и пусто. В углу справа стояло Яйцо — полированный шар в половину человеческого роста. В углу слева сидели два человека. Когда Ашмарин вошел, они встали. Ашмарин остановился, разглядывая их. Им было лет по двадцать пять, не больше. Один был высокий, светловолосый, с некрасивым красным лицом. Другой пониже, смуглый красавец испанского типа, в замшевой курточке и тяжелых горных ботинках. Ашмарин сунул руки в карманы, встал на цыпочки и снова опустился на пятки. «Новички», — подумал он. Неожиданно заныло в правом боку, там, где не хватало двух ребер.

— Здравствуйте, — сказал он. — Моя фамилия Ашмарин.

Смуглый показал белые зубы.

— Мы знаем, Федор Семенович. — Он перестал улыбаться и представился: — Кузьма Владимирович Сорочинский.

— Гальцев Виктор Сергеевич, — сказал светловолосый.

«Интересно, кто из них был у Десантников, — подумал Ашмарин, — наверное этот, испанец Кузьма Сорочинский». Он спросил:

— Кто из вас был у Десантников?

— Я, — сказал светловолосый Гальцев.

— И за что же вас? — спросил Ашмарин. — Если не секрет...

— Не секрет, — ответил Гальцев. — Дисциплина.

Он посмотрел Ашмарину прямо в глаза. У Гальцева были светло-голубые глаза в пушистых женских ресницах. Они как-то не шли к его грубому красному лицу.

— Да, — сказал Ашмарин. — Десантнику надлежит быть дисциплинированным. Любому человеку надлежит быть дисциплинированным. Впрочем, это только мое мнение. Что вы умеете?

Он увидел, как брови Гальцева сдвинулись, и ощутил что-то вроде удовлетворения. Он повторил:

— Что вы умеете, Гальцев?

— Я биолог, — сказал Гальцев. — Специальность — нематоды.

— А-а... — сказал Ашмарин и повернулся к Сорочинскому. — А вы?

— Инженер-гастроном, — сказал Сорочинский, снова показывая белые зубы.

Прелестно, подумал Ашмарин. Специалист по глистам и кондитер. Недисциплинированный Десантник и замшевая курточка. Хорошие ребята. Особенно этот горе-Десантник. Черт бы побрал Вахлакова. Ашмарин представил себе, как Вахлаков, придирчиво и тщательно отобрав из двух тысяч добровольцев состав межпланетных групп, посмотрел на часы, посмотрел на списки и сказал: «Группа Ашмарина, Курилы. Ашмарин человек деловой, опытный человек. Ему вполне достаточно троих. Даже двоих. Это же не на Меркурий, не на Горящее Плато. Дадим ему хотя бы вот этого Сорочинского и вот этого Гальцева. Тем более что Гальцев тоже был Десантником».

— Вы подготовлены к работе? — спросил Ашмарин.

— Да, — сказал Гальцев.

— Еще как, Федор Семенович, — сказал Сорочинский. — Обучены.

Ашмарин подошел к Яйцу и потрогал прохладную полированную поверхность.

Потом спросил:

— Вы знаете, что это такое? Вы, Гальцев.

Гальцев поднял глаза к потолку, подумал и сказал монотонным голосом:

— Эмбриомеханическое устройство МЗ-8. Механозародыш, модель восьмая. Автономная саморазвивающаяся механическая система, объединяющая в себе программное управление МХВ — механохромосому Вахлакова, систему воспринимающих и исполнительных органов, дигестальную систему и энергетическую систему. МЗ-8 является эмбриомеханическим устройством, которое способно в любых условиях на любом сырье развертываться в любую конструкцию, заданную программой. МЗ-8 предназначен...

— Вы, — сказал Ашмарин Сорочинскому.

Сорочинский ответил, не задумываясь:

— Данный экземпляр МЗ-8 предназначен для испытания в земных условиях.

Программа стандартная, стандарт шестьдесят четыре: развитие зародыша в герметический жилой купол на шесть человек, с тамбуром и кислородным фильтром.

Ашмарин посмотрел в окно и спросил:

— Вес?

— Примерно полтора центнера.

Разнорабочие экспериментальной группы могли всего этого и не знать.

— Хорошо, — сказал Ашмарин. — А теперь я сообщу вам то, чего вы не знаете. Во-первых, Яйцо стоит девятнадцать тысяч человеко-часов квалифицированного труда. Во-вторых, оно действительно весит полтора центнера, и там, где понадобится, вы будете таскать его на себе.

Гальцев кивнул. Сорочинский сказал:

— Будем, Федор Семенович.

— Вот и прекрасно, — сказал Ашмарин. — Вот сразу и начинайте. Катите его к лифту и спустите в вестибюль. Затем отправляйтесь на склад и получите регистрирующую аппаратуру. Явитесь со всем грузом на городской аэродром к восьми вечера. Постарайтесь не опоздать.

Он повернулся и вышел. Позади раздался тяжелый гул: группа Ашмарина приступила к выполнению первого задания.

2

На рассвете грузо-пассажирский стратоплан сбросил группу на птерокаре над Вторым Курильским проливом. Гальцев с большим изяществом вывел птерокар из пике, осмотрелся, поглядел на карту, поглядел на компас и сразу отыскал Байково — несколько ярусов двухэтажных зданий из белого и красного литопласта, охватывающих полукругом

небольшую, но глубокую бухту. Птерокар сел на набережной. Ранний прохожий (юноша в тельняшке и брезентовых штанах) объяснил им, где находится Управление. В Управлении дежурный администратор острова, он же старший агроном, пожилой сутулый айн, встретил их приветливо.

Выслушав Ашмарина, он предложил на выбор несколько невысоких сопок у северного берега. Он говорил по-русски довольно чисто, только иногда останавливался посередине слова, как будто не был уверен в ударе или немного заикался.

— Северный берег — это довольно далеко, — сказал он. — И туда нет хорошей дороги. Но у вас есть птеро-кар. И потом, я не могу предложить вам что-нибудь ближе. Я плохо понимаю в физических опытах. Но большая часть острова занята под бахчи, баштаны, парники. Везде сейчас работают школьники. Я не могу рисковать.

— Никакого риска нет, — сказал Сорочинский. — Совершенно никакого риска.

Ашмарин вспомнил, как однажды, два года назад, он целый час просидел на пожарной лестнице, спасаясь от пластмассового упыря, которому для самосовершенствования понадобилась протоплазма. Правда, тогда еще не было Яйца.

— Спасибо, — сказал он. — Нас вполне устраивает северный берег.

— Да, — сказал айн. — Там нет ни бахчей, ни парников. Там только береза. И еще где-то там работают археологи.

— Археологи? — удивился Сорочинский.

— Спасибо, — сказал Ашмарин. — Я думаю, мы отправимся сейчас же.

— Сейчас будет завтрак, — сказал айн.

Они молча позавтракали.

— Спасибо, — сказал Ашмарин поднимаясь. — Я думаю, нам следует торопиться.

— До свидания, — сказал айн. — Если вам что-нибудь понадобится, обращайтесь без стеснения.

— Нет, мы не будем стесняться, — сказал Сорочинский.

Ашмарин вскользь взглянул на него и снова повернулся к айну.

— До свидания, — сказал он.

В птерокаре Ашмарин сказал:

— Если вы, юноша, позволите себе еще одну такую выходку, я вас выставлю с острова.

— Извиняюсь, — сказал Сорочинский, сильно краснея. Румянец сделал его смуглое гладкое лицо еще более красивым.

На северном побережье действительно не было ни бахчей, ни парников и была только береза. Курильская береза растет «лежа», стелется по земле, и ее мокрые узловатые стволы и ветви образуют плотные непроходимые переплетения. С воздуха заросли курильской березы представляются безобидными зелеными лужайками, вполне пригодными для посадки не очень больших машин. Ни Гальцев, который вел птерокар, ни Ашмарин и Сорочинский понятия не имели о курильской березе. Ашмарин показал на круглую сопку и сказал: «Здесь». Сорочинский робко взглянул на Ашмарина и сказал: «Хорошее место». Гальцев выпустил шасси и повел птерокар на посадку прямо в центр обширного зеленого поля у подножия круглой сопки. Через минуту птерокар с треском зарылся носом в хилую зелень курильской березы. Ашмарин услышал этот треск, увидел миллионы разноцветных звезд и на некоторое время потерял сознание.

Потом он открыл глаза и прежде всего увидел руку. Она была большая, загорелая, и свежепощапаные пальцы ее словно нехотя перебирали клавиши на пульте управления. Рука исчезла, и появилось темно-красное лицо с голубыми глазами в женских ресницах.

— Товарищ Ашмарин, — сказал Гальцев, с трудом шевеля разбитыми губами.

Ашмарин, кряхтя, попробовал сесть. Очень болел правый бок, и, кажется, саднило лоб. Он потрогал лоб и поднес пальцы к глазам. Пальцы были в крови. Он поглядел на Гальцева. Тот вытирал рот носовым платком.

— Мастерская посадка, — сказал Ашмарин. — Вы меня радуете, товарищ специалист по нематодам.

Гальцев молчал. Он прижимал к губам скомканный носовой платок, и лицо его было неподвижно. Высокий дрожащий голос Сорочинского сказал:

— Он не виноват, Федор Семенович.

Ашмарин медленно повернул голову и посмотрел на Сорочинского. Сорочинский был взъерошен.

— Гальцев не виноват, — повторил он и отодвинулся.

Ашмарин приоткрыл дверцу кабины, высунул голову наружу и несколько секунд разглядывал вырванные с корнем, изломанные стволы, запутавшиеся в шасси. Он протянул руку, сорвал несколько жестких глянцевиных листочков, помял их в пальцах и попробовал на зуб. Листочки были терпкие и горькие. Ашмарин сплюнул и спросил, не глядя на Гальцева:

— Машина цела?

— Цела, — ответил Гальцев сквозь платок.

— Зуб что ли выбили? — спросил Ашмарин.

— Да, — сказал Гальцев. — Выбил.

— До свадьбы заживет, — пообещал Ашмарин. — Попробуйте поднять машину на верхушку сопки.

Вырваться из дурацких зарослей было не очень просто, но в конце концов Гальцев посадил птерокар на вершине круглой сопки. Ашмарин, поглаживая ладонью правый бок, вылез и огляделся. Отсюда остров казался безлюдным и плоским, как стол. Сопка была голая и рыжая от вулканического шлака. С востока на нее напозлали заросли курильской березы, к югу тянулись зеленые прямоугольники бахчей. До западного берега было километров семь, за ним в сиреновой дымке проступали бледно-лиловые горные вершины, а еще дальше и правее в синем небе неподвижно висело странное треугольное облако с четкими очертаниями. Северный берег был гораздо ближе. Он круто уходил в море, над обрывом торчала нелепая башня — вероятно, колпак старинного японского дота. Возле башни белела палатка и копошились фигурки людей. Это были археологи, о которых говорил дежурный администратор. Ашмарин потянул носом. Пахло соленой водой и нагретым камнем. И было очень тихо, не слышно было даже прибора.

Хорошее место, подумал Ашмарин. Яйцо оставить здесь, кинокамеры и прочее — на склонах, а лагерь оборудовать внизу, на бахчах. Арбузы, наверное, здесь еще зеленые. Затем он подумал об археологах. До них отсюда километров пять, но все равно их надо предупредить, чтобы они не очень удивлялись, когда механозародыш начнет развиваться. Интересно, что здесь делают археологи. Ашмарин позвал Гальцева и Сорочинского и сказал:

— Опыт проведем здесь. По-моему, место подходящее. Сырье — лава, туф, — как раз то, что нужно. Приступайте.

Гальцев и Сорочинский подошли к птерокару и открыли багажник. Из багажника брызнули солнечные зайчики. Сорочинский залез в багажник, побряхтел и вдруг одним толчком выкатил Яйцо на землю. Хрустя по шлаку, Яйцо прокатилось несколько шагов и остановилось. Гальцев едва успел отскочить в сторону.

— Зря, — сказал он тихо. — Надорвешься.

Сорочинский прыгнул и сказал басом:

— Ничего, мы привычные.

Ашмарин походил вокруг Яйца, попробовал толкнуть. Яйцо даже не покачнулось.

— Прекрасно, — сказал Ашмарин. — Теперь кинокамеры.

Они долго возились, устанавливая кинокамеры: кинокамеру с инфракрасным объективом, кинокамеру со стереообъективом, кинокамеру с объективом, регистрирующим температурные характеристики, кинокамеру с набором светофильтров.

Было уже около двенадцати, когда Ашмарин осторожно промакнул рукавом потный лоб и вытащил из кармана пластмассовый футляр с активатором. Гальцев и Сорочинский придвинулись сзади, заглядывая через его плечо. Ашмарин неторопливо вытряхнул активатор на ладонь — это была блестящая трубочка с присоской на одном конце и красной рубчатой кнопкой на другом. «Приступим», — сказал он вслух. Он подошел к Яйцу и прижал присоску к полированному металлу. Помедлив секунду, большим пальцем надавил на красную кнопку.

Теперь разве только прямым попаданием из ракетного ружья можно было бы остановить процессы, которые начались под блестящей оболочкой. Серия высокочастотных импульсов разбудила механизм, сотни микрорецепторов послали в позитронный мозг и в механохромосому информацию о внешней среде, настройка механозародыша на полевые условия началась. Неизвестно, сколько времени она будет продолжаться. Но когда настройка закончится, механизм начнет развиваться.

Ашмарин взглянул на часы. Было двенадцать ноль пять. Он с усилием отделил активатор от поверхности Яйца, спрятал в футляр и положил в карман. Потом он оглянулся на Гальцева и Сорочинского. Они стояли за его спиной и молча смотрели на Яйцо. Ашмарин в последний раз потрогал Яйцо и сказал: «Пошли».

3

Ашмарин приказал остановиться между сопкой и бахчами. Яйцо было хорошо видно отсюда — серебряный шарик на рыжем холме под синим небом. Ашмарин послал Сорочинского к археологам и уселся в траву в тени птерокара. Гальцев уже дремал, забравшись от солнца под птерокар. Ашмарин курил и поглядывал то на вершину сопки, то на странное треугольное облако на западе. В конце концов он взял бинокль. Как он и ожидал, треугольное облако оказалось снежным пиком какой-то горы, должно быть вулкана. В бинокль были видны узкие тени проталин, можно было даже различить снеговые пятна ниже неровной белой кромки. Ашмарин отложил бинокль и стал думать о том, что Яйцо раскроется скорее всего ночью и это хорошо, потому что дневной свет сильно влияет на работу кинокамер. Затем он подумал, что Сермус, вероятно, вдребезги разругался с Вахлаковым, но в Сахару все-таки поехал. Затем ему пришло в голову, что Мисима сейчас грузится на ракетодrome в Киргизии, и он снова ощутил ноющую боль в правом боку. «Старость, немощь», — пробормотал он и покосился на Гальцева. Гальцев лежал ничком, положив голову на руки.

Через полтора часа вернулся Сорочинский. Он был голый до пояса, его смуглая гладкая кожа лоснилась от пота. Замшевую курточку и сорочку он нес под мышкой. Сорочинский опустился перед Ашмариным на корточки и, блестя зубами, рассказал, что археологи благодарят за предупреждение и очень заинтересованы, что их четверо, но им помогают школьники из Байкова и Северокурильска, что они копают подземные японские укрепления середины прошлого века и, наконец, что начальником у них «очень симпатичная девочка».

Ашмарин поблагодарил и попросил распорядиться насчет обеда. Он сидел в тени птерокара и, покусывая былинку, шурился на далекий белый конус. Сорочинский разбудил Гальцева, и они возились в стороне, негромко переговариваясь.

— Я приготовлю суп, — сказал Сорочинский, — а ты займись вторым, Витя.

— У нас где-то курятина есть, — сиплым со сна голосом сказал Гальцев.

— Вот курятина, — сказал Сорочинский. — Археологи прекрасные ребята. Один весь в бороде — живого места нет. Они копают японские укрепления сороковых годов прошлого века. Здесь была подземная крепость с двадцатитысячным гарнизоном. Потом их вышибли советские войска, вернее взяли в плен со всеми пушками и танками. Этот бородатый подарил мне пистолетный патрон. Вот!

Гальцев сказал недовольно:

— Не суй ты мне, пожалуйста, эту ржавчину.

Запахло супом.

— Начальник у них, — продолжал Сорочинский, — такая славная девушка. Блондинка, стройная такая, хорошенькая. Она посадила меня в дот и заставила смотреть в амбразуру. Отсюда, говорит, простреливался весь северный берег.

— Ну и как? — спросил Гальцев. — Действительно простреливался?

— Кто его знает. Наверное. Я в основном на нее смотрел. Потом мы с ней замеряли толщину перекрытий.

— Так два часа и замеряли?

— Угу. А потом я сообразил, что у нее такая же фамилия, как у того бородатого, и сразу же удалился. А в казематах этих, я тебе скажу, прегадостно. Темно, и на стенках плесень. А хлеб где?

— Вот он, — сказал Гальцев. — А может быть, она просто сестра этому бородатому?

— Может быть, — сказал Сорочинский. — А как Яйцо?

— Никак, — ответил Гальцев.

— Ну и ладно, — сказал Сорочинский. — Федор Семенович, прошу к столу.

За едой Сорочинский объявил, что японское слово «тотика» происходит от русского термина «огневая точка», а русское слово «дот» восходит к английскому «дот», что тоже значит «точка». Затем он принялся очень длинно рассказывать о дотах, казематах, амбразурах и о плотности огня на квадратный метр, поэтому Ашмарин постарался есть быстрее и отказался от фруктов. После обеда он оставил Гальцева наблюдать за Яйцом, забрался в птерокар и задремал. Вокруг было удивительно тихо, только Сорочинский, мывший у ручья посуду, время от времени принимался петь. Гальцев сидел с биноклем и, не отрываясь, глядел на вершину сопки.

Когда Ашмарин проснулся, солнце садилось, с юга напозлали темно-фиолетовые сумерки, стало прохладно. Горы на западе стали черными, серой тенью висел над горизонтом конус давешнего вулкана. Яйцо на вершине сопки сияло багровым пламенем. Над бахчами ползла сизая дымка. Гальцев сидел в той же позе и слушал Сорочинского.

— В Астрахани, — говорил Сорочинский, — я ел Шахскую Розу. Это арбуз редкой красоты. Он имеет вкус ананаса.

Гальцев покашливал.

Ашмарин посидел еще несколько минут, не двигаясь, прислушиваясь к ноющей боли в боку. Он вспомнил, как они с Горбовским ели арбузы на Венере. С Земли перебросили целый корабль арбузов для планетологической станции. Они ели арбузы, въедаясь в хрустящую мякоть, сок стекал у них по щекам, и потом они стреляли друг в друга скользкими черными семечками.

— Пальчики оближешь, говорю тебе, как гастроном!

— Тише, — сказал Гальцев. — Разбудишь Старика.

Ашмарин сел поудобнее, положил подбородок на спинку переднего сидения и прикрыл глаза. В кабине было тепло и немного душно — металлопласт кабины остывал медленно.

— Значит, тебе не приходилось летать со Стариком? — спросил Сорочинский.

— Нет, — сказал Гальцев.

— Мне его немного жаль. И одновременно я завидую. Он прожил такую жизнь, какую мне никогда не прожить. Да и многим другим. Но все-таки он уже прожил.

— Почему, собственно, прожил? — спросил Гальцев. — Он только перестал летать.

— Птица, которая перестала летать... — Сорочинский замолчал. — Вообще, всем Десантникам теперь конец, — сказал он неожиданно.

— Ерунда, — спокойно сказал Гальцев.

Ашмарин услышал, как Сорочинский завозился на месте.

— Вот оно, — сказал Сорочинский. — Их будут делать сотнями и сбрасывать на неизвестные и опасные миры. И каждое Яйцо построит там город, ракетодром, звездолет.

Оно будет разрабатывать шахты и рудники. Будет ловить и изучать твои нематоды. А Десантники будут только собирать информацию и снимать разнообразные пенки.

— Ерунда, — повторил Гальцев. — Город, шахта... А герметический купол на шесть человек?

— Что герметический купол?

— Кто эти шесть человек?

— Все равно, — сказал Сорочинский. — Все равно Десанникам конец. Герметический купол — это только начало. Будут посылать вперед автоматические корабли, которые сбросят Яйца, а тогда, на все готовое, будут приходить люди...

Он принялся рассуждать о перспективах эмбриомеханики, явно цитируя известный доклад Вахлакова. Об этом теперь много говорят, подумал Ашмарин. И все это верно. Когда были испытаны первые планетолеты-автоматы, тоже много говорили о том, что межпланетникам останется только снимать пенки. А когда Акимов и Сермус запустили первую СКИБР — систему кибернетических разведчиков, — Ашмарин даже хотел уйти из Десантников. Это было двадцать лет назад, и с тех пор ему приходилось не раз прыгать в ад за исковерканными обломками СКИБРов и делать то, что не смогли сделать они. Конечно, и автоматические корабли, и СКИБРы, и эмбриомеханика — все это в огромной степени увеличивает мощь человека, но полностью заменить живой мозг и горячую кровь механизмы не способны. И, наверное, никогда не будут способны. Новичок, подумал Ашмарин про Сорочинского. И болтлив неумеренно.

Когда Гальцев в четвертый раз сказал «ерунда», Ашмарин полез из машины. При виде его Сорочинский замолчал и вскочил. В руках у него была половинка недозрелого арбуза, из нее торчал нож. Гальцев продолжал сидеть, скрестив ноги.

— Хотите арбуз, Федор Семенович? — спросил Сорочинский.

Ашмарин помотал головой и, засунув руки в карманы, стал смотреть на вершину сопки. Красные отблески на полированной поверхности Яйца тускнели на глазах. Быстро темнело. Из тумана вдруг поднялась яркая звезда и медленно поползла по густо-синему небу.

— Спутник Восемь, — сказал Гальцев.

— Нет, — уверенно сказал Сорочинский. — Это Спутник Семнадцать. Или нет — это Спутник Зеркало.

Ашмарин, который знал, что это Спутник Восемь, стиснул зубы и пошел к сопке. Сорочинский ужасно надоел ему, и надо было осмотреть кинокамеры.

Возвращаясь, он увидел огонь. Неугомонный Сорочинский развел костер и теперь стоял в живописной позе, размахивая руками.

— ...цель — это только средство, — услышал Ашмарин. — Счастье не в самом счастье, но в беге к счастью...

— Я это уже где-то читал, — сказал Гальцев.

Я тоже, подумал Ашмарин. Не приказать ли Сорочинскому лечь спать? Ашмарин поглядел на часы. Светящиеся стрелки показывали полночь. Было совсем темно.

4

Яйцо лопнуло в два часа пятьдесят три минуты. Ночь была безлунная. Ашмарин дремал, сидя у костра, повернувшись к огню правым боком. Рядом клевал носом краснолицый Гальцев, по другую сторону костра Сорочинский читал газету, шелестя страницами. И вот Яйцо лопнуло.

Раздался резкий пронзительный звук. Затем вершина сопки озарилась оранжевым светом. Ашмарин посмотрел на часы и встал. Вершина сопки довольно четко выделялась на фоне звездного неба. И когда глаза, ослепленные костром, привыкли к темноте, все увидели множество слабых красноватых огоньков, медленно перемещавшихся вокруг того места, где находилось Яйцо.

— Началось! — зловещим шепотом произнес Сорочинский. — Началось! Витя, проснись, началось!

— Может быть, ты замолчишь, наконец? — быстро сказал Гальцев. Он тоже говорил шепотом.

Из всех троих только Ашмарин знал, что происходило на вершине. Первые десять часов после пробуждения механозародыш настраивался на обстановку. Абстрактные команды, заложенные в позитронное управление, видоизменялись и исправлялись в соответствии с внешней температурой, составом атмосферы, атмосферным давлением, влажностью и десятками других факторов, определенных рецепторами. Дигестальная система — великолепный «высокочастотный желудок» эмбриомеханической системы — приспособлялась к переработке лавы и туфа в полимеризованный литопласт, нейтронные аккумуляторы готовились отпускать точные порции энергии для каждого процесса. Когда настройка закончилась, механизм начал развиваться. Все в Яйце, что не понадобилось для развития в данной обстановке, пошло на переделку и укрепление рабочих органов-эффекторов. Потом дело дошло до оболочки. Оболочка была прорвана, и механозародыш принялся осваивать подножный корм.

Огоньков становилось все больше, они двигались все быстрее. Послышалось жужжание и визгливый скрежет — эффекторы вгрызались в почву и перемалывали в пыль куски туфа. Пых, пых! — бесшумно отделились от вершины и поплыли в звездное небо клубы светящегося дыма. Неровный дрожащий отсвет на секунду озарил странные, тяжело ворочающиеся формы, затем все снова скрылось. Скрежет и треск усилились.

— Может, подойдем поближе? — умоляюще сказал Сорочинский.

Ашмарин не ответил. Он вдруг вспомнил, как испытывался первый механозародыш, модель Яйца. Это было несколько лет назад. Тогда он был еще совершенным новичком в эмбриомеханике. В обширном павильоне возле Института разместился механозародыш — восемнадцать ящиков, похожих на несгораемые шкафы, вдоль стен и огромная куча цемента посередине. В куче цемента прятались эффекторная и дигестальная системы. Вахлаков махнул рукой, и кто-то включил рубильник. Они просидели в павильоне до позднего вечера, забыв обо всем на свете. Куча цемента таяла, и к вечеру из пара и дыма возникли очертания стандартного литопластового домика на три комнаты, с паровым отоплением и автономным электрохозяйством. Он был совершенно такой же, как фабричный, только в ванной остался керамический куб — «желудок» — и сложные сочленения гемомеханических эффекторов. Вахлаков осмотрел домик, тронул ногой эффекторы и сказал:

— Пожалуй, хватит кустарничать. Надо сделать Яйцо.

Вот тогда было впервые произнесено это слово. Потом было много работы, много удач и очень много неудач. Эмбриомеханические системы учились надстраивать себя, приспособляться к резким изменениям обстановки, самовосстанавливаться. Они учились безотказно служить человеку в самых сложных и опасных условиях. Они учились развиваться в дома, экскаваторы, ракеты, они учились не разбиваться при падении с огромной высоты, не выходить из строя в волнах расплавленного металла, не бояться абсолютного нуля. Сотни человек, десятки институтов и лабораторий помогали механозародышу превратиться в то, чем он стал теперь, — в Яйцо. Нет, это хорошо, что Ашмарину пришлось остаться на Земле. И кто он такой, чтобы претендовать на большее?

На вершине холма клубы светящегося дыма взлетали все чаще и чаще, треск, скрип и жужжание слились в непрерывный дребезжащий шум. Блуждающие красные огоньки образовывали цепочки, цепочки свивались в причудливые подвижные линии. Розовое зарево занималось над ними, и уже можно было различить что-то огромное и горбатое, качающееся, словно лодка на волнах.

Ашмарин снова взглянул на часы. Было без пяти четыре. Видимо, лава и туф оказались благоприятным материалом: купол рос гораздо быстрее, чем на цементе. Интересно, что покажут температурные измерения? Механизм надстраивает купол с

верхушки к краям, и при этом эффекторы забираются все глубже в сопку. Чтобы купол не оказался под землей, механозародышу придется позаботиться либо о свайных подпорках, либо о передвижении купола в сторону от ямы, которую вырыли эффекторы. Ашмарин представил себе добела раскаленные края купола, к которым лопаточки эффекторов лепят все новые и новые частицы вязкого от жара литопласта.

На минуту вершина сопки погрузилась в тишину, грохот смолк, слышалось только неясное жужжание. Механизм перестраивал работу энергетической системы.

— Сорочинский, — сказал Ашмарин.

— Я, — сказал из темноты Сорочинский.

— Обойдите сопку справа и ведите наблюдение оттуда. На сопку не подниматься ни в коем случае.

— Бегу, Федор Семенович.

Было слышно, как он шепотом попросил у Гальцева фонарик, затем желтый кружок света запрыгал по гравию и исчез.

Грохот возобновился. Снова над вершиной сопки загорелось розовое зарево. Ашмарину показалось, что черный купол немного переместился, но он не был уверен. Он с досадой подумал, что Сорочинского надо было послать в обход сопки сразу, как только зародыш вылупился из Яйца. Впрочем, обо всем в должное время отчитаются кинокамеры.

И вдруг что-то оглушительно треснуло. На вершине полыхнуло красным. Медленная багровая молния проползла по черному склону и погасла. Розовое зарево стало желтым и ярким и сейчас же заволокло густым дымом. Бухающий удар расколол небо, и Ашмарин с ужасом увидел, как в дыму и пламени, окутавших вершину, поднялась огромная тень. Что-то массивное и грузное, отсвечивающее глянцево-блеском, закачалось на тонких трясущихся ногах. Бухнул еще удар, еще одна раскаленная молния зигзагом прошла по склону. Дрогнула земля, и тень, повисшая в дымном зареве, рухнула.

Тогда Ашмарин побежал на сопку. В сопке что-то гремело и трещало, волны горячего воздуха валили с ног, и в красном пляшущем свете Ашмарин видел, как падают, увлекая за собой куски лавы, кинокамеры — единственные свидетели того, что произошло на вершине.

Он споткнулся об одну камеру. Она валялась, растопырив изогнутые ноги штатива. Тогда он пошел медленнее, и горячий гравий сыпался по склону ему навстречу. Наверху стало тихо, там что-то еще тлело в дыму. Потом раздался еще один удар, и Ашмарин увидел несильную желтую вспышку.

На вершине пахло горячим дымом и чем-то незнакомым и кислым. Ашмарин остановился на краю огромной воронки. Собственно, это была не воронка, а яма с почти отвесными краями, и в этой яме лежал на боку почти готовый купол, герметический купол на шесть человек, с тамбуром и кислородным фильтром. В яме тлел раскаленный шлак, на его фоне было видно, как слабо и беспомощно двигаются потерявшие управление гемомеханические шупальца. Из ямы тянуло горелым и кислым.

— Да что же это? — сказал Сорочинский.

Ашмарин поднял голову и увидел на другой стороне ямы Сорочинского, стоявшего на четвереньках на самом краю.

— Дед бил, бил, не разбил, — уныло сказал Сорочинский. — Баба била, била...

— Молчать, — тихо сказал Ашмарин.

Он сел на край ямы, спустил ноги и стал спускаться.

— Не надо, — сказал Гальцев. — Опасно.

— Молчать, — сказал Ашмарин.

Надо было немедленно понять, что произошло. Не может быть, чтобы подвела конструкция Яйца, самой совершенной из машин, созданных человеком. Самой неуязвимой машины, самой умной машины.

Сильный жар опалил лицо. Ашмарин зажмурился и соскользнул вниз, мимо докрасна раскаленного края купола. Он встал и огляделся. Он сразу увидел оплавленные бетонные своды, ржавые почерневшие прутья арматуры, широкий темный проход, который вел куда-то в глубину сопки. Он шагнул вперед, но чуть не упал, споткнувшись о что-то тяжелое и круглое. Ашмарин нагнулся. Он не сразу понял, что собой представляет этот серый металлический обрубок с округлым утолщением на конце, а когда понял, то понял все. Это был артиллерийский снаряд.

В сопке была пустота. Здесь сто лет назад какие-то мерзавцы устроили залитое бетоном темное помещение и сложили сюда артиллерийские снаряды. Зародыш не мог знать, что здесь склад снарядов. Он не мог знать, что это такое — артиллерийский снаряд, потому что люди, которые дали ему программу жизни, давным-давно забыли о том, что некогда существовали артиллерийские снаряды. Кажется, снаряды заряжались тротилом. И вот теперь в одном из этих снарядов сработал взрыватель, от жара или от толчка. Все, что могло взорваться, начало взрываться. И замечательная машина превратилась в кучу хлама.

Сверху посыпались камешки. Ашмарин поглядел вверх и увидел, что к нему спускается Гальцев. По противоположной стене спускался Сорочинский.

— Куда вы лезете? — спросил Ашмарин.

Гальцев не ответил, а Сорочинский сказал тонким голосом:

— Мы хотим помочь вам, Федор Семенович.

— Вы мне не нужны, — сказал Ашмарин.

— Мы только... — начал Сорочинский и запнулся.

По стене позади Ашмарина побежала трещина. Купол качнулся.

— Осторожно! — заорал Сорочинский.

Ашмарин шагнул в сторону, споткнулся о снаряд и упал. Он упал лицом вниз и сейчас же перевернулся на спину. Купол падал прямо на него. Он зажмурился и услышал чье-то сдавленное рычание. Но это зарычал он сам, когда раскаленный край купола обрушился на него.

5

Можно просто лежать и смотреть в синее небо. Он так давно не смотрел в синее небо, а оно стоит того, чтобы смотреть в него часами. Он знал это, когда был Десантником, когда прыгал на северный полюс Венеры, когда штурмовал Япет, когда сидел один в разбитом планетолете на Трансплутоне. Там вообще не было неба, была звездная пустота и ослепительная звезда — Солнце. Тогда ему казалось, что он отдал бы последние минуты жизни, лишь бы увидеть синее небо. На Земле это чувство забывается быстро. И только когда приходит пора, вспоминаешь, и каждый раз оказывается, что уже поздно. А потом оказывается, что не поздно.

— Слушайте, а он выживет? — сказал голос Сорочинского.

Ашмарин не знал, о ком идет речь — о нем или о Гальцеве. Гальцев лежал рядом. Он был без сознания и тихо стонал. Он весь обжегся, вытаскивая Ашмарина из-под купола. И Сорочинский обжегся. Надо выжить, подумал Ашмарин.

Десантнику не пристало думать о смерти. Да и катастрофа, как бы то ни было, произошла из-за неслыханно нелепой случайности. Ведь не мог он предположить, что под круглой сопкой спрятан старинный японский дот, что длинная грязная лапа преступлений вековой давности дотянется до него. Он вспомнил, что были годы, когда каждая секунда могла стать его последней секундой. И однажды он уже лежал вот так, искалеченный, лицом вверх. Только небо было другое. Небо было оранжево-черное, по нему тянулись длинные черные полосы, дул ядовитый ураган и кругом не было никого. Была только боль, тошнота, как сейчас, и обида, что все кончится.

Он пристально глядел в синее небо, и ему стало казаться, что в синеве появляются и уплывают бледные пятна. Он силился понять, что это и почему. Потом понял: он хотел увидеть странное неподвижное облако с четкими очертаниями. Нечеловеческим усилием он поднял голову. Чья-то рука поддержала его затылок. И он увидел прозрачный белый конус над горизонтом.

— Что это? — спросил он.

— Это вулкан Алаид, — сказал кто-то.

— Хорошо бы туда... — сказал Ашмарин.

Он опустил голову и стал думать, как когда-нибудь обязательно поднимется на этот конус. Воздух там, наверное, холодный, такой холодный, что стынут зубы. На нем будут такие же тяжелые горные ботинки, как у Сорочинского. Пожалуй, он даже возьмет Сорочинского с собой.

— Хорошее, синее небо, — сказал Ашмарин громко. Он закрыл глаза и подумал, что боль уходит. И сразу захотелось спать.

— Заснул, — сказал кто-то.

Ашмарин дремал, и ему казалось, что он стоит на белой вершине Алаида и смотрит в синее небо. Можно часами смотреть в него, такое оно синее и удивительно земное. Небо, под которое возвращаются.

Рассказ «Глубокий поиск» впервые опубликован в авторском сборнике «Шесть спичек» (Детгиз, 1960). С 1967 года — в составе повести «Полдень, XXII век».

Глубокий поиск

Кабина была рассчитана на одного человека, и сейчас в ней было слишком тесно. Акико сидела справа от Званцева, на чехле ультразвукового локатора. Чтобы не мешать, она прижималась к стене, упираясь ногами в основание пульта. Конечно, ей было неудобно сидеть так, но кресло перед пультом — место водителя. Белову было тоже неудобно. Он сидел на корточках под люком и время от времени осторожно вытягивал затекшие ноги, поочередно то правую, то левую. Вытягивая правую, он толкал Акико в спину, вздыхал и басом извинялся по-английски: «Beg your pardon». Белов и Акико были стажерами. Океанологи-стажеры должны мириться с неудобствами в одноместных субмаринах Океанской охраны.

Если не считать вздохов Белова и привычного гула перегретого пара в реакторе турбины, в кабине было тихо. Тесно, тихо и темно. Изредка о спектролит иллюминатора стучались кровати и испуганно выбрасывали облачка светящейся слизи. Это было похоже на маленькие бесшумные розовые взрывы. Словно кто-то стрелял крошечными снарядами. При вспышках можно было видеть серьезное лицо Акико с блестящими глазами.

Акико глядела на экран. Она с самого начала прижалась боком к стене и стала смотреть, хотя знала, что искать придется долго, может быть всю ночь. Экран находился под иллюминатором в центре пульта, и, чтобы видеть его, ей нужно было вытягивать шею. Но она глядела не отрываясь и молчала. Это был ее первый глубоководный поиск.

Акико была чемпионом по плаванию в вольном стиле. У нее были узкие бедра и широкие мужские плечи. Званцеву нравилось видеть ее, и ему хотелось под каким-нибудь предлогом включить свет. Например, чтобы в последний раз перед спуском осмотреть замок люка. Но Званцев не стал включать свет. Он и так помнил Акико: тонкая и угловатая, как подросток, с широкими мужскими плечами, в полотняной куртке с засученными рукавами и в широких коротких штанах.

На экране возник жирный светлый сигнал. Плечо Акико прижалось к плечу Званцева. Он почувствовал, как она вытягивает шею, чтобы лучше разглядеть, что делается на экране. Он почувствовал это по запаху духов и, кроме того, ощутил едва

заметный запах океанской воды. От Акико всегда пахло океанской водой: как-никак, она проводила в воде две трети своего времени, не меньше.

Званцев сказал:

— Акулы. Четыреста метров.

Сигнал задрожал, распался на мелкие пятна и исчез. Акико отодвинулась. Она еще не умела читать сигналы ультразвукового локатора. Белов умел, так как уже прошел годичную практику на «Кунашире», но он сидел позади и не видел экрана. Он сказал:

— Акулы — мерзость.

Затем он неловко зашевелился и снова пробасил:

— Beg your pardon, Акико-сан.

Говорить по-английски не было никакой необходимости, потому что Акико пять лет училась в Хабаровске и прекрасно понимала по-русски.

— Тебе не следовало так плотно наесться перед спуском, — сердито сказал Званцев. — И не следовало пить. Ты ведь знаешь, что бывает.

— Всего-навсего жареная утка на двоих и по две рюмки коньяку, — ответил Белов. — Я не мог отказаться. Мы с ним сто лет не виделись, и он улетает сегодня ночью. Он уже улетел, наверное. Всего по две рюмки... Неужели пахнет?

— Пахнет.

«Это скверно», — подумал Белов. Он вытянул нижнюю губу, подул тихонько и потянул носом.

— Я слышу только духи, — сказал он.

«Дурак!» — подумал Званцев. Акико виновато сказала:

— Я не знала, что это так серьезно. Я бы не душилась.

— Духи — не страшно, — сообщил Белов. — Даже приятно.

«Патентованный дурень!» — подумал Званцев. Белов шевельнулся, стукнулся макушкой о замок люка и зашипел от боли.

— Что? — спросил Званцев.

Белов вздохнул, сел по-турецки и поднял руку, ощупывая замок над головой. Замок был холодный, с острыми, грубыми углами. Он прижимал к люку тяжелую крышку. Над крышкой была вода. Сто метров воды до поверхности.

— Званцев, — сказал Белов.

— Да?

— Слушай, Званцев, почему мы идем под водой? Давай всплывем и откроем люк. Свежий воздух и все такое.

— Наверху пять баллов... — ответил Званцев.

«Да-да, — сообразил Белов, — пять баллов. На поверхности болтанка, открытый люк зальет водой. Но все равно, сто метров над головой — это неуютно. Скоро начнется спуск, и будет двести метров, триста, пятьсот. Может быть, будет километр или даже три километра... Зря я напросился, — подумал Белов. — Нужно было остаться на «Кунашире» и писать книгу».

Еще одна кривая стукнулась в иллюминатор. Слово крошечный розовый взрыв. Белов уставился в темноту, где на миг появился силуэт стриженной головы Званцева.

Званцеву, разумеется, такие мысли и в голову не приходят. Званцев совсем другой, не такой, как многие. Во-первых, он опытный глубоководник. Во-вторых, у него железные нервы. Такие же железные, как проклятый замок. В-третьих, ему наплевать на неизведанные тайны глубин. Он погружен в методы точного подсчета китового поголовья и в вариации содержания протеина на гектар планктонного поля. Его заботит хищник, который зарезал молодых китов. Шестнадцать молодых китов за квартал, и все, как на подбор, самые лучшие! Чуть ли не гордость тихоокеанских китоводов.

— Званцев!

— Да?

— Не сердись.

- Я не сержусь, — сердито сказал Званцев. — С чего ты взял?
 — Мне показалось, что ты сердишься... Когда мы начнем спуск?
 — Скоро начнем.

Пок... Пок-пок-пок-пок... Целая стайка креветок. Совсем как новогодняя пиротехника. Белов судорожно зевнул и торопливо захлопнул рот. Вот что он сделает: будет все время держать рот закрытым. Но он и минуты не выдержал.

- Акико-сан, how do you feel? Как самочувствие?
 — Хорошо, спасибо, — вежливо ответила Акико.

По голосу было понятно, что она не обернулась.

Тоже сердится, решил Белов. Это потому, что она втрескалась в Званцева. Званцев сердится — и она тоже. Она смотрит на Званцева снизу вверх и называет его не иначе, как «господин субмарин-мастер». Очень уважает его, прямо-таки благоговеет. Да, она втрескалась в него по уши, это всем ясно. Ясно, наверное, даже Званцеву. Только ей самой еще не ясно. Бедняжка, ей очень не повезло. Человек с железными нервами, чугунными мускулами и медным лицом. Монументальный человек этот Званцев. Человек-будда.

В два часа ночи Званцев включил свет и достал карту. Субмарина висела над центром впадины, в восьмидесяти милях к юго-западу от дрейфующего «Кунашира». Званцев рассеянно чиркнул по карте ногтем и объявил:

- Начнем спуск.
 — Наконец-то! — проворчал Белов.

— Господин субмарин-мастер, — сказала Акико. — «Орига» будет спускаться по вертикали?

Субмарина Званцева называлась «Ольга», а не «Орига». Акико иногда не выговаривала букву «л». Званцев ни разу не встречал японца, который выговаривал бы «л» всегда правильно.

— «Ольга» не батискаф, — сухо сказал Званцев. — Мы будем спускаться по спирали.

Он и сам не знал, почему он сказал это сухо. Может быть, потому, что снова увидел Акико. Он думал, что хорошо помнит ее, но оказалось, что за несколько часов в темноте он наделил ее черточками других женщин, совершенно не похожих на нее. Женщин, которые нравились ему раньше, товарищей по работе, актрис из разных фильмов. При свете эти черточки исчезли, и она показалась ему тоньше, угловатее, смуглее, чем он представлял себе. Она была похожа на мальчишку-подростка. Она смиренно сидела рядом с ним, опустив глаза, положив руки на голые колени.

«Странно, — подумал он, — я никогда не замечал раньше, чтобы от нее пахло духами».

Званцев включил свет и повел субмарину в глубину. Нос ее сильно наклонился, и Белов уперся коленями в спинку кресла Званцева. Теперь через плечо Званцева он видел светящиеся циферблаты и экран ультразвукового локатора в верхней части пульта. На экране вспыхивали и пропадали дрожащие искры: вероятно, сигналы от глубоководных рыб, еще слишком далеких, чтобы их можно было опознать. Белов перевел глаза на циферблаты, отыскивая батиметр — указатель глубины. Батиметр был крайним слева. Красная стрелка медленно подползала к отметке «200». Потом она так же медленно будет ползти к отметке «300», потом «400»... Под субмариной — трехкилометровая пропасть, и подводный кораблик этот — крошечная соринка в невообразимо огромной массе воды.

Белов вдруг почувствовал, будто что-то мешает ему дышать. Темнота в кабине сделалась плотной и безжалостной, как холодная соленая вода за стенами субмарины. «Начинается!» — подумал Белов. Он вобрал в себя воздух и задержал его в легких. Затем зажмурил глаза, вцепился обеими руками в спинку кресла и принялся считать про себя. Когда перед зажмуренными глазами поплыли цветные пятна, он шумно выдохнул воздух и провел ладонью по лбу. Ладонь стала мокрой.

Красная стрелка миновала отметку «200». Это выглядело красиво и зловеще: красная стрелка и зеленые цифры в настороженной тьме. Рубиновая стрелка и изумрудные цифры: 200, 300... 1000... 3000.... «Боже мой, почему все-таки я океанолог? Почему не металлург или не садовник? Ужасная глупость! На каждые сто человек только один подвержен глубинной болезни. И вот этот один — океанолог, потому что ему нравится заниматься головоногими. Он просто без ума от головоногих. Цефалоподы, будь они неладны! Почему я не занимаюсь чем-нибудь другим? Скажем, кроликами. Или дождевыми червями. Жирные дождевые черви в мокрой земле под горячим солнцем. И нет ни темноты, ни ужаса перед соленой трясиной. Только земля и солнце».

Белов громко позвал:

— Званцев!

— Да?

— Слушай, Званцев, ты бы хотел заниматься дождевыми червями?

Званцев нагнулся и пошарил в темноте. Что-то звонко щелкнуло, и в лицо Белова ударила струя ледяного кислорода. Он жадно подышал, зевая и захлебываясь.

— Довольно, — сказал он. — Спасибо.

Званцев отключил кислород. Ему было, конечно, наплевать на дождевых червей. Красная стрелка поползла отметку «300». Белов снова позвал:

— Званцев!

— Да?

— Ты все-таки твердо уверен, что это кальмар?

— Что — кальмар?

— Что это кальмар зарезал китов?

— Скорее всего, кальмар.

— А может быть, это косатки?

— Может быть...

— Или кашалот?

— Может быть, кашалот. Хотя кашалот нападает обычно на маток. В стаде было много маток. А косатки нападают на одиночек.

— Нет, это ика, — сказала Акико тонким голосом. — Оо-ика.

Оо-ика — это гигантский глубоководный кальмар. Он свиреп и стремителен, как молния. У него мощное туловище в роговом панцире, десять цепких «рук» и жесткие умные глаза. Он бросается на кита снизу и мигом врывается в его внутренности. Затем он медленно опускается с китовой тушей на дно. И ни одна акула, даже самая голодная, не смеет приблизиться к нему. Он зарывается в ил и пирует на свободе. Если его настигает субмарина Океанской охраны, он не отступает. Он принимает бой, и акулы собираются, чтобы подхватить клочья мяса. Мясо гигантского кальмара тугое, как резина, но акулам это безразлично.

— Да, — согласился Белов, — наверное, это кальмар.

— Скорее всего, кальмар, — сказал Званцев.

Все равно, кальмар это или не кальмар, подумал он. В таких вот впадинах могут хозяйничать и не такие твари, как кальмары. Их нужно найти и уничтожить, не то покоя от них не будет, раз они уже попробовали китового мяса. Потом он подумал, что если встретится действительно что-нибудь неизвестное, то стажеры обязательно повиснут у него на плечах и будут требовать, чтобы он «дал им разобраться». Стажеры всегда путают сторожевые подлодки с исследовательским батискафом.

Четыреста метров...

В кабине было очень душно. Ионизаторы не справлялись. Званцев слышал, как тяжело дышит Белов за его спиной. Зато Акико совсем не было слышно, можно было подумать, что ее здесь нет. Званцев подал в кабину еще немного кислорода. Потом он взглянул на компас. Субмарину разворачивало поперек курса сильным подводным течением.

— Белов, — сказал Званцев, — отметь: теплая струя, глубина четыреста сорок, направление зюйд-зюйд-вест, скорость два метра в секунду.

Белов скрипнул рычажком диктофона и что-то пробормотал слабым голосом.

— Настоящий подводный Гольфстрим, — сказал Званцев. — Маленький Гольфстрим.

— Температура? — спросил Белов слабым голосом.

— Двадцать четыре.

Акико робко заметила:

— Странная температура. Необычная...

— Если где-нибудь под нами вулкан, — простонал Белов, — это будет интересно. Вы не пробовали уши из кальмаров, Акико-сан? Вот я...

— Внимание! — перебил его Званцев. — Сейчас я буду выводить «Ольгу» из течения. Держитесь за что-нибудь.

— Легко сказать! — проворчал Белов.

— Хорошо, господин субмарин-мастер, — сказала Акико.

«Можете держаться за меня», — хотел предложить ей Званцев, но постеснялся. Он круто положил субмарину на левый борт и бросил ее вниз почти отвесно. «О-ух!» — вырвалось у Белова, и он уронил диктофон Званцеву на затылок. Потом Званцев почувствовал, что в его плечо вцепились пальцы Акико, вцепились и соскальзывали. Руки Званцева были заняты на пульте управления.

— Обнимите меня за плечи, — приказал он сквозь зубы.

В этот миг пальцы ее сорвались, и она чуть не упала лицом на край пульта. Он едва успел подставить руку, и она ударилась лицом о его локоть.

— Извините! — виновато сказала она.

— Ох, тише, — простонал Белов. — Тише ты, Званцев!

Ощущение было такое, словно проваливаешься в бездну на стратоплане, когда он идет на посадку. Званцев снял с пульта правую руку, пошарил направо от себя и нащупал пушистые волосы Акико.

— Вы ушиблись? — спросил он.

— Нет, спасибо...

Он нагнулся и подхватил ее под мышки.

— Спасибо, — повторила она. — Спасибо... Я сама.

Он отпустил ее и взглянул на батиметр. Шестьсот пятьдесят... шестьсот пятьдесят пять... шестьсот шестьдесят.

— Тише же, Званцев! — взмолился Белов сдавленным голосом. — Хватит же!!

Шестьсот восемьдесят метров. Званцев перевел субмарину в горизонталь. Белов громко икнул и отвалился от спинки кресла.

— Все! — объявил Званцев и включил свет.

Акико прикрывала нос ладонью, по щекам ее текли слезы.

— Искры из глаз... — проговорила она, с трудом улыбаясь.

— Простите, Акико-сан, — сказал Званцев.

Он чувствовал себя виноватым. В таком крутом пике не было никакой необходимости. Просто ему надоел бесконечный спуск по спирали. Он вытер пот со лба и оглянулся. Белов сидел скорчившись и прижимал ко рту смятую рубашку. Лицо у него было мокрое и серое, глаза красные.

— Ужин! — сказал Званцев. — Запомни, Белов!

— Запомню... Дай еще кислорода...

— Не дам. Отравишься.

Званцеву хотелось сказать еще несколько слов о коньяке, но он сдержался и выключил свет. Субмарина снова пошла по спирали, и все долго молчали, даже Белов. Семьсот метров, семьсот пятьдесят, восемьсот...

— Вот он! — прошептала Акико.

Через экран неторопливо двигалось узкое туманное пятно. Животное было еще слишком далеко, и определить, что оно собой представляет, было пока невозможно. Это мог быть кальмар, кашалот, кит-одинец или крупная китовая акула, а может быть, какое-нибудь неизвестное животное. В глубине еще много животных, неизвестных или малоизвестных человеку. Океанская охрана имела сведения об исполинских длинношеих и длиннохвостых черепахах, о драконах, о глубоководных пауках, гнездящихся в пропастях к югу от Бонин, об океанском «гнусе» — маленьких хищных рыбках, многотысячными стаями идущих на глубине полутора-двух километров и истребляющих все на своем пути. Проверить эти слухи пока не было ни возможности, ни особой необходимости.

Званцев тихонько поворачивал субмарину, чтобы не упускать животное из поля зрения.

— Давай поближе к нему, — попросил Белов. — Подойди ближе!

Он шумно дышал в ухо Званцеву. Субмарина медленно пошла на сближение. Званцев протянул руку и щелкнул переключателем, и на экране вспыхнули две светлые перекрещивающиеся нити. Узкое пятно плыло возле перекрестия.

— погоди, — сказал Белов. — Не торопись, Званцев.

Званцев рассердился. Он нагнулся, нашарил под ногами диктофон и ткнул его через плечо в темноту.

— В чем дело? — недовольно спросил Белов.

— Диктофон! — сказал Званцев. — Отметь: глубина восемьсот, обнаружили цель.

— Успеем.

— Дайте мне, — сказала Акико.

— *Beq your pardon.* — Белов кашлянул. — Званцев! Не вздумай стрелять в него, Званцев. Сначала нужно посмотреть.

— Смотри...

Расстояние между субмариной и животным сокращалось. Теперь было ясно, что это гигантский кальмар. Если бы не стажеры, Званцев не стал бы медлить. Работник Океанской охраны не имеет права медлить. Ни одно морское животное не причиняло китоводству такой ущерб, как гигантский кальмар. Он подлежал немедленному уничтожению при встрече с любой субмариной. Его сигнал вводился в перекрестие нитей на экране, затем субмарина посылая торпеды. Две торпеды. Иногда, для верности, три. Торпеды мчались к цели по ультразвуковому лучу и взрывались рядом с целью. И на гром взрывов со всех сторон слетались акулы.

Званцев с сожалением снял палец со спускового рычажка торпедного аппарата.

— Смотри! — повторил он.

Но смотреть пока было не на что. Граница ясного зрения в самой чистой океанской воде не превышала двадцати пяти — тридцати метров, и только ультразвуковой локатор позволял обнаруживать цели на расстояниях до полукилометра.

— Скорее бы! — возбужденно сказал Белов.

— Не торопись.

Субмарины-малютки Океанской охраны предназначены для охраны планктонных посевов от китов и для охраны китов от морских хищников. Субмарины не предназначены для исследовательских целей. Они слишком шумны. Если кальмар не захочет познакомиться с подлодкой поближе, он уйдет прежде, чем можно будет включить прожектора и разглядеть его. Преследовать бесполезно: гигантские головоногие способны развивать скорость втрое большую, чем скорость самой быстроходной субмарины. Званцев надеялся только на удивительное бесстрашие и жестокость кальмара, которые иногда толкают его на схватку со свирепыми кашалотами и стаями косаток.

— Осторожно, осторожно, — повторял Белов нежно и просительно.

— Дать кислород? — спросил Званцев свирепо.

Акико тихонько тронула его за плечо. Она уже несколько минут стояла, согнувшись над экраном, и ее волосы щекотали ухо и щеку Званцева.

— Ика видит нас, — сказала она.

Белов крикнул:

— Не стреляй!

Пятно на экране — теперь оно было большим и почти круглым — довольно быстро двинулось вниз. Званцев улыбнулся, довольный. Кальмар выходил под субмарину в позицию для нападения. Кальмар и не думал убегать. Он сам навязывал бой.

— Не упускай его, — шепнул Белов.

Акико тоже сказала:

— Ика уходит.

Стажеры еще не понимали, в чем дело. Званцев стал опускать нос субмарины. След кальмара снова всплыл в перекрестие нитей. Стоило только нажать на спуск, и от гадины полетели бы клочья.

— Не стреляй, — повторял Белов. — Только не стреляй! Будем наблюдать...

«Интересно, куда девалась его глубинная болезнь?» — подумал Званцев. Он сказал:

— Кальмар сейчас будет под нами. Я поставлю субмарину на нос. Будьте готовы.

— Хорошо, господин субмарин-мастер, — сказала Акико.

Белов, не говоря ни слова, принялся деятельно ворочаться, устраиваясь поудобнее. «Ольга» медленно переворачивалась. Сигнал на экране увеличивался и принимал очертания многоконечной звезды с мерцающими лучами. Субмарина неподвижно повисла носом вниз.

Видимо, кальмар был озадачен странным поведением предполагаемой жертвы. Но он колебался всего несколько секунд. Затем он двинулся в атаку, стремительно и уверенно, как делал, наверное, тысячи раз в своей невообразимо долгой жизни.

Сигнал расплылся и заполнил весь экран.

— Даю свет, — сказал Званцев.

Он включил сразу все прожектора: два по сторонам люка и один под днищем. Свет был очень ярким. Прозрачная вода казалась желтовато-зеленой. Акико коротко вздохнула. Званцев покосился на нее. Она сидела на корточках над иллюминатором, держась рукой за край пульта. Из-под руки торчало голое поцарапанное колено.

— Смотрите! — хрипло завопил Белов. — Смотрите, вот он!

Сначала светящаяся мгла за иллюминатором была неподвижной. Затем какие-то тени зашевелились в ней. Мелькнуло что-то длинное и гибкое, и через секунду они увидели кальмара. Вернее, они увидели широкое бледное тело, два жестких равнодушных глаза в нижней его части, а под глазами, словно чудовищные усы, два пучка толстых шевелящихся щупалец-рук. Все это в одно мгновение надвинулось на иллюминатор и заслонило свет прожектора. Субмарину сильно качнуло, что-то противно, как ножом по стеклу, заскрежетало по обшивке.

— Вот так! — сказал Званцев. — Насладились?

— Какой ог-ром-ный! — с благоговением произнес Белов. — Акико-сан, вы заметили, какой он огромный?

— Оо-ика, — сказала Акико.

— Пожилой, заслуженный субъект, — подтвердил Званцев.

Белов сказал:

— Никогда не встречал упоминания о таких крупных экземплярах. Я оцениваю его межглазное расстояние в два с лишним метра. Как ты думаешь, Званцев?

— Около того...

— А вы, Акико-сан?

— Полтора-два метра, — ответила Акико помолчав.

— Что в обычных пропорциях дает... — Белов пошептал, загибая пальцы. — Дает длину туловища по меньшей мере метров пятнадцать, а вес...

— Слушайте, — перебил их Званцев. — Что делать дальше?

Акико заглянула в желто-зеленую мглу за иллюминатором, выпрямилась и расправила плечи, закинув назад голову. Потом она перехватила взгляд Званцева, ссутулилась и смущенно прошептала:

— Извините, господин субмарин-мастер...

Белов сказал:

— Надо как-то оторваться от него и сфотографировать целиком.

Субмарину снова качнуло, и снова послышался отвратительный скрип роговых челюстей о металл.

— Это тебе не кит, голубчик, — злорадно пробормотал Званцев.

Потом он подумал и сказал:

— Можно попробовать кое-что. Добровольно он от нас теперь не отстанет и будет ползать по субмарине часа два, не меньше. Я попробую рывком освободиться от него, стряхнуть его, — понимаете? — и тогда он попадет под струю кипятка из турбин. Мы быстро развернемся, сфотографируем и расстреляем его. Хорошо?

Субмарина раскачивалась все сильнее. Видимо, кальмар рассвирепел и пытался согнуть ее пополам. На несколько секунд в иллюминаторе показалась одна из его «рук» — лиловая кишка толщиной в телеграфный столб, усаженная шевелящимися присосками.

— Какой огромный! — повторил Белов. — Слушай, Званцев, а нельзя ли вместе с ним всплыть?

Званцев запрокинул лицо и, прищурившись, поглядел на Белова снизу вверх.

— На поверхность? — переспросил он. — Пожалуй... Сейчас он не отцепится от нас. Сколько, ты говоришь, он может весить?

— Тонн семьдесят, — сказал Белов неуверенно.

Званцев свистнул и снова повернулся к пульту.

— Но это на воздухе, — поспешно добавил Белов, — а в воде...

— Все равно, не меньше десятка тонн. «Ольга» не вытянет. Готовьтесь, будем переворачиваться.

Акико покорно опустила на корточки, не спуская глаз с иллюминатора. Она очень боялась пропустить что-нибудь интересное.

Если бы не стажеры, особенно Белов, можно было давно уже прикончить этого гада и приняться искать его родственников. Званцев не сомневался, что где-то на дне впадины скрываются дети, внуки и правнуки чудовища — будущие, а может быть, и уже действующие пираты на новых трассах миграций китов.

«Ольга» вернулась в горизонтальное положение.

— Духота... — проворчал Белов.

— Держитесь крепче, — предупредил Званцев. — Готовы? Вперед!

Он до отказа повернул рукоятку скорости. Полный ход, тридцать узлов! Пронзительно взвыли турбины. Позади что-то стукнуло, донесся неясный вопль. «Бедный Белов», — подумал Званцев.

Он сбросил скорость и завертел штурвальчик рулевого управления. Субмарина описала полукруг и вернулась к кальмару.

— Теперь смотрите, — сказал Званцев.

Кальмар висел в двадцати метрах перед носом субмарины, бледный, странно плоский, с обвисшими скрюченными щупальцами и обвисшим туловищем. Он был похож на паука, которого прижгли спичкой. Глаза его были задумчиво скошены вниз и вбок, словно он размышлял над чем-то. Званцев никогда прежде не видел живого кальмара так близко и разглядывал его с любопытством и отвращением. Это был действительно необычайно крупный экземпляр. Может быть, один из самых крупных в мире. Но в эту минуту ничто в нем не позволяло предположить могучего и страшного хищника. Званцеву почему-то вспомнились кучи размякших китовых внутренностей в огромных отмочечных чанах на китобойном комбинате в Петропавловске.

Прошло несколько минут. Белов лежал животом на плечах Званцева и трещал кинокамерой. Акико что-то бормотала в диктофон (кажется, по-японски), не сводя глаз с кальмара. У Званцева заныла шея, к тому же он боялся, что кальмар очнется и удерет или снова бросится на субмарину и тогда все нужно будет начинать сначала.

— Вы еще не скоро? — осведомился Званцев.

— Очень... — ответил Белов сипло и невпопад.

Кальмар приходил в себя. По его лапам прошла зыбкая судорога. Громадные, величиной с футбольный мяч, глаза повернулись, словно шарниры в гнездах, и уставились на свет прожекторов. Потом лапы вытянулись в струнку, снова сжались, и бледно-лиловая кожа налилась темным цветом. Втиснутое в серый панцирь тело поднялось в уровень с головой. Кальмар был ошпарен, оглушен, но он готовился к новому прыжку. Кальмар не отступал.

— Ну? — спросил Званцев нетерпеливо.

— Ладно, — недовольно сказал Белов. — Можешь.

— Слезай с меня, — сказал Званцев.

Белов слез и положил подбородок на правое плечо Званцева. По-видимому, он уже забыл о глубинной болезни. Званцев взглянул на экран, затем положил палец на спусковой крючок.

— Ближе слишком, — пробормотал он. — Ну ничего. Выстрел!

Субмарина вздрогнула.

— Выстрел!

Субмарина вздрогнула еще раз. Кальмар медленно раскрывал лапы, когда под его глазами одна за другой взорвались две противокашалотные торпеды. Две вспышки и два громовых раската: «Бомбр-р-р! Бомбр-р-р!» Кальмара затянуло черным облаком, а затем субмарину бросило на хвост, она опрокинулась на левый борт и принялась танцевать на месте.

Когда волнение прекратилось, прожектора осветили буро-серую колышущуюся массу, из которой в пучину вываливались, крутясь, бесформенные дымящиеся лохмотья. Некоторые еще извивались и дергались в лучах света, отбрасывая в желто-зеленую толщу пыльные тени, и исчезали во мраке. А на экране локатора уже появились один за другим четыре, пять, семь сигналов, нетерпеливых и выжидающих.

— Акулы, — сказал Званцев. — Тут как тут.

— Акулы мерзость, — хрипло сказал Белов. — Вот кальмара... жалко... Такой экземпляр! Варвар ты, Званцев...

Званцев с трудом промолчал и включил свет. Акико сидела, прислонившись к стене, склонив голову на плечо. Глаза ее были закрыты, рот полуоткрыт. Лоб, щеки, шея, голые руки и ноги лоснились от пота. Диктофон лежал под ногами. Званцев подобрал его. Акико открыла глаза и смущенно улыбнулась.

— Сейчас будем возвращаться, — сказал Званцев.

Он подумал: завтра ночью перебею остальных.

— Очень душно, господин субмарин-мастер, — сказала Акико.

— Еще бы, — сердито бросил Званцев. — Ароматы... И коньяк, и духи...

Акико опустила голову.

— Ну ничего, — сказал Званцев. — Сейчас будем возвращаться. Белов!

Белов не ответил. Званцев обернулся и увидел, что Белов поднял руки и ощупывает пазы люка.

— Что ты делаешь, Белов? — спросил Званцев.

Белов повернул к нему серое лицо и сказал:

— Душно здесь. Надо открыть.

Званцев ударил его кулаком в грудь, и он упал навзничь, запрокинув острый кадык. Званцев торопливо отвернул кислородный кран, затем поднялся и, перегнувшись через

Белова, осмотрел замок. Замок был в порядке. Затем Званцев ткнул Белова пальцем под ребро. Акико следила за ним блестящими глазами.

— Господин Белов? — спросила она.

— Слишком плотный ужин, — сердито сказал Званцев. — И глубинная болезнь в придачу.

Белов вздохнул и сел. Глаза у него были сонные, он пощурился на Званцева, на Акико и сказал:

— Что случилось, друзья мои?

— Ты чуть не утопил нас, дурак.

Званцев поднял нос субмарины вертикально и начал подъем. Было четыре часа утра. Должно быть, «Кунашир» уже вышел к точке randеву. Дышать в кабине было нечем. Ничего, скоро все кончится. Когда в кабине включен свет, стрелка батиметра кажется розоватой, а цифры — белыми. Шестьсот метров, пятьсот восемьдесят, пятьсот пятьдесят...

— Господин субмарин-мастер, — сказала Акико, — можно спросить?

— Можно...

— Ведь это удача, что мы так скоро нашли ика?

— Мы его не нашли. Это он нас нашел. Он, наверное, километров десять за нами тащился, присматривался. Кальмары всегда так.

— Званцев, — простонал Белов. — Нельзя ли поскорее?

— Нельзя, — сказал Званцев. — Терпи.

«Почему ему ничего не делается? — подумал Белов. — Может быть, он действительно железный? Или это привычка? Господи, только бы увидеть небо! Только бы увидеть небо, и я никогда больше не пойду в глубоководный поиск. Только бы удались фото. Я устал. А вот он совершенно не устал. Он сидит чуть ли не вверх ногами, и ему ничего не делается. А у меня от одного взгляда на то, как он сидит, тошнота».

Триста метров...

— Званцев, — снова сказал Белов. — Что ты будешь делать завтра?

Званцев ответил:

— К «Кунаширу» придут Хен Чоль и Вальцев со своими субмаринами. Завтра вечером мы прочешем впадину и перебьем остальных.

Завтра вечером он снова спустится в эту могилу. И он говорит это спокойно и с удовольствием!

— Акико-сан!

— Да, господин Белов?

— Что вы завтра делаете?

Званцев взглянул на батиметр. Двести метров. Акико вздохнула.

— Не знаю, — сказала она.

Они замолчали. Они молчали до тех пор, пока субмарина не всплыла на поверхность. Субмарина закачалась на легкой волне.

— Открой люк, — сказал Званцев.

Белов поднял руки, передвинул защелки замка и толкнул крышку вверх.

Погода изменилась. Ветра больше не было, туч тоже не было. Звезды были маленькие и яркие, в небе висел огрызок луны. Океан лениво гнал небольшие светящиеся волны. Волны плескались у башни люка.

Белов первым выкарабкался наружу, за ним вылезли Акико и Званцев. Белов сказал:

— Как хорошо!

Акико тоже сказала:

— Хорошо.

Званцев тоже подтвердил, что хорошо, и добавил, подумав:

— Просто замечательно!

— Разрешите, я искупаюсь, господин субмарин-мастер, — сказала Акико.

— Купайтесь, пожалуйста, — вежливо разрешил Званцев и отвернулся.

Акико разделась, сложила одежду на край люка и потрогала ногой воду. Красный купальник на ней казался черным, а ноги и руки — неестественно белыми. Она подняла руки и бесшумно соскользнула в воду.

— Пойду-ка я тоже, — сказал Белов.

Он тоже разделся и сполз в воду. Вода была теплая. Белов обогнул «Ольгу», подплыл к корме и сказал:

— Замечательно!

Затем он вспомнил лиловое щупальце толщиной в телеграфный столб и поспешно вскарабкался на субмарину. Подойдя к люку, на котором сидел и курил Званцев, он сказал:

— Вода теплая, как парное молоко. Дай сигарету.

Званцев дал ему сигарету, и они сидели и молча курили, пока Акико плескалась в воде. Голова ее черным пятном качалась на фоне светящихся волн.

— Завтра мы перебьем их всех, — сказал Званцев. — Всех, сколько их там осталось. Нужно торопиться. Киты пойдут над впадиной через неделю.

Белов, вздохнув, щелчком отбросил окурочок. Акико подплыла и ухватилась за край люка.

— Господин субмарин-мастер, можно завтра я опять с вами? — спросила она с отчаянной смелостью.

Званцев ответил медленно:

— Конечно, можно.

— Спасибо, господин субмарин-мастер...

На юге над горизонтом поднялся и уперся в небо луч прожектора. Это был сигнал с «Кунашира».

— Пошли, — сказал Званцев поднимаясь. — Вылезайте, Акико-сан.

Он взял ее за руку и легко поднял из воды. Белов мрачно сообщил:

— Я посмотрю, какая получилась пленка. Если плохая, я тоже спущусь с вами.

— Только без коньяка, — сказал Званцев.

— И без духов, — добавила Акико.

— И вообще я спущусь с Хен Чолем, — сказал Белов. — Втроем в этих кабинах слишком тесно.

Рассказ «Ночью на Марсе» впервые опубликован в журнале «Знание — сила» в № 6 за 1960 год, при переизданиях дважды менял заглавие, а с 1967 года входит в «Полдень, XXII век», где называется «Ночь на Марсе».

Ночью на Марсе

Когда рыжий песок под гусеницами краулера вдруг осел, Петр Алексеевич Привалов дал задний ход и крикнул Грицевичу: «Прыгайте!» Краулер задергался, разбрасывая тучи песка и пыли, и стал переворачиваться кормой кверху. Тогда Привалов выключил двигатель и вывалился из краулера. Он упал на четвереньки и, не поднимаясь, побежал в сторону. Песок под ним оседал и проваливался, но Привалов все-таки добрался до твердого места и сел, подобрав под себя ноги.

Он увидел Грицевича, стоявшего на коленях на противоположном краю воронки, и окутанную паром корму краулера, торчащую из песка на дне воронки. Теоретически было невозможно предположить, что с краулером типа «Ящерица» может случиться что-либо подобное. Во всяком случае, здесь, на Марсе. Краулер «Ящерица» был легкой, быстроходной машиной — пятиместная открытая платформа на четырех автономных гусеничных шасси. Но вот он медленно сползал в черную дыру, где жирно блестела глубокая вода. От воды валил пар.

— Каверна, — хрипло сказал Привалов. — Не повезло, черт.

Грицевич повернул к Привалову лицо, закрытое до глаз кислородной маской.

— Да, не повезло, — сказал он.

Ветра совсем не было. Клубы пара из каверны поднимались вертикально в черно-фиолетовое небо, усыпанное крупными звездами. Низко на западе висело солнце — маленький яркий диск над дюнами. От дюн по красноватой долине тянулись черные тени. Было совершенно тихо, слышалось только шуршание песка, стекающего в воронку.

— Ну ладно, — сказал Грицевич и поднялся. — Что будем делать? Вытащить его, конечно, нельзя, — он кивнул в сторону каверны. — Или можно?

Привалов покачал головой.

— Нет, Александр Григорьевич, — сказал он. — Нам его не вытащить.

Раздался длинный сосущий звук, корма краулера скрылась, и на черной поверхности воды один за другим вспучились и лопнули несколько пузырей.

— Да, пожалуй, не вытащить, — сказал Грицевич. — Тогда надо идти, Петр Алексеевич. Пустяки, тридцать километров. Часов за пять дойдем.

Привалов смотрел на черную воду, на которой уже появился тонкий ледяной узор. Грицевич поглядел на часы.

— Восемнадцать двадцать. В полночь мы будем там.

— В полночь, — сказал Привалов. Он с сомнением поджал губы под маской. — Вот именно — в полночь.

Осталось километров тридцать, подумал он. Из них километров двадцать придется идти в темноте. Правда, у нас есть инфракрасные очки, но все равно перспектива малоутешительная. Надо же такому случиться... На краулере мы были бы там засветло. Может быть, надо вернуться на Базу и взять другой краулер? До Базы сорок километров, и там все краулеры в разгоне, и прибудем мы на плантации только завтра к утру, когда будет уже поздно. Ах, как нехорошо получилось!

— Ничего, Петр Алексеевич, — сказал Грицевич и похлопал себя по бедру, где под дохой болталась кобура с пистолетом. — Пройдем.

— А где инструменты? — спросил Привалов.

Грицевич огляделся.

— Я их сбросил, — сказал он. — Ага, вот они.

Он сделал несколько шагов и поднял небольшой саквояж.

— Вот они, — повторил он, стирая с саквояжа песок рукавом дохи. — Пойдем?

— Пошли, — сказал Привалов.

И они пошли.

Они пересекли долину, вскарабкались на дюну и снова стали спускаться. Идти было легко. Даже пятипудовый Привалов вместе с кислородными баллонами, системой отопления в меховой одежде и свинцовыми подметками на унтах весил здесь всего сорок килограммов. Маленький сухопарый Грицевич шагал как на прогулке, небрежно помахивая саквояжем. Песок был плотный, слежавшийся, и следов на нем почти не оставалось.

— За краулер мне страшно влетит от Иваненки, — сказал Привалов после долгого молчания.

— При чем здесь вы? — возразил Грицевич. — Кто мог даже подумать о каверне здесь, на трассе, которая исхожена сто пятьдесят раз? Послушайте, Петр Алексеевич! — воскликнул он весело. — Какое там влетит, ведь нас на Базе целовать будут! Ведь вы воду наши!

— Вода нас нашла, — сказал Привалов — Но за краулер все равно влетит. Что вы, Иваненко не знаете? «За воду спасибо, а машину вам больше не доверю».

Грицевич засмеялся:

— Ничего, обойдется. Да и вытащить этот краулер будет не так уж трудно... Смотрите, какой красавец!

На гребне бархана, повернув к ним страшную треугольную голову, сидел мимикродон — двухметровый ящер, крапчато-рыжий под цвет песка. Грицевич кинул в него камешком и не попал. Ящер сидел, раскорячившись, неподвижный, как кусок камня.

— Удивительно невозмутимый гражданин, — сказал Грицевич.

— Спицын говорит, что их очень много на плантациях, — сказал Привалов. — Ирина Викторовна подкармливает их...

Они, не сговариваясь, прибавили шагу.

— Молодец она все-таки, — сказал Грицевич. — Не побоялась. Первая на Марсе.

— Кто-нибудь должен быть первым, — проворчал Привалов.

Дюны кончились. Они шли теперь через плоскую солончаковую равнину. Свинцовые подошвы звонко постукивали на мерзлом песке. В лучах белого закатного солнца горели большие пятна соли — глауберовой соли, какая на Земле добывается на озере Кара-Богаз. Вокруг пятен, ошетинясь длинными иглами, желтели шары «кактусов». Их было очень много на равнине, этих странных растений без корней, без листьев, без стволов.

— Бедный Спицын, — сказал Грицевич. — Вот беспокоится, наверное.

— Я тоже беспокоюсь, — ответил Привалов.

— Ну, мы с вами врачи, — сказал Грицевич.

— А что врачи? Вы хирург, я терапевт. Я принимал всего раз в жизни, и это было десять лет назад в лучшей поликлинике Архангельска, и у меня за спиной стояли опытные специалисты...

— Ничего, — сказал Грицевич. — Я принимал несколько раз. Не надо только волноваться. Все будет хорошо.

Под ноги Грицевичу попал колючий шар, он ловко пнул его. Шар описал в воздухе длинную пологую дугу и покатился, подпрыгивая и ломая колючки.

— Удар, и мяч медленно выкатывается на свободный, — сказал Грицевич. — Меня беспокоит другое. Будет ли ребенок нормально развиваться в условиях уменьшенной тяжести.

— Это меня как раз совсем не беспокоит, — отозвался Привалов. — Я уже говорил с Иваненко. Можно будет оборудовать центрифугу.

Грицевич задумался.

— Это мысль, — сказал он.

Когда они огибали последний солончак, что-то пронзительно свистнуло, один из шаров в десяти шагах от Привалова взлетел высоко в небо и, оставляя за собой белесую струю влажного воздуха, перелетел через врачей и упал в центре солончака. Привалов охнул и подпрыгнул от неожиданности.

— Ну что за мерзость! — плачущим голосом сказал он. — Каждый раз, когда я иду через солончаки, какой-нибудь мерзавец...

Он подбежал к ближайшему шару и неловко ударил его ногой. Шар вцепился колючками в полу его дохи.

— Вот ведь мерзавец... — приговаривал сквозь зубы Привалов, на ходу с трудом отдирая шар сначала от дохи, а затем от перчаток.

Это были знаменитые «летающие кактусы» — растения, почему-то приспособившиеся к передвижению. Такой вот колючий шар в течение нескольких суток лежал совершенно неподвижно, всасывая и сжимая в себе разреженный марсианский воздух, а потом вдруг разом выпускал его с оглушительным свистом и ракетой перелетал метров на десять-пятнадцать.

Грицевич вдруг остановился, поглядел на солнце и поднес к глазам часы.

— Девятнадцать тридцать пять, — сказал он. — Солнце сядет через полчаса.

— Что вы сказали, Александр Григорьевич? — спросил Привалов.

Он тоже остановился.

— Не разговаривайте громко перед заходом солнца.

Привалов огляделся. Солнце стояло уже совсем низко. Позади на равнине погасли пятна солончаков. Дюны потемнели. Небо на востоке сделалось черным, как китайская тушь.

— Да, — сказал Привалов. — Громко разговаривать, пожалуй, не стоит. Говорят, у нее очень хороший слух.

Грицевич поморгал заиндеветыми ресницами, изогнулся и вытащил из кобуры теплый пистолет. Он щелкнул затвором и сунул пистолет в глубокий карман дохи. Привалов тоже достал пистолет и сунул за отворот левого унта.

— Вы стреляете левой? — осведомился Грицевич.

— Да, — ответил Привалов.

— Это хорошо, — сказал Грицевич.

— Да, говорят.

Они поглядели друг на друга, но ничего уже нельзя было рассмотреть выше маски и ниже меховой опушки капюшона.

— Пошли, Петр Алексеевич, — сказал Грицевич.

— Пошли, Александр Григорьевич. Только теперь пойдем гуськом.

— Ладно, — весело согласился Грицевич.

И они пошли дальше, впереди Грицевич с саквояжем в левой руке, в пяти шагах за ним Привалов. Как быстро темнеет, думал Привалов. Осталось километров двадцать пять. Ну, может быть, немного меньше. Двадцать пять километров по пустыне в полной темноте. И каждую секунду она может броситься на нас. Из-за той дюны, например. Или из-за той, подальше. Привалов зябко поежился. Надо было выехать утром. Но кто мог знать, что на трассе есть каверна? Поразительное невезение. И все же надо было выехать утром. Даже вчера, с вездеходом, который повез на плантации пеленки и аппаратуру. Впрочем, вчера Грицевич оперировал. Темнеет и темнеет. Спицын, наверное, места уже не находит от беспокойства. То и дело бегаешь на башню поглядеть, не едут ли долгожданные врачи. А долгожданные врачи тащутся пешком по ночной пустыне. Ирина Викторовна успокаивает его, но тоже, конечно, волнуется. Это у них первый ребенок, и первый ребенок на Марсе, первый марсианин... Она очень здоровая и уравновешенная женщина. Замечательная женщина. Ничего, все будет благополучно. Только бы не...

Привалов все время глядел вправо, на сереющие гребни дюн. Грицевич тоже глядел вправо. Поэтому они не сразу заметили Следопытов. Следопытов было тоже двое, и они появились слева.

— Эхой, друзья! — крикнул тот, что был повыше. Другой, короткий, почти квадратный, закинул карабин-автомат за плечо и помахал рукой.

— Эге, — сказал Грицевич с облегчением. — А ведь это Опанасенко и канадец Морган. Эхой, товарищи! — радостно заорал он.

— Какая встреча! — сказал, подходя, долговязый Гэмфри Морган. — Добрый вечер, доктор, — сказал он, пожимая руку Привалову. — Добрый вечер, доктор, — повторил он, пожимая руку Грицевичу.

— Здравствуйте, товарищи, — прогудел Опанасенко. — Какими судьбами?

Прежде чем Привалов успел ответить, Морган неожиданно сказал:

— Спасибо, все зажило, — и снова протянул Грицевичу длинную руку.

Опанасенко схватил Моргана за край капюшона, притянул к себе и закричал ему прямо в ухо:

— Все не так, Гэмфри! Ты проспорил!

Затем он повернулся к врачам и объяснил, что час назад канадец случайно повредил в наушниках слуховые мембраны и теперь ничего не слышит, хотя уверяет, что может отлично обходиться в марсианской атмосфере без помощи акустической «текник».

— Он говорит, что и так знает, что ему могут сказать. Мы спорили, и он проиграл. Теперь он будет пять раз чистить мой карабин. Вы, конечно, на плантации, на биостанцию?

— Да, — ответил Привалов. — К Спицыным.

— Ну, правильно, — сказал Опанасенко. — Они вас очень ждут. Но почему пешком?

— О, какая досада, — виновато сказал Морган. — Не могу слышать совсем ничего.

— Мы потопили краулер, — сказал Привалов.

— Где? — быстро спросил Опанасенко. — Каверна?

— Каверна. На трассе, примерно сороковой километр.

— Каверна! — радостно сказал Опанасенко. — Слышишь, Гэмфри? Еще одна каверна!

Морган с карабином под мышкой вглядывался в темнеющие дюны.

— Ладно, — сказал Опанасенко. — Так вы потопили краулер и решили идти пешком? А оружие у вас есть?

Грицевич похлопал себя по карману.

— А как же, — сказал он.

— Та-ак, — сказал Опанасенко. — Придется проводить вас. Гэмфри! Черт, не слышит...

— Погодите, — сказал Грицевич. — Зачем это?

— Она где-то здесь, — сказал Опанасенко. — Мы видели следы.

Грицевич и Привалов переглянулись.

— Вам, разумеется, виднее, Федор Александрович, — нерешительно сказал Привалов, — но я полагал, что мы могли пойти на риск... В конце концов мы вооружены и...

— Вы с ума сошли, — убежденно сказал Опанасенко. — У вас там на Базе все какие-то, извините, блаженные. Предупреждаем, объясняем — все без толку. Ночью, через пустыню, с пистолетами. А завтра придется разыскивать по всему Сырту ваши обглоданные кости. Вам что, Хлебникова мало?

Грицевич пожал плечами.

— По-моему, в данном случае... — начал он, но тут Морган сказал: «Ти-хо!», Опанасенко мгновенно сорвал с плеча карабин и встал рядом с ним. Привалов потянул из унта пистолет.

Солнце уже почти скрылось — над черными зубчатыми силуэтами дюн светилась узкая желто-зеленая полоска. Все небо стало черным, и звезд было очень много. Звездный блеск лежал на стволах карабинов, и было видно, как стволы медленно двигаются направо и налево.

Потом Морган сказал: «Ошибка. Прошу прощения», и все сразу зашевелились. Опанасенко крикнул на ухо Моргану:

— Гэмфри, они идут на биостанцию к Ирине Викторовне! Надо проводить!

— Гуд. Я иду, — сказал Морган.

— Мы идем вместе! — крикнул Опанасенко.

— Гуд. Идем вместе.

Врачи все еще держали в руках пистолеты. Морган повернулся к ним, всмотрелся и воскликнул:

— О, это не нужно. Это спрятать.

— Да-да, пожалуйста, — сказал Опанасенко. — И ради бога не вздумайте стрелять. И наденьте очки.

Следопыты были уже в инфракрасных очках. Грицевич стыдливо спрятал пистолет и перехватил саквояж в правую руку. Привалов помедлил немного, затем снова опустил пистолет за отворот левого унта.

— Пошли, — сказал Опанасенко. — Мы проводим вас не по трассе, а напрямик, через раскопки. Это ближе.

Теперь впереди и правее Грицевича шел с карабином под мышкой Опанасенко. Позади и правее Привалова вышагивал Морган. Тяжелый карабин-автомат на длинном ремне висел у него на шее. Опанасенко шел очень быстро, круто забирая на запад.

В инфракрасные очки дюны казались черно-белыми, а небо — серым и пустым. Это было похоже на рисунок свинцовым карандашом. Пустыня быстро остывала, и рисунок становился все менее контрастным, словно заволакивался туманной дымкой.

— А почему вас так обрадовала наша каверна, Федор Александрович? — спросил Грицевич.

— Ну как же, — сказал Опанасенко не оборачиваясь. — Во-первых — вода, а во-вторых — в одной каверне мы нашли облицованные плиты.

— Ах да, — сказал Грицевич. — Конечно.

— В нашей каверне вы найдете целый краулер, — мрачно проворчал Привалов.

Опанасенко вдруг резко свернул, огибая ровную песчаную площадку. На краю площадки стоял шест с поникшим флажком.

— Зыбучка, — проговорил позади Морган. — Чтоб взял ее дьявол.

Зыбучие пески были настоящим проклятием археологов и инженеров на Марсе. Месяц назад был организован специальный отряд разведчиков-добровольцев, который должен был отыскать и отметить все зыбучие участки в окрестностях Базы.

— Но ведь Хасэгава, кажется, доказал, — сказал Грицевич, — что вид этих плит может объясняться и естественными причинами.

— Да, — сказал Опанасенко. — В том-то и дело.

— А вы нашли что-нибудь за последнее время? — спросил Привалов.

— Нет. Нефть нашли на востоке, окаменелости нашли очень интересные. А по нашей, археологической, линии, — ничего.

Некоторое время они шли молча. Затем Грицевич сказал глубокомысленно:

— Пожалуй, ничего странного в этом нет. На Земле археологи имеют дело с остатками культуры, которым самое большее сотня тысяч лет. А здесь — десятки миллионов. Напротив, было бы странно...

— Да мы и не очень жалуемся, — сказал Опанасенко. — Мы сразу получили такой жирный кусок — два искусственных Спутника. И нам даже копать ничего не пришлось. И потом, — добавил он, помолчав, — искать не менее интересно, чем находить.

— Тем более, — сказал Грицевич, — что освоенная вами площадь пока так мала...

Он споткнулся и чуть не упал. Морган проговорил вполголоса:

— Петр Алексеевич, Александр Григорьевич, я подозреваю, что вы все время беседуете. Это сейчас нельзя. Федор меня подтвердит.

— Гэмфри прав, — виновато сказал Опанасенко. — Давайте лучше молчать.

Они миновали очередную гряду барханов и спустились в долину, где слабо мерцали под звездами пятна солончаков.

Опять, подумал Привалов. Опять эти проклятые кактусы. Ему никогда еще не приходилось видеть кактусы ночью. Кактусы испускали ровный яркий инфрасвет. По всей долине были разбросаны светлые пятна. Очень красиво, подумал Привалов. Может быть, ночью они не взбрыкивают. Это было бы приятной неожиданностью. И без того нервы как струны. Опанасенко сказал, что она где-то здесь. Она — где-то здесь. Привалов попытался представить себе, каково бы им было сейчас без этого заслона справа, без этих спокойных надежных людей с их тяжелыми смертоубойными ружьями наготове. С пистолетиками среди ночных дюн... Интересно, метко стреляет Грицевич? Наверное, метко, ведь он несколько лет работал на арктических станциях. Но все равно... Пистолетики... — подумал Привалов. Трястись всю ночь у воронки, где затонул краулер? Возвращаться на Базу? Это верно, в окрестностях Базы она никогда не появлялась... Эх, не догадался взять ружье на Базе, дурак. Хороши бы мы сейчас были без Следопытов. Правда, о ружье некогда было думать. Да и сейчас надо думать о другом — о том, что будет, когда доберемся до биостанции. Это сейчас вообще самое важное...

...Она всегда нападает справа, думал Грицевич. Все говорят, что она нападает только справа. Непонятно. Неужели на Марсе есть свои двуногие, легко уязвимые справа или трудно уязвимые слева? Тогда где они? За пять лет колонизации Марса мы не встретили здесь животных крупнее мимикродона. Впрочем, она тоже появилась всего два месяца назад. За два месяца восемь случаев нападения. И никто ее как следует не видел, потому что она нападает только ночью. Интересно, что она такое. У Хлебникова было разорвано правое легкое — пришлось ставить ему искусственное. Хлебников помнит только длинное блестящее тело с гладким волосом. Она прыгнула на него из-за бархана шагах в тридцати... Грицевич быстро огляделся по сторонам. Вот бы мы сейчас шли вдвоем, подумал он. Интересно, хороший ли стрелок Привалов. Наверное, хороший, ведь он долго работал в тайге с геологами. Он славно это придумал — центрифуга. Семь-восемь часов в сутки нормальной тяжести для мальчишки будет вполне достаточно. Хотя почему для мальчишки? А если будет девочка? Еще лучше, девочки легче переносят отклонения от нормы...

Долина с солончаками осталась позади. Справа потянулись длинные узкие траншеи, пирамидальные кучи песку. В одной из траншей, уныло опустив ковш, стоял экскаватор.

Экскаватор надо увести, подумал Опанасенко. Что он здесь зря болтается. Скоро бури начнутся. На обратном пути, пожалуй, и уведу. Жаль, что он такой тихоходный — по дюнам не более километра в час. А то было бы славно. Ноги гудят. Сегодня сделали с Морганом километров двадцать пять. В лагере будут беспокоиться. Ничего, с биостанции дадим радиограмму. Как там еще на биостанции будет! Бедный Спицын. Но это все-таки здорово — на Марсе будет малыш. Значит, будут люди, которые когда-нибудь скажут: «Я родился на Марсе». Только бы не опоздать. Опанасенко пошел быстрее. А доктора каковы, подумал он. Хорошо, что мы их встретили. На Базе, видимо, плохо понимают, что такое пустыня ночью.

Гэмфри Морган, погруженный в мертвую тишину, шагал, положив руки на карабин, и все время глядел вправо. Он думал о том, что в лагере, кроме дежурного, обеспокоенного их отсутствием, все уже, наверное, спят; что завтра нужно перевести группу в квадрат E-11; что теперь придется пять вечеров подряд чистить карабин Федора; что придется еще чинить слуховое устройство. Затем он подумал, что врачи — молодцы и смельчаки, и что Ирина Спицына — тоже молодец и смельчак. Затем он вспомнил Галю, радистку на Базе, и с сожалением подумал, что при встречах она всегда спрашивает его о Хасэгава. Японец — превосходный товарищ, но последнее время он тоже зачастил на Базу. Правда, трудно спорить — Хасэгава умен. Это он первый подал мысль о том, что охота на «летающую пиявку» («сора-тобу хиру») может иметь прямое отношение к задачам Следопытов, потому что может навести людей на след марсианских двуногих... О эти двуногие! Соорудить два гигантских сателлита и не оставить больше никаких следов! Ничего, кроме нескольких плиток известняка в каверне...

Опанасенко вдруг остановился и поднял руку. Все остановились, а Гэмфри Морган вскинул карабин и круто развернулся вправо.

— Что случилось? — спросил Привалов, стараясь говорить спокойно. Ему очень хотелось вытащить пистолет, но он постеснялся.

— Она здесь, — негромко сказал Опанасенко. Он помахал рукой Моргану.

Тот подошел, и они наклонились, всматриваясь в песок. В плотном песке виднелась неглубокая широкая колея, как будто здесь протащили мешок с чем-то тяжелым. Колея начиналась в пяти шагах справа и кончалась в пятнадцати шагах слева.

— Вот и все, — сказал Опанасенко. — Она нас выследила и идет за нами.

Он перешагнул через колею, и они пошли дальше. Привалов заметил, что Грицевич снова переложил саквояж в левую руку, а правую сунул в карман дохи.

— Что ж, — сказал Грицевич неестественно веселым голосом. — Раз она нас уже выследила, давайте разговаривать.

— Давайте, — сказал Опанасенко. — А когда она прыгнет, падайте лицом вниз.

— Зачем? — оскорбленно спросил Грицевич.

— Лежачего она не трогает, — пояснил Опанасенко.

— Остается пустяк, — проворчал Привалов. — Узнать, когда она прыгнет.

— А вы это заметите, — сказал Опанасенко. — Мы начнем палить.

— Интересно, — сказал Грицевич. — Нападает она на мимикродонов? Когда они стоят столбиком, знаете? На хвосте и на задних лапах... Да! — воскликнул он. — Может быть, она принимает нас за мимикродонов?

— Мимикродонов не стоит выслеживать и нападать на них именно справа, — сказал Опанасенко немного раздраженно. — К ним можно просто подойти и есть — с хвоста или с головы, как угодно.

Через четверть часа они снова пересекли колею и еще через десять минут другую. Грицевич замолчал. Теперь он не вынимал правую руку из кармана.

— Минут через пять она прыгнет, — напряженным голосом сказал Опанасенко. — Теперь она справа от нас.

— Интересно, — тихонько сказал Грицевич. — Если идти спиной вперед, она тоже прыгнет справа?

— Да помолчите же, Александр Григорьевич, — сказал сквозь зубы Привалов.

Она прыгнула через три минуты. Первым выстрелил Морган. У Привалова зазвенело в ушах, он увидел двойную вспышку выстрела, прямые, как лучи, следы двух трасс и белые звезды разрывов на гребне бархана. Секундой позже выстрелил Опанасенко. Бах-ба-бах, бах-ба-бах — гремели выстрелы карабинов, и было слышно, как пули с тупым треском рвутся в песок. На мгновение Привалову показалось, что он увидел оскаленную морду с выпученными глазами, но звезды разрывов и трассы уже сместились далеко в сторону, и он понял, что ошибся. Что-то длинное и серое стремительно пронеслось невысоко над барханами, пересекая гаснущие нити трасс, и только тогда Привалов бросился животом в песок. Тах, тах, тах, — Грицевич стоял на одном колене и, держа пистолет в вытянутой руке, торопливо опустошал обойму куда-то в промежуток между Морганом и Опанасенко. Бах-ба-бах, бах-ба-бах — гремели карабины. Теперь Следопыты стреляли по очереди. Привалов увидел, как длинный Морган на четвереньках вскарабкался на бархан, упал, и плечи его затряслись от выстрелов. Опанасенко стрелял с колена, и белые вспышки раз за разом озаряли огромные черные очки и черный намордник кислородной маски.

Затем наступила тишина.

— Отбили, — сказал Опанасенко, поднимаясь и отряхая песок с колен. — Вот так всегда: если вовремя открыть огонь, она прыгает в сторону и удирает.

— Я попал в нее один раз, — сказал Гэмфри Морган. Было слышно, как он со звоном вытащил пустую обойму.

— Ты разглядел ее? — спросил Опанасенко. — Да он же не слышит.

Привалов, кряхтя, поднялся и посмотрел на Грицевича. Грицевич, завернув полу дохи, втискивал пистолет в кобуру.

— Ну, знаете, Александр Григорьевич... — сказал Громадин.

Грицевич виновато покашлял.

— Я, кажется, не попал, — сказал он. — Она передвигается с исключительной быстротой.

— Оч-чень рад, что вы не попали, — с сердцем сказал Привалов. — Здесь было много мишеней!

— Но вы видели ее, Петр Алексеевич? — спросил Грицевич. Он нервно потирал руки в меховых перчатках. — Вы разглядели ее?

— Серая и длинная, как щука.

— И у нее нет конечностей! — возбужденно сказал Грицевич. — Я совершенно отчетливо видел, что у нее нет конечностей! И, по-моему, у нее нет глаз!

Следопыты подошли к врачам.

— В такой кутерьме, — сказал Опанасенко, — очень легко перечислить, чего у нее нет. Гораздо труднее сказать, что у нее есть. — Он засмеялся. — Ну ладно, товарищи. Самое главное — нападение мы отбили.

— Я пойду поищу тело, — неожиданно сказал Морган. — Я попал один раз.

Опанасенко повернулся к нему.

— Что ты сказал, Федор? — спросил Морган.

— Ни в коем случае, — сказал Привалов.

— Нет, — сказал Опанасенко. Он притянул Моргана к себе и крикнул: — Нет, Гэмфри! Нет времени! Поищем завтра вместе на обратном пути!

Грицевич поглядел на часы.

— Ого, — сказал он. — Уже десять пятнадцать. Сколько еще идти, Федор Александрович?

— Километров десять, не больше. К двенадцати будем там.

— Отлично, — сказал Грицевич. — А где мой саквояж? — Он завертелся на месте. — А, вот он... Пойдемте.

— Пойдем, как раньше, — сказал Опанасенко. — Вы слева. Может быть, она здесь не одна.

— Теперь бояться нечего, — проворчал Привалов. — У Александра Григорьевича пустая обойма.

И они пошли, как раньше. Привалов — в пяти шагах позади Грицевича, впереди и правее — Опанасенко с карабином под мышкой, а позади и правее — Морган с карабином на шее.

Опанасенко шел быстро и думал, что больше так продолжаться не может. Независимо от того, убил Морган эту гадину или нет, послезавтра надо пойти на Базу и организовать облаву. На всех краулерах и вездеходах, с ружьями, динамитом и ракетами... Ему пришел в голову аргумент для несговорчивого Иваненки, и он улыбнулся. Он скажет Иваненке: «На Марсе уже появились дети, пора очистить Марс от всякой гадости».

Какова ночка, подумал Привалов. А ведь самое главное еще и не началось, и кончится не раньше, чем к пяти утра. Зато в пять, ну, скажем, в шесть утра парень уже будет вопить на всю планету. Только бы нам не опоздать. Через несколько месяцев мы будем всей Базой таскать парня на руках, вопрошая: «А кто это такой маленький? А кто это у нас такой хорошенький?» Только надо все очень тщательно продумать с центрифугой, и вообще пора вызвать с Земли хорошего педиатра. Парню совершенно необходим хороший педиатр...

В том, что это будет именно парень, а не девочка, Привалов не сомневался. Он очень любил парней, которых можно носить на руках, время от времени осведомляясь: «А кто это у нас такой славный?»

Рассказ «Почти такие же», впервые опубликованный в авторском сборнике «Путь на Амальтею» (Молодая гвардия, 1960), с 1967 года входит в состав «Полдня...».

Почти такие же

Их вот-вот должны были вызвать, и они сидели в коридоре на подоконнике перед дверью. Коля Ермаков болтал ногами, а Панин, вывернув короткую шею, глядел за окно в парк, где на волейбольной площадке прыгали у сетки девчонки с факультета Дистанционного Управления. Коля Ермаков, подсунув под себя ладони, смотрел на дверь, на блестящую черную пластинку с надписью «Большая Центрифуга». В Высшей Школе Космогации четыре факультета, и три из них имеют тренировочные залы, на дверях которых висит пластинка с такой же надписью. Всегда очень тревожно ждать, когда тебя вызовут на Большую Центрифугу. Вот Панин, например, глазееет на девчонок явно для

того, чтобы не показать, как ему тревожно. А ведь у Панина сегодня самая обычная тренировка.

— Хорошо играют, — сказал Панин басом.

— Хорошо, — сказал Коля не оборачиваясь.

— У «четверки» отличный пас.

— Да, — сказал Коля. Он передернул плечами. У него тоже был хороший пас, но он не обернулся.

Панин посмотрел на Колю, посмотрел на дверь и сказал:

— Сегодня тебя отсюда понесут.

Коля промолчал.

— Ногами вперед, — сказал Панин.

— Да уж, — сказал Коля, сдерживаясь. — Тебя-то уж не понесут.

— Спокойно, спортсмен, — сказал Панин. — Спортсмену надлежит быть спокойну, выдержану и всегда готову.

— А я спокоен, — сказал Коля.

— Ты спокоен? — сказал Панин, тыча его в грудь негнушимся пальцем. — Ты вибрируешь. Трясешься, как малек на старте. Смотреть противно, как ты трясешься.

— А ты не смотри, — посоветовал Коля. — Смотри лучше на девочек. Хороший пас и все такое.

— Ты непристойен, — сказал Панин и посмотрел в окно. — Прекрасные девушки. И замечательно играют.

— Вот и смотри, — сказал Коля. — И старайся не стучать зубами.

— Это я стучу зубами? — изумился Панин. — Это ты стучишь зубами.

Коля промолчал.

— Мне можно стучать зубами, — сказал Панин, подумав. — Я не спортсмен. — Он вздохнул, посмотрел на дверь и сказал: — Хоть бы скорее вызвали, что ли...

Слева в конце коридора появился староста второго курса Гриша Быстров. Он был в рабочем комбинезоне, приближался медленно и вел пальцем по стене. Лицо у него было задумчивое. Он остановился перед Ермаковым и Паниным и сказал: «Здравствуйте». Голос у него был печальный.

Коля кивнул. Панин снисходительно сказал:

— Здравствуй, Григорий. Вибрируешь ли ты перед Центрифугой, Григорий?

— Да, — ответил Гриша Быстров. — Немножко.

— Вот, — сказал Панин Коле. — Григорий волнуется всего-навсего немножко. А между тем Григорий всего-навсего малек.

Мальками в Школе называли курсантов младших курсов.

Гриша вздохнул и тоже сел на подоконник.

— Коля, — сказал он, — правда, что ты делаешь сегодня первую попытку на восьмикратной?

— Да, — сказал Коля. Ему совсем не хотелось разговаривать, но он не хотел обидеть Быстрова. — Если позволят, конечно, — добавил он.

— Наверное, позволят, — сказал Гриша.

— Подумаешь, попытка на восьмикратной, — сказал Панин легкомысленно.

— А ты пробовал на восьмикратной? — с интересом спросил Гриша.

— Нет, — сказал Панин. — Но зато я не спортсмен.

— А может быть, попробуешь? — сказал Коля. — Вот прямо сейчас, вместе со мной, а?

— Я человек простой и простодушный, — ответил Панин. — Есть норма. Нормой считается пятикратная перегрузка. Мой простой, незамысловатый организм не выносит ничего, превышающего норму. Однажды он попробовал шестикратную, и его вынесли на седьмой минуте. Вместе со мной.

— Кого вынесли? — не понял Гриша.

— Мой организм, — пояснил Панин.

— Да, — сказал Гриша со слабой улыбкой. — А я вот еще не дошел и до пятикратной.

— На втором курсе и не надо пятикратной, — сказал Коля.

Он спрыгнул с подоконника и принялся приседать поочередно на левой и правой ноге.

— Ну, я пошел, — сказал Гриша и тоже спрыгнул с подоконника.

— Что случилось, староста? — спросил Панин. — Почему такая тоска?

— Кто-то устроил штуку с Копыловым, — печально сказал Гриша.

— Опять? — сказал Панин. — Какую штуку?

Второкурсник Валя Копылов был известен на факультете своей привязанностью к вычислительной технике. Недавно на факультете установили новый очень хороший волноводный вычислитель ЛИАНТО, и Валя проводил возле него все свободное время. Валя торчал бы возле него и ночью, но ночью на ЛИАНТО велись вычисления для дипломантов, и Валу выгоняли.

— Кто-то из наших запрограммировал любовное послание, — сказал Гриша. — Теперь ЛИАНТО на последнем цикле все время выдает: «Без Копылова жизнь не та, люблю, привет от Лианта». В простом буквенном коде.

— Привет от Лианта, — сказал Коля, массируя себе плечи. — Поэты. Задавить из жалости.

— Подумать только, — сказал Панин, — какой нынче малек пошел веселый!

— И остроумный, — сказал Ермаков.

— Что вы мне это говорите? — сказал Гриша Быстров. — Вы этим дуракам скажите. Действительно, «привет от Лианта». Сегодня ночью Чэнь делал расчет, и вместо ответа — раз! — «привет от Лианта». Теперь он меня вызывает.

Чэнь Кунь, «Железный Чэнь», был начальником Штурманского факультета.

— О! — сказал Панин. — Тебе предстоит интересные полчаса, староста. Чэнь-тунчжи очень живой собеседник.

— Чэнь-тунчжи большой эстет, — сказал Коля Ермаков. — Он не простит старосту, у которого курсанты двух строк связать не могут.

— Я человек простой, простодушный, — начал Панин, но в это время дверь приоткрылась и высунулась голова дежурного.

— Ермаков, Панин, приготовиться, — сказал дежурный.

Панин осекся, немного побледнел и одернул куртку.

— Пошли, — сказал он.

Ермаков кивнул Грише и пошел следом за Паниным в тренировочный зал. Зал был огромен, и посередине сверкало четырехметровое коромысло на толстой кубовой станине — Большая Центрифуга. Коромысло вращалось. Кабины на его концах, оттянутые центробежной силой, лежали почти горизонтально. Окошек в кабинах не было, и наблюдение за курсантами велось изнутри станины при помощи системы зеркал. Несколько курсантов отдыхали у стены на шведской скамейке. Задрав головы, они следили за проносящимися кабинами.

— Четырехкратная, — сказал Панин, глядя на кабины.

— Пятикратная, — сказал Ермаков. — Кто там сейчас?

— Нгуэн и Гургенидзе, — сказал дежурный. Он принес два костюма для перегрузок, помог Ермакову и Панину одеться и зашнуровал их.

В костюме для перегрузок человек похож на кокон шелкопряда.

— Ждите, — сказал дежурный и пошел к станине.

Раз в неделю каждый курсант крутился на центробежной установке, приучаясь к перегрузкам. Раз в неделю по часу все пять лет. Надо было сидеть, и терпеть, и слушать, как трещат кости, и чувствовать, как широкие ремни впиваются сквозь толстую ткань костюма в обрюзгшее тело, как обвисает лицо и как трудно мигать — как тяжелеют веки.

И при этом нужно решать какие-то малоинтересные задачки или составлять стандартные подпрограммы для вычислителя, и это было совсем нелегко, хотя и задачки, и подпрограммы были известны с первого курса. Некоторые курсанты выдерживали семикратные перегрузки, а другие не выдерживали даже тройных — они не могли справиться с черным выпадением зрения, и их переводили на факультет Дистанционного Управления. Это называлось «попасть к девочкам».

Коромысло стало вращаться медленнее, остановилось, и кабинки повисли вертикально. Из одной вылез худощавый смуглый Нгуэн Фу Дат и остановился, держась за раскрытую дверцу. Его покачивало. Из другой кабинки мешком вывалился Гургенидзе. Курсанты на шведской скамеечке вскочили на ноги, но дежурный уже помог ему подняться, и он сел, упираясь руками в пол.

— К девочкам, Лева! — громко сказал один из курсантов.

Все засмеялись. Только Панин не засмеялся.

— Ни черта, ребята, — сипло сказал Гургенидзе и встал. — Ни черта. — Он страшно зашевелил лицом, разминая затекшие мускулы щек. — Ни черта, — повторил он.

— Ох, и понесут же тебя сегодня, спортсмен! — сказал Панин негромко, но очень энергично.

Ермаков сделал вид, что не слышит. Если меня сегодня понесут, подумал он, все пропало. Не могут меня сегодня понести. Не должны.

— Полноват Лева, — сказал он. Полные плохо переносили перегрузки.

— Похудеет, — бодро сказал Панин. — Захочет, так похудеет.

Панин потерял шесть кило, прежде чем научился выдерживать пятикратные перегрузки, положенные по норме. Это было необыкновенно мучительно, но он очень не хотел «к девочкам». Он хотел быть штурманом.

В станине открылся люк, оттуда вылез инструктор в белом халате и отобрал у Нгуэна и Гургенидзе листки с записями.

— Ермаков и Панин готовы? — сказал он.

— Готовы, — сказал дежурный.

Инструктор бегло проглядел листки.

— Так, — сказал он. — Нгуэн и Гургенидзе свободны. У вас зачет.

— Ух, здорово! — сказал Гургенидзе. Он сразу стал лучше выглядеть. — У меня, значит, тоже зачет?

— У вас тоже, — сказал инструктор.

Гургенидзе вдруг звучно икнул. Все опять рассмеялись, даже Панин, и Гургенидзе очень смутился. И Нгуэн Фу Дат смеялся, распуская шнуровку костюма на поясе. Видимо, он чувствовал себя прекрасно.

Инструктор сказал:

— Панин и Ермаков, по кабинам.

— Виталий Ефремович, — сказал Ермаков.

— Ах, да, — сказал инструктор, и лицо его приняло озабоченное выражение. — Мне очень жаль, Коля, но врач запретил вам перегрузки выше нормы. Временно.

— Как так? — испуганно спросил Ермаков.

— Запретил категорически.

— Но ведь я уже освоился с семикратными, — сказал Ермаков.

— Мне очень жаль, Коля, — повторил инструктор.

— Это какая-то ошибка, — сказал Ермаков. — Этого не может быть.

Инструктор пожал плечами.

— Нельзя же так, — сказал Ермаков с отчаянием. — Я же выйду из формы. — Он оглянулся на Панина, Панин глядел в пол. Ермаков снова поглядел на инструктора. — У меня же все пропадет.

— Это только временно, — сказал инструктор.

— Сколько это — временно?

— До особого распоряжения. Месяца на два, не больше. Это бывает иногда. А пока будете тренироваться на пятикратных. Потом наверстаете.

— Да ничего, Коля, — басом сказал Панин. — Отдохни немного от своих многократных.

— Все же я попросил бы... — начал Ермаков отвратительным заискивающим голосом, каким не говорил никогда в жизни. Инструктор нахмурился.

— Мы теряем время, Ермаков, — сказал он. — Ступайте в кабину.

— Есть, — тихо сказал Ермаков и полез в кабину. Он уселся в кресло, пристегнулся широкими ремнями и стал ждать.

Перед креслом было зеркало, и Ермаков увидел в нем свое хмурое злое лицо. Лучше бы уж меня вынесли, подумал он. Теперь мышцы размякнут, и начинай все сначала. Когда я теперь доберусь до десятикратных? Или хотя бы до восьмикратных? Все они считают меня спортсменом, со злостью подумал он. И врач тоже. Может быть, рассказать ему? Он представил себе, как он рассказывает врачу, зачем ему все это нужно, а врач глядит на него веселыми выцветшими глазками и говорит: «Умеренность, Коля, умеренность...»

— Перестраховщик, — сказал Ермаков громко.

Он имел в виду врача, но тут же подумал, что Виталий Ефремович может услышать это через переговорную трубку и принять на свой счет.

— Ну и черт с ним, — сказал он громко. Кабину плавно качнуло. Тренировка началась.

Когда они вышли из тренировочного зала, Панин немедленно принялся массировать отеки под глазами. У него после Большой Центрифуги всегда появлялись отеки под глазами, как и у всех курсантов, склонных к полноте. Панин очень заботился о своей внешности. Он был красив и привык нравиться. Поэтому сразу после Большой Центрифуги он принимался за свои отеки под глазами.

— У тебя вот никогда не бывает этой пакости, — сказал он Ермакову.

— И слава аллаху, что не бывает, — сказал Ермаков.

— У тебя удачная конституция, спортсмен. Как у воблы.

— Шел бы ты... — сказал Ермаков.

— Тебе же сказано, что это только временно, чужак.

— Гальцеву тоже говорили, что это только временно, а потом перевели к девочкам.

— Ну что ж, — рассудительно сказал Панин, — значит, не судьба ему.

Ермаков стиснул зубы.

— Подумаешь, — сказал Панин, — запретили ему восьмикратные. Вот я, например, человек простой, простодушный...

Ермаков остановился.

— Слушай, ты, — сказал он. — Быков увел «Тахмасиб» от Юпитера только на двенадцатикратной перегрузке. Может быть, тебе это неизвестно?

— Ну, известно, — сказал Панин.

— А Юсупов погиб потому, что не выдержал восьмикратную. Это тебе тоже известно?

— Юсупов — штурман-испытатель, — сказал Панин, — и не нам чета. А Быков никогда в жизни, между прочим, на перегрузки не тренировался.

— Ты уверен? — ядовито спросил Ермаков.

— Ну, может быть, тренировался, но уж не до пупковой грыжи, как ты. Спортсмен...

— Борька, ты что, в самом деле считаешь, что я спортсмен? — сказал Ермаков.

Панин посмотрел на него озадаченно.

— Видишь ли, — сказал он, — я же не говорю, что это плохо... Это, конечно, вещь в Пространстве полезная...

— Ладно, — сказал Ермаков. — Пойдем в парк. Разомнемся.

Они пошли вдоль коридора. Панин, не переставая массировать мешочки под глазами, заглядывал в каждое окно.

— А девочки все играют, — сказал он. Он остановился у окна и вытянул шею. — Ага. Вон она!

— Кто? — спросил Ермаков.

— Не знаю, — сказал Панин.

— Не может быть, — сказал Ермаков.

— Нет, правда, я танцевал с ней позавчера в клубе. Но как ее зовут — не знаю.

Коля Ермаков тоже поглядел в окно.

— Вон видишь, — сказал Панин. — С перевязанной коленкой.

Ермаков увидел девушку с перевязанной коленкой.

— Вижу, — сказал он. — Пойдем.

— Очень хорошая девушка, — сказал Панин. — Очень. И умница.

— Пойдем, пойдем, — сказал Ермаков. Он взял Панина под локоть и потащил за собой.

— Да куда ты торопишься? — удивился Панин.

Они прошли мимо пустых аудиторий и заглянули в тренажную. Тренажная была обставлена, как штурманская рубка настоящего фотонного планетолета, только над пультом управления вместо видеозэкрана был вмонтирован большой белый куб стохастической машины. Это был датчик космогационных задач. При включении он подавал вводные на регистрирующие приборы пульта. Курсант должен был составить систему команд на управление, оптимально отвечавших условиям задачи.

Сейчас перед пультом толпилась целая куча явных мальков. Они переругивались, размахивая руками, и отпихивали друг друга. Потом вдруг стало тише, и было слышно, как сухо пощелкивают клавиши на пульте: кто-то набирал команду. В томительной тишине загудел вычислитель, и над пультом загорелась красная лампа — сигнал неверного решения. Мальки взревели. Кого-то стащили с кресла и выпихнули прочь. Он был взъерошен и громко кричал:

— Я же говорил!

— Почему ты такой потный? — презрительно спросил его Панин.

— Это я от злости, — сказал малек. Вычислитель снова загудел, и снова над пультом загорелась красная лампа. — Я же говорил! — завопил малек.

— А ну-ка, — сказал Панин и плечом вперед пошел через толпу.

Мальки притихли. Ермаков увидел, как Панин нагнулся над пультом, потом быстро и уверенно затрещали клавиши, вычислитель зажужжал, и — дзанг! — над пультом загорелась зеленая лампа. Мальки застонали.

— Ну, так это Панин, — сказал кто-то.

— Это же Панин, — с упреком сказал Ермакову потный малек.

— Спокойной плазмы, — сказал Панин, выбираясь из толпы. — Валяйте дальше. Пойдем, Коля.

Затем они заглянули в вычислительную. Там шли занятия, а возле изящного серого корпуса ЛИАНТО сидели на корточках трое операторов и копались в схеме. Тут же сидел на корточках печальный староста второго курса Гриша Быстров.

— Привет от Лианта, — сказал Панин. — Быстров, оказывается, еще жив. Странно.

Он посмотрел на Ермакова и хлопнул его ладонью по спине. По коридору пронеслось трескучее эхо.

— Перестань молчать, — сказал Панин.

— Не надо, Борька, — сказал Ермаков.

Они спустились по лестнице, миновали вестибюль с большим бронзовым бюстом Циолковского и вышли в парк. У подъезда какой-то второкурсник поливал из шланга цветы на газонах. Проходя мимо него, Панин с неумеренной жестикуляцией

продекламировал: «Без Копылова жизнь не та, люблю, привет от Лианта». Второкурсник смущенно заулыбался и поглядел на окна второго этажа.

Они пошли по узкой аллее, обсаженной кустами черемухи. Панин начал было громко петь, но из-за поворота навстречу вышла группа девушек в трусах и майках. Они возвращались с волейбольной площадки. Впереди с мячом под мышкой шла Катя. Этого только не хватало, подумал Ермаков. Сейчас она уставится на меня круглыми глазами. И начнет говорить взглядом. Он даже остановился на секунду. Ему ужасно захотелось перепрыгнуть через кусты черемухи и залезть куда-нибудь подальше. Он покосился на Панина. Панин приятно улыбнулся, расправил плечи и сказал бархатно: «Здравствуйте, девушки!» Факультет Дистанционного Управления удостоил его белозубыми улыбками. Катя смотрела только на Ермакова. О господи, подумал Ермаков и сказал:

— Здравствуй, Катя.

— Здравствуй, Коля, — сказала Катя, опустила голову и прошла.

Панин остановился.

— Ну что ты стоишь? — сказал Ермаков.

— Это она, — сказал Панин.

Ермаков оглянулся. Катя стояла, поправляя растрепавшиеся волосы, и глядела на него. Ее правое колено было перевязано пыльным бинтом. Несколько секунд они глядели друг на друга, глаза у Кати стали совсем круглые. Ермаков закусил губу, отвернулся и пошел, не дожидаясь Панина. Панин догнал его.

— Какие красивые глаза! — сказал он.

— Круглые, — сказал Ермаков.

— Сам ты круглый, — сказал Панин сердито. — Она очень, очень славная девушка. Подожди, — сказал он, — откуда она тебя знает?

Ермаков не ответил, и Панин замолчал.

В центре парка была обширная лужайка, поросшая густой мягкой травой. Здесь обыкновенно зубрили перед теоретическими экзаменами, отдыхали после тренировок на перегрузки, а летними вечерами иногда приходили сюда целоваться. Сейчас здесь расположился пятый курс Штурманского факультета. Больше всего народу было под белым тентом, где играли в четырехмерные шахматы. Эту высокоинтеллектуальную игру, в которой доска и фигуры имели четыре пространственных измерения и существовали только в воображении игроков, принес несколько лет назад в Школу Жилин, тот самый, который работал сейчас бортинженером на трансмарсианском рейсовике «Тахмасиб». Старшекурсники очень любили эту игру, но играть в нее мог далеко не каждый. Зато болельщиком мог стать всякий, кому не лень. Орали болельщики на весь парк.

— Надо было ходить: пешка на е-один-дельта-аш...

— Тогда летит четвертый конь.

— Пусть летит. Пешки выходят в пространство слонов...

— Какое пространство слонов? Где ты взял пространство слонов?! Ты же девятый ход неверно записал!

— Слушайте, ребята, уведите Сашку и привяжите его к дереву!

Кто-то, должно быть один из игроков, возмущенно завопил:

— Да тише вы! Мешаете ведь!

— Пойдем, посмотрим, — сказал Панин. Он был большим любителем четырехмерных шахмат.

— Не хочу, — сказал Ермаков. Он перешагнул через Гургенидзе, который лежал на Малышеве, завернув ему руку до самого затылка. Малышев еще барахтался, но все было ясно. Ермаков отошел от них на несколько шагов и повалился в траву, потягиваясь всем телом. Было немного больно напрягать мускулы после перегрузок, но это было очень полезно, и Ермаков сделал мостик, потом стойку, потом еще раз мостик и, наконец, улегся на спину и стал глядеть в небо. Панин уселся рядом и стал слушать вопли болельщиков, покусывая травинку.

Может быть, пойти к Чэню? — подумал Коля. — Прийти к нему и сказать: «Чэнь-тунчжи, что вы думаете о межзвездных перелетах?» Нет, не так. «Чэнь-тунчжи, я хочу завоевать Вселенную». Фу ты, чепуха какая! Коля перевернулся на живот и подпер кулаками подбородок.

Гургенидзе и Малышев уже кончили бороться и подсели к Панину. Малышев отдышался и спросил:

— Что вчера было по ЭсВэ¹?

— «Синие поля», — сказал Панин. — Транслировали из Аргентины.

— Ну и как? — спросил Гургенидзе.

— Могли бы и не транслировать, — сказал Панин.

— А, — сказал Малышев, — это где он все время роняет холодильник?

— Пылесос, — поправил Панин.

— Тогда я видел, — сказал Малышев. — Нет, почему же, фильм неплохой. Музыка хорошая. И гамма запахов хороша. Помнишь, когда они у моря!

— Может быть, — сказал Панин. — Только у меня смелфидер испорчен. Все время разит копченой рыбой. Это было особенно здорово, когда она там заходит в цветочный магазин и нюхает розы.

— Вах! — сказал Гургенидзе. — Почему ты не починешь, Борька?

Малышев задумчиво сказал:

— Было бы здорово разработать для кино методы передачи осязательных ощущений. Представляешь, Борька, на экране кто-то кого-то целует, а ты испытываешь удар по морде...

— Представляю, — сказал Панин. — У меня уже так было однажды. Без всякого кино.

...А потом бы я подобрал ребят, думал Коля. Для этого дела уже сейчас можно подобрать подходящих ребят. Ван Дэмин, Мамедов, Валька Петров, Сережка Завьялов с Инженерного. Витька Брюшков с третьего курса переносит двенадцатикратные перегрузки. Ему даже тренироваться не надо, у него какое-то там особенное среднее ухо. Но он малек и еще ничего не понимает. Коля вспомнил, как Брюшков, когда Панин спросил его, зачем это ему нужно, важно надулся и сказал: «А ты попробуй, как я». Малек, совершенно несъедобный сырой малек. Да в общем-то все они спортсмены — и мальки и выпускники. Вот разве Валя Петров...

Коля снова перевернулся на спину. Валя Петров. «Труды Академии Неклассических Механик», том седьмой. Ну, Валька Петров спит и ест с этой книгой. Но ведь и другие ее читают. Черт, ее ведь постоянно читают! В библиотеке три экземпляра, и все замусолены, и не всегда их возьмешь. Значит, я не один? Значит, их тоже интересует «Поведение пи-мезонов в ускорителях» и они тоже делают выводы? Поймать Вальку Петрова, подумал Коля, и поговорить...

— Ну что ты на меня уставился? — сказал Панин. — Ребята, что он на меня уставился? Мне страшно!

Коля Ермаков заметил, что стоит на четвереньках и смотрит прямо в лицо Панина.

— Вах! — сказал Гургенидзе. — Какой ракурс! Я буду лепить с тебя «Задумчивость».

Коля встал и оглядел лужайку. Петрова не было видно. Коля лег и прижался щекой к траве.

— Николай, — позвал Малышев. — А как ты все это прокомментируешь?

— Что? — спросил Коля в траву.

— Национализацию «Юнайтэд Рокэт Констракшн».

¹ СВ — стереовизор, телевизор со стереозэкраном.

— «Данную акцию мистера Моргана одобряю. Жду следующих том же духе. Ермаков», — сказал Коля. — Телеграмму послать наложенным платежом, валютой через Советский Госбанк.

В «Юнайтэд Рокэт» хорошие инженеры. У нас тоже хорошие инженеры. Самое время сейчас им всем объединиться и строить прямоточники. Все дело сейчас за инженерами, а уж мы свое дело сделаем. Мы готовы. Коля представил себе эскадры исполинских звездных кораблей на старте, а потом в Пространстве, у самого светового барьера, на десятикратных, на двадцатикратных перегрузках, пожирающих рассеянную материю, тонны межзвездной пыли и газа... Огромные ускорения, мощные поля искусственной гравитации... Специальная теория относительности уже не годится, она встает на голову. Десятки лет проходят в звездолете, и только месяцы на Земле. И пускай нет теории, зато есть пи-мезоны в суперускорителях, пи-мезоны, ускоренные на возлесветовых скоростях, пи-мезоны, которые стареют в десять, в сто раз быстрее, чем им положено по классической теории... Обойти всю видимую Вселенную за десять-пятнадцать локальных лет и вернуться на Землю спустя год после старта... Преодолеть Пространство, разорвать цепи Времени, подарить своему поколению Чужие Миры!

Вот только скотина врач запретил перегрузки на неопределенный срок, черт бы его подрал!..

— Вон он лежит, — сказал Панин. — Только он в депрессии.

— Он очень огорчен, — сказал Гургенидзе.

— Ему не разрешили тренироваться, — объяснил Панин.

Коля поднял голову и увидел, что к ним подошла Таня Горбунова со второго курса факультета Дистанционного Управления.

— Ты правда в депрессии, Коля? — спросила она.

— Да, — сказал Ермаков. Он вспомнил, что Таня — Катина подруга, и ему стало совсем нехорошо.

— Садись с нами, Танечка, — сказал Малышев.

— Нет, — сказала Таня. — Мне надо с Колей поговорить.

— А, — сказал Малышев.

Гургенидзе закричал:

— Ребята, пойдем разнимать болельщиков!

Они поднялись и ушли, а Таня села рядом с Ермаковым. Она была худенькая, с веселыми глазами, и было просто удивительно приятно смотреть на нее, хотя она и была Катинной подругой.

— Ты почему сердишься на Катю? — спросила она.

— Я не сержусь, — угрюмо сказал Ермаков.

— Не ври, — сказала Таня. — Сердишься.

Ермаков помотал головой и стал смотреть в сторону.

— Значит, не любишь, — сказала Таня.

— Слушай, Танюшка, — сказал Ермаков, — ты любишь своего Малышева?

— Люблю.

— Ну вот. Вы поссорились, а я начинаю вас мирить.

— Значит, вы поссорились? — сказала Таня.

Ермаков промолчал.

— Понимаешь, Николай, если мы с Мишкой поссоримся, то мы обязательно помиримся. А ты...

— А мы не помиримся, — сказал Ермаков.

— Значит, вы все-таки поссорились.

— Мы не помиримся, — раздельно сказал Ермаков и поглядел прямо в Танины веселые глаза.

— А Катя и не знает, что вы поссорились. Она ничего не понимает, и мне ее просто жалко.

— Ну, а мне-то что делать, Таня? — сказал Ермаков. — Ты-то хоть меня пойми. Ведь у тебя тоже так случилось, наверное.

— Случилось однажды, — согласилась Таня. — Только я сразу ему сказала.

— Ну вот видишь! — сказал Коля обрадованно. — А он что?

Таня пожала плечами.

— Не знаю, — сказала она. — Знаю только, что он не умер.

Она поднялась, отряхнула юбку и спросила:

— Тебе действительно запретили перегрузки?

— Запретили, — сказал Ермаков, вставая. — Тебе хорошо, ты девушка, а вот как я скажу?

— Лучше сказать. И прошу тебя, не проговорись об этом нашем разговоре. Она на меня будет сердиться, а я ее очень люблю.

Она повернулась и пошла к любителям четырехмерных шахмат, где Мишка Малышев что-то орал про безмозглых кретинов. Ермаков сказал вдогонку:

— Танюшка... — Она остановилась и обернулась. — Я не знаю, может быть, это все пройдет. У меня голова сейчас совсем не тем забита.

Он знал, что это не пройдет. И он знал, что Таня это понимает. Таня улыбнулась и кивнула.

После всего, что случилось, есть Ермакову совсем не хотелось. Он нехотя обмакивал сухарики в крепкий сладкий чай и слушал, как Панин, Малышев и Гургенидзе обсуждают свое меню. Они были большими поклонниками китайской кухни и считали, что китайский «чай» является вершиной гастрономических устремлений человечества.

— Салат из медуз с креветками, — говорил Панин. — Салат с вермишелью из гороха «маш»...

— Жаркое «сы-бао»! — воскликнул Гургенидзе и громко глотнул.

— Не надо «сы-бао»! — сказал Малышев. — За обедом «сы-бао», за ужином «сы-бао»... Каракатицу! С ростками бамбука!

— А хороша ли сегодня каракатица? — вдумчиво спросил Панин.

— А вот мы и посмотрим, — сказал Малышев.

— Вах! — сказал Гургенидзе. — Давайте скорее. И бульон тоже.

Они заставили весь стол пиалами и соусниками и схватились за палочки. На несколько минут за столом воцарилось молчание. Стало слышно, как за соседним столиком кто-то утверждал:

— Писать, как Хемингуэй, сейчас уже нельзя. Писать надо кратко и давать максимум информации. У Хемингуэя нет четкости...

— И хорошо, что нет! Четкость — в политехнической энциклопедии...

— В энциклопедии? А ты возьми Строгова, «Дорога дорог». Читал?

— Четкость, четкость, — сказал какой-то бас. — Говоришь, сам не знаешь что...

Панин отложил палочки, поглядел на Малышева и сказал:

— А теперь расскажи про китовые внутренности.

До Школы Малышев работал на китобойном комбинате в Циндао.

— Погоди, погоди, — сказал Гургенидзе.

— Я вам лучше расскажу, как ловят каракатиц на Мяоледао, — предложил Малышев.

— Перестаньте, — раздраженно сказал Ермаков.

Все посмотрели на него и замолчали. Потом Панин сказал:

— Ну нельзя же так, Коля. Ну возьми себя в руки.

Гургенидзе встал и сказал:

— Вах! Значит, пора выпить.

Он пошел к буфету, вернулся с графином томатного сока и возбужденно сообщил:

— Ребята, Фу Дат говорит, что семнадцатого Ляхов уходит в Первую Межзвездную!

Ермаков сразу поднял голову.

— Точно?

— Семнадцатого, — повторил Гургенидзе. — На «Молнии».

Фотонный корабль «Хиус-Молния» был первым в мире пилотируемым прямоточником. Его строили два года, и уже три года его испытывали лучшие межпланетники.

Вот оно, началось! — подумал Ермаков и спросил:

— Дистанция неизвестна?

— Фу Дат говорит, полтора световых месяца.

— Товарищи межпланетники, — сказал Малышев. — По этому поводу надо выпить. — Он торжественно разлил томатный сок по стаканам. — Поднимем.

— Не забудь посолить, — сказал Панин.

Все четверо чокнулись и выпили. Началось, началось, думал Ермаков.

— А я видел «Хиус-Молнию», — сказал Малышев. — В прошлом году, когда стажировался на «Звездочке». Какая громадина!

— Диаметр зеркала — семьсот метров, — сказал Гургенидзе. — Не так уж много. Зато раствор собирателя — вах! — шесть километров. А длина от кромки до кромки — почти восемь километров.

«Масса — тысяча шестнадцать тонн, — машинально вспомнил Коля. — Средняя тяга — восемнадцать мегагенгеров, рейсовая скорость — восемьдесят мегаметров в секунду, расчетный максимум перегрузки — шесть «же»... Мало... Расчетный максимум захвата — пятнадцать вар... Мало, мало...»

— Штурманы, — мечтательно сказал Малышев, — а ведь это наш корабль. Многие из нас будут летать на таких.

— Оверсаном Земля — Плутон! — сказал Гургенидзе.

Кто-то в другом конце зала крикнул звонким тенором:

— Товарищи! Слыхали? Семнадцатого «Молния» уходит в Первую Межзвездную!

Зал зашумел. Из-за соседнего столика встали трое с Командирского факультета и торопливо пошли на голос.

— Асы пошли на пеленг, — сказал Малышев, провожая их глазами.

— Я человек простой, простодушный, — сказал вдруг Панин, наливая в стакан томатный сок. — И вот чего я все-таки не могу понять. Ну к чему нам звезды?

— Что значит к чему? — удивился Гургенидзе.

— Ну, Луна — это стартовая площадка и обсерватория. Венера — это актиниды. Марс — фиолетовая капуста, генерация атмосферы, колонизация. Прелестно. А звезды?

— То есть, — сказал Малышев, — тебе непонятно, зачем Ляхов уходит в Межзвездную?

— Урод, — сказал Гургенидзе. — Жертва мутаций.

— Вот послушайте, — сказал Панин. — Я давно уже думаю об этом. Вот мы — звездолетчики, и мы уходим к УВ Кита. Два парсека с половиной.

— Два и четыре десятых, — сказал Ермаков, глядя в стакан.

— Летим, — продолжал Панин. — Долго летим. Пусть там даже есть планеты. Высаживаемся, исследуем, трали-вали семь пружин, как говорит мой дед.

— Умный дед, — вставил Гургенидзе.

— Потом мы долго летим назад. Мы старые и заочневшие, и все перессорились. Во всяком случае, Колька ни с кем не разговаривает. И нам уже под шестьдесят. А на Земле тем временем, спасибо Эйнштейну, прошло сто пятьдесят лет. Нас встречают какие-то очень молодежавые граждане. Сначала все очень хорошо: музыка, цветочки и жаркое «сы-бао». Но потом я хочу поехать в мою Вологду. И тут оказывается, что там не живут. Там, видите ли, музей.

— Город-музей Бориса Панина, — сказал Малышев. — Сплошные мемориальные доски.

— Да, — продолжал Панин. — Сплошные. В общем жить в Вологде нельзя, зато — вам нравится это «зато»? — там сооружен памятник. Памятник мне. Я смотрю на самого себя и осведомляюсь, почему у меня рога. Ответа я не понимаю. Ясно только, что это не рога. Мне объясняют, что полтора года назад я носил такой шлем. «Нет, — говорю я, — не было у меня такого шлема». — «Ах, как интересно, — говорит смотритель города-музея и начинает записывать. — Это, — говорит он, — надо немедленно сообщить в Центральное бюро Вечной Памяти». При словах «Вечная Память» у меня возникают нехорошие ассоциации. Но объяснить это смотрителю я не в состоянии.

— Понесло, — сказал Малышев. — Ближе к делу.

— В общем я начинаю понимать, что попал опять-таки в чужой мир. Мы докладываем результаты нашего перелета, но их встречают как-то странно холодно. Эти результаты, видите ли, представляют узкоисторический интерес. Все это уже известно лет пятьдесят, потому что на УВ Кита — мы, кажется, туда летали? — люди побывали после нас уже двадцать раз. И вообще построили там три искусственные планеты размером с Землю. Они делают такие перелеты за два месяца, потому что, видите ли, обнаружили некое свойство пространства-времени, которого мы не понимаем и которое они называют, скажем, тирьямпампацией. В заключение нам показывают фильм «Новости дня», посвященный водружению нашего корабля в Археологический музей. Мы смотрим, слушаем...

— Как тебя несет! — сказал Малышев.

— Я человек простодушный, — угрожающе сказал Панин. — У меня фантазия разыгралась...

— Ты нехорошо говоришь, — сказал Ермаков тихо.

Панин сразу посерьезнел.

— Так, — сказал он тоже тихо. — Тогда скажи, в чем я не прав. Тогда скажи все-таки, зачем нам звезды.

— Пойдите, — сказал Малышев. — Здесь два вопроса. Первый — какая польза от звезд.

— Да, какая? — спросил Панин.

— Второй вопрос: если польза даже есть, можно ли принести ее своему поколению? Так, Борька?

— Так, — сказал Панин. Он больше не улыбался и смотрел в упор на Ермакова. Ермаков молчал.

— Отвечаю на первый вопрос, — сказал Малышев. — Вот ты, Борис, хочешь знать, что делается в системе УВ Кита?

— Ну, хочу, — сказал Панин. — Мало ли что я хочу.

— А я очень хочу. И если буду хотеть всю жизнь и если буду стараться узнать, то перед кончиной своей, надеюсь безвременной, возблагодарю бога, которого нет, что он создал звезды и тем самым наполнил мою жизнь.

— Вах! — сказал Гургенидзе. — Как красиво!

— Понимаешь, Борис, — сказал Малышев, — Че-ло-век!

— Ну и что? — спросил Панин, багровея.

— Все, — сказал Малышев. — Сначала он говорит: «Хочу есть». Тогда он еще не человек. А потом он говорит: «Хочу знать». Вот тогда он уже Человек. Ты чувствуешь, который из них с большой буквы?

— Этот ваш Че-ло-век, — сердито сказал Панин, — еще не знает толком, что у него под ногами, а уже замахивается на звезды.

— На то он и Че-ло-век, — ответил Малышев. — Он таков. Смотри, Борис, не лезь против законов природы. Это от нас не зависит. Есть закон: стремление познавать, чтобы жить, неминуемо превращается в стремление жить, чтобы познавать. Неминуемо! Познавать ли звезды, познавать ли детские души в школе-интернате.

— Хорошо, — сказал Панин. — Пойду в учителя. Детские души я буду познавать для всех. А вот для кого ты будешь познавать звезды?

— Это второй вопрос, — неторопливо начал Малышев.

Но тут Гургенидзе вскочил и закричал, сверкая белками:

— Ты хочешь сидеть и ждать, пока изобретут твою тирьямпампацию? Сиди и жди! Я не хочу ждать! Я полечу к звездам! Это мое право!

— Вах, — сказал Панин. — Потухни, Лева.

— Да ты не бойся, Боря, — сказал Ермаков, не поднимая глаз. — Тебя не пошлют в звездную.

— Почему это? — осведомился Панин.

— А кому ты нужен? — закричал Гургенидзе. — Сиди на лунной трассе!

— Пожалуют твою молодость, — сказал Ермаков. — А для кого мы будем познавать звезды... Для себя, для всех. Для тебя тоже. А ты познавать не будешь. Ты будешь узнавать. Из газет. Ты ведь ужасно боишься перегрузок.

— Ну-ну, ребята, — встревоженно сказал Малышев. — Спор чисто теоретический.

Но Коля чувствовал, что еще немного, и он начнет болтать лишнее. Что он наговорит грубостей и начнет доказывать, что он не спортсмен. Он встал и быстро пошел из кафе.

— Получил? — сказал Гургенидзе Панину.

— Ну, — сказал Панин, — чтобы в такой обстановке остаться Че-ло-ве-ком, надо озвереть.

Он схватил Гургенидзе за шею и согнул его пополам. В кафе уже никого не было, только у стойки чокались томатным соком трое асов с Командирского факультета. Они пили за Ляхова.

Коля Ермаков пошел прямо к видеофону. Сначала надо все привести в порядок, думал он. Сначала Катя. Ах, как некрасиво все получилось. Бедная Катя. Собственно, и я тоже бедный.

Он снял трубку и остановился, вспоминая номер Катиной комнаты. И вдруг набрал номер комнаты Вали Петрова. Он до последней секунды думал о том, что надо немедленно поговорить с Катей, и потому некоторое время молчал, глядя на тощее лицо Петрова, появившееся на экране. Петров тоже молчал, удивленно вздернув реденькие брови. Коля сказал:

— Ты не занят?

— Сейчас не особенно, — сказал Валя.

— Есть разговор. Я приду к тебе сейчас.

— Тебе нужен седьмой том? — сказал Валя, прищурясь. — Приходи. Я позову еще кое-кого. Может быть, пригласить Чэня?

— Нет, — сказал Ермаков. — Чэня еще рано. Сначала сами.

«Полдень, XXII век». Первый книжный вариант

Книга «Возвращение (Полдень, 22-й век)» вышла в 1962 году в Детгизе, была переиздана там же в следующем году и больше в таком виде не печаталась никогда. С 1967 года и по сей день во всех изданиях «Полдень, XXII век» публикуется только во второй, значительно измененной редакции.

Решение составителей представить в настоящем Собрании не только варианты отдельных фрагментов повести, но также и полную первую авторскую редакцию диктуется не только библиографической редкостью книги (хотя о подобном переиздании мечтали многие читатели Стругацких). Это также и ценное подспорье для всякого заинтересованного исследователя, позволяющее лучше увидеть, сколь велики и интересны были изменения в форме и содержании «Полдня...», сделанные при подготовке окончательного варианта.

Возвращение (Полдень, 22-й век)

Глава первая. Двое с «Таймыра»

Перестарок

Когда помощник вернулся, диспетчер по-прежнему стоял перед экраном, нагнув голову, засунув руки в карманы чуть ли не по локоть. В глубине экрана, расчерченного координатной сеткой, медленно ползла яркая белая точка.

— Где он сейчас? — спросил помощник.

Диспетчер не обернулся.

— Прошел над Мадагаскаром, — сказал он сквозь зубы. — Девять мегаметров.

— Девять мегаметров... — повторил помощник. — А скорость?

— Почти круговая... — Диспетчер обернулся. — Ну что ты мнешься! Ну, что там еще?

— Ты, пожалуйста, успокойся, — сказал помощник. — Что уж тут сделаешь... Он задел Главное Зеркало.

Диспетчер шумно выдохнул воздух и, не вынимая рук из карманов, присел на ручку кресла.

— Мер-завец! — пробормотал он.

— Ну зачем же так... — сказал помощник неуверенно. — Что-нибудь случилось...
Неисправное управление...

Они помолчали. Белая точка ползла и ползла, пересекая экран наискосок.

Диспетчер сказал:

— Как он смел входить в зону станций с неисправным управлением? Это же подло...
И почему он не дает позывные?

— Он подает что-то...

— Это не позывные. Это абракадабра.

— Это все-таки позывные, — тихо сказал помощник. — Все-таки вполне определенная частота...

— «Частота, частота»!.. — сказал диспетчер сквозь зубы.

Помощник нагнулся к экрану, близоруко вглядываясь в цифры координатной сетки. Потом поглядел на часы и сказал:

— Сейчас он пройдет станцию Гамма. Посмотрим, кто это.

Диспетчер угрюмо молчал. Что можно сделать еще, думал он. Все сделано. Прекращены все полеты. Запрещены все финиши. Объявлена тревога на всех возлезаемых станциях. Турнен готовит аварийные роботы...

Диспетчер нашарил на груди микрофон и сказал:

— Турнен, что роботы?

Турнен не спеша отозвался:

— Я рассчитываю выпустить роботов через пять-шесть минут. Когда они отстартуют, я вам дополнительно сообщу.

— Турнен, — сказал диспетчер, — я тебя прошу, не копайся, пожалуйста. Поторопись.

— Я никогда не копаюсь, — ответил Турнен с достоинством. — Но и торопиться напрасно не следует. Я не задержу старт ни на одну лишнюю секунду.

— Пожалуйста, Турнен, — сказал диспетчер. — Пожалуйста!

— Станция Гамма, — сказал помощник. — Даю максимальное увеличение...

Экран мигнул, координатная сетка исчезла. В черной пустоте возникла странная конструкция, похожая на перекошенную садовую беседку с нелепо массивными колоннами. Диспетчер протяжно свистнул и вскочил. Этого он ожидал меньше всего.

— Ядерная ракета! — воскликнул он с изумлением. — Двадцатый век...

— Да-да, — нерешительно проговорил помощник. — Действительно... Я такое где-то видел...

Диковинная конструкция с торчащими из-под купола пятью толстыми трубами-колоннами медленно поворачивалась. Под куполом дрожало лиловое сияние — колонны казались черными на его фоне. Диспетчер медленно опустил на подлокотник кресла. Конечно, это была старинная ядерная ракета. Точнее, ядерный планетолет. Фотонный привод, двуслойный параболический отражатель из мезовещества, водородные двигатели. Полтора столетия назад было много таких планетолетов. Их строили для освоения планет. Солидные, неторопливые машины с пятикратным запасом прочности. «Они долго и хорошо служили, — подумал диспетчер, — но последние из них были демонтированы еще до моего рождения...»

— Действительно... — бормотал помощник. — Изумительно... Как в кино... Оранжереи! — закричал он.

Через экран слева направо быстро прошла широкая серая тень.

— Оранжереи, — прошептал помощник.

Диспетчер зажмурился. «Тысяча тонн, — подумал он. — Тысяча тонн — и такая скорость... И хрупкие конструкции взеземных плантаций... Боже мой, боже мой, где же роботы!...»

Помощник сказал хрипло:

— Прошел. Неужели прошел?.. Прошел!

Диспетчер открыл глаза.

— Где роботы? — заорал он.

У стены на пульте селектора вспыхнула зеленая лампочка, и спокойный, мужественный голос произнес:

— Говорит звездолет «Арго». Капитан Келлог вызывает Главную Диспетчерскую. Прошу финиша на базе Пи-Экс Семнадцать...

Диспетчер, наливаясь краской, открыл было рот, но не успел. В зале телепроектора загремело сразу несколько голосов:

— Назад!..

— «Арго», финиш воспрещен!..

— Капитан Келлог, назад!..

— Главная Диспетчерская капитану Келлогу. Немедленно выйти на любую орбиту четвертой зоны. Не финишировать. Не приближаться. Ждать.

— Слушаюсь, — растерянно отозвался капитан Келлог. — Выйти в четвертую зону и ждать.

Диспетчер, спохватившись, закрыл рот. Было слышно, как в селекторе женский голос убеждал кого-то: «Объясните же ему, в чем дело... Объясните же...» Затем зеленая лампочка на пульте селектора потухла, и все смолкло.

Изображение на экране померкло. Снова появилась координатная сетка, и снова в глубине экрана поползла яркая мерцающая искра.

Раздался голос Турнена:

— Аварийный дежурный диспетчеру. Могу сообщить, что роботы уже стартовали.

В ту же секунду в правом нижнем углу экрана появились еще две светлые точки. Диспетчер нервно-зябко потер ладони.

— Спасибо, Турнен, — пробормотал он.

Две светлые точки — аварийные роботы — ползли по экрану. Расстояние между ними и ядерным перестарком постепенно уменьшалось.

Диспетчер смотрел на ползущую между четкими линиями сетки мерцающую точку и думал, что странный планетолет вот-вот войдет во вторую зону, где густо расположены космические ангары и заправочные станции; что на одной из этих станций работает дочь; что зеркало Главного рефлектора взеземной обсерватории разбито; что этот корабль движется словно вслепую и сигналов он то ли не слышит, то ли не понимает; что каждую

секунду он рискует погибнуть, врезавшись в одну из многочисленных тяжелых конструкций или попав в стартовую зону Д-космолетов. Он думал, что остановить слепое и бессмысленное движение этого корабля будет очень трудно, потому что он дико и беспорядочно меняет скорость и роботы могут протаранить его, хотя роботами управляет, наверное, сам Турнен...

— Станция Дельта, — сказал помощник. — Даю максимальное увеличение.

Снова на черном экране появилось изображение неуклюжей громады ядерного планетолета. Вспышки плазмы под его куполом стали неровными, неритмичными, и казалось, что это огромное чудовище судорожно перебирает черными толстыми ногами. Рядом возникли смутные очертания аварийных роботов. Они приближались осторожно, отскакивая при каждом рывке ядерной ракеты.

Диспетчер и помощник глядели во все глаза. Диспетчер, вытянув шею до отказа, шептал:

— Ну, Турнен... Ну... Ну, голубчик... Ну...

Роботы задвигались быстро и уверенно. Цепкие титановые щупальца с двух сторон протянулись к ядерной ракете и вцепились в растопыренные столбы-колонны. Одно из щупалец промахнулось, попало под купол и разлетелось в пыль под ударом плазмы. («Ай!» — шепотом сказал помощник.) Откуда-то сверху свалился третий робот и вцепился в купол растопыренными блестящими манипуляторами. Ядерная ракета медленно пошла вниз. Мерцающее сияние под ее куполом вдруг погасло.

— Ф-фу... — пробормотал диспетчер и вытер лицо рукавом халата.

Помощник нервно засмеялся.

— Как кальмары — кита, — сказал он (когда-то он работал в Океанской охране). — И куда же его теперь?

Диспетчер спросил в микрофон:

— Турнен, куда ты его ведешь?

— Я веду его на наш ракетодром, — сказал Турнен не спеша. Чувствовалось, что он слегка задыхается. Диспетчер вдруг ясно представил себе его круглое, лоснящееся от пота лицо, освещенное экраном.

— Спасибо, Турнен, — сказал он с нежностью. Он повернулся к помощнику. — Дай отбой тревоги. Выправь график, и пусть возобновляют работу.

— А ты? — жалобно спросил помощник.

— Я лечу туда.

Помощнику тоже хотелось туда, но он только сказал:

— Интересно, из Музея космогации ничего не пропало? — Дело близилось к более или менее благополучному концу, и он был теперь настроен довольно благодушно. — Ну и вахта! — сказал он. — У меня до сих пор поджилки трясутся...

Диспетчер пощелкал клавишами, и на экране открылась холмистая равнина. Ветер гнал по небу белые рваные облака, рябил темные лужицы между кочками, поросшими чахлой растительностью. В маленьком озерце барахтались утки. Давно здесь не опускались звездолеты, подумал помощник. Ракетодром был почти заброшен с тех пор, как звездоплавание перешло на Д-технику. Д-корабли стартовали только в Пространстве.

— Кто же это все-таки? — сказал диспетчер сквозь зубы.

— Скоро узнаешь, — с завистью ответил помощник.

Утки неожиданно поднялись и редкой стайкой помчались прочь, изо всех сил размахивая крыльями. Облака закрутились воронкой, смерч воды и пара поднялся из центра равнины. Исчезли холмы, исчезло озерцо, понеслись в облаках бешеного тумана вырванные с корнем чахлые кустики. Что-то огромное и темное мелькнуло на мгновение в клубящейся мгле, что-то вспыхнуло алым заревом, и видно было, как холм на переднем плане задрожал, вспучился и медленно перевернулся, как слой дерна под лемехом мощного плуга.

— Ай-яй-яй! — проговорил помощник, не сводя глаз с экрана.

Но он уже не видел ничего, кроме быстро проплывающих белых и серых облаков пара.

Когда вертолет опустился в сотне метров от края исполинской воронки, пар уже успел рассеяться. В центре воронки лежал на боку ядерный корабль, толстые тумбы реакторных колец его непривычно глупо и беспомощно торчали в воздухе. Рядом лежали, зарывшись наполовину в горячую жидкую грязь, вороненные туши аварийных роботов. Один из них медленно втягивал под панцирь свои механические лапы. Над воронкой дрожал горячий воздух.

— Нехорошо! — пробормотал кто-то, пока они выбирались из вертолета.

Над головами мягко прошуршали винты — еще несколько вертолетов пронеслись в воздухе и сели неподалеку.

— Пошли, — сказал диспетчер, и все потянулись за ним.

Они спустились в воронку. Ноги по щиколотку уходили в горячую скользкую жижу. Они не сразу увидели человека, а когда увидели, то разом остановились.

Он лежал ничком, раскинув руки, уткнув лицо в мокрую разрыхленную горячую землю, прижимаясь к ней всем телом и дрожа, как от сильного холода. На нем был странный костюм, измятый, словно изжеванный, непривычного вида и расцветки, и сам человек был рыжий, ярко-рыжий, и он не слышал их шагов. А когда к нему подбежали, он поднял голову, и все увидели его лицо, бело-голубое и грязное, пересеченное через губы багровым шрамом. Кажется, этот человек плакал, потому что его синие запавшие глаза блестели, и в этих глазах была сумасшедшая радость и страдание. Его подняли, подхватив под руки, и тогда он заговорил.

— Доктора, — сказал он глухо и невнятно: ему мешал шрам, пересекающий губы.

Сначала никто не понял его, никто не понял, какого доктора ему нужно, и только через несколько секунд все поняли, что он просил врача.

— Доктора, скорее... — сказал человек. — Штурману Кондратьеву очень плохо...

Он переводил расширенные глаза с одного лица на другое и вдруг улыбнулся:

— Здравствуйте, праправнуки...

От улыбки затянувшийся шрам открылся, и на губах повисли густые красные капли, и все подумали, что этот человек улыбался в последний раз очень давно. В воронку, скользя и спотыкаясь, спускались люди в белых халатах.

— Доктора, — повторил рыжий и обвис на поддерживавших его руках, запрокинув бело-голубое грязное лицо.

Злоумышленники

Четверка обитателей 18-й комнаты была широко известна в пределах Аньюдинской школы. Это было вполне естественно. Такие таланты, как совершенное искусство подражать вою гигантского ракапаука с планеты Пандора, способность непринужденно рассуждать о девяти способах экономии горючего при межзвездном перелете и умение одиннадцать раз подряд присесть на одной ноге, не могли остаться незамеченными, а все эти таланты не были чужды обитателям 18-й.

История 18-й началась еще тогда, когда их было всего трое и у них не было еще ни отдельной комнаты, ни своего учителя. Но уже тогда Генка Комов, известный более под именем «Капитан», пользовался неограниченным авторитетом у Поля Гнедых и Александра Костылина. Поль Гнедых — он же Полли или даже Либер Полли — был известен как большой личной хитрости человек, способный на все. Александр Костылин был, несомненно, добродушен и стяжал себе славу в битвах, связанных с применением не столько ума, сколько физической силы. Он терпеть не мог, когда его звали попросту Костылём (и не скрывал этого), но охотно отзывался на кличку «Лин». Генка Капитан, в совершенстве изучивший популярную книгу «Трасса в Пространстве», знал много разных полезных вещей, был, судя по всему, способен без труда починить фотонный отражатель,

не меняя курса космолета, и неумоимо вел Лина и Полли к славе. Так, например, широкую известность получили испытания нового вида топлива для ракет, проведенные под его руководством в школьном парке. Фонтан густого дыма взлетел выше самых высоких деревьев, а грохот взрыва могли слышать все, кто находился в этот момент на территории школы. Это был незабвенный подвиг, и долго еще после этого Лин щеголял длинным шрамом на спине и везде ходил голый по пояс, так что шрам был открыт взорам завистников. Именно эта тройка возродила древние игры африканских племен — прыжки с деревьев на длинных веревках, заменяющих (как показал опыт — недостаточно) лианы. Они же ввели в употребление сварку пластика, из которых была сделана одежда, и неоднократно использовали это умение для обуздания невыносимой гордости старших товарищей, которым было разрешено плавание в масках и даже с аквалангами. Однако все эти подвиги хотя и покрывали их славой, но не приносили желанного удовлетворения, и тогда Капитан решил принять участие в работе кружка юных космонавтов, открывавшей блестящие перспективы кручения на перегрузочной центрифуге и возможность добраться до таинственного датчика космогационных задач.

С огромным изумлением Капитан обнаружил в кружке своего сверстника — Михаила Сидорова, по ряду причин именуемого также Атосом. Атос казался Капитану человеком надменным и пустоголовым, но первая же серьезная беседа с ним показала, что он несомненно по своим качествам превосходит некоего Вальтера Сароняна, находившегося тогда с тройкой в полуприятельских отношениях и занимавшего четвертую койку в только что выделенной 18-й комнате.

Исторический разговор выглядел примерно так. «Что ты думаешь о ядерном приводе?» — осведомился Генка. «Старье», — кратко ответил Атос. «Согласен, — сказал Капитан и посмотрел на Атоса с интересом. — А фотонно-аннигиляционный?» — «Так себе», — сказал Атос, грустно покачав головой. Тогда Генка задал ему свой коронный вопрос: какие системы представляются более обещающими — гравигенные или гравизащитные. «Я признаю только Д-принцип», — высокомерно объявил Атос. «Гм, — сказал Генка. — Ладно, пойдем в восемнадцатую, я познакомлю тебя с экипажем». — «Это с твоими-то ослами?» — поморщился Атос-Сидоров, но пошел.

Через неделю, не вынеся угроз и насилия, из 18-й с разрешения учителя бежал Вальтер Саронян, и на его место водворился Атос. После этого Д-принцип и идея межгалактических перелетов воцарились в умах и сердцах 18-й прочно и, казалось, навсегда. Так возник экипаж суперкосмолета «Галактион» в составе: Генка — капитан, Атос-Сидоров — штурман и кибернетист, Либер Полли — ВМ-оператор, Сашка Лин — бортинженер и охотник. Экипаж исходил светлыми надеждами и чрезвычайно конкретными планами. Были созданы генеральные проекты суперкосмолета «Галактион», разработан устав и принят совершенно секретный знак, по которому члены экипажа должны были узнавать друг друга, — особым образом сложенные пальцы на правой руке. Угроза близкого и неминуемого вторжения нависла над туманностями Андромеды, Месье 33 и другими. Так прошел год.

Первый удар нанес Лин, бортинженер и охотник. Со свойственным ему легкомыслием он спросил у отца, прилетевшего в отпуск с внеземного завода безгравитационного литья, с каких лет принимают в космолетчики. Ответ был столь ужасен, что 18-я отказалась ему поверить. Хитроумный Полли подговорил своего младшего брата-малька задать тот же вопрос кому-нибудь из учителей. Ответ был тот же. Покорение галактик откладывалось на практически бесконечный срок — лет на десять. Наступила короткая эпоха смятений, ибо новость сводила к нулю тщательно разработанный проект «Цветущая сирень», согласно которому 18-я в полном составе должна была тайно погрузиться на борт межпланетного танкера, идущего на Плутон. Капитан рассчитывал объявиться через неделю после старта и автоматически слить свой экипаж с экипажем танкера.

Следующий удар был менее неожиданным, но зато гораздо более тяжелым. Именно в эту эпоху смятений экипаж «Галактиона» вдруг как-то сразу осознал — узнал он об этом гораздо раньше, — что в мире наибольшим почетом пользуются, как это ни странно, не космолетчики, не глубоководники и даже не таинственные покорители чудовищ — зоопсихологи, а врачи и учителя. В частности, выяснилось, что в Мировом Совете — шестьдесят процентов учителей и врачей. Что учителей все время не хватает, а космолетчиками хоть пруд пруди. Что, не будь врачей, плохо бы пришлось глубоководникам, а отнюдь не наоборот. Все эти, а также и многие другие того же рода разрушительные сведения были доведены до сознания экипажа ужасающе будничным образом: на самом обыкновенном телевизионном уроке по экономике и, что самое страшное, ни в малейшей степени не были опровергнуты учителем.

Третий и окончательный удар нанесли сомнения. Бортинженер Лин был пойман Капитаном за чтением «Курса простудных заболеваний в детском возрасте» и в ответ на резкий выпад нахально заявил, что намерен впредь приносить людям конкретную пользу, а не сомнительные сведения из жизни космических пространств. Капитан и штурман были вынуждены применить крайние меры убеждения, под давлением которых отступник признал, что детский врач из него все равно не получится, тогда как в качестве бортинженера или, на худой конец, охотника у него еще есть шансы стяжать себе бессмертную славу. На протяжении экзекуции хитроумный Либер Полли сидел в углу и молчал, но с той поры взял за правило при малейшем нажиме шантажировать экипаж бессвязно-язвительными угрозами типа «сбегу в ларингологи» или «пусть учитель скажет, кто прав». Сашка Лин, слушая это, завистливо сопел. Сомнения разъедали экипаж «Галактиона». Сомнения грызли душу Капитана.

Помощь пришла из Большого Мира. Группа ученых, работавших на Венере, закончила и предложила на рассмотрение Мирового Совета практический проект дистилляции атмосферного покрова Венеры с целью ее дальнейшей колонизации. Мировой Совет рассмотрел проект и одобрил его. Очередь была за пустынями Венеры, за большой страшной планетой, которую надо было сделать Второй Землей. Мир взрослых взялся за дело — строились новые машины, аккумуляровались мощности, население Венеры стремительно росло. А в 18-й комнате Аньюдинской школы под любопытствующими взорами экипажа капитан «Галактиона» лихорадочно работал над проектом плана «Октябрь», сулящего невиданный размах идей и выход из тяжелого кризиса.

Проект был закончен через три часа после опубликования призыва Мирового Совета и представлен на рассмотрение экипажа.

План «Октябрь» поражал краткостью и насыщенностью информацией:

- 1) за четыре декады изучить производственно-технические данные стандартных атмосферогенных агрегатов;
- 2) по истечении указанного срока ранним утром — чтобы не беспокоить дежурного по школе — покинуть школу и добраться до Аньюдинской ракетной станции, где в неизбежной сумятице при посадке проникнуть в грузовой трюм какого-нибудь корабля возлеземных сообщений и затаиться до финиша;
- 3) там видно будет.

План был встречен возгласами «Виу-вирулли!» и одобрен тремя голосами при одном воздержавшемся. Воздержавшимся был благородный Атос-Сидоров. Глядя на далекий горизонт, он с необыкновенным презрением отозвался о «поганных агрегатах» и о «бредовой затее» и сказал, что только чувства товарищества и взаимопомощи удерживают его от резкой критики плана. Однако он готов не возражать и даже берется обдумать некоторые аспекты ухода, что никак, впрочем, не следует понимать как согласие на отказ от Д-принципа ради каких-то зловонных дистилляторов. Капитан промолчал и отдал приказ приниматься за дело. Экипаж принялся за дело.

В 18-й комнате Аньюдинской школы шел урок географии. В экране учебного стереовизора полыхала молниями палящая туча над Парикутином, мелькали свистящие лапилли, и из кратера высывался красный язык лавового потока, похожий на наконечник стрелы. Речь шла о науке вулканологии, о вулканах вообще и непокоренных вулканах в частности. Среди серых нагромождений застывшей неведомо когда магмы белели аккуратные купола вулканологической станции Чипо-Чипо.

Перед стереовизором сидел Сашка Лин и, не сводя глаз с экрана, лихорадочно объедал ногти на правой и на левой руке попеременно. Он опоздал. Утро и половину дня он провел на спортплощадке, проверяя высказанное вчера учителем предположение, что максимальная высота прыжка должна относиться к максимальной длине прыжка приблизительно как единица к четырем. Лин прыгал и в длину, и в высоту до тех пор, пока не потемнело в глазах. Тогда он вынудил заняться этим делом нескольких малышей и загонял их совершенно, но полученный материал показывал, что предположение учителя близко к истине. Теперь Лин наверстывал упущенное и смотрел те уроки, которые экипаж уже выучил утром.

Генка Капитан за своим столом у передней прозрачной стены комнаты сосредоточенно копировал чертеж двухфазной кислородной установки средней мощности. Либер Полли лежал на своей кровати (что делать днем не рекомендовалось), притворяясь, что читает пухлую книгу в унылой обложке: «Введение в эксплуатацию атмосферогенных агрегатов». Штурман Атос-Сидоров стоял у своего стола и думал. Это было его любимое занятие. Одновременно он с безразличным интересом наблюдал за действиями Лина, поглощенного географией.

За прозрачной стеной под ласковым солнцем желтел песок и шумели стройные сосны. Над озером торчала сверкающая вышка для прыжков с длинным гибким трамплином.

Голос преподавателя принялся рассказывать, как был погашен вулкан Стромболи, и Сашка Лин забылся совершенно. Теперь он объедал ногти на обеих руках одновременно. Благородные нервы Атоса не выдержали.

— Лин, — сказал он, — перестань глодать.

Лин не оборачиваясь досадливо передернул плечами.

— Он голоден! — оживившись, заявил Поль.

Он поднялся на кровати, чтобы развить тему, но тут Капитан медленно повернул лобастую голову и посмотрел на него.

— Ну чего, чего... — сказал Поль. — Я же читаю. «Производительность АГК-11 составляет шестнадцать кубометров озонированного кислорода в час. Метод стра-ти-фикации позволяет...»

— Про себя! — посоветовал Атос.

— Вот уж тебе он, по-моему, не мешает, — сказал Капитан железным голосом.

— По-твоему — нет, по-моему — да, — сказал Атос-Сидоров.

Взгляды их скрестились. Поль с наслаждением наблюдал за развитием инцидента. «Введение в...» надоело ему до последней степени.

— Как хочешь, — сказал Капитан. — Только я не собираюсь один за всех вас работать. А ты, Атос, вообще ничего не делаешь. И вообще пользы от тебя, как от козла.

Штурман презрительно усмехнулся и не счел необходимым отвечать. В этот момент экран погас, и Лин повернулся, затрепав стулом.

— Ребята! — сказал он. — Виу, ребята! Поехали туда.

— Поехали! — вскричал Поль и вскочил.

— Куда — туда? — спросил Капитан зловеще.

— На Парикутин! На Мон-Пеле! На...

— Хватит! — заорал Капитан. — Все вы подлые предатели! Мне с вами надоело возиться! Я ухожу один, а вы убирайтесь, куда вам охота. Понятно?

— Фи, Капитан! — произнес Атос с большим изяществом.

— Сам ты фи, понял? Одобряли план, вопили «виу-виу», а теперь кто куда? А мне с вами вообще надоело возиться. Я уж лучше договорюсь с Наташкой или с этим болваном Вальтером, понятно? А вы все катитесь колбасой. Чихал я на вас, и все!..

Капитан повернулся спиной и стал яростно копировать чертеж. Наступило тяжелое молчание. Полли тихонько улегся и принялся старательно изучать «Введение в...». Атос поджал губы, а тяжеловесный Лин поднялся и, сунув руки в карманы, прошелся по комнате.

— Генка, — сказал он нерешительно. — Капитан, ты... это... Брось, чего ты?

— Отправляйтесь на свой Мон-Пеле, — пробормотал Капитан. — На свой Парикутин. Обойдемся...

— Капитан... Как же это?.. Вальтеру нельзя рассказывать, Генка!

— Очень даже можно... И скажу. Пусть он болван, да хоть не предатель...

Не вынимая рук из карманов, Лин пробежался по комнате.

— Ну чего ты, Капитан? Ну, вот Полли уже зубрит!

— «Полли, Полли!»! Хвастун твой Полли. А на Атоса я вообще чихал. Подумаешь, штурман «Галактиона»! Трепло.

Лин обратился к Атосу:

— Ты правда, Атос, чего-то... Нехорошо, знаешь... Мы все стараемся...

Атос изучал лесистый горизонт.

— Что вы все раскудахтались? — вежливо осведомился он. — Если я сказал — иду, значит, я иду. Я, по-моему, еще никогда не врал. И еще никого не предавал.

— Это ты брось, — грозно сказал Лин. — Капитан говорит верно. Ты бездельничаешь, и это, знаешь, свинство...

Атос повернулся и прищурился.

— А ну-ка, ты, деляга, — сказал он. — Почему «Зубр» хуже АГК-7 в условиях азотистого избытка?

— А? — растерянно сказал Лин и посмотрел на Капитана.

Капитан чуть поднял голову.

— А какие есть девять пунктов про эксплуатацию «Айрон Три»? — спрашивал Атос.

— А кто первый изобрел окситан? Не знаешь, трудяга! А в каком году? А?

Это был Атос — великий человек, несмотря на многочисленные свои недостатки. В комнате стояла благоговейная тишина, только Поль Гнедых яростно листал страницы «Введения».

— Мало ли кто чего изобрел первый, — неубедительно пробормотал Лин и беспомощно уставился на Капитана.

Капитан встал. Капитан подошел к Атосу и ткнул его кулаком в живот.

— Молодчага, Атос, — заявил он. — Я, дурак, думал, что ты бездельничаешь.

— «Бездельничаешь»!.. — сказал Атос и ткнул Капитана в бок. Он принимал извинение.

— Виу, ребята! — провозгласил Капитан. — Держать курс на Атоса! Фидеры на цикл, звездолетчики! Бойтесь легенных ускорений. Берегите отражатель. Пыль сносит влево. Виу!

— Виу-вирулли! — взревел экипаж «Галактиона».

Капитан повернулся к Лину.

— Бортинженер Лин, — сказал он, — какие есть вопросы по географии?

— Нету, — отрапортовал бортинженер.

— Что у нас еще сегодня?

— Алгебра и труд, — сказал Атос.

— Вер-рно! Поэтому начнем с борьбы. Первая пара будет: Атос — Лин. А ты, Полли, иди приседай, у тебя ноги слабые.

Атос принялся готовиться к борьбе.

— Не забыть бы спрятать материалы, — сказал он. — Пораскидали всё, учитель увидит.

— Ладно, все равно завтра уходим.

Поль сел на кровати и отложил книжку.

— А тут не написано, кто изобрел окситан.

— Эл Дженкинс, — сказал Капитан не задумываясь. — В семьдесят втором.

Учитель Тенин пришел в 18-ю, как всегда, в четыре часа дня. В комнате никого не было, но в душевой обильно лилась вода, слышалось фыркание, шлепанье и ликующие возгласы: «Виу, виу-вирулли!» Экипаж «Галактиона» мылся после занятий в мастерских.

Учитель прошелся по комнате. Много было здесь знакомым и привычным. Лин, как всегда, раскидал одежду по всей комнате. Одна его тапочка стояла на столе Атоса и изображала, несомненно, яхту. Мачта была сделана из карандаша, парус — из носка. Это, конечно, работа Поля. По этому поводу Лин будет сердито бурчать: «Не воображай, что это очень остроумно, Полли...» Система прозрачности стен и потолка расстроена, и сделал это Атос. Клавиша поставлена у него в изголовье, и, ложась спать, он с ней играет. Он лежит и нажимает ее, и в комнате то становится совсем темно, то появляется ночное небо и луна над парком. Обычно клавиша портится, если Атоса никто не остановит. Судьба Атоса сегодня — чинить систему прозрачности.

На столе у Лина бедлам. На столе у Лина всегда бедлам, и тут ничего не поделать. Это именно тот случай, когда бессильны и выдумки учителя, и весь мощный аппарат детской психологии.

Как правило, все новое в комнате связано с Капитаном. Сегодня у него на столе чертежи, которых раньше не было. Это что-то новое, значит, об этом надо подумать. Учитель Тенин очень любил новое. Он присел к столу Капитана и принялся рассматривать чертежи.

Из душевой доносилось:

— А ну подбавь холодненькой, Полли!

— Не надо! Холодно! Простужусь!

— Держи его, Лин, пусть закаляется!

— Атос, дай терку...

— Где мыло, ребята?

Кто-то с грохотом валится на пол. Вопль:

— Какой дурак кинул мыло под ноги?!

Хохот, крики «виу».

— Страшно остроумно! Как вот врежу!..

— Но-но! Втяни манипуляторы, ты!..

Учитель просмотрел чертежи и положил их на место. Увлечение продолжается, подумал он. Теперь кислородный обогатитель. Мальчики здорово увлеклись Венерой. Он встал и заглянул под подушку Поля. Там лежало «Введение в...». «Введение» было основательно зачитано. Учитель задумчиво перелистал страницы и положил книгу на место. Даже Поль, подумал он. Странно.

Теперь он видел, что на столе Лина нет боксерских перчаток, которые валялись там регулярно и непременно изо дня в день в течение двух последних лет. Над кроватью Капитана не было фотографии Горбовского в вакуум-скафандре, а стол Поля был пуст.

Учитель Тенин понял все. Он понял, что они хотят удрать, и он понял, куда они хотят удрать. Он понял даже, когда они хотят удрать. Фотографии нет — значит, она в рюкзаке Капитана. Значит, рюкзак уже собран. Значит, они уходят завтра утром, пораньше. Потому что Капитан любит делать все обстоятельно и никогда не откладывает на завтра то, что можно сделать сегодня. Кстати, рюкзак Поля наверняка еще не готов: Поль предпочитает все делать послезавтра. Значит, они уходят завтра и уходят через окно, чтобы не беспокоить дежурного. Они очень не любят беспокоить дежурного.

Учитель заглянул под кровати. Рюкзак Капитана был упакован с завидной аккуратностью. Под кроватью Поля валялся рюкзак Поля. Из рюкзака торчала любимая рубашка Поля — без ворота, в красную полоску. В стенном шкафу покоится с величайшей тщательностью сплетенная из простынь лестница — несомненно, творение Атоса.

Так... Значит, надо думать. Учитель Тенин помрачнел и повеселел одновременно.

Из душевой выкатился Поль в одних трусах, увидел учителя и прошелся колесом.

— Неплохо, Поль! — воскликнул учитель. — Но не гни ноги, мальчик!

— Виу! — завопил Поль и прошелся колесом в обратную сторону. — Учитель, космолетчики! Учитель пришел!

Он всегда забывал поздороваться.

Экипаж «Галактиона» ринулся в комнату и застрял в дверях. Учитель Тенин смотрел на них и думал... ничего не думал. Он очень любил их. Он всегда любил их. Всех. Всех, кого вырастил и выпустил в Большой Мир. Их было много, и лучше всех были эти. Потому что они были сейчас. Они стояли руки по швам и смотрели на него так, как ему хотелось. Почти так.

— Ка те те у эс те ха де, — просигналил учитель. Это означало: «Экипажу «Галактиона». Вижу вас хорошо. Нет ли пыли по курсу?»

— Те те ку у зе це, — вразноголосицу ответил экипаж.

Они тоже видели хорошо, и пыли по курсу почти не было.

— Облачиться! — скомандовал учитель и уставился на свой хронометр.

Экипаж с треском кинулся облачаться.

— Где мой носок?! — заорал Лин и увидел яхту. — Не воображай, что это остроумно, Полли... — проворчал он.

Облачение длилось 39 секунд с десятными, последним облачился Лин.

— Свинство, Полли, — ворчал он. — Остроумец!..

Потом все сели кто куда, и учитель сказал:

— Литература, география, алгебра, труд. Так?

— И еще немножко физкультуры, — добавил Атос.

— Несомненно, — сказал учитель. — Это видно по твоему опухшему носу. Кстати, Поль до сих пор сгибает ноги. Саша, ты должен показать ему.

— Ладно, — сказал Лин с удовольствием. — Но он туповат, учитель.

Поль ответил немедленно:

— Лучше быть туповатым в колене, чем тупым, как полено!..

— Три с плюсом. — Учитель покачал головой. — Не слишком грамотно, но идея ясна. Годам к тридцати ты, может быть, и научишься острить, Поль, но и тогда не злоупотребляй этим.

— Постараюсь, — скромно сказал Поль.

Три с плюсом не так уж плохо, а Лин сидит красный и надутый. К вечеру он придумает ответ.

— Поговорим о литературе, — предложил учитель Тенин. — Капитан Комов, как поживает твоё сочинение?

— Я написал про Горбовского, — сказал Капитан и полез в свой стол.

— Чудесная тема, мальчик! — сказал учитель. — Будет очень хорошо, если ты справился с ней.

— Ничего он с ней не справился, — заявил Атос. — Он считает, что в Горбовском главное — умение.

— А ты что считаешь?

— А я считаю, что в Горбовском главное — смелость, отвага.

— Полагаю, ты неправ, штурман, — сказал учитель. — Смелых людей очень много. Среди космолетчиков вообще нет трусливых. Трусы просто вымирают. Но десантников, особенно таких, как Горбовский, — единицы. Прошу мне верить, потому что я-то знаю, а ты пока нет. Но и ты узнаешь, штурман. А что написал ты?

— Я написал про доктора Мбога, — сказал Атос.

— Откуда ты узнал о нем?

— Я дал ему книжку про летающих пиявок, — объяснил Поль.

— Отлично, мальчики! Все прочли эту книгу?

— Все, — сказал Лин.

— Кому она не понравилась?

— Всем понравилась, — сказал Поль с гордостью. — Я выкопал ее в библиотеке.

Он, конечно, забыл, что рекомендовал ему эту книгу учитель. Он всегда забывал такие мелочи, он очень любил «открывать» книги. И он любил, чтобы все об этом знали. Он любил гласность.

— Молодец, Поль! — сказал учитель. — И ты, конечно, тоже написал о докторе Мбога?

— Я написал стихи!

— Ого, Поль! И тебе не страшно?

— А чего бояться? — сказал Поль небрежно. — Я читал их Атосу. Он ругал только по мелочам. Так... чуть-чуть.

Учитель с сомнением посмотрел на Атоса:

— Гм! Насколько я знаю штурмана Сидорова, он редко отвлекается на мелочи. Посмотрим, посмотрим... А ты, Саша?

Лин молча сунул учителю толстую тетрадь. На обложке растопырилась чудовищная клякса.

— Званцев, — объяснил он. — Океанолог.

— Это кто? — спросил Поль ревниво.

Лин посмотрел на него с ужасающим презрением и промолчал. Поль был сражен. Это было невыносимо. Более того: это было ужасно. Он представления не имел о Званцеве, океанологе.

— Ну, славно, — сказал учитель и сложил тетради вместе. — Я прочту и подумаю. Поговорим об этом завтра...

Он сразу пожалел, что сказал это. Капитана так и перекосило при слове «завтра». Мальчику очень противно лгать и притворяться. Не надо их мучить, следует быть осторожнее в выражениях. Мучить их не за что, они же не задумали ничего плохого. Им даже ничего не грозит: их не пустят дальше Аньюдина. Но им придется вернуться, а вот это по-настоящему неприятно. Вся школа будет смеяться над ними. Ребяتيшки иногда бывают злы, особенно в таких вот случаях, когда их товарищи вообразят, что могут что-то, чего не могут все. Он подумал о великих насмешниках из 20-й и 72-й и о веселящихся мальчиках, которые прыгают с гиком вокруг плененного экипажа «Галактиона» и рязят насмерть...

— Кстати, об алгебре, — сказал он. (Экипаж улыбнулся. Экипаж очень любил это «кстати». Оно казалось им восхитительно нелогичным.) — В мое время лекции по истории математики читал один очень забавный преподаватель. Он становился у доски, — учитель стал показывать, — и начинал: «Еще древние греки знали, что $(a + b)^2$ равно a^2 плюс $2ab$ плюс... — учитель заглянул в воображаемые записи, — плюс... э-э-э... b^2 ...»

Экипаж залился смехом. Матерые космолетчики samozабвенно глядели на учителя и восторгались. Этот человек казался им великим и простым, как мир.

— А теперь смотрите, какие любопытнейшие вещи происходят иногда с $(a + b)^2$, — сказал учитель и сел, и все столпились вокруг него.

Начиналось то, без чего экипаж жить уже не мог, а учитель не захотел бы, — приключения чисел в Пространстве и Времени. Ошибка в коэффициенте сбивала корабль с курса и кидала его в черную бездну, откуда нет возврата человеку, поставившему плюс вместо минуса перед радикалом; громоздкий, ужасающего вида полином разлагался на изумительно простые множители, и Лин огорченно вопил: «Где были мои глаза? Как просто-то!»; звучали странные торжественно-смешные строфы Кардано, описавшего в

стихах свой способ решения кубических уравнений; изумительно таинственная вставала из глубины веков загадочная история Великой Теоремы Ферма...

Потом учитель сказал:

— Хорошо, мальчики. Теперь я вижу: если вы сведете все ваши жизненные проблемы к полиномам, они будут решены. Хотя бы приближенно...

— Хотел бы я свести их к полиномам, — вырвалось у Поля, который вдруг вспомнил, что завтра его здесь не будет и с учителем придется расстаться, может быть, навсегда.

— Я тебя понимаю, товарищ ВМ-оператор, — ласково сказал учитель. — Самое трудное — правильно поставить вопрос. Остальное сделают за вас шесть веков развития математики... А иногда можно обойтись и без математики. — Он помолчал. — А что, мальчики, не сразиться ли нам в «четыре-один»?

— Виу! — взвыл экипаж и кинулся вон из комнаты, потому что для сражения в «четыре-один» нужен был простор и мягкая почва под ногами.

«Четыре-один» — игра тонкая, требующая большого ума и отличного знания старинных приемов самбо. Экипаж вспотел, а учитель разорвал куртку и здорово поцарапался. Потом все сели под сосной на песок и принялись отдыхать.

— Такая вот царапина, — сообщил учитель, рассматривая ладонь, — на Пандоре вызвала бы аварийный сигнал. Меня бы изолировали в медотсеке и утопили бы в вирусифобах.

— А если бы вас кусанул за руку ракапаук? — сладко замирая, спросил Поль.

Учитель посмотрел на него.

— Ракапук кусает не так, — сказал он. — Ему руку в пасть не клади. Между прочим, сейчас профессор Карпенко работает над интереснейшей вещью, по сравнению с которой все вирусифобы — детская игра. Вы слышали про биоблокаду?

— Расскажите! — Экипаж наострил уши.

Учитель стал рассказывать про биоблокаду. Экипаж слушал так, что Тенину было жалко, что мир слишком велик и нельзя рассказать им сейчас же обо всем, что известно и что неизвестно. Они слушали, не шевелясь, и глядели ему в рот. И все было бы очень хорошо, но он помнил, что лестница из простыни ждет в шкафу, и знал, что Капитан — Капитан уж во всяком случае! — тоже помнит это. «Как их остановить? — думал Тенин. — Как?» Есть много путей, но все они нехороши, потому что надо не просто остановить, надо заставить понять, что нельзя не остановиться. И один хороший путь был. По крайней мере, один. Но для этого нужна была ночь, и несколько книг по регенерации атмосфер, и полный проект «Венера», и две таблетки спорамина, чтобы выдержать эту ночь... Нужно, чтобы мальчики не ушли сегодня ночью. Даже не ночью — вечером, потому что Капитан умен и многое видит: видит, что учитель кое-что понял, а может быть, понял все. Пусть не ночь, думал учитель. Пусть только четыре-пять часов. Задержать их и занять на это время. Как?

— Кстати, о любви к ближнему, — сказал он, и экипаж снова порадовался этому «кстати». — Как называется человек, который обижает слабого?

— Тунеядец, — быстро сказал Лин. Он не мог выразиться резче.

— Трусить, лгать и нападать, — проговорил Атос. — Почему вы спрашиваете, учитель? С нами этого не бывало и не будет.

— Да. Но в школе это случается... иногда.

— Кто? — Поль подскочил. — Скажите, кто?

Учитель колебался. То, что он собирался сделать, было, в общем, дурно. Вмешивать мальчишек в такое дело — значит многим рисковать. Они слишком горячи и могут все испортить. И учитель Шайн будет вправе сказать что-нибудь малоприятное в адрес учителя Тенина. Но их надо остановить и...

— Вальтер Саронян, — сказал учитель медленно. — Я слышал об этом краем уха, мальчики. Это все надо тщательно проверить.

Он смотрел на них. Бедный Вальтер! У Капитана бродили желваки на щеках. Лин был страшен.

— Мы проверим, — сказал Поль, недобро шурясь. — Мы будем очень тщательны...

Атос переглядывался с Капитаном. Бедный Вальтер!..

— Поговорим о вулканах, — предложил учитель.

И подумал: «Трудновато будет говорить о вулканах. Но это, кажется, единственное, чем можно задержать их до темноты. Бедный Вальтер! Да, они проверят все очень тщательно, потому что Капитан очень не любит ошибаться. Потом они будут искать Вальтера. Все это потребует много времени. Трудно найти четырнадцатилетнего паренька после ужина в парке, занимающем четыреста гектаров. Они не уйдут до вечера. Я выиграл свои пять часов, и... о бедная моя голова! Как вместишь ты четыре книги и проект в шестьсот страниц!..»

И учитель Тенин принялся рассказывать, как в восемьдесят втором году ему случилось принять участие в замирении вулкана Стромболи.

Вальтер Саронян был достигнут в парке у пруда. Это было в одном из самых дальних уголков парка, куда рискнет забраться не всякий малек, и поэтому о существовании пруда знали немногие. Пруд был проточный, с темной глубокой водой, где между длинными зелеными плетями кувшинок, тянувшимися со дна, стояли, шевеля плавниками, большие желтые рыбы. Местные охотники называли их «блямбами» и расстреливали из самодельных ружей для подводной охоты.

Вальтер Саронян был абсолютно гол, если не считать маски для ныряния. В руках у него был пневматический пистолет, стреляющий зазубренным прутом, на ногах — красно-синие ласты. Он стоял в горделивой позе и обсыхал, задрав маску на лоб.

— Для начала сделаем его мокрым, — прошептал Поль.

Капитан кивнул. Полли затрещал кустами и глухо кашлянул басом. Вальтер сделал именно то, что сделал бы каждый из них на его месте. Он надвинул маску на лицо и, не теряя времени, прыгнул в воду без малейшего всплеска. По темной поверхности прошли медленные волны, и листья кувшинок плавно поднялись и опустились несколько раз.

— Неплохо сделано, — заметил Лин, и все четверо вышли из кустов и стали на берегу, глядя в темную воду.

— Он ныряет лучше меня, — сказал объективный Поль, — но не хотел бы я сейчас поменяться с ним местами.

Они сели на берегу. Волны ушли, и листья кувшинок успокоились. Низкое солнце светило сквозь сосны. Было немножко душно и тихо.

— Кто будет говорить? — осведомился Атос.

— Я, — с готовностью предложил Лин.

— Дайте его мне, — сказал Поль. — А вы будете на подхвате...

Угрюмый Капитан кивнул. Все это ему не нравилось. Близилась ночь, и ничего еще не было готово. Сегодня уйти не удастся, это ясно. Потом он вспомнил добрые глаза учителя, и ему совсем расхотелось уходить. Учитель как-то сказал им: «Все самое плохое в человеке начинается со лжи».

— Вот он! — пробасил Лин. — Плышет...

Они сидели полукругом у самой воды и ждали. Вальтер плыл очень красиво и легко, и пистолета у него уже не было.

— Привет восемнадцатой! — сказал он, вылезая из воды. — Здорово вы меня обвели... — Он остановился по колена в воде и принялся ладонями обтирать тело.

Поль начал.

— Поздравляем тебя с шестнадцатилетием, — ласково сказал он.

Вальтер снял маску и вытаращил глаза.

— Чего? — сказал он.

— Поздравляем тебя с шестнадцатилетием, дружок, — повторил Поль еще ласковее.

— Чего-то я тебя плохо понимаю, Полли. — Вальтер улыбнулся несколько принужденно. — Ты всегда так умно говоришь...

— Верно, — согласился объективный Поль, — я умнее тебя. Кроме того, я гораздо больше читаю. Итак?

— Чего — итак?

— Ты не сказал «спасибо», — пояснил Атос, стоявший на подхвате. — А ведь мы пришли тебя поздравить.

— Да что вы, ребята! — Вальтер переводил взгляд с одного на другого, силясь понять, что им надо. Совесть его не была чиста, и он начинал опасаться. — Какие-то поздравления... У меня день рождения месяц назад был, и не шестнадцать, а четырнадцать...

— Как так? — Поль очень удивился. — Тогда я не понимаю, при чем здесь маска.

— И ласты, — сказал Атос.

— И пистолет, который ты спрятал под тем берегом, — сказал Лин, поступавший так же неоднократно.

— Четырнадцатилетние не лезут под воду в одиночку, — сердито сказал Капитан.

— Подумаешь! — Вальтер преисполнился презрения. — Уж не пойдете ли вы к моему учителю?

— Какой дурной мальчик! — воскликнул Поль, поворачиваясь к Капитану. (Капитан не отрицал.) — Он хочет сказать, что донес бы, если бы поймал меня в таком виде. А? Он не просто нарушитель, он...

— «Нарушитель, нарушитель»!.. — проворчал Вальтер. — Сами вы, что ли, не охотились... Подумаешь, подстрелил пару блямб...

— Да, мы охотимся, — сказал Атос. — Но всегда вчетвером. И никогда в одиночку. И всегда говорим об этом учителю. И он верит нам...

— Ты лжешь своему учителю, — сказал Поль. — Значит, ты можешь солгать кому угодно, Вальтер. Но мне нравится, что ты оправдываешься!

Капитан зажмурился. Старая добрая формула — она резала его на части сейчас: «Лжешь учителю — солжешь кому угодно». Зря мы ввязались в это дело с Вальтером. Зря. Мы не имеем права...

Вальтеру было очень неудобно. Он проговорил просительно:

— Дайте мне одеться, ребята... Холодно. И... ведь это же не ваше дело. Это дело мое и моего учителя. Верно ведь, Капитан?

Капитан разлепил губы:

— Он прав, Полли. И он уже готов: он оправдывается.

Поль важно согласился:

— О да, он готов. Совесть его трепещет. Это был психологический этюд, Вальтер. Я очень люблю психологические этюды.

— Провались ты с ними! — проворчал Вальтер и попытался добраться до одежды.

— Тихо! — сказал Атос. — Не торопись так. Это была пре-ам-бу-ла. А теперь начнется амбула.

— Дайте мне, — сказал могучий Лин, поднимаясь.

— Нет, нет, Лин, — сказал Поль, — не надо. Это грубо. Он не поймет.

— Поймет, — пообещал Лин. — У меня поймет.

Вальтер резво прыгнул в воду.

— Вчетвером на одного! — крикнул он. — Эх, вы! Со-овесь!..

Поль подскочил от ярости.

— Вчетвером?! — завопил он. — Валька-малёк был вчетверо слабее тебя! Нет — впятеро, вшестеро! А ты лупил его по шее, грубая скотина! Мог бы найти Лина или Капитана, если у тебя чесались лапы, горилла!..

Вальтер был бледен. Маску он нацепил, но еще не опустил на лицо, и теперь растерянно озирался, ища выхода. Ему было холодно. И он понял.

— Стыдно, Вальтер! — сказал великолепный Атос. — По-моему, ты трусишь. Стыдно. Выйди. Ты будешь драться со всеми по очереди.

Вальтер поколебался и вышел. Он знал, что это такое — драться с 18-й, но он все-таки вышел и принял стойку. Он чувствовал, что расплачиваться придется, и знал, что это лучший способ расплатиться. Атос неторопливо потащил рубашку через голову.

— Пойдите! — завопил Поль. — Останутся синяки! У нас есть и другое дело!

— Это верно, — сказал Атос и задумался.

— Пустите меня, — попросил могучий Лин. — Я буду краток.

— Нет! — Поль быстро раздевался. — Вальтер! Ты помнишь, что самое дрянное на свете? Я напому тебе: трусить, врать и нападать. Слава богу, ты не трус, но остальное ты забыл. А я хочу, чтобы ты запомнил это накрепко. Я иду, Вальтер! Тверди заклинания!

Он собрал одежду Вальтера, лежащую в кустах, и прыгнул в воду. Вальтер проводил его беспомощным взглядом, а Атос запрыгал по берегу от восторга.

— Полли! — кричал он. — Полли, ты гений! Что ж ты молчишь, Вальтер? Тверди, тверди, горилла: трусить, лгать и нападать!

Капитан хмуро следил за Полли, плывущим по-собачьи. Полли создавал массу шума и оставлял за собой пенный след. Да, он хитроумен, как всегда. Тот берег зарос жуткой крапивой, и голый Вальтер будет искать там свои штаны и прочее. Искать в темноте, потому что солнце заходит. Так ему и надо. Но кто накажет нас? Мы совсем не ангелы, мы лжем. Это немногим лучше, чем нападение.

Полли возвращался. Он, задыхаясь и плюясь, вылез на берег и сразу заговорил:

— Вот, Вальтер! Иди и оденься, горилла. Я плаваю хуже тебя и ныряю хуже, но я не хотел бы поменяться с тобой местами сейчас!

Вальтер не смотрел на него. Он молча надвинул маску на лицо и вошел в теплую, парную воду. Впереди был берег, заросший жуткой крапивой.

— Запомни, ты! — крикнул Поль вслед. — Трусить, лгать и нападать! Нападать, Вальтер! Нет хуже этого!.. Крапива помогает при плохой памяти...

— Да, — сказал Атос, — раньше ею пороли. Одевайся, Либер Полли, простудишься...

Было слышно, как на том берегу Вальтер, шипя от боли сквозь зубы, ворочается в зарослях.

Когда они вернулись к себе в 18-ю, был уже поздний вечер, потому что после расправы с Вальтером Лин, чтобы отдохнуть и рассеяться, предложил сыграть в Пандору, и в Пандору было сыграно с большим вкусом. Атос, Лин и Капитан были охотниками, Полли — гигантским ракопауком, а парк — джунглями Пандоры, непроходимыми, болотистыми и жуткими. Подвернувшаяся кстати Луна изображала ЕН 9 — одно из солнц Пандоры. Играли до тех пор, пока гигантский ракопаяк, бросившись с дерева на охотника Лина, не разорвал во всю длину свои штаны из сверхпрочного тетраканэтилена. Тогда пришлось идти домой. Дежурного беспокоить не хотелось, и Капитан предложил было пробираться через мусоропровод — великолепная идея, сверкнувшая среди его мрачных раздумий подобно молнии, — но потом решили воспользоваться тривиальным окном мастерской.

Они ворвались в 18-ю с большим шумом, обсуждая на бегу ослепительные перспективы, открывающиеся в связи с идеей мусоропровода, и увидели учителя, сидевшего за столом Атоса с книгой в руках.

— А я штаны распорол, — растерянно сказал Поль. Сказать «добрый вечер» он, конечно, забыл.

— Неужели?! — восхитился учитель. — Тетраканэтиленовые?

— Ага! — Поль немедленно возгордился.

Лин желчно завидовал.

— Мальчики, — сказал учитель, — а ведь я не знаю, как их чинить!

Экипаж облегченно заорал. Они все знали — как. Они все жаждали показать, рассказать и починить.

— Давайте, — согласился учитель. — Только штурман Сидоров не будет чинить штаны, он будет чинить систему прозрачности. Судьба к нему жестока.

— Подумаешь! — сказал Атос, которому было не привыкать.

Все занялись делом. Капитан тоже занялся делом. Ему почему-то стало весело. Завтра не уйти, думал он. Пока соберемся... Идея побега уже не казалась ему такой привлекательной, но не пропадать же знаниям, накопленным за четыре декады.

— ...Есть проблемы замечательные и важные, — рассказывал учитель, ловко орудуя высокочастотной насадкой, — есть проблемы великие, как мир. Но есть еще проблемки небольшие, но на редкость увлекательные. На днях я прочел одну старую-старую книгу, очень интересную. Там было, в частности, сказано, что до сих пор не решена загадка «блуждающих огней». Знаете — на болотах? Ясно, что это какие-то хемилюминесцентные вещества, но какие? Сернистый фосфор, может быть? Я соединился с Информарием, и что же? Эта загадка не раскрыта и сейчас!

— Почему?

— Дело в том, что очень трудно поймать этот «блуждающий огонек». Он, подобно Истине, мерцает вдаль и не дается в руки. Лепелье пытался построить киберсистему для охоты за огнями, но у него ничего не вышло...

У учителя Тенина невыносимо болела голова. Ему было нехорошо. За последние четыре часа он прочел и усвоил четыре книги по регенерации атмосфер, а проект «Венера» выучил наизусть. Для этого пришлось прибегнуть к гипноизлучателю, а после гипноизлучателя надо обязательно лечь и хорошенько выспаться. Но хорошенько выспаться не придется. Может быть, и не следовало так перегружать мозг, но учитель не хотел рисковать. Он должен был знать о Венере и о проекте в десять раз больше, чем вся четверка, вместе взятая, иначе не стоило и возиться.

Он ждал момента, чтобы перейти к главному, и рассказывал об охоте за блуждающими огнями, и видел, как широко раскрываются ребячьи глаза и в них бьется и клокочет пламя великой фантазии, и ему было, как всегда, удивительно хорошо и радостно видеть это, хотя голова раскалывалась на части...

...А мальчишки уже шли по хлюпающей трясине в восхитительных настоящих болотных сапогах, и вокруг была ночь, и тьма, и туман, и таинственные заросли, и из чрева болота вырывались облака отвратительных испарений, и было очень опасно, и страшновато, и нужно было не бояться. Впереди маячили синеватые языки блуждающих огней, загадку которых надо было позарез — теперь это совершенно ясно — раскрыть, и на груди у каждого из охотников висел миниатюрный пульт, управляющий верными ловкими киберами, ковыляющими по трясине. А киберов этих следовало придумать, и поскорее, и непременно, а то скоро осушат последние болота и придется остаться с носом...

К тому моменту, когда штаны и система прозрачности были приведены в порядок, ни штаны, ни система прозрачности больше никого не интересовали. Поль задумал поэму «Блуждающие огни» и, натягивая штаны, бормотал уже вылившуюся у него строку: «Гляди — в тени болотные огни». Капитан и Атос независимо друг от друга обдумывали проект болотного кибера, годного для скоростных перемещений по топкой местности и реагирующего на хемилюминесценцию... Лин просто сидел, раскрыв рот, и думал: «Где были мои глаза? Елки-палки!» Он твердо решил провести остаток жизни на болотах.

Учитель подумал: «Пора. Только не заставляй их лгать и притворяться. Вперед, Тенин!» И он начал:

— Кстати, капитан Комов, что это за уродливая схема? — Он ткнул пальцем в чертеж обогатителя. — Ты меня огорчаешь, мальчик. Замыслил хорошо, но выполнение на редкость неудачно!..

Капитан вспыхнул и кинулся в бой...

В полночь учитель Тенин вышел в парк и остановился возле своего птерокара. Огромный плоский блок школы лежал перед ним. Все окна первого этажа были темными, а наверху кое-где еще горели огни. Горели в 20-й, где сейчас пятерка знаменитых насмешников беседовала, наверное, со своим учителем Сергеем Токмаковым, в прошлом врачом. Горели в 107-й — там метались тени, и было ясно, что кто-то кого-то лупит подушкой по голове и намерен лупить до тех пор, пока неслышный и невидимый поток инфралучей не заставит заснуть самых беспокойных, а случится это через две минуты. Горели во многих комнатах самых старших — уж там-то решались проблемы поважнее блуждающих огней и как реконструировать порванные тетраканэтиленовые штаны. И горели в 18-й...

Учитель забрался в кабину птерокара и стал смотреть на знакомое окно. Голова неистовствовала. Хотелось лечь и закрыть глаза и положить на лоб что-нибудь холодное и тяжелое. «Мальчики вы мои, — подумал он, — неужели я вас не остановил? Ах, как это трудно, как тяжело, и не всегда уверен, прав ли ты, но в конце концов оказываешься всегда прав. И как все это замечательно, и радостно, и жить без этого нельзя...»

Свет в 18-й погас. Значит, можно идти спать. Спать хочется, но жалко. «Я, наверное, не все им сказал, что мог бы и что стоило... Нет, все. Скорей бы утро! До чего же мне скучно без них и одиноко! Паршивые мальчишки!» Учитель Тенин улыбнулся и включил мотор. Скорей бы утро...

В 18-й комнате, мужественно борясь со сном, Капитан произносил речь. Экипаж безмолвствовал.

— Позорище! Выговор всем! Тунеядцы паршивые! Позорный сброд лентяев и невежд! Чем вы занимались сорок дней? А ты, Лин? Позор! Ни одного толкового ответа...

Атос, играя с клавишей прозрачности, пробормотал:

— Да перестань ты, Капитан, нас пилить! Сам хорош — из пяти ответов четыре пальцем в ноздрю. Да и пятый, в общем...

— Как это так — из пяти...

— Не спорь, Капитан, я считал.

Если Атос говорит, что считал, значит, так оно все и есть. Ай-яй-яй, как стыдно!.. Капитан зажмурился так, что перед глазами поплыли огненные пятна. Пропал проект «Октябрь». С позором провалился. Не штурмовать же Венеру с этой бандой невежд! Никто ничего не понял и ничему не научился. Сколько же нужно зубрить про атмосферные агрегаты, провалились они пропадом! Никуда мы не годимся. Великие колонисты из 18-й комнаты... Тьфу! Но Вальтер получил хорошо. Не добавит ли ему? Нет, хватит с него. И вообще, хватит ерундой заниматься. Надо подумать над блуждающими огнями.

...Капитан шел, утопая в болоте, вместе с Атосом, и с Лином, и с Полли, у которого были драные штаны. В дымящихся испарениях мелькали юркие киберы, которых надо было еще придумать...

Хроника

Новосибирск, 8 октября 2021 года (соб. корр.). Здесь сообщают, что Комиссия АН СССР по изучению результатов экспедиции «Таймыр — Ермак» закончила работу.

Как известно, выполняя международную программу исследования глубокого космического пространства и возможностей межзвездных перелетов, Академия наук СССР в 2017 году отправила в глубокое пространство экспедицию в составе двух планетолетов первого класса «Таймыр» и «Ермак». Экспедиция стартовала 7 ноября 2017 года с международного ракетодрома Плутон-2 в направлении созвездия Лиры. В состав экипажа планетолета «Таймыр» вошли: капитан и начальник экспедиции А. Э. Жуков, бортинженеры К. И. Фалин и Дж. А. Поллак, штурман С. И. Кондратьев,

кибернетист П. Кёниг и врач Е. М. Славин. Планетолет «Ермак» выполнял функции беспилотного информационного устройства.

Специальной целью экспедиции являлась попытка достижения светового барьера (абсолютной скорости — 300 тысяч км/сек) и исследования вблизи светового барьера свойств пространства-времени при произвольно меняющихся ускорениях.

16 мая 2020 года беспилотный планетолет «Ермак» был обнаружен и перехвачен на возвратной орбите в районе планеты Плутон и приведен на международный ракетодром Плутон-2. Планетолет «Таймыр» на возвратной орбите не появился.

Изучение материалов, доставленных планетолетом «Ермак», показало, в частности, следующее:

а) на 327-е сутки локального времени экспедиция «Таймыр — Ермак» достигла скорости 0,957 абсолютной относительно Солнца и приступила к выполнению программы исследований;

б) экспедиция получила и приемные устройства «Ермака» зарегистрировали весьма ценные данные относительно поведения пространства-времени в условиях произвольно меняющихся ускорений вблизи светового барьера;

в) на 342-е сутки локального времени «Таймыр» приступил к выполнению очередной эволюции, удалившись от «Ермака» на 900 млн километров. В 13 часов 09 минут 11,2 сек. 344-х суток локального времени следящее устройство «Ермака» зафиксировало в точке нахождения «Таймыра» вспышку большой яркости, после чего поступление информации с «Таймыра» на «Ермак» прекратилось и больше не возобновлялось.

На основании вышеизложенного Комиссия вынуждена сделать вывод о том, что планетолет первого класса «Таймыр» со всем экипажем в составе Алексея Эдуардовича Жукова, Константина Ивановича Фалина, Джорджа Аллана Поллака, Сергея Ивановича Кондратьева, Петера Кёнига и Евгения Марковича Славина погиб в результате катастрофы. Причины катастрофы не установлены...

Известия Международного Центра Научной Информации, № 237, 9 октября 2021 года.

Двое с «Таймыра»

После обеда штурман Сергей Иванович Кондратьев немного поспал, а когда он проснулся, пришел Женя Славин. Женина рыжая шевелюра озарила стены, и они стали розоватыми, как в час заката. От Жени хорошо и сильно пахло незнакомым одеколоном.

— Здравствуй, Сережка, милый! — закричал он с порога.

И сейчас же кто-то строго сказал:

— Разговаривайте тише, пожалуйста.

Женя с готовностью покивал в коридор, на цыпочках приблизился к постели и сел так, чтобы Кондратьев мог его видеть, не поворачивая головы. Лицо у него было радостное и возбужденное. Кондратьев уже и не помнил, когда в последний раз видел его таким. А длинный красноватый шрам на лице Жени он видел вообще впервые.

— Здравствуй, Женя, — сказал Кондратьев.

Огненная Женина шевелюра вдруг расплылась. Кондратьев зажмурился и всхлипнул.

— Фу ты! — пробормотал он сердито. — Прости, пожалуйста. Я, брат, совсем ослаб. Ну, как ты там?

— Да хорошо, все хорошо, — растроганным голосом произнес Женя. — Все просто изумительно! Главное, тебя выходили. Как я боялся за тебя, Сережка!.. Ну-ну, не надо, все уже позади...

Штурман ожесточенно шмыгнул носом.

— Черт знает что! Лежу тут один... Ты чего раньше-то не приходил?

— Ты представляешь, не пускали! Я к самому Протосу ходил, орал, бранился, вообще изображал пещерного человека... Никакого впечатления. Уговаривал, убеждал, пытался доказать, что я все-таки сам врач... хотя какой я, в общем, теперь врач...

— Ну ладно, верю, верю, — ласково сказал Кондратьев.

— А сегодня он сам позвонил мне. Ты стремительно идешь на поправку! Через полмесяца я буду учить тебя водить птерокар! Я уже заказал для тебя птерокар!

— Н-да? — сказал Кондратьев.

У него был в четырех местах переломлен позвоночник, разорвана диафрагма и разошлись швы на черепе. В бреду он все время представлял себя тряпичной куклой, раздавленной гусеницами грузовика. Впрочем, на врача Протоса можно было положиться. Это был толстый румяный человек лет пятидесяти (или ста, кто их теперь разберет), очень молчаливый и очень добрый. Он приходил каждое утро и каждый вечер, присаживался рядом и сопел до того уютно, что Кондратьеву сразу становилось легче. И вообще это был, конечно, превосходный врач, если до сих пор не дал умереть тряпичной кукле, раздавленной гусеницами грузовика.

— Что ж, — сказал Кондратьев, — может быть...

— О-о! — вскричал Женя восторженно. — Через полмесяца ты у меня будешь водить птерокар! Протос — волшебник, маг, чародей! Я говорю это тебе как бывший врач!

— Да, — сказал Кондратьев, — Протос очень хороший человек...

— Блестящий врач! Когда я узнал, над чем он работает, я понял, что надо менять профессию. Меняю профессию, Сережка! Пойду в писатели!

— Так, — сказал Кондратьев. — Значит, писатели не стали лучше?

— Видишь ли, — сказал Женя, — ясно одно: они все модернисты, и я буду единственным классиком. Как Тредьяковский. «Екатерина Великая — о! — поехала в Царское Село».

Кондратьев поглядел на Женю из-под полуопущенных ресниц. Да, Женя не теряет времени даром. Одет по последней моде, несомненно, — короткие штаны и мягкая свободная куртка с короткими рукавами и открытым воротом. Ни единого шва, все мягкой светлой окраски. Причесан слегка небрежно, гладко выбрит и наодеколонен. Даже слова старается выговаривать так, как выговаривают праправнуки: твердо и звонко, и старается не жестикулировать. Птерокар — надо же! А ведь всего несколько недель прошло, как мы вернулись...

— Я опять забыл, Евгений, какой нынче год? — сказал Кондратьев.

— Две тысячи сто девятнадцатый, — ответил Женя торжественно. — Все называют его просто сто девятнадцатым.

— Ну и как, Евгений, — сказал Кондратьев очень серьезно, — рыжие — они как — сохранились в двадцать втором веке или совершенно вымерли?

Женя все так же торжественно ответил:

— Вчера я имел честь беседовать с секретарем Экономического Совета Северо-Западной Азии. Умнейший человек и совершенно инфракрасный.

Они засмеялись, рассматривая друг друга. Потом Кондратьев спросил:

— Слушай, Женя, откуда у тебя эта трасса через физиономию?

— Эта? — Женя ощупал пальцами шрам. — Неужели еще видно? — огорчился он.

— Еще как! — сказал Кондратьев. — Красным по белому.

— Это меня тогда же, когда и тебя. Но мне обещали, что это скоро пройдет. Исчезнет без следа. И я верю, потому что они все могут.

— Кто это — они? — тяжело спросил Кондратьев.

— Как — кто? Люди... Земляне.

— То есть — мы?

Женя заморгал.

— Конечно, — сказал он неуверенно. — В некотором смысле... мы. — Он перестал улыбаться и внимательно поглядел на Кондратьева. — Сережа, — сказал он тихо. — Тебе очень больно, Сережа?

Кондратьев слабо усмехнулся и показал глазами: нет, не очень. Но скоро будет очень, подумал он. Все равно, Женя хорошо сказал. «Сережа. Тебе очень больно, Сережа?» Хорошие слова, и он хорошо их сказал. Он сказал их совершенно так же, как в тот несчастный день, когда «Таймыр» зарылся в зыбкую пыль безымянной планеты и Кондратьев глупо, никчемно рискнул во время вылазки и повредил ногу. Было очень больно, хотя, конечно, не так, как сейчас. Женя, бросив кинокамеры, полз по осыпающемуся склону бархана, волоча за собой Кондратьева, и неистово ругался, а потом, когда им удалось наконец выкарабкаться на гребень, он ощупал ногу Кондратьева сквозь ткань скафандра и вдруг тихонько спросил: «Сережа. Тебе очень больно, Сережа?» Над голубой пустыней выползал в сиреневое небо жаркий белый диск, раздражающе тархтели помехи в наушниках, и они долго сидели, дожидаясь возвращения робота-разведчика. Робот-разведчик так и не вернулся; должно быть, затонул в пыли. И тогда они поползли обратно к «Таймыру»...

— О чем ты будешь писать? — спросил Кондратьев. — О нашем рейсе?

Женя с увлечением принялся говорить о частях и главах, но Кондратьев уже не слышал его. Он смотрел в потолок и думал: больно, больно, больно... И, как всегда, когда боль стала невыносимой, в потолке раскрылся овальный люк, бесшумно выдвинулась серая шершавая труба с зелеными мигающими окошечками. Труба плавно опустилась, почти касаясь груди Кондратьева, и замерла. Затем раздался тихий вибрирующий гул.

— Эт-то что? — осведомился Женя и встал.

Кондратьев молчал, закрыв глаза, с наслаждением ощущая, как отступает, затихает, исчезает сумасшедшая боль.

— Может быть, мне лучше уйти? — сказал Женя, озираясь.

Боль исчезла. Труба бесшумно ушла наверх, люк в потолке закрылся.

— Нет-нет, — сказал Кондратьев. — Это просто процедура. Сядь, Женя.

Он пытался вспомнить, о чем говорил Женя. Да. Повесть-очерк «За световым барьером». О рейсе «Таймыра». О попытке проскочить световой барьер. О катастрофе, которая перенесла «Таймыр» через столетие...

— Слушай, Евгений, — сказал Кондратьев, — они понимают, что случилось с нами?

— Да, конечно, — сказал Женя.

— Ну?

— Гм! — сказал Женя. — Они это, конечно, понимают. Но нам от этого не легче. Я, например, не могу понять, что они понимают.

— А все-таки?

— Я рассказал им все. Когда я дошел до этих ужасных эфирных мостов, они заявили: «Все понятно. Это была сигма-деритринитация».

— Как? — сказал Кондратьев.

— Де-ри-три-ни-та-ци-я. Сигма притом.

— Любопытно, — пробормотал Кондратьев. — Может быть, они еще что-нибудь заявили?

— Они мне прямо сказали: «Ваш «Таймыр» подошел вплотную к световому барьеру с легенным ускорением и сигма-деритринитировал пространственно-временной континуум». Они сказали, что нам не следовало прибегать к легенным ускорениям.

— Так, — сказал Кондратьев. — Не следовало, значит, прибегать к этим... как их... ускорениям. А мы, значит, прибегли. Дери... тери... Как это называется?

— Деритринитация. Я запомнил с третьего раза. Одним словом, насколько я понял, всякое тело у светового барьера при определенных условиях чрезвычайно сильно искажает форму мировых линий и как бы прокалывает риманово пространство. Ну... это приблизительно то, что предсказывал в наше время Быков-младший. — («Ага», — сказал

Кондратьев.) — Это прокалывание они называют деритринитацией. У них все корабли дальнего действия работают на этом принципе. Д-космолеты. — («Ага», — снова сказал Кондратьев.) — При деритринитации особенно опасны эти самые легенные ускорения. Откуда они берутся и в чем их суть, я совершенно не понял. Какие-то локальные вибрационные поля, гиперпереходы плазмы и так далее. Факт тот, что при легенных помехах неизбежны чрезвычайно сильные искажения масштабов времени. Вот это и случилось с нашим «Таймыром».

— Деритринитация, — печально сказал Кондратьев и закрыл глаза.

Они помолчали. «Плохо дело, — подумал Кондратьев. — Д-космолеты. Деритринитация. Этого мне не одолеть. И сломанная спина».

Женя погладил его по щеке и сказал:

— Ничего, Сережа. Я думаю, со временем мы во всем разберемся. Конечно, ничего не поделаешь, придется очень много учиться...

— Переучиваться, — прошептал Кондратьев, не открывая глаз. — Не обольщайся, Женя. Переучиваться. Все с самого начала.

— Ну что ж, я не прочь, — сказал Женя бодро. — Главное — захотеть.

— Хотеть — значит мочь? — ядовито осведомился Кондратьев.

— Вот именно.

— Это присловье придумали люди, которые могли, даже когда не хотели. Железные люди.

— Ну-ну, — сказал Женя, — ты тоже не бумажный. Вот слушай. На прошлой декаде я познакомился с одной молодой женщиной...

— Понятно, — сказал Кондратьев.

Женя очень любил знакомиться с молодыми женщинами.

— Она языковед. Умница, чудесный, изумительный человек...

— Ну разумеется, — сказал Кондратьев.

— Дай мне сказать, Сережа. Я все понимаю. Ты боишься. Не надо бояться. Здесь нельзя быть одиноким. Мне тоже сначала было страшно. А потом мы познакомились, и... Словом, выходи из больницы, и тогда поговорим. Поправляйся скорее, штурман. Ты киснешь.

Кондратьев помолчал, затем попросил:

— Евгений, будь добр, подойди к окну.

Женя встал и, неслышно ступая, подошел к огромному — во всю стену — голубому окну. В окне штурман не видел ничего, кроме далекого, прозрачного неба. Ночью окно было похоже на темно-синюю пропасть, утыканную колючими звездочками, и раз или два штурман видел, как там загорается красноватое зарево — загорается и быстро гаснет.

— Подошел, — сказал Женя.

— Что там?

— Там балкон.

— А дальше?

— А под балконом площадь, — сказал Женя и оглянулся на Кондратьева.

Кондратьев насупился. Даже Женька Славин не понимает его. Одинок до предела. Совершенно один в огромном неизвестном мире. До сих пор он не знает ничего. Ничего. Он не знает даже, какой пол в его комнате, почему все ступают по этому полу совершенно бесшумно. Вчера вечером штурман попытался приподняться и осмотреть комнату и сразу свалился в обмороке. Больше он не делал попыток, потому что терпеть не мог быть без сознания.

— Вот это здание, в котором ты лежишь, — сказал Женя, — это санаторий для тяжелобольных. Здание шестнадцатизэтажное, и твоя комната...

— ...палата, — проворчал Кондратьев.

— ...и твоя комната находится на девятом этаже. Балкон. Кругом горы — Урал — и сосновый лес. Дальше там Свердловск. До него километров сто. Отсюда я вижу, во-

первых, второй такой же санаторий. Во-вторых, вижу стартовую площадку для птерокаров. Ах, право, чудесные машины! Там их сейчас четыре... Так. Что еще? В-третьих, имеет место площадь-цветник с фонтаном. Возле фонтана стоит какой-то ребенок и, судя по всему, размышляет, как бы удрать в лес...

— Тоже тяжелобольной? — спросил штурман с интересом.

— Возможно. Хотя мало похоже. Так. Удрать ему не удастся, потому что его поймала одна голоногая тетя. Я уже знаком с этой тетей, она работает здесь. Очень милая особа. Ей лет двадцать. Давеча она спрашивала меня, не был ли я, случайно, знаком с Норбертом Винером и с Антоном Макаренко. Сейчас она влечет тяжелобольного ребенка и, по-моему, воспитывает его на ходу. А вот снижается еще один птерокар... Хотя нет, это не птерокар... А ты, Сережа, попросил бы у врача стереовизор.

— Я просил что-нибудь, — сказал штурман мрачно. — Он не разрешает.

— Почему?

— Откуда я знаю.

Женя вернулся к постели.

— Все это суета сует, — сказал он. — Все это ты увидишь, узнаешь и перестанешь замечать. Не нужно быть таким впечатлительным. Помнишь Кёнига?

— Ну?

— Помнишь, как я рассказывал ему про твою сломанную ногу, а он громко кричал с великолепным акцентом: «Ах, какой я впечатлительный! Ах!»

Кондратьев улыбнулся.

— А наутро я пришел к тебе, — продолжал Женя, — и спросил, как дела, а ты злобно ответил, что провел «разнообразную ночь».

— Помню, — сказал Кондратьев. — И вот здесь я провел много разнообразных ночей. И сколько их еще впереди!

— Ах, какой я впечатлительный! — закричал Женя.

Кондратьев опять закрыл глаза и некоторое время лежал молча.

— Слушай, Евгений, — сказал он, не открывая глаз, — а что тебе сказали по поводу твоего искусства водить звездолет?

Женя весело засмеялся:

— Была великая, очень вежливая ругань. Оказалось, я разбил какой-то телескоп на веземной обсерватории. Честное слово, не заметил — когда. Начальник обсерватории чуть не удавил меня. Но воспитание не позволило.

Кондратьев открыл глаза.

— Ну? — сказал он.

— Но потом, когда они узнали, что я не пилот, все обошлось. Меня даже хвалили. Начальник обсерватории сгоряча предложил мне принять участие в восстановлении телескопа.

— Ну? — сказал Кондратьев.

Женя вздохнул:

— Ничего не получилось. Врачи запретили.

Приоткрылась дверь, в комнату заглянула смуглая девушка в белом халатике, туго перетянутом в талии. Девушка строго поглядела на больного, затем на гостя и сказала:

— Пора, товарищ Славин.

— Сейчас ухожу, — сказал Женя.

Девушка кивнула и затворила дверь. Кондратьев грустно сказал:

— Ну вот, ты и уходишь...

— Так я же ненадолго! — вскричал Женя. — И не кисни, прошу тебя... Ты еще летаешь, ты еще будешь классным Д-звездолетчиком!

— Д-звездолетчик... — Штурман криво усмехнулся. — Ладно, Евгений, ступай. Сейчас звездолетчика будут кормить кашкой. С ложечки.

Женя поднялся.

— До свиданья, Сережа, — сказал он, осторожно похлопав руку Кондратьева, лежавшую поверх простыни. — Выздоровлявай. И помни, что новый мир — очень хороший мир.

— До свиданья, классик, — проговорил Кондратьев. — Приходи скорее. И приведи свою умницу. Как ее зовут?

— Шейла, — сказал Женя. — Шейла Кадар.

Он вышел. Он вышел в незнакомую и в общем-то чужую жизнь, под бескрайнее небо, в зелень бескрайних садов. В мир, где, наверное, стрелами уходят за горизонт стеклянные автострады, где стройные здания бросают на площади ажурные тени. Где мчатся машины без людей и с людьми, одетыми в диковинные одежды, спокойными, умными, доброжелательными, всегда очень занятыми и очень этим довольными. Вышел и пойдет дальше бродить по планете, похожей и не похожей на Землю, которую мы с ним покинули так давно и так недавно. Он будет бродить со своей Шейлой Кадар и скоро напишет свою книгу, и книга эта будет, конечно, очень хорошей, потому что Женя может написать только очень хорошую, умную книгу...

Кондратьев открыл глаза. Рядом с постелью сидел толстый румяный врач Протос и молча смотрел на него. Врач Протос улыбнулся, покивал и сказал вполголоса:

— Все будет хорошо, Сергей.

Глава вторая. Самодвижущиеся дороги

Самодвижущиеся дороги

— Может, ты все же проведешь вечер с нами? — сказал Женя Славин с виноватым видом.

— Правда, оставайтесь с нами, Сережа! — сказала Шейла. — Поедем к нам, потанцуем. Я приглашу друзей...

— Нет уж, — пробормотал Кондратьев. — Я уж пойду.

— Ну куда вы пойдете с таким печальным видом? — сказала Шейла. — Может, вам не хочется танцевать? Тогда просто побеседуем. У нас сосед очень славный человек...

— Инженер-ассенизатор, — вставил Женя.

— Да нет, спасибо, — сказал Кондратьев. — Мне тут надо в одно место...

Шейла, конечно, приглашает искренне, но Женька... Хотя кто их разберет, влюбленных... И вообще — сидеть, завидовать и еще беседовать с каким-то ассенизатором... Нет уж.

— До свиданья, — сказал он решительно, отступая от птерокара.

Шейла улыбнулась ему ласково и печально и кивнула. Прекрасный человек Шейла, она все понимает. И не станет смотреть вслед долгим взглядом, шепча громко: «Ах, как ему тяжело сейчас, бедняжке!» Везет этому рыжему.

Женя небрежно кончиками пальцев коснулся клавиш на приборной доске. Он даже не глядел на приборную доску. Левая рука его лежала за спиной Шейлы. Он был великолепен. Он не захлопнул дверцу. Он подмигнул Кондратьеву и рванул птерокар с места так, что дверца захлопнулась сама. Птерокар взмыл в небо и поплыл над крышами. Кондратьев поплелся к эскалатору.

Ладно, подумал он, окунемся в жизнь. Женька говорит, что в этом городе нельзя заблудиться. Посмотрим.

Эскалатор бесшумно понес его в недра здания. Кондратьев посмотрел вверх. Над головой была полупрозрачная крыша, на ней лежали тени птерокаров и вертолетов, принадлежавших, видимо, обитателям дома. Кажется, каждая крыша в городе была посадочной площадкой. Кондратьев посмотрел вниз. Там был обширный светлый вестибюль. Пол вестибюля был гладкий и блестящий, как лед.

Мимо Кондратьева, дробно стуча каблучками по ступенькам, сбежали две молоденькие девушки. Одна из них — маленькая, в белой блузе и ярко-синей юбке, — пробегая, заглянула ему в лицо. У нее был нос в веснушках и челка до бровей. Что-то в Кондратьеве поразило ее. На мгновение она остановилась и, чтобы не упасть, ухватилась за поручень. Затем она догнала подругу, и они побежали дальше, а внизу, уже в вестибюле, оглянулись обе. «Ну вот, — уныло подумал Кондратьев, — начинается! По улицам слона водили».

Он спустился в вестибюль (девушек уже не было), попробовал ногой пол — не скользит ли. Оказалось — не скользит. В вестибюле по сторонам двери были огромные окна, и в окна было видно, что на улице очень много зелени. Город тонул в зелени — это Кондратьев видел, пролетая на птерокаре. Сверху казалось, что зелень заполняет все промежутки между крышами. Кондратьев обошел вестибюль, постоял перед торшерной вешалкой, на которой висел одинокий сиреневый плащ, осторожно оглядевшись, пощупал материю и направился к двери. На ступеньках крыльца он остановился. Улицы не было.

Прямо от крыльца через густую высокую траву вела утоптанная тропинка. Шагах в десяти она исчезала в зарослях кустарника. За кустарником начинался лес — высокие прямые сосны вперемежку с приземистыми, видимо очень старыми, дубами. Вправо и влево уходили чистые голубые стены домов.

— Здорово! — сказал вслух Кондратьев и потянул носом воздух.

Воздух был очень хороший. Кондратьев заложил руки за спину и решительно двинулся по тропинке. Тропинка вывела его на довольно широкую песчаную дорожку. Кондратьев, поколебавшись, свернул направо. На дорожке было много людей. Он даже напрягся, ожидая, что праправнуки при виде его немедленно прервут разговоры, отвлекутся от своих насущных забот, остановятся и примутся пялить на него глаза. Может быть, будут даже расспрашивать. Но ничего подобного не случилось. Какой-то пожилой праправнук, обгоняя, неловко толкнул его и сказал:

— Простите, пожалуйста... Нет-нет, это я не тебе.

Кондратьев на всякий случай улыбнулся.

— Что-нибудь случилось? — услышал он слабый женский голос, исходивший, казалось, из недр пожилого праправнука.

— Нет-нет, — сказал праправнук, доброжелательно кивая Кондратьеву. — Я здесь нечаянно толкнул одного молодого человека.

— А... — сказал женский голос. — Тогда слушай дальше. Ванда стала спорить, что хориола лучше пианино, и мы...

Пожилой праправнук удалялся, и женский голос постепенно затих. «Здорово! — подумал Кондратьев. — Это, конечно, радифон. Только где он у него?»

Праправнуки обгоняли Кондратьева и шли навстречу. Многие улыбались ему, иногда даже кивали. Однако никто не пялил глаз и не лез с расспросами. Правда, некоторое время вокруг Кондратьева описывал сложные траектории какой-то черноглазый юнец — руки в карманы, — но в тот самый момент, когда Кондратьев сжалился наконец и решил ему кивнуть, юнец, видимо отчаявшись, отстал. Кондратьев почувствовал себя свободнее и стал присматриваться и прислушиваться.

Праправнуки казались, в общем, самыми обыкновенными людьми. Пожилые и молодые, высокие и маленькие, красивые и некрасивые. Мужчины и женщины. Не было глубоких стариков. Вообще не было дряхлых и болезненных. И не было детей. Впрочем, Кондратьев вспомнил, что все дети сейчас должны находиться в школах-интернатах. И вели себя праправнуки на этой зеленой улице очень спокойно и непринужденно — словно принимали у себя дома старых добрых друзей. Нельзя сказать, чтобы все они исходили радостью и счастьем. Кондратьев видел и озабоченные, и усталые, изредка даже просто мрачные лица. Один молодой парень сидел у обочины дорожки среди одуванчиков, срывал их один за другим и свирепо дул на них. Видно было, что мысли его гуляют где-то далеко-далеко и эти мысли совсем невеселые.

Одевались праправнуки просто и все по-разному. Мужчины постарше были в длинных брюках и мягких куртках с открытым воротом, женщины — тоже в брюках или в длинных платьях изящного раскроя. Молодые люди и девушки почти все были в коротких широких штанах и белых или цветных блузах. Встречались, впрочем, и модницы, щеголявшие в пурпурных или золотых плащах, накинутых на короткие светлые, с золотым шитьем... рубахи, решил Кондратьев. На модниц оглядывались.

В городе было тихо. Во всяком случае, не было слышно никаких механических звуков. Кондратьев слышал только голоса да иногда — откуда-то — музыку. Еще шумели кроны деревьев, и изредка проносилось мягкое «фр-р-р» пролетающего птерокара. Видимо, воздушный транспорт двигался, как правило, на большой высоте. Одним словом, все здесь не было совершенно чужим для Кондратьева, хотя и было очень забавно ходить в громадном городе по тропинкам и песчаным дорожкам, задевая одеждой за ветки кустарника. Почти такими же были сто лет назад пригородные парки. Кондратьев мог бы чувствовать себя здесь совсем своим, если бы только не чувствовал себя таким ничемным, ничемнее, несомненно, чем любая из этих золотых и пурпурных модниц с короткими подолами.

Он обогнал мужчину и женщину, идущих под руку. Мужчина рассказывал:

— ...в этом месте вступает скрипка — та-ла-ла-ла-а! — а потом тонкая и нежная ниточка хориолы — ти-ии-та-та-та... ти-и-и!

Это получалось у него проникновенно. Женщина смотрела на него с любовью и восторгом.

У обочины стояли двое немолодых и молчали. Один вдруг сказал угрюмо:

— Все равно ей не следовало рассказывать об этом мальчику.

— Теперь уже поздно, — отозвался другой, и они снова замолчали.

Навстречу Кондратьеву медленно шли трое — высокая бледная девушка, огромный пожилой индус и задумчивый, рассеянно улыбающийся парень. Девушка говорила, резко взмахивая сжатым кулачком:

— Вопрос решать надо альтернативно. Или ты художник-писатель, или ты художник-сенсуалист. Третьего быть не может. По крайней мере, сейчас. Я не могу считать достойными те приемы, к которым прибегает Вальедалид. Он играет пространственными отношениями. Это дешевка — уже хотя бы потому, что это техника, а не искусство. Он просто равнодушный и самодовольный дурак.

— Маша, Маша! — укоризненно прогудел индус.

— Не останавливайте ее, учитель Яшпал, пусть ее, — сказал парень.

Кондратьев поспешно свернул на боковую тропинку, миновал живую изгородь, пеструю от больших желтых и синих цветов, и остановился как вкопанный. Перед ним была самодвижущаяся дорога.

Кондратьев уже слышал от Жени об удивительных самодвижущихся дорогах. Их начали строить давно, и теперь они тянулись через многие города, образуя непрерывную разветвленную материковую систему от Пиренеев до Тянь-Шаня и на юг через равнины Китая до Ханоя, а в Америке — от порта Юкон до Огненной Земли. Женя рассказывал об этих дорогах неправдоподобные вещи. Он говорил, будто дороги эти не потребляют энергии и не боятся времени; будучи разрушенными, восстанавливаются сами; легко взбираются на горы и перебрасываются мостами через пропасти. По словам Жени, эти дороги будут существовать и двигаться вечно, до тех пор, пока светит Солнце и цел земной шар. И еще Женя говорил, что самодвижущиеся дороги — это, собственно, не дороги, а поток чего-то среднего между живым и неживым.

Дорога текла в нескольких шагах от Кондратьева шестью ровными серыми потоками. Это были так называемые полосы Большой Дороги. Полосы двигались с разными скоростями и отделялись друг от друга и от травы улиц вершковыми белыми барьерами. На полосах сидели, стояли, шли люди. Кондратьев приблизился и нерешительно поставил ногу на барьер. И тогда, наклонившись и прислушавшись, он

услыхал голос Большой Дороги: скрип, шуршание, шелест. Дорога действительно ползла. Кондратьев решил и шагнул через барьер.

Он чуть не потерял равновесие — кто-то поддержал его под локоть, — выпрямился, постоял немного и перешел на следующую полосу.

Дорога текла с холма, и Кондратьев видел сейчас ее до самого синего горизонта. Она блестела на солнце, как гудронное шоссе.

Кондратьев стал глядеть на проплывающие над вершинами сосен крыши домов. На одной из крыш блестело исполинское сооружение из нескольких громадных квадратных зеркал, нанизанных на тонкие ажурные конструкции. На всех крышах стояли птерокары — красные, зеленые, золотистые, серые. Сотни птерокаров и вертолетов висели над городом. Вдоль дороги, надолго закрыв солнце, проплыл с глухим свистящим рокотом треугольный воздушный корабль и скрылся за лесом. Никто не поднял головы. Далеко в туманной дымке обозначились очертания какого-то сооружения — не то мачты, не то телевизионной башни. Дорога текла плавно, без толчков, зеленые кусты и коричневые стволы сосен весело бежали назад, в просветах между ветвями появлялись и исчезали большие стеклянные здания, светлые коттеджи, открытые веранды под блестящими пестрыми навесами.

Кондратьев вдруг сообразил, что дорога уносит его на окраину Свердловска. «Ну и пусть, — подумал он. — Ну и хорошо». Наверное, эта дорога может унести куда угодно. В Сибирь, в Китай, во Вьетнам. Он сел и обхватил руками колени. Сидеть было не мягко, но и не жестко. Впереди Кондратьева трое юношей сидели по-турецки, склонившись над какими-то разноцветными квадратиками. Наверное, они решали геометрическую задачу. А может быть, играли. «Зачем нужны эти дороги? — подумал Кондратьев. — Вряд ли кому-нибудь придет в голову ездить таким вот образом во Вьетнам или в Китай. Слишком мала скорость... и слишком жестко. Ведь есть стратопланы, громадные треугольные корабли, птерокары, наконец... Какой же прок в дороге? И сколько она, наверное, стоила!» Он стал вспоминать, как строили дороги век назад — и не самодвижущиеся, а самые обыкновенные, и притом не очень хорошие. Огромные полуавтоматические дорогоукладчики, гудронная вонь, зной и потные, измученные люди в кабинах, запорошенных пылью. А в Большую Дорогу вбита чертова уйма труда и мысли, гораздо больше, конечно, чем в Трансгобийскую магистраль. И все для того, видимо, чтобы можно было сойти где хочешь, сесть где хочешь и ползти, ни о чем не заботясь, срывая по пути ромашки. Странно, непонятно, нерационально. А еще двадцать второй век!

Стеклянные этажи над вершинами сосен внезапно кончились. Гигантская глыба серого гранита выросла над соснами. Кондратьев вскочил. На вершине глыбы, вытянув руку над городом и весь подавшись вперед, стоял огромный человек. Это был Ленин — такой же, какой когда-то стоял, да и сейчас, наверное, стоит на площади перед Финляндским вокзалом в Ленинграде. «Ленин!» — подумал Кондратьев. Он чуть не сказал это вслух. Ленин протянул руку над этим городом, над этим миром. Потому что это его мир — таким — сияющим и прекрасным — видел он его два столетия назад... Кондратьев стоял и смотрел, как уходит громадный монумент в голубую дымку над стеклянными крышами.

Сосны стали ниже и гуще. На минуту рядом с дорогой открылась широкая поляна, на которой кучка людей в комбинезонах возилась с каким-то сложным механизмом. Дорога проскользнула под узкой полукруглой аркой-мостиком, прошла мимо указателя со стрелой, на котором было написано: «Матросово — 15 км. Поворот к Желтой Фабрике — 6 км» и еще что-то — Кондратьев не успел прочитать. Он огляделся и увидел, что людей на лентах дороги стало меньше. На лентах, бегущих в обратную сторону, было вообще пусто. «Матросово — это, наверное, поселок. А Желтая Фабрика?» Сквозь стволы сосен мелькнула длинная веранда, уставленная столиками. За столиками сидели люди, ели и пили. Кондратьев почувствовал голод, но, поколебавшись, решил пока воздержаться. На

обратном пути, подумал он. Было очень радостно ощущать здоровый сильный голод и быть в состоянии в любой момент удовлетворить его.

Сосны поредели, и откуда-то вынырнула широченная автострада, блестящая под лучами вечернего солнца. По автостраде летели ряды чудовищных машин на двух, трех, даже восьми шасси и вообще без шасси, тупорылых, с громадными кузовами-вагонами, закрытыми ярко раскрашенной пластмассой. Машины шли навстречу, в город. Видимо, где-то поблизости автострада ныряла под землю и скрывалась в многоэтажных тоннелях под городом. Приглядевшись, Кондратьев заметил, что на машинах не было кабин, не было места для человека. Машины шли сплошным потоком, сдержанно гудя, на расстоянии каких-то двух-трех метров друг за другом. В просветы между ними Кондратьев увидел несколько таких же машин, идущих в обратном направлении. Затем дорогу снова плотно обступили заросли, и автострада скрылась из глаз.

— Вчера один грузовик соскочил с шоссе, — сказал кто-то за спиной Кондратьева.

— Это потому, что снят силовой контроль. Роят новые этажи.

— Это-то так. Все равно, не люблю я этих носорогов.

— Ничего, скоро закончим многослойный конвейер, тогда шоссе можно будет закрыть.

— Давно пора...

Впереди показалась еще одна веранда со столиками.

— Леша! Лешка! — крикнули от одного из столиков и помахали рукой.

Парень и молодая женщина впереди Кондратьева тоже замахали руками, перешли на медленную ленту и соскочили на траву напротив веранды. И еще несколько человек соскочили тут же. Кондратьев хотел было тоже соскочить, но заметил столб с указателем: «Поворот к Желтой Фабрике — 1 км». И он остался.

Он соскочил у поворота. Между стволами была видна неширокая утоптанная дорожка, ведущая вверх по склону большого холма. На вершине холма на фоне закатного неба четко вырисовывались очертания небольших строений. Кондратьев не торопясь двинулся по дорожке, с наслаждением ощущая под ногами податливую землю. «А ведь в дождь здесь должна быть грязь», — почему-то подумал он. Через несколько минут он выбрался на вершину холма и остановился на краю исполинской котловины, тянувшейся, как ему показалось, до самого горизонта.

Контраст между спокойной, мягкой зеленью под синим вечерним небом и тем, что открылось в котловине, был настолько разителен, что Кондратьев попятился, зажмурил глаза и помотал головой. На дне котловины кипел ад. Настоящий ад, со зловещими сине-белыми вспышками, крутящимся оранжевым дымом, клокочущей вязкой жидкостью, раскаленной докрасна. Что-то медленно вспучивалось и раздувалось там, как гнойный нарыв, затем лопалось, разбрызгивая и расплескивая клочья оранжевого пламени, заволакивалось разноцветными дымами, исходило паром; огнем и ливнем искр и снова медленно вспучивалось и лопалось. В вихрях взбесившейся материи носились лохматые молнии, возникали и исчезали через секунду чудовищные неясные формы, крутились смерчи, плясали голубые и розовые призраки. Долго Кондратьев вглядывался, как замороженный, в это необыкновенное зрелище. Затем он понемногу пришел в себя и стал замечать и нечто другое.

Ад был бесшумен и строго геометрически ограничен. Ни одним звуком не выдавала себя грандиозная пляска огней и дымов, ни один язык пламени, ни один клуб дыма не проникал за какие-то пределы, и, приглядевшись, Кондратьев обнаружил, что все обширное, уходящее далеко к горизонту пространство ада накрыто еле заметным прозрачным колпаком, края которого уходили в бетон — если это был бетон, — покрывавший дно котловины. Потом Кондратьев увидел, что колпак этот был двойным и даже, кажется, тройным, потому что время от времени в воздухе над котловиной мелькали плоские отблески, вероятно, отражения вспышек от внутренней поверхности верхнего колпака. Котловина была глубокая, ее крутые, ровные стены, облицованные гладким

серым материалом, уходили на глубину по крайней мере сотни метров. «Крыша» необъятного колпака возвышалась над дном котловины не более чем метров на пятьдесят. Видимо, это и была Желтая Фабрика, о которой предупреждали надписи на указателях. Кондратьев сел на траву, сложил руки на коленях и стал смотреть в колпак.

Солнце зашло, по серым склонам котловины запрыгали разноцветные отсветы. Очень скоро Кондратьев заметил, что в бушующей адской кухне хаос царит не безраздельно. В дыму и огне то и дело возникали какие-то правильные четкие тени, то неподвижные, то стремительнодвигающиеся. Разглядеть их как следует было очень трудно, но один раз дым вдруг рассеялся на несколько мгновений, и Кондратьев увидел довольно отчетливо сложную машину, похожую на паука-сенокосца. Машина подпрыгивала на месте, словно пыталась выдернуть ноги из вязкой огненной массы или месила своими длинными блестящими сочленениями эту кипящую массу. Затем что-то вспыхнуло под нею, и она опять заволокла облаками оранжевого дыма.

Над головой Кондратьева с фырканием прошел небольшой вертолет. Кондратьев поднял глаза и проводил его взглядом. Вертолет полетел над колпаком, затем вдруг вильнул в сторону и камнем рухнул вниз. Кондратьев ахнул и вскочил на ноги. Вертолет уже стоял на «крыше» колпака. Казалось, он просто неподвижно повис над языками пламени. Из вертолета вышел крошечный черный человечек, нагнулся, упираясь руками в колени, и стал смотреть в ад.

— Скажи, что я вернусь завтра утром! — крикнул кто-то за спиной Кондратьева.

Штурман обернулся. Невдалеке, утопая в пышных кустах сирени, стояли два аккуратных одноэтажных домика с большими освещенными окнами. Окна до половины были скрыты в кустарнике, и качающиеся под ветерком ветки выделялись на фоне ярких голубых прямоугольников тонкими ажурными силуэтами. Послышались чьи-то шаги. Затем шаги на секунду остановились, тот же голос крикнул:

— И попроси маму, чтобы она сообщила Борису!

— Хорошо! — откликнулся женский голос.

Окна в одном из домиков погасли. Из другого домика доносились звуки какой-то грустной мелодии. В траве стрекотали кузнечики, слышалось сонное чириканье птиц. Во всяком случае, на этой фабрике мне делать нечего, подумал Кондратьев.

Он встал и отправился назад. Несколько минут он путался в кустарниках, отыскивая дорогу, затем отыскал и зашагал между соснами. Дорога смутно белела под звездами. Еще через несколько минут Кондратьев увидел впереди голубоватый свет, газосветные лампы столба с указателем и почти бегом сошел к самодвижущейся дороге. Дорога была пуста.

Кондратьев, прыгая, как заяц, и вскрикивая: «Гоп! Гоп!», перебежал на полосу, движущуюся в направлении города. Ленты неярко светились под ногами, слева и справа уносились назад темные массы кустов и деревьев. Далеко впереди горело в небе голубоватое зарево — там был город. Кондратьев вдруг ощутил зверский голод.

Он сошел у веранды со столиками, той самой, возле которой стоял указатель: «Поворот к Желтой Фабрике — 1 км». На веранде было светло, шумно и вкусно пахло. Народу было так много, что Кондратьев даже удивился. Были заняты не только все столики — их было не меньше пятидесяти, и они стояли полукругом, — но и пространство внутри полукруга, где люди сидели и лежали на каких-то ярко раскрашенных круглых матрасиках. Большая куча таких матрасиков громоздилась в углу веранды. «Здесь, пожалуй, поужинаешь...» — уныло подумал Кондратьев, но все-таки поднялся по ступенькам и остановился на пороге. Праправнуки пили, ели, смеялись, разговаривали и даже пели.

Кондратьева сразу потянул за рукав какой-то голенастый праправнук с ближайшего столика.

— Садитесь, садитесь, товарищ, — сказал он поднимаясь.

— Спасибо, — пробормотал Кондратьев. — А как же вы?

— Ничего! Я уже поел, и вообще не беспокойтесь.

Кондратьев, совершенно не зная, что сказать и как себя вести, с величайшей неловкостью уселся, положив руки на колени. Огромный темнолицый мужчина напротив, поедавший что-то очень аппетитное из глубокой тарелки, вскинул на него глаза и невнятно спросил:

— Ну, что там? Тянут?

— Что тянут? — спросил Кондратьев.

Все за столиком глядели на него.

Темнолицый, перекосив лицо, глотнул и сказал:

— Ведь вы из Аньюдина?

— Нет, — сказал Кондратьев. — Я с Желтой Фабрики.

«Не ляпнуть бы чего-нибудь невпопад», — подумал он.

— Где это? — с любопытством спросила молодая женщина, сидевшая справа от Кондратьева.

— До поворота на Желтую Фабрику один километр, — пробормотал экс-штурман.

— А там — по холму и... к домикам...

— И над чем вы там работаете?

Кондратьеву захотелось встать и уйти.

— Видите ли... — начал он.

Но тут коренастый юноша, сидевший слева, радостно сказал:

— Я знаю, кто вы! Вы штурман Кондратьев с «Таймыра»!

— Ох, простите! — сказала женщина. — Я не узнала вас. Простите!

Темнолицый сейчас же поднял правую руку ладонью вверх и представился:

— Москвичев. Иоанн. Ныне — Иван.

Женщина справа сказала:

— Завадская Елена Владимировна.

Коренастый юноша задвигал ногами под столом и сказал:

— Басевич. Метеоролог.

Маленькая беленькая девочка, затиснутая между метеорологом и Иоанном Москвичевым, весело пискнула:

— Оператор тяжелых систем Марина Черняк...

Экс-штурман Кондратьев привстал и поклонился.

— Я вас тоже не сразу узнал, — объявил Москвичев. — Вы здорово поправились. А мы вот здесь сидим и ждем. Не хватает планетолетов, остается только сидеть и поедать сациви. Сегодня днем нам предложили двенадцать мест на продовольственном танкере — думали, что мы не согласимся. Мы сдуру начали бросать жребий, а в это время на танкер погрузилась группа из Воркуты. Главное — здоровенные ребята! На двенадцать мест еле втиснулось десять человек, а остальные пятеро остались здесь, — он неожиданно захохотал, — сидят и едят сациви!.. Кстати, а не съесть ли еще порцию? А вы уже ужинали?

— Нет, — сказал Кондратьев.

Москвичев вылез из-за стола.

— Тогда я и вам сейчас принесу.

— Пожалуйста, — сказал Кондратьев благодарно.

Иоанн Москвичев удалился, протискиваясь между столиками.

— Выпейте вина, — сказала Елена Владимировна, пододвигая Кондратьеву свой бокал.

— Спасибо, не пью, — механически сказал Кондратьев. Но тут он вспомнил, что он больше не звездолетчик и звездолетчиком никогда уже не будет. — Простите. С удовольствием.

Вино было ароматное, легкое, вкусное. Нектар, подумал Кондратьев. Боги пьют нектар. И едят сациви.

— Вы летите с нами? — пропищала оператор тяжелых систем.

— Не знаю, — сказал Кондратьев. — Может быть. А куда вы летите?

Праправнуки переглянулись.

— Мы добровольцы, — сказал Басевич. — Мы летим на Венеру. Надо превратить Венеру во вторую Землю.

Кондратьев резко выпрямился и поставил стакан.

— Венеру? — спросил он недоверчиво. Он-то хорошо помнил, что такое Венера. — А вы были когда-нибудь на Венере?

— Мы не были, — сказала Елена Владимировна. — Был Москвичев, да это ведь неважно. Плохо, что не хватает планетолетов. Мы ждем уже три дня.

Кондратьев вспомнил, как он тридцать три дня крутился вокруг Венеры на планетолете первого класса, не решаясь высадиться.

— Да, — сказал он с горькой иронией, — это неприятно — ждать так долго...

Затем он с ужасом посмотрел на беленького оператора тяжелых систем:

— Простите, вы тоже летите на Венеру?

— У меня индекс здоровья восемьдесят восемь, — немножко обиженно сказала оператор.

— Простите... Конечно... восемьдесят восемь... — пробормотал Кондратьев. «Радиоактивные пустыни, — подумал он. — Атомные вулканы. Черные бури...»

Вернулся Москвичев и грохнул на стол поднос, уставленный пиалами и тарелками. Среди тарелок торчала пузатая бутылка с длинным горлом.

— Вот, — сказал он. — Ешьте, товарищ Кондратьев. Вот, собственно, сациви, вот, если захотите, соус... Приправы... Десерт... Лед. Пейте вот это. «Яшма». Оно вам понравится... Пегов опять говорил с Аньудином. Обещают планетолет завтра в шесть.

— Вчера нам тоже обещали планетолет «завтра в шесть», — сказал Басевич.

— Нет! Теперь уже наверняка! Возвращаются звездолетчики. Д-космолеты — это не продовольственные танкеры. Шестьсот человек за рейс, Земля — Венера за двадцать часов. Послезавтра в это время мы уже будем там.

— Ура, звездолетчики! — неожиданно заорал юноша и потянулся к Кондратьеву бокалом.

— Ура! Ура! — охотно откликнулось кафе, кто-то запел превосходным гулким басом: «Тяжелые громады звездолетов уносятся в Ничто...» Остальные слова разобрать было невозможно, все потонуло в невообразимом шуме, смехе, аплодисментах...

Кондратьев торопливо отхлебнул из бокала и снова уткнулся в тарелку.

Москвичев тоже ел сациви, одновременно вещая:

— С Д-космолетами мы уже через месяц будем иметь на Венере полмиллиона человек... Все оборудование и снаряжение... Нужны свои заводы. Хватит! Сто лет живем там как собаки — носа не высунешь без спецкостюма. Давно пора!..

— Совершенно незачем было там жить, — сказала вдруг Завадская.

— Как вы можете так говорить? — жалобно запищала оператор тяжелых систем. — Всегда вы так, Елена Владимировна... Вы ее не слушайте, — сказала она, обращаясь к Кондратьеву. — Она всегда так, а на самом деле вовсе этого не думает...

— Нет, думаю, — сказала Елена Владимировна. — И моя точка зрения известна Совету. Прекрасно можно было поставить там автоматические заводы и уйти оттуда.

— Уйти, — сказал Москвичев благодушно. — Еще чего... Нет уж, матушка Елена Владимировна, уйти...

Юноша сказал металлическим голосом:

— Куда ступила наша нога, оттуда мы не уйдем.

— Что мы, зря умирали там? — крикнула беленькая девочка.

— Зря, — сказала Елена Владимировна. — Надо жить, а не умирать.

— Подумаешь! — сказал юноша. — На Земле тоже умирают. Даже молодые! И, если нужно умереть для того, чтобы после нас жили, любой из нас пойдет без колебаний на смерть. Так всегда было и всегда будет!

«Эк его!» — подумал Кондратьев одобрительно.

— Мы не позволим вам умирать, — сказала Елена Владимировна. — Уж пожалуйста, постарайтесь обойтись без этого.

— Ах, да не в этом дело, — сказала девочка. — Мы не об этом говорили. У вас, Елена Владимировна, так получалось, будто план «Венера» не нужен.

— Да, не нужен, — сказала просто Елена Владимировна.

— То есть как — не нужен? — угрожающе спросил Москвичев, отодвигая тарелку. — Нас там двадцать тысяч человек, мы даем Земле семнадцать процентов энергии, восемьдесят пять процентов редких металлов, а жить нам трудно. В оранжерею полежать на травке ходим по очереди. Голубого неба месяцами не видим.

— Так какого беса вы там торчите? — раздраженно сказал, обернувшись, широкоплечий человек, сидевший за соседним столиком. — Обошлись бы как-нибудь без ваших процентов...

— У тебя не спросили, — ответил Москвичев, не поворачивая головы.

Широкоплечий немедленно схватил свой стул и втиснулся между Кондратьевым и Еленой Владимировной.

— Не спросили? — сказал он. — А зря, Ваня, не спросили. — Он повернулся к Кондратьеву. — Я Зегерс, шахтер. Посудите сами, Сергей Иванович. Мы десять лет роем шахту к центру Земли. Нас тоже десять тысяч. Теперь всё бросают на Венеру. У нас отбирают производственные мощности и просят помочь. Где же справедливость?

— А вы бы отказались, — с сочувствием сказал штурман.

На лицах праправнуков изобразилось замешательство, и Кондратьев понял, что наконец что-то ляпнул. На него смотрели так, словно он посоветовал шахтеру обокрасть детский сад.

— То есть как это... отказаться? — сказал шахтер натянутым голосом.

— Простите, — пробормотал Кондратьев. — Я, кажется... В общем, не обращайтесь на меня внимания.

Все заулыбались. Шахтер, сообразив, видимо, что от экс-штурмана толку мало, апеллировал к Елене Владимировне.

— Ведь верно, Елена Владимировна? — сказал он.

— Вашу шахту я предлагала закрыть пять лет назад, — ледяным голосом сказала Елена Владимировна.

Москвичев злорадно захохотал.

— О врачи, врачи! — воскликнул он. — Понавыбирали мы вас в Совет на свою голову!

— Мы хотим работы! — сказала девушка. — Поймите! Большой, ответственной, чтобы вся Земля работала! Чтобы было весело и трудно! А как же иначе? Что мои тяжелые системы на Земле? Ну передвинуть домик с места на место, ну котлованчик для фабрики отрыть... Да разве я только это могу? Дайте мне построить ракетодром. — Она взмахнула сжатым кулачком. — Дайте построить город на болоте! И чтобы была буря! И подземные взрывы! И чтобы потом сказали: «Этот город строила Марина Черняк», понимаете?

— Ну... без бури и взрывов было бы лучше, — сказал Москвичев.

— Правильно, Маринка! — закричали за соседними столиками. — А то зажали нас на Земле, и развернуться негде...

За спиной Марины воздвигнулся худущий юноша с очень большим носом.

— Это все правильно, — сказал он рассудительным голосом. — Я сам подрывник и ужасно хочу больших взрывов. Но есть еще другая сторона. Самая главная, простите меня, Елена Владимировна. Двадцать тысяч человек работают на Венере в тяжелых условиях. Это очень хорошие люди. Я бы прямо сказал — лучшие люди. А мы, десять миллиардов землян, никак не соберемся им помочь! Это просто срам! Ну и что же, что

они хотят работать на Венере? Это их право — работать на Венере! И раз они не хотят уходить оттуда, мы должны им помочь. И, простите, Елена Владимировна, поможем.

— Милый! — растроганно пробасил Иоанн Москвичев. — Милые вы мои десять миллиардов!..

Елена Владимировна бесконечно умными глазами поглядела на носатого юношу, улыбнулась и сказала:

— Да-да, в том-то все и дело.

«Ах, молодцы, молодцы! — весело подумал Кондратьев. — Все правы!»

— Елена Владимировна, — понизив голос, спросил он, — а вы-то сами почему летите на Венеру?

— На Венере пока еще очень мало хирургических кабинетов, — тоже вполголоса ответила Елена Владимировна. — А я хирург-эмбриомеханик. Я могу работать без кабинета, в любых условиях, даже по пояс в болоте...

Кондратьев огляделся. Шахтер перебрался поближе к Москвичеву, и сейчас Москвичев во взаимодействии с носатым юношей наступал на него, а он яростно отбивался. Коренастый Басевич шептался с оператором тяжелых систем. Елена Владимировна, прищурившись, задумчиво смотрела поверх голов. Кондратьев встал и потихоньку вышел на крыльцо. Ночь была безлунная и ясная. Над черной бесформенной громадой леса низко висела яркая белая Венера. Кондратьев долго смотрел на нее и думал: «Может быть, попытаться туда? Все равно кем — землекопом, каким-нибудь водителем или подрывником».

— Смóтрите? — раздался из темноты голос. — Я вот тоже смотрю. Дождусь, когда она зайдет, и пойду спать. — Голос был спокойный и усталый. — Я, знаете, думаю и думаю. Насадить на Венере сады... Просверлить Луну огромным буровом. Была, знаете, такая юмореска у Чехова — прозорливец был старик. В конечном счете смысл нашего существования — тратить энергию... И, по возможности, знаете, так, чтобы и самому было интересно, и другим полезно. А на Земле теперь стало трудно тратить энергию. У нас все есть, и мы слишком могучи. Останавливаться — не в природе человека. Противоречие, если угодно... Конечно, и сейчас есть много людей, которые работают с полной отдачей — исследователи, педагоги, врачи-профилактики, люди искусства... Агротехники, ассенизаторы... И их всегда будет много. Но вот как быть остальным? Если человеку хочется стать инженером, оператором, лечащим врачом... Конечно, кое-кто уходит в искусство, но ведь большинство ищут в искусстве не убежища, а вдохновения. Судите сами — чудесные молодые ребята... Им мало места! Им нужно взрывать, переделывать, строить... И не дом строить, а по крайней мере мир — сегодня Венера, завтра Марс, послезавтра еще что-нибудь... Молодцы Совет! Вот и начинается межпланетная экспансия Человечества — разрядка великих аккумуляторов... Вы согласны со мной, товарищ?

— С вами я тоже согласен, — сказал Кондратьев.

Скатерть-самобранка

Женя и Шейла работали. Женя сидел за столом и читал «Философию скорости» Гардуэя. Стол был завален книгами, лентами микрокниг, альбомами, подшивками старых газет. На полу, среди разбросанных футляров от микрокниг, стоял переносный пульт связи с Информарием. Женя читал быстро, ерзал от нетерпения и часто делал пометки в блокноте. Шейла сидела в глубоком кресле, положив ногу на ногу, и читала Женину рукопись. В комнате было светло и почти тихо, в экране стереовизора вспыхивали цветные тени, едва слышно звучали нежнейшие такты старинной южноамериканской мелодии.

— Изумительная книга, — сказал Женя. — Я не могу ее читать медленно. Как он это сделал?

— Гардуэй? — рассеянно отозвалась Шейла. — Да, Гардуэй — это великий мастер.

— Как он этого добился? Я не понимаю, в чем секрет.

— Не знаю, дружок, — сказала Шейла, не отрываясь от рукописи. — И никто не знает. И он сам не знает.

— Поразительное чувство ритма мысли и ритма слова. Кто он такой? — Женя заглянул в предисловие. — Профессор структуральной лингвистики. А! Тогда понятно.

— Ничего тебе не понятно, — сказала Шейла. — Я тоже структуральный лингвист.

Женя поглядел на нее и снова углубился в чтение. За открытым окном сгущались сумерки. В темных кустах мелькали искорки светляков. Сонно перекликались поздние птицы.

Шейла собрала листы.

— Чудесные люди! — громко сказала она. — Смелые люди.

— Правда? — радостно вскричал Женя, повернувшись к ней.

— Неужели вы всё это перенесли? — Шейла смотрела на Женю широко раскрытыми глазами. — Всё перенесли и остались людьми. Не умерли от страха. Не сошли с ума от одиночества. Честное слово, Женька, иногда мне кажется, что ты действительно старше меня на сто лет.

— То-то, — сказал Женя.

Он поднялся, пересек комнату и сел у ног Шейлы. Шейла запустила пальцы в его рыжие волосы, и он прижался щекой к ее колену.

— Знаешь, когда было страшнее всего? — сказал он. — После второго эфирного моста. Когда Сережка поднял меня из амортизатора и я хотел пройти в рубку, а он не пустил меня.

— Ты об этом не писал, — сказала Шейла.

— В рубке оставались Фалин и Поллак, — сказал Женя. — Они погибли, — добавил он, помолчав.

Шейла молча гладила его по голове.

— Знаешь, — сказал он, — в известном смысле предки всегда богаче потомков. Богаче мечтой. Предки мечтают о том, что для потомков рутина. Ах, Шейла, какая это была мечта — достигнуть звезд! Мы все отдавали за эту мечту. А вы летаете к звездам, как мы летали к маме на летние каникулы. Бедные вы, бедные!

— Всякому времени своя мечта, — сказала Шейла. — Ваша мечта унесла человека к звездам, а наша мечта вернет его на Землю. Но это будет уже совсем другой человек.

— Не понимаю, — сказал Женя.

— Мы и сами этого еще как следует не понимаем. Ведь это мечта. Человек Всемогуший. Хозяин каждого атома во Вселенной. У природы слишком много законов. Мы их открываем и используем, и все они нам мешают. Закон природы нельзя преступить. Ему можно только следовать. И это очень скучно, если подумать. А вот Человек Всемогуший будет просто отменять законы, которые ему неудобны. Возьмет и отменит.

Женя сказал:

— В старое время таких людей называли волшебниками. И обитали они по преимуществу в сказках.

— Человек Всемогуший будет обитать во Вселенной. Как мы с тобой в этой комнате.

— Нет, — сказал Женя, — этого я не понимаю. Это как-то выше меня. Я, наверное, мыслю очень прозаически. Мне даже сказали вчера, что со мной скучно разговаривать. И я не обиделся. Я действительно еще не все понимаю.

— Это кто сказал, что ты скучный? — сердито спросила Шейла.

— Да там... Неважно. Я действительно был не в форме. Очень спешил домой.

Шейла взяла его за уши и посмотрела в глаза.

— Тот, кто тебе это сказал, — проговорила она, — неблагодарный осел. Ты должен был посмотреть на него сверху вниз и ответить: «Я проложил тебе дорогу к звездам, а мой отец проложил тебе дорогу ко всему, что ты сейчас имеешь».

Женя усмехнулся:

— Ну, это забывается. Неблагодарность потомков — обыкновенная вещь. Мой дед, например, погиб под Ленинградом, а я даже не помню, как его звали.

— И очень плохо, — сказала Шейла.

— Шейлочка, Шейлочка, — легкомысленно сказал Женя, — потому потомки и забывчивы, что предки не обидчивы.

Он схватил ее в охапку и принялся целовать. В дверь постучали.

— Ну вот! — недовольно сказал Женя.

— Войдите! — крикнула Шейла.

Дверь приоткрылась, и голос соседа, инженера-ассенизатора Юры, спросил:

— Я здорово вам помешал?

— Входите, входите, Юра, — сказала Шейла.

— Эх, мешать так мешать, — произнес Юра и вошел. — А ну, пошли в сад, — потребовал он.

— Чего мы не видели в саду? — удивился Женя. — Давайте лучше смотреть стереовизор.

— Стереовизор у меня у самого есть, — сказал Юра. — Пойдемте, Женя, расскажете нам с Шейлой что-нибудь про Луи Пастера.

— Какую сливную станцию вы обслуживаете? — осведомился Женя.

— Сливную станцию? Что это такое?

— Обыкновенная сливная станция. Свозят туда всякое... мусор, помои... А она перерабатывает и, стало быть, сливает. В канализацию.

— А! — радостно воскликнул инженер-ассенизатор. — Как же, вспомнил. Сливные башни. Но на Планете давно уже нет сливных башен, Женя!

— А я родился через полтора века после Пастера, — сказал Женя.

— Ну, тогда расскажите про доктора Моргенау.

— Доктор Моргенау, насколько я знаю, родился через год после старта «Таймыра», — устало возразил Женя.

— Одним словом, пойдемте в сад. Шейла, берите его.

Они вышли в сад и уселись на скамейке под яблоней. Было совсем темно, деревья в саду казались черными. Шейла зябко поежилась, и Женя сбегал в дом за курткой. Некоторое время все молчали. Потом с ветки сорвалось большое яблоко и с глухим стуком ударилось о землю.

— Яблоки еще падают, — сказал Женя. — А Ньютонов что-то не видно.

— Ты имеешь в виду ученых-полилогов¹? — серьезно спросила Шейла.

— Д-да, — сказал Женя, который всего-навсего хотел сострить.

— Во-первых, мы все сейчас полилоги, — с неожиданным раздражением сказал Юра. — С вашей, допотопной точки зрения, конечно. Потому что нет биолога, который не знал бы математики и физики, а такой лингвист, как Шейла, например, сразу пропал бы без психофизики и теории исторических последовательностей. Но я-то знаю, что вы хотите сказать! Нет, видите ли, Ньютонов! Энциклопедический ум ему подавай! Узко, видите ли, работаете! Шейла — всего только лингвист, я — всего только ассенизатор, а Окада — всего-навсего океанолог! Почему, видите ли, не все сразу, в одном лице?..

— Караул! — закричал Женя. — Я никого не хотел обидеть! Я просто пошутил!

— ...А вы знаете, Женечка, что такое современная так называемая узкая проблема? Всю жизнь ее жуешь, и конца не видно. Это же клубок самых неожиданных задач. Да возьмем хоть то же яблоко. Почему упало именно это яблоко? Почему именно в данный

¹ Полилог — здесь: специалист во многих областях знания.

момент? Механика соприкосновения яблока с землей. Процесс передачи импульса. Условия обращенного падения. Квантовая картина падения. Наконец, как, пропади оно пропадом, извлечь пользу из этого падения...

— Это-то просто, — примирительно сказал Женя. Он нагнулся, пошарил на земле и поднял яблоко. — Я его съем.

— Еще неизвестно, будет ли это максимальная польза, — язвительно сказал Юра.

— Тогда съем я, — сказала Шейла и отобрала яблоко у Жени.

— Кстати, о пользе, — сердито сказал Женя. — Вы, Юра, очень любите рассуждать о пользе. Между тем вокруг бегают невообразимо сложные кибердворники, киберсадовники, киберпоедатели-мух-и-гусениц, киберсоорудители-бутербродов-ветчиной-и-сыром. Ведь это же дико. Это даже не стрельба из пушек по воробьям, как говорили в наше время. Это создание однокомнатных индивидуальных квартир для муравьев. Это же сибаритство чистой воды!

— Женечка! — сказала Шейла.

И Юра весело засмеялся.

— Это вовсе не сибаритство, — сказал он. — Наоборот. Освобождение мысли, удобство, экономия. Елки-палки, да кто же пойдет в сборщики мусора? А если даже и найдется такой любитель, то все равно он будет работать медленнее и хуже киберов. Потом, эти киберы вовсе не так трудно производить, как вы думаете. Их было довольно сложно придумать, это правда. Их трудно совершенствовать. Это тоже правда. Но уж коль скоро они попали в серийное выращивание, с ними гораздо меньше возни, чем с... э-э... как у вас назывались ботинки?

— Ботинками, — кротко сказал Женя.

— И самое главное, в наше время никто не делает одноплановых машин. Во-первых, вы совершенно напрасно разделяете кибердворников и киберсадовников. Это одни и те же машины.

— Позвольте, — сказал Женя. — Я же видел. Кибердворники — они с такими лопатками, с пылесосами... А киберсадовники...

— Да просто на них сменные наборы манипуляторов. И дело даже не в этом. Дело в том, что все эти киберы... и вообще все бытовые машины и приборы... это все великолепные озонаторы. Они поедают мусор, сухие ветки и листья, жир с грязной посуды, и все это служит им топливом. Вы поймите, Женя, это не грубые механизмы вашего времени. По сути, это квазиорганизмы. И в процессе своей квазижизни они еще и озонируют воздух, витаминизируют воздух, насыщают воздух легкими ионами. Это маленькие добрые солдаты огромной славной армии ассенизации.

— Сдаюсь, — сказал Женя.

— Нынешняя ассенизация, Женя, — это не сливные башни. Мы не просто уничтожаем мусор и не создаем мерзких свалок на дне океанов. Мы превращаем мусор в свежий воздух и солнечный свет.

— Сдаюсь, сдаюсь, — сказал Женя. — Слава ассенизаторам. Превратите меня в солнечный свет.

Юра с наслаждением потянулся.

— Приятно встретить человека, который ничего не знает. Самый лучший отдых — растолковывать общеизвестные истины.

— До чего мне надоело быть человеком, с которым отдыхают! — сказал Женя.

Шейла взяла его за руку, и он замолчал.

Раздался тонкий писк радифона.

— Это меня, — шепнул Юра и сказал: — Слушаю.

— Ты где? — осведомился сердитый голос.

— В саду. Сижу отдыхаю.

— Ты придумал что-нибудь?

— Нет.

— Каков тип! Он сидит и отдыхает! У меня ум за разум заходит, а он отдыхает! Товарищ Славин, Шейла, гоните его вон!

— Ну иду, иду, чего ты раскричался! — сказал Юра поднимаясь.

— Иди прямо к экрану. И вот что — теперь мне совершенно ясно, что бензолные процессы здесь не годятся...

— А я что говорил? — вскричал Юра и с треском полез через кусты к своему коттеджу.

Шейла и Женя вернулись к себе.

— Пойдем ужинать? — спросил Женя.

— Не хочется.

— Вот всегда так! Яблок налопаешься и потом ничего не ешь.

— Не ворчи на меня! — сказала Шейла. Женя пошел ее обнимать. — Я замерзла! — жалобно сказала она.

— Это потому, что ты проголодалась, — объявил Женя. — Я тоже немножко замерз, и страшно неохота идти в кафе. Неужели нельзя организовать жизнь так, чтобы ужинать дома?

— Организовать все можно, — сказала Шейла. — Только какой смысл? Кто же ест дома?

— Я ем дома.

— Ну Женечка, — сказала Шейла, — ну хочешь, переедем в город? Там есть Линия Доставки, и можешь ужинать дома сколько угодно.

— А я не хочу в город, — упрямо сказал Женя. — Я хочу на лоне.

Шейла некоторое время задумчиво смотрела на него.

— Хочешь, я сейчас схожу в кафе и принесу ужин? Всего две минуты... А может быть, все-таки пойдем вместе? Посидим с ребятами, поболтаем.

— Я хочу вдвоем, — сказал Женя. Тем не менее он взял куртку и стал одеваться. — Знаешь, Шейла, у меня идея, — сказал он вдруг и полез в карман. — Вот послушай.

— Что это? — спросила Шейла.

— Реклама. Каким-то образом попала мне в карман. Слушай. «Красноярская фабрика бытовых приборов...» Ну, это пропустим. Вот. «Универсальная кухонная машина УКМ-207 «Красноярск» проста в обращении и представляет собой кибернетический автомат, рассчитанный на шестнадцать сменных программ. УКМ-207 объединяет в себе механизм для переработки сырья и полуфабрикатов с механизмом мойки и сушки столовой посуды. УКМ-207 способна готовить одновременно два обеда из трех блюд, в том числе на первое — супы и борщи разные, бульоны, крошки...»

— Женя! — Шейла засмеялась. — Это же реклама для кафе и столовых!

— Ну и что же? — сказал Женя.

Шейла попыталась объяснить:

— Представь себе новый поселок. Или временное поселение, лагерь. Линия Доставки далеко. Связи с Доставкой на Дом нет. Снабжение централизованное. Вот там такая УКМ необходима.

Женя очень огорчился.

— Значит, нам такую не дадут? — спросил он расстроено.

— Да нет, дадут, конечно, только... Знаешь, вот это уже чистое сибаритство.

— Шейлочка! Дружочек! Ну можно, я закажу такую машину? Ведь никому от этого плохо не будет! Зато никуда не надо будет ходить по вечерам.

— Как хочешь, — коротко сказала Шейла. — Но сегодня мы еще ужинаем в кафе.

Она вышла, и Женя смиренно последовал за ней.

Рано утром Женю Славина разбудило фырканье тяжелого вертолета. Он вскочил с постели и подбежал к окну. Он успел заметить синий фюзеляж вертолета с надписью большими белыми буквами: «Доставка на Дом». Вертолет прошел над садом и скрылся за

кронами деревьев, сверкающих росой, полных птичьего гомона. На садовой дорожке у крыльца стоял большой желтый ящик. Возле ящика, неуверенно переступая коленчатыми лапами, топтался изумрудно-зеленый киберсадовник.

— А вот я тебя, ассенизатора! — заорал Женя и полез через окно. — Шейла! Шейлочка! Привезли!

Киберсадовник порскнул в кусты. Женя подбежал к ящику и, не притрагиваясь, обошел со всех сторон.

— Она! — сказал он растроганно. — Молодцы, «Доставка на Дом»! «Красноярск», — прочитал он сбоку ящика. — Она!

На крыльцо, кутаясь в халатик, вышла Шейла.

— Утро какое чудесное! — сказала она, сладко зевнув. — Что ты так расшумелся? Соседа разбудишь.

Женя посмотрел в сад, где за деревьями белели стены Юриного коттеджа. Там что-то вдруг загремело, и послышалось невнятное восклицание.

— Он уже проснулся, — сообщил Женя. — Помоги мне, Шейлочка, а?

Шейла сошла с крыльца.

— А это что? — спросила она.

Около ящика лежал большой пакет, обклеенный пестрой бандеролью с рекламами различных кушаний.

— Это? — Женя растерянно уставился на пеструю бандероль. — Это, наверно, сырье и полуфабрикаты.

Шейла сказала со вздохом:

— Ну ладно. Понесли твои игрушки.

Ящик был легкий, и они втащили его в дом без труда. И только тут Женя сообразил, что в коттедже нет кухни. «Что же теперь делать?» — подумал он.

— Ну, что будем делать? — спросила Шейла.

Нечеловеческим усилием мысли Женя мгновенно нашел нужное решение.

— В ванную, — сказал он небрежно. — Куда же еще?

Они поставили ящик в ванную, и Женя побежал за пакетом. Когда он вернулся, Шейла делала зарядку. «Шекснинска стерлядь золотая...» — фальшиво пропел Женя и оторвал у ящика боковину. Машина УКМ-207 «Красноярск» выглядела очень внушительно. Гораздо более внушительно, чем ожидал Женя.

— Ну как? — спросила Шейла.

— Сейчас разберемся, — сказал Женя бодро. — Сейчас я буду тебя кормить.

— Я тебе советую вызвать инструктора.

— Ни в коем случае. Беру эту машину на себя. Ибо сказано: «Проста в обращении».

Машина горделиво поблескивала гладкой пластмассой кожуха среди вороха мятой бумаги.

— Все очень просто, — заявил Женя. — Вот четыре кнопки. Всякому ясно, что они соответствуют первому блюду, второму, третьему...

— ...четвертому, — подсказала Шейла вполголоса.

— Да, четвертому, — подхватил Женя. — Чай, например. Или какао.

Он опустил на корточки и снял крышку с надписью: «Система управления».

— Кишок-то, кишок! — пробормотал он. — Не дай бог — испортится. — Он встал. — Теперь ясно, для чего четвертая кнопка: для нарезки хлеба.

— Интересное рассуждение, — сказала Шейла задумчиво. — А тебе не кажется, что эти четыре кнопки могут соответствовать четырем стихиям Фалеса Милетского? Вода, огонь, воздух, земля.

Женя неохотно улыбнулся.

— Или четырем арифметическим действиям, — добавила Шейла.

— Ладно, — сказал Женя и принялся распаковывать пакет. — Разговоры разговорами, а я хочу гуляш. Ты еще не знаешь, Шейла, как я готовлю гуляш. Вот мясо,

вот картофель... Так... Петрушка... Лучок... Хочу гуляш! С последующей кибернетической мойкой посуды! И чтобы жир с тарелок превратился в воздух и солнечный свет!

Шейла сходила в гостиную и принесла стул. Женя, держа в одной руке кусок мяса, а в другой — четыре большие картофелины, в нерешительности стоял перед машиной. Шейла поставила стул возле умывальника и удобно уселась. Женя произнес, ни к кому не обращаясь:

— Если бы кто-нибудь сказал мне, куда кладутся продукты, я был бы очень благодарен.

Шейла заметила:

— Два года назад я видела киберкухню. Правда, она совсем не была похожа на эту, но, помнится, было у нее справа этакое окно для закладки продуктов.

— Я так и думал! — радостно вскричал Женя. — Здесь два окна. Справа, значит, для продуктов, а слева — для готового обеда.

— Знаешь, Женечка, — сказала Шейла, — пойдем лучше в кафе.

Женя не ответил. Он вложил мясо и картофель в окно справа и со шнуром в руке отправился к штепселю.

— Включай, — сказал он издали.

— Как? — осведомилась Шейла.

— Нажми кнопку.

— Какую?

— Вторую, Шейлочка. Я делаю гуляш.

— Лучше бы нам пойти в кафе, — протянула Шейла, неохотно поднимаясь.

Машина ответила на нажатие кнопки глухим рокотом. На переднем щитке ее зажглась белая лампочка, и Шейла, заглянув в окно справа, увидела, что там ничего нет.

— Кажется, мясо приняла, — проговорила она с изумлением. Она не рассчитывала на это.

— Ну вот видишь! — произнес Женя с гордостью.

Он стоял и любовался своей машиной и слушал, как она щелкает и жужжит. Потом белая лампочка погасла и зажглась красная. Машина перестала жужжать.

— Все, Шейлочка, — сказал Женя подмигивая.

Он нагнулся и вытащил из пакета тарелки. Тарелки были легкие, блестящие. Он взял две штуки, поставил их в окно слева, затем отступил на шаг и скрестил руки на груди. Минуту они молчали. Наконец Шейла, озадаченно переводившая глаза с Жени на машину и обратно, спросила:

— А чего ты, собственно, ждешь?

В глазах у Жени появился испуг. Он вдруг сообразил, что если гуляш уже готов, то он должен был оказаться в окне слева независимо от того, были в нем тарелки или нет. Он сунул голову в окно слева и увидел, что тарелки пусты.

— Где гуляш? — спросил он растерянно.

Шейла не знала, где гуляш.

— Тут какие-то ручки, — сказала она.

В верхней части машины были какие-то ручки. Шейла взялась за них обеими руками и потянула на себя. Из машины выдвинулся белый ящик, и странный запах распространился по комнате.

— Что там? — спросил Женя.

— Посмотри сам, — ответила Шейла. Она стояла, держа в руках ящик, и, скривившись, рассматривала его содержимое. — Твоя УКМ превратила мясо в воздух и солнечный свет. Может быть, здесь лежала инструкция?

Женя посмотрел и ойкнул. В ящике лежала пачка каких-то тонких листов, красных, испещренных белыми пятнами. От листов поднимался смрад.

— Что это? — растерянно спросил Женя и взял верхний лист двумя руками, и лист сломался у него в руках, и куски упали на пол, дребезжа, как консервная жестянка.

— Прелестный гуляш, — сказала Шейла. — Гремящий гуляш. Пятая стихия. Интересно, каков он на вкус.

Женя, сильно покраснев, сунул кусок «гуляша» в рот.

— Смельчак! — с завистью произнесла Шейла. — Ну?

Женя молча полез в пакет с продуктами. Шейла поискала глазами, куда бы все это девать, и вывалила содержимое ящика в кучу упаковочной бумаги. Запах усилился. Женя вытащил буханку хлеба.

— Какую кнопку ты нажала? — грозно спросил он.

— Вторую сверху, — робко ответила Шейла, и ей сразу стало казаться, что она нажала вторую снизу.

— Я уверен, что ты нажала четвертую кнопку, — объявил Женя. Он решительно сунул буханку в окно справа. — А это хлебная кнопка!

Шейла хотела было спросить, как можно объяснить странные метаморфозы, происшедшие с мясом и картошкой, но Женя, отеснив ее от машины, нажал четвертую кнопку. Раздался какой-то лязг, и стали слышны частые негромкие удары.

— Видишь, — сказал Женя, облегченно вздохнув, — режет хлеб. Хотел бы я знать, что там сейчас делается внутри.

Он представил, что там сейчас, может быть, делается внутри, и содрогнулся.

— Почему-то не загорается лампочка, — сообщил он.

Машина стучала и фыркала, и это длилось довольно долго, и Женя начал уже искать глазами, на что бы нажать, чтобы она остановилась. Но машина издала приятный для слуха звон и принялась мигать красной лампочкой, не переставая жужжать и стучать. Женя посмотрел на часы и сказал:

— Я всегда думал, что приготовить гуляш легче, чем нарезать хлеб.

— Пойдем лучше в кафе, Женя, — боязливо сказала Шейла.

Женя промолчал. Через три минуты он обошел машину и заглянул внутрь. Он не увидел там ровным счетом ничего такого, что могло бы послужить пищей для размышлений. Ничего такого, что могло бы послужить просто пищей, он тоже не увидел. Выпрямившись, он встретился глазами с женой. В ответ на ее вопрошающий взгляд он покачал головой.

— Там все в порядке.

Он ничем не рисковал, делая это заявление. Оставались еще две неисследованные кнопки, а также масса всевозможных перестановок и сочетаний из четырех.

— Ты не могла бы ее остановить? — спросил он Шейлу.

Шейла пожала плечами, и некоторое время они еще стояли в ожидании, глядя, как машина мигает лампочками — белой и красной попеременно. Потом Шейла протянула руку и ткнула пальцем в самую верхнюю кнопку. Раздался звон, и машина остановилась. Стало тихо.

— Хорошо как! — невольно воскликнул Женя. Было слышно, как за окном ветер шумит в кустах и стрекочут кузнечики. — А где ящик? — испуганно спросил он.

Шейла оглянулась. Ящик стоял на полу среди тарелок.

— А что? — спросила она.

— Мы не вставили на место ящик, и теперь я не знаю, где нарезанный хлеб.

Женя обошел машину и заглянул в оба окна — справа и слева. Хлеба не было. Он со страхом поглядел на черную глубокую щель в машине, где раньше был ящик. Машина ответила угрожающим взглядом красной лампочки. Женя стиснул зубы, зажмурился и сунул руку в щель.

В машине было горячо. Женя нащупал какие-то гладкие поверхности, но это был не хлеб. Он вытащил руку и пожал плечами.

— Нет хлеба.

Шейла, нагнувшись, заглянула под машину.

— Тут какой-то шланг, — проговорила она.

— Шланг? — спросил Женя с ужасом.

— Нет-нет, это не хлеб. Не имеет с хлебом ничего общего. Это действительно шланг.

Она вытянула из-под машины длинную гофрированную трубку с блестящим кольцом на конце.

— Глупый. Ты же не подключил к машине воду. Понимаешь — воду! Вот почему гуляш вышел таким...

— Н-да, — сказал Женя, косясь на останки гуляша. — Воды в нем действительно немного... Но где же все-таки хлеб?

— Ну не все ли равно? — сказала Шейла весело. — В общем-то конфуз, но хлеб — это не проблема. Смотри, вот я подключаю шланг к водопроводу.

— А может быть, не стоит? — с опаской произнес Женя.

— Глупости. Исследовать так исследовать. Будем делать рагу. В пакете есть овощи.

На этот раз машина, побужденная к действиям нажатием первой кнопки сверху, работала около минуты.

— Неужели рагу тоже вываливается в ящик? — неуверенно пробормотал Женя, берясь за ручки.

— Давай-давай, — сказала Шейла.

Ящик был до краев наполнен розовой кашей, лишенной запаха.

— Борщ украинский, — грустно сказал Женя. — Это похоже на...

— Вижу сама. Ну и срамотища! Даже инструктора стыдно вызывать. Может, позовем соседа?

— Да, — сказал Женя уныло. — Ассенизатор здесь подойдет больше. Пойду позову.

Ему очень хотелось есть.

— Войдите! — произнес голос Юры.

Женя вошел и, пораженный, остановился в дверях.

— Надеюсь, супруги с вами нет, — сказал Юра. — Я не одет.

На нем была плохо выглаженная сорочка. Из-под сорочки торчали голые загорелые ноги. На полу по всей комнате были разложены какие-то странные детали и валялись листы бумаги. Юра сидел прямо на полу, держа в руках ящик с окошечками, в которых бегали световые зайчики.

— Что это? — спросил Женя.

— Это тестер, — ответил Юра устало.

— Нет, вот это всё?..

Юра огляделся:

— Это УСМ-16. Универсальная стиральная машина с полукибернетическим управлением. Стирает, гладит и пришивает пуговицы. Осторожнее! Не наступите.

Женя посмотрел под ноги и увидел кучу черного тряпья, лежащего в луже воды. От тряпья шел пар.

— Это мои брюки, — пояснил Юра.

— Значит, ваша машина тоже не в порядке? — спросил Женя.

Надежда получить консультацию и завтрак испарилась.

— Она в полном порядке, — сердито сказал Юра. — Я разобрал ее по винтикам и понял принцип действия. Вот подающий механизм. Вот анализатор — его я не стал разбирать: он и так в порядке. Вот транспортный механизм и система терморегулирования. Правда, я не нашел пока шьющего устройства, но машина в полном порядке. Я думаю, вся беда в том, что у нее почему-то двенадцать клавиш программирования, а в проспекте было сказано — четыре...

— Четыре? — спросил Женя.

— Четыре, — ответил Юра, рассеянно почесывая колено. — А почему вы сказали «ваша машина тоже»? У вас тоже есть стиральная машина? Мою мне привезли всего час назад. Доставка на Дом.

— Четыре, — повторил Женя с восторгом. — Четыре, а не двенадцать... Скажите, Юра, а вы не пробовали закладывать в нее мясо?

Пациенты доктора Протоса

Сергей Иванович Кондратьев вернулся домой в полдень. Все утро он провел в Малом Информарии: он искал профессию. Дома было прохладно, тихо и очень одиноко. Кондратьев прошелся по всем комнатам, попил нарзану, стал перед пустым письменным столом и принялся придумывать, как убить день. За окном ярко светило солнце, чирикала какая-то птичка, а в кустах сирени слышалось металлическое стрекотание и пощелкивание. Видимо, там копошился один из этих многоногих деловитых уродов, отнимающих у честного человека возможность заняться, скажем, садоводством.

Экс-штурман вздохнул и закрыл окно. Пойти, что ли, к Женьке? Да нет, его наверняка не застанешь дома. Обвешался диктофонами новейшей системы и носится по всему Уралу; в голове тридцать три заботы, не считая мелких поручений. Как это он говорит? «Недостаток знаний нужно восполнить избытком энергии». Прекрасный человек Шейла, все понимает. Но ее никогда нет дома, когда нет дома Женьки.

Штурман пошел в столовую и выпил еще стакан нарзану. Может быть, пообедать? Мысль неплохая, пообедать можно тщательно и со вкусом. Только не хочется есть...

Штурман подошел к окну Линии Доставки, набрал шифр наугад и с любопытством стал ждать, что получится. Над окном вспыхнула зеленая лампа: заказ исполнен. Штурман с некоторой опаской сдвинул крышку. На дне просторного кубического ящика стояла картонная тарелка. Штурман взял ее и поставил на стол. На тарелке лежали два крепеньких малосольных огурца. Такие огурчики — да на «Таймыр» бы, к концу второго года... Может, сходить к Протосу? Протос редкой души человек. Но ведь он очень занят, милый старый Протос. Все хорошие люди чем-то заняты...

Штурман рассеянно взял с тарелки огурец и съел. Потом он съел второй и отнес тарелку в мусоропровод. «Может, опять сходить потолкаться среди добровольцев? — подумал он. — Или съездить в Китай? В Китае я не был...»

Размышления штурмана были прерваны пением сигнала — кто-то просил разрешения войти. Штурман обрадовался, он не привык, чтобы к нему заходили. Видимо, праправнуки из ложной скромности не хотели его беспокоить. За всю неделю, что он здесь жил, его только один раз посетила соседка, восьмидесятилетняя свежая женщина со старомодным узлом черных волос на затылке. Она отрекомендовалась старшим оператором хлебозавода и в течение двух часов терпеливо учила его набирать шифры на клавишной панели Линии Доставки. Задушевного разговора с ней как-то не получилось, хотя она, несомненно, была превосходным человеком. Несколько раз без всякого приглашения являлись очень юные праправнуки, совершенно лишенные, по-видимому, чувства ложной скромности. Визиты эти были продиктованы соображениями чисто эгоистическими. Один, судя по всему, пришел для того, чтобы прочитать штурману свою оду «На возвращение “Таймыра”», из которой штурман понял только отдельные слова («Таймыр», «Космос») — ода была на суахили. Другой работал над биографией Эдгара Аллана По и без особой надежды просил каких-нибудь малоизвестных подробностей из жизни великого американского писателя. Кондратьев передал ему слухи о встречах Э. А. По с А. С. Пушкиным и посоветовал обратиться к Евгению Славину. Прочие юнцы и девчонки являлись за тем, что в терминах двадцать первого века Кондратьев определил как «собрание автографов». Но даже юные охотники за автографами были лучше, чем ничего, поэтому пение сигнала Кондратьева обрадовало.

Кондратьев вышел в прихожую и крикнул:

— Войдите!

Вошел человек высокого роста, в просторной серой куртке и длинных синих штанах пижамного типа. Он тихо притворил за собой дверь и, несколько наклонив голову, принялся рассматривать штурмана. Физиономия его очень живо напомнила Кондратьеву виденные когда-то фотографии каменных истуканов острова Рапа-Нуи — узкая, длинная, с узким высоким лбом и мощными надбровьями, с глубоко запавшими глазами и длинным острым вогнутым носом. Физиономия была темная, а в распахнутом вороте куртки проглядывала неожиданно нежная белая кожа. На охотника за автографами этот человек был решительно не похож.

— Вы ко мне? — с надеждой спросил Кондратьев.

— Да, — тихо и печально ответил незнакомец. — Я к вам.

— Так входите же, — сказал Кондратьев.

Он был тронут и немного разочарован печальным тоном незнакомца. «Кажется, это все-таки собиратель автографов, — подумал он. — Надо принять его посердечнее».

— Спасибо, — еще тише проговорил незнакомец.

Немного сутулясь, он прошел мимо штурмана и остановился посреди гостиной.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал Кондратьев.

Незнакомец стоял молча, устремив взгляд на кушетку. Кондратьев с некоторым беспокойством тоже посмотрел на кушетку. Это была чудесная откидная кушетка, широкая, бесшумная и мягкая, с пружинящей пенопластовой крышкой светлого зеленого цвета, пористой, как губка.

— Меня зовут Горбовский, — тихо сказал незнакомец, не спуская глаз с кушетки. — Леонид Андреевич Горбовский. Я пришел поговорить с вами как звездолетчик со звездолетчиком.

— Что случилось? — испуганно спросил Кондратьев. — Что-нибудь с «Таймыром»? Да вы садитесь, пожалуйста, садитесь!

Горбовский продолжал стоять.

— С «Таймыром»? Вряд ли... Впрочем, не знаю, — сказал он. — Но ведь «Таймыр» в Музее космогании. Что с ним еще может случиться?

— Да уж, — сказал Кондратьев, широко улыбнувшись. — Уж дальше некуда.

— Некуда, — согласился Горбовский и тоже улыбнулся.

Улыбка у него, как и у многих некрасивых людей, была милая и какая-то детская.

— Так чего же мы стоим? — бодро вскричал Кондратьев. — Давайте сядем!

— Вы... вот что, Сергей Иванович, — сказал вдруг Горбовский, — можно я лягу?

Кондратьев поперхнулся.

— П-пожалуйста, — пробормотал он. — Может быть, вам водички?

Горбовский уже лежал на кушетке.

— Ах, Сергей Иванович! — сказал он. — И вы такой же, как все. Ну при чем здесь водичка, если человеку просто хочется полежать? В античные времена все лежали... Даже за едой.

Кондратьев не оборачиваясь нащупал за спиной кресло и сел.

— Уже в те времена, — продолжал Горбовский, — имела хождение многоэтажная поговорка, существенной частью которой было «лучше лежать, чем сидеть». А я только что из рейса. Вы сами знаете, Сергей Иванович: ну что такое диваны на кораблях? Отвратительные жесткие устройства! Да разве только на кораблях? Эти невообразимые скамейки на стадионах и в парках! Складные самопадающие стулья в кафе! А ужасные камни на морских купаниях? Нет, Сергей Иванович, воля ваша, искусство создания по-настоящему комфортабельных лежбищ безвозвратно утрачено в нашу суровую эпоху эмбриомеханики и Д-принципа.

«Бедняга!» — подумал Кондратьев сочувственно. Проблема «лежбищ» встала перед ним в совершенно новом свете.

— Знаете, — сказал он, — я застал еще то время, когда в Северной Америке подвизались всякие там фирмы и монополии. Так вот, дольше всех продержалась

небольшая фирма, которая сколотила себе за полтора века баснословный капитал на матрацах. Она выпускала какие-то особенные шелковые матрацы — немного, но страшно дорого. Говорят, миллиардеры дрались из-за этих матрацев. Замечательные были матрацы! На них ничего нельзя было отлежать.

— И секрет их погиб вместе с империализмом? — сказал Горбовский.

— Вероятно, — ответил Кондратьев. — Я ушел в рейс на «Таймыре» и больше ничего о них не слыхал.

Кондратьев блаженствовал. Давно уже ему не приходилось вести такие легкие и приятные светские разговоры! Протос и Женя были отличными собеседниками, но Протос очень любил рассказывать про операции на печени, а Женя большей частью учил Кондратьева водить птерокар и ругал за социальную инертность.

— Нет, почему же, — сказал Горбовский, — у нас тоже есть отличные лежбища. Но ими у нас никто не интересуется. Кроме меня.

Он повернулся на бок, подпер щеку кулаком и вдруг сказал:

— Ах, Сергей Иванович, дорогой, и зачем это вы высадились на Планете Синих Песков?

Штурман опять поперхнулся. Планета Синих Песков с ужасающей отчетливостью встала перед его глазами. Детище чужого солнца. Совсем чужая. Она была покрыта океанами тончайшей голубой пыли, и в этих океанах были приливы и отливы, многобалльные штормы и тайфуны и даже, кажется, какая-то жизнь. Вокруг засыпанного «Таймыра» крутились хороводы зеленых огней, голубые дюны кричали и вопили на разные голоса, пылевые тучи гигантскими амебами проползали по белесому небу. И ни одной тайны не открыла людям Планета Синих Песков. Штурман при первой же вылазке сломал ногу, роботы-разведчики потерялись все до единого, а затем при полном безветрии налетела настоящая буря, и славного доброго Кёнига, не успевшего подняться в корабль, швырнуло вместе с подъемником о реакторное кольцо, раздавило, расплющило и унесло за сотни километров в пустыню, где среди голубых волн гигантские провалы засасывали миллиарды тонн пыли в непостижимые недра планеты...

— А вы бы не высадились? — хрипло сказал Кондратьев. Горбовский молчал. — Вы хороши сейчас на ваших Д-звездолетах... Сегодня одно солнце, завтра — другое, а послезавтра — третье... А для меня... а для нас это было первое чужое солнце, первая чужая планета, понимаете? Мы чудом попали туда... Я не мог не высадиться, потому что иначе... Зачем же тогда все?

Кондратьев остановился. «Нервы, — подумал он. — Надо спокойнее. Все это прошло».

Горбовский задумчиво сказал:

— После вас на Планете Синих Песков первым высадился, наверное, я. Я пошел на десантном боте и взял ее с полюса. Ах, Сергей Иванович, как это было нелегко! Полмесяца я ходил вокруг да около. Двенадцать зондирующих поисков! А сколько автоматов мы там загубили! Классическая бешеная атмосфера, Сергей Иванович. А вы ведь бросились в нее с экватора. Без разведки. Да еще на старой, дряхлой «черепаше». Да.

Горбовский закинул руки за голову и уставился в потолок. Кондратьев никак не мог понять, одобряют его или осуждают.

— Так ведь, Леонид Андреевич, — сказал он, — как я мог вернуться на Землю и заявить — так, мол, и так, летел десять лет, долетел до планеты, был около и вернулся. Вы понимаете, был около и вернулся! С пустыми руками! Да вы бы первый меня осмеяли. Ведь верно же?

— Да, — сказал Горбовский. — Пожалуй. Все равно, это было очень дерзко.

И опять Кондратьев не понял, одобряют его или осуждают. Горбовский оглушительно чихнул и быстро сел, спустив с кушетки ноги.

— Извините, — сказал он и снова чихнул. — Я опять простудился. Провалюсь ночь на бережку — и сразу насморк.

— А зачем это — на бережку? — осторожно спросил штурман.

— Ну как же, Сергей Иванович? На бережку лужайка, травка, приятно так рыбка плещется в заводи... — Горбовский опять чихнул. — Извините... И луна на воде — «дорожка к счастью», знаете?

— «Дорожка к счастью» хороша на море, — сказал Кондратьев мечтательно.

— Ну, не скажите. Я сам из Торжка, речушка у нас там маленькая, но очень чистая. А в заводях — кувшинки. Ах, как отлично!

— Ага, — сказал Кондратьев улыбаясь, — в мое время это называлось «тоска по голубому небу».

— Это и сейчас так называется. А на море... Я как-то сидел — на Гавайях это было — ночью, луна изумительная, где-то девушки поют, и вдруг из воды как полезли, полезли какие-то... в рогатых костюмах...

— Кто?!

— Эти... спортсмены...

Кондратьев хохотнул.

— Нет уж, Леонид Андреевич, — сказал он. — Море вы не трогайте. Я и сам не прочь так... в рогатом костюме! А куда вы сейчас ходили, Леонид Андреевич?

Горбовский махнул рукой и лег опять.

— А, — сказал он. — Брожу к Венере и обратно. Нужно возить добровольцев. Славные ребята — добровольцы. Только очень шумные, едят ужасно много и все, знаете, рвутся на смертоубийственные подвиги.

Кондратьев с интересом спросил:

— А как вы смотрите на проект, Леонид Андреевич?

— Очень правильный проект, — сказал Горбовский. — Я его составлял. Не я один, конечно, но я тоже участвовал. В молодости мне много приходилось иметь дела с Венерой. Злая, злая планета. Да вы, наверное, сами знаете...

— По-моему, очень скучно возить добровольцев на Д-космолете, — сказал Кондратьев.

— Да, конечно, задачи у Д-космолетов несколько иные. Вот я, например, на своем «Таризле», когда все это закончится, пойду к ЕН 17 — это на пределе, двенадцать парсеков. Там есть планета Владислава, и у нее — два чужих искусственных спутника. Мы будем искать там город. Это очень интересно — искать чужие города, Сергей Иванович!

— Какие — чужие?

— Чужие... Их не земляне строили. Знаете, Сергей Иванович, вас как звездолетчика, наверное, интересуется, чем мы сейчас занимаемся. Я приготовил для вас специально небольшую лекцию и, если хотите, сейчас ее вам прочитаю, а?

— Ну конечно же!.. С удовольствием... Пожалуйста. — Кондратьев подтащил кресло поближе к кушетке.

Горбовский уставился в потолок и начал:

— В зависимости от своих вкусов и склонностей наши звездолетчики решают главным образом три задачи, но меня лично интересуется четвертая. Ее многие считают слишком специальной, слишком безнадёжной, но, на мой взгляд, человек с воображением легко найдет в ней призвание. Тем не менее есть люди, которые утверждают, что она ни при каких условиях не может оправдать затраченного горючего. Так говорят снобы и утилитаристы. А мы отвечаем им на это...

— Виноват, в чем, собственно, состоит эта четвертая задача? — осведомился Кондратьев. — И заодно — первые три?

Горбовский некоторое время молчал, глядя на Кондратьева и помаргивая.

— Да, — сказал он наконец, — лекция, кажется, не получилась. Я начал с середины. Первые три задачи — это... двоеточие: планетологические, астрофизические и космогонические исследования. Затем — проверка и дальнейшая разработка Д-принципа,

то есть берут новый, с иголки, Д-космолет и гоняют его у светового барьера до изнеможения. И, наконец, попытки установить контакт с иными цивилизациями в Космосе; в общем, пока тщетные попытки. Моя любимая задача тоже связана с иными цивилизациями. Только мы ищем не контакты, а следы. Следы побывок чужих космолетчиков на разных мирах. Некоторые утверждают, что эта задача ни при каких условиях не может оправдать... Или я это уже говорил?

— Говорили, — сказал Кондратьев. — А что это все-таки за следы?

— Видите ли, Сергей Иванович, каждая цивилизация должна оставлять множество следов. Возьмите хотя бы нас, человечество. Как мы осваиваем новую планету? Мы ставим возле нее искусственные спутники, от Солнца до нее тянется длинная цепь радиобакенов — по два-три бакена на световой год, — маяки, всевозможные пеленгаторы... Если нам удастся высадиться, мы строим на планете базы, научные города. И не берем же мы все это с собой, когда покидаем планету! Вот так же и другие цивилизации.

— И нашли вы что-нибудь? — спросил Кондратьев.

— А как же! Фобос и Деймос — ну, это вы, конечно, знаете. Подземный город на Марсе, искусственные спутники у Владиславы... Вот куда я полечу. Очень интересные искусственные спутники. Да. Вот чем мы, в общем, занимаемся, Сергей Иванович.

— Интересно, — сказал Кондратьев. — Только я, будь моя воля, выбрал бы все-таки исследования Д-принципа.

— Ну, это зависит от вкусов и наклонностей. А сейчас все мы возим добровольцев. Даже гордые исследователи Д-принципа. Мы сейчас — как в ваше время кучера трамваев...

— В наше время уже не было трамваев, — сказал с негодованием Кондратьев. — И трамваи водили не кучера, а... м-м-м... Это как-то по-другому называлось. — Его вдруг осенило. — Слушайте, Леонид Андреевич, а что если мы с вами сейчас пообедаем? И бутылочку винца...

Горбовский чихнул, сказал «извините» и сел.

— Пойдите, Сергей Иванович, — сказал он, доставая из кармана огромный цветастый носовой платок. — Пойдите... Я вам сказал, для чего я к вам пришел?

— Чтобы поговорить как звездолетчик со звездолетчиком.

— Правда. А больше ничего не сказал? Нет?

— Нет. Вас сразу очень заинтересовала кушетка.

— Ага. — Горбовский задумчиво высморкался. — Вы, случайно, не знаете океанолога Званцева?

— Я знаю только врача Протоса, — печально сказал Кондратьев. — И вот с вами познакомился.

— Отлично! Вы знаете Протоса, Протос хорошо знает Званцева, а я хорошо знаю Протоса и Званцева... В общем, Званцев сейчас придет. Николай Евсеевич его зовут.

— Вот хорошо-то! — обрадованно сказал Кондратьев. — Пообедаем втроем. А то мне, знаете, как-то одиноко все...

Послышалось пение сигнала. Кондратьев вскочил.

— Это он, — сказал Горбовский и снова улегся.

Океанолог Званцев был громадного роста и чрезвычайно широк в плечах. У него было круглое, медного цвета лицо, густые темные, коротко остриженные волосы, большие, стального оттенка глаза и прямой маленький рот. Он молча пожал Кондратьеву руку, покосился на Горбовского и сел.

— Вы тут посидите, — сказал Кондратьев, — а я пойду закажу обед. Вы что любите, Николай Евсеевич?

— Я все люблю, — сказал Званцев. — И он тоже все любит.

— Да, я все люблю, — сказал Горбовский. — Только, пожалуйста, не надо овсяного киселя.

— Ладно, — сказал Кондратьев и пошел на кухню.

— И цветной капусты не надо! — крикнул Горбовский вслед.

Набирая шифры у окна Линии Доставки, Кондратьев думал: «Они пришли неспроста. Они умные и добрые люди, значит, они пришли не из пустого любопытства, они пришли мне помочь. Они люди энергичные и деятельные, значит, вряд ли они пришли утешать. Но как они думают помочь? Мне нужно только одно...» Кондратьев зажмурился и немного постоял неподвижно, упираясь рукой в крышку окна Доставки. Из гостиной доносилось:

— Ты опять валяешься, Леонид! Есть в тебе что-то от мимикродона.

— Валяться нужно, — с глубокой убежденностью отвечал Горбовский. — Это философски необходимо. Бессмысленные движения руками и ногами неуклонно увеличивают энтропию Вселенной. Я хотел бы сказать миру: «Люди! Больше лежите! Бойтесь тепловой смерти!»

— Удивляюсь, как ты еще не перешел на ползание.

— Я думал об этом. Слишком велико трение. С энтропийной точки зрения выгоднее перемещаться в вертикальном положении.

— Словоблуд! — сказал Званцев. — А ну вставай!

Кондратьев отодвинул крышку и расставил на столе пиалы и тарелки.

— Кушать подано! — крикнул он насильственно-веселым голосом. «Ну, держись, Сергей Иванович», — подумал он.

В гостиной завозились, и Горбовский откликнулся:

— Сейчас меня принесут!

Впрочем, в столовой он появился в вертикальном положении.

— Вы его извините, Сергей Иванович, — сказал Званцев, появляясь следом. — Он везде валяется. Причем сначала валяется в траве, а потом, не почистившись, лезет на кушетку.

— Где в траве? Где? — закричал Горбовский и принялся себя осматривать.

Кондратьев с трудом улыбался.

— Ну, вот что, — сказал Званцев, усаживаясь за стол. — По вашему лицу, Сергей Иванович, я вижу, что преамбулы не нужны. Мы с Горбовским пришли вербовать вас на работу.

— Спасибо, — тихо сказал Кондратьев.

— Я океанолог и давно работаю в организации, которая называется «Океанская охрана». Мы выращиваем планктон — это протеин — и пасем китов — это мясо, жир, шкуры, химия. Врач Протос сказал нам, что вам категорически запрещено покидать Планету. А нам всегда нужны люди. Особенно сейчас, когда многие уходят от нас в проект «Венера». Я приглашаю вас к нам.

Наступило молчание. Горбовский, ни на кого не глядя, истово хлебал суп. Званцев тоже начал есть. Кондратьев крошил хлеб.

— Я готов, — пробормотал он. — Если вы считаете, Николай Евсеевич, что я справлюсь, я готов.

— Вы справитесь, — уверенно сказал Званцев.

— Изъянись подробнее, — сказал Горбовский, — чем Сергей Иванович может у вас там заниматься.

— Можно смотрителем на плантации ламинарий, — стал перечислять Званцев. — Можно в охрану на планктонные плантации. Можно в патруль, но там нужна очень высокая квалификация, это со временем. А лучше всего — китовым пастухом. Идите-ка вы, Сергей Иванович, в китовые пастухи. — Он положил нож и вилку. — Как я жалею, что ушел из китовых пастухов в океанологию! Какие это были годы, Сергей Иванович!

Горбовский с любопытством на него посмотрел.

— Рано-рано утром... Океан тихий, ни волны, ни ветерка... Розовое небо на востоке... Всплывешь на поверхность, откинешь крышку люка, выберешься на башенку и сидишь,

сидишь, сидишь... Вода под ногами зеленая, чистая, из глубины поднимется медуза, перевернется и уйдет под субмарину... Рыба большая лениво так это проплывет... Хорошо!..

Кондратьев взглянул в его лицо, мечтательно-ублагодотворенное, и вдруг ему так нестерпимо захотелось немедленно, сейчас же на океан, на соленый воздух, что он даже дышать перестал.

— А когда киты переходят на новые пастбища! — продолжал Званцев. — Знаете, как это выглядит? Впереди и сзади идут старые самцы, по два, по три в стаде, огромные, иссиня-черные, мчатся плавно, будто и не они мчатся, а вода мимо них несется... Идут по прямой, а молодняк и ценные самки — за ними... Старики ведь у нас ручные, ведут, куда мы хотим, но им помогать надо. Особенно когда в стаде подрастают молодые самцы — те всегда норовят стадо расколоть и увести часть с собой. Вот тут-то нам и работа. Вот тут и начинается настоящее дело. Или вдруг косатки нападут... Ну, с ними разговор короткий — акустическими пушками...

Он внезапно очнулся и посмотрел на Кондратьева совершенно трезвым взглядом.

— Одним словом, здесь всё есть. И просторы, и глубины, и большая польза для людей, и добрые товарищи... и приключения... если захотите особенно.

— Да, — с чувством сказал Кондратьев.

Званцев улыбнулся.

— Готов, — сказал Горбовский. — И я тоже готов. Ну их, эти Д-звездолеты. Хочу, как Коля, на башенке... и чтобы медузы...

— Теперь так, — деловито сказал Званцев. — Я отвезу вас во Владивосток. Занятия в школе переподготовки начинаются через два дня. Вы уже пообедали?

— Пообедал, — сказал Кондратьев.

«Работа, — думал он. — Вот она, настоящая работа!»

— Тогда поедem, — сказал Званцев, поднимаясь.

— Куда?

— На аэродром.

— Прямо сейчас?

— Ну конечно, прямо сейчас. А чего ждать?

— Ждать, конечно, нечего, — растерянно сказал Кондратьев. — Только...

Он спохватился и принялся быстро слегка трясущимися руками убирать посуду. Горбовский, доедая банан, помогал ему.

— Вы езжайте, — сказал он, — а я тут останусь. Полежу, почитаю. У меня рейс в двадцать один тридцать.

Они вышли в гостиную, и штурман растерянно оглядел комнату. Он с отчетливостью подумал, что, куда бы он ни приехал на этой странной планете праправнуков, всюду в его распоряжении будет такой вот прекрасный тихий домик, и добрые соседи, и книги, и стереовизор, и сад за окном...

— Вот, — сказал он с грустью, — пожил здесь всего неделю...

Званцев переминался с ноги на ногу. Видимо, ему было непонятно, что переживает экс-штурман.

— Поедем, — сказал Кондратьев. — До свиданья, Леонид Андреевич. Спасибо вам за ласку.

Горбовский уже умащивался на кушетке.

— До свиданья, Сергей Иванович, — сказал он. — Мы еще много раз увидимся.

Кондратьев затворил за собой дверь и вслед за Званцевым вышел в сад. Они пошли рядом по песчаной дорожке.

— Николай Евсеевич, — сказал Кондратьев. — Почему вы так заинтересовались моей скромной персоной? Вы обо всех здесь так заботитесь?

— Нет, — просто ответил Званцев. — О других заботиться не надо. Они хозяева. А вы пока гость. А почему именно мы... Видите ли, Сергей Иванович, и я, и Леня

Горбовский в свое время были весьма тяжелыми пациентами у врача Протоса. Он нас, как видите, спас. И он наш друг на всю жизнь. И он попросил помочь вам.

— Ага, — сказал Кондратьев. Он остановился. — Вот что, Николай Евсеевич, — сказал он решительно, — Женьке Славину я позвоню с дороги, а сейчас едем к врачу Протосу.

Глава третья. Люди, люди...

Томление духа

Когда ранним утром Поль Гнедых вступил на улицы фермы «Волга-Единорог», люди подолгу глядели ему вслед. Поль был нарочито небрит и бос. На плече он нес суковатую дубину, на конце которой болтались связанные бечевкой пыльные ботинки. Возле решетчатой башни микропогодной установки за Полем увязался кибердворник. За ажурной изгородью одного из домиков раздался многоголосый смех, и хорошенькая девушка, стоявшая на крыльце с полотенцем в руках, осведомилась на всю улицу: «От святых мест бредете, странничек?» Сейчас же с другой стороны улицы послышался вопрос: «А нет ли опиума для народа?» Затея удавалась на славу. Поль приосанился и громко запел:

Не страшны мне, молодцу,
 Ни стужа, ни мороз.
 Я ботиночки
 На палочке
 В бумажечке
 В корзиночке
 За тысячу кило́метров
 Протоптанной тропиночкой
 К сапожничку
 В починочку
 Тирьям-пам-пам
 Понес!

В изумленной тишине раздался испуганный голос: «Что это он?» Тогда Поль остановился, отпихнул ногой кибера и спросил в пространство:

— Не знает ли кто, где здесь найти Александра Костылина?

Несколько голосов вперебой объяснили, что «Саша сейчас, скорее всего, в лаборатории, во-он в том здании».

— Ошую, — добавил одинокий голос после короткой паузы.

Поль вежливо поблагодарил и двинулся дальше. Здание лаборатории было низкое, круглое, голубого цвета. В дверях стоял, прислонившись к косяку и скрестив на груди руки, белокрысый веснушчатый юноша в белом халате. Поль поднялся по ступенькам и остановился. Белокрысый юноша глядел на него безмятежно.

— Могу я видеть Костылина? — спросил Поль.

Юноша провел глазами по Полю, заглянул через его плечо на ботинки, посмотрел на кибердворника, который покачивался ступенькой ниже Поля, жаждающе растопырив манипуляторы, и, слегка повернув голову, позвал негромко:

— Саша, а Саша! Выйди на минутку. К тебе здесь какой-то потерпевший.

— Пусть зайдет, — пророкотал из недр лаборатории знакомый бас.

Белокрысый юноша снова оглядел Поля.

— Ему нельзя, — сказал он. — Он сильно септический.

— Так продезинфицируй его, — донеслось из лаборатории. — Я с удовольствием подожду.

— Долго же тебе придется... — начал юноша.

И тут Поль жалобно воззвал:

— Виу, Саша! Это же я, твой Полли!

В лаборатории что-то с громом упало, из дверей пахнуло прохладным воздухом, как из тоннеля метро, белобрысого юношу отнесло в сторону, и на пороге возник Александр Костылин, огромный, широкий, в гигантском белом халате. Руки его с растопыренными пальцами были чем-то густо смазаны, и он держал их в стороны, как хирург во время операции.

— Виу, Полли! — заорал он, и ополоумевший кибердворник скатился с крыльца и кинулся вдоль улицы.

Поль бросил свою дубину и беззаветно ринулся в объятия белого халата. Кости его хрустнули. «Вот тут мне и конец», — подумал он и просипел:

— Прощай... Саша... милый...

— Полли... Маленький Полли! — басисто ворковал Костылин, тиская Поля локтями. — До чего же здорово, что ты здесь!

Поль боролся, как лев, и ему наконец удалось освободиться. Белобрысый юноша, со страхом следивший за сценой встречи, облегченно вздохнул, подобрал дубину с ботинками и подал ее Полю.

— Ну, как ты? — спросил Костылин, улыбаясь во весь рот.

— Ничего, спасибо, — сказал Поль. — Жив.

— А мы здесь, как видишь, крестьянствуем, — сказал Костылин. — Кормим вас, дармоедов...

— Вид у тебя очень внушительный, — сказал Поль.

Костылин посмотрел на свои руки.

— Да, — сказал он, — я забыл. — Он повернулся к белобрысому юноше. — Федя, докончи уж сам. Видишь, ко мне Полли приехал. Маленький Либер Полли.

— А может быть, все-таки плюнем? — сказал белобрысый Федя. — Ясно ведь, что не получается.

— Нет, надо закончить, — сказал Костылин. — Ты уж закончи, пожалуйста.

— Ладно, — неохотно сказал Федя и ушел в лабораторию.

Костылин схватил Поля за плечи и с расстояния вытянутой руки принялся его осматривать.

— Ну ничуть не вырос! — сказал он нежно. — Корма у вас там плохие, что ли?.. Постой-ка... — Он озабоченно нахмурился. — У тебя что, птерокар сломался? Что это за вид?

Поль довольно ухмыльнулся.

— Нет, — сказал он. — Я играю в странника. Я иду от самой Большой Дороги.

— Ого! — На лице Костылина изобразилось привычное уважение. — Триста километров! И как?

— Отлично, — сказал Поль. — Только вот ванну бы. И переодеться.

Костылин счастливо улыбнулся и поволок Поля с крыльца.

— Пойдем, — сказал он. — Сейчас тебе все будет. И ванна, и молочко...

Он шагал посредине улицы, волоча за собой спотыкающегося Поля, и приговаривал, размахивая дубинкой с ботинками:

— ...и чистая рубаша... и целые штаны... и массаж... и ионный душик... и раз-два по шее за то, что не писал... и привет от Атоса... и два письма от учителя...

— Да ну! Вот здорово! — восклицал Поль. — Это здорово!

— Да-да, все будет... И про блуждающие огни... Помнишь блуждающие огни?.. И как я чуть не женился...

На ферме начинался рабочий день. Улица была полна народу, ребят и девушек, одетых очень пестро и незамысловато. Перед Костылиным и Полем народ в веселом изумлении расступался. Слышались возгласы:

- Странника ведут!
- На вивисекцию, болезного!
- Это новый гибрид?
- Саша, он дает мясо с живого тела?
- Саша, погоди, дай посмотреть!

По толпе распространился слух, что ночью близ лаборатории Костылина сел второй «Таймыр».

— Восемнадцатого века, — уверял кто-то. — А экипаж раздают сотрудникам на предмет сравнительной анатомии.

Костылин отмахивался дубиной, а Поль весело скалил зубы.

— Люблю гласность, — приговаривал он.

В толпе прекрасными голосами пели: «Не страшны мне, молодцу, ни стужа, ни мороз...»

Странник Поль сидел на широкой деревянной скамье за широким деревянным столом в кустах смородины. Утреннее солнце приятно обжигало его стерильно чистую спину. Поль блаженствовал. В руке у него была громадная кружка с клюквенным морсом. Напротив сидел и умиленно глядел на него Александр Костылин, тоже голый по пояс и с мокрыми волосами.

— Я всегда утверждал, что Атос — великий человек, — говорил Поль, делая широкие движения кружкой. — У него была самая ясная голова, и он лучше всех нас знал, чего он хочет.

— Э, нет, — сказал Костылин ласково. — Лучше всех видел цель Капитан. И шел самой прямой дорогой.

Поль отхлебнул из кружки и подумал.

— Пожалуй, — сказал он. — Капитан хотел быть звездолетчиком, и он стал звездолетчиком.

— Ага, — сказал Костылин. — А Атос все-таки больше биолог, чем звездолетчик.

— Зато какой биолог! — Поль поднял палец. — Честное слово, я все время хвастаюсь, что дружил с ним в школе.

— Я тоже хвастаюсь, — согласился Костылин. — Но подожди пяток лет, и мы будем хвастаться дружбой с Капитаном.

— Да, — сказал Поль. — А вот я мотаюсь, как жесть по ветру. Все хочется попробовать. Ты вот ругался, что я не пишу. — Он со вздохом поставил кружку. — Не могу я писать, когда чем-нибудь занят. Неинтересно мне писать. Пока работаешь над темой, неинтересно писать, потому что все впереди. А когда кончаешь — неинтересно писать, потому что все позади... И не знаешь, что впереди. Знаешь, Лин, у меня все как-то по-дурацки получается. Вот я четыре года работал по теоретической сервомеханике. Мы вдвоем с одной девчонкой решали проблему Чеботарева — помнишь, нам учитель рассказывал? Решили, построили два очень хороших регулятора... В девчонку эту я несчастным образом влюбился... А потом все кончилось и... все кончилось.

— То есть вы не поженились? — сочувственно сказал Лин.

— Да не в этом дело. Просто у других людей, когда они работают, всегда возникают какие-то новые идеи, а у меня нет. Работа кончена, и больше мне неинтересно. За эти десять лет я переменял четыре специальности. А сейчас опять без идей. Дай, думаю, разыщу Сашку...

— Правильно! — басом сказал Лин. — Я тебе дам двадцать идей!

— Дай, — вяло сказал Поль. Он помрачнел и погрузил нос в кружку.

Лин с задумчивым интересом смотрел на него.

— Не заняться ли тебе эндокринологией? — предложил он.

— Можно эндокринологией, — сказал Поль. — Только слово уж очень трудное. И вообще, все эти идеи — сплошное томление духа.

Лин вдруг сказал вне видимой связи с предыдущим:

— Я скоро женюсь.

— Здорово! — сказал Поль печально. — Только не надо мне рассказывать скучными словами о своей счастливой любви. — Он оживился. — Счастливая любовь вообще скучна, — заявил он. — Это понимали еще древние. Никакого настоящего мастера идея счастливой любви не привлекала. Несчастливая любовь всегда была самоцелью великих произведений, а счастливая в лучшем случае — фоном.

Лин с сомнением поддакнул.

— Настоящая глубина чувств присуща только неразделенной любви, — продолжал Поль воодушевленно. — Несчастливая любовь делает человека активным, а счастливая умиротворяет, духовно кастрирует.

— Не огорчайся, Полли, — сказал Лин, — это все пройдет. Ведь несчастная любовь хороша тем, что она обычно коротка... Давай я тебе еще морса налью.

— Нет, Саша, — сказал Поль, — я думаю, это надолго. Ведь уже два года прошло. Она меня, наверное, и не помнит, а я... — Он посмотрел на Лина. — Ты извини, Саша, я понимаю, это очень противно, когда тебе плачут в жилетку. Только очень уж это все безысходно. Мне, понимаешь, здорово не везет в любви.

Лин кивнул беспомощно.

— Хочешь, я соединю тебя с учителем? — нерешительно спросил он.

Поль помотал головой и сказал:

— Нет. Я в таком виде с учителем говорить не хочу. Срамиться только...

— М-да... — сказал Лин и подумал: «Что верно, то верно. Учитель терпеть не может несчастных...» Он подозрительно посмотрел на Поля. А не играет ли хитроумный Полли в несчастного? Кушал он хорошо, приятно было смотреть, как кушал. И гласность любит по-прежнему.

— А помнишь проект «Октябрь»? — спросил Лин.

— Еще бы! — Поль снова оживился. — А ты понял, почему план провалился?

— Ну... как тебе сказать... Молодые были...

— Эх ты! — сказал Поль. Он развеселился. — Ведь учитель нас нарочно на Вальтера натравил! А потом провалил нас на экзамене...

— На каком экзамене?

— Виу, Сашка! — закричал Поль в восторге. — Капитан был прав — ты единственный, кто ничего не понял!

Костылин медленно осознал.

— Да, конечно... — сказал он. — Нет, почему же? Я просто забыл. А помнишь, как Капитан испытывал нас на перегрузки?

— Это когда ты шоколадом объелся? — сказал Поль ехидно.

— А помнишь, как испытывали горючее для ракет? — поспешно вспомнил Лин.

— Да, — мечтательно сказал Поль. — Вот грохнуло!

— Шрам у меня до сих пор, — с гордостью сказал Лин. — Вот, пощупай. — Он повернулся к Полю спиной.

Поль с удовольствием пощупал.

— Хорошие мы были ребята, — сказал он. — Славные. А помнишь, как на общей линейке мы изобразили стадо ракопауков?

— Ух, шумно было! — вскричал Лин.

Это было поистине сладостное воспоминание.

Поль вдруг вскочил и с необыкновенной живостью изобразил ракопаука. Отвратительный скрежещущий вой многоногого чудовища, пробирающегося через

джунгли страшной Пандоры, огласил окрестности. И, словно в ответ, издалека донесся глубокий ревуший вздох. Поль испуганно замер.

— Это еще что? — спросил он.

Лин хохотнул.

— Эх ты, паук! Это коровы!

— Какие еще коровы? — с негодованием спросил Поль.

— Мясные, — объяснил Лин. — Изумительно вкусны в жареном и вареном виде.

— Слушай, Лин, — сказал Поль, — это достойные противники. Я хочу на них посмотреть. И вообще, я хочу посмотреть, что у вас тут делается.

Лицо Лина стало скучным.

— Брось ты, Полли, — сказал он. — Коровы как коровы. Давай посидим еще немножко. Я тебе морса принесу. А?

Но было уже поздно. Поль преисполнился энергии.

— Неизвестность зовет нас. Вперед, к мясным коровам, которые бросают вызов ракопаукам! Где моя рубашка? Какой-то племенной бык обещал мне чистую рубашку!

— Полли, Полли! — увещевал Лин. — Дались тебе эти коровы! Пойдем лучше в лабораторию.

— Я септический, — заявил Поль. — Не хочу в лабораторию. Хочу к коровам.

— Они тебя забодают, — сказал Лин и осекся. Это была ошибка.

— Правда? — сказал Полли с тихим восторгом. — Рубашку. Красную. Я устрою корриду.

Лин в отчаянии хлопнул себя ладонями по голым ляжкам.

— Вот навязался на мою голову!.. Ракоматадор!

Он встал и направился к дому. Когда он проходил мимо Поля, Поль встал на цыпочки, выгнулся и с большим изяществом проделал полуверонику. Лин замычал и боднул его в живот.

Увидев коров, Поль сразу понял, что корриды не будет. Под ярким горячим небом через густую, в рост человека, сочную траву уходящей за горизонт шеренгой медленно двигались исполинские пятнистые туши. Шеренга въедалась в мягкую зелень равнины, черная дымящаяся земля без единой травинки оставалась за нею. Устойчивый электрический запах висел над равниной — пахло озоном, горячим черноземом, травой и свежим навозом.

— Виу! — прошептал Поль и присел на кочку.

Шеренга двигалась мимо него. Школа, в которой Поль учился, находилась в зерновой области, и о скотоводах Поль знал немного, и то, что знал, давно забыл. О мясных коровах ему тоже думать не приходилось. Он просто ел говядину. А сейчас мимо него с гулом и непрерывным шуршанием, хрустя, чавкая и пережевывая, с душераздирающими вздохами проходило организованное стадо живого мяса. Время от времени какая-нибудь буренка скидывала из травы огромную слюнявую морду, измазанную зеленью, и испускала глухой глубокий рев.

Затем Поль увидел киберов. Они шли на некотором расстоянии вслед за шеренгой, юркие плоские машины на широких мягких гусеницах. Они то и дело останавливались, копались в земле, отставали и забегали вперед. Их было немного, всего десятка полтора, и они со страшной скоростью носились вдоль шеренги, веером выбрасывая из-под гусениц влажные черные комья.

Вдруг темное облако закрыло солнце. Пошел крупный теплый дождь. Поль оглянулся на поселок, на белые домики, разбросанные в темной зелени садов. Ему показалось, что решетчатые параболоиды синоптических конденсаторов на ажурной башне микропогодной станции установлены прямо на него. Дождь прошел быстро, туча передвинулась вслед за стадом. Поль заинтересовался смутными силуэтами, которые неожиданно появились над горизонтом, но тут его стали кусать. Это были гадкого вида

насекомые, маленькие, серые и с крылышками. Поль понял, что это мухи. Может быть, даже навозные. Поняв это, Поль вскочил на ноги и резво помчался в поселок. Мухи его не преследовали.

Поль перешел речку, остановился на берегу и некоторое время думал: искупаться или не искупаться? Решив, что купаться не стоит, он начал подниматься по тропинке к поселку. Он шел и думал: «И правильно, что меня дождем окатило. И мухи знают, на что садиться... Так мне и надо, тунеядцу. Все работают как люди. Капитан летает... Атос ловит блох на голубых звездах... Лин, счастливчик, кого-то режет... Ну за что мне такое? Почему я, честный работающий человек, должен чувствовать себя тунеядцем?» Он брел по тропинке и думал, как хорошо было в ту ночь, когда он нащупал-таки решение проблемы Чеботарева и поднял с постели Лиду и заставил все проверить, и, когда все оказалось правильным, она даже поцеловала его в щеку... Поль потрогал щеку и вздохнул. Здорово было бы сейчас зарыться в какую-нибудь ха-арошую проблему вроде теоремы Ферма!.. Но в голове лишь звенящая пустота и только какой-то идиотский голос твердит: «Извлечем из чего-нибудь квадратный корень...»

На окраине поселка Поль снова остановился. Под развесистой черешней лежал на крыле одноместный птерокар. Возле птерокара с горестным видом сидел на корточках мальчик лет пятнадцати. Перед ним, однообразно жужжа, крутился в траве голенастый кибердворник. Кибердворнику было явно нехорошо.

Тень Поля упала на мальчика, мальчик поднял голову и встал.

— Я сел на него птерокаром, — с необыкновенно знакомым виноватым видом сказал он.

— И теперь ты очень раскаиваешься, не так ли? — спросил Поль голосом учителя.

— Я не нарочно, — сердито сказал мальчик.

Некоторое время они молча следили за эволюциями раздавленного кибера. Затем Поль решительно сел на корточки.

— Ну-с, посмотрим, что тут у нас, — сказал он и поймал кибера за манипулятор.

Кибер заверещал.

— Больно мальчику, — нежно пропел Поль, запуская пальцы в систему регулировки. — Ла-апку нам поломали, бедному... Ла-апку.

Кибер заверещал снова, дернулся и затих. Мальчик облегченно вздохнул и тоже опустился на корточки.

— Это что, — пробормотал он. — А как он орал, когда я вылез из птерокара!..

— Ора-али мы, — ворковал Поль, свинчивая панцирь. — Акустика у нас хорошая, горластая... АКУ-6 системуха у нас, с продольной вибрацией... Модулированная пилообразненько... Та-ак... — Поль снял панцирь и осторожно положил его в траву. — А как же нас зовут?..

— Федя, — сказал мальчик. — Федор Скворцов.

Он с завистью следил за ловкими пальцами Поля.

— Кибердворник дядя Федя силой ровно в три медведя, — сообщил Поль, извлекая из недр кибердворника блок регулировки. — Я тут уже знаю одного Федю. Приятный такой, веснушчатый. Очень, очень асептический молодой человек. Это не твой родственник?

— Нет, — сказал мальчик весело. — Я здесь на практике. А вы кибернетист?

— Мы здесь проездом, — сказал Поль. — В поисках идей. У тебя нет какой завалющенькой идеи?

— У меня... Я... Вот в лаборатории у нас много идей, и ничего не получается.

— Понимаю, — бормотал Поль, копаясь в блоке регулировки. — Стаи идей бессмысленно носились в воздухе... Тут охотник выбегает, в ракопаука стреляет...

— А вы и на Пандоре были? — с завистью спросил мальчик.

Поль воровато огляделся и торопливо испустил вопль ракопаука, настигающего добычу.

— Здорово! — сказал мальчик Федя.

Поль собрал кибердворника, шлепнул его по вороненому заду, и кибердворник кинулся на солнцепек — набирать энергию.

— Прелестно! — сказал Поль и вытер руки о штаны. — Теперь посмотрим, что у нас с птерокаром...

— Нет-нет, пожалуйста... — быстро заговорил мальчик Федя. — Птерокар я сам, честное слово...

— Ах, сам, — сказал Поль. — Тогда пойду умою руки. А кто твой учитель?

— Мой учитель — Николай Кузьмич Белка, океанолог, — сказал мальчик и ощетинился.

Поль не рискнул состричь, молча похлопал мальчика по плечу и пошел своей дорогой. Он чувствовал себя гораздо лучше. Он уже миновал первые два квартала поселка, когда над ним с шелестом пронесся знакомый птерокар и мальчишеский голос, невыносимо фальшивя, изобразил вопль ракапаука, настигающего добычу.

Задумавшись, Поль налетел на двухголового теленка. Теленок шарахнулся в сторону и уставился на Поля обеими парами глаз. Затем он потянулся левой головой к траве под ногами, а правой — к ветке сирени, нависшей над дорогой. Тут его хлестнули хворостиной, и он, брыкаясь, побежал дальше. Двухголового теленка погоняла очень симпатичная загорелая девушка в цветастом сарафане и в соломенной шляпе набекрень. Поль ошалело пробормотал:

— «Пастушка младая на рынок спешит...»

— Что? — спросила девушка, останавливаясь.

Нет, она была не просто очень симпатичная. Она была просто очень красивая. Такая красивая, что не могла не быть умной, такая умная, что не могла не быть славной, такая славная, что... Полю захотелось немедленно стать высоким и плечистым, с ясным лбом и спокойными глазами. Зигзагом пронеслась мысль: «Во всяком случае, надо быть остроумным». Он сказал:

— Меня зовут Поль.

Девушка ответила:

— Меня зовут Ирина. Вы что-то сказали, Поль?

Поль вспотел. Девушка ждала, нетерпеливо поглядывая вслед удаляющемуся теленку. Мысли в голове Поля неслись в три слоя. «Извлечем корень квадратный... Амур стреляет из двуствольного карабина... Сейчас она решит, что я заика...» О! Заика — это мысль.

— В-вы т-торопитесь, я вижу, — сказал он, изо всех сил заикаясь. — Й-я н-найду вас вечером... М-можно?

— Конечно. — Девушка явно обрадовалась.

— Д-до вечера, — сказал Поль и пошел прочь. «Поговорил, — думал он. — П-побеседовал. Фейерверк остроумия». Он представил себя в момент этой беседы и даже застонал через нос от неловкости.

Где-то совсем близко взревел громкоговоритель:

— Всех свободных специалистов по анестезии просят зайти в третью лабораторию! Вызывает Потапенко. Есть идея. Всех свободных специалистов по анестезии просят зайти в третью лабораторию. И не ломитесь, как в прошлый раз, в главное здание. В третью лабораторию! В третью лабораторию!

«Почему я не специалист по анестезии? — подумал Поль. — Уж я бы не стал ломиться в главное здание...» Мимо, посередине улицы, стремительно пронеслись, прижав локти к бокам, две девицы в коротких штанах, — вероятно, специалисты.

В поселке было тихо и пусто. На идеально чистом перекрестке томился на солнце одинокий кибердворник. Поль из жалости бросил ему горсть листьев — кибер сейчас же

ожил и принялся за работу. «Ни в одном городе я не встречал столько кибердворников, — подумал Поль. — Впрочем, ферма скотоводческая, всякое случается...»

Позади раздался дробный грохот копыт. Поль испуганно обернулся, и сейчас же мимо него стремительно пронеслись четыре взмыленные лошади. На передней, пригнувшись к самой гриве, мчался дочерна загорелый, лоснящийся от пота парень в коротких белых трусиках. Остальные кони были без седоков. У низкого здания в двадцати метрах от Поля парень на полном скаку слетел с коня прямо на ступеньки крыльца, пронзительно свистнул и скрылся за дверью. Кони, храпя и задирая головы, описали полукруг и вернулись к крыльцу. Поль даже не успел как следует позавидовать. Из низкого здания выбежали трое парней и девушка, не останавливаясь, вскочили на коней и тем же бешеным аллюром промчались мимо Поля в обратную сторону. Они уже заворачивали за угол, когда на крыльцо выскочил парень в белых трусиках и крикнул им вслед:

— Образцы везите прямо на станцию! Алешка-а!..

На улице уже никого не было. Парень постоял немного, вытер лоб и вернулся в здание. Поль вздохнул и пошел дальше.

На пороге костылинской лаборатории он остановился и прислушался. Доносившиеся звуки показались ему странными. Глухой удар. Тяжелый вздох. Что-то задвигалось. Скучный голос произнес: «Верно». Тишина. Снова глухой удар. Поль оглянулся на залитую солнцем площадь лаборатории. Голос Костылина сказал: «Врешь. Становись». Глухой удар. Поль вошел в прихожую и увидел белую дверь с надписью «Лаборатория живого мяса». За дверью скучный голос сказал: «Собственно, почему мы все время берем мясо с бедра? Можно брать со спины». Костылин пробасил: «Сибиряки пробовали, у них не получилось». Снова глухой удар.

Поль подошел к двери, и она бесшумно открылась. В лаборатории было много света, и вдоль стен сияли матовой белизной странные на вид установки, темнели вделанные в стену обширные стекла. Поль спросил:

— Септическому можно?

Никто не ответил. В лаборатории было человек десять. Вид у всех был угрюмоватый и задумчивый. Трое сидели рядышком на большой низкой скамье и молчали. Они смотрели на Поля без всякого выражения. Двое сидели спиной к двери, у дальней стены, сблизив головы, и что-то читали. В углу полукругом собрались остальные. В центре полукруга лицом к стене возвышался Сашка Лин. Правой рукой он прикрывал лицо, левую ладонь просунул под правую мышку. Стоявший в полукруге веснушчатый Федя с размаху грохнул его по левой ладони. Полукруг шевельнулся, выбросил вперед кулаки с поднятым большим пальцем. Костылин молча повернулся и указал на одного, тот молча покачал головой, и Костылин принял прежнюю позу.

— Так можно септическому? — снова спросил Поль. — Или я не вовремя?

— Странник, — сказал один из сидящих на скамье скучным голосом. — Заходите, странник. Мы здесь все септические.

Поль вошел. Человек со скучным голосом произнес в пространство:

— Крестьяне, я предлагаю просмотреть анализы еще раз. Может быть, белка все-таки мало.

— Белка даже больше, чем мы рассчитывали, — сказал кто-то из игравших в странную игру.

Воцарилось гнетущее молчание, только ухали удары и кто-нибудь произносил время от времени: «Врешь, не угадал».

«Эге! — подумал Поль. — А плохи дела у лаборатории живого мяса».

Гибкий черноволосый японец вскочил со скамьи и стремительно прошелся по комнате.

— Больше так нельзя! — сказал он яростно. — Все неверно. Сама идея ложна. Да, ложна! Надо пересматривать все. Сначала. Просто мы боимся начинать сначала! — Он остановился. — Слушает меня кто-нибудь? Что за манера молчать!

— Все слушают, — сказал человек со скучным голосом. — А что толку?

Костылин растолкал играющих и вышел на середину комнаты.

— Предложение, — объявил он бодро. (Все повернулись к нему, даже сидевшие над записями.) — Пойдемте купаться.

— Пойдемте, — решительно сказал японец. — Надо начинать думать сначала.

Больше на предложение не откликнулся никто. Специалисты по живому мясу разбрелись по комнате и снова замолчали.

Костылин подошел к Полю и обнял его за плечи.

— Пойдем, Полли, — сказал он грустно. — Пойдем, мальчик. Не будем огорчаться, верно?

— Ну конечно, Лин! — сказал Поль. — Не получается сегодня, получится послезавтра.

Они вышли на солнечную улицу.

— Ты не стесняйся, Лин, — сказал Поль. — Не стесняйся, поплачь мне в жилетку. Не стесняйся.

На Планете было около ста тысяч скотоводческих ферм. Были фермы, разводившие коров, были фермы, разводившие свиней, были фермы, разводившие слонов, антилоп, коз, лам, овец. В среднем течении Нила работали две фермы, где пытались разводить гипшопотамов.

На Планете было около двухсот тысяч зерновых ферм. Там выращивали рожь, пшеницу, кукурузу, гречу, просо, маис, рис, гаолян. Были фермы специализированные, как ферма «Волга-Единорог», и широкого профиля. Все вместе они составляли основу изобилия — гигантский, предельно автоматизированный комбинат, производящий продукты питания, — все, начиная от свинины и картофеля и кончая устрицами и манго. Никакие стихийные бедствия, никакие катастрофы не грозили теперь Планете недородом и голодом. Раз и навсегда установившаяся система изобильного производства поддерживалась совершенно автоматически и развивалась столь стремительно, что приходилось принимать специальные меры против перепроизводства. Проблема питания перестала существовать так же, как никогда не существовала проблема дыхания.

К вечеру Поль уже имел представление, хотя и самое общее, о том, чем заняты скотоводы. Ферма «Волга» была одной из нескольких тысяч скотоводческих ферм умеренного пояса Планеты. Судя по всему, здесь можно было заниматься практической генетикой, эмбриомеханической ветеринарией, продовольственным рядом экономической статистики, зоопсихологией и агрологической кибернетикой. Поль встретил здесь также одного почвовед, который явно бездельничал: пил парное молоко, ухаживал напропалую за хорошенькой зоопсихологичкой и все звал ее на болота Амазонки, где еще есть чем заняться уважающему себя почвоведу.

В стаде «Волга-Единорог» было около шестидесяти тысяч голов. Полю очень понравилась полная автономность стада — с утра и до утра всех коров вместе и каждую в отдельности обслуживали исключительно киберы и ветавтоматы. Стадо же, в свою очередь, с утра и до утра обслуживало перерабатывающий комбинат Линии Доставки, с одной стороны, и непрерывно растущие научные потребности скотоводов — с другой. Например, можно было связаться с диспетчерской и потребовать у дежурного пастуха корову семисот двадцати двух дней от роду, такой-то масти и с такими-то параметрами, ведущую род от племенного быка Миколая 2-го. Через полчаса названное животное в сопровождении заляпанного навозом кибера будет ждать вас в приемном боксе, скажем, генетической лаборатории.

Кстати, именно лаборатория генетики занималась самыми сумасшедшими экспериментами и служила постоянным источником некоторых трений между фермой и перерабатывающим комбинатом, — работники комбината, скромные и свирепые стражи мировой гастрономии, приходили в неистовство, обнаруживая в очередной партии коров чудовищную скотину, по виду и, главное, по вкусу больше всего напоминающую тихоокеанского краба. На ферму немедленно прибывал представитель комбината. Он сразу же шел в лабораторию генетики и требовал «автора этой неаппетитной шутки». В качестве авторов неизменно откликались все сто восемьдесят сотрудников лаборатории генетики (не считая школьников-практикантов). Представитель комбината сдержанно напоминал, что ферма и комбинат предназначены для бесперебойного снабжения Линии Доставки говядиной во всех видах, а не лягушечьими лапками и не консервированными медузами. Сто восемьдесят прогрессивно настроенных генетиков в один голос возражали против такого узкого подхода к проблеме снабжения. Им, генетикам, кажется странным, что такой опытный и знающий работник, как имярек, придерживается столь консервативных взглядов и не придает никакого значения рекламе, которая, как известно, для того и существует, чтобы изменять и совершенствовать вкусы населения. Представитель комбината напоминал, что ни один новый пищевой продукт не может быть запущен в распределительную сеть без апробации Академии Здравоохранения. (Выкрики из толпы генетиков: «Консерваторы от пищеварения!» «Общество друзей аппендикса!») Представитель комбината разводил руками и всем своим видом показывал, что ничем не может помочь. Выкрики переходили в глухое ворчание и вскоре замолкали: авторитет Академии Здравоохранения громаден. Затем представителя комбината вели по лабораториям, чтобы показать «кое-что новенькое». Представитель комбината бледнел, отшатывался и требовал клятвы, что «все это» совершенно несъедобно. В ответ ему давали на дегустацию мясо, которое не требовало специй, мясо, которое не нужно было солить, мясо, которое таяло во рту, как мороженое, спецмясо для космонавтов и ядерных техников, спецмясо для будущих матерей и даже мясо, которое можно было есть сырым. Представитель комбината дегустировал, восхищенно кричал: «Вот это хорошо! Вот это славно!» — и требовал клятвы, что «все это» выйдет из области эксперимента уже в следующем году. Совершенно успокоившись, он прощался и уезжал, а через месяц все начиналось сначала.

Собранная за день информация окрылила Поля и внушила ему уверенность в том, что здесь есть чем заняться. «Для начала я пойду в кибернетисты, буду пасти коров, — рассуждал Польша, сидя на открытой веранде кафе и рассеянно глядя на стакан газированной простокваши. — Половину кибердворников выгоню в поле. Пусть ловят мух. По вечерам буду заниматься с генетиками. Хорошо, если бы Ирина оказалась генетиком. Меня бы, конечно, прикрепили к ней. Каждое утро я посылаю бы ей киберера с букетом цветов. И каждый вечер». Польша отпил простокваши и посмотрел вниз, на черное поле за рекой. Там уже слабо зеленела молодая травка. «Хитроумно! — подумал Польша. — Завтра кибереры повернут стадо и погонят обратно. Вот они, челночные пастбища. Однако рутина, не вижу новых принципов. Мы с Ириной выведем коров, которые будут жрать землю. Как дождевые черви. Вот будет весело! Вот только Академия Здравоохранения...»

На веранду, шумно споря о смысле жизни, ввалилась большая компания и сразу принялась сдвигать столики. Кто-то бубнил:

— Человек умирает, и ему все равно — наследники, не наследники, потомки, не потомки...

— Это быку Николаю Второму все равно...

— При чем здесь бык? Тебе тоже все равно! Ты ушел, исчез, растворился... Тебя нет, понимаешь?..

— Погодите, ребята... В этом своя логика, конечно, есть. Смысл жизни интересует только живых.

— Интересно, где бы ты был, если бы твои предки рассуждали так же. До сих пор сошкой бы землю ковырял...

— Вздор! При чем здесь смысл жизни? Это просто закон развития производительных сил...

— А при чем здесь закон?

— А при том, что хочешь ты или не хочешь, а производительные силы развиваются. За сохой пришел трактор, за трактором — кибер...

— Ладно, пусть потомки ни при чем. Но, значит, были люди, смысл жизни которых состоял в том, чтобы придумать трактор?

— Что вы путаете? Что вы все время путаете? Речь не о том, зачем каждый отдельный человек живет, а зачем существует человечество! Вы ничего не поняли и...

— Это ты ничего не понял!

— Слушайте! Меня послушайте! Крестьяне! Я вам все сейчас объясню... Ау!

— Дайте, дайте ему сказать!

— Это вопрос сложный. Сколько люди существуют, столько они спорят о смысле своего...

— Короче!

— ...о смысле своего существования. Во-первых, потомки здесь ни при чем. Жизнь дается человеку независимо от того, хочет он этого или нет...

— Короче!

— Ну, тогда сам и рассказывай.

— Правда, Алан, давай короче.

— А короче — вот: жить интересно, потому и живем. А кому не интересно — вон в Снегиреве фабрика удобрений...

— Так его, Алан!

— Нет, ребята... В этом своя логика тоже есть...

— Это кухонная философия! Что значит «интересно», «не интересно»? Зачем мы — вот вопрос!

— А зачем смещение перигелия? Или закон Ньютона?

— Самый дурацкий вопрос — это «зачем». Зачем солнце восходит на востоке?

— Во-во! Один дурак ставит этот вопрос, чтобы поставить в тупик тысячу мудрецов.

— Дурак? Я такой же дурак, как и вы мудрецы...

— Да бросьте вы, поговорим лучше о любви!

— «Любовь — что такое! И что такое — любовь?»

— Зачем любовь — вот вопрос! А, Жора?

— Знаете, крестьяне, вот смотришь на вас в лаборатории — люди как люди. А как начнется философия... Любовь, жизнь...

Поль взял свой стул и втиснулся в компанию. Его узнали.

— А! Странник! Странник, что такое любовь?

— Любовь, — сказал Поль, — это специфическое свойство высокоорганизованной материи.

— Зачем организованной и зачем материи — вот вопрос!

— Да будет вам...

— Странник, новые анекдоты есть?

— Есть, — сказал Поль. — Только неостроумные.

— Мы сами неостроумные...

— Пусть расскажет. Расскажи мне анекдот, и я скажу, кто ты.

Поль сказал:

— Один кибернетист (смех) изобрел предиктор, машину, которая предсказывает будущее, этакий агрегат в сто этажей. И задал он для начала предиктору вопрос: «Что я буду делать через три часа?» Предиктор жужжал до утра, а потом сообщил: «Будешь сидеть и ждать моего ответа».

— Да-а, — сказал кто-то.

— Что — да? — сказал Поль хладнокровно. — Сами просили.

— Слушайте, крестьяне, почему все эти киберанекдоты такие глупые?

— Главное — зачем? Вот вопрос!

— Странник! Как тебя зовут, странник?

— Поль, — пробормотал Поль.

На веранду вышла Ирина. Она была красивее всех девушек, сидящих за столом. Она была так красива, что Поль перестал слышать. Она улыбнулась, что-то сказала, кому-то махнула рукой и села рядом с длинноносый Жорой, и Жора сейчас же наклонился к ней и что-то спросил, наверное: «Зачем?» Поль отдышался и заметил, что сосед справа плачет ему в жилетку:

— Мы просто еще не умеем, не научились. Сашка никак этого не может понять. Такие вещи рывками не делаются...

Поль наконец узнал соседа — это был Итиро, тот самый японец, с которым они купались в полдень.

— ...Такие вещи не делаются рывками. Мы даже не приспособливаем Природу — мы бьем ее вдребезги.

— А... э-э-э... о чем, собственно, речь? — спросил Поль осторожно. Ему было совершенно непонятно, когда и откуда появился Итиро.

— Я же говорю, — терпеливо сказал Итиро, — снимать мясо с животного, не убивая животного.

Поль не отрываясь смотрел на Ирину. Длинноносый Жора наливал ей шампанское. Ирина что-то быстро говорила, постукивая по бокалу смуглыми пальцами. Итиро сказал:

— А! Ты влюбился в Ирину! Очень жаль.

— В какую Ирину? — пробормотал Поль.

— Эта девушка — Ирина Егорова. Работала у нас по общей биологии.

Полно показалось, что он упал.

— Как так — работала?

— Я же говорю — жаль, — сказал Итиро спокойно. — Она уезжает на днях.

Поль видел только ее профиль, освещенный солнцем.

— Куда? — спросил он.

— На Дальний Восток.

— Налей мне вина, Итиро, — сказал Поль. У него пересохло в горле.

— А ты будешь работать у нас? — спросил Итиро. — Сашка говорил, что у тебя светлая голова.

— Светлая голова, — пробормотал Поль. — Высокий ясный лоб и спокойные глаза... Итиро засмеялся.

— Не грусти, — сказал он. — Нам всего по двадцать пять лет.

— Нет, — сказал Поль, в отчаянии трясая головой. — Чего ради я здесь останусь? Конечно, я здесь не останусь... Я поеду на Дальний Восток...

Тяжелая рука опустилась ему на плечо, и мощный бас Лина осведомился:

— Это кто здесь поедет на Дальний Восток?

— Лин, слушай, Лин, — сказал Поль жалобно. — Ну почему мне так не везет? А?

— Ирина, — сказал Итиро и поднялся.

Лин сел на его место и придвинул к себе блюдо с холодным мясом. Лицо у него было усталое. Поль смотрел на него со страхом и надеждой, совсем как в старые времена, когда соседи по этажу, бывало, устраивали общешкольную облаву, чтобы изловить хитроумного Либер Полли и научить его не быть слишком хитроумным.

Лин прожевал огромный кусок мяса и сказал басом, покрывшим шум на веранде:

— Крестьяне! Пришел новый каталог изданий на русском языке. Желающих просят в клуб.

Все повернулись к нему.

- А что там есть?
- Миронов есть, Сашка?
- Есть, — сказал Лин.
- А «Железная башня»?
- Есть. Я уже выписал.
- А «Чистый как снег»?
- Есть. Там восемьдесят шесть названий, я не помню всего.

Веранда стала быстро пустеть. Ушел Алан. Ушел Итиро. Ушла Ирина с длинноносом Жорой. Она ничего не знала. Она даже не заметила. И она, конечно, ничего не помнила. И не вспомнит. «Жору вспомнит. Двухголового теленка вспомнит. А меня не вспомнит...»

Лин сказал:

— Несчастливая любовь активизирует. Но она коротка, Полли. Ты останешься здесь. Я присмотрю за тобой.

— А может быть, я все-таки поеду на Дальний Восток? — сказал Поль.

— Зачем? Ты будешь ей только мешать и путаться под ногами. Я знаю Ирину, и я знаю тебя. Ты на пятьдесят лет глупее ее героя.

— А может быть...

— Нет, — сказал Лин. — Останься со мной. Разве твой Лин когда-нибудь обманывал тебя?

И Поль подчинился. Он ласково потрепал Лина по необъятной спине, встал и подошел к балюстраде. Солнце зашло, на ферму опустились теплые прозрачные сумерки. Где-то близко играли на пианино и очень красиво пели на два голоса. «Эхе-хе!» — подумал Поль. Он перегнулся через балюстраду и тихонько испустил вопль гигантского ракапаука, потерявшего след.

Десантники

Спутник был огромен. Это был тор в два километра в поперечнике, разделенный внутри массивными переборками на множество помещений. В кольцевых коридорах было пусто и светло, треугольные люки, ведущие в пустые светлые помещения, были распахнуты настежь. Спутник был покинут невероятно давно, может быть миллионы лет назад, но шершавый желтый пол был чист, и Август Бадер сказал, что не видел здесь ни одной пылинки.

Бадер шел впереди, как и полагается первооткрывателю и хозяину, и Горбовский и Валькенштейн видели его большие оттопыренные уши и светлый хохолок на макушке.

— Я ожидал увидеть здесь запустение, — неторопливо рассказывал Бадер. Он говорил по-русски, старательно выговаривая каждую букву. — Этот спутник заинтересовал нас прежде всего. Это было десять лет назад. Я увидел, что внешние люки раскрыты. Я сказал себе: «Август, ты увидишь картину ужасающего бедствия и разрушения». Я даже сказал жене остаться на корабле. Я боялся найти здесь мертвые тела, вы понимаете.

Он остановился перед каким-то люком, и Горбовский чуть не налетел на него. Валькенштейн, который немного отстал, догнал их и остановился рядом, насупившись.

— Абер здесь было пусто, — сказал Бадер. — Здесь было светло, очень чисто и совершенно пусто. Прошу вас, взгляните. — Он сделал плавный жест рукой. — Я склонен полагать, что здесь была диспетчерская спутника.

Они протиснулись в помещение с куполообразным потолком и с низкой полукруглой стойкой посередине. Стены были ярко-желтые, матовые и светились изнутри. Горбовский потрогал стену. Она была гладкая и прохладная.

— Похоже на янтарь, — сказал он. — Попробуй, Марк.

Валькенштейн попробовал и кивнул.

— Все демонтировано, — сказал Бадер. — Но в стенах и переборках, а равно и в тороидальной оболочке спутника остались скрытые пока от нас источники света. Я склонен полагать...

— Мы знаем, — быстро сказал Валькенштейн.

— Вот как? — Бадер посмотрел на Горбовского. — Но что вы читали? Вы, Марк, и вы, Леонид?

— Мы читали серию ваших статей, Август, — сказал Горбовский. — «Искусственные спутники Владиславы».

Бадер наклонил голову.

— «Искусственные, неземного происхождения спутники планеты Владислава звезды ЕН 17», — поправил он. — Да. В таком случае, разумеется, я могу не излагать вам свои соображения по поводу источников света.

Валькенштейн пошел вдоль стены озираясь.

— Странный материал, — сказал он издали. — Металлопласт, наверное. Но я никогда не видел такого металлопласта.

— Это не металлопласт, — сказал Бадер. — Не забывайте, где вы находитесь. Вы, Марк, и вы, Леонид.

— Мы не забываем, — сказал Горбовский. — Мы бывали на Фобосе, и там действительно совсем другой материал.

Горбовский и Валькенштейн бывали на Фобосе. Это был спутник Марса, и долгое время его считали естественным спутником. Но он оказался четырехкилометровым тором, окутанным металлической противометеоритной сетью. Густая сеть была изъедена метеоритной коррозией и местами прорвана. Но сам спутник уцелел. Внешние люки его были открыты, и гигантский бублик был пуст точно так же, как этот. По изношенности противометеоритной сети подсчитали, что он был выведен на орбиту вокруг Марса по крайней мере десять миллионов лет назад.

— О, Фобос! — Бадер покачал головой. — Фобос — это одно, Леонид, Владислава — это отнюдь другое.

— Почему? — осведомился Валькенштейн, подходя. Он думал иначе.

— Например, потому, что от Солнца и от Фобоса до Владиславы, где находимся сейчас мы, триста тысяч астрономических единиц.

— Мы покрыли это расстояние за полгода, — сердито сказал Валькенштейн. — Они могли сделать то же. И потом, спутники Владиславы и Фобос имеют много общего.

— Но это следует доказать, — сказал Бадер.

Горбовский проговорил, лениво усмехаясь:

— Вот мы и попробуем доказать.

Некоторое время Бадер размышлял и затем изрек:

— Фобос и земные спутники тоже имеют много общего.

Это был ответ в стиле Бадера — очень веско и на полметра мимо.

— Ну хорошо, — сказал Горбовский. — А что здесь есть еще, кроме этой диспетчерской?

— На этом спутнике, — важно сказал Бадер, — имеются сто шестьдесят помещений размером от пятнадцати до пятисот квадратных метров. Мы можем осмотреть их все. Но они пусты.

— Раз они пусты, — сказал Валькенштейн, — нам лучше вернуться на «Таризель».

Бадер поглядел на него и снова повернулся к Горбовскому:

— Мы называем этот спутник Владя. Как вам известно, у Владиславы есть еще один спутник, тоже искусственный и тоже неземного происхождения. Он меньше по размерам. Мы называем его Слава. Вы понимаете? Планета называется «Владислава». Естественно назвать два ее спутника «Владя» и «Слава». Не так ли?

— Да, конечно, — сказал Горбовский. Это изящное рассуждение было ему знакомо. Он слышал его в третий раз. — Это вы очень остроумно предложили, Август. Владя и Слава — Владислава. Прекрасно!

— У вас на Земле, — продолжал Бадер неторопливо, — эти спутники называют «Игрек-один» и «Игрек-два», соответственно — Владя и Слава. Но мы — мы называем их иначе. Мы называем их Владя и Слава.

Он строго поглядел на Валькенштейна. Валькенштейн играл желваками на скулах. Насколько было известно Валькенштейну, «мы» — это был сам Бадер и только Бадер.

— Что же касается состава этого желтого материала, который отнюдь не является металлопластом и который я называю янтарин...

— Очень удачно, — вставил Валькенштейн.

— Да... Неплохо... То состав его пока неизвестен. Он остается тайной.

Наступило молчание. Горбовский рассеянно оглядывал помещение. Он пытался представить себе тех, кто строил этот спутник и потом работал здесь когда-то очень давно. Это были другие люди. Они пришли в Солнечную систему и ушли, оставив возле Марса покинутые космические лаборатории и большой город вблизи северной полярной шапки. Спутники были пусты, и город был пуст — остались только странные здания, на много этажей уходящие под почву. Затем — или, может быть, до того — они пришли в систему звезды ЕН 17, построили возле Владиславы два искусственных спутника и тоже ушли. И здесь, на Владиславе, тоже должен быть покинутый город. Почему и откуда они приходили? Почему и куда они ушли? Впрочем, ясно почему: они, конечно, были великие исследователи. Десантники другого мира.

— Теперь, — сказал Бадер, — мы пойдем и осмотрим помещение, в котором я нашел предмет, названный мною условно пуговицей.

— Он и сейчас там? — спросил Валькенштейн, оживившись.

— Кто — он? — спросил Бадер.

— Предмет.

— Пуговица, — веско сказал Бадер, — находится в настоящий момент на Земле, в распоряжении Комиссии по изучению следов деятельности иного разума в Космосе.

— А, — сказал Валькенштейн, — у следопытов. Но я собирал материал по Владиславе, и мне не показали эту вашу пуговицу.

Бадер задрап подбородок.

— Я отправил ее с капитаном Антоном Быковым четыре локальных месяца назад.

С Быковым они разминулись в пути. Он должен был прибыть на Землю спустя два месяца после старта «Гаризля» к звезде ЕН 17.

— Так, — сказал Горбовский. — Осмотр пуговицы, таким образом, откладывается.

— Но мы осмотрим помещение, где я ее нашел, — сказал Бадер. — Не исключено, Леонид, что в гипотетическом городе на поверхности планеты Владислава вы обнаружите аналогичные предметы.

Он полез в люк. Валькенштейн сказал сквозь зубы:

— Надоел он мне, Леонид Андреевич...

— Надо терпеть, — сказал Горбовский.

До помещения, где Бадер нашел пуговицу, оказалось полкилометра. Бадер показал место, где пуговица лежала, и подробно рассказал, как он пуговицу обнаружил. (Он наступил на нее и раздавил.) По мнению Бадера, пуговица была аккумулятором, имевшим первоначально сферическую форму. Она была сделана из полупрозрачного серебристого материала, очень мягкого. Диаметр — тридцать восемь и шестнадцать сотых миллиметра... плотность... вес... расстояние от ближайшей стены...

В комнате напротив, по другую сторону коридора, сидели среди приборов, расставленных прямо на полу, двое молодых парней в синих рабочих куртках. Они работали, поглядывая в сторону Горбовского и Валькенштейна, и переговаривались вполголоса:

- Десантники. Прилетели вчера.
- Умгу. Вон тот, длинный, — Горбовский.
- Знаю.
- А другой, беловолосый?
- Марк Ефремович Валькенштейн. Штурман.
- А-а, слышал.
- Они начнут завтра.

Бадер наконец кончил объяснять и спросил, все ли понятно. «Все», — сказал Горбовский и услышал, как в комнате напротив хихикнули.

— Теперь мы вернемся домой, — сказал Бадер.

Они вышли в коридор, и Горбовский кивнул парням в синем. Парни встали и поклонились с улыбками.

— Желаем удачи, — произнес один.

Другой молча улыбался, крутя в руках моток многоцветного провода.

— Спасибо, — сказал Горбовский.

Валькенштейн тоже сказал:

— Спасибо.

Отойдя шагов на сто, Горбовский обернулся. Двое в синих куртках стояли в коридоре и смотрели им вслед.

Время в «Империи Бадера» (так насмешники называли всю систему искусственных и естественных спутников Владиславы: обсерватории, мастерские, заправочные станции, черные цистерны-плантации с хлореллой, оранжереи, питомники, стеклянные сады отдыха и пустующие торы неземного происхождения) исчислялось тридцатичасовыми циклами. К концу третьего цикла, после того как Д-звездолет «Тариэль», шестикилометровый гигант, похожий издали на сверкающий цветок, вышел на меридиональную орбиту вокруг Владиславы, Горбовский предпринял первый поиск. Д-звездолеты не приспособлены к высадкам на массивные планеты, особенно на планеты с атмосферами, и тем более на планеты с бешеными атмосферами. Для этого они слишком хрупки. Высадки осуществляются вспомогательными кораблями-ботами с атомно-импульсным или фотонным приводом и с нефиксированным центром тяжести. Рейсовый звездолет несет на себе один такой бот, а десантный — от двух до четырех. «Тариэль» имел на борту два фотонных бота, и в одном из них Горбовский предпринял первую попытку прощупать атмосферу Владиславы. «Поглядеть, стоит ли», — сказал Горбовский Бадеру.

Бадер лично прибыл на «Тариэль». Он много кивал и говорил: «О да!» — и, когда бот Горбовского оторвался от «Тариэля», сел на стульчик сбоку от наблюдательного пульта и стал терпеливо ждать.

Все десантники собрались возле пульта и следили за неясными вспышками на сером экране осциллографа — это были отпечатки сигнальных импульсов, которые посылал автопередатчик на боте. Десантников было трое, если не считать Бадера. Они молчали и думали о Горбовском, каждый по-своему.

Валькенштейн думал о том, что Горбовский вернется через час. Он терпеть не мог неопределенности, и ему хотелось, чтобы Горбовский был уже здесь, хотя он знал, что первый поиск всегда проходит благополучно, особенно если десантный бот ведет Горбовский. Валькенштейн вспомнил первую встречу с Горбовским. Это было на Цифэе, спутнике Луны, откуда обычно стартовали все фотонные корабли. Валькенштейн только что вернулся из броска на Нептун — вернулся без потерь, гордился этим и хвастался ужасно. Горбовский подошел к нему в столовой и сказал: «Извините, ради бога, вы, случайно, не Марк Ефремович Валькенштейн?» Валькенштейн кивнул и спросил: «Чем могу?» У Горбовского был очень несчастный вид. Он сел рядом, пошевелил длинным носом и сказал просительно: «Послушайте, Марк, вы не знаете, где здесь можно достать

арфу?» «Здесь» — это на расстоянии в триста пятьдесят тысяч километров от Земли, на звездолетной базе. Валькенштейн подавился супом. Горбовский с любопытством разглядывал его, затем представился и сказал: «Да вы успокойтесь, Марк, это не срочно. Я, собственно, хотел узнать, на каком режиме вы входили в экзосферу Нептуна». Это была манера Горбовского: подобраться к человеку, особенно незнакомому, задать такой вот вопрос и смотреть, как человек выкручивается.

И биолог Перси Диксон, черный, заросший курчавым волосом, тоже думал о Горбовском. Перси Диксон работал в области космопсихологии и космофизиологии человека. Он был стар, очень много знал и провел над собой и над другими массу сумасшедших экспериментов. Он пришел к заключению, что человек, пробывший в Пространстве в общей сложности больше двадцати лет, отвыкает от Земли и перестает считать Землю домом. Оставаясь землянином, он перестает быть человеком Земли. Перси Диксон сам стал таким и не понимал, почему Горбовский, налетавший более пятидесяти парсеков и побывавший на десятке лун и планет, время от времени вдруг поднимает очи горé и говорит со вздохом: «На лужайку бы! В травку! Полежать. И чтобы речка».

И Лю Гуаньчэн, атмосферный физик, думал о Горбовском. Он размышлял над его прощальными словами: «Посмотрю, стоит ли». И Гуаньчэн очень боялся, что Горбовский, вернувшись, скажет: «Не стоит». Так уже случалось несколько раз. Лю Гуаньчэн занимался бешеными атмосферами и был вечным должником Горбовского, и каждый раз ему казалось, что он отправляет Горбовского на смерть. Однажды Лю сказал ему об этом. Горбовский серьезно ответил: «Знаете, Лю, еще не было случая, чтобы я не вернулся».

Генеральный уполномоченный Совета Космогации, директор транскосмической звездолетной базы и лаборатории «Владислава ЕН 17», профессор и десантник Август-Иоганн Бадер тоже думал о Горбовском. Почему-то он вспомнил, как пятнадцать лет назад на Цифэе Горбовский прощался со своей матерью. Горбовский и Бадер уходили к Трансплутону. Это очень печальный момент — прощание с родными перед космическим рейсом. Бадеру показалось, что Горбовский простился с матерью очень небрежно. Как капитан корабля — тогда он был капитаном корабля, — Бадер счел своим долгом сделать Горбовскому внушение. «В такой печальный момент, — сказал он строго, но мягко, — ваше сердце должно было биться в унисон с сердцем вашей матушки. Высокая добродетель каждого человека состоит в том, что...» Горбовский слушал молча, а когда Бадер закончил выговор, сказал странным голосом: «Август, а у вас есть мама?» Да, он так и сказал: «мама». Не мать, не муттер, но — мама.

— Вышел на ту сторону, — сказал Лю.

Валькенштейн поглядел на экран. Всплески туманных пятен исчезли. Он поглядел на Бадера. Бадер сидел, вцепившись в сиденье стула, и у него был такой вид, словно его тошнит. Он поднял на Валькенштейна глаза и вымученно улыбнулся.

— Одно дело, — сказал он, старательно выговаривая буквы, — когда ты сам, абер совсем другое дело, когда некто другой.

Валькенштейн отвернулся. По его мнению, было совершенно безразлично, кто делает дело. Он поднялся и вышел в коридор. У кессонного люка он увидел незнакомого молодого человека с бритым загорелым лицом и бритым лоснящимся черепом. Валькенштейн остановился, оглядывая его с головы до ног.

— Кто вы такой? — спросил он неприятливо. Меньше всего он ожидал встретить на «Таризле» незнакомого человека.

Молодой человек кривовато усмехнулся.

— Меня зовут Сидоров, — сказал он. — Я биолог и хочу видеть товарища Горбовского.

— Горбовский в поиске, — сказал Валькенштейн. — Как вы попали на корабль?

— Меня привез директор Бадер...

— А, — сказал Валькенштейн. Бадер прибыл на звездолет два часа назад.

— ...и, вероятно, забыл про меня.

— Естественно, — сказал Валькенштейн. — Это вполне естественно для директора Бадера. Он весьма взволнован.

— Я понимаю. — Сидоров поглядел на носки своих ботинок и сказал: — Я хотел переговорить с товарищем Горбовским.

— Вам придется подождать, — сказал Валькенштейн. — Пойдемте, я провожу вас в кают-компанию.

Он проводил Сидорова в кают-компанию, положил перед ним пачку последних земных журналов и вернулся в рубку. Десантники улыбались, Бадер утирал пот со лба и тоже улыбался. На экране опять бились туманные всплески.

— Возвращается, — сказал Диксон. — Он сказал, что одного витка на первый раз достаточно.

— Конечно, достаточно, — сказал Валькенштейн.

— Вполне достаточно, — сказал Лю.

Через четверть часа Горбовский выкарабкался из кессона, на ходу расстегивая пилотский комбинезон. Был он рассеян и смотрел поверх голов.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Лю.

— Все в порядке, — сказал Горбовский. Он остановился посередине коридора и стал вылезать из комбинезона. Он выпростал из комбинезона одну ногу, наступил на рукав и чуть не упал. — То есть что я говорю — все в порядке... Все никуда не годится!

— А что именно? — осведомился Валькенштейн.

— Я есть хочу, — заявил Горбовский.

Он вылез наконец из комбинезона и направился в кают-компанию, волоча комбинезон по полу за рукав.

— Дурацкая планета! — сказал он.

Валькенштейн отобрал у него комбинезон и пошел рядом.

— Дурацкая планета, — повторил Горбовский, глядя поверх голов.

— Это весьма трудная планета для высадки, — подтвердил Бадер, отчетливо выговаривая буквы.

— Дайте мне поесть, — сказал Горбовский.

В кают-компании он с довольным стенанием повалился на диван. Когда он вошел, Сидоров вскочил на ноги.

— Сидите, сидите, — благосклонно сказал Горбовский.

— Так что же случилось? — спросил Валькенштейн.

— Ничего особенного, — сказал Горбовский. — Наши боты не годятся для высадки.

— Почему?

— Не знаю. Фотонные корабли не годятся для высадки. Все время нарушается настройка магнитных ловушек в реакторе.

— Атмосферные магнитные поля, — сказал атмосферный физик Лю и потер руки, шурша ладонями.

— Может быть, — сказал Горбовский.

— Что ж, — неторопливо сказал Бадер, — я вам дам импульсную ракету. Или ионолет.

— Дайте, Август, — сказал Горбовский. — Дайте, пожалуйста, нам ионолет или импульсную ракету. И дайте мне поесть кто-нибудь.

— Господи, — сказал Валькенштейн, — да я уж и не помню, когда в последний раз водил импульсную ракету!

— Ничего, — сказал Горбовский, — вспомнишь. Послушайте, — ласково сказал он, — дадут мне сегодня покушать?

— Сейчас, — сказал Валькенштейн.

Он извинился перед Сидоровым, снял со стола журналы и накрыл стол хлорвиниловой скатертью. Затем он поставил на стол хлеб, масло, молоко и гречневую кашу.

— Стол накрыт, Леонид Андреевич, — сказал он.

Горбовский нехотя поднялся с дивана.

— Всегда приходится подниматься, когда надо что-нибудь делать, — сказал он.

Он сел за стол, взял обеими руками чашку с молоком и выпил ее залпом. Затем он обеими руками придвинул к себе тарелку с кашей и взял ложку. Только когда он взял ложку, стало понятно, почему он брал чашку и тарелку обеими руками. У него тряслись руки. У него так сильно тряслись руки, что он два раза промахнулся, стараясь поддеть на кончик ножа кусок масла. Бадер, вытянув шею, глядел на руки Горбовского.

— Я постараюсь дать вам самую лучшую импульсную ракету, Леонид, — сказал он слабым голосом. — Наиболее лучшую.

— Дайте, Август, — сказал Горбовский. — Самую лучшую. А кто этот молодой человек?

— Это Сидоров, — объяснил Валькенштейн. — Он хотел говорить с вами.

Сидоров встал опять. Горбовский благожелательно поглядел на него снизу вверх и сказал:

— Садитесь, пожалуйста.

— О, — сказал Бадер, — я совершенно забыл! Простите меня. Леонид, товарищи, позвольте представить вам...

— Я Сидоров, — сказал Сидоров, неловко усмехаясь, потому что все глядели на него. — Михаил Альбертович. Биолог.

— Уэлкам, Михаил Альбертович, — сказал волосатый Диксон.

— Ладно, — сказал Горбовский. — Сейчас я поем, Михаил Альбертович, и мы пойдём в мою каюту. Там есть диван. Здесь тоже есть диван... — он понизил голос до конфиденциального шепота, — но на нем расселся Бадер, а он директор.

— Не вздумайте взять его, — сказал Валькенштейн по-китайски. — Мне он не нравится.

— Почему? — спросил Горбовский.

Горбовский возлежал на диване, Валькенштейн и Сидоров сидели у стола. На столе валялись блестящие мотки лент видеофонографа.

— Не вздумайте взять его, — повторил Валькенштейн.

Горбовский закинул руки за голову.

— Родных у меня нет, — сказал Сидоров. (Горбовский поглядел на него сочувственно.) — Плакать по мне некому.

— Почему — плакать? — спросил Горбовский.

Сидоров нахмурился.

— Я хочу сказать, что знаю, на что иду. Мне необходима информация. На Земле меня ждут. Я сижу здесь над Владиславой уже год. Год потратил почти зря...

— Да, это обидно, — сказал Горбовский.

Сидоров сцепил пальцы.

— Очень обидно, Леонид Андреевич. Я думал, на Владиславу высадятся скоро. Я вовсе не лезу в первооткрыватели. Мне просто нужна информация, понимаете?

— Понимаю, — сказал Горбовский. — Еще бы. Вы ведь, кажется, биолог...

— Да. Кроме того, я проходил курсы пилотов-космогаторов и получил диплом с отличием. Вы у меня экзамены принимали, Леонид Андреевич. Ну, вы меня, конечно, не помните. В конце концов, я прежде всего биолог, и я больше не хочу ждать. Меня обещал взять с собой Квиппа. Но он попытался два раза высадиться и отказался. Потом прилетел Стринг. Вот это был настоящий смельчак! Но он тоже не взял меня с собой. Не успел. Он пошел на посадку со второй попытки и не вернулся.

— Вот чудак! — сказал Горбовский, глядя в потолок. — На такой планете надо делать по крайней мере десять попыток. Как, вы говорите, его фамилия? Стринг?

— Стринг, — ответил Сидоров.

— Чудак, — сказал Горбовский. — Неумный чудак.

Валькенштейн поглядел на лицо Сидорова и проворчал:

— Понятно, это тоже герой-удалец.

Сидоров покраснел.

— Нет, — сказал он, — я не герой. Стринг — вот это герой. А я биолог, и мне нужна информация.

— Сколько информации вы получили от Стринга? — спросил Валькенштейн.

— От Стринга? Нисколько, — сказал Сидоров. — Ведь он погиб.

— Так почему же вы им так восхищаетесь?

Сидоров пожал плечами. Он не понимал этих странных людей. Это очень странные люди — Горбовский, Валькенштейн и их друзья, наверное. Назвать замечательного смельчака Стринга неумным чудачком... Он вспомнил Стринга, высокого, широкоплечего, с раскатистым беззаботным смехом и уверенными движениями. И как Стринг сказал Бадеру: «Осторожные сидят на Земле, Август-Иоганн. Специфика работы, Август-Иоганн!» — и щелкнул пальцами. «Неумный чудак»...

«Ладно, — подумал Сидоров, — это их дело. Но что делать мне? Опять сидеть сложа руки и радировать на Землю, что очередная обойма киберразведчиков сгорела в атмосфере; что очередная попытка высадиться не удалась; что очередной отряд исследователей-межпланетников отказывается брать меня в поиск; что я еще раз вдребезги разругался с Бадером и Бадер еще раз подтвердил, что планетолет мне не доверит, но за «систематическую дерзость» вышлет меня из «вверенного ему участка Пространства»? И опять добрый старый Рудольф Крейцер в Ленинграде, трясая академической ермолкой, будет приводить свои интуитивные соображения в пользу существования жизни в системах голубых звезд, а неистовый Гаджибеков будет громить его испытанными доводами против существования жизни в системах голубых звезд; и опять Рудольф Крейцер будет говорить все о тех же восемнадцати бактериях, выловленных экспедицией Квиппа в атмосфере планеты Владиславы, а Гаджибеков будет отрицать какую бы то ни было связь между этими восемнадцатью бактериями и атмосферой планеты Владиславы, с полным основанием ссылаясь на сложность идентификации в конкретных условиях данного эксперимента. И опять Академия Космобиологии оставит открытым вопрос о существовании жизни в системах голубых звезд. А эта жизнь есть, есть, есть, и нужно только до нее дотянуться. Дотянуться до Владиславы, планеты голубой звезды ЕН 17».

Горбовский посмотрел на Сидорова и ласково сказал:

— В конце концов, зачем вам обязательно лететь с нами? У нас есть свой биолог. Прекрасный биолог Перси Диксон. Он немножко сумасшедший, но он доставит вам образцы какие угодно и в любых количествах.

— Эх! — сказал Сидоров и махнул рукой.

— Честное слово, — сказал Горбовский, — вам бы у нас очень не понравилось. А так все будет в порядке. Мы высадимся и доставим вам все, что вам нужно. Дайте нам только инструкции.

— И вы все сделаете наоборот, — сказал Сидоров. — Квиппа тоже просил инструкции, а потом привез два контейнера с пеницеллой. Обыкновенная земная плесень. Вы же не знаете условий работы на Владиславе. Вам там будет не до моих инструкций.

— Что верно, то верно, — вздохнул Горбовский. — Условий мы не знаем. Придется вам подождать еще немножко, Михаил Альбертович.

Валькенштейн удовлетворенно кивнул.

— Хорошо, — сказал Сидоров. Глаза его совсем закрылись. — Тогда возьмите хоть инструкции.

— Обязательно, — сказал Горбовский. — Непременно.

На протяжении последующих сорока циклов Горбовский произвел шестнадцать поисков. Он работал на превосходном импульсном планетолете «Скиф-Алеф», который ему предоставил Бадер. Первые пять поисков он произвел в одиночку, пробуя экзосферу Владиславы на полюсах, на экваторе, на различных широтах. Наконец он облюбовал район Северного полюса и стал брать с собой Валькенштейна. Они раз за разом погружались в атмосферу черно-оранжевой планеты и раз за разом, как пробки из воды, выскакивали обратно. Но с каждым разом они погружались все глубже.

Бадер подключил к работе десантников три обсерватории, которые непрерывно информировали Горбовского о передвижениях метеорологических фронтов в атмосфере Владиславы. По приказу Бадера было возобновлено производство атомарного водорода — горючего для «Скиф-Алефа» (расход горючего оказался непредвиденно громадным). Исследования химического состава атмосферы бомбозондами с мезонными излучателями были прекращены.

Валькенштейн и Горбовский возвращались после поисков измученные и измочаленные и жадно набрасывались на еду, после чего Горбовский пробирался к ближайшему дивану и подолгу лежал, развлекая друзей разнообразными сентенциями.

Сидоров по приглашению Горбовского остался на «Тариэле». Ему разрешили установить в тестерных пазах «Скиф-Алефа» контейнеры-ловушки для биообразцов и биологическую экспресс-лабораторию. При этом он несколько потеснил хозяйство атмосферного физика Лю. Впрочем, толку от этого было мало: контейнеры возвращались пустыми, записи экспресс-лаборатории не поддавались расшифровке. Воздействие магнитных полей бешеной атмосферы на приборы менялось хаотически, и экспресс-лаборатория требовала руки человека. Вылезая из кессона, Горбовский прежде всего видел лоснящийся череп Сидорова и молча хлопал себя ладонью по лбу. Однажды он сказал Сидорову: «Дело в том, Михаил Альбертович, что вся биология вылетает у меня из головы на сто двадцатом километре. Там ее просто вышибает. Уж очень там страшно. Того и гляди убьешься».

Иногда Горбовский брал с собой Диксона. После каждого такого поиска волосатый биолог отлеживался. В ответ на робкую просьбу Сидорова присмотреть за приборами Диксон прямо ответил, что никакими посторонними делами заниматься не собирается. («Просто не хватает времени, мальчик...»)

Никто из них не собирается заниматься посторонними делами, с горечью думал Сидоров. Горбовский и Валькенштейн ищут город, Валькенштейн и Лю заняты атмосферой, а Диксон изучает божественные пульсы всех троих. И они тянут, тянут, тянут с высадкой... Почему они не торопятся? Неужели им все равно?

Сидорову казалось, что он никогда не поймет этих странных людей, именуемых десанниками. Во всем огромном мире знали десантников и гордились ими. Быть личным другом десантника считалось честью. Но тут оказывалось, что никто не знал толком, что такое десантник. С одной стороны, это что-то невероятно смелое. С другой — что-то позорно осторожное: они возвращались. Они всегда умирали естественной смертью. Они говорили: «Десантник — это тот, кто точно рассчитает момент, когда можно быть нерасчетливым». Они говорили: «Десантник перестает быть десанником, когда погибает». Они говорили: «Десантник идет туда, откуда не возвращаются машины». И еще они говорили: «Можно сказать: он жил и умер биологом. Но следует говорить: он жил десанником, а погиб биологом». Все эти высказывания были очень эмоциональны, но они совершенно ничего не объясняли. Многие выдающиеся ученые и исследователи были десанниками. Было время, когда Сидоров тоже восхищался десанниками. Например, в школе, когда спорил с Капитаном о Горбовском... Но одно дело — восхищаться, сидя за партой, и совсем другое — смотреть, как Горбовский черепахой ползет по километрам, которые можно было бы преодолеть одним рискованным, но молниеносным броском.

Вернувшись из шестнадцатого поиска, Горбовский объявил, что собирается приступить к исследованию последней и самой сложной части пути к поверхности Владиславы.

— До поверхности остаются двадцать пять километров совершенно неизученного слоя, — сказал он, по обыкновению помаргивая сонными глазами и глядя поверх голов. — Это очень опасные километры, и здесь я буду продвигаться особенно осторожно. Мы с Валькенштейном сделаем еще по крайней мере десять-пятнадцать поисков. Если, конечно, директор Бадер обеспечит нас горючим.

— Директор Бадер обеспечит вас горючим, — сказал Бадер величественно. — Вы можете несколько не сомневаться, Леонид.

— Вот отлично! — сказал Горбовский. — Дело в том, что я буду предельно осторожен и потому считаю себя вправе взять с собой Сидорова.

Сидоров вскочил. Все посмотрели на него.

— Ну, вот и дождался, мальчик, — произнес Диксон.

— Да. Надо дать шанс новичку, — сказал Бадер.

Лю только улыбнулся, кивая красивой головой. И даже Валькенштейн промолчал, хотя он был недоволен. Валькенштейн не любил героев-удальцов.

— Это будет справедливо, — сказал Горбовский. Он попятился и, не оглядываясь, с завидной аккуратностью сел на диван. — Пусть идет новичок. — Он улыбнулся и лег. — Готовьте ваши контейнеры, Михаил Альбертович, мы берем вас с собой.

Сидоров сорвался с места и выбежал из кают-компании. Когда он выбежал, Валькенштейн сказал:

— Зря.

— Не будь эгоистом, Марк, — сказал Горбовский лениво. — Парень сидит здесь уже год. А ему всего-то и нужно только, что добыть бактерии из атмосферы.

Валькенштейн покачал головой и сказал:

— Зря. Он герой-удалец.

— Это ничего, — сказал Горбовский. — Я теперь вспоминаю, курсанты звали его Атосом. Кроме того, я читал его книжку. Он хороший биолог и не будет шалить. Я тоже когда-то был героем. И ты тоже. И Лю. Верно, Лю?

— Верно, командир, — сказал Лю.

Горбовский сморщился и погладил плечо.

— Болит! — сказал он жалобным голосом. — Такой ужасный вираж! Да еще против потока. А как твое колено, Марк?

Валькенштейн поднял ногу и несколько раз согнул и разогнул ее. Все внимательно следили за его движениями.

— «Увы мне, чашка на боку», — сказал он нараспев.

— А вот я вам сейчас массаж, — сказал Диксон и тяжело поднялся.

«Таризель» двигался по меридиональной орбите и проходил над Северным полюсом Владиславы каждые три с половиной часа. К концу цикла планетолет с Горбовским, Валькенштейном и Сидоровым отделился от звездолета и бросился вниз, в самый центр черной спиральной воронки, медленно скручивающейся в оранжевом тумане, который скрывал Северный полюс Владиславы.

Сначала все молчали, потом Горбовский сказал:

— Разумеется, они высадились на Северном полюсе.

— Кто? — спросил Сидоров.

— Они, — пояснил Горбовский. — И если они построили где-нибудь свой город, то именно на Северном полюсе.

— На том месте, где тогда был Северный полюс, — сказал Валькенштейн.

— Да, конечно, на том месте. Как на Марсе.

Сидоров напряженно глядел, как на экране стремительно разлетаются из какого-то центра оранжевые зерна и черные пятна. Затем это движение замедлилось. «Скиф-Алеф» тормозил. Теперь он спускался вертикально.

— Но они могли сесть и на Южном полюсе, — сказал Валькенштейн.

— Могли, — согласился Горбовский.

Сидоров подумал, что, если Горбовский не найдет поселения чужеземцев у Северного полюса, он так же методически будет копаться у Южного, а потом, если не найдет у Южного, будет вылизывать всю планету, пока не найдет. Ему даже стало жалко Горбовского и его товарищей. Особенно его товарищей.

— Михаил Альбертович! — позвал вдруг Горбовский.

— Да? — отозвался Сидоров.

— Михаил Альбертович, вы когда-нибудь видели, как танцуют эльфы?

— Эльфы? — удивился Сидоров.

Он оглянулся. Горбовский сидел вполоборота к нему и косил на него нечестивым глазом. Валькенштейн сидел спиной к Сидорову.

— Эльфы? — спросил Сидоров. — Какие эльфы?

— С крылышками. Знаете, такие... — Горбовский отнял руку от клавиш управления и неопределенно пошевелил пальцами. — Не видели? Жаль. Я вот тоже не видел. И Марк тоже, и никто не видел. А интересно было бы посмотреть, правда?

— Несомненно, — буркнул Сидоров.

— Леонид Андреевич, — сказал Валькенштейн, — а почему они не демонтировали оболочки станций?

— Им это было не нужно, — ответил Горбовский.

— Это неэкономно.

— Значит, они были неэкономны.

— Расточительные разведчики, — сказал Валькенштейн и замолчал.

Планетолет трянуло.

— Взяли, Марк, — сказал Горбовский незнакомым голосом.

И планетолет начало ужасно трясти. Просто невозможно было представить, что можно вынести такую тряску. «Скиф-Алеф» вошел в атмосферу, где ревели бешеные горизонтальные потоки, таща за собой длинные черные полосы кристаллической пыли, где сейчас же ослепли локаторы, где в плотном оранжевом тумане носились молнии невиданной силы. Здесь мощные, совершенно необъяснимые всплески магнитного поля сбивали приборы и расщепляли плазмовый шнур в реакторе фотонных ракет. Фотонные ракеты здесь не годились, но и первоклассному атомному планетолету «Скиф-Алеф» тоже приходилось не сладко.

Впрочем, в рубке было тихо. Перед пультом скорчился Горбовский, примотанный к креслу ремнями. Черные волосы падали ему на глаза, при каждом толчке он скалил зубы. Толчки следовали непрерывно, и казалось, что он смеется. Но это был не смех. Сидоров никогда не предполагал, что Горбовский может быть таким... не странным, а каким-то чужим. Горбовский был похож на дьявола. Валькенштейн тоже был похож на дьявола. Он висел, раскорячившись, над пультом атмосферных фиксаторов, дергая вытянутой шеей. Было удивительно тихо. Но стрелки приборов, зеленые зигзаги и пятна на флюоресцентных экранах, черные и оранжевые пятна на экране перископа — все металось и кружилось в веселой пляске, и пол дергался из стороны в сторону, как укороченный маятник, и потолок падал и снова подскакивал.

— Киберштурман, — хрипло сказал Валькенштейн.

— Рано, — сказал Горбовский и снова оскалился.

— Сносит... Много пыли.

— Рано, черт, — сказал Горбовский. — Иду к полюсу.

Ответа Валькенштейна Сидоров не услышал, потому что заработала экспресс-лаборатория. Вспыхнула сигнальная лампа, и под прозрачной пластмассовой пластинкой поползла лента записи.

— Ага! — закричал Сидоров.

За бортом был белок! Живая протоплазма! Ее было много и с каждой секундой становилось все больше.

— Что же это! — сказал Сидоров.

Самописцу не хватило ширины ленты, и прибор автоматически переключился на нулевой уровень. Затем сигнальная лампа погасла, и лента остановилась. Сидоров зарычал, сорвал заводскую пломбу и обеими руками залез в механизм прибора. Он хорошо знал этот прибор, он сам принимал участие в его конструировании и не мог понять, что разладилось. С огромным напряжением, стараясь сохранить равновесие, Сидоров ощупывал блоки печатных схем. Они могли расколоться от толчков. Он совсем забыл об этом. Они двадцать раз могли расколоться во время прошлых поисков. Только бы они не раскололись, думал он. Только бы они остались целы. Корабль трясло невыносимо, и Сидоров несколько раз ударился лбом о пластмассовую панель. Один раз он ударился переносицей и на некоторое время совсем ослеп от слез. Блоки, по-видимому, были целы. Тут «Скиф-Алеф» круто лег на борт.

Сидорова выбросило из кресла. Он пролетел через всю рубку, сжимая в обеих руках вырванные с корнем обломки панелей. Он даже не сразу понял, что произошло. Потом он понял, но не поверил.

— Надо было привязаться, — сказал Валькенштейн. — Пилот!..

Сидоров на четвереньках добрался по пляшущему полу до своего кресла, пристегнулся ремнями и тупо уставился в развороченные внутренности прибора.

Планетолет ударило так, словно он налетел на скалу. Сидоров, разинув пересохший рот, глотал воздух. Очень тихо было в рубке, только хрипел Валькенштейн, — шея его наливалась кровью.

— Киберштурман, — сказал он.

И тотчас снова дрогнули стены. Горбовский молчал.

— Нет подачи горючего, — сказал Валькенштейн неожиданно спокойно.

— Вижу, — сказал Горбовский. — Делай свое дело.

— Нет ни капли. Мы падаем. Замкнуло...

— Включаю аварийную, последнюю. Высота сорок пять... Сидоров!

— Да, — сказал Сидоров и принялся откашливаться.

— Ваши контейнеры наполняются. — Горбовский повернул к нему свое длинное лицо с сухими блестящими глазами. Сидоров никогда не видел у него такого лица, когда он лежал на диване. — Компрессоры работают. Вам везет, Атос!

— Мне здорово везет, — сказал Сидоров.

Теперь ударило снизу. У Сидорова что-то хрустнуло внутри, и рот наполнился горькой слюной.

— Пошло горючее! — крикнул Валькенштейн.

— Хорошо... Прелесть! Но занимайся своим делом, ради бога. Сидоров! Эй, Миша...

— Да, — сипло сказал Сидоров, не разжимая зубов.

— Запасного комплекта у вас нет?

— Ага, — сказал Сидоров. Он плохо соображал сейчас.

— Что «ага»? — закричал Горбовский. — Есть или нет?

— Нет, — сказал Сидоров.

— Герой... — сказал Валькенштейн. — Удалец...

Сидоров скрипнул зубами и стал смотреть на экран перископа. По экрану справа налево неслись мутные оранжевые полосы. Было так страшно и тошно видеть это, что Сидоров закрыл глаза.

— Они высадились здесь! — закричал Горбовский. — Там город, я знаю!

Что-то тоненько звенело в рубке в страшной шатающейся тишине, и вдруг Валькенштейн заревел тяжелым, прерывистым басом:

Бешеных молний крутой зигзаг,
Черного вихря взлет,
Злое пламя слепит глаза,
Но если бы ты повернул назад,
Кто бы пошел вперед?

«Я бы пошел, — подумал Сидоров. — Дурак, осел! Нужно было дожидаться, пока Горбовский решится на посадку. Не хватило терпения. Если бы сегодня он шел на посадку, плевал бы я на экспресс-лабораторию!» А Валькенштейн ревел:

Чужая улыбка, недобрый взгляд,
Губы скривил пилот...
Струсил десантник, тебе говорят,
Но если бы ты не вернулся назад,
Кто бы пошел вперед?

— Высота двадцать один! — крикнул Горбовский. — Перехожу в горизонталь.

«Теперь бесконечные минуты горизонтального полета, — подумал Сидоров. — Ужасные минуты горизонтального полета. Многие минуты толчков и тошноты, пока они не насладятся своими исследованиями. А я буду сидеть, как слепой, со своей дурацкой разбитой машиной!»

Планетолет ударило. Удар был очень сильный, такой, что потемнело в глазах. И Сидоров, задыхаясь, увидел, как Горбовский с размаху ударился лицом о пульт, а Валькенштейн раскинул руки, взлетел над креслом и медленно, как это бывает во сне, с раскинутыми руками опустился на пол и остался лежать лицом вниз. Кусок ремня, лопнувшего в двух местах, плавно, как осенний лист, скользнул по его спине. Несколько секунд планетолет двигался по инерции, и Сидоров, вцепившись в замок ремня, чувствовал, что все падает. Но затем тело снова стало весомым.

Тогда он растегнул замок и поднялся на ватные ноги. Он смотрел на приборы. Стрелка альтиметра ползла вверх, зеленые зигзаги контрольной системы металась в голубых окошечках, оставляя медленно гаснущие туманные следы. Киберштурман вел планетолет прочь от Владиславы. Сидоров перешагнул через Валькенштейна и подошел к пульту. Горбовский лежал головой на клавишах. Сидоров оглянулся на Валькенштейна. Тот уже сидел, упираясь руками в пол. Глаза его были закрыты. Тогда Сидоров осторожно поднял Горбовского и положил его на спинку кресла. «Плевать я хотел на экспресс-лабораторию», — подумал он. Он выключил киберштурман и опустил пальцы на липкие клавиши. «Скиф-Алеф» начал разворачиваться и вдруг упал на сто метров. Сидоров улыбнулся. Он услышал, как позади Валькенштейн яростно прохрипел:

— Не смей...

Но он даже не обернулся.

— Вы хороший пилот, и вы хорошо посадили корабль. И, по-моему, вы прекрасный биолог, — сказал Горбовский. Лицо его было все забинтовано. — Просто прекрасный биолог. Настоящий энтузиаст. Правда, Марк?

Валькенштейн кивнул и, разлепив губы, сказал:

— Несомненно. Он хорошо посадил корабль. Но поднял корабль не он.

— Понимаете, — Горбовский говорил очень проникновенно, — я читал вашу монографию о простейших — она превосходна. Но нам с вами не по дороге.

Сидоров с трудом глотнул и сказал:

— Почему?

Горбовский поглядел на Валькенштейна, затем на Бадера:

— Он не понимает.

Валькенштейн кивнул. Он не смотрел на Сидорова. Бадер тоже кивнул и посмотрел на Сидорова с какой-то неопределенной жалостью.

— А все-таки? — вызывающе спросил Сидоров.

— Вы слишком любите штурмы, — сказал Горбовский мягко. — Знаете, это штурм унд дранг, как сказал бы директор Бадер.

— Штурм и натиск, — важно перевел Бадер.

— Вот именно, — сказал Горбовский. — Слишком. А это не нужно. Это па-аршивое качество. Это кровь и кости. И вы даже не понимаете этого.

— Моя лаборатория погибла, — сказал Сидоров. — Я не мог иначе.

Горбовский вздохнул и посмотрел на Валькенштейна. Валькенштейн сказал брезгливо:

— Пойдемте, Леонид Андреевич.

— Я не мог иначе, — упрямо повторил Сидоров.

— Нужно было совсем иначе, — сказал Горбовский. Он повернулся и пошел по коридору.

Сидоров стоял посреди коридора и смотрел, как они уходят втроем: Бадер и Валькенштейн поддерживают Горбовского под локти. Потом он посмотрел на свою руку и увидел красные капли на пальцах. Тогда он пошел в медицинский отсек, придерживаясь за стену, потому что его качало из стороны в сторону. «Я же хотел, как лучше, — думал он. — Это же было самое важное — высадиться. И я привез контейнеры с микрофауной. Я знаю, это очень ценно. И для Горбовского это тоже очень ценно: ведь Горбовскому рано или поздно самому придется высадиться и провести рейд по Владиславе. И бактерии убьют его, если я не обезврежу их. Я сделал то, что надо. На Владиславе, планете голубой звезды, есть жизнь. Конечно, я сделал то, что надо». Он несколько раз прошептал: «Я сделал то, что надо». Но он чувствовал, что это не совсем так. Он впервые почувствовал это там, внизу, когда они стояли возле планетолета по пояс в бурлящей нефти и на горизонте огромными столбами поднимались гейзеры, а Горбовский спросил его: «Ну и что вы намерены предпринять, Михаил Альбертович?», а Валькенштейн что-то сказал на незнакомом языке и полез обратно в планетолет. Затем он почувствовал это, когда «Скиф-Алеф», в третий раз оторвавшись от поверхности страшной планеты, снова плюхнулся в нефтяную грязь, сброшенный ударом бури. И он чувствовал это теперь.

— Я же хотел как лучше, — невнятно сказал он Диксону, помогавшему ему улечься на стол.

— Что? — сказал Диксон.

— Я должен был высадиться, — сказал Сидоров.

— Лежите, — сказал Диксон. Он проворчал: — Первобытный энтузиазм...

Сидоров увидел, как с потолка спускается большая белая груша. Груша повисла совсем близко, у самого лица, перед глазами поплыли темные пятна, заложило уши, и вдруг тяжелым басом запел Валькенштейн:

И если бы ты не вернулся назад,
Кто бы пошел вперед?

— Кто угодно... — упрямо сказал Сидоров с закрытыми глазами. — Любой пойдет вперед...

Диксон стоял рядом и смотрел, как тонкая блестящая игла киберхирурга входит в изуродованную руку. «Как много крови!» — подумал Диксон. Много-много. Горбовский вовремя вытащил их. Опоздай он на полчаса, и мальчишка никогда уже больше не

оправился бы. Ну, да Горбовский всегда возвращается вовремя. Так и надо. Десантники должны возвращаться, иначе они бы не были десантниками.

Люди, люди...

Вильгельм Эрмлер стоял перед своим огромным письменным столом и разглядывал блестящие глянцевитые фотографии.

— Здравствуй, Вилли, — сказал охотник.

Эрмлер поднял голову и закричал:

— A! Home is the sailor, home from sea!

— And the hunter home from the hill¹, — сказал охотник.

Они обнялись.

— Чем ты меня порадуешь на этот раз? — деловито спросил Вилли. — Ты ведь с Яйлы?..

— Да, прямо с Серых Болот. — Охотник сел в кресло и достал трубку. — А ты все толстеешь и лысеешь, Вилли. Сидячая жизнь тебя доконает. В следующий раз я возьму тебя с собой.

Эрмлер озабоченно взялся за свой толстый живот.

— Да, — сказал он, — ужасно. Нарушение метаболизма и еще что-то... Так ты привез что-нибудь интересное?

— Нет, Вилли. Одни пустышки. Десяток двухордовых змей, несколько новых видов многостворчатых моллюсков... А это у тебя что? — Он протянул руку и взял со стола пачку фотографий.

— Это привез один новичок, Поль Гнедых. Он вообще-то агролог. Знаешь его?

— Нет. — Охотник разглядывал фотографии. — Недурно. Это, конечно, с Пандоры.

— Правильно. Пандора. Гигантский ракопаук. Очень крупный экземпляр.

— Да, — сказал охотник, разглядывая ультразвуковой карабин, прислоненный для масштаба к желтому голому брюху ракопаука. — Неплохой экземпляр для новичка. Но я-то видел крупнее. Сколько раз он стрелял?

— Он говорит — два раза. И оба раза — в главный нервный узел. Теперь я не могу разобраться в двигательной системе этого господина.

— Надо было стрелять анестезирующей иглой. Мальчик немножко растерялся. — Охотник с усмешкой рассматривал фотографию, где возбужденный новичок горделиво попирает мертвое чудовище. — Ну ладно, а что у тебя дома?

Эрмлер махнул рукой:

— Сплошная матримония. Все выходят замуж. Марта вышла за гидролога.

— Это которая Марта? — спросил охотник. — Внучка?

— Правнучка, Игорь! Правнучка!

— Да, идет время... — Охотник положил на стол стереографии и поднялся. — Ну что ж, я пойду. На свидание пойду. Ты знаешь.

— Опять! — с досадой сказал Эрмлер. — Может быть, хватит?

— Нет, Вилли. Надо. А встретимся, как всегда, в десятом павильоне.

Он сунул в карман трубку, которую так и не закурил, кивнул и вышел. «Надо, Вилли, — думал он. — Тебе, конечно, невдомек, как это важно». Он спустился в парк и направился к павильонам. Как всегда, в музее было очень много народу. Особенно молодежи и детей. Люди шли по аллеям, обсаженным оранжевыми венерианскими пальмами, толпились вокруг террариев и над бассейнами с прозрачной водой. В высокой траве между деревьями возились детишки — они играли в «марсианские прятки». Охотник остановился посмотреть. Это была очень увлекательная, хотя и не очень

¹ Домой вернулся моряк, домой вернулся он с моря,
И охотник вернулся с холмов.
Стивенсон, «Реквием».

поучительная игра. Давным-давно с Марса на Землю были привезены мимикродоны, крупные, меланхоличного нрава ящеры, отлично приспособленные к резким сменам условий существования. Мимикродоны обладали необычайно развитой способностью к мимикрии. В парке музея они пользовались полной свободой. Ребятишки развлекались тем, что разыскивали их — это требовало немалой зоркости и ловкости — и затем таскали их с места на место, чтобы посмотреть, как мимикродоны меняют окраску. Ящеры были большие, тяжелые, ребятишки тащили их волоком за отставшую кожу на загривке. Мимикродоны не сопротивлялись. Кажется, им это нравилось.

Охотник миновал огромный прозрачный колпак, под которым помещался террарий «Лужайка планеты Ружена». Там в бледной голубоватой траве прыгали и дрались забавные рэмбы, гигантские, изумительной расцветки насекомые, немного похожие на земных богомолов. Охотник вспомнил, как лет двадцать назад он впервые охотился на Ружене. Он трое суток сидел в засаде, поджидая кого-нибудь, и огромные радужные рэмбы прыгали вокруг и садились на ствол его карабина. У «Лужайки» всегда было полно народу, потому что рэмбы очень забавны и красивы.

Недалеко от входа в Центральный Павильон охотник задержался у балюстрады, окружающей глубокий круглый бассейн-колодец. В бассейне, в воде, освещенной сиреневым светом, без устали кружило длинное волосатое животное, ихтиомаммал, единственное теплокровное, дышащее жабрами. Ихтиомаммал непрерывно двигался; он плавал так кругами и год назад, и пять лет назад, и сорок лет назад, когда охотник впервые увидел его. Ихтиомаммала с большим трудом добыл знаменитый Салье. Теперь Салье давно уже мертв и спит вечным сном где-то в болотах Пандоры, а его ихтиомаммал все кружит и кружит в сиреновой воде бассейна.

В вестибюле павильона охотник опять остановился и присел в легкое кресло в углу. Всю середину светлого зала занимало чучело летучей пиявки (животный мир Марса, Солнечная система, углеродный цикл, тип «полихордовые», класс «кожедышащие», отряд, род, вид «летучая пиявка»). Это чучело было одним из первых экспонатов Кейптаунского Музея Космозологии. Вот уже полтора века омерзительное чудище скалило пасть, похожую на многочелюстный грейфер, в лицо каждому, кто входил в павильон. Девятиметровое, покрытое жесткой блестящей шерстью, безглазое, безногое... Бывший хозяин Марса...

«Да, были дела на Марсе, — подумал охотник. — Такое не забудешь. Полсотни лет назад эти чудовища, почти полностью истребленные, неожиданно размножились вновь и принялись, как встарь, пиратствовать на коммуникациях марсианских баз. Вот тогда-то и была проведена знаменитая глобальная облава.

...Я трясся на краулере и почти ничего не видел в тучах песка и пыли, поднятых гусеницами. Справа и слева неслись желтые песчаные танки, набитые добровольцами, и один танк, выскочив на бархан, вдруг перевернулся, и люди стремглав посыпались с него, и тут мы выскочили из пыли, и Вилли Эрмлер вцепился в мое плечо и заорал, указывая вперед. И я увидел пиявок, сотни пиявок, которые крутились на солончаке в низине между барханами. Я стал стрелять, и другие тоже начали стрелять, а Эрмлер все возился со своим самодельным ракетометателем и никак не мог привести его в действие. Все кричали и ругали его и даже грозили побить, но никто не мог оторваться от карабинов. Кольцо облавы смыкалось, мы уже видели вспышки выстрелов с краулеров, идущих навстречу, и тут Эрмлер просунул между мной и водителем ржавую трубу своей пушки, раздался ужасный рев и грохот, и я повалился, оглушенный и ослепленный, на дно краулера. Солончак заволокло густым черным дымом, все машины остановились, а люди прекратили стрельбу и только орали, размахивая карабинами. Эрмлер в пять минут растратил весь свой боезапас, машины съехали на солончак, и мы принялись добивать все живое, что здесь осталось после ракет Эрмлера. Пиявки метались между машинами, их давили гусеницами, и я все стрелял, стрелял, стрелял... Я был молод тогда и очень любил стрелять. К сожалению, я всегда был отличным стрелком, к сожалению, я никогда не

промахивался. К сожалению, я стрелял не только на Марсе и не только по отвратительным хищникам. Лучше бы мне никогда в жизни не видеть карабина...»

Он встал, обошел чучело летучей пиявки и побрел вдоль галереи. Вероятно, он выглядел неважно, потому что многие останавливались и с тревогой смотрели на него. В конце концов к нему подошла одна девушка и робко осведомилась, не может ли она чем-либо помочь.

— Ну что ты, девочка! — сказал охотник. Он через силу улыбнулся, залез двумя пальцами в нагрудный карман и достал дивной красоты раковину с Яйлы. — Это тебе, — сказал он. — Я привез ее издалека.

Она слабо улыбнулась в ответ и взяла раковину.

— Вы очень дурно выглядите, — сказала она.

— Я уже не молод, детка, — ответил охотник. — Мы, старики, редко выглядим хорошо. Нам приходится слишком много таскать на душе.

Наверное, девушка не поняла его, но он и не хотел, чтобы она поняла. Он погладил ее по голове и пошел дальше. Только теперь он расправил плечи и старался держаться прямо. Люди больше не оглядывались на него.

«Не хватает еще, чтобы меня жалели девчонки! — думал он. — Совершенно расклеился. Наверное, мне больше не нужно возвращаться на Землю. Наверное, мне нужно навсегда остаться на Яйле, поселиться на краю Серых Болот и ставить западни на рубиновых угрей. Никто не знает Серых Болот лучше меня, и я был бы там как раз на месте. Там очень много дела для охотника, который никогда не стреляет...»

Он остановился. Он всегда останавливался здесь. В продолговатом стеклянном ящике на обломках серого песчаника стояло, растопырив три пары корявых ножек, чучело сморщенной невзрачной серенькой ящерицы. У большинства неосведомленных посетителей серый шестиног не вызывал никаких эмоций. Не многие знали чудесную историю сморщенного шестинога. Но охотник знал и всегда испытывал чувство какого-то суеверного восхищения перед могучей силой жизни, когда останавливался здесь. Эта ящерица была убита в десяти парсеках от Солнечной системы, ее труп был препарирован, и сухое чучело простояло на этом самом стенде два года. И вдруг в один прекрасный день на глазах у посетителей из морщинистой серой шкуры полезли десятки крошечных юрких шестиногов. Правда, они сразу же погибли в воздухе Земли, сгорели от избытка кислорода, но шум был страшный, и зоологи так до сих пор и не знают, как это могло произойти. Воистину жизнь — это единственное, чему стоит поклоняться в этом мире...

Охотник брел по галереям, переходя из павильона в павильон. Яркое африканское солнце — доброе горячее солнце Земли — освещало залитых в стеклопласт зверей, родившихся под другими солнцами, за сотни миллиардов километров отсюда. Почти все они были знакомы охотнику, он видел их много раз и не только в музее. Иногда он останавливался перед новыми экспонатами, читал диковинные названия диковинных животных и знакомые имена охотников. «Мальтийская шпага», «Крапчатый дзо», «Большой цзи-линь», «Малый цзи-линь», «Капуцин перепончатый», «Черное пугало», «Царевна-лебедь»... Симон Крейцер, Владимир Бабкин, Бруно Бельяр, Николас Друо, Жан Салье-младший... Он знал их всех и был теперь самым старшим из них, хотя не самым удачливым. Но он радовался, узнавая, что Салье-младший поймал наконец чешуйчатого скрытожаберника, что Володя Бабкин доставил на Землю живым слизняка-глайдера, а Бруно Бельяр подстрелил все-таки на Пандоре горбоноса с белой перепонкой, за которым охотился уже несколько лет...

Так он пришел в десятый павильон, где было много его собственных трофеев. Здесь он останавливался почти у каждого стенда, вспоминая и смакуя. Вот «ковер-самолет», он же «падающий лист». «Я выслеживал его четыре дня. Это было на Ружене, где так редко выпадают дожди, где когда-то, давным-давно, погиб замечательный зоолог Людвиг Порта. «Ковер-самолет» передвигается очень быстро и имеет очень тонкий слух. За ним нельзя охотиться на машине, его надо выслеживать днем и ночью, отыскивая слабые

маслянистые следы в листве деревьев. Я его выследил, и с тех пор больше никто его не может выследить, и гордый, самолюбивый Салье не раз говаривал, что это была случайная удача. — Охотник с гордостью потрогал буквы, врезанные в пояснительную табличку: «...Добыт и препарирован охотником И. Хариним». — Я выстрелил в него четыре раза и ни разу не промахнулся, но он был еще жив, когда валился на землю, ломая ветки деревьев с зелеными стволами. Это было, когда я еще стрелял...

А вот безглазое венерианское чудовище из тяжеловодных болот. Безглазое и бесформенное. Никто толком не знал, какую придать ему форму, когда набивали чучело, и в конце концов набили по самой удачной фотографии. Я гнал его через болото к берегу, где были открыты несколько ловушек, и он провалился в одну и долго ревел там, ворочаясь в черной жиже, и потребовалось два ведра бетановокаина, чтобы усыпить его. Это было совсем недавно, лет десять назад, и тогда я уже не стрелял... Это приятное свидание».

Чем дальше продвигался охотник по галерее десятого павильона, тем медленнее становились его шаги. Потому что ему не хотелось идти дальше. Потому что он не мог не идти дальше. Потому что приближалось главное свидание. И с каждым шагом он все сильнее ощущал знакомое тоскливое беспокойство. А из стеклянного ящика уже следили за ним круглые белые глаза...

Как всегда, он подошел к этому небольшому стенду, опустив голову, и прежде всего прочитал на пояснительной табличке надпись, которую давно выучил наизусть: «Животный мир планеты Крукса, система звезды ЕН 92, углеродный цикл, тип «монохордовые», класс, отряд, род, вид «четверорук трехпалый». Добыт охотником И. Хариним, препарирован доктором В. Эрмлером». Потом он поднял глаза.

Под стеклянным колпаком на наклонной полированной доске лежала голова — сильно сплюснутая по вертикали, голая и черная, с плоской овальной лицевой частью. Кожа на лицевой части была гладкая, как на барабане, не было ни рта, ни лба, ни носовых отверстий. Были только глаза. Круглые, белые, с маленькими черными зрачками и необычайно широко расставленные. Правый глаз был слегка попорчен, и это придавало мертвому взгляду странное выражение. Эрмлер — превосходный таксидермист: точно такое выражение было у четверорука, когда охотник впервые наклонился над ним в тумане. Давно это было...

Это было семнадцать лет назад. «Зачем это случилось? — подумал охотник. — Ведь я не собирался там охотиться. Крукс сообщал, что там почти нет жизни — только бактерии да сухопутные рачки. И все-таки, когда Сандерс попросил меня осмотреть окрестности, я взял в вездеход карабин...»

Над каменными осыпями висел туман. Поднималось маленькое красное солнце — красный карлик ЕН 92, — и туман казался красноватым. Под мягкими гусеницами вездехода шуршали камни, из тумана одна за другой выплывали темные невысокие скалы. Потом что-то зашевелилось на гребне одной из скал, и охотник остановил машину. На таком расстоянии рассмотреть животное было трудно. К тому же мешал туман и сумеречное освещение. Но у охотника был опытный глаз. Конечно, по гребню скалы пробиралось какое-то крупное позвоночное, и он обрадовался, что все-таки захватил с собой карабин. «Посрамм Крукса!» — весело подумал он. Он поднял крышку люка, осторожно высунул наружу ствол карабина и стал целиться. В тот момент, когда туман поредел и горбатый силуэт животного отчетливо обозначился на фоне красноватого неба, охотник выстрелил. Сейчас же слепящая лиловая вспышка возникла на том месте, где находилось животное. Что-то громко треснуло, и послышался длинный шипящий звук. Затем над гребнем скалы поднялись и смешались с туманом облака серого дыма.

Охотник очень удивился. Он помнил, что зарядил карабин анестезирующей иглой, от которой меньше всего можно было ожидать такого взрыва. Поразмыслив несколько минут, он вылез из вездехода и отправился искать труп. Он нашел его там, где и ожидал, — под скалой, на каменной осыпи. Это действительно оказалось четвероногое или четверорукое животное размером с крупного дога. Оно было страшно обожжено и

изувечено, и охотник вновь поразился, какое ужасное действие произвела обыкновенная анестезирующая игла. Трудно было даже представить себе первоначальный вид животного. Относительно целой осталась только передняя часть головы — плоский овал, обтянутый гладкой черной кожей, и на нем белые потухшие глаза. Охотник перенес останки на вездеход и вернулся к кораблю.

На Земле трофеем охотника занялся Эрмлер. Через неделю он сообщил охотнику, что трофей сильно разрушен и особого интереса не представляет, разве что как доказательство существования высших форм животных в системах красных карликов. Он посоветовал охотнику на будущее поаккуратнее обращаться с термитными патронами. «Можно подумать, что ты палил с перепугу, — сказал он раздраженно, — словно оно на тебя напало». — «Но я отлично помню, что стрелял анестезирующей иглой», — возразил охотник. «А я отлично вижу, что ты попал ему термитной пулей в позвоночник», — ответил Эрмлер. Охотник пожал плечами и не стал спорить. Интересно было бы, конечно, узнать, отчего произошел такой взрыв, но, в конце концов, это было не так уж и важно.

«Да, тогда это казалось совсем не важным, — думал охотник. Он все стоял и смотрел на плоскую голову четверорука. — Посмеялся над Круксом, поспорил с Эрмлером и все забыл. А потом пришло сомнение и с сомнением — горе».

Крукс организовал две крупные экспедиции. Он обшарил большие пространства на своей планете. И он не нашел там ни одного животного крупнее рачка величиной с мизинец. Зато в Южном полушарии на каменном плато он обнаружил неизвестно чью посадочную площадку — круглый участок оплавленного базальта диаметром около двадцати метров. Сначала этой находкой заинтересовались, но вскоре выяснилось, что где-то в том районе два года назад приземлялся для текущего ремонта звездолет Сандерса, и о находке забыли. Забыли все, кроме охотника. Потому что к тому времени у охотника уже родились сомнения.

Как-то в Ленинградском Клубе Звездолетчиков охотник услышал историю о том, как на планете Крукса чуть не сторел заживо бортинженер Адамов. Адамов вышел из корабля с неисправным кислородным баллоном. В баллоне была течь, а атмосфера планеты Крукса насыщена легкими углеводородами, бурно реагирующими со свободным кислородом. К счастью, с Адамова успели сорвать пылающий баллон, и он отделался только небольшими ожогами. Охотник слушал этот рассказ, и перед его глазами стояла лиловая вспышка над черным гребнем скалы.

Когда на планете Крукса была обнаружена посадочная площадка неизвестного звездолета, сомнение превратилось в страшную уверенность. Охотник кинулся к Эрмлеру. «Кого я убил? — кричал он. — Это зверь или человек? Вилли, кого я убил?» Эрмлер слушал его, наливаясь кровью, а потом заорал: «Сядь! Прекрати истерику, старая баба! Как ты смеешь мне это говорить? Ты думаешь, что я, Вильгельм Эрмлер, не в состоянии отличить разумное существо от зверя?» — «Но посадочная площадка!» — «Ты сам садишься на это плоскогорье с Сандерсом!» — «Вспышка! Я пробил иглой кислородный баллон!» — «Болван, не надо было стрелять термитными снарядами в углеводородной атмосфере!» — «Пусть так, но ведь Крукс не нашел там больше ни одного четверорука! Я знаю, это был чужой звездолетчик!» — «Баба! — орал Вилли. — Истеричка! Да на планете Крукса, может быть, еще сто лет не найдут ни одного четверорука! Огромная планета, изрытая пещерами, как голландский сыр! Тебе просто повезло, дурак, а ты не сумел воспользоваться и привез мне вместо животного обугленные кости!»

Охотник стиснул руки так, что затрещали пальцы.

— Нет, Вилли, я привез тебе не животное, — пробормотал он. — Я привез тебе все-таки чужого звездолетчика...

Как много слов ты потратил, старина Вилли! Сколько раз ты убеждал меня. Сколько раз мне казалось, что сомнения уходят навсегда, что я снова могу вздохнуть спокойно и не чувствовать себя убийцей. Как все люди на нашей Земле. Как детишки, которые играют в «марсианские прятки». Как юноши и девушки, что шепчутся на скамейках под

оранжевыми пальмами. Но сомнения возвращаются, их не убьешь хитроумной логикой. Еще никто не встречался с разумными существами с других миров? Но разве это доказательство, что их нет вообще? Разумное существо не может быть похожим на моего четверорука? Но кто может доказать это? Нет прямых доказательств моего преступления? Да разве дело в доказательствах?

Он положил руки на стенд и прижался лицом к прозрачному пластику.

— Кто ты? — с тоской прошептал он.

Эрмлер увидел его издалека, и, как всегда, ему стало невыносимо больно при виде этого гордого и сильного когда-то человека, так страшно сломленного собственной совестью. Но он притворился, что все отлично, как отличный солнечный день Кейптауна. Нарочито громко стуча каблуками, он подошел к охотнику, хлопнул его ладонью по спине и нарочито бодрым голосом воскликнул:

— Свидание окончено! Я зверски хочу есть, Игорь, и мы пойдем сейчас ко мне и славно отобедаем. Сегодня Марта приготовила в твою честь настоящий оксеншванцензуппе. Пойдем, охотник, зуппе ждет нас.

— Пойдем, — тихо сказал охотник.

— Я уже дважды звонил домой. Все жаждут видеть тебя и слушать твои рассказы.

Охотник покивал и медленно пошел к выходу. Эрмлер посмотрел на его сгорбленную спину и повернулся к стенду. Глаза его встретились с белыми мертвыми глазами за прозрачной стенкой. «Поговорили?» — молча спросил Эрмлер. «Да». — «Ты ничего ему не сказал?» — «Нет». Эрмлер взглянул на пояснительную табличку. «...Четверорук трехпалый. Добыт охотником И. Хариным, препарирован доктором В. Эрмлером». Он снова оглянулся вслед охотнику и быстро украдкой написал мизинцем над словом «трехпалый»: «sapiens»¹. На табличке не осталось, конечно, ни одного штриха, но Эрмлер поспешно потер ее ладонью.

Доктору Эрмлеру тоже было тяжело. Он-то знал наверняка, знал с самого начала...

Глава четвертая. Благоустроенная планета

Моби Дик

К концу октября стада усатых китов и кашалотов начинали миграцию в экваториальную зону. Их принимали малайские и индонезийские базы, а работники Океанской охраны Курильско-Камчатско-Алеутского пояса уходили в отпуск, или занимались любительским патрулированием, или помогали океанологическим и океанографическим экспедициям. Зимние месяцы на северо-востоке — неприятное время года. Это бури, дожди, серое, угрюмое небо и серый, злой океан. Собственно, исправление климатических условий в Беринговом море и южнее не составило бы большого труда: достаточно было бы опустить вдоль дуги ККА несколько сотен мезонных реакторов — стандартных микропогодных установок, какие используются в мире уже столетия. Но ни один синоптик не мог сказать, к чему это приведет. После катастрофы, вызванной на Британских островах попыткой утихомирить Бискайский залив, Мировой Совет воспретил такие проекты до тех времен, когда теоретическая синоптика будет в состоянии предсказывать все долговременные последствия значительных изменений макроклимата. Поэтому зимние месяцы по берегам Берингова моря остались почти такими же в XXII веке, какими были, скажем, в XV веке.

Что касается командира звена субмарин Кондратьева, то он не ездил в отпуск, очень редко ходил в патруль и никогда не предлагал своих услуг океанологам. Как говорили его друзья, Кондратьев тешил свои «родимые пятна капитализма» — предавался зимой

¹ Sapiens (лат.) — разумный, мыслящий.

безудержной лени. Великолепное овальное здание базы «Парамушир», уходящее на шесть этажей в гранит и возвышающееся стеклянно-стальным куполом на три этажа, располагалось на мысе Капустном. Квартира Кондратьева (кабинет и спальня) находилась на втором этаже, окна выходили на юг, на Четвертый Курильский пролив. Летом в особенно ясные дни из окон можно было видеть на юго-западе за синей гладью океана белый, как облачко, крошечный треугольник — вулкан Маканруши, а зимой чудовищной силы прибой ляпал в стекла зеленоватую, пузырящуюся пену. Обстановка квартиры была стандартной. Кондратьев по привычкам и по профессиональному духу был аскетом, и она казалась ему достаточно роскошной. Поэтому он и не пытался как-то обжить и украсить ее, только в кабинете над столом повесил полутораметровый клык нарвала, убитого в рукопашной во время подводной прогулки лет пять назад, да завел самодельную полочку со старыми книгами, взятыми из походной библиотеки «Таймыра».

Кондратьев очень любил свою квартиру. Особенно зимой. Он часами сидел у огромного, во всю стену, окна в кабинете, беспричинно улыбаясь, вглядываясь в бушующие волны. Едва слышно пощелкивает система кондиционирования, в комнате полумрак, тепло и уютно, возле локтя чашка черного кофе, а за окном страшный ураган несет сжатые массы воздуха, перемешанного с дождем и снегом, вихри соленой воды, и не понять, где кончается воздух и начинаются пенистые гребни волн.

Еще хорошо было встать среди ночи, чуть-чуть приоткрыть затененное освещение и чуть-чуть включить Грига или Шумана и покойно слушать тихую музыку и едва различимые шумы зимней ночи. А потом взять с полки потрепанную книжку автора, которого давно уже забыли на Планете, и не читать — только вспоминать о далеком прошлом, не то грустя, не то радуясь. Никак не понять, грусть или радость приносили эти часы одиночества, но они приносили счастье.

Зимой многие уезжали. Улетал в Среднюю Азию с женой веселый Толя Зайцев, на недели пропадал в экспедициях жадный до дела Эдик Свирский, отправлялся в дальние зимние рейсы серьезный насмешник Макс. Из тех, кто оставался на базе, одни уходили по вечерам в Васильево и там танцевали и веселились до утра, другие сидели по своим квартирам и обрабатывали материалы, полученные летом, занимались исследовательской работой. Сергея Ивановича частенько эксплуатировали — он очень любил помогать. «Слушай, Сергей, прости, беспокою тебя... Ты, кажется, был в июне на Зимней банке. У тебя есть данные по солености воды? Дай, пожалуйста... Спасибо». «Здравствуй, холостяк! Бездельничаешь? Будь другом, помоги труженику — дай твою статистику по зубам верхней челюсти у кашалотов... Вот спасибо, дружище!.. Будь здоров». «Сергей Иванович, разрешите... У меня срочная работа, завтра надо передать в Хабаровск... Я боюсь, что не успею, помогите мне посчитать вот это... Поможете? Вот хорошо-то!»

Сергею Ивановичу очень нравилось, что все незанятые люди собирались, как правило, в компании — большие и маленькие. Пестрые отряды скалолазов, обмотанных вокруг пояса тридцатиметровыми шарфами, карабкались по обледенелым кручам, куда, впрочем, можно было при желании спокойно подняться по тропинкам с другой стороны. Зимние аквалангисты набивались в субмарины и переправлялись через пролив на Маканруши, где дни напролет бродили по лабиринтам подводных пещер. Из спортивных залов доносились выкрики, топот и буханье мячей. В клубах витийствовали дискусионеры — там в утилитарных целях развития сообразительности и логического мышления обсуждались очень странные вопросы. В музыкальных комнатах, неподвижные, как покойники, возлежали в глубоких креслах ценители нежнейших мелодий. Люди, как правило, чувствовали себя особенно хорошо, когда были вместе.

Некоторое исключение составляли художники, предпочитавшие развлекаться в одиночку. Их чем-то влекло серо-свинцовое однообразие скал, ледяной воды, низкого неба. Большинство из них прямого отношения к базе не имело. Они приезжали на зиму с материка и были необычайно трудолюбивы, но гениальности, по крайней мере, по мнению Кондратьева, не обнаруживали. Иногда они устраивали в коридорах выставки

своих этюдов. На выставки сбегался народ, и начинались свирепые споры: должен ли художник писать то, что видит, или то, что он чувствует, или то, что он думает. Был еще на базе один скульптор, опытный работник Океанского патруля, страдавший, однако, гигантоманией. Он мечтал создать грандиозную статую чего-то такого, и все скалы в окрестностях базы носили неизгладимые следы его вдохновения.

Время от времени база оглашалась непривычным оголтело-веселым шумом. Это случалось, когда в гости приходили юноши и девчонки с Васильевского рыбного комбината. На комбинате работало шестьдесят человек — двадцать пять операторов, тридцать практикантов и пять кибернетистов-снабженцев, на обязанности которых лежало грузить и отправлять во Владивосток и в Магадан самоходные кибернетические баржи с готовой продукцией. Налаживать управление подводными баржами так, чтобы они без промаха и в назначенный срок приходили в нужный порт, — это была труднейшая и интереснейшая задача, поэтому многие студенты-практиканты склонны были отлынивать от переработки сырья и примазывались к кибернетистам. Молодой народ базы и молодой народ завода были тесно связаны. Обычно внепроизводственная связь осуществлялась на вечеринках в комбинатском клубе, но иногда Океанская охрана приглашала гостей к себе, и тогда на базе начиналось столпотворение.

Явившись на базу, эта толпа сразу рассыпалась кучками по комнатам хозяев. Но двери в пустой обычно коридор были распахнуты, все наполнялось шумом споров, песнями, музыкой, шарканьем танцующих, веселые компании шатались из комнаты в комнату... Одним словом, было весьма весело. Комнаты были великолепно звукоизолированы, так что весь этот шум и гам никому из «взрослых» не мешал. Первое время Кондратьев запирался в такие «праздничные» вечера, но потом любопытство и зависть победили, и он стал оставлять свою дверь открытой. И много пришлось ему услышать — и новые странные песни со всех концов света, и яростные споры по очень специальным и по очень общим вопросам, и маленькие локальные сплетни о старших, в том числе и о самом себе, и объяснения в любви, такие же мучительно бессвязные, как и в прошлом веке, и даже звуки поцелуев.

Сразу за дверью комнаты Кондратьева находился узенький тупичок-ниша, которым оканчивался коридор. Кто-то соответственно обставил его: поставил кресла, сосну в стеклянном ящике, повесил газосветную лампу, тусклую и подмигивающую. Эта ниша называлась «ловерс дайм» — «пяточок влюбленных». Именно сюда приходили в плохую погоду объясняться, строить планы и выяснять подпорченные отношения. Кондратьев вздыхал, стоя на пороге своей комнаты и слушая этот шепот. Он был отлично виден влюбленным на фоне светлого коридора, но на него никто не обращал внимания, его не стеснялись, как не стеснялись вообще никого из старших. Это его задевало — ему казалось, что сопляки смотрят на него как на мебель. Но однажды он подслушал, что его назвали «стражем ловерс дайма», и он понял, что его просто считают неким негласным судьей и свидетелем, общественной совестью. Впрочем, это тоже было достаточно обидно. Кондратьев захлопывал дверь и подолгу с ворчанием рассматривал в зеркале свою худую коричневую физиономию и ежик жестких волос над широким большим лбом. «Да уж, — уныло думал он старую мыслишку. — Где уж мне...»

Как-то раз случился сильный тайфун, и волны разбили пластмассовую балюстраду, огораживавшую оранжерейную площадку базы. На следующий день по вызову базы с комбината прибыла вся молодежь и принялась за починку. Старшие тоже приняли участие. Самые ловкие и сильные ребята опускались в люльках со скалы и крепили легкие пластмассовые плиты к камню вдоль обрыва, предварительно размягчив камень ультразвуком. Бури уже не было, но серые ледяные волны накатывались на берег из серого тумана и с ужасным громом лупили в скалы-стены, обдавая висящих в люльках потоками брызг. Работали весело, с большим шумом.

Кондратьев взялся крепить размякший, как тесто, камень вокруг оснований балюстрадных плит. Надо было густо намазывать это каменное тесто, как цемент,

заглаживать специальной лопаточкой и затем обрабатывать место крепления ультразвуком второй раз. Тогда пластмасса и камень схватывались намертво и плита балюстрады становилась как бы частью скалы. В разгар работы Кондратьев обнаружил, что ему не приходится шарить рукой в поисках инструментов. Инструменты сами попадали в его протянутую руку, и именно те, которые были нужны. Кондратьев обернулся и увидел, что рядом с ним сидит на корточках лаборантка базы Ирина Егорова. Она была закутана в меховой комбинезон с капюшоном и казалась непривычно неуклюжей.

— Спасибо, — сказал Кондратьев.

— Сколько угодно, — сказала Ирина и засмеялась.

Несколько минут они работали молча, прислушиваясь к сварливому спору о природе ядов в молóках кистепёра, доносившемуся от соседней плиты сквозь рев волн и ветра.

— Вы все один да один, — сказала Ирина.

— Привычка, — ответил Кондратьев. — А что?

Ирина глядела на него странными глазами. Она была очень славная девочка, только очень уж суровая. Поклонники от нее стоном стонали, и Сергей Иванович тоже ее побаивался. Язык у нее был совершенно без костей, а чувство такта было явно недоразвито. Она была способна ляпнуть все, что угодно, в самый неподходящий момент и неоднократно делала это. Так вот посмотрит-посмотрит странными глазами и ляпнет что-нибудь. Хоть плачь.

— Я хочу давно спросить вас, Сергей Иванович, — сказала Ирина. — Можно?

Кондратьев покосился опасливо. «Ну вот, пожалуйста. Сейчас спросит, почему у меня волосатая спина, — был такой случай прошлым летом на пляже при большом скоплении народа».

— М-можно, — сказал он не очень уверенно.

— Скажите, Сергей Иванович, вы были женаты тогда, в своем веке?

«Пороть тебя некому!» — с чувством подумал Кондратьев и сказал сердито:

— Легко видеть, что не был.

— Почему это легко видеть?

— Потому что как бы я мог пойти в такую экспедицию, если б был женат?

Подошел океанский охотник Джонсон, который три года назад был строителем и сейчас взял на себя руководство работами, покивал одобрительно, погладил Кондратьева по спине, сказал: «О, вери, вер-ри гуд!» — и ушел.

— Тогда почему вы, Сергей Иванович, такой нелюдимый? Почему вы так боитесь женщин?

— Что? — Кондратьев перестал работать. — То есть как это — боюсь? Откуда это, собственно, следует?

«А ведь и вправду боюсь, — подумал он. — Вот ее боюсь. Все время привязывается и вышучивает. И все вокруг хохочут, а она нет. Только смотрит странными глазами».

— Дайте-ка насадку, — сказал он, сдвинув брови до упора. — Нет, не эту. На малую мощность. Спасибо.

— Я, наверное, неудачно выразилась, — сказала Ирина тихо. — Конечно, не боитесь. Просто сторонитесь. Я думала, может быть тогда, в своем веке...

— Нет, — сказал он.

Она и говорила как-то странно.

— Сегодня вечером будем танцевать, — быстро сказала она. — Вы придете?

— Я же не умею, Ирина.

— Вот и хорошо, — сказала Ирина. — Это самое интересное.

Кондратьев промолчал, и до конца работы они больше не разговаривали.

Работа была закончена к вечеру. Затем было много шума и смеха, много плеска в бассейне и в ваннах, и все сошлись в столовой, чистые, розовые, томные и зверски голодные. Ели много и вкусно, пили еще больше — вино и ананасный сок главным

образом, затем стали танцевать. Ирина сразу вцепилась в Кондратьева и долго мучила его, показывая, с какой ноги надо выступать под левый ритм и почему нельзя делать шаг назад при правом ритме. Кондратьев никак не мог разобраться, что такое правый и левый ритмы, вспотел, рассердился и, крепко взяв Ирину за руку, вывел ее из толпы танцующих в коридор.

— Будет с меня.

— Еще немножко, — просительно сказала Ирина.

— Нет. У меня уже бока болят от толчков. А что я ног сегодня отдал — счету нет...

Он повел ее по коридору, бессознательно прижимая ее руку к себе. Она молча шла за ним. Потом он вдруг остановился и нервно рассмеялся.

— Куда это я вас веду? — сказал он, глядя в сторону. — Идите, идите, танцуйте.

— А вы?

— А я... это... Да что я, пойду к старичкам, сыграю в го¹.

Они остановились посреди коридора. Из раскрытых дверей доносились звуки хориолы, кто-то пел сильным, свободным голосом:

Deep blue sea, baby, deep blue sea.

Deep blue sea, baby, deep blue sea.

Deep blue sea, baby, deep blue sea...

It was Willie what got drowned in the deep blue sea...²

— Джонсон поет, — тихо сказала Ирина. — Красиво поет Джонсон.

— Да, красиво, — согласился Кондратьев. — Но вы тоже красиво поете.

— Да? А где вы слышали меня?

— Ну господи, да хотя бы месяц назад, когда ребята с комбината приходили в последний раз.

— И вы слушали?

— Я всегда слушаю, — уклончиво сказал Кондратьев. — Встану у себя в дверях и слушаю.

Она засмеялась:

— Если бы мы знали, мы обязательно...

— Что?

— Ничего.

Кондратьев насупился. Затем он встрепенулся и с изумлением осмотрелся. Да полно, он ли это? Стоит в коридоре, не зная, куда идти, не желая никуда идти, чего-то ожидая, что-то предчувствуя, чему-то странно радуясь... Наваждение. Колдовство. Эта синеглазая тощая девчонка. Праправнучка. Если бы у него были дети, это могла бы быть его собственная праправнучка.

Мимо пробежали юноша и девушка, оглянулись на них, подмигнули и скрылись в открытых дверях. Из дверей сейчас же донесся взрыв многоголосого хохота. Ирина словно очнулась.

— Пойдемте, — сказала она.

Кондратьев не спросил куда. Он просто пошел. И они пришли на «ловерс дайм». И сели в кресла под пахучей смолистой сосной. И над ними замигала мягко слабая газосветная лампа.

— Сергей Иванович, — сказала Ирина, — давайте помечтаем.

— В мои-то годы... — печально отозвался Кондратьев.

¹ Го — японская игра, разновидность шашек.

² В синем море, детка, в глубоком синем море...

Там наш Вилли утонул — в глубоком синем море (англ.).

— Ага, в ваши. Очень интересно, о чем в ваши годы мечтают?

Положительно, никогда за свою жизнь Кондратьев не вел таких разговоров. Он удивился. Он до того удивился, что серьезно ответил:

— Я мечтаю добыть Моби Дика. Белого кашалота.

— Разве бывают белые кашалоты?

— Бывают. Должны быть. Я добуду белого кашалота и... это...

— Что?

— И все. Тогда моя мечта исполнится.

Ирина подумала. Затем сказала решительно:

— Нет. Это не мечта.

— Почему не мечта? Мечта.

— Не мечта.

— Ну, мне-то лучше знать...

— Нет. Это... Цель работы, что ли... Не знаю. Вот если бы белых кашалотов не существовало, тогда это была бы мечта.

— Но они существуют.

— В том-то и дело.

Она смотрела на лампу, и глаза ее вспыхивали и гасли.

— А раньше... Сто лет назад какая была у вас мечта? Большая мечта, понимаете?

Он стал добросовестно вспоминать.

— Было всякое. Но теперь это неважно. Мечтал... Мы все мечтали достигнуть звезд...

— Теперь это уже сделано.

— Да. Мечтали, чтобы всем на земле было хорошо.

— Это невозможно...

— Нет, это тоже сделано. Так, как мы тогда мечтали. Чтобы все на Планете не заботились о еде и о крыше и не боялись, что у них отнимут...

— Но ведь это так мало!..

— Но это было страшно трудно, Ирина. Вы тут и представить себе не можете, как это много — хлеб и безопасность...

— Да, да, я знаю. Но теперь это история. Мы помним об этом, но ведь все это уже сделано, правда?

— Правда.

— Вот я и спрашиваю: какая теперь у вас большая мечта?

Кондратьев стал думать и вдруг с изумлением и ужасом обнаружил, что у него нет большой мечты. Тогда, в начале XXI века он знал: он был коммунистом и, как миллиарды других коммунистов, мечтал об освобождении человечества от забот о куске хлеба, о предоставлении всем людям возможности творческой работы. Но это было тогда, сто лет назад. Он так и остался с теми идеалами, а сейчас, когда все это уже сделано, о чем он может еще мечтать?

Сто лет назад... Тогда он был каплей в могучем потоке, зародившемся некогда в тесноте эмигрантских квартир и в застуженных залах экспроприированных дворцов, и поток этот увлекал человечество в неизведанное, ослепительно сияющее будущее. А сейчас это будущее наступило, могучий поток разлился в океан, и волны океана, залив всю планету, катились к отдаленным звездам. Сейчас больше нет некоммунистов. Все десять миллиардов — коммунисты. «Милые мои десять миллиардов... Но у них уже другие цели. Прежняя цель коммуниста — изобилие и душевная и физическая красота — перестала быть целью. Теперь это реальность. Трамплин для нового, гигантского броска вперед. Куда? И где мое место среди десяти миллиардов?»

Он думал долго, вздыхал и поглядывал на Ирину. Ирина молча смотрела на него странными глазами, такими странными и чудными, что Сергей Иванович совсем потерял нить разговора.

— Что же это, Ирина, — произнес он наконец. — Что же, мне теперь и мечтать не о чем?

— Не знаю, — сказала Ирина.

Они смотрели друг на друга — глаза в глаза. Господи, подумал Кондратьев с тоской. Вот взять ее тихонько за руку и погладить тонкие пальцы. И прижаться щекой...

— Сергей Иванович, — сказала Ирина тихо, — мы хорошие люди?

— Очень.

— Вам нравится здесь?

— Да. Очень.

— И вам не одиноко?

— Нет, что вы, Иринка...

Это «Иринка» получилось у него как-то само собой.

— Мне очень хорошо. И Моби Дик... Мне это очень нравится, Иринка, — Моби Дик. Пусть сначала Моби Дик, а потом видно будет.

— Жаль.

— Ну, что делать. Не великой я мечты человек. Моя звезда — близкая звезда.

Ирина усмехнулась и покачала головой. Она сказала:

— Я не об этом. Я думала, вы одинокий... Я думала, вам тяжело одному... Я люблю вас.

Утром звено субмарин Кондратьева подняли по тревоге. С дежурного вертолета Океанской охраны сообщили, что в стаде кашалотов, идущем на кальмарное пастбище, произошла драка между старым самцом — вожаком стада и одним-пиратом. Кашалоты ходят стадами до тридцати голов, старый опытный самец-вожак и старые и молодые самки. Вожак не подпускает других самцов к стаду и изгоняет молодых, а иногда и убивает их, но время от времени стадо подвергается нападению злющего одинца, которого Океанская охрана называет пиратом. Тогда происходит бой. Океанская охрана всегда старается помочь вожаку. Прежде всего потому, что вожак, как правило, приручен и водит стадо по привычным и известным трассам — к специально организованным пастбищам кальмаров и подальше от трасс миграций усатых китов. Известны случаи, когда одинец, которому удавалось отделить от стада нескольких самок, вел их прямо в районы китового молодняка и устраивал там кровавую бойню.

Летчик вертолета атаковал одинца, но вертолет так сильно трепало и противники находились так близко друг от друга, что он расстрелял весь боезапас и попал анестезирующей бомбой только один раз — и не в пирата, а в вожака. Оглушенный вожак перестал сопротивляться. Одинец быстро добил его, ловко отделил от стада молодых самок и погнал их на юг, в район планктонных полей, где благоденствовали молочные, только что ошенившиеся матки. Вдогонку пирату были брошены два звена субмарин охраны, и еще одно звено готовилось встретить его на дальних подступах к району щена.

Все в этой операции шло с самого начала неудачно. Первое звено, под командой Коршунова, разделилось в пылу погони и потеряло ориентировку. Звено субмарин Кондратьева было сброшено с транспортного турболета — оно должно было попасть в район впереди одинца и отрезать его от самок, но вследствие ли поспешности или неопытности пилотов субмарины оказались далеко позади стада. Кондратьев распорядился всем идти на глубине в сто метров и только сам время от времени выскакивал на ходу на поверхность принять радиogramмы с сопровождающих вертолетов.

Погоня продолжалась весь день. Около семи вечера Ахмет, который шел правым ведомым, закричал:

— Вот он! Командир, цель обнаружена, дистанция триста — триста пятьдесят метров, четыре сигнала! Ух, понимаешь, настоящий Моби Дик!

— Координаты? — спросил Кондратьев в микрофон.

— Азимут... Высота с глубины двести десять...

— Вижу.

Кондратьев подрегулировал ультразвуковой прожектор. На экране всплыли и закачались большие светлые пятна-сигналы. Пять... Шесть... Восемь... Все здесь. Семь угнанных самок и сам одинок. Дистанция триста пятнадцать — триста двадцать метров. Идут «звездой»: самки по периферии вертикально поставленного кольца диаметром в пятьдесят метров, самец — в центре и немного позади.

Кондратьев круто повернул субмарину вверх. Надо было выскочить на поверхность и сообщить вертолетам, что стадо беглецов обнаружено. Субмарина задрожала от напряжения, пронзительно завывли турбины. У Кондратьева заложило уши. Он наклонился над приборной доской и вцепился обеими руками в мягкие рукоятки руля. Но он не отрывал взгляда от иллюминатора. Иллюминатор быстро светлел. Мелькнули какие-то тени, неожиданно ярко блеснуло серебряное брюхо небольшой акулы, затем — у-ах! — субмарина стремительно вылетела из воды. Кондратьев торопливо отпустил кормовые крылья.

Раз-два! Сильная волна ударила субмарину в правый борт. Но инерция движения и крылья уже подняли ее и перебросили через пенистый гребень. На несколько секунд Кондратьев увидел океан. Океан был лилово-черный, изрытый морщинистыми волнами и покрытый кровавой пеной. Кровавой — это только на мгновение так подумалось Кондратьеву. На самом деле это были отблески заката. Небо было покрыто низкими сплошными тучами, тоже лилово-черными, как и океан, но на западе — справа по курсу — низко над горизонтом висело сплюснутое багровое солнце. Все это — свинцово-лиловый океан, свинцово-лиловое небо и кровавое солнце — Кондратьев увидел на один миг через искажающее, залитое водой стекло иллюминатора. В следующий миг субмарина вновь погрузилась, зарывшись острым носом в волну, и вновь натужно взвыли турбины.

— Я — Кондратьев, цель обнаружена, курс...

Субмарина неслась, как глиссер, прыгая с гребня на гребень, тяжело шлепая округлым днищем по воде. Бело-розовая пена плескалась в иллюминатор и сейчас же смывалась зеленоватой пузырящейся водой. Быстроходные субмарины Океанской охраны способны передвигаться, как летающие рыбы: вырываться на полной скорости из воды, пролетать в воздухе до пятидесяти метров, снова погружаться и, набрав скорость, совершать новый прыжок. При преследовании и при других обстоятельствах, требующих поспешности, этот способ передвижения незаменим. Но только при спокойном или хотя бы не слишком беспокойном океане. А сейчас была буря. Субмарине так поддавало под крылья, что она подпрыгивала, как мяч на футбольном поле. Притом ее непрерывно сбивало с курса, и Кондратьев злился, не получая ответа на вызовы.

— Я — Кондратьев... Я — Кондратьев... Цель обнаружена, курс...

Ответа не было. Видимо, вертолет отнесло в сторону. Или он вернулся на базу из-за бури? Буря сильная, не меньше десяти баллов. Ладно, будем действовать сами.

Солнце то скрывалось за теперь уже черными валами, то вновь на короткое время выскакивало из-за горизонта. Тогда можно было видеть кроваво-черный океан. И бесконечные гряды волн, катившиеся с живым злым упрямством с запада. «С запада — это плохо, — думал Кондратьев. — Если бы волны шли по меридиану, то есть по курсу преследования, мы в два счета по поверхности догнали бы Моби Дика...»

Моби Дик! Пусть это еще не белый кашалот — все равно, это Моби Дик, кашалот, громадный самец в двадцать метров длиной, в сто тонн весом, грузный и грациозный. С тупой мордой, похожей на обрубок баобаба бревна, твердой и жесткой снизу и мягкой, расплывчатой сверху, где под толстой черной шкурой разлиты драгоценные пуды спермацета. С ужасной пастью, нижняя челюсть которой распахивается, как крышка перевернутого чемодана. С мощным горизонтальным хвостом, с одной длинной узкой ноздрей на кончике рыла, с маленькими злыми глазами, с белым морщинистым брюхом. Моби Дик, свирепый Моби Дик, гроза кальмаров и усатых китов. Интересно, когда

наконец это животное выведет своих невест на поверхность? Пора бы им и подышать немного...

Кондратьев бросил субмарину под воду. Он обогнал звено, уклонился немного к востоку, повернул и снова занял свое место в строю звена. В звене пять субмарин. Звено идет «звездой», как и кашалоты. В центре — Кондратьев. Левее и на двадцать метров выше — Ахмет Баратбеков, кончивший курсы всего год назад. Правее и выше — его жена Галочка. Левее и ниже — серьезный здоровяк Макс, громадный сумрачный парень, прирожденный глубоководник. Правее и ниже — Николас Дрэгану, пожилой профессор, известный лингвист, двадцатый год проводивший отпуск в охране.

Теперь до стада не более ста метров. На экране ультразвукового прожектора отчетливо виден силуэт Моби Дика — круглое дрожащее пятно, разбрасывающее светлые искры.

— Плотнее к стаду! — скомандовал Кондратьев.

— Командир, включи ультраакустику! — крикнул Ахмет.

— Частота?

— Шестнадцать шестьсот пятьдесят... Они поют! Моби Дик поет!

Кондратьев наклонился к пульту. Каждая субмарина оснащена преобразователями ультразвука. На некоторых даже есть преобразователи инфразвука, но это только на исследовательских. Океан полон звуков. В океане звучит все. Звучит сама вода. Гремят пропасти. Пронзительно воют рыбы. Пищат медузы. Гудят и стонут кальмары и спруты. И поют и скрипят киты. И кашалоты в том числе. Некоторые считают, что красивее всех поют кашалоты.

Кондратьев завертел штурвальчик преобразователя. Когда тонкая стрелка на циферблате проползла отметку 16.5, субмарина наполнилась низкими, гулкими звуками. Несомненно, это пел Моби Дик, великий кашалот, и самки хором подпевали своему новому повелителю.

— Вот прохвост! — сказал Дрэгану с восхищением.

— Какой голосистый! — отозвалась Галя.

— Скотина горластая! — проворчал Макс. — Пират...

Моби Дик орал: «Уа-ау-у-у... Уа-ау-у-у... Уа!..»

Его подружки отвечали: «И-и-и... Иа-и-и... И-и-и...»

Кондратьев переводил: «Скорее, скорее, еще немного, и мы будем там... Роскошное угощение... Маленькие молочные киты... Жирные, вкусные беспомощные матери... Скорее... Не отставайте!» И ему отвечают: «Мы спешим... Мы спешим изо всех сил... из всех сил...»

Расстояние сократилось до шестидесяти метров. Пора было начинать. До искусственных пастбищ, где отлеживались сейчас синие киты с детенышами, оставалось не более сорока километров. Но когда Моби Дик собирается подышать?

— Макс, Дрэгану, вниз!

— Есть...

Макс и Дрэгану круто нырнули, заходя под «звезду» кашалотов. Кашалоты плохо видят, но все же следовало быть осторожным. Заметив преследователей, они могли бы начать игру в трех измерениях, ведь они способны погружаться на километр и более, и игра в прятки при наличии всего пяти субмарин сильно затруднила бы дело. Макс и Дрэгану, выйдя под «звезду», перерезали ей дорогу вглубь и ограничивали маневр Моби Дика двумя измерениями.

Ага, вот, наконец-то! «Звезда» сжалась и вдруг пошла к поверхности.

— Макс, Дрэгану, не зевать!

— Не зеваем, — недовольно отозвался Макс.

А профессор лингвистики весело сказал:

— Есть не зевать! — Видимо, ему нравились все эти «есть», атрибуты старинного морского и военного обихода.

Моби Дик вел свое стадо на поверхность, и снизу его подпирали Макс и Дрэгану. Кондратьев сказал:

— Иду на поверхность!

Он повернул субмарину носом кверху и включил турбины на полную мощность. Сейчас мы увидим тебя воочию, великий Моби Дик, пират и убийца!

Субмарина с ревом вырвалась из водоворота, пронеслась, сверкнув чешуей, над пенистым гребнем волны и снова ушла носом в воду, оставляя за собой клочья синтетической слизи. Солнце уже зашло, только на западе тускло горела багровая полоска. Но ночи не было над океаном. Потому что светились тучи. Над океаном царили сумерки. А буря была в самом разгаре, волны стали выше, двигались стремительнее и расшвыривали мохнатые клочья пены. Это было все, что увидел Кондратьев при первом прыжке. И при втором прыжке он разглядел только белесое светящееся небо и черные волны, плюющиеся пеной во все стороны.

Зато, когда субмарина вылетела из пучины в третий раз, Кондратьев увидел наконец Моби Дика. Метрах в ста от субмарины из волн вырвалось громадное черное тело, повисло в воздухе — Кондратьев отчетливо увидел тупое, срезанное рыло и широкий раздвоенный хвост, — описало в белесом небе длинную и медленную дугу и скрылось за бегущими волнами. Сейчас же впереди вылетел из волн ровный ряд теней поменьше и тоже скрылся. И субмарина тоже ушла под воду, и сразу же на ультразвуковом экране запрыгали огромные светлые пятна. И опять вверх... Минуты полета над кипящим океаном... гигантская туша вылетает из волн впереди, пролетает над пенистыми гребнями и исчезает, еще семь туш поменьше в полете... и снова иллюминатор заливают пузырьчатая, белесая, как небо, вода.

Ну что ж, пора кончать с Моби Диком, гигантским кашалотом. Он прижат к поверхности, уйти вниз теперь стадо не может — там сердитый Макс и азартный Дрэгану. Повернуть вправо или влево оно тоже не может — на его флангах опытные охотники Ахмет и его жена Галочка. В хвосте стада идет сам Кондратьев, и он уже ловит в прицел акустической пушки черный горб Моби Дика. Надо целиться именно в горб, в мозжечок, так будет наверняка и Моби Дику не придется мучиться. Бедный глупый Моби Дик, груды свирепых мускулов и маленький мозг, набитый жадностью. Сто тонн прочнейших в мире костей и сильнейших в мире мускулов и всего три литра мозга. Мало, слишком мало, чтобы соперничать с человеком, Моби Дик, пират и разбойник!

А Моби Дик ликовал! Он выскакивал стремглав из кипящей бури, мчался в спокойном теплом воздухе, захватывая его чудовищной пастью, открытой, словно перевернутый чемодан, и снова плюхался в волны, и семь самок, семь невест, из-за которых он на рассвете убил слугу человека, весело прыгали вслед за ним. Они мчались за ним, торопясь на подводные лежбища синих китов, где сладкие, жирные матери, повернувшись на спину, подставляют черные соски новорожденным китятам. Моби Дик вел подруг на веселый пир.

До Моби Дика осталось всего тридцать метров. Отличное расстояние для инфразвуковой пушки.

Командир звена субмарин Кондратьев нажал спусковую клавишу.

И Моби Дик потонул. Ахмет, Галочка и Дрэгану повернули растерянных и негодующих самок на север и погнали их прочь. В голове стада пристроился Макс. Он успел записать песни Моби Дика, и теперь снова под водой понеслись вопли «Уа-а-у-у... Уа... Уа-а-ау!» Молодые глупые самки сразу повеселели и устремились за субмариной Макса. Их больше не приходилось подгонять. А Кондратьев опускался в пучину вместе с Моби Диком. На черном горбу Моби Дика, там, куда пришелся мощный удар инфразвука, вспух большой бугор. Но Кондратьев вбил под толстую шкуру кашалота стальную трубу и включил компрессор. И под шкуру Моби Дика хлынул воздух. Много сжатого воздуха. Моби Дик быстро располнел, бугор на горбу исчез, да и сам горб был теперь едва заметным. Моби Дик перестал тонуть и с глубины полутора километров начал

подниматься на поверхность. Кондратьев поднимался вместе с ним. Они рядом закачались на волнах, как на гигантских качелях.

Кондратьев открыл люк и высунулся по пояс. Это опасное дело во время бури, но субмарины Океанской охраны очень устойчивы. К тому же волны не захлестывали субмарину. Они только поднимали ее высоко к белесому небу и сразу бросали в черную водяную пропасть между морщинистыми жидкими скалами. Рядом так же мерно взлетал и падал Моби Дик. У него был и сейчас зловещий и внушительный вид. Он был только чуть-чуть короче субмарины и гораздо шире ее. И мокро блестя живая, раздутая сжатым воздухом шкура. Вот и конец Моби Дику.

Кондратьев вернулся в рубку и захлопнул люк. В горбу Моби Дика остался радиопередатчик. Когда дня через два буря утихнет, Моби Дика запеленгуют и придут за ним. А пока он может спокойно покачаться на волнах. Ему не нужны больше ни невесты, ни нежные новорожденные киты. И хищники его не тронут — ни кальмары, ни акулы, ни косатки, ни морские птицы, — потому что шкура Моби Дика надута не простым чистым воздухом.

«Прощай, Моби Дик, прощай до новой встречи! Хорошо, что ты не белый кашалот. Мне еще долго-долго искать тебя по всем океанам моей Планеты, искать и снова и снова убивать тебя. Над бурной волной и в вечно спокойных глубинах ловить в перекрестие прицела твой жирный загривок.

А сейчас я немного устал, хотя мне очень и очень хорошо. Сейчас я вернусь к себе на базу, поставлю «Голубку» в ангар и, прощаясь, по обычаю поцелую ее в мокрый иллюминатор: «Спасибо, дружок». И все будет как обычно, только теперь на базе меня ждут».

Свечи перед пультом

В полночь пошел дождь. На шоссе стало скользко, и Званцев сбавил скорость. Было непривычно темно и неуютно, зарево городских огней ушло за черные холмы, и Званцеву казалось, что машина идет через пустыню. Впереди на шероховатом мокром бетоне плясал белый свет фар. Встречных машин не было. Последнюю встречную машину Званцев видел перед тем, как свернул на шоссе к институту. В километре от поворота был поселок, и Званцева удивило, что, несмотря на поздний час, почти все окна освещены, а на веранде большого кафе у дороги полно людей. Званцеву показалось, что они молчат и чего-то ждут.

Акико оглянулась.

— Они все смотрят нам вслед, — сказала она.

Званцев не ответил.

— Наверное, они думают, что мы врачи.

— Наверное, — сказал Званцев.

Это был последний освещенный поселок, который они видели. За поворотом началась мокрая темнота.

— Где-то здесь должен быть завод бытовых приборов, — сказал Званцев. — Ты не заметила?

— Нет.

— Никогда ты ничего не замечаешь!

— За рулем — ты. Пусти меня за руль, я буду все замечать.

— Ну уж нет, — сказал Званцев.

Он резко затормозил, и машину занесло. Она боком проползла по взвизгнувшему бетону. Фары осветили столб с указателем. Сигнальных огней не было, надпись на указателе казалась выцветшей: «Новосибирский Институт Биологического Кодирования — 21 км». Под указателем был прибит перекошенный фанерный щит с корявой надписью: «Внимание! Включить все нейтрализаторы! Сбавить скорость! Впереди застава!» И то же самое на китайском и английском. Буквы были большие, с черными потеками.

— Ого! — пробормотал Званцев, полез под руль и включил нейтрализаторы.

— Какая застава? — спросила Акико.

— Какая застава, я не знаю, — сказал Званцев, — но, видимо, тебе нужно было остаться в городе.

— Глупости! — возразила Акико.

Когда машина тронулась, она осторожно спросила:

— Ты думаешь, что нас не пропустят?

— Я думаю, что тебя не пропустят.

— Тогда я подожду, — спокойно сказала Акико.

Машина медленно и беззвучно катилась по шоссе. Званцев сказал, глядя перед собой:

— Мне бы все-таки хотелось, чтобы тебя пропустили.

— Мне тоже, — сказала Акико. — Я очень хочу проститься с ним...

Званцев молча глядел на дорогу.

— Мы редко виделись последнее время, — продолжала Акико. — Я очень люблю его. Я не знаю другого такого человека. Никогда я так не любила отца, как люблю его. Я даже плакала...

«Да, плакала, — подумал Званцев. — Океан был черно-синий, и небо было синее-синее, и лицо его было опухшим и синим, когда мы с Хен Чолем осторожно вели его к конвертоплану. Под ногами скрипел раскаленный коралловый песок, ему было трудно идти, он то и дело повисал у нас на руках, но ни за что не соглашался, чтобы мы несли его. Глаза его были закрыты, и он виновато бормотал: «Гокуро-сама, гокуро-сама...»¹ Сзади и сбоку молча шли океанологи, а Акико шла рядом со мной, держа обеими руками, как поднос, знаменитую на весь океан потрепанную белую шляпу, и горько плакала. Это был первый, самый страшный приступ болезни — шесть лет назад, на безымянном островке в пятнадцати милях к западу от рифа Октопус».

— ...я тридцать лет знаю его. Почти столько, сколько тебя. Мне очень хочется проститься с ним.

Из мокрой темноты выплыла и прошла над головами решетчатая арка микропогодной установки. На синоптической станции огней не было. «Установка не работает, — подумал Званцев. — Вот почему эта мерзость с неба». Он покосился на жену. Акико сидела, забравшись на сиденье с ногами, и глядела прямо перед собой. На ее лицо падали отсветы от циферблатов на пульте, и оно казалось сосредоточенным и очень молодым, как тридцать два года назад, когда она вот так же сидела справа от работника Океанской охраны Званцева в его одноместной субмарине, в первом своем глубоководном поиске. Только тогда лицо ее освещали огоньки глубоководных креветок, стукавшихся об иллюминатор.

— Что здесь происходит? — сказал Званцев. — Какая-то мертвая зона.

— Не знаю, — сказала Акико.

Она заворочалась, устраиваясь удобнее, толкнула его коленом в бок и вдруг замерла, уставившись на него блестящими в полумраке глазами.

— Что? — спросил он.

— Может быть, он уже...

— Вздор, — сказал Званцев.

— И все ушли к институту...

— Вздор, — решительно сказал Званцев. — Вздор!

Далеко впереди загорелся неровный красный огонек. Он был слаб и мерцал, как звездочка на беспокойном небе. На всякий случай Званцев снова сбавил скорость. Теперь машина катилась очень медленно, и стал слышен шорох дождя. В свете фар появились три фигуры в блестящих мокрых плащах. Они стояли прямо посередине шоссе, перед ними

¹ Гокуро-сама — здесь: спасибо (яп.).

поперек шоссе лежало здоровенное бревно. Тот, что стоял справа, держал над головой большой коптящий факел. Он медленно размахивал факелом из стороны в сторону. Званцев подвел машину поближе и остановился. «Ну и заставка!» — подумал он. Человек с факелом что-то крикнул неразборчиво в шорохе дождя, и все трое быстро пошли к машине, неуклюже шагая в огромных мокрых плащах. Человек с факелом снова крикнул что-то, сердито перекосив рот. Званцев выключил дальний свет и открыл дверцу.

— Двигатель! — крикнул человек с факелом. Он подошел вплотную. — Выключите двигатель наконец!

Званцев выключил двигатель и вылез на шоссе под мелкий частый дождь.

— Я океанолог Званцев, — сказал он. — Я еду к академику Окада.

— Выключите свет в машине! — сказал человек с факелом. — Да побыстрее, пожалуйста!

Званцев повернулся, но свет в кабине уже погас.

— Кто это с вами? — спросил человек с факелом.

— Океанолог Канда, — ответил Званцев сердито. — Моя жена.

Трое в плащах молчали.

— Мы можем ехать дальше?

— Я оператор Михайлов, — сказал человек с факелом. — Меня послали встретить вас и передать, что к академику Окада нельзя.

— Об этом я буду говорить с профессором Каспаро, — сказал Званцев. — Проводите меня к нему.

— Профессор Каспаро очень занят. Мы бы не хотели, чтобы его тревожили.

«Кто это — мы?» — хотел спросить Званцев, но сдержался, потому что у Михайлова был невнятный монотонный голос смертельно уставшего человека.

— Я должен передать академику сообщение чрезвычайной важности, — сказал Званцев. — Проводите меня к Каспаро.

Трое молчали, и красный неровный свет пробегал по их лицам. Лица были мокрые, осунувшиеся.

— Ну? — сказал Званцев нетерпеливо.

Вдруг он заметил, что Михайлов спит. Рука с факелом дрожала и опускалась все ниже. Глаза Михайлова были закрыты.

— Толя, — тихо сказал один из его товарищей и толкнул его в плечо.

Михайлов очнулся, мотнул факелом и уставился на Званцева припухшими глазами.

— Что? — сказал он хрипло. — А, вы к академику... К академику Окада нельзя. На территорию института вообще нельзя. Уезжайте, пожалуйста.

— Я должен передать академику Окада сообщение чрезвычайной важности, — терпеливо повторил Званцев. — Я океанолог Званцев, а в машине океанолог Канда. Мы везем важное сообщение.

— Я оператор Михайлов, — сказал человек с факелом. — К Окада сейчас нельзя. Он умрет в ближайшие четверть суток, и мы можем не успеть. — Он едва шевелил губами. — Профессор Каспаро очень занят и просил не беспокоить. Пожалуйста, уезжайте...

Он вдруг повернулся к своим товарищам.

— Ребята, — сказал он с отчаянием, — дайте еще две таблетки.

Званцев стоял под дождем и думал, что еще можно сказать этому человеку, засыпающему на ходу. Михайлов стоял боком к нему и, запрокинув голову, что-то глотал. Потом Михайлов сказал:

— Спасибо, ребята, я совсем падаю. У вас здесь все-таки дождь, прохладно, а у нас все просто валяется с ног, один за другим, поднимаются и опять валяются... Тогда уносим... — Он все еще говорил невнятно.

— Ничего, последняя ночь...

— Девятая, — сказал Михайлов.

— Десятая.

— Неужели десятая? У меня голова как чугун. — Михайлов повернулся к Званцеву.
— Извините меня, товарищ...

— Званцев, — сказал Званцев в третий раз. — Товарищ Михайлов, вы должны нас пропустить. Мы только что прилетели с Филиппин. Мы везем академику информацию, очень важную информацию. Он ждал ее всю жизнь. Поймите, мы знаем его тридцать лет. Нам виднее, может он без этого умереть или нет. Это чрезвычайно важная информация.

Акико вылезла из машины и встала рядом с ним. Оператор молчал, зябко ежась под плащом.

— Ну хорошо, — сказал он наконец. — Только вас слишком много. — Он так и сказал: «Слишком много». — Пусть идет один.

— Ладно, — сказал Званцев.

— Только, по-моему, это бесполезно, — сказал Михайлов. — Каспаро не пустит вас к академику. Академик изолирован. Вы можете испортить весь опыт, если нарушите изоляцию, и потом...

— Я буду говорить с Каспаро сам, — перебил Званцев. — Проводите меня.

— Хорошо, — сказал оператор. — Пошли.

Званцев оглянулся на Акико. На лице Акико было много больших и маленьких капель. Она кивнула и сказала:

— Иди, Николай.

Потом она повернулась к людям в плащах:

— Дайте ему плащ кто-нибудь, а сами полезайте в машину. Можно поставить машину поперек шоссе.

Званцеву дали плащ. Акико хотела вернуться в машину и развернуть ее, но Михайлов сказал, что двигатель включать нельзя. Он стоял и светил своим неуклюжим коптящим факелом, пока машину вручную разворачивали и ставили поперек дороги. Затем застава забралась в кабину. Званцев заглянул внутрь. Акико снова сидела свернувшись на переднем сиденье. Товарищи Михайлова уже спали, уткнувшись головами друг в друга.

— Передай ему... — сказала Акико.

— Да, обязательно.

— Скажи, что мы будем ждать.

— Да, — сказал Званцев. — Скажу.

— Ну, иди.

— Саёнара¹, Аки-тян.

Званцев осторожно прихлопнул дверцу и подошел к оператору:

— Пойдемте.

— Пойдемте, — откликнулся оператор совсем новым, очень бодрым голосом. — Пойдемте быстро, нужно пройти семь километров.

Они пошли, широко шагая, по мокрому шершавому бетону.

— Что у вас там делается? — спросил оператор.

— Где — у нас?

— Ну, у вас... В большом мире. Мы уже полмесяца ничего не знаем. Что в Совете? Как с проектом Большой Шахты?

— Очень много добровольцев, — сказал Званцев. — Не хватает аннигиляторов. Не хватает охладителей. Совет намерен перевести на проект тридцать процентов энергии. С Венеры отозваны почти все специалисты по глубокой проходке.

— Правильно, — сказал оператор. — На Венере им теперь нечего делать. А кого выбрали начальником проекта?

— Понятия не имею, — сердито сказал Званцев.

— Не Штирнера?

¹ Саёнара — до свиданья (яп.).

— Не знаю.

Они помолчали.

— Мерзость, верно? — сказал оператор.

— Что?

— Факелы — мерзость, правда? Такая дрянь! Чувствуете, как он воняет?

Званцев принялся и отошел на два шага в сторону.

— Да, — сказал он. От факела воняло нефтью. — А зачем это? — спросил он.

— Так приказал Каспаро. Никаких электроприборов, никаких ламп. Мы стараемся свести все неконтролируемые помехи к минимуму... Кстати, вы курите?

— Курю.

Оператор остановился.

— Дайте зажигалку, — сказал он. — И ваш радифон. Есть у вас радифон?

— Есть.

— Дайте все мне. — Михайлов забрал зажигалку и радифон, разрядил их и выбросил аккумуляторы в кювет. — Извините, но так надо. Здесь на двадцать километров в округе не работает ни один электроприбор.

— Вот оно в чем дело, — сказал Званцев.

— Да-да. Мы разграбили все пасеки вокруг Новосибирска и делаем восковые свечи. Вы слышали об этом?

— Нет.

Они снова быстро пошли под непрерывным дождем.

— Свечи тоже мерзость, но все-таки лучше, чем факелы. Или, знаете, лучина.

Слыхали про такое — лучина?

— Нет, — сказал Званцев.

— Есть такая песня: «Догорай, моя лучиночка». Я всегда думал, что лучина — это какой-то генератор.

— Теперь я понимаю, откуда этот дождь, — сказал Званцев, помолчав. — То есть я понимаю, почему выключены микропогодные установки.

— Нет, нет, — сказал оператор, — микропогодные установки — это само собой, а дождь нам гонят специально с Ветряного Кряжа. Там есть континентальная установка, знаете?

— Зачем это? — спросил Званцев.

— Закрываемся от прямого солнечного излучения.

— А разряды в тучах?

— Тучи приходят пустые, их разряжают по дороге. Вообще опыт получился гораздо грандиознее, чем мы сначала думали. У нас собрались все специалисты по биокодированию. Со всего мира. Пятьсот человек. И все равно мало. И весь Северный Урал работает на нас.

— И пока все благополучно? — спросил Званцев.

Оператор промолчал.

— Вы меня слышите? — спросил Званцев.

— Я не могу вам ответить, — сказал Михайлов неохотно. — Мы надеемся, что все идет как надо. Принцип проверен, но это первый опыт с человеком. Сто двадцать триллионов мегабит информации, и ошибка в одном бите может многое исказить.

Михайлов замолчал, и они долго шли молча изо всех сил. Званцев не сразу заметил, что они идут через поселок. Поселок был пуст. Слабо светлели матовые стены коттеджей, в окнах было темно. За ажурными изгородями в мокрых кустах чернели кое-где распахнутые ворота гаражей.

Оператор забыл про Званцева. «Еще часов шесть, и все будет кончено, — думал он. — Я вернусь домой и завалюсь спать. Великий Опыт будет закончен. Великий Окада умрет и станет бессмертным. Ах, как красиво! Но пока не придет время, никто не скажет, удался ли опыт. Даже сам Каспаро. Великий Каспаро, Великий Окада, Великий Опыт!

Великое Кодирование. — Михайлов потряс головой — привычная тяжесть снова ползла на глаза, заволакивая мозг. — Нет-нет, надо думать. Валерио Каспаро сказал, что надо начинать думать уже сейчас. Все должны думать, даже операторы, хотя мы слишком мало знаем. Но Каспаро сказал, что думать должны все. Валерио Каспаро, в просторечии Валерий Константинович. Забавно, когда он работает, работает и вдруг скажет на весь зал: «Достаточно. Посидим немного, тупо глядя перед собой!» Эту фразу он где-то вычитал. Если в этот момент спросить его о чем-нибудь, он скажет: «Юноша, вы же видите. Не мешайте мне сидеть, тупо глядя перед собой»... Опять я не о том думаю! Итак, прежде всего поставим задачу. Дано: комплекс физиологических нейронных состояний (говоря по-простому — живой мозг) жестко кодируется по третьей системе Каспаро — Карпова на кристаллическую квазибиомассу. При должной изоляции жесткий код на кристаллической квазибиомассе сохраняется при нормальном уровне шумов весьма долго, — время релаксации кода составляет ориентировочно двенадцать тысяч лет. Времени достаточно. Требуется найти: способ перевода кода биомассы на живой мозг, то бишь на комплекс физиологически функционирующих нейронов в нуль-состояниях. Кстати, для этого требуется еще и живой мозг в нуль-состоянии, но для такого дела люди всегда находились и найдутся — например, я... Эх, все равно не разрешат. О живом мозге Каспаро и слышать не хочет. Вот чудак! Сиди теперь и жди, пока ленинградцы построят искусственный. Вот... Короче говоря, мы закодировали мозг Окада на кристаллическую биомассу. Мы имеем шифр мозга Окада, шифр мыслей Окада, шифр его «я». И теперь требуется найти способ перенести этот шифр на другой мозг. Пусть искусственный. Тогда Окада возродится. Зашифрованное «я» Окада снова станет действующим, настоящим «я». Вопрос: как это сделать? Как?.. Хорошо бы догадаться прямо сейчас и порадовать старика. Каспаро думает об этом четверть века. Прибежать к нему в мокром виде, как Архимед, и возопить: “Эврика!”» Михайлов споткнулся и чуть не уронил факел.

— Что с вами? — сказал Званцев. — Вы опять засыпаете?

Михайлов посмотрел на него. Званцев шагал, подняв капюшон, засунув руки под плащ. Лицо его в красном бегающем свете казалось очень длинным и очень жестким.

— Нет, — сказал Михайлов. — Я думаю. Я не сплю.

Впереди замаячила какая-то темная гряда. Они шли быстро и скоро догнали большой грузовик, который медленно тащился по шоссе. Званцев не сразу понял, что грузовик идет с выключенным двигателем. Его волокли два здоровенных мокрых верблюда.

— Эй, Санька! — крикнул оператор.

Щелкнула дверь кабинки, высунулась голова, повела блестящими глазами и скрылась.

— Чем могу? — спросили из кабинки.

— Дай шоколадку, — сказал Михайлов.

— Возьми сам, не хочется вылезать. Мокро.

— И возьму, — бодро сказал Михайлов и куда-то скрылся вместе с факелом.

Стало очень темно. Званцев пошел рядом с грузовиком, принаравливаясь к верблюдам. Верблюды еле плелись.

— Быстрее они не могут? — проворчал он.

— Они, подлые, не хотят, — сказал голос из кабины. — Я пробовал лупить их палкой, но они только плюются. — Голос помолчал и добавил: — Четыре километра в час. И заплевали мне плащ.

Водитель тяжело вздохнул и вдруг завопил:

— Ну, мертвая-а! Но, н-но-о, или как там вас!

Верблюды пренебрежительно засопели.

— Вы бы отошли в сторонку, — посоветовал водитель. — Впрочем, сейчас они, кажется, ничего.

Понесло нефтью, и рядом снова появился Михайлов. Факел его чадил и трещал.

— Пойдемте, — сказал он. — Теперь уже близко.

Они легко обогнали упряжку, и скоро по сторонам дороги появились невысокие темные строения. Приглядевшись, Званцев увидел впереди в темноте огромное здание — черный провал в черном небе. В окнах кое-где слабо моргали желтые огоньки.

— Смотрите, — шепотом сказал Михайлов. — Видите, по сторонам дороги — блоки?

— Ну? — сказал Званцев тоже шепотом.

— В них квазибиомасса. Здесь он будет храниться.

— Кто?

— Мозг, — прошептал Михайлов. — Мозг!

Они вдруг свернули и вышли прямо к подъезду здания института. Михайлов откатил тяжелую дверь.

— Заходите, — сказал он. — Только не шумите, пожалуйста.

В вестибюле было темно, прохладно и странно пахло. На большом столе посредине мигало несколько толстых оплывших свечей, стояли тарелки и большая суповая кастрюля. Тарелки были грязные. В корзинке лежали высохшие куски хлеба. При свечах было плохо видно. Званцев сделал несколько шагов, зацепился плащом за стул, и стул повалился со стуком.

— Ай! — вскрикнул кто-то сзади. — Толя, это ты?

— Я, — сказал Михайлов.

Званцев оглянулся. В углу вестибюля стояла красноватая полутьма, и, когда Михайлов с факелом прошел туда, Званцев увидел девушку с бледным маленьким лицом. Она лежала на диване, закутавшись во что-то черное.

— Ты принес чего-нибудь вкусенького? — спросила девушка.

— Санька везет, — ответил Михайлов. — Хочешь шоколадку?

— Хочу.

Михайлов стал, мотая факелом, рыться в складках плаща.

— Иди смени Зину, — сказала девушка. — Пусть идет спать сюда. Теперь в двенадцатой спят мальчишки. А на улице дождь?

— Дождь.

— Хорошо. Теперь уж немного осталось.

— Вот тебе шоколадка, — сказал Михайлов. — Я пойду. Это товарищ к академику.

— К кому?

— К академику.

Девушка тихонько свистнула.

Званцев прошел через вестибюль и нетерпеливо оглянулся. Михайлов шел следом, а девушка сидела на диване и разворачивала шоколадку. При свете свечей только и можно было разобрать, что маленькое бледное лицо и странный серебристый халат с капюшоном. Михайлов сбросил плащ, и Званцев увидел, что он тоже в длинном серебристом халате. Он был похож на привидение в неверном свете факела.

— Товарищ Званцев, — сказал он, — подождите здесь немножко. Я пойду принесу вам халат. Только, пожалуйста, пока не сбрасывайте плаща.

— Хорошо, — сказал Званцев и присел на стул.

В кабинете Каспаро было темно и холодно. Усыпляюще шумел дождь. Михайлов ушел, сказав, что позовет Каспаро. Факел он унес, а свечей в кабинете не было. Сначала Званцев сидел в кресле для посетителей у большого пустого стола. Потом поднялся, пробрался к окну и стал глядеть в ночь, упершись лбом в холодное стекло. Каспаро не приходил.

Будет очень тяжело без Окада, думал Званцев. Он мог бы жить еще лет двадцать, надо было больше беречь его. Надо было давным-давно запретить ему глубоководные

поиски. Если человеку за сто и из них шестьдесят лет он провел на глубинах больше тысячи метров... Вот так и наживают синий паралич, будь он проклят!..

Званцев отошел от окна, направился к двери и выглянул в коридор. В длинном коридоре редко вдоль стен горели свечи. Откуда-то доносился голос, повторяющий одно и то же с размеренностью метронома. Званцев прислушался, но не разобрал ни слова. Потом из красноватых сумерек в конце коридора выплыли длинные белые фигуры и беззвучно прошли мимо, словно проплыли по воздуху. Званцев увидел осунувшиеся темные лица под козырьками серебристых капюшонов.

— Хочешь есть? — сказал один.

— Нет. Спать.

— Я, кажется, поем...

— Нет, нет. Спать. Сначала спать.

Они разговаривали негромко, но в коридоре было слышно далеко.

— Джин чуть не заперола свой сектор. Каспаро схватил ее за руку.

— О, черт побери!..

— Да. У него было такое лицо...

— Черт возьми... черт возьми... Какой сектор?

— Двенадцать тысяч шестьсот три. Ориентировочно — слуховые ассоциации.

— Ай-яй-яй-яй-яй...

— Каспаро послал ее спать. Она сидит в шестнадцатой и плачет.

Двое в белом исчезли. Было слышно, как они разговаривают, спускаясь по лестнице, но Званцев уже не разбирал слов. Он прикрыл дверь и вернулся в кресло.

Итак, какая-то Джин без малого заперола сектор слуховых ассоциаций. Дрянная девчонка! Каспаро поймал ее за руку. А если бы не поймал? Званцев стиснул руки и закрыл глаза. Он почти ничего не знал о Великом Опыте. Он знал только, что это Великий Опыт, что это самое сложное, с чем когда-либо сталкивалась наука. Закодировать распределение возбуждений в каждой из миллиардов клеток мозга, закодировать связи между возбуждениями, связи между связями... Малейшая ошибка грозит необратимыми искажениями... Девчонка чуть не уничтожила целый сектор... Званцев вспомнил, что это был сектор номер двенадцать тысяч шестьсот три, и ему стало страшно. Если даже вероятность ошибки или искажения при переносе кода очень мала... Двенадцать тысяч секторов, триллионы единиц информации... Каспаро все не приходил.

Званцев снова вышел в коридор. Он шел от свечи к свече на странный однообразный голос. Потом он увидел настежь распахнутую дверь, и голос стал совсем громким. За дверью был огромный зал, мерцающий сотнями огоньков. Званцев увидел протянувшиеся вдоль стен панели с циферблатами. Несколько сотен людей сидели вдоль стен перед панелями. Все они были в белом. Воздух в зале был тяжелый и горячий, пахло горячим воском. Званцев понял, что система вентиляции и кондиционирования отключена. Он вошел в зал и огляделся. Он искал Каспаро, но, если Каспаро и был здесь, его все равно нельзя было узнать среди сотен людей в одинаковых серебристых халатах с низко надвинутыми капюшонами.

— Сектор восемнадцать тысяч семьсот двадцать два заполнен, — сказал голос.

В зале было нестерпимо тихо — только этот голос и шорох многих движений. Посредине зала Званцев разглядел стол и несколько кресел. Он прошел к столу.

— Сектор восемнадцать тысяч семьсот двадцать три заполнен.

В одном из кресел напротив Званцева сидел, уронив голову на руки, широкоплечий человек. Он спал и громко вздыхал во сне.

— Сектор восемнадцать тысяч семьсот двадцать четыре заполнен.

Званцев поглядел на часы. Было три часа ночи ровно. Он увидел, как в зал вошел человек в белом и исчез где-то в полумраке, где ничего не было видно, кроме мигающих огоньков.

— Сектор восемнадцать тысяч семьсот двадцать пять заполнен...

К столу подошел человек со свечой, поставил свечу в лужицу воска и сел. Он положил на стол пачку бумаг, перевернул страницу и сейчас же уснул. Званцев видел, как его голова опускалась все ниже и ниже и наконец уткнулась в бумагу.

— Сектор восемнадцать тысяч семьсот двадцать шесть заполнен...

Званцев снова взглянул на часы. На заполнение двух секторов ушло чуть больше полутора минут. Десять суток идет Великое Кодирование, заполнено меньше двадцати тысяч секторов...

— Сектор восемнадцать тысяч семьсот двадцать семь заполнен...

И так десять суток. Чья-то сильная рука легла на плечо Званцева.

— Почему не спите?

Званцев поднял голову и увидел полное усталое лицо под капюшоном. Званцев узнал его.

— Спать. Сейчас же...

— Профессор Каспаро... — сказал Званцев и встал.

— Спать, спать... — Каспаро глядел ему в глаза. — Если не можете спать, смените кого-нибудь.

Он быстро пошел в сторону, остановился и снова поглядел пристально.

— Не узнаю, — сказал он. — Но все равно — спать!

Он повернулся спиной и быстро зашагал вдоль рядов людей, сидевших перед пультами. Званцев услышал его удаляющийся резковатый голос:

— Полделения... Внимательнее, Леонид, полтора деления... Хорошо... Отлично... Тоже хорошо... Деление, Джонсон, следите внимательней... Хорошо... Хорошо...

Званцев встал и пошел за ним, стараясь не терять его из виду. Каспаро вдруг крикнул:

— Товарищи! Все идет прекрасно! Будьте внимательней! Все идет очень хорошо!.. Только следите за стабилизаторами, и все будет очень хорошо!..

Званцев наткнулся на длинный стол, за которым спало несколько человек, — никто не обернулся, и ни один из спящих не поднял головы. Каспаро исчез. Тогда Званцев пошел наугад вдоль желтой цепочки огоньков перед пультами.

— Сектор восемнадцать тысяч семьсот девяносто заполнен, — сказал новый бодрый голос.

Званцев понял, что заблудился и не знает теперь, где выход и куда девался Каспаро. Он сел на подвернувшийся стул, упер локти в колени, положил подбородок на ладони и уставился на мигающую свечу перед собой. Свеча медленно оплывала.

— Сектор восемнадцать тысяч семьсот девяносто восемь... Семьсот девяносто девять... Восемьсот... Заполнен... Заполнен...

— А-а-а-а!

Кто-то закричал протяжно и страшно. Званцев подскочил. Он увидел, что никто не обернулся, но все как-то разом застыли, напрягли спины. Шагах в двадцати, у одного из операторских кресел, стоял высокий человек и кричал, схватившись за голову:

— Назад! Назад! А-а-а!..

Откуда-то, стремительно шагая, возник Каспаро, кинулся к пульту. В зале стало совсем тихо, только шипел воск.

— Простите! — сказал высокий человек. — Простите... Простите... — повторял он.

Каспаро выпрямился и крикнул:

— Слушать меня! Секторы восемнадцать тысяч семьсот девяносто шесть, семьсот девяносто семь, семьсот девяносто восемь, семьсот девяносто девять, восемьсот — переписать! Заново!

Званцев увидел, как сотни людей в белом одновременно подняли правые руки и что-то сделали на пультах. Огни свечей заколебались.

— Простите, простите! — повторял человек.

Каспаро подтолкнул его в спину.

— Спать, Генри, — сказал он. — Спать быстро. Успокойтесь, ничего страшного...

Человек пошел вдоль пультов, повторяя одно и то же: «Простите, простите...» Никто не оборачивался. На его место уже сел другой.

— Сектор восемнадцать тысяч семьсот девяносто шесть заполнен, — сказал бодрый голос.

Каспаро постоял немного, затем медленно, сильно сутулясь, пошел мимо Званцева. Званцев шагнул ему навстречу и вдруг увидел его лицо. Он остановился и пропустил Каспаро. Каспаро подошел к небольшому отдельному пульту, вяло опустился в кресло и так сидел несколько секунд. Потом встрепенулся и, весь подавшись вперед, сунул лицо в большой нарамник перископа, уходящего в пол.

Званцев стал неподалеку, у длинного стола, и не отрываясь глядел в усталую горбатую спину. Он все еще видел лицо Каспаро в колеблющемся свете свечи. Он вспомнил, что Каспаро уже не молод, всего на пять-семь лет моложе Окада. Он подумал: сколько лет унесли эти десять суток! Все это скажется, и очень скоро.

К Каспаро подошли двое. У одного вместо капюшона халата тускло поблескивал круглый прозрачный шлем.

— Не успеет, — тихо сказал человек в шлеме.

Он говорил в спину Каспаро.

— Сколько? — спросил Каспаро не оборачиваясь.

— Клиническая смерть наступит через два часа. С точностью плюс-минус двадцать минут.

Каспаро повернулся.

— Но он хорошо выглядит... Посмотрите. — Он ткнул пальцем в нарамник.

Человек в шлеме покачал головой.

— Нервный паралич, — сказал второй очень тихо. Он оглянулся, скользнул выпуклыми глазами по Званцеву и, наклонившись к Каспаро, что-то сказал ему на ухо.

Званцев узнал его. Это был профессор Иван Краснов.

— Хорошо, — сказал Каспаро. — Сделаем так.

Двое разом повернулись и быстро ушли в темноту.

Званцев пошарил стул, сел и закрыл глаза. «Конец, — подумал он. — Не успеют. Он умрет. Он умрет совсем».

— Сектор девятнадцать тысяч ноль-ноль два заполнен, — повторял голос. — Сектор девятнадцать тысяч ноль-ноль три заполнен... Сектор девятнадцать тысяч ноль-ноль четыре...

Званцев почти ничего не знал о кодировании нервных связей, и ему представлялось, что Окада лежит на странном столе под белым смертным светом, тонкая игла медленно ползет по извилинам его обнаженного мозга, и на длинную ленту знак за знаком ложатся сигналы импульсов. Званцев отлично понимал, что в действительности это происходит совсем иначе, но воображение рисовало ему именно такую картину: блестящая игла ползет по мозгу, а на бесконечную ленту таинственными значками записывается память, привычки, ассоциации, опыт... А откуда-то наползает смерть, разрушая клетку за клеткой, связь за связью. И нужно ее обогнать.

Званцев почти ничего не знал о кодировании нервных связей. Но он знал, что до сих пор неизвестны границы участков мозга, ведающих отдельными мыслительными процессами. Что Великое Кодирование возможно лишь в условиях самой глухой изоляции и при точнейшем учете всех нерегулярных полей. Поэтому свечи и факелы, и верблюды на шоссе, пустые поселки и черные окна микропогодных установок, и остановленные самодвижущиеся дороги... Званцев знал, что до сих пор не найден способ контроля кодирования, не искажающий кода. Что Каспаро работает наполовину вслепую и кодирует в первую очередь, может быть, совсем не то, что следует кодировать. Но Званцев знал и то, что Великое Кодирование — это дорога к бессмертию человеческого

«я», потому что человек — это не руки и ноги. Человек — это память, привычки, ассоциации, мозг. МОЗГ.

— Сектор девятнадцать тысяч двести шестнадцать заполнен...

Званцев открыл глаза, поднялся и подошел к Каспаро. Каспаро сидел, глядя перед собой.

— Профессор Каспаро, — сказал Званцев, — я океанолог Званцев. Я должен поговорить с академиком Окада.

Каспаро поднял глаза и долго смотрел на Званцева снизу вверх. Глаза у него были мутные, полузакрытые.

— Это невозможно, — сказал он.

Некоторое время они молча глядели друг на друга.

— Академик Окада ждал этой информации всю жизнь, — тихо сказал Званцев.

Каспаро ничего не ответил. Он отвел глаза и снова уставился перед собой. Званцев оглянулся. Тьма. Огоньки свечей. Белые серебристые халаты с капюшонами.

— Сектор девятнадцать тысяч двести девяносто два заполнен, — сказал голос.

Каспаро поднялся и сказал:

— Всё. Конец.

И Званцев увидел маленькую красную лампу, мигающую на пульте рядом с окулярами перископа. «Лампочка, — подумал он. — Значит, всё».

— Сектор девятнадцать тысяч двести девяносто четыре заполнен...

Из темноты зала изо всех сил бежала маленькая девушка в развевающемся халате. Она кинулась прямо к Каспаро, сильно оттолкнув Званцева.

— Валерий Константинович, — сказала она отчаянно, — остался только один свободный сектор...

— Больше не нужно, — сказал Каспаро. Он поднялся и наткнулся на Званцева. — Кто вы? — спросил он устало.

— Я Званцев, океанолог, — сказал Званцев тихо. — Я хотел поговорить с академиком Окада.

— Это невозможно, — произнес Каспаро. — Академик Окада умер.

Он перегнулся через пульт и один за другим повернул четыре рубильника. Слепительный свет вспыхнул под потолком огромного зала.

Было уже совсем светло, когда Званцев спустился в вестибюль. В огромные окна вливался сероватый свет туманного утра, но чувствовалось, что вот-вот проглянет солнце и день будет ясный. В вестибюле никого не было. На диване валялось скомканное покрывало. Несколько свечей догорали на столе между банками и блюдами с едой. Званцев оглянулся на лестницу. Наверху шумели голоса. Где-то там был Михайлов, который обещал проводить Званцева.

Званцев подошел к дивану и сел. По лестнице спустились трое молодых людей. Один подошел к столу и принялся жадно есть прямо руками. Он двигал тарелки, уронил бутылку с лимонадом, подхватил ее и стал пить из горлышка. Второй спал на ходу, еле вращая глазами. Третий, придерживая его за плечи, возбужденно говорил:

— ...Каспаро говорил Краснову. Только это и сказал. И тут же старик повалился прямо на пульт. Мы его подхватили и отнесли в кабинет, а там спит Сережка Круглов. Так мы их рядом и положили.

— Даже не верится, — невнятно сказал первый; он жевал. — Неужели так много успели?

— Вот черт, сколько раз тебе повторять!.. Девяносто восемь процентов. С какими-то десятитысячными, я не запомнил.

— Неужели девяносто восемь?

— Ты, я вижу, совсем отупел — не понимаешь, что тебе говорят!

— Я понимаю, но я не верю. — Тот, что ел, вдруг сел и придвинул к себе банку с консервами. — Не верится. Казалось, дело совсем плохо...

— Р-ребята, — пробормотал сонный, — пойдете, а? Сил нет...

Все трое вдруг засуетились и вышли. По лестнице спускались всё новые и новые люди. Сонные, еле передвигающие ноги. Возбужденные, с опухшими глазами, с хриплыми от долгого молчания голосами.

На похороны это не похоже, подумал Званцев. Он знал, что Окада умер, но в это не верилось. Казалось, что академик просто заснул, только никто пока не знает, как его разбудить. Ничего, узнают. Девяносто восемь процентов, подумал он. Совсем не плохо. Ему было очень странно, что он не испытывал горечи утраты. Горя не было. Он ощущал только что-то вроде недовольства, думая о том, что придется, может быть, еще долго ждать, пока Окада вернется. Как раньше, когда Окада надолго уезжал на материк.

Михайлов тронул его за плечо. Он был без плаща и без халата.

— Пойдемте, океанолог Званцев.

Званцев встал и пошел за ним к двери. Тяжелые створки разошлись сами, бесшумно и мягко.

Солнце еще не поднялось, но было светло, и по серо-голубому небу быстро уходили облака. Званцев увидел плоские кремовые корпуса и улицы между ними, засыпанные красным опавшим листом. Люди выходили из института и растекались по улицам группками по двое, по трое. Кто-то крикнул:

— Товарищи из Костромы отдыхают в корпусе номер шесть, этажи второй и третий!

Вдоль улиц редкими цепями продвигались небольшие многоногие кибердворники. За ними оставался сухой серый чистый бетон.

— Хотите шоколаду? — спросил Михайлов.

Званцев покачал головой. Они пошли к шоссе между рядами приземистых желтоватых зданий без дверей и окон. Зданий было много — целая улица. Это были блоки с квазибиомассой, хранилище мозга Окада — двадцать тысяч секторов биомассы, двадцать приземистых зданий с фасадами в три десятка метров, уходящих под почву на шесть этажей.

— Для начала неплохо, — сказал Михайлов. — Но дальше так нельзя. Двадцать зданий на одного человека — это слишком много. Если каждому из нас отводить столько помещений... — Он засмеялся и бросил обертку от шоколада на бетон.

Кто знает, подумал Званцев. Тебе, может быть, хватит и одного чемодана. Да и мне тоже. К брошенной бумажке неторопливо ковылял кибердворник, постукивая по бетону голенастыми ногами.

— Эй, Санька! — закричал вдруг Михайлов.

Обогнавший их грузовик остановился, и из кабины высунулся давешний водитель с блестящими глазами. Они залезли в кабину.

— Где твои верблюды? — спросил Михайлов.

— Пасутся где-то, — сказал водитель. — Надоели они мне. Пока я их выпрягал, они меня снова оплевали.

Михайлов уже спал, положив голову на плечо Званцеву.

Водитель — маленький, черноглазый — быстро вел тяжелую машину и тихонько пел, почти не двигая губами. Это была какая-то старая, полузабытая песенка. Званцев сначала прислушивался, а потом вдруг увидел идущие низко над шоссе вертолеты. Их было шесть. Тогда он подумал, что теперь снова закипит жизнь в этой мертвой зоне. Пошли самодвижущиеся дороги. Люди спешат к своим домам. Заработали микропогодные установки и сигнальные световые столбы на шоссе. Кто-нибудь уже отдирает фанерный лист с корявыми буквами. Радио передает, что Великое Кодирование закончено и прошло удовлетворительно. На вертолетах, наверное, прилетела пресс-группа — будут передавать на весь мир по СВ изображение приземистых желтых зданий и оплывших свечей перед выключенными пультами. И кто-нибудь, конечно, ползет будить

Каспаро, и его будут оттаскивать за брюки и, может быть, даже сгоряча дадут по шее. И весь мир вскоре узнает, что человек совсем скоро станет вечным. Не человечество, а человек, каждый отдельный человек, каждая личность. Ну, положим, сначала это будут лучшие... Званцев посмотрел на водителя.

— Товарищ, — сказал он, улыбаясь. — Хотите жить вечно?

— Хочу, — ответил водитель, тоже улыбаясь. — Да я и буду жить вечно.

— И я тоже хочу, — сказал Званцев.

Загадка задней ноги

— Ваша первая книга мне не понравилась, — сказал Парнкала. — В ней нет ничего, что могло бы поразить воображение серьезного человека.

Они лежали в шезлонгах под выцветшим горячим тентом на веранде поста Колд Крик — биотехник Гибсонского заповедника Жан Парнкала и корреспондент Европейского информационного центра писатель Евгений Славин. На низком столике между шезлонгами стоял запотевший пятилитровый сифон. Пост Колд Крик располагался на вершине холма, и с веранды открывался отличный вид на знойную сине-зеленую саванну Западной Австралии.

— Книга обязательно должна будить воображение, — продолжал Парнкала, — иначе это не книга, а дурной учебник. Собственно, можно выразиться так: назначение книги — будить воображение читателя. Правда, ваша первая книга была призвана выполнить и другую, не менее важную задачу, а именно: донести до нас точку зрения человека вашей героической эпохи. Я много ждал от этой книги, но — увы! — видимо, в процессе работы вы утратили эту самую точку зрения. Вы слишком впечатлительны, друг Женья!

— Все проще, Жан, — сказал Женья лениво. — Гораздо проще, мой друг. Мне ужасно не хотелось предстать перед человечеством таким Кампанеллой навыворот. А в общем-то все правильно — книжица серая...

Он свесился с шезлонга и набрал в длинный узкий бокал пенистого кокосового молока из сифона. Бокал мгновенно вспотел.

— Да, — сказал Парнкала, — вам очень не хотелось быть Кампанеллой навыворот. Вы слишком спешили сменить психологию, Женья. Вам очень хотелось перестать быть чужим здесь. И напрасно. Вам следовало бы побольше оставаться чужим: вы смогли бы увидеть много такого, чего мы не замечаем. А разве это не важнейшая задача всякого писателя — замечать то, что не видят другие? Это будит воображение и заставляет думать.

— Пожалуй, — сказал Женья.

Они замолчали. Глубокое спокойствие царило вокруг, дремотное спокойствие полуденной саванны. Наперебой трещали цикады. Пронесся легкий ветерок, зашумела трава. Издалека донеслись пронзительные звуки — это кричали эму. Женья вдруг сел и вытянул шею.

— Что это? — спросил он.

Мимо поста, ныряя в высокой траве, неслась странная машина — длинный вертикальный шест, видимо на колесах, с блестящим вращающимся диском на конце. У машины был на редкость нелепый вид. Подпрыгивая и раскачиваясь, она уходила на юг.

Парнкала приподнял голову, посмотрел и снова улегся.

— А, — сказал он. — Я забыл вам рассказать. Это уродцы.

— Какие уродцы?

— Никто не знает, — сказал Парнкала спокойно.

Женья вскочил и подбежал к перилам. Длинный нелепый шест быстро удалялся, раскачиваясь, и через минуту скрылся из глаз. Женья повернулся к Парнкале.

— Как это так — никто не знает? — спросил он.

Парнкала пил кокосовый сок.

— Никто не знает, — повторил он, вытирая губы. — Это очень забавная история, она вам понравится. Впервые они появились полторы декады назад — вот такие шести на одном колесе и ползучие тарелки. Их часто видят в саванне между Колд Криком и Роальдом, а позавчера один шест пробежал по главной улице Гибсона. Одну тарелку растоптали мои эму. Я видел — большая куча осколков плохой пластмассы и остатки радиомонтажа на совершенно отвратительной керамике. Похоже на школьные модельки. Мы связались с Гибсоном, но там никто ничего не знал. И вообще, как выяснилось, никто ничего не знает.

Парнкала снова поднес бокал к губам.

— Удивительно спокойно вы об этом рассуждаете, друг Жан! — не вытерпел Женя. В его воображении возникали картины, одна фантастичнее другой.

Парнкала улыбнулся:

— Да вы сядьте, Женя. Оснований для беспокойства нет никаких. Вреда уродцы никому не приносят, эму и кенгуру их не боятся, и, кроме того, вы не дали мне закончить — ими уже занимаются товарищи в Джакое. Они... Куда вы, Женя?

Женя торопливо собирался. Он рассовывал по карманам диктофонные обоймы, футлярчики с микрокнигами и свои потрепанные записные книжки.

— Джаккой — это, кажется, центр австралийской кибернетики, — произнес он. — Там построили какую-то интересную машину, правда?

— Да, машину КРИ, — сказал Парнкала обиженно.

Он был очень огорчен, что корреспондент Славин уезжает так скоро. С Женей было приятно беседовать — он очень любил слушать.

— Почему КРИ?

— Коллектор Рассеянной Информации. Машина-археолог, как я слышал.

Женя остановился.

— Так, может, эти уродцы оттуда?

— Я же говорю — ничего не известно, — с досадой сказал Парнкала. — Никто ничего не знает. Ни в Джакое, ни в Гибсоне, ни во всем мире... Хоть ужин возьмите, Женя...

— Нет-нет, спасибо, я очень тороплюсь. Ну, дорогой Жан, благодарю за гостеприимство. Мы еще увидимся. — Женя залпом допил свой бокал, весело кивнул и, перепрыгнув через перила, побежал с холма к своему птерокару.

Научный поселок Джаккой располагался в тени чудовищных черных акаций с кронами поперечником в сорок-пятьдесят метров. Поодаль, на берегу глубокого озера с синей прозрачной водой, белели развалины фермы какого-то древнего переселенца. Между поселком и развалинами четко выделялся прямоугольник посадочной площадки. Машин на площадке не было.

Впрочем, птерокару посадочная площадка была не нужна, и Женя облетел вокруг акаций, выбирая место поближе к поселку. В полукилометре от поселка он вдруг заметил необычайное оживление. Сначала ему показалось, что там играют в регби. В траве шевелилась и перекатывалась куча переплетенных черных и белых человеческих тел. Из кучи неслись азартные возгласы. «Прелестно! — подумал Женя. — Отлично сыгрались!» В этот миг куча распалась, открыв что-то округлое, черное и блестящее, и один из игроков кубарем покатился в сторону, упал и остался лежать, скорчившись, держась руками за живот. «Э, нет, — подумал Женя, — это не игра». Из-под ветвей акаций вынырнули еще трое, на ходу сбрасывая куртки. Женя стремительно пошел на посадку.

Когда он выскочил из кабины, скорчившийся человек уже сидел и, по-прежнему держась за живот, громко кричал:

— Берегитесь задней ноги! Эй! Берегитесь задней ноги!

Женя рысью пробежал мимо него. Из кучи копошащихся тел раздавались крики. Кричали по-русски и по-английски:

- Ноги к земле! Прижимайте к земле!
- Антенны! Не ломайте антенны!
- Помогите, ребята! Закапывается!
- Да держите же, черт подери!
- Ой, Перси, отпусти мою голову!
- Закапывается!

«Поймали какого-то ящера», — мелькнуло в голове у Жени, и тут он увидел заднюю ногу. Она была черная, блестящая, с острыми зубринами, похожая на ногу исполинского жука, и со страшной силой скребла по земле, оставляя глубокие борозды. Было там еще много других ног — черных, коричневых и белых, — которые тоже ерзали, дрыгали и упирались, но это все были обыкновенные человеческие ноги. Несколько секунд Женя ошеломленно наблюдал за задней ногой. Она раз за разом складывалась, глубоко зарывалась в землю и с натугой распрямлялась, и с каждым разом орущая куча перемещалась метра на полтора.

— А ну! — ужасным голосом воскликнул Женя, обеими руками вцепился в заднюю ногу у сустава и рванул на себя.

Раздался отчетливый хруст. Задняя нога с неожиданной легкостью оторвалась, и Женя упал на спину.

— Не смей ломать! — загредел яростный голос. — Уберите дурака!

Женя полежал, держа заднюю ногу в объятиях, затем медленно поднялся.

— Еще немного! Еще чуть-чуть, Джо! — гредел тот же голос. — Пропусти мою руку... Ага!.. Ага!.. Вот где ты, голубчик!

Что-то жалобно зазвенело, и наступила тишина. Груда тел застыла, слышно было только тяжелое, прерывистое дыхание. Затем все разом заговорили и засмеялись, поднимаясь, вытирая потные лица. В измятой траве остался большой неподвижный черный бугор. Кто-то разочарованно сказал:

- Опять такой же!
- Септопод... Семиножка!
- Вот ведь закопался, паршивец!..
- Еще немного — и ушел бы...
- Да, задал он нам жару...
- А где задняя нога?

Все взоры обратились на Женю. Женя смело сказал:

— Вот задняя нога. Она оторвалась. Я никак не ожидал, что она так легко оторвется.

Его обступили, с любопытством разглядывая. Громадный полуголый детина с копной растрепанных светлых волос на голове и с бородкой соломенного цвета протянул могучую исцарапанную руку:

— Дайте-ка сюда.

В другой руке детина держал обрывок блестящего провода. Женя с радостью отдал ногу.

— Я Евгений Славин, — сказал он. — Корреспондент Европейского информационного центра. Я прилетел сюда, потому что мне сказали, что здесь интересно.

Детина несколько раз с задумчивым видом согнул и разогнул черный коленчатый рычаг. Нога в суставе попискивала.

— Я заместитель директора КРИ Павел Рудак, — сказал детина. — А это, — он ткнул рычагом в сторону остальных, — это прочие слуги Великого КРИ. С ними вы познакомитесь после, когда они отнесут септопода в лабораторию.

— А стоит ли? — спросил маленький курчавый австралиец. — У нас уже есть два таких же. Пусть валяется здесь...

— Таких же, да не таких, Таппи, — сказал Рудак. — У этого задняя нога имеет всего один сустав.

— Правда? — Таппи выхватил у Рудака заднюю ногу и тоже несколько раз согнул и разогнул ее. — Да, действительно. Жаль, что она обломана.

— Я не знал, — сказал Женя.

Но его уже никто не слушал. Все обступили Таппи, затем гурьбой направились к черному бугру в траве и наклонились над ним. Рудак и Женя остались одни.

— Что это за семиног? — спросил Женя.

— Один из уродцев Великого КРИ, — ответил Рудак.

— А, — разочарованно сказал Женя. — Значит, это все-таки ваши уродцы?

— Не так это просто, товарищ Славин, не так просто. Я ведь не сказал, что это наши уродцы, я сказал, что это уродцы Великого КРИ... — Он наклонился, пошарил в траве и поднял несколько камешков. — И мы на них охотимся. Последнюю декаду мы только и делаем, что охотимся. Вообще, должен сказать, вы приехали вовремя, товарищ корреспондент...

Он стал очень метко кидать камешки в несчастного септопода, которого тащили в поселок. Камешки звонко щелкали о твердый панцирь.

— Пауль Рудак! — заорал кто-то из тащивших. — Наша кладь тяжела! Где твои сильные руки?

— О нерадивые! — воскликнул Рудак. — Мои сильные руки понесут заднюю ногу! Таппи, куда ты ее дел?

— В траве! Ищи в траве, Пауль!

— Давайте я понесу заднюю ногу, — сказал Женя. — Я ее оторвал, я ее и понесу.

— Валяйте, — весело разрешил Рудак. — А я помогу ребятам.

Он в два прыжка нагнал «нерадивых», растолкал их, подлез под септопода, ухнул и взвалил его на спину.

— Догоняйте! — сдавленно прогремел он и галопом побежал к поселку.

«Нерадивые» с гиканьем кинулись его догонять. Женя подхватил заднюю ногу, повесил ее на шею, как коромысло, и затрусил вслед. Нога была колючая и довольно тяжелая.

— Держу пари на заднюю ногу, — провозгласил Павел Рудак, появляясь в дверях лаборатории. — Готов держать пари даже на собственную заднюю ногу, что корреспондент изнывает от жажды!

Женя сидел под стеной лаборатории, тихо вздыхал и обмахивался чьей-то соломенной шляпой. Шея у него горела.

— Выиграли, — простонал он.

— А где нерадивые слуги? Как смели они бросить такого почтенного гостя? Позор на весь Европейский информационный центр!

— Ваши нерадивые поклоняются задней ноге в здании напротив, — ответил Женя, поднимаясь. — Они попросили меня подождать здесь, они сказали, что вы вернетесь через минутку. Это было как раз полчаса назад.

— Безобразие! — сказал Рудак с некоторым смущением. — Пойдемте, товарищ Славин, я постараюсь загладить их вину. Я утолю вашу жажду и распахну перед вами люки рефрижераторов.

— Скорее!

Рудак взял его за локоть и повлек наискосок через улицу к аккуратному белому коттеджу. В коттедже было чисто и прохладно. Рудак усадил Женю за стол, поставил перед ним стакан, графин и миску со льдом, сам принялся хозяйничать.

— Линии Доставки здесь нет, — гремел он. — Готовим сами. На киберкухнях.

— УКМ-207? — спросил Женя.

— Нет, у меня американская система.

Женя есть не стал. Он только пил и смотрел, как ест Рудак. Рудак опустошал тарелки и горшочки и увещевал:

— Не надо смотреть на меня такими глазами. Это у меня вчерашний ужин, сегодняшний завтрак и сегодняшний обед.

Женя украдкой пересчитал горшочки и подумал: «И сегодняшний ужин».

— Вам повезло, корреспондент, — продолжал Рудак. — У нас сейчас действительно очень интересно. Самое интересное будет сегодня вечером, когда вернется профессор Ломба, директор КРИ.

— А я видел профессора Ломбу, — сказал Женя.

Рудак перестал есть и быстро спросил:

— Когда?

— Сегодня рано утром, в Гибсоне. Он консультировал одного моего знакомого. Только я не знал, что он директор КРИ.

Рудак опустил глаза и снова принялся за еду.

— И как он вам показался? — осведомился он немного погодя. — Веселый старикан, не правда ли?

— Да как вам сказать... — сказал Славин. — Скорее какой-то угрюмый...

— Н-да-а, — протянул Рудак и оттолкнул тарелку. — Сегодня вечером будет очень интересно. — Он вздохнул. — Ну что ж, товарищ Славин, разрешаю задавать вопросы.

Женя торопливо зарядил диктофон.

— Прежде всего, — сказал он, — что такое Великий КРИ?

— Минуточку. — Рудак откинулся на спинку кресла и заложил руки за голову. — Сначала спрошу все-таки я. Какое у вас образование?

— Окончил медицинский институт, институт журналистики и спецкурсы врача-межпланетника.

— И все это полтора века назад, — уточнил Рудак. — И больше ничего?

— Изъездил всю Планету, корреспондент, старая гиена пера... Область научных интересов — сравнительное языкознание.

— Так, — сказал Рудак. — И вы ничего не слышали о семи принципах Сунь Ситао?

— Ничего.

— И об алгебре информационных полей, конечно?

— Нет.

— И о фундаментальной теореме диссипации информации?

Женя безмолвствовал. Рудак подумал и сказал:

— Хорошо. Совету все ясно. Постараемся сделать все, что можем. Только слушайте очень внимательно и, если я занесусь, хватайте меня за заднюю ногу.

Вот что понял Женя. Коллектор Рассеянной Информации предназначался главным образом для собирания рассеянной информации, что, впрочем, явствовало из названия. Под рассеянной информацией понимались рассеянные в пространстве и времени следы любых событий и явлений. Первый принцип Сунь Ситао (единственный, который оказался доступен Жене) гласил, что ничто в природе и тем более в обществе не проходит бесследно, все оставляет следы. Подавляющее большинство этих следов находится в виде чрезвычайно рассеянной информации. В конечном счете они представляют собой энергию в той или иной форме, и проблема сбора очень осложняется тем, что за миллионы лет первичные формы претерпевают многократные изменения. Другими словами, следы накладываются друг на друга, смешиваются, частично стираются следами последующих событий и явлений. Теоретически любой след можно отыскать и восстановить — и след столкновения кванта света с молекулой в шкуре бронтозавра, и след зубов бронтозавра на древовидных папоротниках. Для отыскания, сортировки, сопоставления этих следов и для преобразования их в привычные формы информации — например, в изображение — был построен Великий КРИ.

О том, как работает Великий КРИ, у Жени составилось чрезвычайно смутное впечатление. Сначала ему представились миллиарды миллиардов кибернетических

инфузорий-микроинформаторов, которые тучами бродят по всему свету, забираясь до самых звезд, собирая рассеянные следы давно минувшего и стаскивая их в необъятные кладовые механической памяти. Затем воображение нарисовало ему паутину проводов, облепивших всю Планету, натянутых на гигантские башни, которые сотнями разбросаны по островам и материкам от полюса до полюса. Короче говоря, он так ничего и не понял, но решил не переспрашивать: он решил, что как-нибудь на досуге прослушает несколько раз диктофонную запись с соответствующими книжками перед глазами и тогда все поймет. А когда Рудак принялся рассказывать о результатах работы, Женя забыл даже об уродах.

— Нам удалось получить очень интересные картины и даже целые эпизоды, — говорил Рудак. — Конечно, подавляющее большинство материалов представляют собой брак — сотни и тысячи кадров, наложенных друг на друга, и фильтр информации просто выходит из строя при попытке разделить их. Но кое-что мы все-таки видели. Мы стали свидетелями вспышки сверхновой вблизи от Солнца сто миллионов лет назад. Мы видели драки динозавров и эпизоды из битвы при Пуатье, звездолеты пришельцев и еще что-то странное и непостижимое, чему мы не имеем пока ни соответствий, ни аналогий.

— А можно будет посмотреть? — с трепетом спросил Женя.

— А как же, можно... Но вернемся к теме дня.

Великий КРИ не был только коллектором рассеянной информации. Это была необычайно сложная и весьма самостоятельная счетно-логическая машина. В ее этажах, помимо миллиардов ячеек памяти и логических элементов, помимо всевозможных преобразователей и фильтров информации, имелись собственные мастерские, которыми она сама управляла. При необходимости она надстраивала себя, создавала новые элементы, строила модели и вырабатывала собственную информацию. Это открывало широкие возможности для использования ее не по прямому назначению. В настоящее время она, например, вела дополнительно всю калькуляцию австралийской экономической сферы, использовалась для решения многих задач общей кибернетики, выполняла функции тончайшего диагностика, имея при этом отделения во всех крупнейших городах Планеты и на некоторых внеземных базах. Кроме того, Великий КРИ взялся за «предсказание будущего».

Нынешний директор КРИ, ученик «гения кибернетики» покойного Сунь Ситао конголезец Августус Ломба, запрограммировал несколько задач, связанных с предсказанием поведения живого организма. С задачами по детерминизму поведения беспозвоночных КРИ справился сравнительно легко, и два года назад Ломба запрограммировал и ввел в машину задачу чрезвычайной сложности.

— Задача получила название «Буриданов баран». С молодого мериноса был снят биологический код по методу Каспаро—Карпова в тот момент, когда этот меринос находился между двумя кормушками с комбикормом. Этот код в сочетании с некоторыми дополнительными данными о баранах вообще был введен в КРИ. От машины требовалось: а) предсказать, какую кормушку меринос выберет, и б) дать психофизиологическое обоснование этого выбора.

— А как же насчет свободы воли? — осведомился Женя.

— Вот мы и хотим выяснить насчет этой самой свободы воли, — ответил Рудак. — Может быть, ее вовсе и нет.

Он помолчал.

— В контрольном эксперименте баран выбрал правую кормушку. Собственно, задача сводилась к вопросу: почему? Два года машина думала. Потом начала строить модели. Эффекторные машины часто решают задачи по моделям. Вот когда КРИ решал задачу о земляном черве, он построил такую превосходную модель, что мы у него украли идею и стали строить землепроходные устройства. Изумительные устройства.

Рудак задумался. Женя нетерпеливо заерзал на стуле.

— Вам неудобно? — осведомился Рудак.

— Нет-нет, мне просто очень интересно.

— Ах, вам тоже интересно? Как бы это вам рассказать, чтобы не соврать?

«Крутит он что-то», — подумал Женя и сказал:

— Наверное, я видел одну из этих моделей, про которые вы рассказываете. Этаким шест с зеркалом. Только вряд ли это модель барана. Даже Буриданова.

— В том-то и дело, — со вздохом сказал Рудак. — Никто не верит, что это модель барана. Папа Ломба, например, не поверил. Забрал все материалы по программированию и поехал в Центр проверять. — Рудак опять вздохнул. — Вот сегодня вечером он придет.

— А в чем, собственно, проблема? — спросил Женя.

— Проблема в том, что КРИ делает шесты на колесиках и семиногих жуков. Иногда еще такие плоские тарелки без ног, без рук, но с гироскопом. И никто не понимает, какое это имеет отношение к барану.

— Действительно, — задумчиво сказал Женя, — зачем барану так много ног?

Рудак посмотрел на него с подозрением.

— Действительно, зачем? — сказал он с неестественным энтузиазмом. Некоторое время они молча смотрели друг на друга. «Крутит. Ой, крутит, борода!» — думал Женя.

Рудак ловко, без помощи рук, поднялся на одной ноге.

— А теперь пойдете, товарищ Славин, я вас представлю заведующему фильмотекой.

— Еще один вопрос, — сказал Женя, перезаряжая диктофон. — Где он находится, ваш Великий КРИ?

— Вы на нем сидите. А сейчас встанете и пойдете. Он под землей, двадцать восемь этажей, шесть гектаров. Мозг, мастерские, энергогенераторы — все. Пошли.

Фильмотека КРИ находилась на другом конце поселка, в низком павильоне, на крыше которого блестели решетчатые щиты стереосинерамного демонстратора. Сразу за павильоном начиналась саванна.

В павильоне пахло озоном и кокосовым молоком. Заведующая фильмотекой сидела за столом и изучала через бинокулярный микроскоп роскошный фотоснимок сустава задней ноги. Заведующая была хорошенькой таитяжкой лет двадцати пяти.

— Здравствуй, девочка, — нежно пророкотал Рудак.

Заведующая оторвалась от микроскопа и расцвела улыбкой.

— Здравствуй, Польш, — сказала она.

— Вот это корреспондент Европейского центра товарищ Славин, — сказал Рудак. — Отнесись к нему с уважением. Покажи ему кадры двести шестьдесят семь, триста пятнадцать и семь тысяч пятьсот двенадцать...

— Если это вас не затруднит, конечно, — галантно добавил Женя.

Заведующая очень напоминала Шейлу.

— С удовольствием, — сказала заведующая. — А подготовлен ли товарищ Славин морально?

— Э-э... Как вы, товарищ Славин, подготовлены?

— Вполне, — уверенно ответил Женя.

— Тогда я оставляю вас, — сказал Рудак. — Меня ждут уродцы.

Он сделал ручкой и вышел. Было слышно, как он заорал на весь поселок: «Акитада! Привезли оборудование?» Ответа слышно не было. Заведующая вздохнула и сказала:

— Берите складной стул, товарищ Славин, и пойдете.

Женя вышел и уселся у стены павильона. Заведующая деловито прикинула высоту солнца, что-то подсчитала, шевеля губами, и вернулась в павильон.

— Кадр двести шестьдесят семь, — объявила она в раскрытое окно.

Солнечный свет померк. Женя увидел темно-фиолетовое ночное небо с яркими незнакомыми звездами. Низкие плоские облака протянулись над горизонтом, медленно возникли черные силуэты странных деревьев, похожих не то на пальмы, не то на

гигантские ростки цветной капусты. Звездные отсветы дрожали в черной воде. Затем над облаками возникло белое зарево. Оно разгоралось все ярче, уродливые тени заскользили по черной маслянистой поверхности, и вдруг из-за горизонта взрывом вынеслось ослепительно белое пульсирующее светило и рывками понеслось по небу, гася звезды. Серый туман заметался между стволами странных деревьев, замелькали радужные блики, и все исчезло. Перед Женей вновь была залитая солнцем саванна.

— Дальше идут сплошные помехи, — сказала заведующая.

— А что это было? — спросил Женя. Он ожидал большего.

— Это восход сверхновой. Больше ста миллионов лет назад. Она породила динозавров. Теперь кадр триста пятнадцатый. Это наша гордость. Пятьдесят миллионов лет спустя.

Снова исчезла саванна. Женя увидел серую, покрытую водой равнину. Из воды повсюду торчали мясистые стебли каких-то растений. Через равнину по колено в воде брело длинное серое животное. Женя не сразу понял, где у животного голова. Мокрое цистернообразное туловище, облепленное зеленой травой, равномерно сужалось к обоим концам и переходило в длинные гибкие хвост и шею. Затем Женя разглядел крохотную плоскую головку с безгубой жабьей пастью. В повадках чудовища было что-то куриное — на каждом шагу оно ныряло головой в воду и сразу вздергивало голову, быстро-быстро перетирая в пасти какую-то зелень.

— Диплодок, — сказала заведующая. — Длина двадцать четыре метра.

Затем Женя увидел другое чудовище. Оно змеиными движениями скользило рядом с первым, оставляя за собой полосу взбаламученной воды. Один раз оно едва увернулось от колоннообразной ноги диплодока, и на мгновение Женя увидел громадную бледную зубастую пасть. «Что-то будет?» — подумал он. Это было гораздо интереснее вспышки сверхновой. Диплодок, видимо, не подозревал о своем зубастом спутнике либо просто не обращал на него внимания. А тот, ловко лавируя вокруг его ног, подобрался поближе к голове, рывком высунулся из воды, моментально скусил голову и нырнул в сторону.

Женя закрыл рот, стукнув зубами. Картина была необычайно яркая и четкая. На секунду диплодок остановился, высоко вздернул обезглавленную шею и... пошел дальше, все так же размеренно погружая кровотокающий обрубок в мутную воду. И только через несколько шагов у него подогнулись передние ноги. А задние продолжали ступать, и громадный хвост беспечно подергивался из стороны в сторону. Шея в последний раз взмыла в небо и бессильно плюхнулась в воду. Передняя часть туловища стала заваливаться набок, а задняя все продолжала двигаться вперед. Но вот подломились и задние ноги, и тотчас из мутной вспененной воды вынырнули и кинулись десятки оскаленных зубастых пастей...

— Ф-фу! — сказал Женя, вытирая пот. — Страшное зрелище...

— Типичная сцена охоты хищных динозавров на крупного диплодока, — деловито пояснила заведующая. — Они непрерывно жрали друг друга. Почти вся информация, которую мы получаем от тех эпох, — это непрерывное пожирание. Но как вам понравилось качество изображения, товарищ Славин?

— Качество отличное, — сказал Женя. — Только почему-то все время мигает...

Над кронами акаций с грохотом пронеслась пузатая шестимоторная машина. Заведующая выбежала из павильона.

— Аппаратура! — крикнула она. — Пойдемте, товарищ Славин, это привезли аппаратуру!

— Позвольте! — завопил Женя. — А еще? Вы обещали показать мне еще!

— Не стоит, право, не стоит, — убедительно сказала заведующая. Она поспешно складывала стул. — Не знаю, что это взбрело Полю в голову. Семь тысяч пятьсот двенадцать — это резня в Константинополе... Пятнадцатый век... Качество изображения превосходное, но... Настолько неприятное зрелище... Право, не стоит, товарищ Славин... Лучше пойдемте посмотрим, как Поль будет ловить уродцев.

Громадный шестивинтовый вертолет сел недалеко от того места, где Женя оставил свой птерокар, и разгрузка оборудования была в разгаре. Из распахнутых трюмов выкатывали платформы на высоких колесах, груженные желтыми матовыми ящиками. Ящики свозились к подножию одной из акаций, где в развилке между двумя мощными корнями неутомимый Рудак руководил сборкой. Его зычный голос разносился далеко по вечерней саванне.

Заведующая фильмотекой извинилась и убежала куда-то. Женя принялся описывать неуверенные круги вокруг Рудака. Его одолевала любознательность. Платформы на высоких колесах подкатывали, разгружались и уезжали, «слуги КРИ» — парни и девушки — устанавливали и свинчивали желтые ящики, и под акацией вскоре обозначились контуры громоздкой угловатой установки. Рудак ворочался где-то в ее недрах, гудел, свистел и раскатисто покрикивал. Было шумно и весело.

— Стронг и Джой, займитесь интравизором!

— Трам-гара-рам-тарам-пам-пам! Давайте замыкающую, кто там!

— Фидеры! Куда запропастились фидеры?

— О ла-ла! Еще правее! Вот так...

— Фрост, на разгрузку!

Женю беззлобно толкали под бока и просили убраться в сторонку. Громадный вертолет разгрузился наконец, взревел, подняв ветер и клочья травы, и ушел из-под акации на посадочную площадку. Из-под установки выполз на четвереньках Рудак, встал, отряхнул ладони и сказал:

— Ну, можно начинать. Давайте все по местам.

Он вскочил на платформу, где был установлен небольшой пульт управления. Платформа крякнула.

— Молись, Великий КРИ! — заорал Рудак.

— Станислав еще не вернулся! — крикнул кто-то.

— Вот беда! — сказал Рудак и слез с платформы.

— А профессор Ломба знает? — робко спросила худенькая, остриженная под мальчика девица.

— Профессор узнает, — внушительно сказал Рудак. — Где же Станислав?

На полянке перед акацией вспучилась и треснула земля. Женя подскочил на целый метр. Ему показалось, что из травы высунулась бледная зубастая пасть динозавра.

— Наконец-то! — сказал Рудак. — Я уже беспокоиться начал: кислород-то у него кончился минуту назад...

Из-под земли медленно и неуклюже вытягивалось металлическое кольчатое тело в полметра толщиной, похожее на громадного дождевого червя. Оно все ползло и ползло, и неизвестно было, сколько колец его еще прячется под землей, когда передняя его часть быстро завертелась, отвинчиваясь, и свалилась в траву. Из черного отверстия высунулась багровая, с широко разинутым ртом мокрая физиономия.

— Ого-го! — заревел Рудак. — С легким паром, Станислав!

Физиономия свесилась через край, сплюнула и сиплым голосом объявила:

— У него там целый арсенал. Целые армады ползучих тарелок. Вытащите-ка меня отсюда...

Кольчатый червь все лез и лез из земли, и красное заходящее солнце играло на его металлических боках.

— Начнем, — объявил Рудак и снова взобрался на платформу.

Он разгладил налево и направо бороду, скорчил зверскую рожу девицам, столпившимся внизу, и жестом пианиста положил руки на пульт. Пульт вспыхнул индикаторными лампочками.

И сейчас же все затихло на поляне. Женя, взводя киноаппарат, с беспокойством отметил, что несколько человек торопливо вскарабкались на акацию и расселись на

ветвях, а девушки теснее придвинулись к платформе. На всякий случай он тоже подошел поближе к платформе.

— Стронг и Джой, приготовились! — громовым голосом сказал Рудак.

— Приготовились! — откликнулись два голоса.

— Пою на главной частоте. Подпевайте в крыльях. И побольше шуму.

Женя ожидал, что все сейчас запоют и забарабанят, но стало еще тише. Прошла минута.

— Повысить напряжение, — негромко приказал Рудак.

Прошла еще минута. Солнце зашло, на небе высыпали крупные звезды. Где-то лениво прокричал эму. Девушка, стоявшая рядом с Женей, судорожно вздохнула. Вдруг наверху, на ветке акации, зашевелились, и чей-то дрожащий от возбуждения голос крикнул:

— Да вот же они! Вон там, на поляне! Вы не туда смотрите!

Жене не было видно, куда надо смотреть, и он не знал, кто должны быть «они» и чего от них можно было ждать. Он поднял киноаппарат, попятился еще немного, тесня к платформе девушек, и вдруг он увидел. Сначала он подумал, что ему показалось. Что это просто плывут пятна в утомленных глазах. Черная под звездами саванна шевелилась. Неясные серые тени возникли на ней, молчаливые и зловещие, зашелестела трава, что-то скрипнуло, послышался дробный перестук, звяканье, потрескивание. И в одно мгновение тишина наполнилась густыми невнятными шорохами.

— Свет! — рявкнул Рудак. — Идут зольдатики!

С акации откликнулись радостным воем. Посыпались сухие листья и сучья. В тот же миг над поляной вспыхнул ослепительный свет.

Через саванну шла армия Великого КРИ. Она шла сдаваться. Такого парада механического уродства Женя не видел еще никогда в жизни. Очевидно, слуги Великого КРИ тоже видели такое впервые. Гомерический хохот потряс акацию. Конструкторы, испытанные бойцы за механическое совершенство, неистовствовали. Они гроздьями валились с ветвей и катались по поляне.

— Нет, ты посмотри! Ты только посмотри!

— Семнадцатый век! Кулиса Ватта!

— Где Робинзон? Робинзон, это ты считал, что КРИ умнее тебя?

— Ура Робинзону! Качать Робинзона!

— Ребята, да подоприте же кто-нибудь эти колеса! Они не доедут до нас!

— Мальчики! Мальчики! Посмотрите! Паровая машина!

— Тележка Кювье!

— Автора! Автора!

Ужасные страшилища двигались на поляну. Кособокие трехколесные велосипеды на паровом ходу. Гремящие жестью тарелкоподобные аппараты, от которых летели искры и смердело горелым. Знакомые уже септоподы, неистово лягающиеся знаменитой задней ногой. Паукообразные механизмы на длинейших проволочных ногах, которыми они то и дело спутывались. Позади, уныло вихляясь, приближались шести на колесиках с поникшими зеркалами на концах. Все это тащилось, хромало, толкалось, стучало, ломалось на ходу и исходило паром и искрами. Женя самозабвенно водил киноаппаратом.

— Я больше не слуга! — орал кто-то с акации.

— И я тоже!

— А что задних ног-то!

Передние ряды механических чудовищ, достигнув поляны, остановились. Задние карабкались на них и тоже замирали в куче, перепутавшись, растопырив уродливые сочленения. Поверх упали с деревянным стуком, ломаясь пополам, шести на колесиках. Одно колесо, звеня пружинками, докатилось до платформы, покрутилось и улеглось у Жениных ног. Тогда Женя оглянулся на Рудака. Рудак стоял на платформе, уперев руки в бока. Борода его шевелилась.

— Ну вот, ребята, — сказал он, — отдаю это вам на поток и разграбление. Теперь мы, наверное, узнаем, как и почему они тикают.

Победители набросились на павшую армию.

— Неужели Великий КРИ построил все это, чтобы изучать поведение Буриданова барана? — с ужасом спросил Женя.

— Отчего нет? — сказал Рудак. — Очень даже может быть. Даже наверное. — Он подмигнул с необыкновенной хитростью. — Вообще-то, конечно, ясно, что здесь что-то не в порядке.

Мимо два здоровенных конструктора проволокли за заднюю ногу небольшого металлического жука. Как раз напротив платформы нога оторвалась, и конструкторы повалились в траву.

— Уродцы, — пробурчал Рудак.

— Я же говорил, что она слабо держится, — сказал Женя.

Резкий старческий голос врезался в веселый шум:

— Что здесь происходит?

Мгновенно наступила тишина.

— Ай-яй-яй, — шепотом сказал Рудак и слез с платформы. Жене показалось, что Рудак как-то сразу усох.

К платформе, прихрамывая, приближался старый седой негр в белом халате. Женя узнал его — это был профессор Ломба.

— Где здесь мой Поль? — зловеще-ласковым голосом спрашивал он. — Дети, кто мне скажет, где мой заместитель?

Рудак молчал. Ломба шел прямо на него. Рудак попятился, наткнулся спиной на платформу и остановился.

— Так что же здесь происходит, Поль, сыночек? — спросил Ломба, подходя вплотную.

Рудак печально ответил:

— Мы перехватили управление у КРИ... и согнали всех уродцев в одну кучу...

— Ах, уродцев? — вкрадчиво сказал Ломба. — Важная проблема! Откуда берется седьмая нога? Важная проблема, дети мои! Очень важная проблема!

Неожиданно он схватил Рудака за бороду и потащил его на середину поляны сквозь расступившуюся толпу.

— Посмотрите на него, дети! — вскричал он торжествующе. — Мы изумляемся! Мы ломаем голову! Мы впадаем в отчаяние! Мы воображаем, что КРИ перехитрил нас!

С каждым «мы» он дергал Рудака за бороду, словно звонил в колокол. Голова Рудака покорно раскачивалась.

— А что случилось, учитель? — робко спросила какая-то девушка. По ее лицу было видно, что ей очень жалко Рудака.

— Что случилось, деточка? — Ломба наконец отпустил Рудака. — Старый Ломба едет в Центр. Отрывает от работы лучших специалистов. И что он узнаёт? О стыд! Что он узнаёт, ты, рыжий паршивец? — Он снова схватил Рудака за бороду, и Женя торопливо застрекотал аппаратом. — Над старым Ломбой смеются! Старый Ломба стал посмешищем всех кибернетистов! О старом Ломбе уже рассказывают анекдоты! — Он отпустил бороду и постучал костлявым кулаком в широченную грудь Рудака. — Ну-ка ты, осадная башня! Сколько ног у обыкновенного австралийского меринуса? Или, может быть, ты забыл?

Женя вдруг заметил, что несколько молодых людей при этих словах принялись пятиться с явным намерением затереться в толпу.

— Программистов не выпускать, — не поворачивая головы, приказал Ломба.

В толпе зашумели, и молодые люди были выпихнуты на середину круга.

— Что делают эти интеллектуальные пираты? — спросил Ломба, круто поворачиваясь к ним. — Они показывают в программе семь ног у барана...

Толпа зашумела.

— Они лишают барана мозжечка...

В толпе начался хохот, как показалось Жене — одобрительный.

— Бедный, славный, добросовестный КРИ! — Ломба воздел руки к небесам. — Он громоздит нелепость на нелепость! Мог ли он предположить, что его рыжебородый хулиганствующий хозяин даст ему задачу о пятиугольном треугольнике?

Рудак уныло пробубнил:

— Больше не буду. Честное слово, не буду.

Толпа с хохотом лупила программистов в гулкие спины.

Женя ночевал у Рудака. Рудак постелил ему в кабинете, тщательно расчесал бороду и ушел обратно к акациям. В раскрытое окно заглядывала громадная оранжевая луна, расчерченная серыми квадратами Д-космодромов. Женя смотрел на нее и весело хихикал, с наслаждением перебирая в памяти события дня. Он очень любил такие дни, которые не пропадали даром, потому что удавалось познакомиться с новыми хорошими, веселыми или просто славными людьми. С такими, как вдумчивый Парнкала, или великолепный Рудак, или Ломба-громовержец...

«Об этом я обязательно напишу, — подумал он. — Обязательно! Как веселые, умные молодые ребята на свой страх и риск вложили заведомо бессмысленную программу в необычайно сложную и умелую машину, чтобы посмотреть, как эта машина будет себя вести. И как она себя вела, тщетно тужась создать непротиворечивую модель барана с семью ногами и без мозжечка. И как шла через черную теплую саванну армия этих уродливых моделей, шла сдаваться рыжебородому интеллектуальному пирату. И как интеллектуального пирата таскали за бороду — наверное, не в первый и не в последний раз... Потому что его очень интересуют задачи о пятиугольных треугольниках и о квадратных шарах... которые ранят достоинство честной добросовестной машины... Это может получиться хорошо — рассказ об интеллектуальном хулиганстве...»

Женя заснул и проснулся на рассвете. В столовой тихонько гремели посудой и рассуждали вполголоса:

— ...Теперь все пойдет как по маслу. Папаша Ломба успокоился и заинтересовался.

— Еще бы, такой материалище по теории машинных ошибок!

— Ребята, а КРИ оказался все же довольно примитивен. Я ожидал от него большей выдумки.

Кто-то вдруг захохотал и сказал:

— Семиногий баран без малейших признаков органов равновесия! Бедный КРИ!

— Тише, корреспондента разбудишь!

После длинной паузы, когда Женя уже начал дремать, кто-то вдруг сказал с сожалением:

— А жалко, что все уже позади. Как было интересно! О семиногий баран! До чего грустно, что больше нет твоей загадки!

Естествознание в мире духов

Лаборант Кочин на цыпочках приблизился к двери и заглянул в спальню. Ридер¹ спал. Это был довольно пожилой ридер, и лицо у него было очень несчастное. Он лежал на боку, подложив ладони под щеку. Когда Кочин приоткрыл дверь, ридер зачмокал и явственно произнес:

— Я еще не выспался. Я хочу спать.

Кочин подошел к постели и потрогал его за плечо:

— Пора, товарищ Питерс. Вставайте, пожалуйста...

Питерс открыл мутные глаза.

¹ Ридер — человек, способный непосредственно воспринимать и расшифровывать чужие мысли (*фантастич.*).

— Еще полчасика! — жалобно сказал он.

Кочин сокрушенно покачал головой:

— Нельзя, товарищ Питерс. Если вы переспите...

— Да, — сказал ридер со вздохом, — я отупею. — Он сел и потянулся. — Ты знаешь, какой мне сейчас снился сон, Джордж? Мне снилось, что я у себя на ферме, на Юконе. Будто вернулся с Венеры мой сын и я показываю ему бобровый заповедник. Ты знаешь, какие у меня бобры, Джордж? Они совсем как люди.

Ридер вылез из постели и принялся делать гимнастику. Кочин знал, что сын Питерса два года назад погиб на Венере, что Питерс очень скучает по своей жене, что он не доверяет своим молодым помощникам на ферме и очень беспокоится о бобрах, что ему очень тоскливо и нудно здесь и не нравится то, чем он здесь занимается...

— Ничего! — сказал Питерс, энергично вращая волосатым торсом. — Не надо меня жалеть, Джорджи-бой! Я ведь понимаю: раз нужно, значит, нужно, и никуда не денешься...

Кочин мучительно покраснел. Кажется, он никогда не научится держать себя в присутствии ридера. Все время получают какие-то неловкости...

— Ты добрый мальчик, Джорджи, — ласково сказал Питерс. — Обычно люди не любят, когда читают их мысли. Поэтому мы, ридеры, предпочитаем уединение, а уж когда появляемся на людях, стараемся побольше болтать — ведь наше молчание очень часто принимают за некий производственный процесс. Здесь у вас один молодой петушок в моем присутствии все время твердит про себя какие-то математические формулы. И что же? Я не понимаю ни одной формулы, но зато ясно чувствую, что он до смерти боится, как бы я не угадал его нежности в отношении одной молодой особы...

Питерс взял полотенце и отправился в ванную. Кочин поспешно стер со лба холодную испарину. «Слава богу, что я ни в кого не влюблен! — фальшиво подумал он. — Катенька могла бы обидеться. Превосходнейшие люди эти ридеры! Интересно, слышит он что-нибудь через дверь ванной? Мы, конечно, здорово досаждаем ему своими опытами, но и он не остается в долгу... Молодой петушок — это, конечно, Петька Быстров. А интересно, к кому это у него нежность?»

— Этого я вам не скажу, — заявил Питерс, появляясь в дверях ванной. Он натягивал свитер. — Ладно, Джорджи, я готов. Куда сегодня? Опять в камеру пыток?

— Опять, — сказал Кочин. — Как всегда. Может быть, позавтракаете? У вас еще четверть часа.

— Нет, — сказал Питерс. — От еды я тоже тупею. Дайте мне только глюкозы.

Он засучил рукав. Кочин достал из кармана плоскую коробку с ампулами активированной глюкозы, взял одну ампулу и прижал ее присоском к вздувшейся вене на руке Питерса. Когда глюкоза всосалась, Питерс щелчком сбил пустую ампулу и опустил рукав.

— Ну, пошли страдать, — сказал он со вздохом.

Институт Физики Пространства был построен лет двадцать назад на острове Котлин в Финском заливе. Старый Кронштадт был снесен окончательно, остались только серые замшелые стены древних фортов и золотой памятник участникам Великой Революции в парке научного городка. К западу от Котлина был создан искусственный архипелаг, на котором располагались ракетодомы, аэродромы, энергоприемники и энергостанции института. Крайние к западу острова архипелага были заняты так называемыми «громкими» лабораториями — время от времени там бухали взрывы и занимались пожары. Теоретические работы и «тихие» эксперименты велись в длинных плоских зданиях собственно института на Котлине.

Институт работал на переднем крае науки. Диапазон работ был необычайно широк. Проблемы тяготения. Деритринитация. Вопросы новой физической аксиоматики. Теория дискретного пространства. И многие, многие более специальные, более узкие проблемы.

Нередко институт брался за разработку проблем, казавшихся и в конечном счете оказывавшихся безнадежно сложными и недоступными. Экспериментальный подход к этим проблемам требовал зачастую чудовищных расходов энергии. Руководство института то и дело беспокоило Мировой Совет однообразными просьбами дать часовую, двухчасовую, а иногда и суточную энергию Планеты. В ясную погоду ленинградцы могли видеть над горизонтом блестящие шары гигантских энергоприемников, установленных на крайних островах «Котлинского архипелага». Какой-то остряк (из Комитета Ресурсов) назвал эти энергоприемники «бочками Данаид», имея в виду, что энергия Планеты проваливается туда, как в бездонные бочки, без видимого результата; и в Совете многие довольно ядовито прохаживались относительно деятельности института, но энергию давали безотказно, потому что считали, что человечество богато и может себе позволить расходы на проблемы послезавтрашнего дня. Даже в разгар работ на Большой Шахте, прорывавшейся к центру Планеты.

Четыре года назад группа сотрудников института произвела опыт, имеющий целью замерить распределение энергии при сигма-деритринитации. На окраине Солнечной системы, далеко за орбитой Трансплутона, два спаренных автоматических космолета были разогнаны до релятивистских скоростей и приведены в столкновение при относительной скорости 295 тысяч километров в секунду. Взрыв был ужасен; масса обоих звездолетов почти целиком перешла в излучение, звездолеты исчезли в ослепительной вспышке, оставив после себя реденькое облачко металлического пара. Закончив измерения, сотрудники обнаружили дефект энергии: относительно очень малая, но вполне ощутимая доля энергии «исчезла». С качественной стороны в результате опыта не было ничего странного. Согласно теории сигма-деритринитации, определенная доля энергии и должна была исчезнуть в данной точке пространства, с тем чтобы выделиться в том или ином виде в каких-то, может быть, весьма удаленных от места эксперимента областях. В этом, собственно, и состояла сущность сигма-Д-принципа, и нечто подобное произошло в свое время с известным «Таймыром». Но с количественной стороны дефект энергии превзошел расчетную величину. Часть энергии «исчезла» неизвестно куда. Для объяснения возникшего противоречия с законами сохранения были привлечены два соображения. Одним из них была гипотеза о том, что энергия выделилась в неизвестной пока форме, например, в виде неизвестного науке поля, для улавливания и учета которого еще не существовало приборов. Другим — послужила теория взаимопроникающих пространств.

Теория взаимопроникающих пространств была разработана задолго до описанного эксперимента. Эта теория представляла мир в виде, может быть, бесконечной совокупности взаимопроникающих пространств с весьма различными физическими свойствами. Именно это различие в свойствах позволяло пространствам физически сосуществовать, не взаимодействуя друг с другом сколько-нибудь заметным образом. Вообще говоря, это была абстрактная теория, она так и не привела к конкретным формулам, которые можно было бы проверить на опыте. Однако из теории следовало, что различные формы материи обладают неодинаковой способностью проникать из одного пространства в соседствующее. Доказывалось также, что проникновение происходит тем легче, чем больше концентрация энергии. Концентрация энергии электромагнитного поля в опыте с космолетами была громадна. Это позволяло предположить, что «утечка» энергии объясняется переходом энергии из нашего пространства в какое-то соседнее пространство. Данных было мало, но идея была настолько заманчива, что в институте у нее сразу же нашлись сторонники.

За экспериментальную разработку теории взаимопроникающих пространств взялись сотрудники отдела физики дискретного пространства. Они сразу же отказались от громоздких, опасных и не слишком точных опытов, связанных с поглощениями и выделениями огромных энергий. К тому же при таких опытах оставался открытым вопрос о неизвестных полях. Исследования пространственной проницаемости планировалось

вести над самыми разнообразными полями: гравитационным, электромагнитным, ядерным. Но основным козырем и главной надеждой являлась блестящая идея одного из сотрудников, подметившего замечательное сходство между психодинамическим полем человеческого мозга и гипотетическим «полем связи», общее математическое описание которого было найдено теорией взаимопроникающих пространств еще в те времена, когда исследователи психодинамики не имели математического аппарата. Гипотетическое «поле связи» было полем, обладавшим, согласно теории, максимальной способностью проникать из заданного пространства в соседствующее. Достаточно чутких искусственных приемников психодинамического поля (а значит, и «поля связи») не существовало, и в бой были брошены ридеры.

На Планете было десять миллиардов человек и всего сто двадцать два зарегистрированных ридера. Ридеры «читали» мысли. Загадка этой необычайной способности была еще, по-видимому, очень далека от разрешения. Ясно было только, что ридеры удивительно чутки к психодинамическому излучению человеческого мозга и что эта чуткость прирожденная. Некоторые ридеры были очень сильны: они воспринимали и расшифровывали мысль человека, удаленного на тысячи тысяч километров. Другие воспринимали психодинамические сигналы лишь в пределах нескольких шагов. Парапсихологи спорили, являются ли ридеры первой ласточкой, возвещающей о появлении на эволюционной лестнице нового человека, или это просто атавизм, остаток таинственного шестого чувства, помогавшего некогда нашим предкам ориентироваться в дремучих первобытных лесах. Наиболее мощные ридеры работали на станциях дальней связи, дублируя обычную радиосвязь с далекими экспедициями. Многие ридеры работали врачами. А многие занимались в областях, никак не связанных с «чтением мыслей».

Как бы то ни было, работники института физики пространства надеялись, что ридеры сумеют хотя бы просто «подслушать» «поле связи». Это было бы замечательным подтверждением теории взаимопроникающих пространств. По приглашению института на Котлин съехались лучшие ридеры Планеты. Замысел опыта был прост. Если «поле связи» между соседствующими пространствами существует, то оно, по теории, должно быть очень похоже на психодинамическое поле человеческого мозга и должно, следовательно, восприниматься ридерами. Если ридера изолировать в специальной камере, защищенной от внешнего мира (в том числе от человеческих мыслей) толстым слоем мезовещества, то в этой камере останется только гравитационное поле Земли, безразличное к психодинамическому полю и к гипотетическому «полю связи», приходящему из соседствующих пространств. Конечно, такая постановка опыта была далека от идеальной. Решающим мог быть только положительный результат. Отрицательный результат не говорил ни о чем — он не опровергал и не подтверждал теории. Но пока это была единственная возможность. Ридеров активизировали нейтринным облучением, увеличивающим чувствительность мозга, помещали в камеры и оставляли «слушать».

Питерс и Кочин неторопливо шли по главной улице научного городка. Утро было туманное, немного сырое, солнце еще не взошло, но впереди, далеко-далеко, на огромной высоте отсвечивали розовым решетчатые башни энергоприемников. Питерс шагал, заложив руки за спину, и мурлыкал себе под нос песенку про то, как «Джонни каминг даун ту Хайлоу, пуар олд мэн». Кочин с независимым видом шел рядом и старался ни о чем не думать. У одного из коттеджей Питерс вдруг перестал петь и остановился.

— Надо подождать, — сказал он.

— Зачем? — осведомился Кочин.

— Сиверсон просит меня подождать. — Питерс кивнул в сторону коттеджа. — Он уже надевает пальто.

«Раз-два-три, пионеры мы, — сказал про себя Кочин. — Два ридера — это ровно в два раза... пятью пять одиннадцать — или что-то в этом роде».

— Разве Сиверсон один? У него нет провожатого?

— Пятью пять будет двадцать пять, — ворчливо сказал Питерс. — И я не знаю, почему вы не дали Сиверсону провожатого.

В дверях коттеджа появился Сиверсон, застегивая пальто под подбородком.

— Не бранитесь, молодой человек, — строго сказал он Кочину. — В ваши годы мы были вежливее...

— Ну-ну, Сиверсон, старина, — сказал Питерс. — Ты сам знаешь, что ты этого не думаешь... Спасибо, я спал хорошо. И ты знаешь, мне снились бобры. И будто прилетел с Венеры мой Гарри...

Сиверсон спустился на тротуар и взял Питерса под руку.

— Пошли, — сказал он. — Бобры... Я сам чувствую себя бобром эти последние дни. Тебе, по крайней мере, снятся сны, а вот мне... Я тебе рассказывал, что у меня родилась внучка, Питерс?.. Рассказывал... Так я не могу увидеть ее даже во сне, потому что еще ни разу не видел наяву... И мне стыдно, Питерс. На старости лет заниматься такой ерундой!.. Конечно, ерунда, не противоречь мне...

Кочин плелся позади пары маститых ридеров и повторял про себя: «Интеграл от нуля до бесконечности, «е» в степени минус икс квадрат, корень из «пи» пополам... Окружностью называется геометрическое место точек, равноудаленных...»

Старый Сиверсон бубнил:

— Я врач, в своем поселке я знаю всех до седьмого колена вверх и вниз, и меня все знают... Всю жизнь я слушаю мысли людей... Всю жизнь каждый день я приходил к кому-нибудь на помощь, потому что я слышал их мысли... Сейчас мне стыдно и душно, стыдно и душно сидеть в полном одиночестве в этих дурацких казематах и слушать — что? — шепот призраков! Шепот выдуманных духов, порожденных чьим-то бредовым воображением! Не противоречь мне, Питерс, я вдвое старше тебя!

Неписанный кодекс ридеров запрещал им разговор мыслями в присутствии неридера. Кочин был неридер, и он присутствовал. Он повторял про себя: «Математическое ожидание суммы случайных величин равно сумме их математических ожиданий... Сказать бы пару словечек этому... Значит, сумме их математических ожиданий... математических ожиданий...»

— Нас оторвали от привычной работы... — продолжал брюзжать Сиверсон. — Нас загнали в этот серый туман... Не спорь, Питерс, именно загнали! Меня загнали! Я не мог отказаться, когда меня просили, но ничто не мешает мне рассматривать эту просьбу как насилие над личностью... Не спорь, Питерс, я старше тебя! Никогда в жизни мне не приходилось жалеть, что я ридер... Ах, ты жалел? Ну, это твое дело. Разумеется, бобрам не нужен ридер... А людям, больным и страждущим людям, нужен...

— погоди, старина, — сказал Питерс. — Как видишь, ридеры нужны и здоровым... Здоровым, но страждущим...

— Это кто здесь здоровые? — вскричал Сиверсон. — Эти физики-алхимики? А как ты думаешь, почему я до сих пор не уехал отсюда? Не могу же я, черт возьми, их огорчать! Нет, молодой человек, — он внезапно остановился и повернулся к Кочину, — таких, как я, немного! Таких старых и опытных ридеров! И можете не бормотать свою абракадабру, я прекрасно слышу, куда вы меня посылаете! Питерс, не защищай молокососа, я знаю, что говорю! Я старше вас всех, помноженных друг на друга!

«Шестьдесят два умножить на двадцать один, — упорно думал Кочин, красный и мокрый от злости. — Это будет... Это будет... Шестью два... Врешь, старикашка, не может тебе быть столько лет... И вообще... «По небу полуночи ангел летел...» Кто сочинил? Лермонтов...»

Над городком разнесся хрипловатый голос репродуктора: «Внимание, товарищи! Передаем предупреждение местной микропогодной станции. С девяти часов тридцати минут до десяти часов пяти минут над восточной оконечностью острова Котлин будет пролит дождь средней обильности. Западная граница зоны дождя — окраина парка.»

— Ты предусмотрителен, Сиверсон, — сказал Питерс, — ты надел пальто.

— Я не предусмотрителен, — проворчал Сиверсон. — Просто я взял решение синоптиков еще в шесть утра, когда они его обсуждали...

«Вот это да!» — с восхищением подумал Кочин.

— Ты очень сильный ридер, — с большим уважением сказал Питерс.

— Чепуха! — резко ответил Сиверсон. — Двадцать три километра. Ты бы тоже взял эту мысль, но ты спал. А меня мучает бессонница на этом туманном острове.

Когда они вышли на окраину городка, их нагнал третий ридер. Это был молодой ридер, очень представительный на вид, с холеной уверенной физиономией. Он живописно драпировался в модную золотистую тогу. Сопровождал его Петя Быстров.

Пока ридеры обменивались безмолвными приветствиями, Петя Быстров, воровато на них поглядев, провел ладонью по горлу и одними губами сказал:

— Ох, и плохо же мне!

Кочин развел руками.

Сначала ридеры шли молча. Кочин и Быстров, понурившись, следовали за ними в нескольких шагах. Вдруг Сиверсон заорал надтреснутым фальцетом:

— Извольте говорить словами, Мак-Конти! Извольте говорить словами в присутствии молодых людей — неридеров!

— Сиверсон, старина! — укоризненно сказал Питерс.

Мак-Конти шикарным жестом махнул полой тоги и надменно сказал:

— Что ж, могу повторить и словами! Мне нечего скрывать. Я ничего не могу взять в этих дурацких камерах. Там нечего брать. Уверяю вас, там совершенно нечего брать.

— Это вас не касается, молодой человек! — заклекотал Сиверсон. — Я старше вас и тем не менее сижу здесь и не жалуясь и буду сидеть до тех пор, пока это нужно ученым! И раз ученые просят нас сидеть здесь, значит, у них есть для этого основания! («Сиверсон, старина!» — сказал Питерс.) Да-да, это, конечно, скучнее, нежели торчать на перекрестках, закутавшись в безобразную золотую хламиду, и подслушивать чужие мысли! А потом изумлять девиц! Не спорьте со мной, Мак-Конти, вы делаете это!

Мак-Конти увял, и некоторое время все шли молча. Затем Питерс сказал:

— К сожалению, Мак-Конти прав. То есть не в том, что он подслушивает чужие мысли, конечно... Я тоже ничего не могу взять в камере. И ты тоже, Сиверсон, старина. Боюсь, что эксперимент проваливается.

Сиверсон что-то неразборчиво проворчал.

— И все же, — сказал Мак-Конти, — этот эксперимент при всей его бессмысленности сыграл свою роль для нас, ридеров. Кажется, впервые все лучшие ридеры Планеты собрались вместе. Я думаю, нам следует воспользоваться случаем и обсудить целый ряд наших дел. Я активно работаю над проектом первого съезда ридеров. Нас немного, но мы сила, и нам давно пора объединиться в некоторую профессиональную единицу. Пора потребовать у людей особых прав для ридеров. Ваше мнение, Питерс?

Питерс медленно сказал:

— Во-первых, не «Питерс», а «товарищ Питерс». Во-вторых, вашу идею профессионального объединения... успокойся, Сиверсон... я считаю вредным бредом. Вы начитались скверных книжек о тайных организациях, Мак-Конти. Сиверсон, старина, успокойся, еще раз прошу тебя. В-третьих. Вы собираетесь требовать особых прав у людей? А вы кто? Марсианин? Кто вас вырастил и воспитал, Мак-Конти? Чей вы хлеб едите? И кто вам дал вот это? — Питерс двумя пальцами взял и приподнял полу роскошной тоги. — Какой срам, Мак-Конти!

Воцарилось молчание, и так в молчании они дошли до здания института. У подъезда Сиверсон сказал:

— Хорошо, что сначала вы обратились со своим предложением к нам, Мак-Конти. Люди помоложе попортили бы вам тогу. Я вас очень попрошу зайти ко мне сегодня вечером, часов в восемь. До свидания, ридер Мак-Конти. И поберегите вашу тогу. Хотя бы до вечера.

Тяжелая плита титанистой стали, покрытая с двух сторон блестящим слоем мезовещества, медленно опустилась, и Питерс остался один. Он сел в кресло перед пустым столиком и приготовился скучать десять часов подряд. По условиям эксперимента не рекомендовалось ни читать, ни писать. Нужно было сидеть и «слушать» тишину. Тишина была полная. Мезозащита не пропускала извне ни одной мысли, и здесь, в этой камере, Питерс впервые в жизни испытал удивительно неприятное ощущение глухоты. Наверное, конструкторы камер и не подозревали, как благоприятна для эксперимента эта тишина. «Оглохший» ридер вольно или невольно напряженно вслушивался, стараясь уловить хотя бы тень сигнала. Кроме того, конструкторы не знали, каких мучений стоит ридерам, привыкшим к постоянному шуму человеческих мыслей, отсидеть десять часов в глухой камере. Питерс назвал камеру камерой пыток, и многие ридеры подхватили это название.

«Я отсидел здесь уже сто десять часов, — думал Питерс. — Сегодня к концу дня будет сто двадцать. И ничего. Никаких следов пресловутого «поля связи», о котором так много думают наши бедные физики. Все-таки сто с лишним часов — это много. На что же они рассчитывают? Сотня ридеров, каждый просидел примерно по сто часов, — это десять тысяч часов. Десять тысяч часов без всякой пользы. Бедные, бедные физики! И бедные, бедные ридеры! И бедные, бедные мои бобры! Пит Белантайн — сопляк, мальчишка, зоолог без году неделя... Чует мое сердце, что он запоздает с подкормкой. На декаду он наверняка опоздает. Надо сегодня же вечером дать еще одну радиограмму. Но ведь он упрям, как осел, он ничего не желает слышать об юконской специфике... И Винтер тоже сопляк, мямля! — Питерс рассвирепел. — И Юджин — зеленая самодовольная дура... Бобров надо любить! Любить нежно! Любить всем сердцем! Чтобы они сами выползали к тебе на берег и тыкались мордочками тебе в ладони! У них такие славные, потешные мордочки... А у этих... звероводов на уме одни проблемы... Звероведение! Как с одного бобра снимать две шкурки! Да еще заставить отрастить третью! Эх, Гарри нет у меня... Гарри, мой мальчик, как мне трудно без тебя, если бы ты знал!

Как сейчас помню, пришел он ко мне... Когда же это было? В январе... нет, в феврале... в сто девятнадцатом. Он пришел и сказал, что уходит добровольцем на Венеру. Так и сказал: «Прости, па, наше место сейчас там». Потом он прилетал два раза — в сто двадцать первом и сто двадцать пятом. Старые бобры помнили его, и он помнил всех старых бобров до одного. Он мне все говорил, что приехал, потому что соскучился, но я-то знал, что он приезжал лечиться. Ах, Гарри, Гарри, мы могли бы сейчас забрать всех наших добрых бобров и поставить отличную ферму на Венере! Теперь это уже можно. Теперь туда перевозят много разных животных... А ты не дожил, мой мальчик».

Питерс достал платок, промакнул глаза, встал и принялся ходить по камере. «Проклятая бессмысленная клетка!.. Долго они будут еще держать нас здесь?» Он подумал, что сейчас, вероятно, вся сотня ридеров мечется каждый в своей камере. Старый крикливый Сиверсон, который одновременно ухитряется быть и желчным и добрым. И самовлюбленный дурак Мак-Конти... Впрочем, Мак-Конти сидит, наверное, тихонько, как мышь, думает о предстоящей беседе с Сиверсоном. Откуда берутся такие, как Мак-Конти? Наверное, они встречаются только среди ридеров. И все потому, что ридеризм, как там ни суди, есть уродство. По крайней мере пока. К счастью, такие, как Мак-Конти, редкость даже среди ридеров. А среди ридеров-профессионалов таких и вообще нет. Вот, например, Юра Русаков, ридер Дальней Связи. На станциях Дальней Связи много профессиональных ридеров, но, говорят, Юра Русаков самый сильный из них. Говорят, он вообще самый сильный в мире ридер. Он берет даже направление. Очень редко кто может брать направление. Он ридер с самого раннего детства и с самого раннего детства знает об этом. И все-таки он веселый, хороший мальчик. Его хорошо воспитали, не делали из него с детства гения и уникама. Самое страшное для ребенка — это любвеобильные родители. Но его-то воспитывала школа, и он очень славный парень. Говорят, он плакал, когда

принимал последние сигналы «Искателя». На «Искателе» после катастрофы остался только один живой человек — мальчишка-стажер Вальтер Саронян. Очень, очень талантливый юноша, по-видимому. И железной воли человек. Раненый, умирающий, он стал искать причину катастрофы... и нашел. Какие люди, ах, какие люди!

Питерс насторожился. Ему показалось, что что-то постороннее, едва заметное неслышной тенью скользнуло в сознании. Нет. Это только эхо от стен. Интересно, как все-таки должно выглядеть это, если бы оно существовало? Джорджи-бой утверждает, что теоретически это должно восприниматься как шум. Но он не может, естественно, объяснить, что такое этот шум, а когда пытается, то немедленно скатывается в математику либо проводит неуверенные аналогии с испорченными радиоприемниками. Физики знают, что такое шум, теоретически, но не имеют о нем никакого чувственного представления, а ридеры, ничего не понимая в теории, может быть, слышат этот шум двадцать раз в день, но не подозревают об этом. «Как жалко, что нет ни одного физика-ридера! Вот, может быть, Юра Русаков станет первым. Он или кто-нибудь еще из молодежи станций Дальней Связи... Хорошо, что мы инстинктивно отличаем свои мысли от чужих и только случайно можем принять эхо за посторонний сигнал...»

Питерс сел и вытянул ноги. Забавное все-таки дело придумали физики: ловить духов из иного мира. Воистину естествознание в мире духов. Он посмотрел на часы. Только тридцать минут прошло. Ну что ж, духи так духи. Будем слушать.

Ровно в семнадцать ноль-ноль Питерс подошел к двери. Тяжелая плита титанистой стали поднялась, и в сознание Питерса ворвался вихрь чужих возбужденных мыслей. Как всегда, он увидел напряженные, ожидающие лица физиков и, как всегда, отрицательно покачал головой. Ему было нестерпимо жалко этих молодых умных ребят, он много раз представлял себе, как это будет замечательно, если прямо с порога он улыбнется и скажет: «Есть поле связи, я взял ваше поле связи». Но что ж поделаешь, если «поля связи» либо не существует, либо оно не под силу ридерам.

— Ничего, — сказал он вслух и шагнул в коридор.

— Очень жаль, — сказал один из физиков расстроено. Он всегда говорил это «очень жаль».

Питерс подошел к нему и положил ему руку на плечо.

— Послушайте, — сказал он, — может быть, достаточно? Может быть, у вас какая-нибудь ошибка?

Физик натянуто улыбнулся.

— Ну что вы, товарищ Питерс! — сказал он. — Опыты еще только начинаются. Мы и не ожидали ничего другого для начала... Усилим активирование... да, активирование... Только бы вы согласились продолжать...

— Мы должны набрать большой статистический материал, — сказал другой физик. — Только тогда можно делать какие-нибудь выводы... Мы очень надеемся на вас, товарищ Питерс, на вас лично и на ваших друзей...

— Да, — сказал Питерс, — конечно.

Он хорошо видел, что они больше ни на что не надеются. Только на чудо. Но, может быть... Все может быть.

Благоустроенная планета

Лю стоял по пояс в сочной зеленой траве и смотрел, как опускается вертолет. От ветра, поднятого винтами, по траве шли широкие волны, серебристые и темно-зеленые. Лю казалось, что вертолет опускается слишком медленно, и он нетерпеливо переступал с ноги на ногу. Было очень жарко и душно. Маленькое белое солнце стояло высоко, от травы поднималась влажная жара. Винты заверещали громче, вертолет развернулся бортом к Лю, затем упал сразу метра на полтора и утонул в траве на вершине холма. Лю побежал вверх по склону.

Двигатель стих, винты стали вращаться медленнее и остановились. Из кабины вертолета полезли люди. Первым вылез долговязый человек в куртке с засученными рукавами. Он был без шлема, выгоревшие волосы его торчали дыбом над длинным коричневым лицом. Лю узнал его: это был начальник группы следопыт Комов.

— Здравствуйте, хозяин! — весело сказал он, протягивая руку. — Ниньхао!

— Хаонинь, капитан, — сказал Лю. — Добро пожаловать на Леониду.

Он тоже протянул руку, но им пришлось пройти навстречу друг другу еще десяток шагов.

— Очень, очень рад вам! — сказал Лю улыбаясь.

— Соскучились?

— Очень, очень соскучился. Один на целой планете.

— Вам привет от Атоса.

— От Атоса?

— Ну да, от Сидорова. Помните?

— Ах, Сидоров? Микробиолог? Спасибо. Где он?

— Все там же, на Владиславе.

— И по-прежнему ругается с Бадером, я полагаю?

За спиной Комова кто-то сказал «ох ты», и что-то с шумом повалилось в траву.

— Это Борис Фокин, — сказал Комов не оборачиваясь. — Самопадающий археолог.

— Если такая жуткая трава!.. — сказал Борис Фокин поднимаясь. У него были рыжие усики, засыпанный веснушками нос и белый пенопластовый шлем, сбитый набекрень. Он вытер о штаны измазанные зеленью ладони и представился: — Фокин, следопыт-археолог.

— Добро пожаловать, Фокин, — сказал Лю.

— А это Татьяна Палей, инженер-археолог.

Лю подобрался и вежливо наклонил голову. У инженера-археолога были серые отчаянные глаза и ослепительные зубы. Рука у инженера-археолога была крепкая и шершавая. Комбинезон на инженер-археологе висел с большим изяществом.

— Меня зовут Таня, — сказал инженер-археолог.

— Лю Гуанчэн, — нерешительно пробормотал Лю.

— Мбога, — сказал Комов. — Биолог и охотник.

— Где? — спросил Лю. — Ох, извините, пожалуйста!

— Ничего, товарищ Лю, — сказал Мбога.

Мбога был пигмеем из Конго, и над травой виднелась только его черная голова, туго повязанная белым платком. Рядом с головой торчал вороненый ствол карабина.

— Это Тора-охотник, — сказала Татьяна.

Лю пришлось нагнуться, чтобы пожать руку Тора-охотнику. Теперь он знал, кто такой Мбога. Тора-охотник, член Комитета по охране животного мира иных планет. Биолог, открывший «бактерию жизни» на Пандоре. Зоопсихолог, приручивший чудовищных марсианских сора-тобу хиру — летающих пиявок. Лю было ужасно неловко за свой промах.

— Я вижу, вы без оружия, Лю, — заметил Мбога.

— Вообще у меня есть пистолет, — отозвался Лю. — Но он очень тяжелый.

— Понимаю. — Мбога одобрительно покивал. Он огляделся. — Все-таки зажгли степь, — сказал он негромко.

Лю обернулся. От холма до самого горизонта тянулась плоская равнина, покрытая блестящей сочной травой. В трех километрах от холма трава горела, запаленная реактором бота. В белесое небо ползли густые клубы белого дыма. За дымом смутно виднелся бот — темное яйцо на трех растопыренных упорах. Вокруг бота чернел широкий выгоревший круг.

— Она скоро погаснет, — сказал Лю. — Здесь очень влажно. Пойдемте, я покажу вам ваше хозяйство.

Он взял Комова под руку и повел его мимо вертолета на другую сторону холма. Остальные двинулись следом. Лю несколько раз оглянулся, с улыбкой кивая им. Комов сказал с досадой:

— Всегда неприятно, когда напакостишь при посадке.

— Она скоро погаснет, — повторил Лю. Он слышал, как позади Фокин заботился об инженер-археологе:

— Осторожно, Танечка, здесь, кажется, кочка...

— Вижу, — отвечал инженер-археолог. — Смотри себе под ноги.

— Вот ваше хозяйство, — сказал Лю.

Зеленую равнину пересекала широкая, спокойная река. В излучине реки блестела гофрированная крыша.

— Это моя лаборатория, — сказал Лю.

Правее лаборатории поднимались в небо струи красного и черного дыма.

— Это строится склад, — сказал Лю.

Было видно, как в дыму мечутся какие-то тени. На мгновение появилась огромная неуклюжая машина на гусеницах — робот-матка, — в дыму сейчас же что-то сверкнуло, донесся раскатистый грохот, и дым повалил гуще.

— А вон там город, — сказал Лю.

От базы до города было немногим больше километра. С холма здания города казались серыми приземистыми кирпичами. Шестнадцать серых плоских кирпичей, выступающих из зеленой травы.

— Да, — сказал Фокин, — планировка необычайная.

Комов молча кивнул. Этот город был совсем не похож на другие. До открытия Леониды следопыты — работники Комиссии по изучению следов деятельности иного разума в Космосе — имели дело только с двумя городами. Пустой город на Марсе и пустой город на Владиславе, планете голубой звезды ЕН 17. Оба города строил явно один и тот же архитектор — цилиндрические, уходящие на много этажей под почву здания из светящегося кремний-органика, расположенные по концентрическим окружностям. А вот город на Леониде был совсем другим. Два ряда серых коробок из ноздреватого известняка.

— Вы там бывали? — спросил Комов.

— Нет, — ответил Лю, — ни разу. Собственно, мне было некогда. Я ведь не археолог, я атмосферный физик. И потом, Горбовский просил меня не ходить туда.

Бу-бух! — донеслось со стройки. Там густыми облаками взлетели красные клубы дыма. Сквозь них уже обрисовывались гладкие стены склада. Робот-матка выбрался из дыма в траву. Рядом с ним прыгали черные киберстроители, похожие на богомолов. Затем киберы построились цепью и побежали к реке.

— Куда это они? — с любопытством спросил Фокин.

— Купаться, — сказала Таня.

— Они разравнивают завал, — объяснил Лю. — Склад почти готов. Сейчас вся система перестраивается. Они будут строить ангар и водопровод.

— Водопровод! — восхитился Фокин.

— Все-таки лучше было бы отодвинуть базу подальше от города, — сказал Комов с сомнением.

— Так распорядился Горбовский, — сказал Лю. — Нехорошо удаляться от базы.

— Тоже верно, — согласился Комов. — Только не испортили бы киберы города...

— Ну что вы! Они у меня туда не ходят.

— Какая благоустроенная планета! — сказал Мбога.

— Да! — радостно подтвердил Лю. — Река, воздух, зелень, и никаких комаров, никаких вредных насекомых!..

— Очень благоустроенная планета, — повторил Мбога.

— А купаться можно? — спросила Таня.

Лю посмотрел на реку. Река была зеленоватая, мутная, но это была настоящая река с настоящей водой. Леонида была первой планетой, на которой оказался пригодный для дыхания воздух и настоящая вода.

— Купаться, я думаю, можно, — сказал Лю. — Правда, я сам не купался — времени не было.

— Мы будем купаться каждый день, — сказала Таня.

— Еще бы! — закричал Фокин. — Каждый день! Три раза в день! Мы только и будем делать, что купаться!

— Ну ладно, — сказал Комов, — а там что? — Он указал на гряду плоских холмов на горизонте.

— Не знаю, — ответил Лю. — Там еще никто не был. Валькенштейн заболел внезапно, и Горбовскому пришлось улететь. Он успел только выгрузить для меня оборудование и улетел.

Некоторое время все стояли молча и глядели на холмы у горизонта. Потом Комов сказал:

— Дня через три я сам слетаю вдоль реки.

— Если есть еще какие-нибудь следы, — заметил Фокин, — то их нужно искать именно возле реки.

— Наверное, — вежливо согласился Лю. — А сейчас пойдете ко мне.

Комов оглянулся на вертолет.

— Ничего, пусть остается здесь, — сказал Лю. — Бегемоты на холмы не поднимаются.

— О! — удивился Мбога. — Бегемоты?

— Это я их так называю. Издали они похожи на бегемотов, а вблизи я их не видел.

Они стали спускаться с холма.

— На той стороне трава очень высокая, я видел только их спины.

Мбога шел рядом с Лю мягкой, скользящей походкой. Трава словно обтекала его.

— Затем здесь есть птицы, — продолжал Лю. — Они очень большие и иногда летают очень низко. Одна чуть не сбила у меня локатор.

Комов, не замедляя шага, поглядел в небо, прикрываясь ладонью от солнца.

— Кстати, — сказал он, — я должен послать радиogramму на «Подсолнечник». Можно будет воспользоваться вашей рацией?

— Сколько угодно, — сказал Лю. — Вы знаете, Перси Диксон хотел подстрелить одну. Я говорю о птицах. Но Горбовский не разрешил.

— Почему? — спросил Мбога.

— Не знаю, — ответил Лю. — Но он был страшно рассержен и даже хотел отобрать у всех оружие.

— У нас он его отобрал, — сказал Фокин. — Это был великий скандал на Совете. По-моему, очень некрасиво вышло — Горбовский раздавил всех своим авторитетом.

— Только не Тора-охотника, — заметила Таня.

— Да, я взял оружие, — сказал Мбога. — Но я понимаю Леонида Андреевича. Здесь не хочется стрелять.

— И все-таки Горбовский — человек со странностями, — заявил Фокин.

— Возможно, — сказал Лю сдержанно. — По-моему, это замечательный человек.

Они подошли к просторному куполу лаборатории с низкой круглой дверцей. Над куполом вращались в разные стороны три решетчатых блюда локаторов.

— Вот здесь можно поставить ваши палатки, — сказал Лю. — А если нужно, я дам команду киберам, и они вам построят что-нибудь попрочнее.

Комов поглядел на купол, поглядел на клубы красного и черного дыма за лабораторией, затем оглянулся на серые крыши города и сказал виновато:

— Знаете, Лю-тунчжи¹, боюсь, мы будем вам тут мешать. Уж лучше мы устроимся в городе, а?

— И потом здесь как-то гарью пахнет, — добавила Таня, — и я киберов боюсь...

Лю обиженно пожал плечами.

— Как хотите. По-моему, здесь очень хорошо.

— Вот мы поставим палатки, — сказала Таня, — и перебирайтесь к нам. Вам понравится, вот увидите. А от города до базы совсем недалеко.

— М-м-м... — промычал Лю. — Пожалуй... А пока прошу ко мне.

Археологи, заранее сгибаясь, направились к низкой дверце. Мбога шел последним, ему даже не пришлось наклонить голову. Лю задержался на пороге. Он осмотрелся и увидел вытопанную землю, пожелтевшую смятую траву, унылые штабеля литопласта и подумал, что здесь действительно как-то пахнет гарью.

Город состоял из единственной улицы, очень широкой, заросшей густой травой. Улица тянулась почти точно по меридиану и кончалась недалеко от реки. Комов решил ставить лагерь в центре города. Разбивку лагеря начали в три часа пополудни по местному времени (сутки на Леониде составляли двадцать семь часов с минутами).

Жара как будто усилилась. Ветра не было, над серыми параллелепипедами зданий дрожал горячий воздух, и только в южной части города, ближе к реке, было немного прохладнее. Пахло, по словам Фокина, сеном и «немножко хлорелловой плантацией».

Комов взял Мбога и Лю, предложившего свою помощь, сел в вертолет и отправился к боту за оборудованием и продуктами, а Татьяна и Фокин занялись съемкой города. Оборудования было немного, и Комов перевез его в два приема. Когда он прилетел в первый раз, Фокин, помогавший при выгрузке, многозначительно сообщил, что все здания города весьма близки по размерам и отклонения размеров от средних хорошо укладываются на гауссиану².

— Очень интересно, — сказал вежливый Лю.

— Это доказывает, — сообщил Фокин, — что все здания имеют одно и то же назначение. Остается только установить — какое, — добавил он, подумав.

Когда вертолет вернулся второй раз, Комов увидел, что Таня и Фокин установили высокий шест и подняли над городом неофициальное знамя следопытов — белое полотнище со стилизованным изображением семигранной гайки. Давным-давно, почти столетие назад, один крупный межпланетник, ярый противник идеи изучения следов деятельности иного разума в Космосе, как-то сгоряча заявил, что неопровержимым свидетельством такого рода деятельности он готов считать только колесо на оси, чертеж пифагоровой теоремы, высеченный в скале, и семигранную гайку. Следопыты приняли вызов и украсили свое знамя изображением семигранной гайки.

Комов с удовольствием отсалютовал знамени. Много было сожжено горючего и пройдено парсеков с тех пор, как родилось это знамя. Впервые его подняли над круговыми улицами пустого города на Марсе. Тогда еще имели хождение фантастические гипотезы о том, что и город, и спутники Марса могут иметь естественное происхождение. Тогда еще самые смелые следопыты считали город и спутники единственными следами таинственно исчезнувшей марсианской цивилизации. И много пришлось пройти парсеков и перекопать земли, прежде чем неопровергнутой осталась единственная гипотеза: пустые города и покинутые спутники построены пришельцами из далекой и неведомой планетной системы. Только вот этот город на Леониде...

Комов вывалил из кабины вертолета последний тюк, спрыгнул в траву и с силой захлопнул дверцу. Лю подошел к нему, опуская засученные рукава, и сказал:

¹ Тунчжи — товарищ (*кит.*).

² Гауссиана — здесь: кривая, определяющая вероятность отклонения каждого отдельного измерения от средней величины.

— Теперь разрешите мне покинуть вас, Геннадий. Через двадцать минут у меня зондирование.

— Конечно, — сказал Комов. — Какой может быть разговор. Спасибо, Лю. Приходите к нам ужинать.

Лю посмотрел на часы и сказал:

— Спасибо. Не обещаю.

Мбога, прислонив карабин к стене ближайшего здания, надувал палатку прямо посреди улицы. Он поглядел вслед Лю и улыбнулся Комову, растягивая серые губы на маленьком сморщенном лице.

— Поистине благоустроенная планета, Гена, — сказал он. — Здесь ходят без оружия, ставят палатки прямо в траве... И вот это...

Он кивнул в сторону Фокина и Тани. Следопыт-археолог и инженер-археолог, вытоптав вокруг себя траву, возились в тени здания над экспресс-лабораторией. Инженер-археолог была в шелковой безрукавке и в коротких штанах. Ее тяжелые башмаки красовались на крыше здания, а комбинезон валялся рядом на тюках. Фокин в волейбольных трусах с остервенением тащил через голову мокрую от пота куртку.

— Борис, Борис, — говорила Таня, — куда ты подключил аккумуляторы?

— Сейчас, Танечка! — невнятно отвечал Фокин.

— Да, — сказал Комов, — это не Пандора.

Он вытянул из тюка вторую палатку и принялся прилаживать к ней центробежный насос. Да, это не Пандора, подумал он и вспомнил, как на Пандоре они ломались через сумрачные джунгли, и на них были тяжелые скафандры высшей защиты, и руки оттягивал громоздкий дезинтегратор со снятым предохранителем. Под ногами хлюпало, и при каждом шаге в разные стороны бросалась многоногая мерзость, а над головой сквозь путаницу липких ветвей мрачно светили два близких кровавых солнца. Да разве только Пандора! На всех планетах с атмосферами следопыты и десантники передвигались с величайшей осторожностью, гнали перед собой колонны роботов-разведчиков, самоходные кибернетические биолaborатории, токсинализаторы, конденсированные облака универсальных вирусифобов. Немедленно после высадки капитан корабля был обязан выжечь термитом зону безопасности. И величайшим преступлением считалось возвращение на корабль без предварительной тщательнейшей дезинфекции и дезинсекции. Невидимые чудовища страшнее чумы и проказы подстерегали неосторожных. Так было всего десять лет назад.

Так могло бы быть и сейчас и на благоустроенной Леониде. Здесь тоже есть микрофауна, и очень обильная. Но десять лет назад маленький доктор Мбога нашел на страшной Пандоре «бактерию жизни», и профессор Карпенко на Земле открыл биоблокаду. Одна инъекция в сутки. Можно даже одну в неделю. Как тогда спросил учитель Тенин: «Вы слышали про биоблокаду?» Комов вытер потное лицо и стал расстегивать куртку.

Когда солнце склонилось к западу и небо на востоке из белесого сделалось темно-лиловым, они сели ужинать. Лагерь был готов. Поперек улицы стояли три палатки, тюки и ящики с оборудованием были аккуратно сложены вдоль стены одного из зданий. Фокин, вздыхая, приготовил ужин. Все были голодны, поэтому Лю ждать не стали. Из лагеря было видно, что Лю сидит на крыше своей лаборатории и что-то делает с антеннами.

— Ничего, мы ему оставим, — пообещала Таня.

— Чего там, — сказал Фокин, поедая вареную телятину. — Проголодается и придет.

— Неудачно ты поставил вертолет, Гена, — заметила Татьяна. — Весь вид на реку загородил.

Все посмотрели на вертолет. Вида на реку действительно не было.

— Хороший вид на реку открывается с крыши, — хладнокровно сказал Комов.

— Нет, правда, — произнес Фокин, сидевший к реке спиной. — Абсолютно не на что со вкусом поглядеть.

— Как — не на что? — сказал Комов по-прежнему хладнокровно. — А телятина? Он лег на спину и стал смотреть в небо.

— Вот о чем я думаю, — начал Фокин, вытирая салфеткой усы. — Как мы будем прорываться в эти гробы? — Он ткнул пальцем в ближайшее здание. — Будем копать или резать стену?

— Вот это как раз не проблема, — ответил Комов лениво. — Интересно, как туда попадали хозяева, — вот проблема. Тоже резали стены?

Фокин задумчиво поглядел на Комова и спросил:

— А что, собственно, ты знаешь об этих хозяевах? Может быть, им и не нужно было туда попадать.

— Ага, — сказала Таня. — Новый архитектурный принцип. Человек сажился на травку, возводил вокруг себя стены и потолок и... и...

— ...и отходил, — закончил Мбога.

— А может быть, это действительно гробницы? — сказал Фокин вызывающе.

Некоторое время все обдумывали это предположение.

— Татьяна, а что с анализами? — спросил Комов.

— Известняк, — ответила Таня. — Углекислый кальций. Много примесей, конечно. Но, в общем, знаете, на что все это похоже? На коралловые рифы. И еще похоже, что все здание сделано из одного куска...

— Монолит естественного происхождения.

— Вот уж и естественного! — воскликнул Фокин. — Характерная закономерность: стоит обнаружить новые следы, и сразу же находятся товарищи, которые заявляют, что это естественные образования...

— Естественное предположение, — сказал Комов.

— А вот мы завтра соберем интравизор¹ и посмотрим, — пообещала Таня. — Главное, что этот известняк не имеет ничего общего с янтаринном, из которого построен марсианский город. И город на Владиславе.

— Значит, еще кто-то бродит по планетам, — сказал Комов. — Хорошо, если бы они на этот раз оставили нам что-нибудь существенней.

— Библиотеку бы найти! — простонал Фокин. — Машины бы какие-нибудь!

Они замолчали. Мбога достал и принялся набивать короткую трубочку. Он сидел на корточках и задумчиво глядел вверх палаток в светлое небо. Его маленькое лицо под белым платком выражало полный покой и убагодворенность.

— Тихо как!

Бум! Бах! Тарах! — донеслось со стороны базы.

— О дьявол! — пробормотал Фокин. — Это-то зачем?

Мбога выпустил колечко дыма и произнес негромко:

— Я понимаю вас, Боря. Я сам впервые в жизни не ощущал радости, слушая, как наши машины работают на чужой планете.

— Она какая-то не чужая, вот в чем все дело, — сказала Таня.

Большой черный жук прилетел неизвестно откуда, тяжело гудя, сделал круг над следопытами и улетел.

Фокин тихонько засопел, уткнувшись носом в согнутый локоть. Таня поднялась и ушла в палатку. Комов тоже встал и с наслаждением потянулся. Было так тихо и хорошо вокруг, что он совершенно растерялся, когда Мбога, словно подброшенный пружиной, вдруг вскочил на ноги и застыл, повернувшись лицом к реке. Комов тоже повернулся лицом к реке.

Какая-то исполинская черная туша надвигалась на лагерь со стороны реки. Вертолет отчасти скрывал ее, но было видно, как она колыхается на ходу и как вечернее солнце

¹ Интравизор — прибор, позволяющий видеть сквозь толстые слои вещества (фантастич.).

блестит на ее влажных лоснящихся боках, раздутых, словно брюхо гиппопотама. Туша двигалась довольно быстро, раздвигая траву, и Комов с ужасом увидел, как вертолет качнулся и стал медленно валиться набок. Между стеной здания и днищем вертолета протиснулся низкий массивный лоб с двумя громадными буграми. Комов увидел два выпуклых тупых глаза, устремленных, как ему показалось, прямо на него.

— Осторожнее! — заорал он.

Вертолет свалился, упираясь в траву лопастями винтов. Чудовище продолжало двигаться на лагерь. Оно было не менее трех метров высоты, покатые бока его мерно вздувались, и было слышно ровное, шумное дыхание.

За спиной Комова Мбога щелкнул затвором карабина. Тогда Комов очнулся и попятился к палаткам. Обгоняя его, мимо очень быстро на четвереньках пробежал Фокин. Чудовище было уже шагах в двадцати.

— Успеете разобрать лагерь? — быстро спросил Мбога.

— Нет, — ответил Комов.

— Я буду стрелять!

— Погодите, — сказал Комов. Он шагнул вперед, взмахнул рукой и крикнул: — Стой!

На мгновение гора живого мяса приостановилась. Шишковатый лоб вдруг задрался, и распахнулась просторная, как кабина вертолета, пасть, забитая зеленой травяной жвачкой.

— Гена! — закричала Таня. — Немедленно назад!

Чудовище издало продолжительный сипящий звук и двинулось вперед еще быстрее.

— Стой! — снова крикнул Комов, но уже без всякого энтузиазма. — По-видимому, оно травоядное, — сообщил он и попятился к палаткам.

Он оглянулся. Мбога стоял с карабином у плеча, и Таня уже зажимала уши. Возле Тани с тюком на спине стоял Фокин. Усы его были взъерошены.

— Будут в него сегодня стрелять или нет? — заорал Фокин натужным голосом. — Уносить интравизор или...

Ду-дут! Полуавтоматический охотничий карабин Мбога имел калибр 16,3 миллиметра, и живая сила удара пули с дистанции в десять шагов равнялась восьми тоннам. Удар пришелся в самую середину лба, между двумя шишками. Чудовище с размаху уселось на зад. Ду-дут! Второй удар опрокинул чудовище на спину. Короткие толстые ноги судорожно задергались в воздухе. «Х-ха-а...» — донеслось из густой травы. Вздулось и опало черное брюхо, и все стихло. Мбога опустил карабин.

— Пойдем посмотрим, — сказал он.

По размерам чудовище не уступало взрослому африканскому слону, но больше всего оно напоминало гигантского гиппопотама.

— Кровь красная, — сказал Фокин. — А это что?

Чудовище лежало на боку, и вдоль его брюха тянулись три ряда мягких выростов величиной с кулак. Из выростов сочилась блестящая густая жидкость. Мбога вдруг шумно потянул носом воздух, взял на кончик пальца каплю жидкости и попробовал на язык.

— Фи! — произнес Фокин.

На всех лицах появилось одно и то же выражение.

— Мед, — произнес Мбога.

— Да ну! — удивился Комов. Он поколебался и тоже протянул палец.

Таня и Фокин с отвращением следили за его движениями.

— Настоящий мед! — воскликнул он. — Липовый мед!

— Доктор Диксон говорил, что в этой траве много сахаридов, — сообщил Мбога.

— Медоносный монстр, — сказал Фокин. — Зря мы его так.

— «Мы!» — воскликнула Таня. — Горе мое! Иди лучше приberi интравизор.

— Ну ладно, — сказал Комов. — Что же делать дальше? Здесь жарко, и такая туша рядом с лагерьем...

— Это на мне, — сказал Мбога. — Оттащите палатки шагов на двадцать вдоль улицы. Я сделаю все обмеры, кое-что посмотрю и уничтожу его.

— Как? — спросила Таня.

— Дезинтегратором. У меня есть дезинтегратор. А ты, Таня, уходи отсюда: я сейчас буду заниматься очень неаппетитной работой.

Послышался топот, и из-за палаток выскочил Лю с большим автоматическим пистолетом в руке.

— Что случилось?! — задыхаясь, спросил он.

— Мы убили одного из ваших бегемотов, — важно объяснил Фокин.

Лю быстро оглядел всех и сразу успокоился. Он сунул пистолет за пояс.

— Нападение? — спросил он.

— В общем-то нет, — сказал Комов смущенно. — По-моему, он просто гулял, но его надо было остановить.

Лю посмотрел на перевернутый вертолет и кивнул.

— А нельзя ли его есть? — крикнул Фокин из палатки.

Мбога медленно произнес:

— Кажется, кто-то уже пробовал его есть.

Комов и Лю подошли к нему. Мбога ощупывал пальцами широкие и глубокие прямые рубцы на филейных частях животного.

— Это сделали могучие клыки, — сказал Мбога. — И острые, как ножи. Кто-то снимал с него ломти по два-три килограмма в один прием.

— Ужас какой-то! — сказал Лю очень искренне.

Странный протяжный крик пронесся высоко в небе. Все подняли головы.

— Вот они! — закричал Лю.

На город стремительно падали большие светло-серые птицы, похожие на орлов. Они падали друг за другом с огромной высоты, затем над самыми головами людей расправляли широкие мягкие крылья и так же стремительно взмывали вверх, обдавая людей волнами теплого воздуха. Это были громадные птицы, крупнее земных кондоров и даже летучих драконов Пандоры.

— Хищники! — встревоженно произнес Лю.

Он потянул было из-за пояса пистолет, но Мбога крепко взял его за руку.

Птицы пронеслись над городом и уходили на запад, в лиловое вечернее небо. Когда последняя исчезла, раздался тот же тревожный протяжный крик.

— Я уже хотел было стрелять, — проговорил Лю с облегчением.

— Я знаю, — кивнул Мбога. — Но мне показалось... — Он остановился.

— Да, — сказал Комов, — мне тоже показалось...

Поразмыслив, Комов распорядился не только отодвинуть палатки на двадцать шагов, но и поднять их на плоскую крышу одного из зданий. Здания были невысокие — всего два метра, — и забираться на них было нетрудно. На крышу соседнего здания Таня и Фокин подняли тюки с наиболее ценными приборами. Вертолет, как выяснилось, не пострадал. Комов поднял его и аккуратно посадил на крышу третьего здания.

Мбога провозился над тушей чудовища всю ночь при свете прожекторов. На рассвете улица огласилась пронзительным шипением, над городом взлетело большое облако белого пара и вспыхнуло короткое оранжевое зарево. Фокин, никогда прежде не видевший, как действует органический дезинтегратор, в одних трусах вылез из палатки, но увидел только Мбога, который неторопливо убирал прожектора, и огромную кучу мелкой серой пыли на почерневшей траве. От медоносного монстра осталась только отлично препарированная, залитая в прозрачную пластмассу уродливая голова. Она предназначалась для Кейптаунского Музея Космозоологии.

Фокин пожелал Мбога доброго утра и полез было обратно в палатку досыпать, но встретился с Комовым.

— Куда? — осведомился Комов.

— Одеться, конечно, — с достоинством ответил Фокин.

Утро было свежее и ясное, только на юге в лиловом небе неподвижно стояли белые растрепанные облака. Комов спрыгнул на траву и отправился готовить завтрак. Он хотел сделать яичницу, но вскоре обнаружил, что не может отыскать масло.

— Борис, — позвал он, — где масло?

Фокин стоял на крыше в странной позе: он занимался гимнастикой по системе йогов.

— Понятия не имею, — ответил он гордо.

— Ты же вчера был дежурным.

— Э-э... да. Значит, масло там, где было вчера вечером.

— А где оно было вчера вечером? — спросил Комов, сдерживаясь.

Фокин с недовольным видом выпростал голову из-под правого колена.

— Откуда я знаю? Мы же потом все ящики переставили.

Комов стиснул зубы и принялся терпеливо осматривать ящик за ящиком. Масла не было. Тогда он подошел к зданию и стащил Фокина за ногу вниз.

— Где масло? — спросил он.

Фокин открыл было рот, но тут из-за угла вышла Таня в безрукавке и коротких штанах. Волосы у нее были мокрые.

— Доброе утро, мальчики, — сказала она.

— Доброе утро, Танечка, — отозвался Фокин. — Ты не видела случайно ящик с маслом?

— Где ты была? — свирепо спросил Комов.

— Купалась.

— Напрасно, — сказал Комов. — Кто тебе разрешил?

Таня отстегнула от пояса и бросила на ящики электрический резак в пластмассовых ножнах.

— Генечка, там нет никаких крокодилов. Замечательная вода и песчаное дно.

— Ты не видела масло? — спросил Комов.

— Масло я не видела, а вот кто видел мои башмаки?

— Я видел, — сказал Фокин. — Они на той крыше.

— На той крыше их нет.

Все трое повернулись и посмотрели на крышу. Башмаков действительно не было. Тогда Комов поглядел на доктора Мбога. Доктор Мбога лежал в траве в тени и крепко спал, подложив под щеку маленький кулачок.

— Ну что ты! Зачем ему мои башмаки? — сказала Таня.

— Или масло, — добавил Фокин.

— Может быть, они ему мешали, — проворчал Комов. — Ну ладно, я попытаюсь приготовить что-нибудь без масла...

— И без башмаков.

— Хорошо, хорошо, — сказал Комов. — Иди и займись интравизором. И ты, Таня, тоже. И постарайтесь собрать поскорее.

К завтраку пришел Лю. Он гнал перед собой большую черную машину на шести гемомеханических ногах. За машиной в траве оставалась широкая просека. Она тянулась от самой базы. Лю вскарабкался на крышу и сел к столу, а машина застыла посреди улицы.

— Послушайте, Лю, — сказал Комов, — у вас на базе ничего не пропадало?

— В каком смысле? — спросил Лю.

— Ну... вы оставляете что-нибудь на ночь на дворе, а утром не можете найти.

— Да как будто нет. — Лю пожал плечами. — Пропадают иногда мелочи, всякие отходы... обрывки проводов, обрезки пластолита. Но, я думаю, этот хлам забирали мои киберы. Они очень экономные товарищи, у них все идет в дело.

— А могут у них пойти в дело мои башмаки? — спросила Таня.

Лю засмеялся.

— Не знаю, — сказал он. — Вряд ли.

— А может у них пойти в дело ящик со сливочным маслом? — спросил Фокин.

Лю перестал смеяться.

— У вас пропало масло? — спросил он.

— И башмаки.

— Нет, киберы в город не ходят.

На крышу ловко, как ящерица, вскарабкался Мбога.

— Доброе утро, — сказал он. — Прошу извинить, я запоздал.

Таня налила ему кофе. Мбога всегда завтракал одной чашкой кофе.

— Итак, мы обворованы, — произнес он улыбаясь.

— Значит, это не вы? — спросил Фокин.

— Нет, это не я. Но ночью над городом два раза пролетали вчерашние птицы.

— Ну, вот и башмаки, — сказал Фокин. — Я где-то читал...

— А ящик с маслом? — нетерпеливо перебил Комов.

Никто не ответил. Мбога задумчиво пил кофе.

— За два месяца у меня ничего не пропало, — сказал Лю. — Правда, я все держу в куполе... И потом, у меня киберы. И все время дым и треск.

— Ладно, — сказал Фокин поднимаясь. — Пойдем работать, Танечка. Подумаешь, башмаки!

Они ушли, и Комов принялся собирать посуду.

— Сегодня же вечером, — сказал Лю, — я поставлю вокруг вас охрану.

— Пожалуй, — отозвался Мбога задумчиво. — Но я предпочел бы сначала сам.

Гена, сейчас я лягу спать, а ночью устрою небольшую засаду.

— Хорошо, доктор Мбога, — сказал Комов неохотно.

— Тогда я, с вашего разрешения, тоже приду, — предложил Лю.

— Приходите, — согласился Мбога. — Но без киберов, пожалуйста.

С соседней крыши донесся взрыв негодования.

— Борис, Борис, я же просила тебя разложить тюки в порядке сборки!

— А я что сделал? Я и разложил!

— Это называется в порядке сборки? Индекс «Е-7», «А-2», «В-16»... Снова «Е»!..

— Танечка!.. Честное слово... Товарищи! — обиженно завопил Фокин через улицу.

— Кто перепутал тюки?

— Вот! — крикнула Таня. — А тюка «Е-9» вообще нет!

Мбога тихонько сказал:

— Миссус, а у нас простыня пропала!

— Что? Ищите хорошенько! — крикнул Комов. Он спрыгнул с крыши и побежал к Фокину и Тане.

Мбога проводил его глазами и стал смотреть на юг, за реку. Было слышно, как Комов на соседней крыше сказал:

— Что, собственно, пропало?

— ВЧГ, — ответила Таня.

— Ну, и что вы раскудахтались? Соберите новый.

— На это два дня уйдет.

— Тогда что ты предлагаешь?

— Резать надо, — сказал Фокин.

На крыше воцарилось молчание.

— Глядите, товарищ Лю, — проговорил вдруг Мбога. Он стоял и, прикрывшись от солнца, смотрел на реку.

Лю повернулся. Зеленая равнина за рекой пестрела черными пятнами. Это были спины «бегемотов», и их было очень много. Лю и в голову не приходило, что за рекой так много «бегемотов». Черные пятна медленно двигались на юг.

— Они уходят, — сказал Мбога. — Прочь от города, за холмы.

Комов решил ночевать под открытым небом. Он вытащил из палатки свою постель и улегся на крыше, заложив руки за голову.

Небо было черно-синее, из-за горизонта на востоке медленно выползал большой зеленовато-оранжевый диск с неясными краями — Пальмира, луна Леониды. С темной равнины за рекой доносились приглушенные протяжные крики; должно быть, кричали птицы. Над базой вспыхивали короткие зарницы, и что-то негромко скрежетало и потрескивало.

«Надо ставить ограду, — думал Комов. — Обнести город проволокой и пустить ток, не очень сильный. Впрочем, если это птицы, то ограда не поможет. А скорее всего, это птицы. Такой громадине ничего не стоит утащить тюк. Ей, наверное, ничего не стоит утащить и человека. Ведь был же случай, когда на Пандоре крылатый дракон подхватил человека в скафандре высшей защиты, а это полтора центнера. Так оно и идет — сначала башмачки, потом тючок... И на весь отряд — один карабин! Почему Леонид Андреевич был так против оружия? Конечно, надо было стрелять тогда — по крайней мере, отпугнули бы их... Почему доктор не стрелял? Потому что ему «показалось»... И я сам бы не выстрелил, потому что мне тоже «показалось»... А что мне, собственно, показалось? — Комов сильно потер ладонью сморщенный от напряжения лоб. — Огромные птицы, очень красивые птицы, и как они летели!.. Какой бесшумный, легкий и правильный полет... Что ж, даже охотники иногда жалеют дичь, а я даже не охотник».

Среди мигающих звезд неторопливо прошло через зенит яркое белое пятнышко. Комов приподнялся на локтях, следя глазами за ним. Это был «Подсолнечник» — полуторакилометровый десантный звездолет сверхдальнего действия. Сейчас он обращался вокруг Леониды на расстоянии двух мегаметров от поверхности. Стоит подать сигнал бедствия, и оттуда придут на помощь. Но стоит ли подавать сигнал бедствия? Пропала пара башмаков, два тюка, и что-то показалось начальнику. Благоустроенная планета!

Белое пятнышко потускнело и скрылось — «Подсолнечник» ушел в тень Леониды. Комов снова улегся и заложил руки за голову. «Не слишком ли благоустроенная? — подумал он. — Теплые зеленые равнины, душистый воздух, идиллическая речка без крокодилов... Может быть, это только ширма, за которой действуют какие-то непонятные силы? Или все гораздо проще? Танька потеряла башмаки где-нибудь в траве; Фокин, как известно, растяпа, и пропавшие тюки лежат сейчас где-нибудь под грудой деталей экскаватора. То-то он сегодня весь день бегал, воровато озираясь, от штабеля к штабелю».

Кажется, Комов задремал, а когда проснулся, Пальмира стояла уже высоко. Из палатки, где спал Фокин, раздавалось чмокание и всхрапывание. На соседней крыше шептались.

— ...Как только трос оборвался, мы улетели, а Костя остался внизу. Он гнался за нами и кричал, чтобы мы остановились, затем назначил меня капитаном и приказал, чтобы я остановился. Я, конечно, сразу стал править на релейную мачту. Там мы повисли и провисели всю ночь. И всю ночь мы орал друг на друга — идти Косте к учителю или нет. Костя мог пойти, но не хотел, а мы хотели, но не могли, а утром нас заметили с аэробуса и сняли.

— А я была девочка тихая и всегда очень боялась всяких механизмов. Киберов вот до сих пор боюсь.

— Киберов не нужно бояться, Танюша. Они добрые.

— Я их не люблю. Неприятно, что они какие-то и живые и неживые...

Комов повернулся на бок и поглядел. Таня и Лю сидели на соседней крыше, свесив ноги. «Воробышки, — подумал Комов. — А завтра весь день зевать будет».

— Татьяна, — сказал он вполголоса, — пора спать.

— Не хочется, — отозвалась Таня. — Мы по берегу гуляли. — Лю смущенно задвигался. — Очень хорошо на реке. Луна, и рыба играет.

Лю сказал:

— Э-э... А где доктор Мбога?

— Доктор Мбога на работе, — сказал Комов.

— А правда, Гуанчэн, — обрадовалась Таня. — Пошли искать доктора Мбога!

«Безнадежна», — подумал Комов и повернулся на другой бок. На крыше продолжали шептаться. Комов решительно поднялся, собрал постель и вернулся в палатку. В палатке было очень шумно — Фокин спал вовсю. «Растяпа ты, растяпа! — подумал Комов, устраиваясь. — Вот в такую-то ночь и ухаживать. А ты усы отрастил и думаешь, что дело в шляпе». Он закутался в простыню и моментально заснул.

Оглушительный грохот подбросил его на постели. В палатке было темно. Ду-дут! Ду-дут! — прогремели еще два выстрела.

— Это еще что такое? — заорал в темноте Фокин. — Кто здесь?

Послышался короткий заячий вскрик и торжествующий вопль Фокина:

— Ага-а! Сюда, ко мне!

Комов запутался в простыне и никак не мог подняться. Он услышал тупой удар, Фокин ойкнул, и сейчас же что-то темное и маленькое мелькнуло и пропало в светлом треугольнике выхода. Комов рванулся вслед. Фокин тоже рванулся вслед, и они с размаху стукнулись головами. Комов скрипнул зубами и наконец вылетел наружу. Крыша напротив была пуста. Оглядевшись, Комов увидел, что Мбога бежит в траве вдоль улицы к реке, а за ним по пятам бегут, спотыкаясь, Лю и Татьяна. И еще одну вещь заметил Комов: далеко перед Мбога кто-то бежит, раздвигая на ходу траву. Бежит гораздо быстрее, чем Мбога. Мбога остановился, поднял одной рукой карабин дулом кверху и выстрелил еще раз. След в траве вильнул в сторону и исчез за углом крайнего здания. И через секунду оттуда, широко и легко взмахивая огромными крыльями, поднялась белая в лунном свете птица.

— Стреляйте! — заорал Фокин.

Он уже мчался вдоль улицы и падал через каждые пять шагов. Мбога стоял неподвижно, опустив карабин, и, задрвав голову, следил за птицей. Птица сделала плавный бесшумный круг над городом, набирая высоту, и полетела на юг. Через минуту она исчезла. И тогда Комов увидел, как совсем низко над базой пролетели еще птицы — три, четыре, пять... Пять огромных белых птиц взмыли над местом работ киберов и исчезли.

Комов спустился с крыши. Мертвые параллелепипеды зданий отбрасывали на траву густые черные тени. Трава казалась серебристой. Что-то звякнуло под ногой. Комов нагнулся. В траве блеснула гильза. Комов пересек уродливую тень вертолета.

Послышались голоса. Мбога, Фокин, Лю и Таня неторопливо шли навстречу.

— Я держал его в руках! — возбужденно говорил Фокин. — Но он треснул меня по лбу и вырвался. Если бы он меня не треснул, я бы его не выпустил! Он мягкий и теплый, вроде ребенка. И голый...

— Мы тоже его чуть не поймали, — сказала Таня, — но он превратился в птицу и улетел.

— Ну-ну, — сказал Фокин. — «Превратился в птицу»...

— Действительно, — подтвердил Лю. — Он свернул за угол, и оттуда сразу же вылетела птица.

— Ну и что? — заявил Фокин. — Он спугнул птицу, а вы рты разинули.

— Совпадение, — сказал Мбога.

Комов подошел к ним, и они остановились.

— Что, собственно, произошло? — спросил Комов.

— Я его уже держал, — заявил Фокин, — но он треснул меня по лбу.

— Это я уже слыхал, — сказал Комов. — С чего все началось?

— Я сидел в тюках, в засаде, — сказал Мбога, — и увидел, что кто-то ползет в траве прямо посреди улицы. Я хотел поймать его и вышел навстречу, но он заметил меня и повернул назад. Я увидел, что мне не догнать его, и выстрелил в воздух. Мне очень жалко, Гена, но, кажется, я напугал их.

Воцарилось молчание. Потом Фокин спросил с недоумением:

— А что вам, собственно, жалко, доктор Мбога?

Мбога ответил не сразу. Все ждали.

— Их было по крайней мере двое, — сказал он. — Одного обнаружил я, другой был у вас в палатке. Но, когда я пробегал мимо вертолета... Вот что, — закончил он неожиданно, — надо пойти и посмотреть. Наверное, я ошибаюсь.

Мбога неслышно зашагал к лагерю. Остальные, переглянувшись, двинулись за ним. У здания, на котором стоял вертолет, Мбога остановился.

— Где-то здесь, — сказал он.

Фокин и Таня немедленно полезли в черную тень под стену. Лю и Комов сверху вниз выжидательно смотрели на Мбога. Мбога думал.

— Ничего здесь нет! — сказал Фокин сердито.

— Что же я видел?.. Что же я видел?.. — бормотал Мбога. — Что же я увидел?

Раздраженный Фокин вылез из-под стены. Черная тень лопастей вертолета скользнула по его лицу.

— А! — сказал Мбога громко. — Странная тень!

Мбога бросил карабин и с разбегу прыгнул на стену.

— Прошу вас! — сказал он с крыши.

На крыше за фюзеляжем вертолета, словно на витрине магазина, были аккуратно разложены вещи. Здесь был ящик с маслом, тюк с индексом «Е-9», пара башмаков, карманный микроэлектронный прибор в пластмассовом футляре, четыре нейтронных аккумулятора, ком застывшего стеклопласта и черные очки.

— А вот и башмаки, — удивилась Таня. — И очки. Я их вчера утопила в речке...

— Да-а-а... — сказал Фокин и осторожно огляделся.

Комов словно очнулся.

— Лю! — быстро сказал он. — Мне необходимо немедленно связаться с «Подсолнечником». Фокин, Таня, сфотографируйте эту выставку! Через полчаса я вернусь.

Он спрыгнул с крыши и торопливо пошел, потом побежал по улице к базе. Лю молча последовал за ним.

— Что же это?! — завопил Фокин.

Мбога опустил на корточки, вытащил маленькую трубку, не торопясь раскурил ее и сказал:

— Это люди, Боря. Красть вещи могут и звери, но только люди могут возвращать украденное.

Фокин попятился и сел на колесо вертолета.

Комов вернулся один. Он был очень возбужден и высоким металлическим голосом приказал немедленно сворачивать лагерь. Фокин сунулся было к нему с вопросами. Он требовал объяснений. Тогда Комов тем же металлическим голосом процитировал:

— «Приказ капитана звездолета «Подсолнечник». В течение трех часов свернуть синоптическую базу-лабораторию и археологический лагерь, демобилизовать все кибернетические системы, всем, включая атмосферного физика Лю, вернуться на борт «Подсолнечника»».

От удивления Фокин повиновался и принялся за работу с необычайным усердием.

За два часа вертолет сделал восемь рейсов, а грузовые киберы протоптали от базы до бота широкую дорогу в траве. От базы остались только пустые постройки, все три

системы кибернетических роботов-строителей были загнаны в помещение склада и полностью депрограммированы.

В шесть часов утра по местному времени, когда на востоке загорелась зеленая заря, выбившиеся из сил люди собрались у бота, и тут наконец Фокина прорвало.

— Ну хорошо, — начал он зловещим сиплым шепотом, — ты, Геннадий, отдавал нам приказания, и я их честно выполнял. Но, прах побери, я хочу наконец узнать, зачем мы отсюда уходим? Как! — завопил он вдруг фальцетом, картинно выбросив руку. (Все вздрогнули, а Мбога выронил из зубов трубочку.) — Как! В течение трех веков искать Братьев по Разуму и позорно бежать, едва их обнаружив? Лучшие умы человечества...

— Борис, Борис!.. — Таня укоризненно покачала головой.

— Ничего не понимаю! — проговорил Фокин сиплым шепотом.

— Вы думаете, Борис, что мы способны представлять лучшие умы человечества? — спросил Мбога.

Комов угрюмо пробормотал:

— Сколько мы здесь напакостили! Сожгли целое поле, топтали посевы, развели пальбу... А в районе базы... — Он махнул рукой.

— Но кто мог знать? — сказал Лю виновато.

— Да, — произнес Мбога, — мы сделали много ошибок. Но я надеюсь, что они нас поняли. Они достаточно цивилизованы для этого.

— Да какая это цивилизация! — воскликнул Фокин. — Где машины? Где орудия труда? Где города, наконец?

— Да замолчи ты, Борис! — сказал Комов. — «Машины... города»!.. Хоть теперь-то раскрой глаза! Мы умеем летать на птицах? У нас есть медоносные монстры, которые к тому же дают мясо с живого тела? Давно ли у нас был уничтожен последний комар? Машины...

— Биологическая цивилизация, — произнес Мбога.

— Как? — спросил Фокин.

— Биологическая цивилизация. Не машинная, а биологическая. Селекция, генетика, дрессировка. Кто знает, какие силы покорили они? И кто скажет, чья цивилизация выше?

— Представляешь, Борька, — сказала Таня, — дрессированные бактерии!

Фокин яростно крутил ус.

— И уходим мы отсюда потому, — сказал Комов, — что никто из нас не имеет права взять на себя ответственность первого контакта.

«Ах, как жалко уходить отсюда! — думал он. — Ужасно жалко. Не хочу уходить. Хочу разыскать их. Поговорить с ними, поглядеть, какие они. Целое человечество! Не какие-нибудь безмозглые ящеры, не улитки какие-нибудь, а человечество. Целый мир, целая история... А у вас были войны и революции? А что у вас сначала было — пар или электричество? А в чем у вас смысл жизни? А сколько языков на Леониде? А можно взять у вас что-нибудь прочитать? Первый опыт сравнительной истории человечеств... И нужно уходить. Ай-яй-яй, как не хочется уходить!.. Но на Земле уже пятьдесят лет существует Комиссия по Контакткам. Пятьдесят лет изучают сравнительную психологию рыб и муравьев и спорят, на каком языке сказать первое «э»! Только теперь над комиссией уже не посмеешься. Работать им придется явно в поте лица. Интересно, кто-нибудь из них предвидел биологическую цивилизацию? Наверное. Чего они там только не предвидели. Счастливики!»

Мбога сказал:

— Какой все-таки удивительно проницательный человек Горбовский! Он явно что-то чувствовал.

— Да, — сказала Таня. — Страшно подумать, что бы здесь Борька наделал, будь у нас оружие!

— Почему обязательно я? — возмутился Фокин. — А ты? Кто купаться ходил с электрическим резакком?

— Все мы хороши, — сказал Лю со вздохом.

Комов поглядел на часы.

— Старт через двадцать минут, — объявил он. — Прошу по местам.

Мбога задержался в кессоне и оглянулся. Белая звезда ЕН 23 уже поднялась над зелеными равнинами Леониды. Пахло влажной травой, теплой землей и свежим медом. Над далекими холмами неподвижно повисли белые растрепанные облака.

— Да, — произнес Мбога, — необычайно благоустроенная планета. Разве природе под силу создать такую?

Глава пятая. Какими вы будете

Какими вы будете

Океан был как зеркало. Вода у прибрежных камней была такая спокойная, что темно-зеленые мочала водорослей на дне, обычно колеблющиеся, висели в глубине неподвижно.

Кондратьев завел субмарину в бухту, поставил ее впритык к берегу и сказал:

— Приехали.

Пассажиры зашевелились.

— Где мой киноаппарат? — спросил Женя Славин.

— Я на нем лежу, — отозвался Горбовский слабым голосом. — Мне очень неудобно. Можно, я вылезу?

Кондратьев распахнул люк, и все увидели ясное голубое небо. Горбовский вылез первым. Он сделал по камням несколько неверных шагов, остановился и пошевелил носком сухой плавник.

— Как здесь хорошо! — вскричал он. — Как мягко! Можно, я лягу?

— Можно, — сказал Женя.

Он тоже выбрался из люка и сладко потягивался. Горбовский сейчас же лег.

Кондратьев сбросил якорь.

— Лично я, — сказал он, — лежать на плавнике не советую. Там всегда несметно песчаных блох.

Женя, неестественно растопырившись, стрекотал киноаппаратом. Он снимал командира звена субмарин в момент возвращения из ответственной операции.

— Сделай лицо, — строго приказал он.

Кондратьев сделал лицо.

— Ну что ты в самом деле! — обиделся Женя и опустил аппарат.

— Я не все понял насчет блох, — подал голос Горбовский. — Они что, Сергей Иванович, прыгают? Или могут укусить?

— Могут и укусить, — ответил Кондратьев. — Да оставь ты меня в покое, Евгений! Вот вернемся на базу, тогда и снимай хоть до белых пятен. Собирай плавник и разводи костер.

Он полез в люк и достал ведро. Женя сел на корточки и стал брезгливо копать в плавнике двумя пальцами, выбирая щепки покрупнее. Горбовский с интересом следил за его манипуляциями.

— И все-таки, Сергей Иванович, я не все понял насчет блох.

— Они прогрызают кожу, — пояснил Кондратьев, ополаскивая ведро техническим спиртом.

— Да, — сказал Горбовский и перевернулся на спину. — Это ужасно.

Кондратьев набрал в ведро пресной воды из запасов на субмарине и спрыгнул на берег. Молча и ловко он собрал плавник, разжег костер, подвесил ведро над костром и достал из своих необъятных карманов леску, крючок и коробку с наживкой. Женя подошел с горстью щепок.

— Следи за костром, — приказал Кондратьев. — Я наловлю окуньков. Я мигом.

Прыгая с камня на камень, он перебрался на большую замшелую скалу, выступавшую из воды в двадцати шагах от берега, повозился там немного и застыл. Утро было тихое, солнце, выбравшись из-за горизонта, уставилось прямо в бухточку и слепило глаза. Женя сел по-турецки у костра и стал подкладывать щепочки.

— Изумительное существо — человек! — произнес вдруг Горбовский. — Проследите его историю за последние сто веков. Какого огромного развития достиг, скажем, производственный сектор! Как расширились области исследовательской деятельности! И с каждым годом появляются всё новые области, новые профессии. Вот я недавно познакомился с одним товарищем. Он учит детишек ходить. Очень крупный специалист. И он рассказал мне, что существует уже очень сложная теория этого дела...

— Как его фамилия? — быстро спросил Женя и вынул диктофон.

— Его фамилия... Елена Ивановна. А фамилию я не знаю. Но я не об этом. Я хочу сказать, что вот науки и способы производства все время развиваются, а развлечения, способы отдыха все остаются такими же, как в Древнем Риме. Если мне надоест быть звездолетчиком, я могу стать биологом, строителем, агрономом... еще кем-нибудь. А вот если мне, скажем, надоест лежать, что тогда останется делать? Смотреть кино, читать, слушать музыку или еще посмотреть, как другие бегают. На стадионах. И все! И так всегда было — зрелища и игры. Короче говоря, все наши развлечения сводятся в конечном счете к услаждению нескольких органов чувств. Даже, заметьте, не всех. Вот, скажем, никто еще не придумал, как развлекаться, услаждая органы осязания и обоняния.

— Ну еще бы, — сказал Женя. — Массовые зрелища и массовые осязалища. И массовые обонялища.

Горбовский тихонько хихикнул.

— Вот именно, — сказал он. — Обонялища. А ведь будет, Евгений Маркович! Непременно когда-нибудь будет!

— Так ведь это закономерно, Леонид Андреевич. По-видимому, законы природы таковы, что человек в конечном счете стремится не столько к самим восприятиям, сколько к переработке этих восприятий, стремится услаждать не столько элементарные органы чувств, сколько свой главный воспринимающий орган — мозг.

Женя выбрал из плавника еще несколько щепок и подбросил в костер.

— Отец рассказывал мне, что в его время кое-кто пророчил человечеству вырождение в условиях изобилия. Всюду будут делать машины, на хлеб с маслом зарабатывать не надо, и люди займутся тунеядством. Человечество, мол, захлестнут трутни. Но дело-то как раз в том, что работать гораздо интереснее, чем отдыхать. Трутнем быть просто скучно.

— Я знал одного трутня, — серьезно сказал Горбовский. — Но его очень не любили девушки, и он начисто вымер в результате естественного отбора. И все-таки я думаю, что история развлечений еще не окончена. Я имею в виду развлечения в старинном смысле слова. И обонялища какие-нибудь будут обязательно. Я хорошо представляю это себе...

— Сидят сорок тысяч человек, — сказал Женя, — и все как один принохиваются. Симфония «Розы в томатном соусе». И критики с огромными носами будут писать: «В третьей части впечатляющим диссонансом в нежный запах двух розовых лепестков врывается мажорное звучание свежего лука...»

— «...В огромном зале лишь немногие смогли удержаться от слез...»

Когда Кондратьев вернулся со связкой свежей рыбы, звездолетчик и писатель довольно ржали перед затухающим костром.

— Что это вас так разобрало? — с любопытством осведомился Кондратьев.

— Радуюсь жизни, Сережа, — ответил Женя. — Укрась и ты свою жизнь веселой шуткой.

— Могу, — сказал Кондратьев. — Сейчас я почищу рыбу, а ты соберешь внутренности и зароешь во-он под тем камнем. Я всегда там зарываю.

— Симфония «Могильный камень», — сказал Горбовский. — Часть первая, аллегро нон троппо.

Лицо Жени вытянулось, он замолчал и стал глядеть на роковой камень. Кондратьев взял камбалу, шлепнул ее на плоский камень и вытащил нож. Горбовский с восхищением следил за каждым его движением. Кондратьев одним ударом наискосок отделил голову камбалы, ловко запустил под кожу ладонь и мгновенно извлек камбалу из кожи целиком, словно снял перчатку. Кожу и выпавшие внутренности он бросил Жене.

— Леонид Андреевич! — позвал он. — Принесите соли, пожалуйста!

Горбовский, не говоря ни слова, встал и полез в субмарину. Кондратьев быстро разделал камбалу и принялся за окуней. Куча рыбьих внутренностей перед Женей росла.

— А где соль? — воззвал Горбовский из люка.

— В продовольственном ящике, — откликнулся Кондратьев. — Направо.

— А она не поедет? — с опаской спросил Горбовский.

— Кто — она?

— Субмарина. Тут направо пульт управления.

— Справа от пульта — ящик, — сказал Кондратьев.

Было слышно, как Горбовский ворочается в кабине.

— Нашел! — радостно заявил он. — Все нести? Тут килограммов пять...

Кондратьев поднял голову:

— Как так — пять? Там должен быть маленький пакет.

После минутной паузы Горбовский сообщил:

— Да, действительно. Сейчас несу.

Он выбрался из люка, держа в вытянутой руке пакетик с солью. Руки у него были в муке. Положив пакетик возле Кондратьева, он со стоном: «О мировая энтропия!..» — приноровился было снова лечь, но Кондратьев сказал:

— А теперь, Леонид Андреевич, принесите-ка, пожалуйста, лаврового листа.

— Зачем? — с огромным изумлением спросил Горбовский. — Неужели три взрослых человека не могут обойтись без лаврового листа?

— Нет уж, — сказал Кондратьев. — Я обещал вам, Леонид Андреевич, что вы хорошо сегодня отдохнете, и вы у меня отдохнете. Ступайте за лавровым листом...

Горбовский сходил за лавровым листом, а затем сходил за перцем и кореньями, а потом — отдельно — за хлебом. Вместе с хлебом он — в знак протеста — принес тяжеленный баллон с кислородом и язвительно сказал:

— Вот я принес заодно. На всякий случай, если надо...

— Не надо, — сказал Кондратьев. — Большое спасибо. Отнесите назад.

Горбовский с проклятиями поволок баллон обратно. Вернувшись, он уже не пытался лечь. Он стоял рядом с Кондратьевым и смотрел, как тот варит уху. Мрачный корреспондент Европейского информационного центра при помощи двух щепочек относил рыбы внутренности к могильному камню.

Уха кипела. От нее шел оглушающий аромат, приправленный легким запахом дыма. Кондратьев взял ложку, попробовал и задумался.

— Ну как? — спросил Горбовский.

— Еще чуть соли, — отозвался Кондратьев. — И, пожалуй, перчику. А?

— Пожалуй, — сказал Горбовский и проглотил слюнку.

— Да, — решительно сказал Кондратьев. — Соли и перцу.

Женя кончил таскать рыбы потроха, навалил сверху камень и отправился мыть руки. Вода была теплая и прозрачная. Было видно, как между водорослями снуют маленькие серо-зеленые рыбки. Женя присел на камень и загляделся. Океан блестящей стеной поднимался за бухтой. Над горизонтом неподвижно висели синие вершины соседнего острова. Все было синее, блестящее и неподвижное, только над камнями в бухте без крика плавали большие черно-белые птицы. От воды шел свежий солоноватый запах.

— Отличная планета — Земля! — сказал Женя вслух.

— Готово! — объявил Кондратьев. — Садитесь есть уху. Леонид Андреевич, принесите, пожалуйста, тарелки.

— Ладно, — сказал Горбовский. — Тогда я и ложки заодно.

Они расселись вокруг дымящегося ведра, и Кондратьев разлил уху. Некоторое время ели молча. Затем Горбовский сказал:

— Безмерно люблю уху. И так редко приходится есть!

— Ухи еще полведра, — сообщил Кондратьев.

— Ах, Сергей Иванович, — сказал Горбовский со вздохом, — на два года не наешься!

— Так уж на Леониде не будет ухи, — сказал Кондратьев.

Горбовский опять вздохнул.

— Может быть, и не будет. Хотя Леонида — это, конечно, не Пандора, и на уху надежда есть. Если только комиссия разрешит ловить рыбу.

— А почему бы и нет?

— В комиссии желчные и жестокие люди. Они наверняка запретят мне даже лежать. Они потребуют, чтобы все мои действия соответствовали интересам аборигенов этой планеты. А откуда я знаю, какие у них интересы?

— Вы фантастический нытик, Леонид Андреевич, — сказал Женя. — Я считаю, что ваше участие в Комиссии по Контакткам — ужасная ошибка. Ты представляешь, Сергей: Леонид Андреевич со всем своим душистым букетом недостатков представляет человечество перед цивилизацией другого мира.

— А почему бы и нет? — рассудительно сказал Кондратьев. — Я очень уважаю Леонида Андреевича.

— И я его уважаю, — сказал Горбовский.

— Я тоже его уважаю, — сказал Женя, — но не испортил бы он первое впечатление у граждан Леониды.

— Первое впечатление уже испорчено, — заметил Горбовский. — Между прочим, и по моей вине тоже. Но дело не в этом. Вы за меня не беспокойтесь, Евгений Маркович. На благоустроенной планете я буду тих, как улитка.

— Но этого мало! Сергей, ты читал список вопросов, которые будут обсуждаться при первой встрече?

— Читал.

— Там не хватает одного вопроса.

Горбовский с интересом посмотрел на Женю.

— Какого? — осведомился Кондратьев.

— Самого первого: «Можно я лягу?»

Кондратьев фыркнул в ложку с ухой. Горбовский посмотрел на Женю с укоризной.

— Ах, Евгений Маркович, — сказал он, — ну можно ли так шутить? Вот вы все смеетесь, а мне страшно. Я очень боюсь оплошать и навредить нашим потомкам.

— Да, плошать не стоит.

— Нельзя! Нельзя, Евгений Маркович! Ведь потомки в нас верят!

Кондратьев перестал есть и взглянул на Горбовского.

— За всех потомков, конечно, ручаться не могу, — спокойно продолжал Горбовский, — но вот Петр Петрович — тот во время последней со мной встречи вполне определенно выразился в том смысле, что он в нас верит.

— И чей же он потомок, этот Петр Петрович? — спросил Кондратьев.

— Доподлинно сказать вам не могу. Ясно, однако, что он прямой потомок какого-то Петра. Мы, знаете, об этом с ним как-то не говорили. В конце концов, это не очень важно, не правда ли?

— А о чем вы с ним говорили? — поинтересовался Женя.

Горбовский поставил пустую тарелку рядом с собой на камень, вытер рот носовым платком и сказал:

— Если вам интересно, могу рассказать. История, в общем, не длинная.

— Может, сначала посуду вымоем? — предложил Кондратьев.

— Нет. Я так не согласен. Надо сначала полежать. Верно, Евгений Маркович?

— Конечно, верно! — воскликнул Женя, тоже отставил тарелку и повалился на бок.

— Рассказывайте, Леонид Андреевич.

И Горбовский начал рассказывать.

— Мы шли на «Таризэле» к ЕН 6 — рейс легкий и не интересный, — везли Перси Диксона и семьдесят тонн вкусной еды для тамошних астрономов, и тут у нас взорвался обогатитель. Кто его знает, почему он взорвался, такие вещи иногда случаются даже теперь. Мы повисли в пространстве в двух парсеках от ближайшей базы и потихоньку стали готовиться к переходу в иной мир, потому что без обогатителя плазмы ни о чем другом не может быть и речи. В нашем положении, как и во всяком другом, было два выхода: открыть люки сейчас же или сначала съесть семьдесят тонн астрономических продуктов и потом все-таки открыть люки. Мы с Валькенштейном собрались в кают-компанию около Перси Диксона и стали выбирать. Перси Диксону было легче всех — у него оказалась разбита голова, и он еще ничего не знал. Очень скоро мы с Валькенштейном пришли к выводу, что торопиться некуда. Это была самая грандиозная задача, какую мы когда-либо ставили перед собой: вдвоем уничтожить семьдесят тонн продовольствия. На Диксона надежды не было. Тридцать лет во всяком случае можно было протянуть, а потом можно было и открыть люки. Системы водной и кислородной регенерации у нас были в полном порядке, двигались мы со скоростью двести пятьдесят тысяч километров в секунду, и нам еще, может быть, предстояло увидеть всякие неизвестные миры, помимо Иного.

Я хочу, чтобы вы отчетливо представили себе ситуацию: до ближайшего населенного пункта два парсека, вокруг безнадежная пустота, на борту двое живых и один полумертвый — три человека, заметьте, ровно три, это я говорю вам как командир. И тут открывается дверь, и в кают-компанию входит четвертый. Мы сначала даже не удивились. Валькенштейн этак неприветливо спросил: «Что вам здесь надо?» И вдруг до нас сразу дошло, и мы вскочили и уставились на него. А он уставился на нас. Совершенно обыкновенный человек, должен вам сказать. Роста среднего, худощавый, лицом приятен, без этой, знаете, волосатости, как у нашего Диксона, например. Только глаза особенные, веселые и добрые, как у детского врача. И еще — он был одет как звездолетчик в рейсе, однако куртка была застегнута справа налево. Так женщины застегиваются да еще, по слухам, дьявол. Это меня почему-то удивило больше всего. А пока мы разглядывали друг друга, я мигнул, гляжу — куртка у него уже застегнута правильно. Я так и сел.

«Здравствуйте, — говорит незнакомец. — Меня зовут Петр Петрович. Как вас зовут, я уже знаю, поэтому время терять не будем, посмотрим, что с доктором Перси Диксоном». Он довольно бесцеремонно отпихнул Валькенштейна и сел возле Диксона. «Простите, — говорю я, — вы врач?» — «Да, — говорит он. — Немножко». И принимается сдирать с головы Диксона повязку. Так, знаете, шутя и играя, как ребенок сдирает обертку с конфетки. У меня даже мороз по коже пошел. Смотрю на Валькенштейна — Марк стоит бледный и только разевает и закрывает рот. Между тем Петр Петрович снял повязку и обнажил рану. Рана, надо сказать, была ужасная, но Петр Петрович не растерялся. Он растопырил пальцы и стал массировать Диксону череп. И можете себе представить, рана закрылась! Прямо у нас на глазах. Ни следа не осталось. Диксон перевернулся на правый бок и захрапел как ни в чем не бывало.

«Ну вот, — говорит Петр Петрович. — Теперь пусть выспится. А мы с вами тем временем пойдем и посмотрим, что у вас делается в машинном отсеке». И повел нас в машинный отсек. Мы пошли за ним, как овечки, но, в отличие от овечек, мы даже не бляели. Просто, вы представляете себе, у нас не было слов. Не приготовили мы слов для

такой встречи. Петр Петрович открывает люк в реактор и лезет прямо в обоганительную камеру. Валькенштейн так и ахнул, а я закричал: «Осторожно! Радиация! Смертельная радиация!» Он посмотрел на нас задумчиво, затем сказал: «Ах да, верно. Идите, — говорит, — Леонид Андреевич и Марк Ефремович, прямо в рубку, я сейчас вернусь». И закрыл за собой люк. Пошли мы с Марком в рубку и стали там друг друга щипать. Молча щипали, зверски, с ожесточением. Однако не проснулись ни я, ни он. А минуты через две включаются все индикаторы, и пульт обогатителя показывает готовность номер один. Тогда Марк бросил щипаться и говорит слабым голосом: «Леонид Андреевич, вы помните, как надо крестить нечистую силу?» Едва он это сказал, вошел Петр Петрович. «Ах, — говорит он, — ну и звездолет у вас, Леонид Андреевич! Ну и гроб! Преклоняюсь перед вашей смелостью, товарищи». Затем он предложил нам сесть и задавать вопросы.

Я стал усиленно думать, какой бы вопрос задать поумнее, а Марк, человек сугубо практический, спросил: «Где мы сейчас находимся?» Петр Петрович грустно улыбнулся, и в ту же секунду стены рубки сделались прозрачными. «Вот, — говорит Петр Петрович и показывает пальчиком. — Вон там наша Земля. Четыре с половиной парсека. А там — ЕН 6, как это у вас называется. Измените курс на шесть десятых секунды и идите прямо на деритринитацию. А может быть, вас прямо, — говорит, — подбросить к ЕН 6?» Самолюбивый Марк ответил: «Спасибо, не трудитесь, теперь мы и сами...» Он прямо взял быка за рога и принялся ориентировать корабль. Я тем временем все думал над вопросом, и все время мне в голову лезли какие-то «погоды в надзвездных сферах». Петр Петрович засмеялся и сказал: «Ну ладно, вы сейчас слишком взволнованы, чтобы задавать вопросы. А мне уже пора. Меня в этих самых надзвездных сферах ждут. Лучше я вам сам все вкратце объясню. Я, — говорит, — ваш отдаленный потомок. Мы, потомки, очень иногда любим навестить вас, предков. Поглядеть, как идут дела, и показать вам, какими вы будете. Предков всегда интересует, какими они будут, а потомков — как они стали такими. Правда, я вам прямо скажу — такие экскурсии у нас не поощряются. С вами, предками, нужен глаз да глаз. Можно такого натворить, что вся история встанет вверх ногами. А удержаться от вмешательства в ваши дела иногда очень трудно. Так вмешаться, как я, например, сейчас вмешался, — это еще можно. Или вот один мой друг. Попал в битву под Курском и принялся там отражать танковую атаку. Сам погиб и дров наломал — подумать страшно. Правда, атаку он не один отражал, так что все прошло незаметно. А вот другой мой товарищ — тот все порывался истребить войска Чингиза. Еле удержали. Вот, собственно, и все. А теперь я пойду, обо мне наверняка уже беспокоятся».

И тут я завопил: «Постойте, один вопрос! Значит, вы теперь уже все можете?» Он с этакой снисходительной ласкою поглядел на меня и говорит: «Что вы, Леонид Андреевич! Кое-что мы, конечно, можем, но в общем-то работы еще на миллионы веков хватит. Вот, — говорит, — давеча тушили-тушили одну паршивенькую галактику, да так и отступились. Слабоваты пока. А вы, — говорит, — товарищи, на правильном пути. Вы нам нравитесь. Мы, — говорит, — в вас верим. Вы только помните: если вы будете такими, какими собираетесь быть, то и мы станем такими, какие мы есть. И какими вы, следовательно, будете». Махнул он рукой и ушел прямо сквозь стену. Вот такая история.

Горбовский приподнялся на локтях и оглядел слушателей. Кондратьев спал, пригравшись на солнышке. Женя лежал на спине, задумчиво глядя в голубое небо.

— Да, небезынтересная сказочка, — медленно сказал он. — «Для будущего мы встаем ото сна. Для будущего обновляем покровы. Для будущего устремляемся мыслью. Для будущего собираем силы... Мы услышим шаги стихии огня, но будем уже готовы управлять волнами пламени».

Горбовский дослушал и сказал:

— Это не сказочка. Это, Евгений Маркович, быль. Не верите?

— Нет, — сказал Женя.

— Спросите Валькенштейна. И поглядите на Диксона. Есть у него шрам на голове? Нет у него шрама на голове. По-моему очень убедительно.

Он помолчал немного и добавил:

— И как вообще, по-вашему, мы смогли выбраться, если у нас взорвался обогатитель плазмы?

— Милый Леонид Андреевич, — сказал Женя, — я бы тоже очень хотел повидаться с нашими потомками. Подумать только, какой путь прошел человек, и как много ему еще осталось идти! Вы знаете, Леонид Андреевич, мое воображение всегда поражала ленинская идея о развитии общества по спирали. От первобытного коммунизма, коммунизма нищих, нищих телом и духом, через голод, кровь, войны, через сумасшедшие несправедливости, к коммунизму неисчислимых материальных и духовных богатств. С коммунизма человек начал и к коммунизму вернулся, и этим возвращением начинается новая ветвь спирали, такая, что подумать — голова кружится. Совсем-совсем иная ветвь, не похожая на ту, что мы прошли. И двигает нас по этой новой ветви совсем новое противоречие: между бесконечностью тайн природы и конечностью наших возможностей в каждый момент. И это обещает впереди миллионы веков интереснейшей жизни.

Горбовский промолчал. Кондратьев вдруг открыл глаза, сладко потянулся и сел.

— Философы, — сказал он. — Аристотели. Давайте быстренько помоем посуду, искупаемся и рванем в Золотой Грот. Такого, мальчики, вы еще не видели.

Подготовлено: С. Бондаренко, В. Казаков

II. Публицистика

Опубликованное

Аркадий Стругацкий. Инэко Сата

Сата Инэко. Пока не угаснет пламя. — М.: Гослитиздат, 1960.

Жизнь Инэко Сата может служить ярким примером биографии деятеля культуры «из низов» в буржуазном государстве в «эпоху войн и социальных революций». Творческий путь писательницы не всегда был прямым и целеустремленным, у нее были взлеты и падения, и при всем своем стремлении к большой художественной правде, при всех своих демократических и социалистических убеждениях Инэко Сата, не обладая достаточной идейной закалкой, нередко заблуждалась и поддавалась на провокационные приманки враждебных народу — и, следовательно, ей самой — идеологических течений. Однако ничто не может заслонить от читателя ее страстный протест против социальной несправедливости, против войны и военщины, как не может заслонить и ее любви к простому человеку, ее глубокой симпатии к борцам за счастье, свободу и независимость своей страны.

1

Инэко Сата родилась 1 июня 1904 года в Нагасаки, крупном портовом городе, на который четыре десятилетия спустя была сброшена атомная бомба. Детство Инэко было тяжелым. Семи лет она лишилась матери, семья прозябала в нищете, перебиваясь случайными заработками отца. В 1915 году отец, отчаявшись выбиться из нужды, решил переехать в Токио. Но столица встретила переселенцев неласково. Отец так и не смог найти работу, которая обеспечила бы постоянный заработок, и маленькой Инэко пришлось бросить школу и поступить на кондитерскую фабрику. Так в двенадцатилетнем возрасте Инэко Сата начала трудовую жизнь. Кем только не приходилось ей работать — работницей на кондитерской фабрике, потом на текстильной, судомойкой, продавщицей в книжном магазине, официанткой.

Нелегкая была это жизнь, заполненная каждодневной напряженной борьбой за чашку риса, но Сата все же удавалось находить время для самообразования. Она много читала, пробовала писать. В 1922 году стихи молодой продавщицы Инэко Сата впервые увидели свет — они были напечатаны в небольшом журнале «Си то Дзансэй». Разумеется, первые творческие опыты Сата прошли незамеченными. Жить было по-прежнему трудно. К нужде, постоянной усталости прибавились еще другие неприятности, связанные с неудачным замужеством.

В 1926 году в жизни Сата наметился крутой перелом. Она познакомилась с некоторыми видными деятелями японской пролетарской культуры, в частности с большим пролетарским писателем, поэтом и критиком коммунистом Сигэхару Накано и критиком Цурудзиро Кубокава. Собираясь в кафе для литературных споров, они обратили внимание на официантку, которая с жадностью ловила каждое их слово. Новые знакомые узнали, что Сата мечтает о литературной деятельности и даже пишет стихи, и всячески поощряли это ее увлечение. Стихи Сата стали появляться в пролетарском журнале «Роба». Вскоре Сата вышла замуж за Цурудзиро Кубокава. Под влиянием мужа и новых товарищей она начала знакомиться с марксистской литературой, вступила в «Лигу пролетарского искусства» («Пурорэтария гэйдзюцу рэммэй»). Теперь Сата знала, какой путь ей следовало избрать.

В конце двадцатых годов реакция в Японии активизировалась. Японское правительство готовилось к вооруженному захвату Маньчжурии и Монголии. Чтобы обеспечить себе тыл, правительство, разъяренное и испуганное ростом в народе антивоенных настроений и популярностью коммунистической партии, перешло в решительное наступление. 15 марта 1928 года по всей стране были проведены массовые аресты коммунистов и им сочувствующих. В тюрьмы были брошены тысяча шестьсот человек. Крупнейшие общественные организации, находившиеся под влиянием компартии, были разогнаны. Число обвиняемых, представших перед судом после репрессий 15 марта, достигло четырехсот человек. Участились убийства из-за угла руководителей революционных профсоюзов и рабочих-активистов. 16 апреля следующего года были вторично проведены массовые аресты коммунистов.

В этой обстановке Инэко Сата впервые вышла на широкую литературную арену. По совету Сигэхару Накано она пишет повесть о работницах кондитерской фабрики. Вот где пригодился горький опыт, накопленный в детстве и юности, знание условий труда японских работниц, их мыслей и настроений. Повесть «С кондитерской фабрики» была опубликована в 1928 году в журнале «Пурорэтария гэйдзюцу» («Пролетарское искусство») и сразу выдвинула Сата в первые ряды пролетарских литераторов. Успех первой повести и восторженные отзывы товарищей вдохновили молодую писательницу и заставили поверить в собственные силы. Одна за другой в печати появляются ее повести и новеллы: «Ресторан», «Забастовка и продавщицы», «Работница табачной фабрики», «Обрыв», «Прощание», «Слезы активисток», «Молитва», в которых она с горячим сочувствием к обездоленным, с жгучей ненавистью к эксплуататорам и с великолепным знанием фактического материала описывает жизнь и борьбу японского пролетариата, его лучших представителей — коммунистов. Инэко Сата становится признанным писателем и деятелем пролетарской культуры. В 1929 году ее приняли в Союз пролетарских писателей Японии, в 1931 году она была назначена членом редакционной коллегии журнала «Хатараку фудзин» («Работница»).

Между тем наступление реакции продолжалось с нарастающей силой и жестокостью. Полиция брала на прицел уже не только революционных политических деятелей, но и работников литературы и искусства. В 1932 году в числе других литераторов-коммунистов были арестованы Сигэхару Накано и муж Инэко Сата — Кубокава. 20 февраля 1933 года в полицейском участке в Цукидзи был зверски замучен вождь японских пролетарских писателей Такидзи Кобаяси, а через год, в январе 1934 года, было официально объявлено о «самороспуске» Союза японских пролетарских писателей. Фактически весь руководящий состав пролетарского литературного движения оказался в тюрьме. Ренегатствующие элементы вместе с реакционными писателями объявили поход против передовой литературной мысли, требовали отказа от марксизма, фальсифицировали и старались дискредитировать метод социалистического реализма.

Инэко Сата продолжала бороться. После ареста мужа она стала ответственным редактором «Хатараку фудзин», вступила в коммунистическую партию и активно участвовала в подпольной работе. Именно тогда в журнале «Кайдзо» появилась ее статья «Что делать?», призывавшая к сопротивлению фашистской реакции, а в журнале «Тайсю-но томо» («Друг народа») — рассказ «20 февраля», посвященный преступному убийству Кобаяси. Инэко Сата продолжала писать и после официального роспуска всех литературных и культурных организаций. Она написала несколько критических статей, повесть «Дом, в котором растет пион», публицистические заметки «Мысли писательницы».

Но было очевидно, что долго так продолжаться не может. Государство неудержимо катилось к войне. Беспощадный полицейский террор душил все передовое. Прогрессивным писателям запрещали печататься, их преследовали и бросали в тюрьмы. На культурном фронте бесчинствовали апологеты всевозможных буржуазных «измов», фашиствующие проповедники войны и «нравовисатели» с нездоровой эротикой. Журналы

«Хатараку фудзин», «Тайсю-но томо» и другие были закрыты, цензура свирепствовала вовсю. В 1935 году Инэко Сата была арестована по обвинению в нарушении закона «Об охране общественного спокойствия». Сата продержали в участке два месяца (за это время она написала рассказ «Алый»), после чего ее дело было передано в суд. Следствие продолжалось целый год, и суд вынес обычный в отношении прогрессивных деятелей-женщин приговор: два года каторжных работ с отсрочкой исполнения приговора на четыре года.

2

С началом японской агрессии в Китае, и особенно с началом войны на Тихом океане, в Японии окончательно утвердилась военно-фашистская диктатура. Лишенный революционных вождей, преданный парламентскими оппортунистами, запуганный преследованиями полиции, оглушенный громом шовинистической пропаганды, японский народ покорно сносил непомерные налоги, чудовищные трудовые повинности, покорно шел умирать на полях Китая, в джунглях южных морей, на ледяных кручах Алеутских островов. Малейшая попытка протеста беспощадно подавлялась. Была запрещена даже «деловая» критика военных властей. Естественно, что в таких условиях литература и искусство приняли необыкновенно уродливые, извращенные формы. Книжный рынок Японии был наводнен шовинистической литературой, восхвалявшей кровавые подвиги средневекового самурайства и современной военщины, и сентиментально-эротической макулатурой. Литературная критика свелась к охаиванию лучших традиций мировой и социалистической культуры.

Наиболее стойкие из оставшихся на свободе прогрессивных писателей (например, замечательная писательница-борец Миямото) любой ценой пытались преодолевать цензурные рогатки и своими произведениями оказывать влияние на народ. Но их было немного. Одна часть писателей затаилась, надеясь пережить лихолетье, другая — так или иначе вынуждена была пойти на сотрудничество с милитаристами. В числе последних оказалась и Инэко Сата.

Правда, она не пошла на прямое предательство, не стала сочинять рассказы о «подвигах» мужественных японских солдат в Китае, не стала писать статьи, воспевающие «освободительную миссию японской армии в восточном полушарии». Но ее произведения — «Колесо времен года», «Зрение», «Бурные волны» — были аполитичными и не представляли никакой художественной ценности. Она писала много — все это были повести и рассказы для развлекательного чтения, вполне устраивавшие цензуру.

В семье Инэко Сата назревает тяжелая семейная драма, полный идейный разрыв с мужем. Коммунист Цурудзиро Кубокава, выпущенный из тюрьмы на поруки, был лишен возможности активно участвовать в деятельности партии, так как у него не было никакой связи с товарищами — коммунистами — и полиция следила за каждым его шагом, но политические убеждения его не изменились. Муж и жена все больше отдалялись друг от друга и в сорок пятом году разошлись окончательно.

3

С 1944 года положение на Тихоокеанском фронте резко изменилось не в пользу Японии. Японские войска сдавали одну позицию за другой, большая часть японского флота была потоплена, японские города подвергались ужасным «ковровым» бомбардировкам американской авиации. Военщина бесновалась, требуя от народа «новых жертв», но судьба войны была решена. После того как Советская Армия разгромила в Маньчжурии огромную Квантунскую армию — последнюю надежду милитаристов, Япония капитулировала. В сентябре 1945 года американские войска оккупировали страну.

Только теперь Инэко Сата осознала всю тяжесть своих заблуждений. Десятки миллионов японцев остались без крова, миллионы отдали жизнь за миф о «Великой восточноазиатской сфере процветания», в стране хозяйничали чужеземцы, и во всем этом — Сата чувствовала это всей душой — была частица ее вины. И Сата решила отдать все свои силы, всю жизнь для того, чтобы искупить вину. Она снова вступает в ряды прогрессивных писателей и общественных деятелей Японии.

В 1946 году Сата возвращается в ряды коммунистической партии и активно участвует в предвыборной кампании, агитируя за кандидатов-коммунистов. Одновременно она много времени уделяет писательскому труду. Ее первые послевоенные произведения — повести «Писательница», «Метрика одной женщины», «Моя карта Токио», «Ложь» и другие — посвящены борьбе народа за построение новой Японии. Они получили хорошую оценку прогрессивной печати. В 1947 году Инэко Сата избирают руководителем токийского отделения «Общества литературы новой Японии» («Синнихон бунгаку-кай»), а в 1953 году — в президиум этого общества. Одновременно Инэко Сата принимала самое деятельное участие в работе основанного ею «Народного женского клуба». Но творческая литературная работа по-прежнему оставалась для нее главным делом. Теперь она пишет очень много, и каждая новая повесть, каждый рассказ увеличивают ее популярность в народе.

В отличие от многих писателей, стремившихся держаться в стороне от политики, Инэко Сата увидела в борьбе за мир и демократию ту единственно верную идейную и творческую основу, которая способна обеспечить литературе непрерывное движение вперед и тесную связь с самыми широкими слоями народа. Обстановка в стране была необычайно сложная. Фашисты организовали покушение на генерального секретаря компартии Токуда, в парламенте свили себе гнездо проходимцы, связанные с черной биржей. Оккупационные власти отдали приказы об аресте членов ЦК Компартии Японии и о создании «резервного полицейского корпуса», который должен был стать костяком японской армии. Наконец в Сан-Франциско был подписан сепаратный мирный договор с США и Англией, и вскоре после этого был заключен японо-американский «Пакт безопасности», ставивший Японию в положение сателлита. Поддержать народ в борьбе за мир против сил реакции — вот была главная задача прогрессивной литературы, и Инэко Сата прекрасно понимала это.

В 1951 году военный трибунал оккупационных войск осудил за участие в борьбе за мир группу молодых людей, среди которых был сын Сата. Об этом позорном акте оккупантов Инэко Сата написала рассказ «Локоть к локтю» и оповестила всю страну о том, как стойко держались на суде молодые борцы за мир. Позже, уже в 1955 году, Инэко Сата еще раз вернулась к описанию отвратительных инсценировок суда над молодежью в большой повести «Зеленая аллея».

В 1953 году Инэко Сата создает одно из наиболее значительных своих произведений — «Пока не угаснет пламя», в котором выступает против строительства в Японии американских военных баз. Следует отметить, что последние произведения Сата отличаются высоким художественным мастерством. Впрочем, это можно сказать о произведениях всех прогрессивных писателей новейшего времени. Пролетарская японская литература до войны стремилась как бы подчеркнуть свой боевой публицистический характер, всячески противопоставить себя бесплодному психологизированию буржуазных писателей того времени. Эта тенденция в той или иной степени определяет художественный уровень большинства произведений довоенной пролетарской литературы, придает им чрезвычайно специфические черты: сухость изложения, прямолинейность в изображении чувств, переживаний героев. Авторы как бы стремились на первый план выдвинуть политическую идею, мало заботясь о ее художественном воплощении. Этих признаков «болезни роста» левой литературы не избежали даже ее вожди и классики — Такидзи Кобаяси и Юрико Миямото. Не избежала их в своих довоенных, а также, отчасти, в послевоенных произведениях и Инэко Сата. Но

писательница неустанно совершенствовала свое художественное мастерство, и роман «Пока не угаснет пламя» уже полностью отвечает требованию метода социалистического реализма, — здесь форма соответствует содержанию. На страницах романа перед читателем проходят живые, законченные образы героев, с их переживаниями и думами, с им одним присущими чертами характера. В романе дана целая галерея героев — современников Сата. Хотя одним из героев является студент-коммунист, принимающий участие в борьбе крестьян против строительства американской военной базы, Сата отказывается от того, чтобы нарисовать подробную картину его деятельности, как она поступила бы еще несколько лет назад. Нет, в романе «Пока не угаснет пламя» заложена гораздо более важная и значительная идея: доказать читателю, что мелочные заботы о мещанском счастье с возлюбленным ничтожны перед лицом угрозы всеобщего уничтожения в новой войне, что подлинное счастье человека состоит в борьбе за счастье и светлое будущее всех людей земли.

Роман «Пока не угаснет пламя» имел огромный успех. Не меньший успех выпал на долю и следующего значительного произведения Сата — повести «Молодость среди машин». Работая над этой повестью, Сата часто бывала на текстильных фабриках, подолгу беседовала с работницами, знакомилась с условиями их труда и быта. Повесть озаглавлена по названию сборника стихов текстильщиц, вышедшего в свет двумя годами раньше. Помимо повести «Молодость среди машин», Сата опубликовала в 1954 году несколько новелл — «Скрип колес», «На улицах», «Прожигательница жизни». А в 1955 году вышла в свет ее повесть «Зеленая аллея», которая наряду с романом «Пока не угаснет пламя» является, несомненно, одним из лучших ее произведений. Повесть эта посвящена современной японской молодежи, ее борьбе за мир против иностранных военных баз.

Инэко Сата продолжает плодотворно участвовать в литературной и общественной жизни Японии. Она хорошо известна широким массам японских читателей как мастер повести и короткого рассказа. В ее произведениях читателя привлекает простота языка, хорошо разработанный сюжет, психологически верные образы студенческой и рабочей молодежи — главных героев Сата.

III. Письма. Дневники. Записные книжки

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Переписка, 1960

Аркадий — брату, 2 января 1960, М. — Л.

Здравствуй, друг мой!

Прежде всего, конечно, с Новым годом тебя и твое семейство. А засим — к делу. Должен сказать, что тон твоего последнего письма пришелся мне не по душе. И в первую очередь — твои рассуждения о СГП. Я не очень хорошо понимаю, что ты имеешь в виду, когда пишешь об эклектике в стиле — может быть, вкрапления и прослоения хэммингуэвщины старым стилем, но странно было слышать, что ты пришел от этого в отчаяние. И я не уверен, что там нужно что-то исправлять. Может быть, это только показалось тебе по необычности? Проверь еще раз. Многим эта вещь нравится. Не занимайся вкусовщиной, как сказал бы один из наших шефов.

Далее. Я бы понял тебя, если бы ты оставил ТВБ из-за того, что не можешь найти оригинальный сюжет или что-нибудь в этом роде. Но оставить такую тему только потому, что тебе неясно, каков будет путь эволюции человека — прости, это недостойно фантаста. Да прими ты за основу, что человек будет сам помогать себе развиваться в нужном направлении при помощи разных механических приспособлений — те же нейтринные пучки, специальная психологическая обработка в школьном возрасте и так далее — и лепи этого своего Ивана Ивановича по любому образу и подобию. Никто с тобой спорить не будет, уверяю тебя. Главная идея ведь не в том, сохранится у человека слепая кишка или нет, а в том, как встретились наши с далеким своим потомком, господином вещей, волшебником, в том, что он пришел поклониться своим предкам и в то же время подбодрить их на тяжелом и интересном пути — не зря, мол, работаете, ребятки, а за господство человека в космосе, в обеих бесконечностях.

Далее. Перехожу к новостям. Кассель заболел, а выйдя из больницы, пойдет в отпуск. Сдача сборника в производство откладывается. СЛ и ЧрПр находятся в «Юности», будем ждать, что скажет Катаев. Из МолГвар пока никакого ответа на наши заявки нет. Я по твоим наброскам сделал первую главу и пролог к Возвращению. Буду по мере сил продолжать. Все секции и общественные потуги — дерьмо и говорильня. Туда можно ходить только на предмет посещения буфета. Так что не завидуй.

Предложения. Быстренько кончай с прологом к Следопытам и переходи к ТВБ. Я бы, кроме того, предложил тебе как следует подумать о ПТЖ. Хоть ты и оставил этот рассказ за непригодностью, но все-таки посмотри еще раз, подправь. Ей-ей, тема превосходная, и эпизоды смачные, и спор о смысле работы там очень уж хорош. И люди есть — это все у нас говорят. А главное — нужен этот рассказ, понимаешь? Всем нужен. Далее. Прошу тебя по-прежнему консультировать меня по Возвращению. И пиши чаще.

Теперь вот что. Я бы, конечно, с радостью приехал, как раз февраль-март было бы очень неплохо, но меня здесь не пускают, потому что считают, что я разрушаю твою семейную жизнь. У нас здесь все считают себя великими знатоками природы человеческой. Так что, возможно, если бы ты в каждом письме поскуливал насчет необходимости встретиться, было бы спасительно. Учти.

Вот, кажись, и все.

Передай большой привет маме и поцелуй ее. Я все ждал, что она прикатит к нам, да так и не дождался.

Жму руку, Арк.

Борис — брату, 8 января 1960, Л. — М.

Дорогой Арк!

Прости меня — долго не отвечал: хотел закончить пролог. Но потом вспомнил, что ждет ответа письмо этого товарища из Ташкента. Прилагаю письмо и проект ответа на него. Исправь, перепечатай и отправь. И попытайся сообразить, откуда он раздобыл мой адрес (письмо пришло на К. Маркса, 4). Я этого понять не могу.

Ты пишешь, что тон моего последнего письма тебе не понравился. Охотно верю. Я стал какой-то озверелый и погружен в депрессию. Во-первых, снова много работы на станции. Нас очень хвалили за работу в 59 году, и теперь начальник Димка Положенцев совсем ...ел и задул такой план на 60 год, что у меня по сей поры волосы на теле стоят дыбом, как на щетке для прочистки сортиров. Причем, паршивец, навалил на меня три четверти плана, а сам скромно ударился в астрометрию. В результате устаю я как собака и конца этому не видно. Во-вторых, ни хрена у меня что-то не клеится. Единственно со вкусом поработал над СГП, да и то ты ни слова одобрения не отписал, а мне-то казалось, что я добавил много хороших мелочей. Ну, да это неважно, и об СГП я сейчас говорить не буду. Возьму и все попереправлю, как мне захочется, и — не пожалею времени — на каждое исправление дам письменное, черт побери, обоснование. Барал я все, и да здравствует вкусовщина. И долой безвкусицу. А теперь я вот уже который день (точнее вечер) мучаюсь над прологом. И ни хрена не получается. А то, что ты прислал, — фальшь, ложь, анемия, безмыслие. Нельзя так писать вообще и тем более — в «Известия», ибо для нас «Известия» были бы большой ступенькой, и шансом этим пренебрегать нельзя. Надо дать что-нибудь настоящее. А нынешний вариант пролога — это не настоящее. Это а) не вельми интересно, б) неправдиво (посуди сам, ну что это за проводы! Разве так будут провожать! Выдуманно все это: и сверхпочтительность, и полоса отчуждения, и зеленый корреспондент), в) совершенно лишено гвоздей. Нацело. Пустой рассказ. Пустой, несмотря на обилие информации. Гладкий и плоский, зацепиться не за что. Прочтут его и спросят: «Ну и что?» Не подумай, что я жалуясь. Если я и жалуясь, то самую малость. Чуть-чуть. Просто пока ничего не выходит. Буду думать дальше. Что касается ТВБ, то ты меня просто неверно понял. Я не отказываюсь его писать. Я просто констатирую, что этот рассказ лишен научной базы. Это очень плохо. Мне не на что опереться. Я не вижу этого человека из бесконечности. А беспочвенных фантазий не люблю. Надо думать, а не выдумывать. Вот и буду думать, но позже.

Третья причина депрессии — это дурные от тебя вести. Сборник отложен. В 3–С мы, вероятно, впали в немилость: как иначе объяснить, что они уже и ЧрПр не берут, хотя и обещали. А отказ от СЛ — это, надо думать, не течка Жигарева, а вполне обдуманый поступок. Он предупреждал нас, чтобы мы сменили ключ. Мы не сменили, он вправе послать нас к е. м. И почему это до сих пор не выходит 12 №? Уж не выкидывают ли оттуда БКА или рецензию на СБТ или и то и другое гамузом? Чтой-то мне беспокоило и сумно. И мношно. Ты уж меня развежь как-нибудь. Ты там вращаешься, а я-то один среди тех же и ничего не знаю и очень мало вижу. А читал ты «Пленники пылающей бездны» Фрадкина? Говорят, впечатляющая книжка.

Приехать тебе надо, вот что. Я тут без тебя сгнию. А все, что твои там несут насчет семьи и разрушения — бред, извиняюсь. Это бред вообще (извиняюсь) и в частности (извиняюсь), ибо (извиняюсь) во второй половине февраля Андрюшку мы подкинем теще в Киев, а в марте Адочка уедет в Ташкент наблюдать, так что разрушать будет нечего. Я подозреваю, что там опасаются разрушения совсем другой семьи, так ты убеди и клянись, что иначе нельзя. Когда все уладишь, пиши незамедлительно, и я начну готовить почву.

Прекрасная книжка вышла — «Труды шестого космогонического совещания». Трактуются вопросы космологии и строения Великой Вселенной. А времени прочесть нет. Вот где мы матерьяльчику наберем для «Возвращения»! Эх ма! На пенсию бы или хоша на полставки!

Очень жду твоих писем и самого тебя, [подпись].
 Р<ost> Т<extum>. Так почему же нет 12 №?

Аркадий — брату, 7 февраля 1960, М. — Л.

Здравствуй, дорогой мальчик!

Прости, не сдержал обещания, не написал тебе сразу. Но на меня навалилось сразу очень много неприятностей. Во-первых, мне в первый же день привили оспу. Оспа привилась весьма активно, я принялся недомогать, и тут же, как назло, взялись меня есть зубы. Мучился и страдал я целую неделю, затем махнул на все рукой, пошел к дантисту и — сразу три зуба! Это было развлечение, доложу я тебе. Вернулся домой, пошатываясь, было плоховато с сердцем, но теперь все уже прошло, хотя голая десна слегка поскуливает. Итак, оспа зажила, впереди в нижней челюсти — чудовищная дыра, разговариваю я сейчас как Макреа: дифциплина, сруд, сшанция и т. д.

Теперь о делах. Пересылаю тебе первые три главы «Возвращения», работай не торопясь, смело вводи новые эпизоды и заколачивай гвозди. Я сейчас работаю над четвертой главой — «Злоумышленники», то бишь «В школе». Очень трудная глава, думаю, получится она неважно, но надобно же иметь хотя бы от чего отталкиваться.

«НС» и «ПуРО» отнесены в «З-С», о них выяснится в понедельник. В «Юности» дела, кажется, плоховаты, но я у них еще не был. В «Известиях» я разругался с этой публикой. Им, понимаешь ли, отрывок очень нравится, но им, видишь ли, не подходит именно этот отрывок, который оставляет читателя на самом интересном месте. Ругался я по телефону, больше разговаривать не буду, только съезжу и заберу рукопись. Вообще, пожалуй, с газетами связываться больше не стоит. Манки бизнес. Однажды ночью звонили из «Уральского следопыта», требовали рассказ. Я поворчал и сказал, что подумаю. Надоело мне все это — сил нет. Столько дел, что работать некогда.

Основное: Кассель спешно дорабатывает рукопись, говорят, к 15 она будет сдана в производство. Кассель сидит в санатории и связаться с ним нет никакой возможности. Видел я эскизы к иллюстрациям. Мое мнение — хорошо. Обложка, например, совершенно абстракционистская. Выдумки много, этот мальчишка Алимов позволяет надеяться на хорошее оформление. В рисунках он пытается воспроизвести не столько сюжет, сколько психологию.

Отвез в «Мол<одую> гв<ардию>» договоры и наши вещи новые. Пока читают, еще не звонили. Думаю, пройдет хорошо. Да, еще, звонили из Изобррацион, просили. Я им думаю всунуть «Погружение». Меня несколько ставит в тупик «ПТЖ». В «Юность» давать не хочется, я на них осwirепел, может, в журнал «Мол<одая> гв<ардия>»? Завтра выхожу на улицу и все буду исполнять и пробовать.

Звонил к Ляпунову, он обещал поговорить с Тушканом, а нам порекомендовал обратиться в Издательства, где мы работаем. Это тоже мысль. Как только вернется Кассель, попробуем. Так что подожди немного. Вообще Ляпунов что-то мнется, а может быть, это только мое впечатление. Посмотрим.

Вот, кажись, и все новости. Думаю, днями вышлю тебе три наших рассказа. Я уже давно перепечатал на машинке, но отдал твои экземпляры на прочтение в Совинформбюро. Они горят передать нашу фантастику на границу. Пусть их. А вообще все они — дерьмо. Ни на какие посторонние организации — кроме «З-С» и еще «Изобррацион», где сидят честные любители, полагаться не надо. Кассель, Варшавский да Вельтман, ну еще Жемайтис. Вот люди, с которыми можно работать, ибо они кровно в НФ заинтересованы. Остальные — по моде, куда ветер дует. Ну их в п...

В общем, работа продолжается. Поцелуй маму и Адку.

Твой добрый и несчастный брат Арк.

Борис — брату, 9 февраля 1960, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Получил твое письмо, из коего с очевидностью следует, что неизобразимые физические мучения, обрушившиеся на тебя, изъязвили одновременно и твою благородную душу, так что ты сейчас, говоря по-нашему, по-простому, впал в депрессию. Надеюсь поднять твой тонус следующим любопытным сообщением.

Вчера мне было вручено письмо из Италии, пришедшее по адресу:

URSS, г. Ленинград, Пулковская обсерватория, г. Стругацкому А. Ниже приводится абсолютно точная копия письма.

Giangiacomo Feltrinelli Editore
Roma, via Arenula 21, tel. 651784
Рим, 29.1.1960

Многоуважаемый господин!

Мы желаем опубликовать на итальянском языке сборник советских научно-фантастических рассказов. В него хорошо бы включить, если Вы и Ваш брат согласны, рассказы «Забытый эксперимент», «Шесть спичек» и «Извне», которые нам очень понравились. Кроме того, мы уже избрали следующие повести и рассказы:

Беляев, «Мистер Смех»

Ефремов, «Звездные корабли»

— " — «Тень минувшего»

Немцов, «Огненный шар»

Сапарин, «Голос моря»

Днепров, «Машина ЭС, Модель № 1»

Мы очень Вас просим сообщить нам свое мнение по поводу нашего избрания и, прежде всего, рекомендовать другие научно-фантастические повести и рассказы, которые, по-Вашему, заслуживают внимания иностранных читателей.

Заранее благодарим Вас за Вашу любезность.

С глубоким уважением,

Валерио Рива.
(Valerio Riva).

Письмо написано от руки на плотной бумаге с водяным знаком «SUPER-TENAX», приятным разборчивым почерком, естественно по-русски и очень грамотно. Оригинал я почитаю за благо по почте не пересылать. Каково, а?! По-моему, смачно.

На мой взгляд, тебе как лицу вращающемуся надлежит:

1). Выяснить, каким образом посылаются письма за границу и не влечет ли это за собою неких мер социальной защиты.

2). Набросать черновик ответа, в коем в частности порекомендовать пару рассказов Журавлевой (например, тот рассказик про летающий мозг и новый ее опус «Капитан звездолета "Полюс"» — напечатан в Комсомолке от 7.02.60).

3). Выяснить, можно ли посылать рукопись, а если можно, то не послать ли им «Странные люди», или «БКА», или «ИСкибр»? Мне не нравится, что они выбрали «Извне» и «ШС».

Вообще я тут думал, что им еще рекомендовать. Трудное дело. Можно порекомендовать еще «Пробуждение проф<ессора> Берна» Савченки. Хороши днепровские «Крабы», но буржуазная печать их, наверное, не приемлет. Да!

4). Попытайся выяснить, что это за Джианджиакомо Фелтринелли Эдиторе. Может, это коммунисты? Тогда рекомендовать было бы легче.

Так-то, брат! Я очень доволен. Все-таки мы становимся довольно заметными, хотя, пожалуй, пока это еще и не заслужено. Да и не велика честь котироваться рядом с Немцовым и Сапариним. Давай напишем, дескать, г. Рива, не печатайте их, засранцев, не вводите в заблуждение детей Ромула, а равно и Рема. Мол, г... это. Вот здорово было бы!

Теперь о твоём письме. Я плохо понял, что именно там происходит у тебя — и в «Юности», и в «Известиях» и, особенно, с Ляпуновым (в каком смысле он мнется, и с чем именно рекомендует обратиться в наши Издательства?) — ясно только, что дела неважные. Это плохо. Я как-то рассчитывал на лучшее отношение во всех указанных инстанциях. В конце концов, барать мы их хотели. Давай «ПуРО» в Изобр (очень хорошая мысль!), попробуй все-таки сунуться с ПТЖ в «Юность», а не возьмут, так в МолГв. Туда же, в МолГв, может, сунуть и СЛ? Или вообще в какой-либо толстый журнал? В «Новый Мир», например, или в «Москву»? А в общем не падай духом — Европа нам поможет. И самое главное, чтобы все это попало в сборники, а с журналами уж как выйдет. В следующем письме подробнее сообщи мне реакции на каждый из новых рассказов, начиная с «ЧрПр» и кончая «ПуРО».

Я буду обрабатывать присланные главы. Но не дает мне покоя ТВБ! Даже во сне снится, сволочь. Один-два эпизода я придумал, но пока этого еще очень мало. Буду стараться.

Крепко жму руку, твой [подпись].

Р<ost> Т<extum>. Отвечай скорее! Да информации, информации побольше!

Аркадий — брату, 12 февраля 1960, М. — Л.

Дорогой Бобка!

Тороплюсь ответить, тем более что депрессия, в которой я пребывал, уже миновала. Шамкаю я, аки дед Щукарь. А так все хорошо. Но ближе к делу. Вы просите информацию, их есть у меня.

1) Отвечаю тем же концом по тому же месту. Получено следующее письмо, цитирую полностью, за исключением типографских надписей на бланке: «Товарищам А. и Б. Стругацким, Москва. Уважаемые товарищи! Являясь издательством Общества Германо-Советской дружбы, главная задача которого состоит в издании советской художественной литературы, мы с большим интересом прочитали Вашу книгу «Страна багровых туч», вышедшую в свет в издательстве Детгиз в 1959 г. Безусловно, это произведение и у нас найдет большой круг читателей. Поэтому мы решили переиздать его на немецком языке в 1961 г. У нас возник, однако, следующий вопрос: нельзя ли в немецком издании опустить эпилог? Нам кажется, что там показано слишком скорое развитие по сравнению с огромными трудностями, о которых Вы говорили в третьей части Вашей повести. Очень просим сообщить нам, согласны ли Вы с этим сокращением. Кроме того мы узнали, что Вы написали еще рассказы научно-фантастического жанра. Мы были бы Вам весьма благодарны, если бы Вы сообщили нам, где эти рассказы опубликованы. Последняя просьба: чтобы познакомить немецких читателей с авторами в издательской газете, мы просим выслать Ваши фотоснимки и краткие биографии. Заранее благодарим за Вашу любезность и ожидаем Вашего ответа, чтобы приступить к работе. С дружеским приветом Издательство «Культур унд Фортшритт», дирекция издательства Новак, зам. главного редактора Кошут».

На это письмо я уже ответил, согласился на купюру, дал сведения и фото. Вообще, высылай, брат, скорее фото. В заключение попросил прислать нам газеты с нашими биографиями и по выходе два экз<емпляра> книги.

2) На письмо итальянца отвечай сам в меру своего разума. Я не считаю себя более компетентным, чем ты. По-моему, твои наметки вполне правильны. И не бойся рекомендовать Днепрова. Сами разберутся, что надо и что не надо. Выяснить относительно издательства я попробую, но не уверен. В письме не забудь поклянчить

экземпляры. Действуй, мальчик! А письма за границу пересылаются обычным порядком через центральную почту. Там спросишь, и тебе объяснят.

3) ПТЖ давал в «Юность». Там разочарованно сказали: «Так это же не фантастика!» Плеваться хочется. Я думаю забрать у них и «ЧрПр», которое, как они говорят, им нравится, но еще находится у двадцать седьмого члена их редколлегии, Ираклия Андроникова. К черту всю эту сволочь! У нас требуют рассказы другие журналы, и мы не дадим гнить нашим вещам в этом задрипанном логове классицистов.

4) Реакция на наши новые вещи. «Молодая гвардия» (в сборник) — «ПТЖ», ПуРО понравились, НС — не очень, говорят: «Это скорее заготовка, чем готовый рассказ». Так сказала наша редакторша и наш художественный редактор. Но она говорит, что перечитает еще раз и посмотрит снова. Вообще, с ними я еще буду разговаривать. «З-С». Варшавскому я дал «ПуРО» и «НС». Ему понравились обе вещи, но «ПуРО» больше. Однако он полагает взять все-таки «НС». У него есть кое-какие соображения, о которых конкретно будем договариваться в среду. В частности, речь Гемфри Моргана и какие-то характеристики врачей.

5) «ПуРО» передал в «Изобррацион», но они запарились с выпуском номера и еще не читали. Вельтман клянется дать ответ на той неделе.

6) Вчера звонили из журнала «Смена». Со мной говорил зав. литературным отделом и клялся, что он, заведующий, и главный редактор — большие почитатели НФ. У них на днях произошла смена руководства, и они поворачивают журнал на новый лад (это он так говорил). Журнал с апреля будет толще, и вот для этого первого апрельского толстого номера они просят. Я решил пихнуть им «СЛ» и «ПТЖ» на выбор. Как ты считаешь? И я думаю, рационально будет послать что-нибудь в «Уральский следопыт», раз уж они к нам обратились. Напиши свое мнение. А может быть, попробовать «СЛ» и «ПТЖ» в «Неву»?

7) Ляпунов написал о тебе письмо Тушкану (Тушкана нет в городе) и ждет ответа. Кассель болеет в своем санатории, наш сборник лежит у него и ничего нельзя сделать. У меня даже чешется от нетерпения и досады.

8) Последняя новость: «СБТ» будут доиздавать в этом году тиражом в сто тысяч экземпляров. Можешь ликовать. Книготорг затереблен заявками на нашу повесть. Об этом мне изволила сообщить сама заведующая редакцией. Не забыть бы исправить французскую надпись, гм-гм.

Вот, кажись, и все. А я бедствую. Кассель в этом месяце по плану Детгиза должен был сдать рукопись Брянцева «Конец осинового гнезда», но он, как известно, болен, а в Детгизе срывался план. Тогда вызвали меня и предложили в неделю отредактировать эти двадцать листов бредятины, где концы никак не желают сходиться с концами. Сижу и редактирую и проклинаю По и Конан-Дойла за то, что они выдумали этот жанр. Тошно, нудно, сладит, медит и бежать позывает. Но я стоек. О, твой брат может быть стойким. Он такой парень, этот старина А. Он всем покажет, веселый Арк. Его высочество герцог Брауншвейгский раз сказал в присутствии его величества: «Он чертовски непреклонен, этот старый А. С.» Вот так.

Непрременно передай привет маме и прочитай ей письмо из Германии. Привет Адке <Стругацкой>, поцелуй Андрюху <Стругацкого>.

Салюд.

[подпись]

Борис — брату, 19 февраля 1960, Л. — М.

Дорогой Арк!

Прости, что задержался с ответом. Видно, мор идет на АБС: сначала я восстрадал желудком, страдал три дня, только оправился — бах! — ангина. Сейчас лежу в постели и депрессирую. Зло берет и работать не могу. Однакож, страдая желудком, письмо г. Рива отослал. Порекомендовал им все, как намечалось, предложил вместо «Извне» дать «БКА».

Реакция этих гадов на новые рассказы все-таки довольно странная. Никак не ожидал, что ПуРО понравится им больше, чем НС. И с чего это они решили, что НС это только заготовка? Вот чудачки! Кстати, что это? Ты, кажется, собираешься дать ПуРО в сборник? Я решительно против, ей-богу! Давай хоть один сборник выпустим, где все рассказы были бы хороши. А то что же получается? Детгизовский сборник испорчен ШС, МолГ в сборник испорчен ПуРО — черт знает что! Мне ПуРО все-таки не нравится, рассказ слабоват, традиционен и — главное — скучноват.

Тут ко мне буквально прилип редактор устного журнала «Хочу все знать» АН СССР. Просил выступить с сообщением по поводу статьи в «Литературке» о следах, каковые ведут в Космос. Ну, ты знаешь мою любовь к публичным выступлениям. Я ему сказал, что выступать не буду, что нового по этому поводу сообщить ничего не могу, а старое считаю чушью. Он расплакался, и я дал ему координаты наших рассказов. Разрешил их подсократить и дать какому-нибудь артисту для прочтения. Кажется, он удовлетворен. Кроме того, я битый час рассказывал ему, в чем суть механики Козырева. Он был очень благодарен, бедняга. Этаким сухонький паренек лет тридцати, явный вольтерьянец и политический похабник. Зовут его Юрий Абрамович, и он работает архивариусом.

Как и куда идут наши рассказы, я так и не понял. Хорошо бы так:

- 1). НС и ПТЖ — в сборник.
- 2). ПТЖ и СЛ — в «Смену».
- 3). НС и ПуРО — в «З-С» (даже лучше только НС).
- 4). ПуРО — в Изобррацион.
- 5). ЧрПр — в сборник и в «З-С».

«Юность» — в задницу. Что касается «Невы», то, конечно, можно. Мо-ожно! Но... не то... не то! Мы предлагались, они нас не оценили, ну и пусть идут в штаны. Припечет — сами попросят. До тех пор пока есть изд<ательст>ва, которые просят, нам нечего унижаться и бегать с предложениями услуг. Как ты думаешь? Но если «Смена» откажется от СЛ и ПТЖ, я могу отнести их в «Неву». Но лучше бы они сами попросили. А в «Уральский следопыт» послать СЛ и НС — пусть побалуются.

Аркашенька, а ты уж будь добр, расстарайся, вышли мне «ПуРО», «НС», «ПТЖ» и «ИсСКИБР». Пожалуйста! И «С-С».

Я тут придумал одну ситуацию, которую хорошо бы расчесать, и я это сделаю. Задумал я ее как рассказ, но такой рассказ, вероятно, никуда не пойдет («не фантастика!»), а можно вставить будет в «Возвращение» как главу. Вещь почти полностью бытовая, только происходит в будущем. Вот станет мне получше — займусь обязательно.

Прочел я «Внуки наших внуков». Ох, и тяжело же нам будет с «Возвращением»! Правда, супруги Сафроновы отчетливые пошляки, но идеи их и конкретное их выражение сделаны верно. Нам нужно быть значительно выше их, чтобы написать хорошую вещь. А выше ли мы? Надо быть раз в десять выше.

Черт, Аркашка! А дело-то плохо. Научных-то идей нет и нет! Что делать? Неужели мы уже иссякли? Плохо-то как.

Ну, засим пока. Всем привет,
[подпись].

P. S. Да! Насчет фото. Наши фото не вышли. Что нужно, собственно? Фотография вполтела за машинкой и при галстук?

Аркадий — брату, 22 февраля 1960, М. — Л.

Здравствуй, дорогой Боб!

Только что получил твое письмо и, не в пример тебе, заботясь о душевном равновесии брата и соавтора, отвечаю.

Прежде всего — вести неприятные. «Изобррацион» от «ПуРО» отказался. Они всё тоскуют о лирика+техника, всё ждут чего-либо вроде, знаете ли, «Испытания СКР», знаете ли, вот. Я вежливо их послал. Не хотят — не надо. Обойдемся. Из «Смены» тоже ничего нет. Но я бы не советовал тебе так отмахиваться от «Невы». В конце концов ты отлично знаешь, что «ЧиП» — дерьмо, и на месте «Невы» тоже не поместил бы его. Так что при возможности зайди туда и предложи. Далее, я не совсем уверен, что «НС» согласятся взять в «Мол<одую> гв<ардию>» Очень они на нее кисло смотрят. Я говорил с Варшавским, он сказал мне, действительно, дельные вещи. а) Если врачи идут на такое дело и действительно озабочены и взволнованы рождением ребенка, то думать и говорить они будут именно на эту тему. б) Тему чудовища, чтобы она не стала основной, надо смягчить. Хотя бы за счет усиления темы младенца. В соответствии с этим я сделал новый вариант «НС» и сегодня потащу его в «ЗС». Ты получишь все материалы погода, не торопи меня. Нужно забрать их из тех мест, где они не приняты.

Теперь у меня есть конкретные предложения. Сводятся они к следующему. Принимая во внимание, что «СБТ» переиздается и что в этом году у нас выходят два сборника, надо сделать передышку и переориентировку. Мне надоело таскаться по редакциям. Дел получается так много, что работать некогда. Предлагаю:

1) Немедленно прекратить писание рассказов впредь до особого распоряжения. Исключение составляют только три рассказа: «Таковыми вы будете», затем — рассказ, который нам так или иначе придется написать, его нам заказали для издающейся в этом году этаким энциклопедии изобретательства, в ней выступит и Ефремов, а нам поручили написать рассказ на тему «изобретатель 21 века». Не пугайся, ничего страшного. Напишем о пересадке сознания. Правда, с этим надо торопиться. Третий рассказ — его можно и не писать — приключенческий с научной идеей. Идея: «Интересно отметить, что если бы магнитное поле Земли было большим и сильно неоднородным, то быстрое движение проводящих тел стало бы невозможным. Вихревые индукционные токи, взаимодействуя с магнитным полем Земли, вызывали бы мощные тормозящие силы. Самолеты и ракеты не смогли бы летать». Исходя из этого, можно предположить, что Церера или Веста — железные, сильно магнитные, на них сели, а улететь не могут. И вообще, тут я подхожу и бью по мор... Да, в общем, можно подумать. Приключения, магнитные животные (организмы, получающие энергию при быстром перемещении в магнитном поле) и т. д. Но это, повторяю, не обязательно.

2) Взяться серьезно и сосредоточенно за две большие вещи, которые закончить в следующем году. Первая — «Возвращение». О ней у нас есть все наброски. Нужно только бросить все и работать. Вторая — «Старый желтый Сатурн» (назв<ание> усл<овное>). Герои — Быков и К, время — через десять лет после «СПП», предварительную разработку пришлю на днях.

Вот что я думаю. Понимаешь, у меня такое впечатление, что мы как-то размениваемся с этими рассказами. Больше беготни и споров с редакторами, чем работы. Право, надоело. Давай, братец, вернемся к счастливым временам и методам «СБТ» и поработаем на славу. К фене темки и идейки. И редакторов к фене. Надо давать тяжелую артиллерию. Как ты смотришь, а? Напиши свое мнение. И соображения по поводу рассказов. Если об изобретателях писать не хочется, напиши: я откажусь. Пусть попросят Днепрову или Альтова. Хотя лестно, конечно, что попросили именно нас.

Итак, я теперь же заявляю: больше с рассказами возиться не буду. Располагаюсь поудобнее и буду писать «В» и «СЖС».

Да, чтобы здесь не повторяться, прошу, позвони маме и попроси ее прочитать мое письмо. Там есть кое-какие новости.

Засим обнимаю тебя, брат мой, и целую. Твой Арк. Адочке и Андрею привет.

Аркадий — брату, 25 февраля 1960, М. — Л.

Дорогой Борик!

Ответа на свое письмо не дождался, посылаю тебе ПТЖ и старый и новый вариант НС. Прочитай сначала новый вариант и подумай. Говорят, стало лучше. Но я не очень верю. Вообще, мне рассказ этот перестал нравиться. Слишком много в нем от желания «ошарашить мешанина». Вересаев таки прав: эта позиция к хорошему не может вести. А там смотри, как тебе лучше. Я надеюсь все-таки, что именно этот рассказ, а не ПуРО войдет в сборник. Кстати, о названии сборника. Назвали было его «Люди Земли». Отдали художнику (у нас художник Гришин), а он говорит: «Только что оформлял книгу с точно таким же названием». Ну что ты скажешь! Тогда мы побились трохи и решили назвать: «Почти такие же». Думаю, неплохо. Если есть на примете заглавие лучше — присылай, но торопись.

Теперь о «Смене». СЛ понравились зав<едующему> литотделом, но не понравились его начальству. Им не нравится «этот странный героизм». А ПТЖ — не нравится зав<едующему> литотделом, а начальство еще не читало. Если бы ты знал, как они все мне надоели! Нет, голубчик. Будет. Давай работать над большими вещами. По крайней мере знаешь, чего ждать и за что бороться. Кстати, и детгизовцы уже интересовались, чем мы собираемся их порадовать, иф эни. Но теперь уже обстоятельно, без лишней поспешности.

Ну, жду твоих мнений, твой Арк.

Привет маме и Адке, поцелуй Андрея.

Борис — брату, 26 февраля 1960, Л. — М.

Дорогой Арк!

Буду писать коротко.

1). Слова Варшавского мне вовсе не кажутся столь уж дельными. Я не знаю, как ты переделал «НС», но надеюсь, по кр<айней> мере, ты не развел там соплей насчет детишек как нашего будущего и т. д. Проще сделать, что врачи хоть и не специалисты, но чувствуют себя достаточно уверенно. И почему они, собственно, так уж должны волноваться и только об этом и говорить? Это сильным людям, а тем паче врачам не свойственно. И врачи такие циники, что уж нервничать в таком, по сути дела, очень простом случае вовсе не будут. Есть у меня знакомые врачи, я уж это знаю. Не знаю, как ты переделал. Надеюсь, не испортил — ты же велик, брат мой!

2). План будущего такой. В этом году следует кончить «В» — эдак к октябрю-ноябрю. В следующем году «В» должно выйти в свет — вот на что надо ориентироваться.

Рассказы бросать нельзя, ибо: а). Рассказы делают нас писателями — именно на них мы по-настоящему набиваем руку. б). Рассказы — это лучшее из того, что мы делаем — это наше ампула, несомненно. с). Всякий рассказ можно впоследствии вставить в роман, но обратное, увы, невозможно. Так что если ты не хочешь их писать — не надо, а я бросать рассказы не могу, я их очень люблю.

Так что вот план подготовки и изданий: в 1960 г. пишем «В» и штук 7–8 рассказов, в 1961 — издаем «В» и еще один сборник рассказов. А уже в 1961 г. как следует возьмемся за «СЖС». Вот приедешь в Л<енингра>д в марте-апреле, напишем мы с тобой «В» (будем прямо садиться и писать главу за главой по скелетам) и рассказы «ТВБ» и все, что понадобится впредь.

3). Рассказ про изобретателя XXI в. писать не очень-то хочется, но в принципе можно. И именно про пересадку сознания — это потом пойдет в «В». Рассуди окончательно сам, но учти, что я сейчас пишу рассказ, который хочу кончить. И кончу.

А магнитная планета — это моча. Как эпизод куда-нибудь годится, но не более.

Ну, пока. Готовься к приезду. Готовь скелеты. Твой [подпись].

Борис — брату, 28 февраля 1960, Л. — М.

Дорогой Арк!

Вот изменения в НС, которые мне хотелось бы произвести:

Стр. 3, строчка 10 сн<изу>

вместо «поправил Новаго» — «сказал Новаго»

Стр. 7, строка 1 св<ерху>

вместо «В душе тоже волнуется» — «тоже, конечно, волнуется»

Стр. 8, строка 3 сн<изу>

вместо «Пистолеты, — сказал Мандель» — «Мандель похлопал себя по карману. —

А как же, — сказал он»

Стр. 9, строки 6–11 св<ерху>

вместо речи Опанасенко — «— Вы с ума сошли, — сказал Опанасенко с отчаянием.

— У вас там на Базе все какие-то, извините, блаженные. Предупреждаем, объясняем — все бестолку. Ночью. Через пустыню. С пистолетиками... Вам что, Хлебникова мало?

Мандель пожал плечами.

— По-моему, в данном случае... — начал он, но тут...» и т. д.

Стр. 10, строка 1 св<ерху>

вместо «И не вздумайте стрелять, что бы ни случилось» — «И, ради бога, не вздумайте стрелять».

Стр. 11, строка 7 св<ерху>

вместо «А по нашей, археологической» и т. д. — «А на раскопках ничего»

Стр. 12, строка 2 св<ерху>

вычеркнуть «натянуты»

Стр. 12, строки 11–18 сверху

вместо этого куска — «Не догадался взять ружье на Базе, дурак, подумал Новаго. Хороши бы мы сейчас были без Следопытов. Правда, о ружье некогда было думать. Надо было думать о другом. И сейчас надо думать о другом — о том, что будет, когда доберемся до плантации. Это поважнее. Это сейчас вообще самое важное — важнее всего»

Стр. 14, строка 14 св<ерху>

вместо «Выяснить бы, откуда» и т. д. — «О эти двуногие! Соорудить два гигантских спутника и не оставить больше никаких следов! Ничего, кроме этих облицованных камнем каверн. Но они так сомнительны...»

Стр. 18, строка 10 св<ерху>

Вместо «Не хуже любой...» и т. д. до конца — «А самое главное еще и не начиналось, и кончится не раньше, чем к пяти утра. Зато в пять, ну, скажем, в шесть утра парень уже будет вопить на всю планету. Только бы Мандель не подкачал, но Мандель не подкачает. Папа Спицын может быть спокоен — еще не было случая, чтобы Мандель ошибся. Через пару месяцев мы будем всей Базой таскать парня на руках, однообразно вопрошая: «А ну-ка, малыш, скажи, где папа? Где наш папочка?» Только надо все очень тщательно продумать с центрифугой, и вообще пора вызвать с Земли хорошего педиатра. Парню совершенно необходим педиатр...»

В том, что это будет именно парень, Новаго не сомневался. Он слишком любил парней, которых можно носить на руках, время от времени осведомляясь: «А где папа?»»

Теперь так. Может быть, некоторые из указанных поправок порождены вкусовщиной и эстетством, но за две я буду сражаться как О. Бендер за миллион, именно — к стр. 12 и к стр. 18. Я не люблю возвышенных воплей, да и ты тоже, наверное. Конечно, то, что я наметил, можно и должно править в смысле конкретного содержания,

но, умоляю, не в смысле тона. Пусть у нас люди все-таки останутся людьми, а не носителями великих истин.

Что касается «Смены», то хрен с ними. Приедешь — сходим в «Неву» и предложим там. Ты только не подумай, Аркашенька, что я не понимаю, до чего это противно — таскаться с рукописями по этим троглодитам. Я ей-богу понимаю. Но отказаться от рассказов не могу. Я их слишком люблю.

Теперь вот что. Звонили мне из Ленингр<адского> Детгиза, просили статью для сборника научно-популярных очерков «За рубежом XXI века». Очень нам льстили и молили. Я отказался, сославшись на нелюбовь к популярщине («не наше это, знаете ли, амплуа»). Тогда они стали молить о рассказе для сборника, который выйдет в конце этого года. Я обещал. Там хороший намечается сборник — сплошь молодые и, они говорят, талантливые писатели. Я их имена слышал в первый раз. Сказали, что им предлагал свои вещи Мартынов, но «мы, наверное, откажемся — он такой сухой... А вас бы мы пустили первым номером». Надо для детишек что-нибудь дать. Что-нибудь милое, забавное, а? Дать надо к июлю.

Что касается названий, то «ПТЖ» для сборника не так уж плохо, хотя явно хуже, чем «СПП». Ну да ладно, как угодно. А вот «Ночь на Марсе» — это уж совсем чушь какая-то. Пусть уж лучше будет «Крик в пустыне», или «На трассе», или «Неотложная помощь», или «Под чужим небом» — что угодно, только не это корявое объявление.

Ну, пока все, готовься к приезду. Скелетики, скелетики! У меня есть одна скелетная идея, и я еще надеюсь через неделку кончить рассказец.

Привет всем, целую [подпись].

Р<ost> Т<extum>. С названиями дело плохо. Я еще подумаю.

Р. Р. S. А переделал «НС» ты хорошо. Правда, от самой исходной идеи — неожиданный конец — теперь вообще ничего не осталось. А рассказ хороший. Не возводи поклепов. И при чем здесь «ошарашивание мещан» — не ясно. Просто мы пишем, как люди живут, а это главное.

И очень жалко, что пришлось упразднить английские фразы Моргана. Они были очень хороши. А м<ожет> б<ыть,> их можно восстановить?

Аркадий — брату, 2 марта 1960, М. — Л.

Дорогой Боб!

С удовольствием получил твое письмо. Все поправки принял и перенес на запасной экземпляр, коим и буду оперировать в дальнейшей работе с Варшавским и Клюевой. Варшавский определяет рассказ в № 5, в новом варианте он ему очень понравился, также понравился и Клюевой. Так что все в порядке.

Ужасная возня с названием сборника. Только что звонила Клюева (в пятый раз за неделю). Все наши названия редакция отвергает, а все названия, которые предлагает редакция, отвергаем мы. Г... в проруби. Никогда не думал, что будет столько мороки. Между тем дело срочное и вот почему. В Мол<одой> гв<ардии> существует обыкновение оформлять обложку по рассказу, названием которого назван сборник. Я осатанел и сказал, чтобы оформляли по «Ночи на Марсе», а название мы потом еще постараемся придумать. Кстати, редакция протестует и против названия СПП, говорят, надо переименовать. Есть ли у тебя какие соображения? Я бы отстаивал, конечно, если бы самому это название нравилось. Но оно мне, как ты знаешь, не нравится. Не знаю, как быть. Может, «Водородная пропасть»? У меня совсем нет вкуса к названиям. Отпиши на этот предмет подробно. И поскорее.

Кассель въздоравливает, обещается сдать рукопись в следующий понедельник. Мне еще предстоит с ним неприятный разговор по изъятию СПП из «Альманаха». Ох-те-те... Ну не могу я такими темпами работать.

А я сейчас бьюсь над четвертой главой «Возвращения». Туго идет. Кстати, у меня есть такая идея. Что, если сделать «Возвращение» из двух частей, первая часть — как мы решили, а вторая часть такая: штурман становится глубоководником, поступает в Океанскую Охрану. Тогда мы туда вставим ГП и ПуРО, и еще придумаем много интересных встреч и приключений. Знаешь, чтобы опять не лезть в Космос. Отпиши свое мнение. Упомянутые рассказы, конечно, переоборудуем в соответствии с новыми задачами, возьмем из них только тему. Но вот беда — четвертая глава плохо идет. Написал шесть страниц и выбросил. Слушай, будет тебе потеть над рассказами. Давай присылай что написал и садись за «Возвращение».

Напиши свои соображения по заказанным рассказам. Как об изобретателе, так и о том, что ты хочешь делать для Ленинграда. Кстати, у меня есть соображение по СЛ. Сидоров «прозревает» в конце рассказа. А нужно ли это? Может быть, так его непрозревшим героем и оставить? Подумай.

Вот все. Целую, привет всем, Арк.

Аркадий — брату, 7 марта 1960, М. — Л.

Здравствуй, дорогой Бобик.

Вот посылаю тебе модель четвертой главы «Возвращения», которую предлагаю назвать «Злоумышленники». В главе ты найдешь изрядно банальностей и косноязычных диалогов, и не найдешь, пожалуй, ни одного образа. Это все потому, что я, стараясь добиться композиционной стройности, вынужден был после многочисленных попыток все бросить и заняться исключительно общим тоном и композицией. Теперь я более или менее удовлетворен. Не знаю, как ты. Ты без труда увидишь, что я широко пользовался киплингским «Сталки», кое-что даже прямо заимствовал — это потому, что считаю метод Киплинга самым подходящим с точки зрения описания мальчишек.

Итак, на тебе — первые четыре главы. Понемногу приступай к работе. Я, в свою очередь, займусь пятой главой. В четвертой особое внимание обрати на речь персонажей. И по первом прочтении немедленно отпиши о впечатлениях и замечаниях. Жду с нетерпением. А также жду твоего рассказа. Живее, живее. Не дразнись.

Сегодня утром пришла по почте книга Ефремова «Юрта Ворона», его новый сборник рассказов. На книге дарственная надпись: «Отважным космическим фантастам Аркадию Натановичу и Борису Натановичу Стругацким с искренним уважением от автора. Москва. 4.03.60. И. Ефремов». Книгу оставляю у себя. Вот так-то. Ну, целую, жду.

Всем привет, твой Арк.

Борис — брату, 7 марта 1960, Л. — М.

Дорогой Арк!

Я тут совсем зарпортовался. Идет генеральная чистка Козырева, и часть дела поручили мне. Я должен перемерить Юпитер и посмотреть, есть у него асимметрия или нет. Дело, простое поначалу, оказалось в высшей степени муторным. Кроме того, оно довольно срочное, так что теперь я работаю буквально с утра до ночи и даже по воскресеньям. Правда, все это довольно интересно и в процессе работы встречаешься и беседуешь со многими людьми, очень интересными и высокостоящими.

На днях меня в Пулковке посетила та самая тетка из Детгиза, о которой я тебе уже писал. Мы с ней побеседовали. Она просила рассказов, и я ей снова обещал. Забавно, что когда я ей сказал про то, что наши рассказы не совсем детские, она рассказала о своей встрече с Горьким. Это была целая делегация работников Детгиза, там были Маршак, Чуковский, Кассиль и т. д. Горького спросили, что же, в конце концов, считать детской

литературой. Алекс<ей> Максимович отвечивал: «Все, что написано в мире лучшего — есть детская лит<ерату>ра». Так-то!

Словом, она просила все, что у нас есть (в т<ом> числе повести) из того, что не напечатано. Нам отводится максимум 4 листа. Срок — июль. Когда ты приедешь, мы сходим в Детгиз и дадим либо «ГФ», либо что-нибудь напишем новое. Это не проблема. Можно написать и сказку. Ей-богу, это будет проще придумать вдвоем. Что касается рассказа об изобретателе, то это, брат, потруднее. Можно, конечно, написать про переписку мозга, а можно знаешь о чем? Взять и раскрыть упомянутый в БКА эпизод с пластмассовым упырем. Один этап из истории эмбриомеханики. Не скатиться бы только к днепровшине! В общем, пока у меня нет идей. И я не знаю, насколько это срочно.

А теперь вот что. Хорошо бы расположить рассказы в Детгиз<овском> сборнике в таком именно порядке:

- 1). Извне,
- 2). ГП,
- 3). ЗЭ,
- 4). ШС,
- 5). ИСКИБР,
- 6). ЧП,
- 7). СЛ,
- 8). БКА.

Тогда будет преимственность, что ценно. Ты это изложи Касселю, пожалуйста.

А в МолГ в так: 1). СГП, 2.) ПТЖ, 3). НС, 4). ЧрПр.

Теперь о названиях. Дело плохо. Можно назвать что-нибудь вроде «Под чужим небом» или «Далеко от Земли» — но это моча. Адка предлагает «Дети наших детей» — в пику Сафроновым. Вместо СГП, раз уж это так неприемлемо, может, вставить: «Финиш — планета Юпитер» или «Оверсан Земля—Юпитер» — что-нибудь техническое, а не эмоциональное. Кстати, я подправил интерлог на свой вкус. Переслать тебе? Напиши.

Мысль о штурмане-глубоководнике хороша. Я — за. Работать он будет немного и со Следопытами под водой, а?

С названиями совсем хреново. Думал всю ночь, и ни черта. Буду думать дальше.

Целую, [подпись].

Аркадий — брату, 11 марта 1960, М. — Л.

Здравствуй, Боб.

Письмо получил. Ближе к делу.

1) Расставить рассказы в сборниках недолго, мне все равно как.
2) Молодогвардейский сборник назван «Путь на Амальтею», соответственные распоряжения даны и Гришину. Так мне, во всяком случае, говорили.

3) Приеду я примерно пятого-шестого апреля и пробуду до твоего дня рождения, после чего, вероятно, надо будет спешить назад править гранки НС для «З-С».

4) Эпизод с пластмассовым упырем меня устраивает. В днепровшину, даст бог, не скатимся. Ближе к днепровшине, чем в НС, мы не подойдем.

5) Как же ты пишешь — нет идей? А что за рассказ ты писал все это время? Или я неправильно тебя понял? У меня есть небольшая идея — г..., наверное. Зажечь Юпитер и Сатурн с целью создать свое солнце для их систем спутников. Конечный эпизод такой идеи может служить темой для рассказа, или можно использовать с СЖС как фактор, для чего межпланетникам нужно торопиться с поисками в кольце — вот-вот должны зажечь Сатурн. Работники на Титане смотрят на экспедицию косо, она их задерживает, и сам Быков ругается, говорит, что мы, мол, и сами дурака валяем, и людям работать не даем.

6) «Злоумышленников» не посылай, приеду — почитаю. Но ты мог бы вкратце написать свое мнение и по каким линиям сделал исправления.

Теперь информация.

1) 14 марта состоится конференция НФП в ССП. Будут долбать все книги за прошлый год, в том числе нашу СБТ и наши рассказы. По агентурным сведениям, готовится разнос «З-С» за № 12. Якобы за американский уклон. Я готовлюсь драться. Вообще драться придется. Казанцев и Немцов опять активизировались. Им придало смелости, что № 12 раздолбали за одну статью в ЦК. Бой, по всему, предстоит мощный. Очень жаль, что тебя не будет.

2) Сигнал второго издания «СБТ» подписан. Скоро выйдет на прилавки. Получим — увы! — всего по 60 %, сиречь по 14 тыс. Но ты давай скорее высылай справку о детях на этот год. По возможности побольше справок.

3) Нас сейчас в Москве осаждают с заказами Географгиз и приехавший с Урала представитель «Уральского Следопыта». Но мне ужас как не хочется связываться опять с рассказами. Ну, этих-то еще можно ублажить: первым — ПуРО, вторым — ЧП.

4) Теперь такое дело. Меня затерзали Госрадиокомитетчики. Не помню, писал ли я тебе, они с конца марта открывают новый журнал по радио и вот жаждут НФП. Для инсценировки. Отказать им неудобно, и я передал им на просмотр ЗЭ, НС и ПуРО. Они долго выбирали, спорили, хотели всё сразу, но в конце концов остановились на ПуРО. Короче, дело обстоит так. К 16 числу я должен изготовить для них первые четыре страницы сценария. Всего несчастное ПуРО разбили на пять передач, которые будут тянуться два месяца. Чудовищная ерунда, правда? И халтура притом. Приходится «для удовлетворения» специфических требований вещания давать духозахватывающие моменты в каждой передаче. Г... получится, но отступить поздно. Каждая передача — восемь минут. Я буду присылать тебе по экземпляру каждой. Апрельские части напишем вместе. А может, и майские.

Ну вот и все. Привет Адочке, целую всех, твой Арк. Пиши, не томи.

Борис — брату, 13 марта 1960, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Прости, что задержался с ответом — ужасно сейчас занят. Прихожу домой в девять часов, как собака изможденный, и сразу валюсь спать. Все из-за распроклятого Козырева. Надо промерять снимки Юпитера — всего шестнадцать изображений, каждое измеряется как минимум дважды, иногда больше. На каждом изображении измеряется по меньшей мере пятнадцать хорд. Пока я промерил восемь изображений. Предварительный вывод таков, что эффект асимметрии действительно существует — наши кривые аналогичны кривым, которые получил Козырев. Но сразу возникает вопрос — объясняется этот эффект именно неклассической асимметрией или какими-то иными причинами. Дело в том, что эффект проявляется сильнее всего на самых краях изображения Юпитера, именно там, где особенно велики ошибки измерений и особенно сказывается влияние светлых полос в атмосфере (на негативе они светлые). Это два основных источника, которые в принципе могут привести к эффекту, похожему на асимметрию. А посему: 1. чтобы исследовать влияние ошибок измерений придется моделировать задачу — сфотографировать на пластинку чрезвычайно близкий к окружности диск и промерить его; это позволит отделить влияние ошибок измерений от прочих влияний, 2. чтобы исключить эффект полос, придется промерить снимки Сатурна; на Сатурне, как известно, полосы настолько малоконтрастны, что их присутствием можно пренебречь. Если эти опытные наблюдения покажут, что ошибки на краю и влияние полос невелики, то Комиссия, вероятно, будет вынуждена согласиться хотя бы с асимметрией. Но пока Козырева громят. Поэтому, когда он узнал, что наши с ним измерения совпадают, если не по интерпретации, то хотя бы по внешнему виду, он, зольдатык, обрадовался чрезвычайно и даже, кажется, приободрился. А я впал в уныние. Если бы эффекта не было, все кончилось бы очень быстро — нет эффекта и точка. Теперь появляется еще куча

дел. Правда, за Козырева я рад. Все-таки ему было очень плохо. И нос утерли всяким скептикам. И все же я подумываю, не отказаться ли мне от дальнейших измерений. Пусть интерпретацией занимаются другие. У меня просто не хватает времени.

Из-за всей этой муры я никак не могу кончить рассказ и не могу взяться за «Возвращение». «Злоумышленники» мне понравились. Ты сделал великолепный скелет. И вообще у меня теперь такое впечатление, что «Возвращение» мы все-таки сделаем неплохо. Первые четыре скелетных главы дают для этого полное основание. Я тут кое-кому читал — одобряют. По поводу ПТЖ и НС мнения делятся. Одни считают, что ПТЖ хорошо, а НС так себе, другие считают, что НС очень хорошо, а ПТЖ так себе. Но все сходятся на том, что это гораздо лучше того, с чего мы начинали. Растем, мол.

Получил еще одно письмо из Рима, от г. Валерио Рива. Привожу его содержание в точности, сохраняя правописание.

Многоуважаемые Господа!

Спасибо Вам большое за Ваше любезное письмо. С удовольствием мы включим в наш сборник советской научной фантастики новые рассказы, которые Вы порекомендовали, а также издадим Ваш рассказ «Белый Конус Алаида» вместо «Извне».

У нас еще просьба. Так как Вами указанных рассказов у нас к сожалению нет, и вообще нам трудно получать в скором времени советские книги и особенно старые номера журналов и газет, Вы не могли бы помочь нам, посылая, если Вам удобно, «Дорога в сто парсеков», «Комсомольская Правда» (7.02.1960 г.) и «Знание — сила» (№ 12 за 1958 г. и № 12 за 1959 г.)?

Разумеется, мы прибавили бы возмещение за таких расходов к сумме Вам принадлежащего гонорара.

Извиняемся за беспокойство и еще раз благодарим Вас за все.

С искренним уважением ...

Надо бы им помочь, но как? Комсомолку я, пожалуй, достану, а вот все остальное... Не смог бы ты этим заняться? В уплату можно было бы выпросить у них что-нибудь из НФ хотя бы и на итальянском языке. Расскажи об этом письме Варшавскому и Ключевой (или с кем ты там общаешься в МолГв). Может, они посодействуют хорошему делу. И постарайся все-таки выяснить, что это за издательство. Черт знает, с кем имеем дело. Может, это фашисты. Или по крайней мере узнай, как это выяснить.

Вот пока все. Прости меня, Арк, что я вынужден сейчас манкировать основными делами — нашими. Но ведь я тоже делаю святое дело, и, кроме того, я не мог сразу отказаться — подвел бы человека, который меня рекомендовал директору и комиссии.

Большой всем привет, целую, твой [подпись].

P. S. Да, а как кончились все собрания и беседы, на которые ты был приглашен, о чем и писал маме? Напиши, хотя бы кратко.

Борис — брату, 16 марта 1960, Л. — М.

Дорогой Арк!

1). «Путь на Амальтею» — это, конечно, дерьмо. Но выхода я не вижу. Подходящих названий на уме нет. И почему вам всем не нравится «СГП»? Просто диву даюсь. Это же по крайней мере нестандартно, в отличие от «ПНА». Названия нужны все-таки нестандартные. Мне лично больше нравится уж «Финиш — планета Юпитер». А в общем ну их в зад. Одним плохим названием больше или меньше — не все ли равно. Вообще-то не все равно, но ничего не поделаешь. Почему им все-таки не нравится «СГП»?

2). Приезжай, как задумал. Я постараюсь вырвать отпуск, но это будет очень нелегко. Ладно, как-нибудь устроимся. Уж свою-то неделю законную я получу, а вот сверх того — бог знает.

3). Напишем про пластмассового упыря. ОК. Но почему ты считаешь, что НС — днепропровина? То есть ничего общего! Ничегошеньки!

4). Когда я говорю, что нет идей, я имею в виду идеи научные. Рассказ, который я все не могу закончить, никакой научной идеи не имеет. Это рассказ о колонии Следопытов на Леониде голубой звезды ЕН 24. Психологически-бытовой с приключениями.

Зажечь Ю<питер> и С<атурн> — мысль здравая. Давно пора. Вопрос — будут ли они гореть? Но это неважно. Другой вопрос — зачем, собственно, нужно солнце системам Ю<питера> и С<атурна>? Это тоже неважно. Зажжем. Но СЖС — это дело будущего года. Стоит ли говорить о нем подробно?

5). Откуда ты взял, что я собираюсь прислать тебе «Злоумышленников» да еще с исправлениями? Я спрашивал про «СГП» вообще и интерлог оттуда в частности. Так прислать?

«Злоумышленников» в одиночку править не буду. Скелет готов. Будем по нему писать вместе, как раньше.

6). Очень интересно, что было на конференции по НФП.

7). От радио, по-моему, нужно было отказаться. Это мелочи, и нечего с ними связываться да еще на таких идиотских условиях. ПуРО на пять частей — господи! Теперь ты должен с этим возиться. Неужели у тебя так много времени? Нет, нужно было отказаться. Пусть сами делают. Г... или дерьмо — где разница?

Скорей бы ты приезжал! Работы — до черта. Волосы встают дыбом: «Возвращение», пластмассовый упырь, рассказ для Детгиза плюс еще это радио, мать его за палец! И этот мой рассказ про Следопытов хорошо бы написать — у меня там приключения не получаются. Нужны смачные приключения, а их нет.

А я мучаюсь с Козыревым. Ух, и надоело же!

Привет всем, целую, [подпись].

Аркадий — брату, 17 марта 1960, М. — Л.

Дорогой Боб!

Получил от тебя два письма сразу, был приятно тронут и удивлен, но, посмотрев на даты, понял, что одно из писем ты три дня таскал в кармане. Ну ладно. Новости.

А) Неприятные:

«Странные люди» вылетели из сборника. Таково было решение всяких инстанций в Детгизе. Кассель утешает, говорит, что можно доработать, и тогда куда-нибудь пойдет.

Происходит путаница с «СГП» (ныне «ПНА»). Пока Кассель болел, мне завредакцией сказала, что «СГП» в Альманах не пойдет. Как ты знаешь, я тогда составил сборник и подал его в Мол<одую> гв<ардию>. Кассель вернулся, случайно у нас разговор зашел об Альманахе, и я сказал ему о «СГП». Он взбеленился. Он наотрез отказывается отдавать «СГП» и называет меня предателем. Дело в том, что в Альманах идут только вещи, еще не публиковавшиеся. А Мол<одая> гв<ардия> издаст сборник в июне. Кассель требует, чтобы мы задержали сборник, а я не хочу и не буду. Ну их всех на... Как будет, так и будет.

Детгизовский сборник будет сдан еще только двадцатого. Я вчера потерял целый день, помогая Касселю склеивать рукопись и править ошибки. Ух, до чего мне все это надоело.

Меня заставили взять перевод в Гослитиздате и аврально перевести с хорошего японского на плохой русский 10 листов. Дело в том, что переводчик, которого я

рекомендовал, не справился, а план на них нажимает. Пришлось взять. Сейчас сижу денно и ночью.

Б) Утешительные.

Молодогвардейский сборник идет пока гладко. Редактор работу закончил, почти ничего не искалечив. Завтра я отвожу обратно рукопись, и она будет сдана в главную редакцию. Правда, там возможны осложнения. Ты на всякий случай пришли СГП, чтобы я мог оперативно решать всякие изменения.

О конференции в ССП писать много не хочется. Нас хвалили, других ругали, досталось З-С низапонюхпороху. Казанцев держался очень воспитанно. Нас ругал Брандис, но его заклевали. Подробности при встрече. Очень хочу к вам отдохнуть. Просто ужас, до чего устал. И уже ничего нет охоты делать. Кассель раздражает болтливостью и жалобами, хотя в общем он очень хороший дядька. Но он лентяй. Подозреваю, что можно было бы спасти СЛ, если бы он вовремя прочитал рукопись.

Когда соизволишь прислать справку о детях? Зачем даром бросать деньги? Пропьем лучше! Гони справку.

Получил хорошее письмо от рабочих из Киева. Хвалят, просят писать. Было приятно, ответ послал.

Стремлюся к вам, отдохну и отосплюсь.

Поцелуй маму, браток. И Адку тож.

Твой Арк.

Отпразднуем твой и мамин день рождения вместе. Только согласится она первый тур дать пятнадцатого? Осторожненько прощупай.

Да, справку о детях посылай прямо в Детгиз: Москва, М. Черкасский пер. 1, Детгиз, Бухгалтерия. Просто вложи в конверт справку и посылай. Да, напиши еще туда, что просишь причитающиеся тебе гонорары и впредь перечислять на тот же расчетный счет, что и в прошлом 1959 году.

Я в Детгизе появлюсь теперь не так скоро.

Ну, еще раз целую, Арк.

Борис — брату, 22 марта 1960, Л. — М.

Дорогой Арк!

Опять запаздываю с ответом, но что делать? Меня огорчили твои новости. Очень жалко «СЛ». А нельзя ли их всунуть во второй сборник под названием «Дес<антни>ки», и тогда бы весь сборник можно было бы назвать «Д». А? Отпиши обстановку. Новостей у меня особых нет. Только что прочитал два американских рассказа из «На суше и на море» — ничегё. Похожи на наши, но хуже. Сейчас лягу спать — работал сегодня с 9 до 20 — голова как бубен.

Очень жду тебя — вот поработаем! Только бы отпуск дали побольше. И все праздники справим — не сомневайся.

Как жалко «Д»! Ну неужели ничего нельзя сделать? Во второй сборник было бы изумительно.

Меня тут зовут на диспут в Дв<орец> Пионеров по НФ. Я отбрыкиваюсь. Не люблю. Не хочу.

А вообще так жить нельзя. Я не могу работать по-настоящему. Это надо, черт возьми, кончать. Но как?

В общем писать, как видишь, нечего и хвастать нечем. А ты что-либо предпринял по поводу италианского письма?

Целую, твой [подпись].

P. S. Эх, мне бы пару библиотечных дней в неделю и право месячного отпуска за свой счет! Вот это была бы жизнь!

Борис — брату, 31 марта 1960, Л. — М.

Дорогой Арк!

Почему ничего не пишешь? Я все жду, жду и бестолку. Напиши и сделай (по возможности):

1). Подробно, что с СЛ.

2). Когда будешь — точно, с точностью до пары дней — мне же отпуск надо хлопотать и сворачивать дела.

3). Что можно сделать для итальянцев (как с указанными книгами)?

4). Купи, если можно, штук 10 СБТ.

5). Привези «С-С».

Я тут в трудах пребываю, неустанных и делу нашему — увы! — бесполезных. Устал как пес. Скорей приезжай, все надоело, хочется работать по-настоящему.

Всем большой привет.

Целую, [подпись].

P. S. Да не пиши ты мне через маму! Я всего раз в неделю бываю дома, а по телефону только про здоровье и можно-то разобрать! Неужели ты уж так занят!

Аркадий — брату, 25 апреля 1960, М. — Л.

Здравствуй, дорогой Боб!

Как всегда, не смог сразу выполнить обещание известить тебя о наших делах. У нас тут все переболели, и я было здорово закрутился. Ну, теперь сообщаю.

1) «Ночь в пустыне» уже сдана в набор в «ЗС», идет в № 6, иллюстрирует Ушаков. Посмотри старые номера, наверное, найдешь его рисунки где-нибудь.

2) Пришли гранки «6С». По-моему, получилось ничего. Самое скверное то, что ужасно вмешиваются корректора, всё норовят ставить в кавычки внутренние монологи. Отбивался как мог, но не знаю, что там сделают. Теперь будем ждать верстку. Поправок мало в общем.

3) Пришла верстка «СПП» — ныне «Путь на Амальтею». Ей-богу, получилась аккуратная приятная книжечка, размеры ее будут примерно с «Пепел Бикини», чуть-чуть поменьше. И, конечно, как это ни прискорбно, никакая правка недопустима, так что будем ждать до переиздания. Но ты не огорчайся. Очень быстро делают, правда? Я даже боюсь, что «ЗС» не успеет обернуться с этим рассказом. Ну, так им и надо.

4) В Детгизе я проговорился о «Возвращении». И что ты думаешь? Они, не дожидаясь нашего согласия, вставили ее в план (резервный, правда) редподготовки и просят писать заявку. Слово за тобой.

5) Гранки прислать, наверное, не смогу, а вот верстку попрошу, чтобы тебе выслали. Детгизовский сборник — версткуждемся, тоже попрошу, чтобы прислали. Для работы сроки дают очень жесткие, просто не успеваю поворачиваться. А у меня еще японщина моя висит.

6) Савченко на базе своего профессора Бернса пишет роман о будущем. Смотри, брат! У него много выдумки, размах большой — 20-е тысячелетие, антифотонные звезды, переделка Галактики и — наша тема — возможность человека приспособиться к будущему.

Ну вот, кажется, и все новости. Как с рассказами? Что сказали в Лендетгизе? Я пока придерживаю, тороплюсь закончить японщину и возьмусь за них вплотную.

Привет тебе от всех, целую, твой Арк.

Большущий привет маме. У меня к тебе просьба такого рода (строго конфиденциально): сделай маме на день рождения подарок от нашего с тобой имени — что-нибудь пограндиознее, отпечатай на машинке адрес и подпишись за меня.

Борис — брату, 28 апреля 1960, Л. — М.

Дорогой Арк!

Очень был рад получить твое письмо. Жаль, что нельзя сделать изменения в СГП, но, видно, такова судьба. Временно покоряюсь. У меня новости такие:

1). Получил ответ от г<осподи>на Рива. Письмо его прилагаю. Писать ему больше, по-моему, не стоит. Будем теперь ждать экземпляров.

2). Звонил сегодня нашему редактору в Лендетгизе (Левитина Генриетта Давыдовна). Поговорили. Суть в том, что рассказы, по-видимому, идут. Все три. Сначала она говорила со мной как-то вяловато, но когда я ей перечислил названия журналов, которые ждут от нас рассказов, она заметно оживилась. К концу разговора она уже очень любила нас и ждала от нас повести. В общем мне дело представляется так: рассказы ей понравились, но не шибко; директор их, кажется, тоже уже читал и, кажется, они ему тоже понравились; завтра будет читать гл<авный> редактор, и завтра же я буду звонить ей и договарюсь окончательно. Если дело будет плохо, напишу тебе письмо, если хорошо — напишу, когда дождусь твоего ответа.

А ты, брат, выслал бы мне все-таки экземпляры этих рассказов, а то у меня ничего не осталось.

3). Больше ничего не произошло.

Надо идти работать. Будь здоров, дорогой брат, всегда твой [подпись].

P. S. Да! Насчет подарка маме. Я, конечно, приложу все усилия, но, черт возьми, я не знаю, что дарить. Вот была бы Адка!.. Ну ничего, что-нибудь придумаю.

Борис — брату, 6 мая 1960, Л. — М.

Дорогой Арк!

Извини, что задержался с ответом. Я ждал, когда меня призовут в Детгиз. Теперь призвали. Ну и бардак! Ну и блевотина! Не пойму, то ли наш редактор — полусумасшедшая, то ли они нас особым образом заманивают. Посуди сам:

28.04.1960 г. — звонит наша редакторша — Генриетта Давыдовна (ГД). Сообщает, что директор прочел рассказы и остался доволен. Обещает прислать письмо, когда все прочтут все рассказы и мне нужно будет приехать для работы.

3.05.1960 г. — приходит письмо. ГД приглашает меня приехать для беседы с директором.

4.05.1960 г. — с огромным трудом выдравшись с работы, приезжаю в ГИЗ. Меня ведут к директору. Директор — на редкость неинтеллектуального вида мужчина — тупо смотрит на меня, сообщает, что очень рад, и осведомляется, чем он может быть полезен. Рассказов он, по его словам, еще не читал (кроме БП), но обещает прочесть их в ближайшие дни. Сидим втроем (+ ГД), разговариваем о футболе, о вреде табака, о виде из окна, о цвете моего лица. Директор говорит мужицким голосом, и ГД время от времени с деликатностью исправляет его неверные ударения. Директор сопит, говорит: «Ага! Пожалуй, что так!..» Проходит час. Я истомился и очень рад, когда удастся уйти. И тут же, в коридоре, ГД снова сообщает мне, что директор рассказы прочел и все в порядке. Я уже до того ошалел, что даже не выясняю создавшегося противоречия. Впрочем, я уже привык к тому, что ГД способна на вопрос «Когда мне вам позвонить?» ответить: «Да-да, это совсем недалеко, уверяю вас».

Вот те факты, которые я вынес из этой поездки:

1). Директору нравится БП, но он считает, что там нужно побольше разъяснить — «чтобы понятнее» (я тут же очень ловко вынуждаю его признаться, что лучше объяснять меньше, чем больше. Он с этим согласен. И то хлеб). Я твердо заявил, что ответ нужен быстро, и он твердо обещал дать этот ответ «буквально в ближайшие дни».

2). Глав^ный редактор (единственный, кажется, разумный человек в этом борделе — этакая тетка в девять пудов):

а). «Не собираетесь ли вы превращать БП в повесть? Нет? Жаль».

б). «СПП — интересно, но много мистики».

с). «СЛ — это, знаете ли, слишком умно для нас. Слишком».

Она все прочла, и у нее уже «составилось определенное мнение».

3). Скоро мне позвонят, и начнем работу над рукописью — неясно, правда, над какой.

У меня создалось впечатление, что рассказы им не очень нравятся, но зато очень нужны. И мы им очень нужны. Неоднократно в воздухе висели фразы: «Ну теперь мы можем считать, что Стругацкие завербованы, не правда ли?» — «Отчегё же», — отвечал я. Одним словом, поживем — увидим.

На лето я, вероятно, уеду в экспедицию. Сейчас приспичило как можно скорее определять место для гигантского телескопа ($D = 6$ м), и то, что не смогли (за недостатком средств) сделать за 7 лет, хотят сделать за полгода — тратят чудовищные деньги, отрывают десятки людей от работы и посылают их в Памир, на Кавказ и пр^{очее} определять астроклимат. Я, впрочем, еду с охотой. Здесь все надоело. К сентябрю я, конечно, вернусь, и мы осуществим наши планы. Ну, пока, бегу работать.

Твой [подпись].

P. S. Подарок маме дарю — но это предварительно. Приедет Адка — придумаем что-нибудь посolidнее.

Борис — брату, 16 мая 1960, Л. — М.

Дорогой Арк!

Пишу наспех: 25-го я, вероятно, уже буду в пути.

1). Что именно тебе выслать из «Возвращения»? Просто старые варианты? Отпиши торопливо. Ты, м^{ожет} б^{ыть}, думаешь, что я что-либо делал по «В» — так ты не думай. Я был страшно занят посл^{еднее} время.

2). Из Детгиза — ни слуха, ни рыла. Буду звонить им сегодня вечером или завтра днем. Ругать их буду и говорить ледяным голосом.

3). Я думаю, тебе стоит приехать в сентябре. В сентябре я вернусь, и все будет all right¹! Правда, будет Адочка, но она говорит, что мы ей не помешаем. Я тоже думаю, что не помешаем. Приезжай. Будешь жить то у нас, то дома и не уедешь, пока не закончим «В». Мы должны его закончить! Заключай договор этак на февраль-март: тогда я смогу еще, м^{ожет} б^{ыть}, взять отпуск в январе (на месяц) и мы закончим все, что не успеем в сентябре. So?²

Вот так. Еду я, правда, не на Памир, но на Кавказ — гора Кинжал, 2900 м. Условия трудные, ненаселенка, вокруг голые скалы. Я тебе оттуда буду писать, ты уж изволь, брат, отвечать. Поднаберу там материальчика! Сделаем в «В» главу про селекционеров, которые возятся со снежным человеком и уже довели его до уровня нынешнего папуаса.

Просьбы:

а). Успей написать мне до 25-го.

б). Пришли хоть какие-нибудь гранки — полюбоваться.

с). Коль скоро что-либо выйдет — пришли мне на Кинжал экземплярчик, дабы быть в курсе.

Ну, пока! Твой [подпись].

¹ Здесь: нормально (англ.).

² Здесь: Как полагаешь? (англ.)

Аркадий — брату, 18 мая 1960, М. — Л.

Дорогой Боб!

Спешу ответить. Высылай все «Возвращение», а также введение к третьей части трилогии, которое — помнишь? — я тебе присылал как проект для газеты — где Быков провожает Ляхова в Первую Межзвездную. Пришли также черновики нового варианта «Гиг<антской> флюктуац<ии>». На Лендетгиз можно в общем начхать, хотя я сегодня видел в нашем Детгизе аннотацию на этот их сборник, где значимся мы. Но, повторяю, мне на них хочется наср. С ними считаться больше не буду, пригляжу, куда можно просунуть «БП».

Была уже верстка «Шести спичек» — быстро работают — и гранки в «ЗС» — называется «Ночью на Марсе». Каково? И не изменишь. Вообще, изрядно поусекли рассказ. Это, впрочем, меня не шибко тревожит, поскольку вот-вот выйдет Молодогвардейский сборник, где все в порядке.

Получил письмо из Румынии — просили автобио данные, будут нас печатать в своей «Науке и технике». Послал.

Матерьяльчик на Кавказе валяй набирай, смотри там, будь осторожен. Если что-нибудь здесь выйдет — пошлю. Кстати, когда примерно ты вернешься? Отпиши перед отъездом.

Вот все. Привет маме и Адочке.

Целую, Арк.

Борис — брату, 25 мая 1960, Л. — М.

Дорогой Арк!

Прости, что задержался. Сейчас у нас такая баня — мертвый упарится. Высылаю тебе «Возвращение». Работай с богом, а я там, на мокрых скалах, тоже что-нибудь придумаю.

Мой план таков. Я еду, вообще говоря, до ноября, но я выговорил себе отпуск на 20 дней в сентябре. Я извещу тебя телеграммой, заеду в Москву, заберу тебя (ты заранее купишь билеты), и мы дернем в Л<енинг>р<а>д! И 20 дней будем абсолютно спокойно работать. За 20 дней можно многое сделать! И сделаем. Так что будь готов. Подробности я сообщу тебе позже, уже с Кавказа.

В Лендетгизе приняли только СПП. От остального отказались. Ну и бог с ними. Постарайся пропихнуть БП, а уж СЛ — им, видно, не судьба.

Ну, пока! Пожелай мне удачи. Я еду не раньше 1-го июня.

Твой [подпись].

Борис — брату, 7 июля 1960, Кисловодск, Горная станция — М.

Дорогой Арк!

Сию на горе, Харбас называемой. Особо веселого здесь мало, но можно хорошо познать жизнь. Вообще-то, как жизнь? Хорошѐ-о? Подробностей писать не буду, уж расскажу. Но экспедиция это настоящая — джип, палатки, рация, связь в 8.00 и 14.50, портянки, вокруг бездорожье, стада баранов и чабаны, прямо — двуглавый снежный Эльбрус, справа Бермамыт — гористое плато с метеостанцией — там тоже сидит наш человек, слева — неприступное плато Кинжала — гранитные осыпи — мы пробивались к нему на машине и ни хрена не вышло, — сзади гора Шиджатмаз, где находится наша База — Горная Станция ГАО. В общем, все что хочешь.

Честно говоря, писать я тебе не собирался: связь здесь плохая, неудобная по раз...нным дорогам, и приходится с каждой оказией посылать два письма — Адке и маме, а письменного стола нет и дует ветер.

Но пришло письмо от мамы, а в нем — прилагаемый вопль в письменной форме. Очень прошу тебя — ответь как решишь и опиши, что я в экспедиции и нам вообще не до них. Можно попробовать послать им «БП» — больше, кажется, для «Костра» ничего не годится. А в общем решай как знаешь. Эта самая Пожидаева меня как-то уверяла, что дети все понимают.

Ну, вот приперлись чабаны, надо налаживать с ними отношения, поить чаем, а у нас продовольствия почти нет.

До свидания, Аркашенька, целую [подпись].

Р. С. Планы остаются в силе. Жди в начале сентября телеграммы — сначала предварительную, потом окончательную.

Аркадий — брату, 12 июля 1960, М. — Кисловодск, Горная станция

Здравствуй, Боб.

Получил твое письмо. Рад, что тебе там нравится. В «Костер» писать не буду, пиши сам, ну их к чертям. БП пошла в альманах «Мир приключений», он сейчас сдан в производство. «Шесть спичек» жду со дня на день, также и «Путь на Амальтею». Работаю над «Возвращением», написал уже две главы. Так, просто взгляд и нечто, над ними надо еще работать. Буду писать дальше.

В Детгизе работы много, устаю, но зато страшно интересно. Работа с живыми и не очень почтенными авторами — это хорошая школа жизни. Сдал в производство книжку Гребнева — туда вошла повесть «Пропавшее сокровище» — про библиотеку Ивана Грозного и «Мир иной» — научная фантастика. Получилась хохма. Гребнев заключил договор и получил большой аванс под черновики этой повести. Дописывать ее пришлось мне. Говорят, получилось. И смеются. Сейчас взялся за «Звездного человека». Посмотрим.

Полагаю, что к сентябрю успею набросать все главы «Возвращения». Но дальше так работать нельзя. Верно, придется-таки тебе уйти с работы или нам плюнуть на писательство. Подумай об этом. Я, брат, слишком устаю. С другой стороны, сидеть дома без работы я тоже не могу. Хотя бы потому, что я не дома. Это ты можешь себе позволить валяться неделями у матери на диване, ковырять в носу и размышлять. У меня это невозможно. Мне все кажется, что все мною недовольны, что я должен куда-то водить детей или заниматься с ними и прочая дрянь. А я не могу работать, когда такое чувство у меня висит на душе.

Ну, ладно. Целую крепко, твой Арк. Пиши.

Борис — брату, 21 июля 1960, Кисловодск, Горная станция — М.

Дорогой Арк!

Получил твое письмо — большое спасибо. Рад, что все в общем благополучно. Ответ тебе длинный писать не буду — уж больно неудобно в здешних условиях писать. Ужо все расскажу по приезде.

Веду дневник и записываю мысли по «В». Мысли есть, хотя и жидковатые. Ни хрена! Обделаем в лучшем виде. Что касается уйти с работы, то всегда готов, но это еще надо обдумать. Обдумаем. А <я> бы рад.

Арк! Если выйдут книжки, пришли сюда по 1 экз. каждой. Мне было бы приятно. «НС» видел в «ЗС». Ну и ж... этот Ушаков. Ну и рисунки!

Засим целую, твой [подпись].

Р. С. Б<ольшой> привет Леночке <Воскресенской> и др<угим>.

Аркадий — брату, 26 июля 1960, М. — Кисловодск, Горная станция

Здравствуй, Боб!

Письмо твое получил, спасибо. «ШС» вышли — то есть был сигнал и я достал контрабандой один экземпляр. Но посылать тебе не буду. Потерпи уж лучше до встречи. Деньги тебе выписаны, но переводить их отказываются, ссылаются на какие-то запрещения министерства. Я договорился, что ты в Москве получишь их наличными и под моей охраной отвезешь в Ленинград. На кой пес нам терять несколько сотен рублей на почту?

«ШС» выйдут в продажу только в сентябре. И только в сентябре же получится сигнал «ПНА». Там сейчас перегружена типография.

Нам готовят договор на «Возвращение», срок сдачи — ноябрь. Так что в сентябре придется изрядно поработать. И еще раз подумай об уходе на творчество. Иначе, боюсь, литературная карьера наша на «Возвращении» и закончится.

Напиши скорее, не изменилась ли обстановка с твоим отпуском. Да знать дай не за день, а за неделю по крайней мере. Надобно предупредить бухгалтерию.

Я тут в неустанных трудах по «Возвращению» пребываю. Включил, между прочим, «БКА» как одну из глав, только нужно будет кое-что переработать. Написал пять различных глав. Остались еще три: «Телепаты», «Эпилог — ТВБ» и еще одна последняя. Думаю, к отпуску закончу. Чего нет в «В» — так это генеральной солнечной идеи. Вот что плохо.

Ну, пока. Жму руку, твой Арк.

Аркадий — брату, начало сентября 1960, М.

Привет великому летчику.

Я с Машкой <Стругацкой> выехал, как ты мог легко заметить. Тебе надлежит:

а) Помыться и привести себя в порядок (по указанию Ленки или Екатерины Евгеньевны <Ошаниной>).

б) Взять в зубы прилагаемый билет и мчаться на вокзал с требованием заменить его на новый, ссылаясь на опоздание самолета. (Можно и не ссылаться — просто сдашь билет и купишь новую плацкарту.)

в) Поедешь в Детгиз (М. Черкасский 1, Дзержинское метро, в том же здании направо за углом), на 3-й этаж, направо в самый конец в бухгалтерию. Там себя назовешь и, вероятно, получишь деньги. Если не получишь (не исключено, что их уже сдали в банк), тогда выйди, найди первую попавшуюся сберкассу, положи на нее 10 рублей и затем, вернувшись в бухгалтерию, подашь заявление о переводе на эту новую книжку. Позже, в Л<енингра>де, попросишь перевести на свою Пулковскую книжку.

г) Прежде всего — раньше даже, чем помоешься, позвони в Ленинград. И дай телеграмму, я тебя встречу. Нынче я тебя навстречался по горло, но хочется еще.

Кстати, можешь взять мою старую машинку — мне подарили на день рождения новую — а старая хоть и с мелким шрифтом, но еще весьма надежна. Советую действительно.

Ну, все. Целую, твой Арк.

P. S. В случае же, если ты приедешь часов в 23-00 или даже позже — мчись бегом на вокзал сразу же, сядешь если и не на Стрелу, то на поздний дизель.

Аркадий — брату, 6 октября 1960, М. — Кисловодск, Горная станция

Дорогой Боб.

Был в «Мол<одой> гв<ардии>», сигнал «Амальтеи» утвержден, книжка получилась непривычно небольшая, аккуратненькая, но не впечатляющая. Редактор говорил, что виновата типография — очень обледнена обложка. А вот тираж нам закатили ужасный, как Шолохову — 315 тыс. В ближайшее время получу авторские и заказанные за свой счет, тогда вышлю тебе сразу экземпляров пять.

Теперь так. После твоего отъезда на следующий день пришло письмо из Мосфильма. Нам предлагают экранизировать «СБТ». Я дал предварительное согласие. Сейчас сижу на Мосфильме, жду редактора и пишу тебе, чтобы время скоротать. Буду вести переговоры, а ты тем временем шли свои соображения.

Вот пока все. Очень жду тебя к себе, дружище.

Крепко целую, твой Арк.

Аркадий — брату, 13 октября 1960, М. — Кисловодск, Горная станция

Здравствуй, Боб!

Ты, наверное, уже получил — или скоро получишь — бандероль с «ПНА». Ничего получилась книжечка, ничеГё. Есть глупые опечатки, да бог с ними. Ну вот, третья наша книга.

Теперь о главном. Я подписал с Мосфильмом договор в соавторстве с режиссером Журавлевым (тот, что ставил «Космический рейс» в 1934-м и «Пятнадцатилетний капитан») на экранизацию «СБТ». Денег это нам принесет не очень, но мы научимся писать сценарии, а самое главное — начальство там очень ухватилось за эту идею Журавлева. Было уже первое обсуждение, и тут же, не сходя с места, подписали договор и дают аванс. Совсем как «Шея». Теперь вопрос вот в чем. На обсуждении «СБТ» на коллегии министерства выяснилось, что в Л<енингра>де уже делают фильм по «Планете бурь» Казанцева. Министерство сумлеается, стоит ли делать сразу два фильма о Венере. Фурцева сказала, что это бы ничего, но все-таки как-то неудобно. Она умная женщина и оставила этот вопрос на совесть самих киношников. А киношники усомнились и просят нас на всякий случай переменить планету. У меня возникла идея Ганимеда или Титана, а равно идея Нептуна. Можно бы взять Плутон, как ты думаешь? Поразмысли и отпиши подробнее. Надо пойти киношникам навстречу. Сценарий Казанцева ужасен. Все бешено его ругают за «испортил тему».

Теперь о литературе. В Л<енингра>д я решил послать «Погружение», а не «ЗЗН». В «Вокруг света» в 1-м номере будут «СЛ».

Все. Жму руку, целую, твой Арк.

Борис — брату, 15 октября 1960, Кисловодск, Горная станция — М.

Дражайший Аркадиус, брат мой старший!

Большое тебе спасибо и за письмо, и — особенно — за книги. Прочел их и в общем одобрил. Правда, гадостно испоганили пролог к «ПНА» — с души воротит, но в общем неплохо. А «ПТЖ» мне просто понравилось.

Теперь насчет кино. Предложение, конечно, лестное, и Мосфильм — это марка. Не знаю, стоит ли сейчас мне излагать свои соображения, да и нет их. Приеду — поговорим. Из всех сил буду стараться вырвать время для встречи — и вырву!

Предвижу великие трудности и возню с фильмом. Как бы не пострадал «Стажер», которого мне сейчас уже очень хочется писать. Ну, бог милостив.

На том кончаю. Жди меня и выводи клопов. Думаю, что было бы здорово осуществить встречу на высшем уровне — т<о> е<сть> мы с женами. Прощупай там почву.

Ну-с! Жму руку, всегда твой [подпись].

Борис — брату, 19 октября 1960, Кисловодск, Горная станция — М.

Дорогой Арк!

Получил твое письмо, где излагаются перипетии с СБТ. Черт, очень жаль, что надо писать про другую планету и отдать Венеру какому-то Казанцеву. Какую новую? Это, брат, вопрос сложный. Под руками у меня нет книг, выбирать трудно. Но вообще-то можно взять что угодно, лишь бы поменьше было об этой планете известно, чтобы была у нее атмосфера (пригодная после фильтрации для дыхания) и чтобы сила тяжести была близка к земной. Но пока это даже не важно. Важно подумать над планом фильма. Несколько хороших сцен уже есть: 150 тыс<яч> шагов, нападение кр<асной> пленки, межпланетный SOS. Надо обязательно вставить сцену высадки на планету с бешеной атмосферой — жуткая тряска и кавардак в полной тишине, когда слышны только болезненные вопли и треск ломающейся мебели. Но вот общий план! И, главное, диалог!

Начало я очень хорошо вижу. Еще до титров — кадр: пылевая буря, силуэт ракеты Ермакова, приползает Тахмасиб, умирает на руках Ермакова, и Ермаков в бешенстве трясет кулаками в низкое багровое небо, а потом сразу — название и титры на фоне багрового неба, бури и силуэта корабля. Название лучше сделать «На берегах У<рановой> Г<олконды>».

План, вер<оят>но, такой:

1). Сцена главы «Экипаж “Хиуса”». Совещание с Краюхиным накануне отлета. Отлет.

2). Космическая атака и SOS.

3). Высадка, разведка.

4). Поход «Мальчика». Разбитый корабль. Черная буря. Исчезновение Богдана и т. д.

А можно межпланетную часть вообще выбросить. Пусть стартуют прямо с ИС планеты. И весь фильм — поход.

А теперь прошу тебя ответить на следующие вопросы:

1). Как дело с Союзом СП?

2). Читал ли Кассель «В»? Что говорит?

3). Почему в Л<енинг>р<а>д «ПуРО», а не «ЗЗН»?

4). Не забыл ли ты внести оговоренные нами поправки в «В»?

Жду твоего письма. Есть шансы, что удастся заскочить в Москву. Но это все неопределенно. Во всяком случае, сообщу телеграммой.

А пока жму руку, твой [подпись].

P. S. У вас там в Москве снег, а у нас жарыща, ходим в рубашечках.

Аркадий — брату, 25 октября 1960, М. — Кисловодск, Горная станция

Здравствуй, Боб.

Отвечаю на вопросы:

1. Относительно Союза СП ничего пока не выяснял — не с кем было и некогда. Нынче еду к Томану — я редактирую его книжку — и постараюсь выяснить.

2. Кассель, естественно, «В» не читал — он в Ессентуках и будет только после праздников. Он болел и уехал в отпуск за день до моего возвращения.

3. В ленинградский сборник ПуРО, а не ЗЗН потому, что так было сподручнее. ПуРО можно было отдать на машинку без дополнительной редактуры. Ничего, переживут. А не возьмут, то и не надо.

4. Оговоренные нами поправки и многие другие в «В» ввел, за исключением «волосатых и четвероногих» — понимаешь, когда перечитывал, увидел, что и без того отлично закончена глава. Было бы противоестественно вставлять. И вообще я переделал весь строй книги. Теперь она выглядит следующим образом:

Гл. первая: Двое с «Таймыра».

Реминисценция.

Перестарок.

Хроника.

Двое с «Таймыра».

Гл. вторая: Известные люди.

Реминисценция.

Злоумышленники.

Самодвижущиеся дороги.

Скатерть-самобранка.

Известные люди.

Гл. третья: Десять лет спустя.

Реминисценция.

Свечи перед пультом.

Десантники.

Моби Дик.

Естествознание в мире духов.

Гл. четвертая: Благоустроенная планета.

Реминисценция.

Погружение у рифа Октопус.

Благоустроенная планета.

Загадка задней ноги.

Свидание.

Гл. пятая: Какими вы будете.

Реминисценция.

Какими вы будете.

При этом, естественно, пришлось вносить по ходу редактирования некоторые исправления. Между прочим, Костылина в ПуРО я сделал одним из четверки злоумышленников, вместо Лина. Реминисценции написал почти все из того, что сам видел и знаю, за исключением сцены с политруком и ээсовцами.

Сегодня сдаю рукопись на машинку, а затем сразу попрошу заведующую отдать ее на рецензирование, не дожидаясь Касселя.

С фильмом дела движутся, получен аванс, две трети своего я отдал Журавлеву, так что сдору с тебя треть. Журавлева ужасно мучает мысль о том, какую планету выбрать. А я, посоветовавшись с одним сильным консультантом, предложил новую идею. Дело в том, что поход за сокровищами с самого начала представлялся мне немного мочевым. Ну скажи на милость, какие сокровища могут оправдать такой риск и такие жертвы? И вот у меня вышла гениальная мысль. На Земле готовятся начать грандиозные работы по использованию неисчерпаемых источников энергии глубин нашей планеты. Но никто не знает точно, каковы эти глубины. Хотят строить сумасшедшую шахту до центра Земли, но это дорого и рискованно. А на Плутоне сама природа поставила исполинский эксперимент — ударила в него метеоритом из антивещества и вывернула планету наизнанку. И вот к

этой природной лаборатории и послан фотонный корабль. Не во имя сомнительных сокровищ, а ради утверждения космической роли человечества летят наши герои и переживают опаснейшие приключения. И зрелище планеты, вывернутой наизнанку! А?

О делах текущих. Читал гранки «Искателя» наши «СПП». НичеГё. Первый номер «Вокруг света» собирается публиковать «Странных Людей» — пришлось сократить на треть — всю первую главу и кучу подробностей внутри. Не жалко. Даже лучше. Пришла сверка «БП» в Альманахе. Техреды просят дописать еще строчек пятнадцать. Попробую.

Вот и все. Жду писем, а особенно жду тебя. Пока неизвестно, когда ты будешь, трудно что-нибудь сказать о встрече на высшем уровне. Ведь Ленка работает. Встретиться можно только у нас в Москве. Это было бы смачно.

Целую, твой Арк.

Борис — брату, 16 ноября 1960, Л. — М.

Дорогой Арк!

Сегодня я имел беседу со своим непосредственным начальником. Конкретный результат беседы сводится к следующему. Тебе нужно пойти и похлопотать справочку из какой-либо писательской организации. Чем выше будет эта организация, тем лучше. Содержание справочки должно сводиться к тому, что указанная организация просит дирекцию Пулковской обсерватории помочь Стругацкому Б. Н. в выделении для него некоего свободного времени для творческой работы в области научной фантастики. Можно подпустить туда похвальных фраз и указаний на то, что С<тругацкий> Б. Н. в настоящее время работает над двумя повестями и сценарием. Имея такую справочку, я с начальником двинусь в дирекцию. Есть реальный шанс получить дополнительный свободный день, а может быть, и что-либо побольше. Очень тебя прошу — займись этим всерьез.

«В» получил, спасибо. Прочел не без удовольствия. Имею следующие замечания.

1. По разбивке глав. Все хорошо, но название гл<авы> II следует изменить. «Известные люди» уж никак сюда не подходят. Предлагаю «Самодвижущиеся дороги» — символ нового мира, о коем, собственно, и идет в главе речь (а отнюдь не об известных людях). Далее, совершенно необходимо вставить что-то про Лурье в гл<аву> III. Совершенно необходимо! Предлагаю поменять поэтому местами «Естеств<ознание> в мире духов» и «Загадка Задн<ей> Ноги».

2. Реминисценции. Хороши. Однако я счел необходимым переделать самую первую так, чтобы излагаемый эпизод максимально приблизить к действительности (пусть и с чужих слов). Переделку вышлю. Она готова, но я забыл ее в Пулкове. Есть также некие сомнения относительно самой последней рем<инисцен>ции. Нужно что-то другое. Что — пока не знаю. Пусть остается как есть пока, буду думать.

3. Некоторые замечания по тексту (предварительные).

Стр. 143. Речь идет, конечно, не о Баренцевом море, а о Беринговом. Не забыть бы исправить.

Стр. 160. Не следовало бы Моби Дику «захватывать воздух пастью». Кашалоту это ни к чаму. У него на то дышало есть. Пусть захватывает воду, что ли. Или вообще ничего не захватывает.

Стр. 37. Пусть там речь идет не о «Второй Мировой», а о Последней Войне. В сочетании с Блицкригом и Сталинградским мешком это было бы полезно вообще и на будущее — для главы «Погружение», где не ясно, о какой Последней войне идет речь (не о Третьей ли?).

Вычеркни также «крик слона» в Австралии (ЗЗН). Конечно, к тому времени там могли завестись и слоны, но не будем усложнять.

Других замечаний пока нет, но ощущается настоятельная необходимость всунуть еще одну подглавку — про сельское хозяйство. Очень было бы мило. Назвать

«Кормильцы» — про работников системы Искусственного питания. По-моему, над этим стоит думать.

Ну, крепко тебя целую. Прости, что мало пишу — загружен страшно.

Извести о новостях.

[подпись]

P. S. И не забудь о справочке!

P. P. S. Чевой-то я не вижу обещанного томика западной н<аучной> ф<антасти>ки?!

Аркадий — брату, 18 ноября 1960, М. — Л.

Дорогой Бобик.

Тороплюсь сообщить первые данные относительно «В». К моему ужасу, первому на рецензию дали Кириллу Андрееву. Тому самому, который, как говорят, не похвалил еще никого в жизни своей. Томительные дни, и вот я его встречаю. Одним словом, все отлично. Ему вещь очень нравится, он ее прямо-таки расхвалил. Рецензия письменная будет через день, копию вышлю не замешкав.

Теперь о кино. Промудохавшись с Журавлём [Журавлёвым] неделю над разного рода подробностями и посмотрев «Молчаливую звезду» Лема (дерьмо свинячье, что меня, впрочем, обрадовало), решили заняться сценарием вплотную и закончить его в две-три недели. На твою долю выпадает следующее:

Эпизод 11: Штурм Голконды (начиная с выхода танка к берегам Дымного моря и кончая возней Быкова с деактивацией и водой)

Эпизод 12: Выполнение задания (установка маяков, автоматических лабораторий)

Эпизод 13: Гибель танка (задание выполнено, день рождения, ссора, все наружу, красный туман, взрыв)

Эпизод 14: Марш в сто пятьдесят и т. д. шагов.

Теперь так. Может быть, оставим Хиус пустым и возьмем Мих<аила> Ант<оновича> в экспедицию? Ведь на Хиусе ничего не происходит. Дальше. Столкновения Быкова с Юрковским в виде усталой, но веселой и злой пикировки. И с первых же кадров начинай столкновение Юрковского с Ермаковым, в нарастающем темпе, с взрывом в день рождения.

Пиши достаточно подробно, по три-четыре страницы на каждый эпизод, с описанием природы, со всеми репликами, с выражениями лиц и пр.

Для примера посылаю тебе страничку безобразного журавлевского текста. Надо делать лучше, но в таком плане.

Вот и все. Крепко обнимаю и целую маму и Адку.

Жму ногу, Арк.

Отпиши срочно.

Борис — брату, 24 ноября 1960, Л. — М.

Дорогой Арк!

Получил и письмо и бандероль. Все хорошо, спасибо, но сначала я буду ругаться. Какого черта! Получил ты мое письмо с замечаниями по поводу «В» и с просьбой о справке? Этого я из твоих писем не понял. Замечания — бог с ними, а вот справка необходима, если ты хочешь, чтобы я что-нибудь толковое выдавал. На всякий случай повторяю: нужно официальное письмо какой-нибудь писсорганизации с просьбой помочь писателю С<тругацкому> Б. Н. в высвобождении для него одного дополнительного свободного дня в неделю. Письмо должно быть украшено круглыми печатями и обращено в дирекцию. Если в письме будут отмечаться заслуги С<тругацкого> Б. Н. перед

отечественной и мировой лит<ерату>рой, то это будет еще более способствовать успеху. Справка нужна! Очень! Пойми, дело-то ведь на мази!

Теперь по поводу старого желчного Андреева. Прекрасный дядька! Все понял (за малыми исключениями). Первая часть его рецензии превосходна, но вторая (это где критика) — почти сплошной бред. Говоря серьезно, предлагаю принять к исполнению следующие евонные замечания:

1. Все конкретные замечания относительно ляпов.

2. Выбросить пятую реминисценцию. Заменить ее каким-либо эпизодом из мирной жизни, показывающим, как люди нашего времени, несмотря на ряд недостатков, все-таки ухитряются быть хорошими. Я предлагаю эпизод из экспедиции, когда Витька-начальник <Новопашенный> с шофером прорывались ко мне, одинокому, через горный обвал, чтобы не было мне страшно и опасно в лагере. Прорывались с большим риском. Эпизод представлю в ближайшее время. Замену для первой реминисценции высылаю сейчас. Очень прошу ее принять, ибо она гораздо ближе к тому, что было в действительности.

Все прочее я бы с негодованием отверг и в особенности все эти перетасовки, которые он предлагает. И паки — инсинуации насчет «Какими...». Неужели он не понял? Или боится, что читатели не поймут? И цитатой откуда являются эти слова «Какими...»?

Теперь я предлагаю на твое рассмотрение ряд предложений, следующих из критики самых разных лиц:

1. Машина УКМ–2 выпущена производством в 1959 г. Предлагается УКМ–105.

2. В гл<аве> «Злоумышленники» один из парней видит таймырцев по телевизору. Телевизор, изъяв, заменить стерео-уан'ом.

3. Заново и тщательно продумать разговоры праправнуков в главе «СД». У нас они надуманы и несколько неестественны.

4. Заново и тщательно продумать образы учителей в «Злоумышл<енниках>». Все очень ругают. А образы — чертовски ответственные! Это ведь учителя — главные и славные!

5. Заново и тщательно продумать беседу штурмана с Ириной. Она (беседа) пустовата.

6. В «Какими...» подчеркнуть, что все это сказочка (долгой спиритизм!). Дать дополнительное объяснение термину «Возвращение».

7. Ни в коем случае не давать в тексте происхождение имени Моби Дик. Дать в сноске.

8. Напоминаю на всякий случай: поменять местами «Естеств<ознание> в м<ире> духов» и «ЗЗН». Лурье должен быть в «Десять лет спустя». Обязательно!

Вот пока все. Соображения по переделке высылай. Переделку беру на себя. А ты в рабочем экземпляре исправь мелочи.

Читал ребятам «Возвращение». Хвалили. Но и ругали. Особенно: «Злоумышленников» — за нудных учителей и «ЗЗН» — за дешевую идею. Ругань по поводу «ЗЗН» отмечаю — не в идее там дело, а вот за учителей возьмусь. Эту главу портить нельзя!

За сценарий пока не брался — совершенно дохожу на работе. Сейчас вот пишу все это, а сам сплю. В субботу и в воскресенье займусь.

Засим гуд байчик. Жду писем.

[подпись]

P. S. Имел весьма интересную беседу с одним академиком меднаук, занимающимся метапсихологией. Говорили много о телепатах и ясновидцах. Встретимся — расскажу. А пока имей в виду:

Внушенная на расстоянии мысль наз<ывается> ТЕЛЕПАТЕМОЙ.

Телепаты, ясновидцы и пр<очие> наз<ываются> СЕНСИТИВАМИ.

Приемник мыслей = ПЕРЦИПИЕНТ.

Передачик — " — = ИНДУКТОР.

Сию терминологию неплохо вставить в «ЕВМД» (в уста недостойному Мак-Манти).

Аркадий — брату, 25 ноября 1960, М. — Л.

Дорогой Борик!

Посылаю тебе бланки для заполнения. К сему следует приложить еще три фотокарточки — одну 6х9 и две паспортных — автобиографию и по три экземпляра каждой нашей книги. С этими экземплярами беда. Я едва наскребу один комплект. Если у тебя есть — вышли хоть два комплекта, а? Нужно еще три рекомендации. Одну даст К. Андреев, одну — Томан и одну думаю испросить у И. А. Ефремова или у Р. Кима.

И бланки, и автобиографию заполняй чернилами. В справке о произведениях укажи названия трех наших книг, «Свечи перед пультом» в «Искателе» № 1 за 1960 и «Благоустроенная планета» в альманахе «Мир приключений», выпуск 6, 1960. И с богом. Высылай всё — и книги, и документы — не замешкав.

Теперь о делах. Рецензию К. Андреева ты уже, конечно, читал. Теперь жду рецензию другого кита — Рюрикова. Возможно, дадут еще кому-нибудь третьему. Но это будет. Вот Андреев требует, чтобы мы вставили в «В» рассказ «ПТЖ» — я ему подарил книжку, и он об этом рассказе весьма восторженно отозвался. Подумай, может, стоит. Насчет «Кормильцев» возражений у меня никаких, но и мыслей никаких. Если у тебя есть хотя бы первоначальный план или комплекс идей — вышли, попробую поработать.

Как дела со сценарием? Давай скорее, и не заботят пусть тебя красоты стиля. Сейчас важно собрать все три части и посмотреть, что в общем выходит. Затем начнем работать над образами и характерами. Я свою треть почти закончил и в следующей же встрече пришли к нам с Журавлевым новые удачные идеи, но пока не вставляем, ждем сбора.

Пора приступать и к «Стажеру». Я начну с начала декабря. У меня здесь временно вышла заминка с одним японским переводом, сейчас я освободился и почти готов к работе.

Что касается писем вышестоящих организаций, то выше ходатайства издательств ничего сделать нельзя, черти бы всех побрали. Потерпи уж до приема в ССП. Думаю, это дело трех-четырёх месяцев.

«Свидание» я по настоянию Андреева отправил в «Литературную газету», сократив до десяти страниц. Не очень верю, что из этого что-либо получится, но пусть их. «Загадку задней ноги» по требованию Варшавского сокращаю, оснащаю некоторыми новыми идеями и освобождаю от связей с повестью. Должен сдать двадцать восьмого. Экземплярчик вышлю.

Вот и все. Целую, привет всем, а паки всех — маме.

Твой Арк.

Аркадий — брату, 27 ноября 1960, М. — Л.

Дорогой Борик.

Письмо получил. С твоим мнением согласен по всем пунктам. Твои реминисценции принимаются и утверждаются. Относительно остального будем говорить, когда вещь пройдет всех рецензентов и поступит в работу. Время еще есть.

О «ЗЗН». У меня, между прочим, тоже такое чувство, будто там нечто не совсем того. Главное — повторение — по механическому замыслу — идеи «СС». Я сейчас готовлю ее для «З-С» и в основу положил несколько другой сюжет: Рудак, наскучив психологической стороной исследований, сам нарочно программирует КРИ неправильно, ибо он набирает материал для Теории Больших Ошибок. Это неважно, для чего он набирает, а важно показать, что такой обман возможен и при коммунизме. Обман в интересах науки, что ли. Как это выйдет — не знаю. Пришлю тебе, а ты поправишь.

О твоей просьбе. Попробую обратиться в Детгиз. Напиши, как зовут твоего директора, письмо заготовлю прямо на его имя.

Просьба у меня. Пришли мне твое начало тридцать седьмого года. Оно поразило воображение мое, и я хочу немножко повозиться с ним. Шли прямо тетрадные листы. Весьма жду.

Анкету не задерживай. Все.

Целую, твой Арк.

Аркадий — брату, 1 декабря 1960, М. — Л.

Дорогой Боб!

Тебе, вероятно, уже перевели деньги из Мол<одой> гв<ардии>. Не смей тратить — произошла ошибка, часть денег придется вернуть.

Нам заплатили за:

1-й простой тираж (15 тыс.) + 1-й массовый (100 тыс.) + 2-й массовый (100 тыс.) + 3-й массовый (100 тыс.), т. е. 100 % + 100 % + 60 % + 60 % соответственно (за вычетом 60 % задатка),

а должны были заплатить только за первый заход тиража (115 тыс. экз., т. е. 1-й простой + 1-й массовый (соответственно 100 % + 100 % — 60 % задатка, т. е. 140 %).

Остальные 120 % надо немедленно вернуть. Их нам заплатят, когда выйдет остальной тираж. Иначе выгонят с работы девчонку-секретаря, которая выписывала.

Сумму и порядок возврата денег сообщу дополнительно.

Целую, твой Арк.

Борис — брату, 1 декабря 1960, Л. — М.

Дорогой Арк!

Мать, мать, мать... в конце концов. Ты вышлешь справку или нет? Что ты как красна девица изгаляешься? Сказано тебе любую справку. Хоть от Издательства, хоть из домоуправления. Нужна бумажка, где удостоверяется, что я писатель, и где просят помочь мне в выделении свободного дня. Бумажка! Ты способен это понять? Б-у-м-а-ж-к-а! Чтобы было что держать в руках, когда идешь в дирекцию, и чтобы было на что сослаться дирекции при издании приказа. Три-четыре-пять-шесть... месяцев я ждать не могу — загнусь. Я уже загибаюсь, совершенно серьезно тебе говорю. Совершенно серьезно.

Высылаю просимое. Еле наскреб. Третьего экз<емпляра> «СБТ» достать не в силах, но если будет совершенно уж необходимо, пойду отбирать даренные экз<емпляры>. С надписями.

В общем, главное сейчас — это справка. Способен ты это понять? Мать. Мать. И снова мать. Мне очень трудно. М. М. М. и еще раз М. Изволь.

Целую. Страдаю. Твой [подпись].

P. S. И где, черт возьми, обещанная американская фантастика?!

P. P. S. Да! Звонили из Детгиза. Просили еще рассказ. ПуРО им не нравится. Не дать ли им «Свидание»? Или послать их вдалеку? Отвечай спешно.

Аркадий — брату, 4 декабря 1960, М. — Л.

Друг, брат и соавтор наш Борис,

жизнь, здоровье, сила!

Получил бандероль с книгами и матерным письмом. По требованию отвечаю без замедления.

1. Пришлось нам вернуть в Мол<одую> гв<ардию> всего 16 749 руб. 08 коп. Из них твоей доли — 8 268 руб. 65 коп. Всю сумму я уже вернул из своих, чтобы тебе не тратиться на перевод. Буде возымеешь со мной рассчитаться — переведи от меня на мамину книжку 5 000 руб. А остальное пропьем при встрече. В случае согласия — отпиши, а то я маме давно обещал перевести, и все никак собраться не мог. И еще о денежных делах вот что. В Мосфильме лежат на твоём имени наши деньги, 3200 твоих и 1800 моих, или что-то в этом роде. Жалко, если их к Новому году вернут в банк. Срочно вышли заверенную нотариусом доверенность на мое имя, я получу. Мама приедет в Москву на Новый год, ей передам.

2. Во вторник — послезавтра — из Мосфильма от директора объединения пойдет на имя вашего Михайлова письмо с просьбой предоставить тебе свободное время для работы над сценарием. Так что в среду наведайся и разузнай.

3. На мое письмо от нашего имени в «Комс<омольскую> правду» ни ответа, ни привета. Что будет дальше — не знаю. Письмо с протестом послала дирекция Детгиза, собираются послать: секция научной фантастики ССП и группа писателей — Шагинян, Ефремов, Андреев, Казанцев, Томан, Тушкан и т. д. По слухам, кое-кто грозит выступить с протестом и на пленуме детских писателей, имеющем быть на днях. Но это все так, сотрясение воздуха. Пока ходим с «халтурщиками» на рыле. А тем временем наш рассказ «СПП» из «Искателя» сняли, прямо в верстке. Такие дела. В связи с этим есть предложение: никаких рассказов никуда пока не давать, затаиться и переждать события. Знающие люди говорят, что это для нас будет изрядной рекламой, но мне волком выть хочется и в мор-р-рду. Хотел сходить в редакцию «Ком<сомольской> пр<авды>» и набить морду Елкину, но меня отговорили. Елкин — это заводделом литературы и искусства.

4. Рекомендация от К. Андреева уже есть, Ким пишет, Ефремов прислал очень приятное и лестное письмо и тоже дает рекомендацию.

5. Рецензии от Рюрикова еще нет, жду прямо-таки днями. Интересно, поддастся он на «халтурщиков» или нет. Кстати, экз<емпляр> «Возвращения» отослан и Ефремову.

6. Второго было в ССП обсуждение альманаха «Мир приключений». Об альманахе говорили немного, зато говорили о состоянии научной фантастики на Ту-дэй. Пришли к мнению, что есть сейчас из молодых три основных направления: 1) Московское, наиболее радующее — Савченко, Полещук, Стругацкие; 2) Бакинское, книжное и нехорошее — Альтов, Журавлева; 3) Украинское, безнадежное — Колпаков, Бердник, Оношко и др.

Между прочим, я поднес Андрееву «Путь на Амальтею». Он прочел и очень хвалил, но сказал, что после «Возвращения» это не впечатляет. Насчет его мнения о «ПТЖ» я тебе уже писал.

7. Сборник американских писателей и сборник Лема привезет тебе Илья Михайлович <Ошанин>, он будет в Ленинграде десятого.

8. Журавлев торопит со сценарием. Свою долю он написал, я ее сейчас перечеркиваю. Сделано самое трудное — вплоть до высадки на Плутоне. Фильм будет называться «Планета сокровищ», если тебя это радует. Если нет — предложи другое название.

Вот и все, кажется.

Не унывай. Нам придется еще не раз получать зуботычины.

Целую, твой Арк.

Привет всем, поцелуй маму. Писать ей сейчас не могу, сам понимаешь. От злости руки трясутся.

Борис — брату, 6 декабря 1960, Л. — М.

Дорогой Арк!

Высылаю тебе материалы, в коих разберешься сам. Впрочем, прилагается:

1. Письмо химика Ефремову.

2. Письмо химика нам.

3. Проект ответа химику.

Письмо Ефремова не прилагаю — боюсь, потеряется. Соль его в том, что И. А. Ефремов слишком занят сейчас и на ближайшие пять лет. Идею считает блестящей и советует химику обратиться к кому-либо из молодежи. В Ленинграде, мол, у вас есть Сафроновы, а в Москве есть Стругацкие. Как, кстати, письмо химика попало ко мне, а не к тебе, не ясно.

Что надо сделать — сам понимаешь, после чего высылай матерьялы обратно мне, а я уж перешлю ему, химику. Действуй побыстрее.

Напиши мне, что значит «гокуро-сама». УЧТИ, УЧТИ, УЧТИ: в СПП допущен нами ляп. Время, которое идет на заполнение двух секторов, равно не трем минутам, как у нас, а всего лишь полутора! Если можно, исправь везде, где можно. Ляп неприятный.

И нельзя ли деньги за ПНА все-таки попридержать? Черт возьми, я их правда не растратил, но они нужны мне чертовски — мы строим дом, с нас причитается чудовищная сумма, я надеялся, что вот-вот пришлют еще денег за Амальтею или еще за что-либо, а тут на тебе — отбирают. Нельзя ли что-либо придумать? Мне нужно для квартиры еще как минимум 15 тыс. руб., а тут последнее отбирают. И не можешь ли ты перечислить, за что будут поступления на ближайшие два-три месяца? И будут ли?

Со сценарием мучаюсь невообразимо. Получается жуткое г..., и если б ты знал, до чего мне не хочется его писать и как хочется засесть за доработку «Возвращения» и за «Стажера»!

И мать твою богом — где справка?!!

Целую, [подпись].

Аркадий — брату, 20 декабря 1960, М. — Л.

Здравствуй, Боб.

Не знаю, получил ли ты от мамы рецензию Рюрикова. Наверное, уже получил. Рецензия серьезная, нечего и говорить. Но он там выступает против некоторых наших фундаментальных установок, и это, на мой взгляд, принимать во внимание не надо. В частности, грубо говоря — вопрос о том, насколько люди будущего станут отличаться от людей настоящего времени, затем, о так называемом гармоническом развитии — здесь Рюриков, несомненно, спутал божий дар с яичницей. Наконец — это особенно ранит мое сердце — вопрос о досуге и об отдыхе. На это все надо наплюнуть, так же как и на предложение развить научную часть некоторых глав. Есть, однако же, и дельные замечания, их надо либо обдумать, либо исправлять, не обдумывая.

Твою долю сценария получил. Сойдет. Мне сценарий тоже уже переел все, что можно переест. Ничего, скоро это все закончится, вырвемся на простор. Очень хочется работать над «В» и над «С». Зудят мои, дела просят. Сценариями никогда в жизни больше заниматься не буду.

Кстати, получил ли ты свободные дни по ходатайству из Мосфильма? Мог бы и написать, скотина. Тебе надлежит сейчас упорно работать над «Возвращением». Слушай, а может быть, действительно выкинуть к матери «Погружение», а? Заменить «Кормильцами», если удастся найти хороший сюжет. Или еще какой-нито главкой. Между прочим, сейчас рукопись у Ефремова, кажется, он тоже о ней хорошего мнения.

Весьма жду от тебя письма с изложением программы работ на ближайшее будущее. Компран ву? Садись и пиши. Да сообщи, какие новости в научных сферах.

Жму руку, привет Адочке, маме.

Твой Арк.

Борис — брату, 23 декабря 1960, Л. — М.

Дорогой Арк!

Конечно, рецензию Рюрикова я получил и давно. Рецензия очень интересная, в кругах нашей общественности она вызвала ажиотаж. «Ого-го! — кричала общественность. — Ничего себе требования он к вам предъявляет! Это ж он хочет, чтобы вы были умными, как Маркс». И действительно, ведь Рюриков, говоря по-простому, хочет, чтобы мы дали полную картину ком<мунистического> общества, разработанную и детальную, этакий научно-фантастический «Капитал», или «Утопию», или «Город Солнца». Боюсь, что мы не способны на это и знаем, что не способны, и он знает, что не способны. Одним словом, теперь у нас есть большой матерьял, и мне, в общем, ясно, что следует делать и что переделывать.

1). ПуРО придется выбросить. Рассказ не нравится никому. Выбросить и забыть, как забыли ЧиП. Бог с ними обоими.

2). Коренным образом переделать «Злоумышленники». Что и говорить — эта глава — ключевая. Может быть, даже не следует особенно вдаваться в структуру школы будущего, но что действительно необходимо, так это дать образ преподавателя. Настоящего, чудесного человека — очень бывалого, романтического и любящего свое дело. Вот ключ этой главы. Дать преподавателя, пусть одного, но замечательного.

3). Любовная линия. Надо, черт возьми, понатужиться, но сделать-таки любовь по-настоящему. И любовь Лурье, и любовь Кондратьева. Пусть эти любви будут очень разные, но каждая должна стать весомой.

4). Надо все-таки подумать о новом в новом человеке. Нельзя показывать и подчеркивать только сходство, нужны различия. Я вижу одно принципиальное и, по-моему, очень интересное различие. Ничья работа не является насущно необходимой. По сути дела, общество свободно перебьется без любого, практически, человека. В нашем смысле и с нашей точки зрения общество будущего вообще не нуждается в труде людей. Ибо люди заняты почти поголовно в сфере творческого, абстрактного труда и занимаются в общем-то (в области удовлетворения насущных потребностей) улучшением хорошего. Это положение, вероятно, может привести к интересным и парадоксальным ситуациям. Скажем, за работу не хвалят и не ругают, неважно, как ты работаешь — плохо или хорошо. Как в наше время никто в общем-то не хвалит тебя за то, что ты лечишь зубы, и никто не ругает за то, что не лечишь. Обществу это в общем безразлично. И работой будущего человека только либо интересуются, либо не интересуются. Вот в этой области тоже следует что-то сделать.

5). Раздувать научную часть и что-то еще наворачивать в области отдыха и досуга, по-моему, тоже не стоит.

6). Стоит, несомненно, связать концы с концами в «СС», может быть, прямо так, как предлагает Рюриков.

7). И, наконец, нужны еще главы. У меня на примете две, которые можно было бы попытаться написать (а можно, впрочем, и не писать). Это — «Кормильцы» и «Член Совета». Про «Кормильцев» я уже писал, а «Член Совета» — это про одного из тех, кто управляет Большим Распределителем — мировой планирующей машиной. В этой главе можно было бы дать Большую Землю в ее чудовищном многообразии проблем и проблемок. Но эта глава требует огромной эрудиции, тщательной подготовки и продумывания. А сделать было бы можно здорово. Вставить эту главу вместе с «КВБ», предпоследней, и показать, как все-таки пока немощен человек во всей его мощи.

Вот общие соображения по изменениям «В». Думай над этим и всё высылай мне. Я уже корчусь — долго и нудно — над пунктами 2, 3, 4. И, черт возьми, надеюсь все-таки что-то сделать.

Теперь вопрос о свободных днях для меня. Дело, как выяснилось, безнадежное. Выяснение показало, что не существует никаких законных льгот для писателей, даже для

членов ССП. Современные законы о труде никак не отличают писателя от любого другого человека. Единственное, что предлагает мне мой начальник, это брать отпуска за свой счет — три-четыре дня в месяц. Это он надеется устраивать более или менее регулярно, хотя и не официально. На полставки перейти тоже, вероятно, не удастся. Хотя шансы пока сохраняются. Вот так-то. Что касается письма из Мосфильма, то оно получено, но никаких предложений со стороны дирекции не поступило, а я не спешу пока с этим. Жду, что, м<ожет> б<ыть>, ты приедешь, и тогда я вырву сразу недели полторы-две за свой счет. Приехать тебе стоит. Думаю — в январе. А? Пока нет Андрюшки. Отпиши свои мысли по этому поводу.

А пока — гуд байчик. Целую, [подпись].

Р. S. Разузнай и ты насчет льгот. М<ожет> б<ыть>, существуют какие-либо новые законы?

Р. P. S. Около Юпитера радиоастрономы открыли чудовищной мощности пояс космических частиц (как у Земли, но в 1000 000 раз мощнее). Сей пояс смертелен для межпланетников при нынешних скоростях и защитах.

Борис Стругацкий. Письма матери, 1960

Борис — матери, 16 июня 1960, М. — Краснодарский край, дом отдыха Макопсе

Дорогая мамочка!

Я уже в пути. Сижу в Москве — завтра дальше — на юг. Был у Арка, провел у него ночь и день. Очень хорошо поговорили и поржали. Я с ним окончательно договорился насчет сентябрьского приезда. Так что готовься к бою!

Письмо твое получить успел и очень порадовался, что тебе там хорошо. Отдыхай, набирайся сил. Про путевые впечатления напишу позже, когда прибудем на место. А пока целую тебя крепко.

[подпись]

Р. S. Привет тете Лиде <Капраловой>.

Мой адрес: Кисловодск п/я 38 Экспедиция ГАО АН СССР Стругацкому.

Борис — матери, 27 июня 1960, Кисловодск, Горная станция — Л.

Дорогая мамуся!

Получил твои письма. Спешу ответить.

Боюсь только, что подробного письма не получится. У меня все в порядке. Здоров и кушаю хорошо. Уже побывал в горах на высоте двух с лишним километров — было очень интересно. Нагляделся и на горы, и на облака, и на пропасти, и на кабардинцев — очень грязных и добродушных. Только ругатели они страшные, матершинники, и всё по-русски.

Работать приходится много, в основном физически. Грузим, пакуем, разгружаем, сели в машину, помчались, трясет ужасно, сидишь, растопырившись как рак-отшельник, хлоп, машина завязла, а ну вылезай, толкай, копай, тащи камни, навались, вылезли, поехали и всё сначала. Залезаешь в спальный мешок и как убитый засыпаешь, но вокруг — зелень, небо синее и воздух изумительный. Пьем нарзан, питаемся в ресторанах — шашлыки, чебуреки, люля-кебаб, а когда надоест — щи, кефир, пончики. Дорого, конечно, но вкусно. В походе — консервы, охотничья колбаса, чай, кофе, леденцы. Невкусно, конечно, но дешево. Так и живем.

Определенного места еще пока не нашли, но ищем, а это самое интересное. По мне, так хоть весь срок искать! Но скоро, вероятно, осядем на одном месте где-то в горах, и тогда сразу станет трудно держать связь. Писать буду реже, ты уж не сердись, мамуся.

От Адочки письма приходят, там все в порядке. Арку я еще все не соберусь написать. Вот будет свободное время — ужо! Передавай ему пока при случае привет и дай ему мой адрес, может, напишет. И скажи, чтобы он не обижался, право же, времени нет.

Ну, пока, мамуся. Жди в сентябре.

Крепко тебя целую.

[подпись]

Борис — матери, 7 июля 1960, Кисловодск, Горная станция — Л.

Дорогая мамуся!

Подошла оказия. Спешу отправить тебе письмо. Мы сидим на горе, которая называется Харбас. Высота ее 2400 м над уровнем моря. Гора, поросшая травой, вокруг другие такие же, все это — пастбище и везде бараны, бараны, бараны. Чабаны заходят к нам в лагерь и пьют чай. На юге — громадина Эльбруса, двуглавая, снежная, на западе в тумане — плоскогорье Бермамыт, на востоке — мрачный каменистый Кинжал — плоская гора, на которую мы пытались прорваться на машине и потерпели фиаско. На юге в хорошую погоду видна гора Шиджатмаз и на ней крошечные домики нашей базы — Горной Астрономической станции. До нее 15 км по прямой и 25 км по дороге. Дорога идет серпантинном, над кругами, но она безопасна и все лето годна для движения. Пробили ее геологи, которых здесь очень много и все ищут уран. Если по этой дороге спуститься вниз на 16 км, то попадешь в Долину Нарзанов, где находится туристический лагерь и бьют прямо из стены три нарзанных источника. Нарзан там крепкий, игристый, удивительно вкусный. В общем, устроились мы неплохо, только здесь весьма прохладно и мало солнца, а по ночам температура падает до нуля. Бывают здесь и ветры, и дожди, и грады и еще тридцать три удовольствия, так что я очень рад, что с избытком запасаю теплой одеждой. Напялишь на себя все лыжные костюмы, две пары шерстяных носок, да сверху еще казенное обмундирование — ватник, штормовой костюм — и сам черт не брат! Спим в палатках. На дне вдвое сложен толстый войлок, и сами мы в спальнях мешках — тепло, не дует и воздух свежий. Живем здесь вчетвером — Виктор <Новопашенный>, я, наш шофер Юра <Варовенко> и щенок Казбек, толстый и маленький. Шофер Юра — это клад! Мало того, что он прекрасный шофер и веселый малый — он еще и скуповат и заведует нашим продовольствием. Мы решили тратить в месяц на жратву не больше 400 р. на нос, но ешь вволю. Это значит — сугубо вегетарианская пища с чуть-чутьком мясных консервов. Но жрем мы до отвала: щи — по котелку, каша — по котелку, компот — по котелку. После такого обеда доползешь до спального мешка и — капут. Храп разносится на всю округу. Надеялся я похудеть — да вряд ли! Жрем вволю, спим вволю, куда там похудеть.

Ну вот, пожалуй, и все. Да, мамуся! Многих писем от меня не жди — трудно их пересылать. Смотри, какой путь проходит это письмо. С горы Харбас наша машина ходит раз в неделю. Письма попадают на горную станцию, откуда их довольно регулярно переправляют в Кисловодск (это еще 40 км на машине). И уже из Кисловодска письмо идет в Ленинград. Сама видишь, часто писать в таких условиях трудно.

Ну, пока. Крепко тебя целую, твой [подпись].

P. S. Спасибо за письмо из «Костра», я переслал его Арку.

P. P. S. Адочка, наверное, уже приехала. Привет ей и скажи, что письма я буду отправлять не на Пулково, а на Ленинград — номера-то в гостинице теперь нет.

Борис — матери, 16 июля 1960, Кисловодск, Горная станция — Л.

Дорогая мамочка!

Пользуюсь оказией, передаю маленькое письмецо. Все очень хорошо, я здоров, бодр и красив. Скучаю по дому, конечно, но ничего — перебыюсь. Получаю твои письма регулярно, радуюсь с тобой вместе и вместе с тобой проклиная Турылёвых и окаянную этажерку.

В ближайшие дни напишу письмо настоящее, а пока до свиданья, крепко целую, твой [подпись].

Борис — матери, 21 июля 1960, Кисловодск, Горная станция — Л.

Дорогая мамуська!

Сейчас по радию сообщили, что мне пришли три письма и завтра я их получу. Как хорошо, как приятно! Наверное, там и твое есть. Как хорошо, что вы мне все пишете. Я получаю больше всех писем. Даже от Аркаши получил! У него все в порядке, но домашние, надо думать, едят. Ох, едят! Меня здесь, слава богу, никто не ест. Рабочий день начинается часов в 10 вечера. Если небо ясное и нет ветра (а ветры здесь — ой-ей-ей!), начинаем наблюдать, и наблюдаем до 3 h 30 m. Если погоды нет — дежури́м: сидим в палатке или в машине, играем в шахматы, слушаем приемник или просто болтаем. В 3.30 ложимся спать и спим часов до 12. Встаем, чешемся, готовим завтрак и едим. Обычно завтрак это остатки вчерашнего обеда — щи, каша, картошка. Пьем чай с хлебом с маслом. Весь день почти ничего не делаем — играем в футбол, загораем, читаем, болтаем, возимся в машине, ездим за водой или в гости к соседям — чабанам. Когда погода хорошая, здесь очень хорошо — вокруг горы, на горизонте — Эльбрус, под ногами облака. Бродят стада овец, коров, лошадей.

В плохую погоду отсиживаемся в палатках. Играем на гитаре и поем хором.

Вот так и живем. Домой, конечно, хочется. Соскучился. Очень хочется. Жду сентября, не дождусь. Вот возвеселимся!

А пока крепко целую, дорогая мамочка.

Живи, не тужи, мне здесь совсем неплохо.

Жди нас с Арком, отдыхай.

Твой [подпись].

Борис — матери, 26 июля 1960, Кисловодск, Горная станция — Л.

Дорогая мамочка!

Если бы знала, как меня тронуло твое письмо, что с вырезками и стихом. Я ей-богу чуть не прослезился. А стихотворение — уж не сама ли ты его писала? Во всяком случае, хорошо и по идее, и по форме, только вот в последней (или предпоследней) строке сбит ритм. Спасибо тебе, мамуська, за все. Очень, очень хорошее письмо.

Сейчас стоят солнечные, жаркие дни. Мы много загораем и нежмся в тепле. Но вот беда — с жаркой погодой пришли мухи и слепни. Скот — а его много вокруг — сошел с ума. Осатаневшие коровы носятся по склонам, собираются в кучу около нашего лагеря, а чешутся о геодезическую вышку, которая здесь стоит. При этом они рвут наши антенны. Отогнать их нельзя. Они убегают и возвращаются. Мороча страшная!

Ты просила, чтобы я написал, чем мы здесь занимаемся — пожалуйста.

Мы смотрим, каково качество изображений звезд в этом районе. Если имеется очень хороший телескоп (как у нас), то в идеальном случае по законам физики звезда должна в этот телескоп выглядеть так: [рисунок] — т. е. яркая круглая точка, окруженная рядом кружков убывающей яркости. На самом деле всякие волнения в атмосфере — вихри,

поток, сгущения и разрежения — искажают эту картину. Кружки разрываются, волнуются, меняют яркость. Наша задача — найти такое место, где атмосфера настолько спокойна, что изображение звезды максимально приближается к идеальному. Вот мы каждую ясную ночь и смотрим, как выглядят различные звезды в четырех направлениях — север, запад, юг, восток — и на разной высоте над горизонтом. Наблюдения ведутся в три срока: с 22 h — 23 h, 0 h — 1 h и 2 h — 3 h. В каждый срок наблюдается не менее 24 звезд. Вот и вся наша работа. Здесь, вероятно, изображения неважные, далеко не идеальные, и потому в начале августа мы, наверное, переедем в другое место и будем смотреть там.

Ты пишешь про посылку. Ничего мне, пожалуй, не надо, кроме, как говорится, шоколада. А если говорить серьезно, то вот что. Будь, мамочка, добра, возьми деньги из тех, что прислали за рассказ, съезди на Невский и купи 5 кг грильяха — подчеркиваю: именно пять и именно грильяха. И вышли всё по известному адресу. Зачем это мне надо — пока тайна, но учти, что посылку твою я не буду вскрывать до своего отъезда в начале сентября, так что, кроме грильяха, который, кажется, не портится, больше туда ничего не клади. Итак, только пять килограммов грильяха (обязательно грильяха).

Это дело не спешное, но хорошо будет, если к концу августа посылка уже будет здесь. Даже лучше, если она будет именно к концу августа. А денег не жалеи, грильях пойдет на благое дело.

Засим остаюсь твой верный, вполне здоровый и сытый, любящий сын [подпись].

P. S. Мамуся, меня очень беспокоят эти твои головокружения. Умоляю тебя, больше отдыхай, как можно больше ничего не делай. Я очень, очень беспокоюсь.

Борис — матери, 3 августа 1960, Кисловодск, Горная станция — Л.

Дорогая мамочка!

Получил еще одно твое письмо — спасибо. У меня все в порядке. Мы, наконец, сняли лагерь с горы Харбас и теперь будем искать новое место для наблюдений, новую гору или плоскогорье. Разобьем новый лагерь, и Виктор уедет — его вызывают в Пулковку по основной работе, — а я останусь начальником. Вот не было печали! Но ничего — вернется он к началу сентября, а я поеду к тебе под крылышко. Сегодня же написал письмо Адочке, просил ее, чтобы она просила Ант<онину> Ник<олаевну> <Карпелюк> поддержать Андрюшку до конца сентября хотя бы. Не знаю, надеюсь, получится. Нам очень нужен этот сентябрь: книга должна быть сдана в ноябре. Ну да ладно — авось обойдется.

Что касается покупки комнаты у Анны Зах<аровны>, то это дело, может быть, и хорошее, но можно ли это сделать, сохранив одновременно маленькую комнатку? Если нет, то это ни к чему. Лучше записаться на строительство нового дома, уплатить 45 тыс. и получить двухкомнатную квартиру со всеми удобствами. Адочка пишет, что это сейчас можно сделать. И ждать придется немногим больше — год-полтора. А если маленькая комната при этом сохранится (т. е. при покупке комнаты у Анны Зах<аровны>), то стоит и этим заняться. А потом, может быть, удастся обменять ее (эту комнату) Турылёвым с приплатой. В общем, там видно будет. Но маленькую комнату сохранить надо любой ценой — это будет убежище от всех житейских бурь и плацдарм на случай приезда Аркаши.

Арк настоятельно требует, чтобы я уходил с работы: ему очень трудно. Наверное, я попытаюсь это сделать. Сначала ненадолго — на полгода, может быть, а там посмотрим. Дело это важное и сложное. Много думать надо.

Ну ладно, мамусенька. Крепко тебя целую, береги себя и жди нас.

Твой [подпись].

P. S. Да! Рылся я тут на днях в нашей аптечке (искал пирамидон для шофера, страдающего зубом) и между прочим обнаружил, что мои печеночные порошки погибли.

То ли размокли, то ли от жары растаяли. Я думаю, стоит запас возобновить. Пока печень не болит, но кто знает!.. Вышли, пожалуйста, очень тебя прошу. И не забудь про грильяж! Но это должны быть разные посылки!

Борис — матери, 5 октября 1960, Кисловодск, Горная станция — Л.

Дорогая мамочка!

У меня все хорошо — наблюдаю, катаюсь на машине, сплю, ем и наоборот. Надоело все ужасно, но недолго осталось ждать. Скоро домой насовсем!

Надеюсь, что у тебя тоже все благополучно и, проведив сыновей, ты, наконец, смогла предаться заслуженному отдыху. Отдыхай, мамуся, отдыхай вовсю. Если нужны деньги — только напиши. Ну, вот и все. Право же, нет никаких событий. И тебе и Адке пишу поэтому не письма, а записочки.

Крепко тебя целую, твой [подпись].

Борис — матери, 15 октября 1960, Кисловодск, Горная станция — Л.

Дорогая мамуся!

Наконец-то могу тебе ответить. А то все сидел в такой глуши, откуда и письма-то было посылать нечем: машина поломалась. Теперь мы ушли с гор и будем доживать оставшееся время в тепле и полной безопасности на Базе, где всего вдоволь. Большое тебе спасибо за твои письма — всё такие радостные известия. Сборник Аркаша мне прислал. У меня все в порядке, жду не дожусь, когда же смогу вернуться обратно. Постараюсь вырвать у начальства хоть пару дней и заехать к Аркаше в Москву. В Москве дел много, ох много! Но это хорошо. Это меня только радует. Такими делами готов заниматься всю жизнь.

Прости, мамуся, но писать особенно, право же, нечего. Все в порядке и никаких приключений. Сейчас отдыхаю в Кисловодске — тепло, зелено, нарзан и прочие прелести.

Крепко тебя целую, твой [подпись].

P. S. Уверен, что Арк вышлет тебе сборник, а я приеду и тоже подпишусь на нем.

Привет тете Лиде и самые ей лучшие пожелания.

Борис Стругацкий. Письма супруге, 1960

Борис — супруге, 5 апреля 1960, Л. — Ташкент

Дорогая Адока!

Это мое письмо не считается, конечно. Я напишу большое и содержательное, когда получу от тебя весточку. Приехал Арк, и мы в настоящий момент лежим на диване валетом и обсуждаем всякие фантастические дела. Новостей особых нет, разве что то, что сборники, может быть, выйдут в мае-июне. «Десантников» нигде не берут — не понимают. Катаев сказал так: очень хороший, настоящий рассказ, но я не приемлю вашего героя. Обидно очень. Получили от Ант. Ник. <Карпелюк> телеграмму (прилагается). Стало легче, хотя я и раньше считал, что все уже хорошо. Так что успокойся, маленькая, работай в полную силу. Желаю тебе всяких успехов. Жду письма, крепко целую.

[подпись]

Борис — супруге, 7 апреля 1960, Л. — Ташкент

Дорогая Адока!

Получил твое письмо. Ты наше, видно, еще не получила. Ничего, получишь. Очень рад, что там все в порядке, но чего это они там к тебе приглядываются? Вот гады. Всех дезавуирую. А мы тут работаем. Решили как минимум написать два рассказа, они же пойдут в качестве глав в «Возвращение». Один рассказ про то, как записывали мозг. Второй — про первый контакт с жителями иных миров. В пику Ефремову они будут отнюдь не человекоподобными, и на этом будет построен весь рассказ — по идее, занимательный и забавный. Арк привез десять книжек второго издания СБТ и говорит, что сборники выйдут, может быть, в мае-июне, но обольщаться, пожалуй, не стоит. Кроме того, он привез перевод Шести Спичек на английский язык — очень забавно. Этот рассказ пошел куда-то в Америку. И еще один рассказ — Испытание СКИБР — пошел во Францию.

Сейчас мы накупили на полтора рубля книг по биологии и океанографии и пытаемся в них разобраться. Перед обедом, помолясь, читаем «Анатомию человека» и рассматриваем соответствующие рисунки, как-то: прямая кишка вскрытая, развертка печени, устройство слюнных желез и т. д. Очень способствует. Что делается в Пулкове — не знаю. Звонили оттуда — Наталья <Свенцицкая> — сообщали о твоей телеграмме. Деньги, между прочим, я тебе послал и интересуюсь узнать, получила ли ты их. Если нужно, пришлю еще, только напиши.

А мне здорово пришлось повозиться в понедельник. Арк должен был приехать во вторник и я 1) мотался по вопросам отпуска 2) по вопросам денег, тебе и мне 3) заканчивал Сатурн — ходил к директору и вообще 4) потел на станции. В общем, уехал домой в девять вечера, но все более или менее сделал. Вот так-то, маленькая. Делала бы скорее все свои дела да приезжала. Но дела надо делать хорошо, без промаха. Хватит и моей аспирантуры — ты должна быть на высоте! Звезд с неба хватать не надо, а вот пару планет — обязательно. Да смотри не промахнись, а то знаем мы вашу липовую точность, которая вечно болтается по чужим ящикам, по сортирам и то и дело теряется. Признавайся, что еще забыла? То-то!

А Аркашка стал потешный. Выдрали ему три передних зуба на нижней челюсти и теперь он шепелявит, как сестра Лавдовского, причем особенно сильно по утрам. Настроение у него бодрое.

Вот сейчас меня прервали. Звонила Мидия и сообщала новости. Во-первых, открыли столовую и после ремонта она лучше, оказывается, не стала. Во-вторых, Ильков объявил забастовку. Он пишет какой-то социально-экономический труд (дома) и работать не желает. Увольняться тоже не желает, пока не закончит труд. Тяжелый случай, и никто не знает, что делать.

Вот и все новости. Ну, целую, Адока, тебя с большой любовью и нежностью. Будь хорошей. Прилежной. Скромной. Старательной.

Пиши письма!

Наблюдай!

БДИ!

Всегда твой верный [подпись].

Большой привет от А. И. и А. Н., и от ребят, конечно.

Борис — супруге, 17 апреля 1960, Л. — Ташкент

Дорогая Адока!

Проводил вчера Аркадия. Завтра выхожу на работу. Поработали мы неплохо и время провели с пользой. Задуманные два рассказа сделали. Один называется «Благоустроенная

планета», другой — «Свечи перед пультом». Я только что эти рассказы перечитал — нничегё. Сегодня мне больше понравился «БП», а еще позавчера было наоборот. Завтра заберу их с собой и совместно с СЛ отправлю в Детгиз, Генриетте Давыдовне <Левитиной>.

Большое тебе спасибо, Адонюшка, за твою хорошую телеграмму. Правда, информация подверглась сильному влиянию шумов. Середина телеграммы выглядит так: ЖЕЛАЮ СВЕЖИХ ИДЕЙ СЮЖЕТОВ ТАКОЖЕ ГОЛОВ ИСЦЕЛЕНИЯ НЕДУГОВ. Не знаю, об исцелении чьих голов недугов здесь идет речь. В общем, мне было очень приятно получить твою телеграмму, тем более что ты последнее время совсем не пишешь, и я волновался, не случилось ли чего. С утра пятнадцатого я был мрачен: ждал от тебя телеграммы, а ее нет. От всех есть, а от тебя нет. Тем более что дня три до того узнал, что в Пулковско ты прислала письмо, а мне опять же нет. Голоса дев по телефону были столь ехидны, что я на всякий случай даже отказался это письмо прослушать и до сих пор не знаю, что там написано. Итак, с утра был мрачен аз, многогрешный. Потом часа в два пришло твое письмо, и я повеселел (не письмо, пардон, телеграмма). Но тут все было испорчено, ибо приперлась вся пулковская кодла — бежали с работы и пришли меня поздравлять. Ты меня знаешь — сюрпризов я не люблю. Пытался я сделать приятную мину, но это у меня, кажется, так и не получилось. Сорвали, черти, все мои планы на день, и от визита ничего хорошего не получилось — как и от всякого неожиданного визита. В общем-то, все это дерьмо, но таки день они мне испортили, хотя я и был несколько тронут вниманием. Плохой я человек, верно? Ну и пусть. Аркаше все очень понравились, особенно Наташка, от которой он был в совершеннейшем восторге. Между прочим, она отличилась: в своей обычной рассеянности старательно ссыпала пепел в солонку до тех пор, пока я этого не заметил. Ну, ладно. Потом они, наконец, убралась, а вечером втроем мы справили праздник и было очень мило. Правда, все время звонил телефон и меня поздравляли разные люди и, в частности, Маринка <Матвеева>, что меня весьма тронуло.

Вот и кончился праздничек. Хорошие были дни, и хорошие были вечера. Мы ложились спать — Арк на диване, я рядом на раскладушке — брали в зубы — Арк папиросу, я сигарету — и начинали Великий Вечерний Трёп. Это было хорошо. Вставали часов в девять и садились работать. Сначала писали рассказы — писали параллельно, каждый — свой. Потом вместе обрабатывали начисто. Эта обработка начисто заняла много времени — мы работали до последнего дня. Но тем не менее ухитрились один раз сходить в кино. Смотрели «Мы — вундеркинды» — очень хороший фильм.

Читали мы мало, но таки я прочел за это время прекрасную книжку «Охотник» некоего Хантера (из серии ППФ) — прекрасная книга об охоте в Африке. И еще прочел «Поднятую целину». Прочел и чуть не заплакал — как она стала пуста, эта книга. Как чувствуется, что выдохся старик. Или он был вынужден так писать?

Маленькая, я тебя очень прошу: напиши мне еще хоть одно письмо. Мне очень хочется знать, что ты делаешь, и очень обидно, что пулковчане знают, а я нет. Пожалуйста, напиши, хотя бы конспективно, если ты занята. А ты, наверное, здорово занята — это я могу себе представить. В общем, много не пиши, но самое главное. И, кстати, нехорошо заканчивать письмо словами «целую и т. д.». Пиши лучше просто «целую». Вот так:

Крепко тебя целую, моя хорошая.

Твой до глупости верный [подпись].

P. S. Кстати, об этой книжке «Охотник». По-английски она забавно читается: «Hunter» = охотник, т<ак> что название выглядит так:

J. A. Hunter.

Hunter.

Борис — супруге, 25 апреля 1960, Л. — Ташкент

Здравствуй, Адочка!

Письма твои получил. Платье и босоножки отослал, и, надеюсь, ты их уже носишь. Напиши или телеграфируй.

Приехал Чистяков. Он ходил на завод. На заводе готовы продать тебе моторы. Они так и сказали: «Чего там с одним возиться — берите сразу три». Я сказал, чтобы Чистяков поговорил с Поттером. Завтра еще раз напомню.

Я вожусь с Юпитером и Сатурном, все заканчиваю, хочу еще попробовать определить сжатие — просто из интереса. На днях Калиняк предложил мне лететь с ним вдоль меридиана по маршруту Мурманск-Ленинград-Крым качать козыревские маятники (задание комиссии). Я, конечно, согласился, но немедленно сообщил об этом Мидии и просил ее разубедить Калиняка. Я не годен для этого дела — здесь нужен человек со здоровой печенью и с достаточными познаниями в области электротехники. Одной «здравой и самостоятельной точки зрения» (Калиняк — мне) недостаточно. Мидия согласилась с удовольствием: она хочет лететь сама. (Думаю, это у нее не получится — Калиняк называл мне только две кандидатуры: Канаев и Б. Струг.)

В субботу и воскресенье гулял у Грома. Было очень хорошо. Громов напился, и мы с ним болтали очень весело до шести утра, когда все уже разошлись или полегли спать. У меня такое впечатление, что Лукончик скоро станет папой. М<ожет> б<ыть>, я ошибаюсь.

Работать на станции очень скучно. Манкирую всячески, хотя знаю, что придется об этом пожалеть. Плевать.

Литературой не занимаюсь, и вообще устал страшно, и все надоело.

Журнал «Словенка» приходит с дьявольской регулярностью, так что тебя я забыть не могу. Не горят ли у тебя уши в 13 h 00 по московскому времени? Кстати, о деньгах. Ты пишешь о них в светском тоне, а я этого не понимаю. Пиши точно и кратко — когда и сколько. «На что» — меня не интересует. Когда и сколько.

Мы делаем спортплощадку. Работа очень тяжелая и противная. Таскали здоровенные щиты по 350 кг каждый. Я раздавил, конечно, себе палец. Потом обивали от ржавчины трубы для столбов. Обили метров семьдесят, а всего надо — 210. Всё впереди.

Новопашенный уехал на охоту. Наталья блестит глазами на Чистякова. Чистяков кричит: «А-а-а?!» Толя <Ефимов> утверждает, что материи нет, а есть энергия. Панова болеет и рассказывает. Мидия стонет и занимается цветной фотографией. Тимашкова молчит. Я в депрессии.

Целую, желаю удачи,
твой [подпись].

P. S. Копылов глупеет на глазах: пытался соблазнить меня пойти в ресторан.

P. P. S. Когда и сколько? Не стесняйся — люди свои.

Борис — супруге, 23 июня 1960, Кисловодск, Горная станция — Киев

Я сижу на большой веранде, залитой утренним солнцем, и вокруг голубое яркое небо и зеленые горы, рассеченные террасами обнажившихся слоев. Вокруг — горы ящиков и зеленые чехлы палаток и спальных мешков. Мой зад покоится на четырехместной палатке в чехле, столом моим служит ящик за № 5, где лежит оптика телескопов и бюстгальтеры Милы Жуковой. Сама М. Жукова (не без бюстгальтеров, я думаю) находится на горной станции. Мы пока осели на Базе — это самая верхняя точка Кисловодска — беленькое здание с верандами, спальнями, перегородкой. Мы ждем погоды, чтобы уйти в горы. Последнее время шли дожди и дороги стали непроходимыми даже для «козлов». Надо ждать, пока они (дороги) «протряхнут», т. е. подсохнут.

Путешествие наше оказалось не очень интересным. Писать о нем подробно не буду, просто отмечу, о чем стоит потом рассказать: о шоферах, о поисках мест для ночевки, о ящуре и о том, как кормят на трассе Ленинград-Москва-Курск-Орел-Ростов-Кисловодск.

И вообще, не дают больше писать — орут, чтобы шел в машину, надо ехать в город, закупать продукты и вообще готовиться к экспедиции на Кинжал. Вот это будет по-настоящему интересно. Об этом я тебе обязательно опишу поподробнее. Я тебя очень люблю, и очень часто вспоминаю тебя и скучаю. Об этом я тоже напишу особо.

А пока пожелай мне удачи и помни обо мне хорошо.

Крепко целую, твой [подпись].

P. S. Передавай всем привет и поцелуй Андрюху.

Адрес для телеграмм: Кисловодск Солнце Стругацкому.

Борис — супруге, 27 июня 1960, Кисловодск, Горная станция — Киев

Дорогая Адока!

Настоящим имею честь представить весьма краткий, бледный, сухой и неполный отчет о действиях экспедиционного отряда Новопашенного в поиске 24–26 июня 1960 года. Оный отчет, будучи украшен метафорами, эпитетами и сравнениями, мог бы войти в Золотой фонд мировой литературы новеллою. И назван бы он был

РАССКАЗ О НЕНАПИСАННОМ ГИМНЕ.

В восемь часов утра 24 июня начинается этот рассказ. Все встали и умылись. Все не выспались, но утро было такое голубое с белыми облаками, что... Нет, положительно нельзя писать о таких вещах в таком штиле. Короче говоря, в 9.30 автомобиль МЮ 83–64 типа ГАЗ-69 — неуклюжая железная коробка на двух ведущих осях, — неся на себе триста килограмм груза и пятерых человек, вырвался из узких кривых улиц Кисловодска и, дребезжа металлом, побежал по асфальтированному шоссе в направлении Ессентуки-Пятигорск-Баксан-Гунделен... Совершенно невозможно выдержать высокий штить, потому что его (автомобиль, конечно, а не штить) немедленно остановил ГАИ, чтобы выяснить, почему отсутствует передний номер. Объяснения были даны, и поиск начался.

Сначала все было очень весело. Группа была полна сил и желания победить хотя бы и ценою если не жизни, то благополучия. Начальник группы благосклонно шутил, оглядывая окрестности. В его усах холодный встречный ветер — свободный и непокорный — запутывался, стихал и становился кротким ягненком. Он фильтровался и всякий теперь мог дышать им, не рискуя схватить ангину или иной насморк.

Рядовой Стругацкий возлежал на груде разнообразных предметов. Он возлежал на пяти спальных мешках, на палатке четырехместной одной, на палатке двухместной одной, на двадцати килограммах войлока, на пяти килограммах картошки, на двух килограммах сосисок охотничьих, на десяти банках бычка в томате, на пяти банках трески в томате, на четырех канистрах с бензином двадцатикилограммовых и на одной канистре с автолом десятикилограммовой. Возлежал он также и на тощем бедре рядового Гневышева Михаила.

Рядовой Гневышев был облачен в ватник и берет. (Не следует думать, что на нем больше ничего не было: это обычная писательская манера говорить про вполне прилично одетого человека, входящего, скажем, в ресторан — «на нем был яркий галстук и желтые штилеты»). Создается впечатление, что человек забыл одеться как следует или ищет вход в баню, тогда как он по смыслу действия только что прибыл с заседания редколлегии). Итак, рядовой Г. был одет так, словно он прорывался на Клондайк. На его боку висел

огромный охотничий кинжал, который всем очень мешал, хотя и был в ножнах. Рядовой Г. был очень оживлен и скоро уснул.

Впереди сидели шоферы. Их было двое: москвич Юра <Варовенко>, который никогда не бывал в горах, и кисловодец Игорь, который никогда не бывал в Москве. Юра — хозяин нашего «козлика». Это красивый веселый парень лет тридцати. У него отчим итальянец, и сам он очень похож на итальянца — совершенно непонятно, почему. Флюиды, должно быть. По энергии и жизнерадостности не уступает Стрелецкому и тоже хват, бизнесмен и бабник. Игорь — местный шофер с большим опытом. Ему тоже лет тридцать, и он не слишком красив, но кажется мне человеком замечательным.

Итак, поиск начался. Шоферы разговаривали.

—! — сказал Юра.

—, — сказал Игорь.

—, — сказал Юра.

—! — откликнулся Игорь.

Потом они перешли на воспоминания о различных инцидентах и о том, какие забавные существа местные жители: «Едет,, на ишаке,, Поет песенки про то, какая, мол, дорога длинная, небо синее, трава мягкая... Остановился, своего ишака и едет дальше». Начальник сделал несколько ценных замечаний по поводу скотоложества и уголовного кодекса. Разговор шел, машина бежала. Стали реветь песни и начали сочинять гимн группы Кинжал. Получилось так:

Облака над хребтом собираются,
Мелкий дождик прогноз обещал,
Астрономы в поход отправляются
Штурмовать неприступный Кинжал.

Надоела вода минеральная,
Теплый дом и чайк по утрам.
Незнакомая трудная дальняя
Нас дорога ведет к облакам.

И ночью, и днем шофер за рулем,
Канистра полна — мы не боимся ни хрена.

От Кисловодска до Баксана сто двадцать километров. Мы прошли их за два часа, съели в Баксане дорогой и невкусный обед и двинулись в горы. Мы прошли Гунделен — отвратительный, грязный поселок, вытянувшийся вдоль грязной речушки, — и полезли на стену. Мотор заревел. Набрали канистру воды у родника, где сидел старый, оборванный и грязный кабардинец. Сапоги он снял и в ледяной прозрачной воде остужал ноги. Мы поздоровались и поулыбались друг другу. Сразу за родником дорога пошла вдоль склона и слева открылась пропасть глубиной в полкилометра. Москвич Юра глянул и судорожно вцепился в баранку.

— Ого-го! — возопил он с очаровательной непосредственностью. — Туда сыграешь — и скорая помощь не понадобится!

Через двести метров он включил передний мост и больше не выключал его на протяжении всего похода. Никогда я не думал, что горная дорога может быть такой! Крутизна — пусть. Обрыв — пусть! Узкая как нож — пусть!! Но не грязная же, черт побери!!! Дорога была забита грязью. В рытвинах стояли чудовищные лужи, и «козел» ревел, подымая волны. Глохнул мотор. Грязь летела в машину. Колеса буксовали. От Баксана до Спуска — пятнадцать километров. Мы прошли их за пять часов. Дважды мы садились на мосты и копали лопатой грязь, и толкали, и матерились, и мотор ревел, и нам помогали кабардинцы, иначе мы сидели бы там и по сей день. В тех местах ходят арбы и

машины. ГАЗ-63. Он оставляет колею в грязи и в эту колею лучше не попадать. Горы мокры. Это грязевые горы, покрытые сочной травой, где так хорошо пасти скот и так плохо пробираться на машинах. Страшные мочаки — места, где выходят на поверхность родники, — поросли странной фантастической травой — чемерицей. Она похожа на кукурузу или на венерианское растение, не знаю, на что больше. Не дай бог попасть на мочак. Машина становится, накренившись на сорок пять градусов, и колеса уходят в грязь. Нет ни камня, ни валежника, чтобы положить гать. Вылезай! Комай! А ну навались! Е-ще на-вались!!! Э-эх! Е-ще! Вылезли, ф-фух! Надо было правее брать... А его знает, куда там брать трам-трам! По машинам! И всё сначала. Мы поднялись высоко, и здесь уже нет собственно гор. Холмы с грязными мокрыми склонами. А ведь последний дождь был два дня назад. Эх, застанет нас здесь дождик — молись!

На одном холме нас позвали на помощь кабардинцы. Они шли вьюком и одна лошадь поскользнулась и свихнула ногу. Не можем ли мы вправить? Лошадь лежала на боку, и три ноги ее были стянуты веревкой вместе, а левая передняя судорожно вытянута. У нее были страшные от боли глаза и она вся дрожала крупной дрожью. А потом двое держали ее за голову, а четверо тянули за ногу, за больную свежевывихнутую ногу. Она стала биться, пытаюсь встать и все падала, скатываясь все ближе к обрыву и чуть не придавила Мишку, который все пытался облегчить ее страдания с помощью поглаживания по морде. Мы ничего не смогли сделать, только обещали, что передадим в ближайшем селенье. До него мы добирались час. Не знаю, чем все кончилось. Потом упал туман. Туман, крутизна, грязь и незнакомые места — вот это поиск! Одно утешение — здесь уже побывали Мишка с Игорем и они в общем знали дорогу. Они дошли до Спуска и там остановились. Потому что не хватило бензина и потому что Спуск был непроходим. В шесть часов мы подошли к Спуску. Здесь не было грязи. Здесь были каменные естественные ступеньки и щебневая осыпь. По ступенькам ходили арбы, по осыпи не ходил никто. Мы спустили машину по осыпи, взяли лом и кувалду и стали вырубать дорогу назад. Мы вырубали ее и пошли дальше, так и не зная, сможем ли мы подняться обратно. Мы прошли еще три километра и стали на ночлег. Эти три километра мы шли два часа. Машина заваливалась на бок, и надо было держать ее, чтобы она не перевернулась. Машина садилась мостами на камень, и надо было срубать камень буквально сантиметр за сантиметром. Машина ползет по колее, царапая брюхом гранит. Перед ней задом, на четвереньках ползет человек и смотрит, как проходят мосты. Стой! Назад! Еще назад! Дай лом. Гах, гах... Давай! Тише. Руль влево! Влево!! Влево!!!! Не могу, меня сносит задницей! Стой! Стой, говорят! Глуши мотор!.. Трам-трам!!!!!!!!!!!

Там мы встретили кабардинцев на арбе. Они смотрели на нас вот такими глазами, и один все повторял: «Двэнадцэт лэт здэсь живу — нэ видэл здэсь машина!» Потом мы встречали многих и все говорили одно: здесь дорога недоступна машине, как вы сюда попали? А как там, дальше? Далшэ ещо хужэ! Мы устроились на ночлег. Мы легли на кошме в спальных мешках, шоферы — в машине. Ночью разразилась гроза. Это было по-настоящему страшно, но об этом я расскажу потом. Напомни.

Наутро выяснилось, что дальше дорога абсолютно непроходима. Мы были вынуждены вернуться, заехали на Горную станцию, переночевали там и вернулись в Кисловодск. Так бесславно закончился штурм Кинжала. Гимн не был дописан.

Витька звонил Кучерову и получил самые широкие полномочия. Поэтому нам предстоит еще много интересного. М<ожет> б<ыть>, мы найдем вертолет и будем прорываться на Кинжал по воздуху. М<ожет> б<ыть>, найдем новую автомобильную трассу, что весьма сомнительно (я лично убежден, что Кинжал недоступен автомобилю). М<ожет> б<ыть>, плюнем на Кинжал и будем искать что-либо другое. Тогда мы пойдем к Эльбрусу, осматривая по дороге все вершины выше 1800. Вот так-то, Адонюшка.

А сейчас я лягу спать. Завтра рано едем в Пятигорск за картами и к геологам за советом. Привет от Витьки.

От меня передавай большой привет Карпелюкам и лобызни Андрюху.
Крепко тебя целую, скучаю, люблю, твой [подпись].

Борис — супруге, 16 июля 1960, Кисловодск, Горная станция — Л.

Дорогая Адонюшка!

Пользуясь оказией т. ХИП, посылаю тебе:

- а) свою любовь,
- б) свою огромную благодарность за посылочку (все выжрали и выпили в стремительном темпе),
- с) 10^{1024} поцелуев.

Я сейчас спешу: привез Хейно <Поттер> на Горную и надо возвращаться на Харбас, где в одиночестве тоскует фельдмаршал. Он впервые остался один, а это очень неприятно, уж я-то знаю — меня часто покидают там. Поэтому я спешу. Через пару дней фельдмаршал поедет в Кисловодск, и я переправлю с ним настоящее письмо.

Крепко-крепко тебя целую, жди меня и люби, твой [подпись].

Борис — супруге, 21 июля 1960, Кисловодск, Горная станция — Л.

Дорогая Адонюшка!

Завтра оказия, и я тебе пишу. Что бы тебе этакое написать? Хотелось бы сохранить новости до встречи, да и новостей особых нет. Ездил сегодня с шофером Юрой <Варовенко> на разведку Эльбрусской дороги — дороги дальше на юг. Через пяток километров нормальной дороги (т. е. такой, по сравнению с коей то место у Чудского озера представляется всего лишь хорошей грунтовой дорогой — даже не асфальт!) мы с ревом вырвались к долине, по дну которой струился ручей. До этого мы ехали по следам какого-то ГАЗ-63, но тут следы исчезли. У ручья были сырые обрывистые берега, разбитые арбами в трех местах. Эти три места представляли собой мочаги или говоря по-нашему, по-простому, по-интеллигентному — болото клозетного типа. Все три мочаги были обследованы ногами. Два из них оказались просто трясиной, ступив в третий, я провалился по колено, но был извлечен «с сосущим звуком» (СБТ, стр. 128). Дорога оказалась непроходимой: прямо — трясина, по сторонам — ужасные нагромождения острых камней, похожих на сгнившие «осколки зубов» (СБТ, стр. 303). Мы вернулись и стали искать место, где развернулся ГАЗ-63. Мы не нашли следов, идущих в обратную сторону. Тогда мы вернулись к трясине, и шофер Юра сказал задумчиво: «...! ...! ...! Вот ... здесь ... он ... и ... потонул ...! ...! ...! ...?»

— Поехали, — сказал я. И мы вернулись. Судьба ГАЗа не ясна мне до сих пор.

Сейчас мы съездили за водой, привезли три бидона, канистру и три фляги. Я сижу в машине и пишу на дощечке для разделки мяса, которого у нас нет. Виктор <Новопашенный> сидит в палатке и тоже пишет — на ящике с телескопом. Из ящика торчат гвозди — целыми лужайками, на нем валяются всякие шмотки, бинокль, оплывшие свечи, окурки и пепел. Шофер Юра как всегда активно занят. Он готовит обед, а равно — благоустраивает свой быт. Он постоянно благоустраивает свой быт. Он это очень любит, и у него прекрасно получается. Наш быт благоустраивать некому.

Вот меня прервали. Я обедал: борщ с майонезом, вареная холодная картошка с майонезом же и с помидорами и с луком и с постным маслом, и не думай, что так каждый день, и не верь Хейне <Поттеру>, если он будет говорить, что Харбас — курорт. Хейне просто повезло. Ему всегда везет. Он в этот день обгорел ужасно, ходил по Горной станции и перед всеми (особенно перед женщинами) заголялся и нежно говорил: «Я теперь розовенький, как поросеночек».

Вот уже 20 дней сижу я безвыездно на Харбасе. Виктор часто уезжает в Кисловодск и на Горную, а я остаюсь один. Это довольно неприятно, но я уже привык. Только ночью, когда Виктор опаздывает, все еще неприятно. Но он молодец и Юра молодец — они прорываются вовсю, чтобы вернуться к ночи. Даже через обвалы.

Будем сидеть здесь еще, вероятно, дней десять — нет погоды, нет наблюдений. Что будет потом, не знаю.

И вообще, очень хочу к тебе под крылышко. Очень по тебе соскучился. Что толку писать об этом — ты сама знаешь. Загляни внутрь себя...

По радиации передали, что на Горной мне есть три письма. Спасибо вам, родные. Не забываете меня. Это очень приятно. Очень.

О делах с тобой говорить сейчас не хочу. Ну их к черту, дела!

Крепко-крепко целую.

Твой очень верный [подпись].

P. S. Поцелуй Наташеньку <Свенцицкую> в щечку. Ваше письмо мы получили и скоро, наверное, ответим. Остальным суховатый привет.

Борис — супруге, 27 июля 1960, Кисловодск, Горная станция — Л.

Здравствуй, А дочка!

Получаю твои письма и читаю их с великим вкусом. Хорошо пишешь, весело. Не всегда, конечно, но что поделаешь? That is life!¹ Но я уверен, что все образуется.

Сейчас я один. Виктор уехал разведывать дорогу, а я охраняю лагерь от коров, каковые рвут нам антенну и вообще ошалели от жары и слепней. Сейчас здесь стоит жара, и я наг — берет и засученные трусы.

Наше пребывание на горе Харбас близится к концу. В начале августа перебазируемся на другое место и снова начнем сидеть. Тут я порывался все сочинить «Гимн астроразведчиков», но получилось только два куплета и припев:

Товарищ, мотай портянку...²

На мотив «Пока я дышать умею...»

Сейчас, впрочем, никакого тумана нет, горизонты ясны, и слева торчат снеговые ягодицы Эльбруса, стыдливо прикрытые белым облачком. Кстати, когда сюда приезжал Хейно, он обнаружил, что гора Сев<ерный> Кинжал удивительно напоминает по форме ж... Это определение так понравилось нашему шоферу, что он теперь зовет эту гору не иначе как «Хейнова ж...».

Что-то я сейчас вспомнил кусок твоего письма, где ты говоришь о коллективной выпивке, когда я приеду. Сомнительно. Я приеду работать. Мы должны за эти 20 дней кончить «Возвращение» — хоть кровь из носу. Так что скорее всего — увы. Наверное, так и будет — день принадлежит роману, ночь принадлежит тебе. Ох, и поработаю же — и днем, и ночью.

На днях тут была небольшая хохма. Поздно вечером — уже стемнело — мы втроем гоняли машину по нашему плато, чтобы прогреть ее на ночь. Вдруг видим: на Бермамыте, где сидит Мишка Гневывшев, нам сигналият фарой. Мы тоже стали сигналить, вспоминая подряд все буквы азбуки Морзе, какие нам приходили в голову. Бермамыт отвечает и, вероятно, осмысленно, ибо там начальник метеостанции знает морзянку. И тут меня черт дернул сказать этим кретинам, как выглядит SOS. Они немедленно начали сигналить: SOS, SOS, SOS... Бермамыт что-то ответил, и вдруг там появился огонек, который начал быстро спускаться с плато в долину. Представь ситуацию: с Бермамыта видят, как сначала

¹ Такова жизнь! (англ.)

² См. «Гимн астроразведчиков» на с. 10.

по Харбасу бессмысленно и дико мотаются огни фар, словно кто-то гоняется за машиной, потом следует беспорядочный набор знаков Морзе и, наконец, SOS, SOS, SOS... Все мы порядком струхнули. Дело в том, что дорога с Бермамыта упирается именно в ту непролазную грязь, о которой я тебе писал. Ночью врыхаться в нее ничего не стоит. Мишка не такой человек, чтобы оставить друзей в беде. А огонь все приближается и приближается. В трубу было видно, что это автомашина и что ее страшно кидает на ухабах. В общем, мы все укакались от стыда. Но машина к нам не пришла, и мы пока так и не знаем, что это было и чем все кончилось.

Вот так-то, маленькая. Ну, целую тебя крепко, жди меня, не увлекайся развлечениями и делай свой прибор. Нам в семье необходим кандидат наук.

Люблю, целую, твой верный [подпись].

P. S. Прилагаю заявление, поданное мною на днях. Виктор очень испугался, когда узнал, что ты на него сердишься.

г. Харбас

Начальнику Кисловодской
Экспедиционной группы
ГАО АН СССР
мл<адшему> н<аучному> сотр<уднику>
Новопашенному В. Б.
от наблюдателя группы
Стругацкого Б. Н.

Заявление

Настоящим вынужден выразить свой протест начальнику Кисловодской экспедиционной группы ГАО АН СССР мл<адшему> научн<ому> сотруднику Новопашенному В. Б. по следующим пунктам:

1). Состояние перманентной небритости лицевых участков тела указанного Новопашенного В. Б. производит на меня отталкивающее впечатление. Я человек больной, страдаю печенью (хронический холецистит). Безобразное обросшее лицо указанного Новопашенного В. Б. портит мне и без того плохой аппетит, вызывает судороги диафрагмы и значительно понижает мой общий тонус.

2). Указанный Новопашенный В. Б., злоупотребляя своим служебным положением, злостно оставляет меня в лагере одного под угрозой страшной смерти на рогах бугая или психического помешательства от одиночества. Я человек больной, страдаю агорафобией и мизантропией, усиленной шизофреническими иррегулярностями типа кумулятивной невралгии. Я могу укусить. Систематическое одиночество, отлучение от женского общества и бани вызывает необратимые изменения в моем слабом организме.

Опираясь на жену и малого ребенка, прошу обуздать указанного Новопашенного В. Б. (мл<адшего> научн<ого> сотрудника ГАО АН СССР, начальника) по всем двум пунктам.

Подпись: ст<арший> лаборант Стругацкий.

[В верхнем левом углу резолюция:]

Дополните соответствующими медицинскими справками, подтверждающими все болезни, особенно кумулятивную невралгию. [подпись]

Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1959–1960

16 <авторских листов> — Вадецкий «Полярный юг».

10 — Перля «Телевидение за работой».

28 — «Мир приключений».

Тушкан.

10.00 — Радио.

Гос<ударственный> комитет по радиовещ<анию> и телевид<ению> при Сов<ете>
Мин<истров>.

Всесоюзное Радио.

Ред<акция> «Искусство».

Беседа в Д<оме> Д<етской> К<ниги>, 16.00.

М. И. Ромм.

Эфрос — театр, я остаюсь в театре, и сам в Мосфильм.

This be the verse you grave for me:
«Here he lies where he longed to be;
Home is the sailor, home from sea,
And the hunter home from the hill».
R. L. Stevenson

Стремление познавать, чтобы жить, превратилось со временем в стремление жить,
чтобы познавать.

А. и Б. Стругацкие

Опасался смешения сценария с книгой.

О микрофоне бортжурнала.

Лишний разговор Б<ыкова> с К<раюхиным>.

Интрига?

1) Не для этого фильм.

2) Время, нет места.

Идея — люди не должны отличаться!

С Богданом — недоразумение.

Ермаков — не месть, а сдержанность.

Не Ермаков — а человечество! Экспедицию посылают! Ермаков — именно
служащий.

Десантная ракета — путаница.

Уран и будущее.

Потоп — запертые люди. Ерунда!

Долой познавательность!

Если интересуетесь — прочтите.

Радиация — пакет и Голконда.

Атмосфера и зонды.

Схема Дж. Лондона.

Метеоритная опасность.

Преподавание танка.

Опять Ермаков.

Аркадий Стругацкий. Рабочие записи, 1959–1961

Нома Хироси «Зона пустоты»

[иероглифы]

Ок<оло> 10 листов. Сдано в Гослитиздат в конце июля.

5600

Верстка 20.01.60.
 Чистые листы 10.07.60.
 Сигнал 26.07.60.
 10500

Уэда Акинари «Угэцу-моногатари»

Перевод с японского.
 Совместно с Рахимом Зея Абдулкеримом-оглы Харуном Аль-Каири.
 Начат 3.10.59.
 Окончен и сдан на машинку 14.10.60.
 Сдан в издательство в набор 25.11.60.
 1041 — 15.11.60.

Предисловие к сборнику Инэко Сата

Выполнено 14.10.
 24.11 — 822.
 15.07.60 — 349.

«Почти такие же»

Сделано 25.11.59.
 Отправлено Борису 27.11.59.
 Второй вариант 15.01.60.
 Сдано в «Юность» 8.02.60. Отвергнуто.
 Опубликовано в сборнике «Путь на Амальтею», октябрь 1960.

Сборник 2

В «Молодую гвардию».

1. «С грузом прибыл» — 3 л.
2. «Гигантская флюктуация» — 1 л.
3. «Странные люди» — 1 л.
4. «Чрезвычайное происшествие» — 1 л.
5. «Забытый эксперимент» — 1 л.
6. «Частные предположения» — 1 л.
7. «Почти такие же» — 1 л.

Всего 9 л.
 сдано 22.12.59 в составе:

1. С грузом прибыл.
2. Человек из Пасифиды.
3. Чрезвычайное происшествие.
4. Глубокий поиск.
5. Странные люди.

Новый состав:

1. С грузом прибыл.
2. Чрезвычайное происшествие.
3. Нужен специалист.
4. Почти такие же.

Договор подписан 13.01.60.

5.958 — 5.04.60.
 1-я верстка 21.04.60.
 Сигнал 4.10.60. Название — «Путь на Амальтею».
 В широкой продаже 25.01.61.
 24.11.60 — 19413.
 2.12.60 — -16749.
 [Итого:] 2664

«Возвращение» (роман)

Начат план — ноябрь-декабрь 1959.
 Пролог, первая глава — декабрь 1959.
 Первые три главы отправлены Борису — 7.02.60.
 Глава четвертая «Злоумышленники» — 6.03.60.
 Отправлена Борису 7.03.60.
 «Свечи перед пультом» <и> «Благоустроенная планета» — апр. 60 г.
 Сделано окончательно в 1-м вар<ианте> в Ленинграде — сентябрь 1960 г.
 Окончено 25 сент. 1960 г.
 Рецензия Андреева — 15 ноября 1960.
 Рецензия Рюрикова — 7 декабря 1960.
 10.01.61 — 996.
 Декабрь 1960 — в «Урал».

«Нужен специалист»

17.01.60
 Сдано в «Знание — сила» 31.01.60.
 НОЧЬЮ НА МАРСЕ
 2-й вар<иант> 20.02.60.
 Сдано в «З-С» 5.03.60.
 Гранки 18.05.60.
 Сигнал 20.06.60.
 Опубликовано в «Знание — сила» № 6. 844.
 НОЧЬ В ПУСТЫНЕ
 Опубликовано в «Молодой гвардии», сборник «Путь на «Амальтею», окт<ябрь>
 1960 г.

«Погружение у рифа Октопус»

20.01.60
 Сдано в «Изобр<етатель> и рацион<ализатор>» 8.02.60. Отвергнуто.
 23.03.60. Отправлено в «Уральский следопыт». Нет ответа.
 Включено в «Возвращение», сент<ябрь> 1960.
 Отправлено в ленинградский сборник 15 окт<ябрь> 1960 г. Возвращено с отказом.

Редактура «Конец осинового гнезда» Брянцева

Взято 9.02.60. Закончено 15.02.60.
 2.296 — 11.04.60.
 1.200 — 10.10.60.

«Мое величество кот» (перевод с японского)

Начато 12.03.60.
 Закончено 7.05.60.
 5680 — 11.05.60.
 Верстка — 15.07.60.
 Сигнал — 18.11.60.
 13460 — 13.12.60.

«Свечи перед пультом»

1-й вариант —> Л<енингра>д, апрель 60 г.
 Сдано в «З-С» 18.05.60 (не считать).
 Сдано в «Искатель» — август 1960.
 гранки 18 окт<ября> 1960.
 Включено в «Возвращение» — сент<ябрь> 1960.
 Из «Искателя» выдрано.

«Благоустроенная планета»

1-й вариант Л<енингра>д, апрель 60 г.
 Сдано в «Мир приключений» 18.06.60.
 Верстка 1.09.60.
 Включено в «Возвращение» — сент<ябрь> 1960.

Сценарий по «Стране Багровых Туч»

Договор с 4-м объединением «Мосфильма» — окт<ябрь> 1960.
 Тогда же 1666.

«Свидание» (из повести «Возвращение»)

В измененном виде передано Андрееву для «Лит<ературной> газеты» 20.11.60.

Борис Стругацкий. Записная книжка, 1960

1.07

Сего июля 1-го дня года 1960 от Р<ождества> Г<оспода> Н<ашего> И<исуса> Х<риста> начну дневник, памятуя, что мысль изреченна есмь ложь, но мысль забвенная яхонту подобна, в сельский клозет упавшему.

Не возьму на себя смелость обещать, что записки мои полны будут и чтения достойны, но в меру сил своих слабых и невоеннообязанного зрения (без очков мир в виде туманной пелены зрю) тщусь и тщиться надеюсь рецепторы свои втуне не оставлять, но осязать, обонять и прочее от вселенной и мысли, кои взблеснут, сюда заносить, к наблюдениям относящиеся.

Amen!

Сего дня (1.07.1960), вставши ото сна, спальный мешок на полу покинув, помочился с благочестием и молитвами, следом же постился часа четыре с гаком и вещи укладывал Харбас штурмовать и оседлав там остаться.

А матерных слов было сказано фельдмаршалом [прозвище Новопащенного] — на 7 граммов с долями, мною же — 16, в чем и винюсь. А что так мало, так женщина была зело въедливая Марина фамилии Матвеевой. Уехала, слава богу, в грех не ввела. Ежеутренняя же норма крепких слов выполнена не была, отчего изжога и сумление в ногах. Ужо в пути очищусь от скверны и мокроты словесной.

А вчера с фельдмаршалом учиняли финансовый отчет до 2-х ночи и до того обалдели, что прибежали к пропорциям и смекальной черте.

А сегодня еще покупали еду и кушали в кафе — всего на 18 р. 90 к.

А еще не забыть про Гришкину балку, про «там твердый, здесь мягкий», про ранение фельдмаршала с кровью бурой, как чернила.

Пошли было на Харбас — вернулись бесчестно. Дожди. Сидя в перегруженной машине, размышлял, что будет, если она перевернется: я падаю на голову, и сверху на меня падает ящик с телескопом. Перегруженную машину качает плавно. Игорь в ярости от Марины. Никак не мог объяснить ей, что будет, если ее захватят кабардинцы. «Не могу же я ей сказать, что вые...! Все-таки человек незнакомый».

Партайгенацвале — слово, в восторг фельдмаршала приведшее.

2.07

Хорошо бы написать про человека, не понимающего намеков и прямо наривающегося на неприятности. Он ко всем людям относится одинаково и думает, что все так.

От Базы до Горы шли 5 часов. Один раз сели на мосты, но откопались. На Горе пошел в клозет и уронил в дыру кинжал. Вынимали с песнями. Матерных слов сегодня было сказано вволю.

3.07

Прорвались на Харбас. Разбили лагерь. Когда сели есть, из тумана цепью, бесшумно вышли лошади и прошли темными призраками на туманном небе. Дважды слышали выстрелы где-то под горой. Фельдмаршал зарядил ружье картечью и порывался положить его между нами, но я был против. Лежу в мешке и в палатке. Приемник орет. Издали лагерь похож на бивуак папанинцев. Эльбрус страшен и странен над тучами. Луна не освещает снегов.

4.07

Утро было ничего: в каком-то смысле даже солнечное. Хребет хорош и похож чем-то на лунные хребты. Харбас порос коротенькой травкой и жиденькими синими цветочками. Летают шмели и жадно вцепляются в эти цветочки, словно собираются их изнасиловать. Утром раздалось шипение крылов и чей-то крик. Пронеслась тень, и под машину забила перепуганная насмерть пичужка. Это было пике сокола.

...И слева у нас — Кинжал,

И справа у нас — Бермамыт.

Когда налетает порыв ветра, становится шумно и палатка колышет стенами. Каково здесь в грозу (как тогда на Кинжале)?

Матерные слова — без ограничений. Никакой цензуры.

Итак, я остался один. Слышно: жужжание многих мух, уходящее тарыхтение нашего Муфлона и далекие пересвисты пастухов, в смысле чабанов. Не забыть выйти на связь в 15 h 00 и 16 h 00. Сейчас 12 h 10 m. Спать нельзя — пасьянсы, благоустройство площадки (черта с два) и ковыряние в носу. Вооружение: ружье с картечью и за...ный нож. Покурим!

12 h 40 m. Идет дождь, несильный. Бреюсь.

12 h 46 m. Ударил гром. Приветик! Идет град. По-прежнему бреюсь.

13 h 17 m. Вот это был град! Думал, палатка не выдержит. Ветер! Погибаю, но не сдаюсь. Странно трещит приемник, почему?

13 h 32. Кажется, пронесло, хотя где-то еще воет ветер и налетает на меня. Кругом все бело от града. Солнце, а над Кинжалом тьма крошечная и белые столбы падающего града. Бр-р! А когда я вышел из палатки, стоял сильный запах арбуза!

Кстати, размер градин: средний — с две горошины, макс<имальный> — с ноготь. Когда я закрывал палатку, меня било по пальцам — весьма чувствительно. Надел ватник и шапку на случай выскакать.

Связь провел и сам не рад. Фельдмаршал рекомендовал готовить обед! Попробовал овладеть примусом (бесшумным) — сложная штука. Но попытаюсь. Не обед, конечно. Чаек-с!

Мужички-полевички.

Из балки все валит и валит дым. Наблюдаю. Облачность переменная: 9-5 баллов. Пронаблюдать по азимуту в срок нельзя: облака идут полосами. Изображение: от 3.0 (2.5 <по мнению> В<иктора> Н<овопашенного>) в зените до оч<ень> плохих с сильным хроматизмом у горизонта. В сев<ерной> стороне хроматизм больше. Юпитер: в дл<инный> окуляр видно 3, иногда 4 полосы (5-4 балла). Диск сильно дышит и переливается. (22-24 h)

5.07

Стоит фельдмаршалу уехать, и что-нибудь случается. На лагерь напали коровы. Здоровенный бугай с громоподобным сиплым рычанием начал тереться об антенну и сорвал противовес. Коровы подошли и стали шеренгой, глядя на лагерь. Бугай был столь величественен, что я сначала было решил трусливо отлежаться в палатке, надеясь, что они уйдут сами. Но бугай пригласил чесаться еще трех коров, и они начали шумно мочиться, а некоторые двинулись прямо на лагерь. Тогда я судорожно зарядил ружье и пошел искать пастуха. Пастуха не было. Тогда я вернулся (коровы подошли ближе) и заорал бугаю: «У-у!» и замахал руками. Бугай ответил «У-у!» и сделал шаг вперед. Я дрожа кинулся за палатку и оттуда заорал уже коровам: «Пошли — туда вас и сюда». Коровы отшатнулись. Тогда я понял. Я взял канат, стал им хлопать, и крутиться, и вопить «У-у», но обращаясь исключительно к коровам. Коровы стали отступать. Бугай оценил мою деликатность и тоже стал небрежно уходить, по пути заигрывая с коровами. Потом они ушли. Все ясно: не надо орать на начальника, надо орать на подчиненных и ждать, пока начальник поймет, в чем дело и что надо.

Шесть часов дует ветер.

6.07

Вчера ветер дул до 19 h и снова начал с 2 до, кажется, 6. Было очень плохо наблюдать. На нас сидели облака, и Луна отбрасывала на туман наши тени в радужном ореоле. Особенно красиво это было на закате. Легли спать в 3 h 30, замерзли как собаки. Утром опять напали коровы — чесаться — прогнал их храбрый шофер Юра <Варовенко>. Все время вижу какие-то дикие сны — то волшебный лес, то Гитлер. Вела дорога в волшебный лес, а по сторонам дороги били огромные газовые фонтаны.

Пришли туристы: двое ребят из Нальчика, кавказцы — некрасивые, красномордые. Одеты весьма легко и ни хера не мерзнут.

7.07

Особых происшествий не произошло. Ночью смотрел, как Луна опускается за Эльбрус — дикое и страшное зрелище. Сейчас пришли двое чабанов. Сидят, ждут чай.

Коровы, сволочи, повадились чесаться об антенну!

8.07

Я опять один. На целый день. Ветер, холодно.

Все время дует ветер. Это очень неприятно. Дождь и туман гораздо лучше. Кто это придумал, что уютно лежать в палатке и слушать ветер?

Кажется, я понял, что такое романтика. Это вовсе не трудности, это — ощущение преодоленных трудностей. Причем трудностей чисто физических. Не обязательно совпадает с понятием о полезности своего труда.

Казбек, бедняга, бродит под дождем и скулит.

А романтика всегда в прошлом. Нет романтики в настоящем. В настоящем тяжелая работа, когда все плохо, но делаешь свое дело, стиснув зубы, и думаешь, как об этом будет хорошо вспоминать потом.

Хорошо бы вставить в «В» «ГФ» как рассказ Горбовского (или Лурье).

Что ж этот ветер так и будет, сволочь, весь день дуть? Мне посуду мыть надо. И надоело сидеть в палатке, а спина болит — застудил вчера, откапывая машину. Ох и врюхались же мы! По самые яйца. Юра был очень горд, что мы вдвоем ее вытащили: «Ставить машину на домкрат — это последнее дело!»

А жрать-то как охота! Осталось 100 г хлеба. Погибать буду, если они сегодня не вернуться, и жрать сахар с сухими «ракушками».

Один мой знакомый — очень милый человек — как-то пожелал перенестись на 20 лет вперед и очутился в аду.

9.07

Фельдмаршал ушел на охоту рано утром, и его все нет. Близится время связи. Вот черт!

Водил сегодня машину. А наш шофер фрукт! Побывал в... Спал с артистками кино. Да, с таким жену не оставишь. Но какова Марина! <...>

10.07

Опять один. Вчера был теплый хороший день и прекрасная ясная ночь.

Микробы беременны фагами, их уничтожающими. М<ожет> б<ыть,> и мы так? М<ожет> б<ыть,> поэтому вымерли ящеры?

Заставить героев «В» решать кроссворды 2300 года.

11.07

Вчера ездил на машине. Сегодня мерзейший туман. Наблюдать было плохо. Получили только первый угол.

12.07

Ничего сущ<ественного> не произошло. Король катался верхом в парке. Просыпается и — плачущим голосом: «Ни черта не понимаю, что надо делать».

13.07

К<ороль> к<атался> в<ерхом> в п<арке>. Ездили за водой. Вниз съехали, вверх — еле-еле.

«Искра — зверя убьет, а ни хрена не схватывает».

«Не то черви, что мы едим, а то черви, что нас едят!»

«Это человек е...лый»

14.07

Вчера не наблюдали — 10 баллов. Сегодня играли в футбол и вообще К<ороль> К<атался> В<ерхом> В П<арке>. Фельдмаршал стрелял в орла. Потом была содержательная беседа об охоте и вновь фигурировали гуси, по крыльям коих трещала картечь. Наблюдали. Спорили, стоит ли говорить: «С левой стороны на крышке». Не затуманивает ли это идею?

15.07

Сижу один. Приходили два кабардинца. Сидели и подозрительно озирались. Начал подумывать (ведя беседу), как пробраться к ружью, но, оказывается, они принесли мясо («можно освободить ведро?»).

Приехали с Поттером. Была великая выпивка с произношением слов. В пьяном виде фельдмаршал долбанул меня сапогом по копчику, а потом играли в тумане в футбол. Наблюдений не было.

16.07

Обгорели насмерть. Ездил на Горную. Разговаривал с Юрой о политике. Юра мыслит конкретно-утопически.

Хорошо бы ввести в «В» маленькие рассказы из нынешней жизни — для контраста и настроения — а la Хемингуэй или Дос-Пассос. Не позволят, наверное. (Блокада, война — Сталинград, военный ком<муни>зм, 37 год, смерть Сталина, целина, запуск спутника и ракеты.)

Оживленный разговор с девушками-геологами.

Потом:

— А ближе к Эльбрусу есть геологи?

— Есть, но это не наши.

— А там у них лагерь или стационар?

Молчание.

— Не знаю.

Молчание. Другая девица вполголоса:

— А вы бы съездили в Ессентуки, там бы и спросили — лагерь или стационар.

Долгое неловкое молчание.

За то, что пока живые...¹

Наблюдений не было.

17.07

Наблюдений не было. Занимались ерундой. Одарили друзей-кабардинцев подмокшими сигаретами, тресковыми консервами и автолом.

18.07

Сижу один. Прибрал лагерь. Вокруг — стада лошадей. Скучно, но не очень.

19.07

Ничего не произошло. Над лагерем на светлом небе длинные черные тучи, похожие на динозавров — от горизонта до горизонта.

20.07

Наблюдали и ругались о том, какая задача перед нами стоит (приветик! Опомнились через месяц). А дело все в том, что для фельдмаршала наблюдения — это труд, а для меня — обязанность. По ночам играется турнир при свечах.

21.07

Встал, записал и пойду мыть сильно опухшую морду. Проблема бриться сложна. Ко всему прочему добавляется примета: побрился — град. Что делать? Град больно бьет, а у градовых туч очень непривычный вид: все картины Айвазовского, вместе взятые.

22.07

Опять уехали. Сражаюсь с коровами как лев. У убегающей коровы хвост вытянут, а кончик хвоста расслаблен и свободно болтается. Кажется, что корова насмешливо делает ручкой.

Должен отметить, что самое жуткое на свете животное — корова. (Хантер не прав; он считает — леопард; ерунда.) Я был разгромлен. Противовес срывали дважды, рация не работает. Два раза мне удалось опятить бугая (того самого), но в третий он зашел с запада и стал в трех шагах от меня. Он рыл копытом землю, уставлял рога и с сипением разевал пасть — видимо, нехорошо ругался. Я сдался. Я умыл <руки>. Он пошел, почесался (противовес — к черту, естественно) и вдруг умчался с большой скоростью. Слава богу, но надолго ли? Чувствую, что самые животрепещущие и чувствительные страницы этого дневника будут посвящены коровам вообще и этому сиплому бугаю в особенности.

¹ См. «Гимн астроразведчиков» на с. 10.

Остаться бы живу!!

23.07

Сегодня приятный день. Водили машину до пупковой грыжи. Утром рано Сиплый устроил сражение на территории лагеря, разгромил антенну, но был посрамлен Юрой и бежал. Я все мечтал встретить его на машине — дал бы дрозда.

Юра: «Я когда в конце сезона с машиной прощаюсь, каждый раз целую ее в баранку — прощай, милая». — Использовать для Горб<овского> или Кондратьева.

Солнце скрылось за ели.

Время ср..., а мы не ели.

24.07

Крупный разговор с фельдмаршалом. В основе всего — бугай. Фельдмаршал упрям на редкость. Убедить его нельзя. Что лежит в основе его упрямства — неясно. Совершенно неясно.

25.07

Ездил гулять в гости к кабардинцам. Пили много водки. Прислуживали мальчики. Девочка играла на гармошке, и двое танцевали. У девушки было красивое и очень печальное лицо. Танцевали без всякого желания. На нас в общем не обращали внимания и говорили, судя по всему, о колхозных делах (прорывалось «молоко, рационализатор, машина» и т. д.). На обр<атном> пути Юра (пьяный) пижонил, и один раз почти свалились в пропасть и несколько раз били карданами по камням. До боли было жалко машину. Пижон пьяный, выпендривался перед старперами — впервые видел его таким.

26.07

Жара. Лежим, сидим и ходим голые. Обезумевшие от мух коровы под <геодезическим> знаком. Даже Сиплый больше не ревет — только чешется остервенело.

— Слышишь — будто утки смеются?

Поступило интересное сообщение: шофер Юра ночью изрезал палатку, пробираясь к супругам-туристам, у нас ночевавшим. Интересно, пробрался или нет? Но каков гад! Совсем без бабы оскотинел.

27.07

Сидел один. Фельдмаршал ездил в разведку. Может быть, фельдмаршал и хороший начальник, но товарищ он, прямо скажем, хреновый. Типичный представитель направления «цель оправдывает средства». Даже эта идиотская цель.

А самое плохое на свете — бесперспективность.

28.07

Велись размягчающие душу беседы. Страсти улеглись, и все стало ясно — фельдмаршал просто боится козней.

29.07

Сижу один. К ящику прислонена дубина, рядом — груда бульжников. На психрометре лежит рогатка с запасом зарядов. Жду врага, но враг от жары столь ошалел, что даже не нарывается.

Забавно: когда местным всадникам предлагается слезть и посидеть, они не без юмора отвечают: «Спасибо, только что сели».

Когда фельдмаршал пилил Юру за инцидент с палаткой, Юра только сказал: «Я тут скоро кого хошь изнасилую» и потом все время молчал. Ни слова.

Приезжал побалагурить ветработник. Оказывается, у баранов очень часто бывает туберкулез.

30.07

Наконец ездил в разведку. Лопнул радиатор. Из грязи цедили воду, разгребая руками жижу. Один раз страшно сели, приняв козьи тропы за дорогу. Машина повисла над обрывом и шла задом и боком.

Вчера читал чабанам краткую лекцию по астрономии. Их было четверо. Двое тупо молчали, и было видно, что они просто ничего не знают, ничего не понимают и об устройстве мира никогда не думают. Один — ветработник — кое-что кумекает, но смутно. Разницы между звездой и планетой для него не существует. Один — чабан — уверен, что Земля плоская, Солнце вращается вокруг нее, а на Луне сидит голый чабан. Он ничего не знает об искусственных спутниках и об облете Луны. Это — 52 км от Кисловодска.

31.07

День рождения Юры. Юре дано было 250 спирта, и он опупел буквально за пять минут. В опупении обретался весь день — пел и говорил о политике. «Человека нельзя убивать. Нет такого преступления, за кот<орое> можно было бы убить». Особенно упирал на изнасилование: «Ведь не умерла же она!» О бабах: «Баба — это такое вещество, что их надо держать крепко».

Сейчас наблюдаем. Болит живот. Печень? Не дай бог.

7.08

Вот прошла неделя. Основные события:

1) То была печень. Да какая! Я маялся всю ночь, а утром Юра отвез меня вниз. Бешеная схватка с фельдмаршалом. «Вы меня не нервничайте!» — орал белый Юра. Фельдмаршал тоже был белый и тоже орал. «В Дол<ине> Нарзанов мы гоняли на испорченной машине! Сможешь и вернуться сегодня же».

Ехать с болящей печенью по серпантину — это не мороженое скушать. Старый врач на турбазе дал мне две таблетки опия, и я заснул на чистых простынях.

2). На другой день приехали гости с ГАЗ-63. Лагерь был спешно снят, и несколько дней было одно блаженство.

3). Приехали на Горную из Кисловодска. Входит мужик с красным расстроенным лицом и, заикаясь, просит машину — ребенок отравился. На другой день Юра возвращается в три часа, сорвав день поисков. Было проведено следствие, Юра был уличен, отказался писать объяснительную записку и получил выговор в приказе. Дипломатические отношения прерваны.

4) Прошлой ночью снова был приступ, но не очень сильный. Я перемогся, но было очень страшно, и сейчас страшно ехать, но фельдмаршала отозвали в Л<енинг>р<а>д, и сказать ему — значит испортить и без того плохое настроение. Рискнем!

В ближайший час уходим в поиск.

Да! Не забыть, как в предчувствии печени в ночь на 1 авг<уста> разворачиваю пакетики с магниезией и — она испорчена: то ли промокла, то ли растаяла от жары. Момент как в романе.

8.08

Сегодня прорвались на Кинжал. Точнее вчера, 7.08. В тумане ехали-ехали по новой дороге и приехали все туда же, на Большой Кетмень. Прорвались сходу.

Ночью Кинжал прекрасен. Вверху луна, внизу — облака, под облаками тьма. Днем — Мухаммед <Шагенов>. Рассказ о «точках», где человек спать не может — сходит с ума, «начинает бр&о;дить», с ним случается «произведение» — д&у;хи, шайтаны. Поверил (м<ожет> б<ыть,> газы?), а пять минут спустя он говорит, что у удавов — уши, «как у криси». Мысленно развожу руками.

Выехали обратно и попали в лапы к партайгенацвале (инструктор КПСС от Совета Министров Дагестана). Потребовали документы. Взгляд на карточку — взгляд на Фельдмаршала. Вопросы: «А кто директор в Пулкове? А кто начальник П кабард<инского> штаба? А кто там парторг? Не м<ожет> б<ыть,> что вы проехали на Кинжал. Это неправда», — собственно, это основной пункт обвинения: невозможно проехать на Кинжал, они врут. Местная власть — человек с серебряной челюстью и лицом японца; во френче. На столе — «Казбек» (не предлагает), радиоприемник, какие-то списки. Потом извинились («Вы должны понимать, что живете в Сов<етском> Союзе... в такой момент»), подали армян и лепешки — мы гордо отказались. В Каменномосте в чайной какой-то пьяный добивается «проверить» нож фельдмаршала, после спора проверил и успокоился. Потом кричал что-то нам по-балкарски и объяснял, что выражает нам уважение. Завтра последний спокойный день.

А все встречные нас очень хорошо встречали и уважали, а Юру трижды произвели в ГСС.

Не забыть про труп немца на Эльбрусе и стабилизатор мины на Кинжале.

Гора Тешины Зубы и спуск «Вредно для души».

11.08

За это время успел стать начальником. Переехали.

Так, оторвался, чтобы съездить за водой. Вода очень хороша. Мы съехали за ней и не смогли подняться. Мы бились четыре часа, прокопали канаву. Приехал сквозь дождь и туман Володя. Попытка вытащить тросом. Машину выносило из колеи. Потом она сорвалась и покатила со страшной скоростью в пропасть. Чудом уперлась в камень. Володя кинулся за ней и ухватился, но если б не камень — конец. Юра уже собирался выскакать. Машина и сейчас сидит там, поехали за трактором.

С нами художники — забавные ребята. «Теплый цвет, холодный цвет, тепло-холодный цвет». Пишут триптихи. Сейчас пишут картину «Чабаны». Люди не шибко умные, но, кажется, порядочные.

Машина так и осталась в ловушке на ночь. Не забыть бы (ха-ха!).

Некоторые так громко спят.

Не переживай!
Сказка! Дивно! Персильфанс!

12.08

Слава богу! Вытащили нашего муфлончика из ловушки. Трактором, конечно. У меня с души свалилось 1526 кг. Все время дождь, дождь, дождь. Гнилое место.

Художники бродят вокруг, время от времени вскрикивая: «Дивно! Какой плотный цвет! Сказка! Персильфанс!»

Вставить в «В» рассуждения Званцева о живописи. Художники делятся на две группы: 1) Художники-писатели пишут жизнь, то, что они видят. 2) Художники-сенсуалисты — играют на шестом чувстве, на нервах, на способности человека как-то странно реагировать на сочетания чистых цветов (Маргузоры).

Не забыть в «В»: «Можно я здесь прилягу» — встреча с Горбовским.

— Сколько вам лет?
— Двадцать, а вам?
— А мне триста двадцать.
— Вы дзиккан? (без всякого удивления, но с почтением)
[Помета: «в главе “Второе возвращение»».]

После рассказа Горбовского о ГФ.

Лурье: «Ну и что».

Горб<овский>: «Ничего. Просто я отдыхаю, и мне хорошо».

В конце гл. VII.

Горб<овский> (вдруг встает): Я вижу, вы томитесь, штурман Кондр<атьев>. Завтра я познакомлю вас с одним человеком. Его фамилия Званцев. Он глубоководник.

М<ожет> б<ыть>, звероящеры появились от радиоактивности (прохожд<ение> около сверхновой) и исчезли, когда исчез наведенный ур<ове>нь?

Двое немцев держали политрука, завернув ему руки за спину, а третий срывал с него петлицы, срезал пистолет, рванул ворот. Он выстрелил из автомата, и все четверо упали, а он побежал в кусты. Немцы издевались над политруком. Он не знал, правильно ли сделал. Это были его первые.

Кладбище № 1, ряд шестой, № 3.

Платили в армии полевые и за неиспользованный отпуск.

— Но эти сигналы очень слабы!
— Да, — сказал Телепат. — Нужен усилитель. У нас у всех есть усилитель.
— Где? — спросил Лурье озираясь.
— Здесь, — сказал Телепат. — В черепе. Он вмонтирован в череп.
Лурье широко открыл и с шумом захлопнул рот.

Телепат прислушивается к работе машины. Во! Машина начинает себя вести и вызывают телепата! — Вот узел главы.

13.08

Слава богу, ничего не произошло. Разговаривал с Тимофеем <Сыщенко> и поражался. Странный человек — прошел через ад и не разогнулся.

Глава «Собиратель информации»

Марс. Машина, собирающ<ая> информ<ацию> о прошлом Марса. Информаторы — маленькие машины. Машина начинает вести себя. Вызывают телепата. Лурье едет, едва услышав. Приключения — всё в юмористическом духе. Идея — бунт машины вещь забавная, а не страшная, ибо машина старается угодить, а не навредить человеку.

Глобальная сеть датчиков задач. Каждый, поставивший задачу, волен ввести ее в сеть. Каждый, оставшийся без проблем, ищет задачи в этой сети и дает свои решения. Хороший пример: «Найти вер<оятнос>ть посещения».

14.08

Возглас: «Состояние!» Художники, сталкиваясь этюдниками, лезут в машину и судорожно пишут.

15.08

Информаторы — микроскопические машины размером с бактерию. Механические бактерии (и в медицине).

Событий нет. Художники строчат этюды и ищут «состояние». Главное — цветовые соотношения, а не сходство очертаний.

Глава «Двое в беде». Наш пилот попал в ловушку, туда же попал еще кто-то, с другой планеты («И только тут он понял, что это не человек»). Потом они выбираются и расстаются. Тот убегает, страшно спешит. Неужели навсегда.

16.08

Ездили на Горную и в Кисловодск. Все в темпе. На обратном пути попали в туман. Долго ехали по абс<olutely> незнакомой дороге и приехали к знакомому кошу. Наверх подняться не сумели. Ночевали в ловушке. Неудобно и холодно. С рассветом туман разошелся, и мы выскочили легко.

На Кетмене весь день шел дождь — можно найти нуль-пункт гигрографа.

17.08

Приснился странный сон. Атомная война. Двое друзей выживают и остаются среди развалин. Один — хочет восстанавливать, другой хочет остаться в дикости, чтобы не повторилось. Они расходятся, и первый стреляет в спину второго.

Приходил друг Магомет <Шагенов>. Очень хотел выпить водки (не пил 41 день), но Юра пожалел денег и сослался на туман.

18.08

Проявил нераспорядительность: проспал хорошую ночь с одним по крайней мере сроком. Позор мне, хреновый я начальник.

Дождь, дождь и дождь. Сидим в палатках, играем в шахматы и пьем чай. Юрино творчество:

Ах, девчонка — егоза
Ухватила парня за,
Ухватила и держала —
Затуманились глаза.
Что за парень — молодец,
Отрастил такой конец!

19.08

Всю ночь — дождливую, туманную — проспорили о коммунизме и о дикарях.

Вот различие между людьми:

умный — глупый,
скучный — веселый,
более тактичный — менее тактичный,
открытый — замкнутый,
сложный — простой (непосредственный).

20.08

Это я пишу, чтобы не забыть, что день сменился. Ночью наблюдал. Шестерить — подхалимничать, восьмерить — обманывать, жульничать.

Шестерит = на цирлах ходит.

Ну и жара! Никуда не денешься — загораем.

21.08

«Я во сне видел покойного отца, — сказал Тимофей. — Значить. Будут неприятности». И поссорился с Юрой. Юра — горшки врозь. Буду наблюдать, что произойдет.

«Я сделал это в задумчивости».

Коммунизм — сообщество людей, любящих свой труд, стремящихся к познанию и честных с собой, с другими и в работе. Такие люди есть и сейчас.

22.08

Вчера ездили смотреть, как дорожники рвут Б<ольшой> Кетмень. Трактор, повозка на рез<иновом> ходу и с десятков людей. Рвали поверхностным зарядом, динамитом или толлом (красные палочки). Подрывник — молодой, краснолицый, с вечным окурком — не спеша поднимался на гору, где мы ждали взрыва, остановился, почистил коленки, и снова пошел, медленно, с мотками бикфордового шнура на плече. Шнур — 2 мин<уты>. Когда

ударил взрывы, он остановился и медленно посмотрел. Мелкая щебенка падала вокруг него.

Дорожники рвали дорогу для себя — это были разведчики: изучали «возможность развития дороги через Кинжал». Изучая, слезли с трактором со спуска и там и остались — ни вперед, ни назад. По осыпи трактор идти не может.

Вот именно. По осыпи трактор идти не может. Он развернулся вместе с тележкой и полез на спуск. Правая гусеница уперлась в скалу, левая повисла в воздухе. Тракторист, перекосив небритую морду, дал задний ход, и трактор покатился под откос. «Назад, назад. Тормоз! Выворачивай». Было видно, как тракторист пытается выбраться из кабины. Дверь он почему-то не открывал, лез через окно. Вылез, прыгнул, побежал. Трактор с ревом повалился под откос и застрял там. Мотор заглох. Все сидели на корточках и слушали, как белый тракторист кричал, что «мотор пошел вразнос». Потом один из рабочих упал, и у него начался припадок эпилепсии. Пришлось ехать: Гунделен, Баксан, Пятигорск, Кисловодск и т. д. Вернулся в 22 h 00. Немного блуждали, но Юра словно чувствует дорогу.

23.08

Ночью был ураган. Вдруг погас примус, палатку рвануло, и что-то на меня навалилось. Вырвало два кола, унесло: стол — на 10 м, крышки от кастрюль — на 20 м, миску — на 50 м.

Володя д<олжен> б<ыть> в Каменномосте у чайной 30.08.1960 в 15 h 00 m.

— А что самое трудное в экспедиции?

— Это — когда гроза. Молнии. Дождь. Представляете? И надо идти по нужде.

24.08

Дождь. Всю ночь и с утра. Мерзость.

Хотеть — значит мочь. Формула, годная для людей, которые могут, даже если не хотят.

— Мой друг телепат... — начал Лурье.

Идея: уже сейчас есть люди, годные для коммунизма: такими вы будете.

Что-то в ней есть — в несчастной любви. Пишут хорошо только про н<есчастную> л<юбовь>. Про счастливую сколько ни писали, получается пошлость — утешение для несчастливого влюбленного.

25.08

Новый день, и слава богу. С Кинжала гонят стада. Уходят на восток и на юг в долины, где тепло.

Ездил в Каменномост и обратно. Вел. Юра выпил 300 и погнал меня по самой трудной дороге. Бр-р! Каменные ступени и осыпи. На грязной дороге машина мотается как кусок мыла в эмалированном тазу.

Ползет и трясет дорога...¹

Ввалился в аптеку и громогласно спросил: «Скажите, опиум есть?»

26.08

Только что проснулся. Тихо и тепло. Сопит Тимофей. Тикает барограф. Часы тикают, но гораздо тише. Все. Иной информации от внешнего мира не поступает.

Человек, оказавшийся глупее машины.

— Я глупее ее, — повторял он с отчаянием. — Я ей не нужен. Больше не нужен.

Горбовский пришел не просто так, а расспросить о сигналах, кот<орые> принимали Лурье и Кондратьев.

27.08

Ночь не спали, разговаривали. Утром разбудили черти-чабаны. Опять воды. И сейчас сидят двое, разговаривают страшными голосами. У каждого морда толстая, как у Маленкова, но очень противная.

Ездили смотреть, как трактор «ЭС» тащит завалившийся трактор ДТ-54. Мучились часа четыре, так и не вытащили: ДТ не заводился, и у него соскочила гусеница.

28.08

Омерзительная ночь. Все сыро. На небе чертова куча облаков. Никаких шансов ни загорать, ни наблюдать.

Вставить в гл<аву> «Риф Октопус» дрессированных кальмаров, уничтожающих косаток. И дрессировщика.

Лурье и Кондр<атьев> не первые и не единств<енные>. Две экспед<иции> так уже возвращались (сто и сто пятьдесят лет назад). Одна погибла в поясе тяжелых систем. Вторая прибыла. Там было трое, и они жили долго и работали как надо и умерли в штанах.

29.08

Из последних сил стараемся побыстрее прожить оставшиеся дни. Всем осточертело. Ночью наблюдали — хоть развлеклись.

30.08

Слава богу: скорей едем к месту randevu. Но погода дрянь, и дороги, вероятно, размыло. Не было печали.

31.08

Мишку выволакивают из... [Запись не окончена.]

¹ См. «Гимн астроразведчиков» на с. 10.

30.09

Вот и месяц прошел. Хороший месяц. Теперь сижу на Бермамыте, скучно, неудобно и даже тоскливо.

10.10

Время идет, а писать совсем не хочется. Сижу на Харбасе с Тимофеем, каждый день одно и то же. Встали, поели горохового супа и читать-перечитывать старые журналы. И споры обо всем, переходящие на личности. Потом вечер, разжигаем примус, запаливаем свечу и — шахматы, какао и снова споры обо всем, переходящие на личности.

Фельдмаршал должен был приехать за нами сегодня — не приехал. Что случилось? Обвал, поломка или, не дай бог, сверзились... И в эту секунду — мотор! Приехал Юрка! Ну, сила!

Передать Новопашенному:

- 1). Уже получено 8 набл<юдательных> ночей.
 - 2). Продуктов мало; совершенно нет сахара, масла, чая.
 - 3). Снег выпадал два раза и каждый раз лежал все дольше.
- Предлагаю сняться не позже 15 числа.

Ч. I

- 1). Возвращение.
- 2). Чужой (больница) — сюда вставить историю корабля.
- 3). Злоумышленники.
- 4). Второе возвращение (одиночество).

[От 2 и 4 пунктов справа идут стрелки к словам: «идея: не гоюсь я для ком<муни>зма»].]

- 5). Свечи перед пультом.
- 6). Скатерть-самобранка.
- 7). Знакомство с Горбовским (он расск<азывает> «ГФ»).

Ч. II

- 1). У рифа «Октопус».
- 2). Странные люди.
- 3). Улавливатели информации! (Думать!)
- 4). Благоустроенная планета.
- 5). Заповедник (звероящеры и акклим<атизированные> суц<ест>ва, Лурье терпит там крушение).
- 6). Телепатостанция.
- 7). Такими вы будете.

Вопросы семьи — I, 6

Вопросы смерти — глава «Вечеринка» (умер друг).

Техносупера — в II, 3 (там же — улучш<ение> людей — присоединение к ним мех<аничес>ких деталей).

Еще главы:

- 1). «Вечеринка» (Вальк<енштейн> и др.).
- 2). «Двое в беде».

Профессии:

- 1). Ассенизатор.
- 2). Дрессировщик.
- 3). Телепат.
- 4). Десантник.
- 5). Глубоководник.
- 6). Оператор-информатор (собиратель информ<ации>).
- 7). Учитель.

Борис Стругацкий. Записная книжка, 1960–1962

Встал сегодня с левой руки.

Судьбы нога.

— Я один день в неделю работаю, и то не работаю!..

У Катаева: «облокотился спиной». «Зимний ветер», стр. 39.

До сих пор не разгадана тайна блуждающих огней на болотах. Возможно, это газы PH_3 и H_2S — самовозгорающиеся при низкой температуре. Минаэрт, с. 1–120.

Базары сбыта.

Человек, тихий как улитка.

Кажинский — считает, что телепатия есть биорадиосвязь. Его опыты с камерой, экранирующей радиоволны, пок<азали>, что мысль через эти камеры не передается.

«Наука и жизнь», 1960, № 11.

Разговор двух мальчишек — спор о принципах ком<муни>зма, как мы сейчас спорим. Дети проходят через всю эволюцию духовного развития: от зверя до чел<ове>ка ком<муни>зма.

Возможные главы:

- 1). «Кормильцы».
- 2). «Самый главный человек» — любовь к планирующей машине и сознание своей немощи при всей видимой мощи.

Инструкция по половой дисциплине лейб-гусар ее имп<ераторского> вел<ичес>тва.

— Какие вопросы вы зададите при первом контакте?

— А можно я лягу.

Почему разумное — человекообразно? Ведь сущ<ествует> множество неразумных форм, принятых природой.

Эсэсовцы не в черных мундирах, а в обыкновенных, только орел — на рукаве.

— Дай 25 руб<лей>.

— Нет.

- Ну дай.
- Нет у меня.
- Ну, может, последние есть? Дай.

Единственный способ остановить их — показать, что они ничего не знают. Ведь они не делают ничего плохого.

Лучший ребенок — шумный. Раньше предки их были тихими и не мешали взрослым.

Двое не зарегистрировались, ибо шли в один отдел и велась борьба с семейственностью. Потом — было все равно. Хотят ехать за границу — на съезд — не пускают: зарегистрируйтесь, аморально, какая грязь, куда смотрит парторганизация, как вам разрешили жить вместе...

- Женаты?
- Нет... Н-но с-собираюсь.

Релятивистская космология.

Тексты подготовлены: В. Курильский

IV. Приложения

Необходимые пояснения

Этот том собрания сочинений содержит следующие приложения: Комментарии и примечания, Библиография, Указатель имен, Указатель заглавий произведений и их аббревиатур.

Комментарии и примечания касаются специальных терминов, реалий прошлых лет, явных и скрытых цитат, авторских неологизмов и пр. Указаны краткие библиографические сведения о публикациях других авторов, упомянутых в переписке и дневниках Стругацких. Прослежены пересечения между дневниковыми записями и собственно художественными произведениями Стругацких. Отдельно даются примечания к помещенным в томе фотографиям и рисункам.

В примечаниях использован ряд ранее опубликованных материалов из следующих источников:

Миры братьев Стругацких. Энциклопедия: В 2-х тт. / Сост. В. Борисов. — М.: ООО «Фирма “Издательство АСТ”»; СПб.: Terra Fantastica, 1999.

Курильский В. Комментарии / Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений: В 10 тт. — М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2006, 2007.

Составители комментариев выражают благодарность за помощь в атрибуции цитат других авторов в этом томе Константину Душенку, Юлии и Вадиму Казаковым, Григорию Мандельштаму, Юрию Флейшману, Илье Юдину.

Подробная информация о библиографии, очередной фрагмент которой предлагается вниманию читателей, содержится в томе 1. Здесь же упоминается лишь самое существенное, что следует знать для поиска нужной информации.

Библиография разделена на фрагменты в соответствии с периодом времени, охватываемым тем или иным томом. Фрагмент может включать до четырех разделов: первый рассматривает художественные произведения Стругацких, второй — их статьи, интервью, выступления и т. п., третий — работу в качестве переводчиков, а четвертый — редакционно-составительскую деятельность. В первых двух разделах произведения, созданные Стругацкими вместе и по отдельности, находятся в разных подразделах. Если фрагмент библиографии охватывает несколько лет, то материал в соответствующих разделах и/или подразделах разбивается по годам и нумеруется независимо. Таким образом, каждая библиографическая позиция имеет уникальный в пределах данного года, раздела и подраздела номер, состоящий из трех частей, разделенных точками.

Указатель имен относится только к реальным персоналиям, упомянутым в художественной прозе Стругацких, их публицистике и переписке. Характеристики даются вынужденно краткие, но позволяющие заинтересованному читателю отыскать в специальной литературе и Интернете более подробную информацию. Определения «российский», «русский», «советский» опущены. Если некое имя упоминается как на русском языке, так и на иностранном, описание в Указателе дается один раз, по-русски. При наличии только иноязычного варианта имени информация дается для него с приведением русского эквивалента имени.

Братья Стругацкие в переписке предпочитали использовать вместо полных заглавий своих произведений аббревиатуры. Указатель таких аббревиатур и ранних (впоследствии измененных) названий поможет читателю ориентироваться в весьма обширном и сложном их массиве.

Следует также отметить, что в комментариях и указателях всех томов широко используется уже традиционное для любителей творчества Стругацких сокращение имен авторов до аббревиатур: А. и Б. Стругацкие — АБС, А. Н. Стругацкий — АНС, Б. Н. Стругацкий — БНС.

Комментарии и примечания

Художественные произведения

Из архива

Аркадий Стругацкий. [Эссе, 1960]

Машинописный лист из папки «Дневники АНС 1960–1970 гг.».

Эссе публикуется впервые.

С. 3. *...энгельсовский критерий факта: то, что большинство принимает как действительность.* — Возможно, вольная интерпретация положения В. Ленина «Практика — критерий истины».

С. 3. *...под настоящей литературой надо понимать произведение, которое достаточно большое число интеллигентных квалифицированных читателей считает хорошим.* — Вероятно, первое упоминание термина «квалифицированный читатель», в дальнейшем обычного для публицистики и переписки АБС.

Борис Стругацкий. Год тридцать седьмой

Машинопись из папки «Неопубликованное законченное (рассказы)».

Написано в 1960 г. В 1966 г. текст был доработан и перепечатан набело.

Первая публикация — Собрание сочинений: В 11 т. Т. 11: Неопубликованное; Публицистика. — Донецк: Сталкер; СПб.: Terra Fantastica Издательского Дома «Corvus», 2001.

С. 3. *Клуб ВМА* — клуб Военно-медицинской академии, расположен в Ленинграде на ул. Академика Лебедева.

С. 4. *Эмка* — ГАЗ М1 — советский легковой автомобиль.

С. 5. *Чесать, где чешется, и слушать друга, вернувшегося из дальнего путешествия...*, Прутков — «Мысли и афоризмы», 45: «Три дела, однажды начавши, трудно кончить: а) вкушать хорошую пищу; б) беседовать с возвратившимся из похода другом и в) чесать, где чешется».

С. 5. *Аналогичный случай был в Пензе...* — Фраза из анекдота.

С. 6. *У нас в Пулкове раскрыли банду.* — В 1936–1937 гг. НКВД сфабриковал уголовное дело против группы советских ученых. Первая большая серия арестов осенью 1936 г., в начале «ежовщины», была произведена среди пулковских астрономов («Пулковское дело»).

С. 6. *Лес рубят — щепки летят...* — Использование этой пословицы для объяснения и оправдания «случайных» репрессий по отношению к невиновным было широко распространено в 1930–1950 гг.

С. 6. *Это верно Сталин сказал насчет моста.* — Доклад на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП (б) 1937 г. «О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников»: «Чтобы построить большой железнодорожный мост, для этого нужны тысячи людей. Чтобы его взорвать, нужно всего несколько человек».

С. 6. *Пятая колонна* — именование франкистской агентуры в тылу республиканцев. Приписывается генералу Э. Мола. В изложении Д. Ибаррури: «Предатель Мола сказал, что он бросит на Мадрид «четыре колонны», но только «пятая» начнет наступление. (...) «Пятая колонна» находится внутри Мадрида, и в первую очередь следует разгромить ее».

В переносном смысле — любые тайные агенты врага. Популярности выражения способствовала одноименная пьеса Э. Хемингуэя.

С. 6. *Цикл Бете* — он же углеродно-азотный цикл — цикл термоядерных реакций, объясняющий свечение звезд. Назван в честь американского астрофизика Х. Бете, предложившего его в статье, опубликованной в 1939 году, так что упоминание персонажем цикла Бете в 1937 году — анахронизм.

С. 6. *Батальон Линкольна* — сформирован из американских добровольцев, входил в состав 15-й интербригады в Испании; в июле 1937 г. объединен с батальоном Вашингтона.

С. 7. *Иф э-боди кисс э-боди, / Вуд э-боди край? / Иф э-боди лав э-боди, / Вуд э-боди дай?* — Вариация шотландской народной песни «Comin' Thro' the Rye»: «Gin a body kiss a body — / Need a body cry?» (С шотландского: «gin» = «if».) Известна обработка этой песни Р. Бернса: «Coming Through the Rye». См. также записную книжку БНС 1951–1953 гг.

С. 7. *Пупис* — Puppis — созвездие Корма (лат.).

Борис Стругацкий. Астрономическая походная (На мотив «Марша славянки»)

Текст восстановлен БНС по памяти.

Написано в 1960 г.

Публикуется впервые.

БНС, 26.04.2010: Сочинялось на Горной станции специально для нашего отряда: Юра Варовенко, шофер, я, наблюдатель, и Виктор Борисович Новопашенный, фельдмаршал, начальник группы. Юре, помнится, эта песенка пришлась по душе, он со вкусом выводил: «Мы не боимся ни хрена!», и авторское сердце обливалось елеем.

С. 10. «*Марш славянки*» — марш «Прощание славянки» написан В. Агапкиным под впечатлением от событий Первой Балканской войны 1912–1913 гг. На мелодию этого марша многие поэты (А. Федотов, В. Максимов, В. Лазарев, А. Галич и др.) написали стихи.

Борис Стругацкий. Гимн астроразведчиков

Наброски из письма БНС супруге от 27.07.60 и записной книжки 1960 г.

Написано в июле 1960 г.

Публикуется впервые.

С. 11. *Закрыта в Москве Таганка*. — В 1958 г. знаменитая Центральная таганская пересыльная тюрьма была закрыта, а ее здание взорвано.

Борис Стругацкий. [Экспедиция на Северный Кавказ, записки]

Первые три отрывка — из папки «Материалы к БМС». Два машинописные, третий — рукописный. Четвертый, машинописный, из: БНС. Рабочие записи, 1961–1962, № 3. Первые три написаны, вероятно, в 1960–1961 гг. Четвертый датирован «3.01.62».

Публикуются впервые.

С. 15. *Сего июля 1-го дня года 1960...* — Ср. начало записной книжки БНС 1960 г.

С. 15. *...памятуя, что мысль изреченна есть ложь...* — «Мысль изреченная есть ложь» — строка стихотворения Ф. Тютчева «Silentium».

С. 18. *Вот резинщики...; Юру я разбудил, и он сразу же принялся тянуть резину. Сколько я шоферов знаю — все они резинщики.* — **БНС**, офлайн-интервью от 2.10.2009: Резинщиками называют людей, которые любят «тянуть резину», то есть все делают медленно, лениво, нарочито не спеша, нога за ногу. «Все шофера резинщики» — результат многомесячных наблюдений автора за деятельностью типичных представителей этой замечательной профессии. **Сост.:** Фраза «Все шофера резинщики» использована также в УНС.

С. 19. *ГАЗ-69* — впоследствии УАЗ-69 — советский легковой автомобиль повышенной проходимости.

С. 19. *Каменность* — аул в Карачаево-Черкесии.

Варианты рукописей и изданий

«Полдень, XXII век». Ранние варианты новелл

С. 23. *Полдень, XXII век* — от заглавия романа Э. Нортон «Рассвет-2250 от Р. Х.».

С. 23. *Круговая скорость* — скорость, которую имеет тело, движущееся вокруг планеты по орбите, имеющей форму окружности. Зависит от массы планеты и радиуса орбиты.

С. 27. *СССР* — Союз Советских Коммунистических Республик.

С. 30. *Глокая куздра*. — Полная фраза академика Л. Щербы: «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокрѣнка». Пример фразы, не содержащей ни одной лексической морфемы русского языка, но грамматически правильной и обладающей определенным значением. Фраза впервые была опубликована в 1954 г. в книге Л. Успенского «Слово о словах».

С. 30. *Хотеть* — значит мочь — перевод франц. поговорки *Vouloir c'est pouvoir*, популярный у «красных» участников гражданской войны 1918–1921 гг. в России (например, Г. Котовского). Поговорка, видимо, восходит к Квинтилиану: «Кто хочет, тот и может» («Воспитание оратора», 2, 3).

С. 33. *По улицам слона водили* — цитата из басни И. Крылова «Слон и Моська».

С. 34. *Хориола* — **БНС**, онлайн-интервью от 13.05.2009: Не знаю, что такое хориола, и не знал никогда, — просто красивое «музыкальное» название.

С. 34. *Экзостаз* — правильное экзостоз — костное или костно-хрящевое разрастание неопухолевого характера на поверхности кости.

С. 34. *Или ты — художник-писатель, или ты художник-сенсуалист.* — См. записную книжку БНС 1960 г. (запись от 12.08).

С. 41. *Просверлить Луну огромным буравом.* — А. Чехов, «Летающие острова. Соч. Жюль Верна. Пародия»: «Просверление луны колоссальным буравом» — вот что служило предметом речи мистера Лунда!»

С. 41. *Противоречие, если угодно...* — Противоречия как источник развития — одна из основополагающих идей гегелевской философии.

С. 42. — *Марк Твен был прав, — трагическим голосом сказал Женя. — Он говорил, что правнуки во все времена будут закидывать мусором своих предков. И будут кричать несчастным старцам: «Проваливай, лысый!»* — Реминисценция гл. 11 «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура»: «Я по опыту знаю, что мальчишки во все века одинаковы. Они ничего не уважают, никем и ничем не дорожат. Они орал: «Проваливай, плешивый!» пророку, который в глубокой древности шел своей дорогой, никого не трогая...» (перевод Н. Чуковского). У Твена — отсылка к Библии: «И пошел он [пророк Елисей] оттуда в Вефиль. Когда он шел дорогою, малые дети вышли из города и насмеялись над ним и говорили ему: иди, плешивый! иди, плешивый!» (Четвертая Книга Царств, гл. 2, стих 23).

С. 43. — *Яблоки еще падают, — сказал Женя. — А Ньютонов что-то не видно.* — Имеется в виду анекдот о том, что к идее закона всемирного тяготения И. Ньютона подтолкнуло наблюдение за падением яблок в саду.

С. 43. *Теория информации* — или математическая теория связи — раздел прикладной математики, использующий, главным образом, методы теории вероятностей и математической статистики.

С. 46. *«Шекснинска стерлядь золотая...»* — цитата из «Приглашения к обеду» Г. Державина.

С. 50. ...слухи о встречах Э. А. По с А. С. Пушкиным... — **БНС, 31.12.2010**: Выдумка АБС. Ничего об этих встречах мы не слышали. Не было их. А жаль.

С. 51. *Можно я лягу?* — См. записную книжку БНС 1960 г. (запись от 12.08).

С. 51, 104. *Эмбриомеханика* — см. первое появление термина в письме БНС от 7.03.60; термин употреблен также в ПКБ-0, ОО и ВГВ.

С. 53. *ЕН* — Единая Номенклатура (астрономических объектов) — **БНС, 22.05.2011**: Наша выдумка. Придумана по аналогии с номенклатурой знаменитого тогда звездного каталога HD (Henry Draper Catalogue), с которым мне в конце 50-х много приходилось работать.

С. 53, 57. *Фобос и Деймос — это вы, конечно, знаете...; Горбовский и Валькеништейн бывали на Фобосе. Это был спутник Марса, и долгое время его считали естественным спутником. Но он оказался четырехкилометровым тором, окутанным металлической противометеоритной сеткой.* — Гипотезу об искусственном происхождении спутников Марса выдвинул астрофизик И. Шкловский в интервью: Искусственные спутники Марса: Интересная гипотеза советского ученого // Комс. правда (М.). — 1959. — 1 мая.

С. 59. *Меридиональная орбита* — орбита, проходящая над обоими полюсами.

С. 65. «*Увы мне, чашка на боку*»... — Козьма Прутков, «Выдержки из записок моего деда. Исторические материалы Федота Кузьмича Пруткова (деда). № 16. Не всегда слишком сильно» (авторство № 16 «Материалов...» — Алексея Жемчужникова).

С. 67–68. ...*заревел тяжелым прерывистым басом: / Бешеных молний крутой зигзаг, / Черного вихря взлет, / Злое пламя слепит глаза, / Но если бы ты повернул назад, / Кто бы пошел вперед?* — Использован зачин и метр песни «Тяжелым басом гремит фугас...» из к/ф «Последний дюйм». Слова М. Соболя, музыка М. Вайнберга.

С. 71. *Краулер* — гусеничный трактор. От англ. crawler — ползающий.

С. 72. «*Царевна-лебедь*» — персонаж «Сказки о царе Салтане» А. Пушкина.

С. 75. *Оксенишванцензуппе* — Ochsenchwanzsuppe (Ochsenchwanzensuppe) (нем.) — суп из бычьих хвостов.

С. 79. *Семигранная гайка* — **С. Хлынин**: Не происходит ли упомянутая у АБС семигранная гайка от семигранной призмы из «Звездных кораблей» И. Ефремова? **БНС, 2.08.2006**: Я, разумеется, наверняка читал у Ефремова про семигранную призму, но не обратил внимания и совсем не запомнил. АНС, видимо, тоже. Во всяком случае, не помню, чтобы мы этот вопрос обсуждали когда-либо. Семигранная гайка придумана была (лично мной) как символ артефакта, чего-то такого, что в «естественной» природе не существует и существовать в принципе не может — просто за ненадобностью. Значительно позже (уже в 90-х) мне пришло в голову, что семигранная гайка может считаться символом искусства (работы воображения) вообще, и именно в этом качестве она «назначена» была быть медалью АБС-премии.

С. 79. *Скафандр высшей защиты* — см. примечание к с. 157.

С. 80. *Абсолютно не на что со вкусом поглядеть.* — Реминисценция романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»: «Но посидеть у вас со вкусом абсолютно не на чем» (ч. 1, гл. 8).

С. 89. *Какими вы будете* — перефразировка заглавия рассказа Э. Хемингуэя «Какими вы не будете».

С. 90. *Аллегро нон троппо* — Allegro non troppo — музыкальный темп; «быстро, но не слишком» (итал.).

С. 93. ...*шутя и играя*... — По утверждению БНС (1.07.2000), это — неточная цитата из «Очерков бурсы» Н. Помяловского: «...скакая играше веселыми ногами...» (В очерке «Бурсацкие типы» здесь контаминация церковнославянских текстов Второй книги Царств: «...видя царя Давида скачуща и играюща пред Господем...» (гл. 6, стих 16) и тропаря пасхального канона: «К свету идяху, Христе, веселыми ногами.») Название «Напевая, шутя и играя» носила программа оркестра Л. Утесова.

С. 94. «Для будущего мы встаем ото сна. ~ волнами пламени». — «Агни Йога», предисловие к разделу «Знаки Агни Йоги». См. также в т. 2 запись в записной книжке БНС 1958 г.

С. 96. *Я ее оторвал, я ее и понесу.* — Возможно, восходит к фразе «Я тебя породил, я тебя и убью!» Н. Гоголь, «Тарас Бульба» (гл. 9).

С. 97. *Кибернетические инфузории-микроминформаторы* — см. запись от 16.08 в записной книжке БНС 1960 г.

С. 98. *Битва при Маренго* — кровопролитное сражение 1800 г. между Австрией и Францией.

С. 98. *Буриданов баран* — вариация философского парадокса «Буриданов осел»: осел, находящийся между двух охапок сена, не сможет предпочесть одну другой и непременно умрет от голода. Ошибочно приписывается франц. философу Ж. Буридану.

С. 101. *Зольдатики* — словоупотребление восходит к «Похождениям бравого солдата Швейка во время мировой войны» Я. Гашека: «— Ах, как ему вкусно, зольдатику! — восторженно зашептала доктору Грюнштейну старая баронесса. — Он уже здоров и может поехать на поле битвы» (ч. 1, гл. 8). Перевод П. Богатырёва.

С. 101. *Кулиса Ватта* — или механизм Уатта — составная часть конструкции некоторых паровых машин.

С. 101. *Тележка Кювье* — возможно, персонажи имели в виду тележку (повозку) Куньо — одну из первых паровых самоходных машин.

С. 106. *Дигестальная система* — пищеварительная (от лат. *digestilis*).

С. 109, 112. *Позитронный мозг; позитронное управление* — **БНС**, офлайн-интервью от 16.06.2010. *Вопрос:* В первой версии рассказа «Поражение» (или «Белый конус Алаида») два раза упоминается позитронный мозг, который управляет поведением Яйца (механозародыша). А в дальнейших редакциях рассказа это упоминание исчезло. Вы не помните, по какой именно причине Вы отказались от позитронного управления? *Ответ:* Наш позитронный мозг (как и позитронная акупунктура, как и все прочие научно-технические изыски такого рода) был для нас лишь антуражем, декорацией, если угодно — красивым символом описываемого мира. Введение его в текст вызывалось отнюдь не смыслом происходящего, — это был лишь некий ярлычок с надписью «будущее», наклеенный к сведению читателя на предлагаемый текст. Надоел один ярлычок, — придумали какой-нибудь другой, позитронную акупунктуру какую-нибудь, и так далее. **Сост.:** Позитронный мозг — реалья серии рассказов А. Азимова «Я, робот».

С. 111. *...Акимов и Сермус запустили первую СКИБР — систему кибернетических разведчиков...* — Отсылка к рассказу «Испытание “СКИБР”».

С. 111. *Счастье не в самом счастье, но в беге к счастью...* — ср.: И. Крылов, «Письмо о пользе желаний»: «Не тот счастлив, кто счастьем обладает: / Счастлив лишь тот, кто счастья ожидает». Также: Ф. Достоевский, «Дневник писателя», 1876, январь, глава 3, 2: «Счастье не в счастье, а лишь в его достижении».

С. 115. *Перегретый пар* — пар, нагретый до температуры, превышающей температуру кипения при данном давлении.

С. 118. *Цефалоподы* — головоногие.

С. 118. *В кабине было очень душно. Ионизаторы не справлялись.* — **Сост.:** Почему фантастические ионизаторы, а не обычные кондиционеры? **БНС, 24.03.2012:** Не помню, слыхивали ли мы тогда о кондиционерах. Скорее всего, да, слыхивали. Но ведь «ионизаторы» — не в пример красивше: загадочные, неведомые, нигде не бываемые!!! Примерно в те же времена мы придумали «ионный душ» (не только тогда, но и сегодня представления не имея, что это за штука), и нам это страшно нравилось. Это вообще была пора придумывания техники (в которой мы ничего не смыслили): киберы, планетолеты, СКИБРы, скорчеры... Благословенные времена!

С. 120. *Бонины* — группа островов между Марианскими островами и Японией.

С. 126. *Каверна* — здесь: пустота в горной породе.

С. 132. *Ну, знаете, Александр Григорьевич...* — сказал Громадин. — «Громадин» — ошибка в публикации; нужно: «Привалов».

С. 134. *Спортсмену надлежит быть спокойну, выдержану и всегда готову.* — Восходит к пункту 14 «Науки побеждать» А. Суворова: «Солдату надлежит быть здорову, храбру, твердо, решиму, правдиву, благочестиву».

С. 135. *«Без Копылова жизнь не та, люблю, привет от Лианта»* — **БНС, 1.08.2010:** Эта аббревиатура (ЛИАНТО) НИЧЕГО не обозначает. Псевдоквазия («как я это называю»). Взято с потолка и сохранилось потому, что хорошая рифма возникла: «не та — ЛИАНТа». **Сост.:** «Как я это называю» — цитата из пьесы Е. Шварца «Обыкновенное чудо», рефрен министра-администратора.

С. 137, 139. *Быков увел «Тахмасиб» от Юпитера только на двенадцатикратной перегрузке.; ...Жилин, тот самый, который работал сейчас бортинженером на трансмарсианском рейсовике «Тахмасиб».* — Отсылка к повестям ПНА и «Стажеры».

С. 140. *Смелфидер* — от англ. smell — запах и feed — питать. В ХВВ этот же прибор именуется фенор.

С. 140. *Валька Петров* — персонаж рассказа ЧП.

С. 142. *Цай* — салат, блюдо китайской и корейской кухни.

С. 142. *Мяоледао* — острова в южной части пролива Бохай в Желтом море.

С. 143. *Мегазенгер* — единица тяги. Название дано Авторами в честь О. Зенгера — австрийско-немецкого физика, теоретика и конструктора ракетной техники, автора монографии «К механике фотонных ракет».

С. 144. *В заключение нам показывают фильм «Новости дня»...* — В СССР конца сороковых — начала девяностых годов XX века киножурнал «Новости дня» наряду с иными зачастую демонстрировался в кинотеатрах в начале сеанса.

«Полдень, XXII век». Первый книжный вариант

С. 146. *Круговая скорость* — см. примечание к с. 23.

С. 150. *Атос* — персонаж трилогии о мушкетерах А. Дюма-отца.

С. 150. *ВМ-оператор* — оператор вычислительных машин. До появления персональных компьютеров — специальная профессия, требовавшая соответствующей квалификации, — «оператор ЭВМ».

С. 152. *Латилли* — вулканические выбросы небольшого размера.

С. 157. *Великая Теорема Ферма* — считалась одной из наиболее трудных проблем математики. Доказана в 1995 г. Э. Уайлсом.

С. 157. *И один хороший путь был. По крайней мере, один.* — См. в этом томе записную книжку БНС 1960–1962 гг.: «Единственный способ остановить их — показать, что они ничего не знают. Ведь они не делают ничего плохого».

С. 157. *Спорамин* — **БНС**, интервью «Готово будущее мне...»: «...спорамин — это не наша выдумка. Мы с Аркадием Натановичем позаимствовали его у Ивана Антоновича Ефремова. То было время (конец 50-х — начало 60-х), когда мы носились с идеей создать общий для всех советских фантастов Мир Светлого Будущего. Чтобы там использовались одни и те же элементы антуража, одна и та же терминология, — чтобы там были и “скафандр высшей защиты”, и “самодвижущиеся дороги”, и “кохлеарное исчисление”, и “прокол пространства”, и “флаеры” с “птерокарами”...» (Совершенно секретно (М.). — 2001. — № 4). **Сост.:** Термины «спорамин» и «скафандр высшей защиты» взяты из романа И. Ефремова «Туманность Андромеды».

С. 161. *...до сих пор не решена загадка «блуждающих огней».* — См. в этом томе записную книжку БНС 1960–1962 гг.

С. 162. *Никто ничего не понял и ничему не научился.* — Вариация фразы Ш. Дюмурье времен Великой французской революции «Они ничего не забыли и ничему не научились».

С. 162. *ССКР* — см. примечание к с. 27.

С. 164. *Тредьяковский, «Екатерина Великая — о! — поехала в Царское Село»*. — Поздняя анонимная пародия на В. Тредиаковского: «Императрикс Екатерина, о! / Поехала в Царское Село».

С. 166. *Хотеть — значит мочь* — см. примечание к с. 30.

С. 169. *По улицам слона водили* — см. примечание к с. 33.

С. 169. *Хориола* — см. примечание к с. 34.

С. 170. *Или ты художник-писатель, или ты художник-сенсуалист*. — См. примечание к с. 34.

С. 171. *На вершине глыбы, вытянув руку над городом и весь подавшись вперед, стоял огромный человек. Это был Ленин — такой же, какой когда-то стоял, да и сейчас, наверное, стоит на площади перед Финляндским вокзалом в Ленинграде*. — **БНС**, офлайн-интервью от 21.10.2008: «Статуя Ленина» — это, разумеется «кость, брошенная властям». (...) Статую мы поставили по указанию начальства, это верно, но в те времена (60-й год) это не вызвало у нас никакого отторжения: к Ленину (в отличие от Сталина) мы относились тогда вполне уважительно.

С. 177. *Просверлить Луну огромным буравом*. — См. примечание к с. 41.

С. 177. *Противоречие, если угодно...* — См. примечание к с. 41.

С. 179. — *Яблоки еще падают*, — сказал Женя. — *А Ньютонов что-то не видно*. — См. примечание к с. 43.

С. 182. *«Шекспинска стерлядь золотая...»* — см. примечание к с. 46.

С. 186. *...слухи о встречах Э. А. По с А. С. Пушкиным...* — См. примечание к с. 50.

С. 187. *Можно я лягу?* — См. примечание к с. 51.

С. 190, 206. *Фобос и Деймос — ну, это вы, конечно, знаете...; Горбовский и Валькеништейн бывали на Фобосе. Это был спутник Марса, и долгое время его считали естественным спутником. Но он оказался четырехкилометровым тором, окутанным металлической противометеоритной сетью*. — См. примечание к с. 53, 57.

С. 193. *Томление духа* — Книга Екклесиаста: «...всё — суета и томление духа!» (гл. 1, стих 14).

С. 193. *«А нет ли опиума для народа?»* — И. Ильф, Е. Петров, «Двенадцать стульев»: «Почем опиум для народа?» (ч. 1, гл. 12). Последнее, в свою очередь, от «Религия есть опиум народа», К. Маркс, «К критике гегелевской философии права», введение.

С. 193. *Не страшны мне, молодцу ~ Понес!* — **БНС**, 22.03.2012: Стишок этот я впервые услышал на матмехе в 50–55 гг. от своих сокурсников Хавина и (или) Тревогина. Кто автор стишка, я представления не имею и никогда не имел. Сильно подозреваю, что это не Хавин, не Тревогин. Думаю, что стишок этот ко всем нам добрался из глубины веков. Что же касается АНа, то, по-моему, он впервые услышал его от меня. Так мне кажется.

С. 193. *Ошую* — по левую сторону (*старорусск.*).

С. 197. *Полувероника* — одно из движений матадора.

С. 198. *Голубые звезды* — по ныне устаревшей классификации спектров звезд А. Секки — звезды I-го класса, самые горячие и большие.

С. 198. *Тут охотник выбегает, в ракопаука стреляет...* — Перефразировка детского стишка, восходящего к стихотворению Ф. Миллера.

С. 199. *Тогда пойду умою руки*. — Ироническое использование цитаты из Евангелия от Матфея (гл. 27, стих 24).

С. 199. *«Пастушка младая на рынок спешит...»* — цитата из стихотворения А. Пушкина «Вишня».

С. 203. *Смещение перигелия* — перемещение ближайшей к Солнцу точки орбиты планеты. Впервые обнаружено у Меркурия. Аномальное (не соответствующее второму закону Ньютона) значение этого смещения было впоследствии объяснено общей теорией относительности.

С. 203. «Любовь — что такое! И что такое — любовь?» — куплеты Блезо, Тоби и Церлины «Любовь — что такое» из оперетты М. Эрлангера «Что такое любовь?» (см. сборник «Комические песни и русские куплеты разных авторов», М.: Издательство П. Юргенсона, 1879 г., № 30). Строки куплетов цитируются в гл. 5 повести А. Куприна «Поединок».

С. 203. *Любовь (...) это специфическое свойство высокоорганизованной материи.* — «Сознание (психика) — свойство высокоорганизованной материи» — дефиниция диалектического материализма.

С. 208. *Меридиональная орбита* — см. примечание к с. 59.

С. 214. «Увы мне, чашка на боку»... — См. примечание к с. 65.

С. 217. *...заревел тяжелым, прерывистым басом: / Бешеных молний крутой зигзаг, / Черного вихря взлет, / Злое пламя слепит глаза, / Но если бы ты повернул назад, / Кто бы пошел вперед?* — См. примечание к с. 67–68.

С. 220. *Краулер* — см. примечание к с. 71.

С. 221. «Царевна-лебедь» — см. примечание к с. 72.

С. 224. *Оксениванцензуппе* — см. примечание к с. 75.

С. 224. *Моби Дик* — отсылка к роману Г. Мелвилла «Moby-Dick, or The Whale». Книга, вероятно, прочтена АНС в оригинале, так как заголовок новеллы упоминается в плане повести в письме от 25.10.60, в то время как первое издание русского перевода романа вышло в августе 1961 г. **БНС**, офлайн-интервью от 24.04.2002: Этот рассказ был написан где-то в самом конце 50-х под большим впечатлением от романа Кларка о китовых пастухах (не помню, как он назывался... какие-то «Бездны»). Слепок получился слишком уж точным (сходство, переходящее в, страшно сказать, плагиат), и мы решили этот рассказ больше в роман не вставлять. От греха подальше. **Сост.**: Имеется в виду роман А. Кларка «Большая глубина» («The Deep Range»).

С. 224. «Родимые пятна капитализма» — К. Маркс, «Критика Готской программы (Замечания к программе германской рабочей партии)»: «Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое развилось на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло».

С. 225. *Нарвал* — он же единорог, крупное морское млекопитающее; в настоящее время в районе Курил не обитает.

С. 228. *Deep blue sea, baby, deep blue sea...* — амер. народная песня из репертуара П. Сигера, альбом «The Pete Seeger Sampler», Folkways Records, New York, 1955.

С. 231. *Спермацет* — вещество, добывавшееся из жидкого жира, заключенного в фиброзном мешке в голове кашалота. После прекращения охоты на кашалотов более не добывается и не применяется.

С. 235. *Конвертоплан* — летательный аппарат, имеющий возможность летать как в самолетном, так и в вертолетном режимах.

С. 235. *...оно казалось сосредоточенным и очень молодым, как тридцать два года назад, когда она вот так же сидела справа от работника Океанской охраны Званцева в его одноместной субмарине, в первом своем глубоководном поиске.* — Отсылка к рассказу ГП.

С. 238. «Догорай, моя лучиночка» — искаженная строка из песни «То не ветер ветку клонит», слова С. Стромиллова, музыка А. Варламова.

С. 239. *Прибежать к нему в мокром виде, как Архимед, и возопить: “Эврика!”* — Отсылка к историческому анекдоту об открытии Архимедом основного закона гидростатики, названного его именем. Архимед догадался, как по объему вытесненной воды определить плотность короны, сделанной из сплава золота с серебром.

С. 239. *Ну, мертвая-а!* — Восходит к восклицанию «малюточки» из стихотворения Н. Некрасова «Крестьянские дети».

- С. 246. ...*этаким Кампанеллой навыворот*. — Подразумевается утопия Т. Кампанеллы «Город Солнца».
- С. 247. *Ползучие тарелки* — возможно, ироническая переделка выражения «летающая тарелка», означающего неопознанный летающий объект.
- С. 249. *Я ее оторвал, я ее и понесу*. — См. примечание к с. 96.
- С. 250. *Гиена пера* — цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (ч. 1, гл. 13).
- С. 250–251. *Кибернетические инфузории-микроринформаторы* — см. примечание к с. 97.
- С. 251. ...*эпизоды из битвы при Пуатье...* — **БНС, 7.04.2012**: Имеется в виду сражение при Пуатье 732 года между войсками Карла Великого и арабами.
- С. 251. *Буриданов баран* — см. примечание к с. 98.
- С. 253. ...*резня в Константинополе... Пятнадцатый век...* — Захват Константинополя турками 29 мая 1453 г., падение Восточной Римской Империи.
- С. 255. *Зольдатики* — см. примечание к с. 101.
- С. 255. *Кулиса Ватта* — см. примечание к с. 101.
- С. 255. *Тележка Кювье* — см. примечание к с. 101.
- С. 256. ...*отдаю это вам на поток и разграбление*. — Выражение восходит к составленному при Ярославе Мудром правовому кодексу «Русская правда». «Поток» здесь означает расхищение дома и имущества.
- С. 257. *Естествознание в мире духов* — название главы «Диалектики природы» Ф. Энгельса.
- С. 259. *Бочки Данаид* — в греческой мифологии дочери царя Даная за убийство мужей были осуждены наполнять в подземном царстве водой бочки без дна.
- С. 260. *Ридеров активизировали нейтринным облучением, увеличивающим чувствительность мозга...* — Идея активизации мозга нейтринным облучением высказана АБС ранее в рассказе ШС.
- С. 260. «*Джонни каминг даун ту Хайлоу, пуар олд мэн*» — амер. народная песня из репертуара П. Сигера, альбом «The Pete Seeger Sampler», Folkways Records, New York, 1955 («Johnny comes down to Hilo, / Poor old man»).
- С. 260. «*Раз-два-три, пионеры мы...* — «Раз, / два, / три! / Пионеры мы. / Мы фашистов не боимся, / пойдём на штыки» — речевка из поэмы В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин».
- С. 261. «*По небу полуночи ангел летел...*», *Лермонтов...* — Строка стихотворения «Ангел».
- С. 268. *Семигранная гайка* — см. примечание к с. 79.
- С. 269. *Абсолютно не на что со вкусом поглядеть*. — См. примечание к с. 80.
- С. 274. *Миссус, а у нас простыня пропала!* — Цитата из главы 37 повести Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна». Перевод Р. Брауде.
- С. 278. ...*спорят, на каком языке сказать первое «э»!* — Реминисценция пьесы Н. Гоголя «Ревизор»: «— (...) «Э!» — говорю я Петру Ивановичу... — Нет, Петр Иванович, это я сказал: «Э!» — Сначала вы сказали, а потом и я сказал. “Э! — сказали мы с Петром Ивановичем”» (действ. 1, явл. 3).
- С. 279. *Какими вы будете* — см. примечание к с. 89.
- С. 281. *Аллегро нон троппо* — см. примечание к с. 90.
- С. 284. *Битва под Курском* — одно из крупнейших сражений Великой Отечественной войны, 5 июля — 23 августа 1943 г.
- С. 284. «*Для будущего мы встаем ~ управлять волнами пламени*». — См. примечание к с. 94.
- С. 285. ...*ленинская идея о развитии общества по спирали*. — См. главку «Диалектика» статьи В. Ленина «Карл Маркс» (также — «Философские тетради»:

конспект книги Г. Гегеля «Лекции по истории философии» и фрагмент «К вопросу о диалектике»).

Публицистика

Опубликованное

Аркадий Стругацкий. Инэко Сата

Рукопись не сохранилась.

Написано 14.10.59. См. в этом томе рабочие записи АНС 1959–1961 гг.

Публикуется по тексту первого издания: Сата Инэко. Пока не угаснет пламя. — М.: Гослитиздат, 1960.

С. 286. «*Эпоха войн и социальных революций*» — отсылка к положению Краткого курса истории ВКП(б): «Ленинизм есть марксизм эпохи империализма, империалистических войн и пролетарских революций».

Письма, дневники, записные книжки

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Переписка, 1960

Письма АБС — как машинописные, так и рукописные. Часть писем авторами не датирована. Такие письма датировались составителями, что отмечено в нижеследующих примечаниях. Фамилии персоналий, именованных кратко, даются прямо в текстах писем в угловых скобках.

Часть писем публиковалась в издании: Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962. — М.: АСТ; Донецк: НКП, 2008. Настоящее издание дополнено публикуемыми впервые письмами, обнаруженными позднее в архиве АБС и М. А. Стругацкой.

С. 292. *Гамузом* — здесь: вместе, кучей.

С. 292. *Сумно* — грустно (укр.).

С. 292. *Мношно* — **БНС, 9.08.2012**: Это слово наша мама привезла из своей Середины-Буды. Выражает оно некое угнетенное состояние духа, сочетание тоски, беспокойства и дурных предчувствий. Больше нигде и ни от кого я этого слова не слышал.

С. 292. *А читал ты «Пленники пылающей бездны» Фрадкина?* — Фрадкин Б. Пленники пылающей бездны. — М.: Мол. гвардия, 1959.

С. 292. «*Труды шестого космогонического совещания*» — Труды шестого совещания по вопросам космогонии: 5–7 июня 1957 г. — М.: Изд. Акад. наук СССР, 1959.

С. 293. *P<ost> T<extum>* — АБС использовали это сокращение, поскольку на клавиатуре пишущих машинок не было латиницы. Но в рукописных письмах употребляли обыкновенное «P. S.».

С. 293. *...разговариваю я сейчас как Макреа: дифциплина, сруд, сшанция и т. д.* — Персонаж «Сталки и компании» Р. Киплинга и его характеристическое произношение: «dithcipline» (гл. «An Unsavory Interlude»). Аналогично искажены слова «труд» и «станция».

С. 293. *Манки бизнес* — *Monkey business* — мартышкин труд, пустая трата времени (англ.).

С. 294. *Выяснить, каким образом посылаются письма за границу и не влечет ли это за собою неких мер социальной защиты.* — В советском уголовном законодательстве 1924–1958 гг. термин «меры социальной защиты» заменял собой понятие «наказание».

С. 294. *...порекомендовать пару рассказов Журавлевой (например, тот рассказик про летающий мозг...)* — Рассказ В. Журавлевой «Небесный камень» из сб. «Сквозь время» (М.: Профтехиздат, 1960).

С. 294. ...новый ее опус «Капитан звездолета “Полюс”» — напечатан в Комсомолке от 7.02.60... — Комс. правда (М.). — 1960. — 7 февр. — Воскресное приложение.

С. 294. ...«Пробуждение проф<ессора> Берна» Савченки. Хороши днепровские «Крабы»... — Рассказы В. Савченко «Пробуждение профессора Берна» и А. Днепрова «Крабы идут по острову» вошли в антологию «Дорога в сто парсеков» (М.: Мол. гвардия, 1959), в которой был опубликован и рассказ АБС ШС.

С. 294. *Джианджиакомо Фелтринелли Эдиторе* — *Giangiakomo Feltrinelli Editore* — итальянское издательство, основатель которого, Дж. Фельтринелли, придерживался левых взглядов, встречался с Ф. Кастро и Че Геварой, однако с ИКП и КПСС находился в сложных отношениях, из-за того что вопреки их сопротивлению напечатал роман Б. Пастернака «Доктор Живаго».

С. 295. *Ромул, Рем* — легендарные основатели Рима.

С. 295. ...*Европа нам поможет.* — Цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (ч. 2, гл. 27).

С. 295. *Дед Щукарь* — персонаж «Поднятой целины» М. Шолохова.

С. 295. *Вы просите информацию, их есть у меня.* — Ср. строку романса Саши Макарова «Вы просите песен, их нет у меня» и последующее «Вы просите песен? Их есть у меня» (одесская песня 20-х годов, цитирующаяся в «Интервенции» Л. Славина).

С. 295. *На письмо итальянца отвечай сам в меру своего разумения.* — Письмо итал. редактору и переводчику Рива по поводу издания рассказов АБС в сборнике советской фантастики: *L'esperimento dimenticato* / Trad. di R. Naldi / I sei fiammiferi / Trad. di V. Preobrajenski / Il bianco sono di Alaid / Trad. di R. Angelozzi // 14 racconti di fantascienza russa. — Milano: Feltrinelli, 1961. — Итал. яз. — Загл. ориг.: Забытый эксперимент, Шесть спичек, Белый конус Алаида.

С. 296. *Не забыть бы исправить французскую надпись, гм-гм.* — Французский текст в первом издании СБТ: «“La discription planetografic du Fobos” Pole Dangée». Исправленная надпись в последующих изданиях: «“La description planétographique du Phobos” Paul Dangée». См. также в т. 3 письмо АНС от 27.11.59.

С. 296. *Кассель в этом месяце по плану Детгиза должен был сдать рукопись Брянцева «Конец осинового гнезда» ~ Сижу и редактирую...* — Будущее издание: Брянец Г. Конец «осинового гнезда» / Отв. ред. И. Кассель. — М.: Детгиз, 1960. В архиве АНС имеется договор между ним и Детгизом на спецредактирование этого издания. Кто фактически являлся его редактором — не выяснено.

С. 297. «*Внуки наших внуков*», *Сафроновы* — Сафронов Ю., Сафронова С. Внуки наших внуков. — М.: Мол. гвардия, 1958.

С. 298. *Церера* — карликовая планета в поясе астероидов.

С. 298. *Веста* — астероид, занимающий первое место по массе и второе по размеру в поясе астероидов.

С. 299. *Слишком много в нем от желания «ошарашить мещанина». Вересаев таки прав: эта позиция к хорошему не может вести.* — В. Вересаев в «Записях для себя», продолжающих его лекцию «Что нужно для того, чтобы быть писателем?», пишет: «Зачем оригинальному художнику стараться быть оригинальным?.. Одно только нужно: смелость быть самим собой. ...Ошарашивай мещанина! Как это характерно для средненького таланта и для бездарности! Провел ли бы Микеланджело хоть одну линию резцом, написал ли бы Бетховен хоть одну ноту, чтоб кого-нибудь “ошарашить”?» Слова «Ошарашивай мещанина» — отсылка к высказыванию «Я ошеломил их, мещан!», приписываемому франц. поэтам А. Англему или Ш. Бодлеру.

С. 299. ...*чем мы собираемся их порадовать, иф эни.* — If any — здесь: если собираемся (англ.).

С. 300. *Борис* — брату, 28 февраля 1960... — Датировка составителей.

С. 300. ...*буду сражаться как О. Бендер за миллион...* — Реминисценция романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок».

С. 301. *Звонили мне из Ленинградского Детгиза (...) стали молить о рассказе для сборника, который выйдет в конце этого года.* — Будущее издание: Свечи перед пультом // Янтарная комната. — Л.: Детгиз, 1961.

С. 302. *«Юрта Ворона»* — Ефремов И. Юрта Ворона. — М.: Мол. гвардия, 1960.

С. 303. ...*«Дети наших детей»* — в пику Сафроновым. — Перефразировка заглавия романа Ю. и С. Сафроновых «Внуки наших внуков».

С. 304. *Зольдатик* — см. примечание к с. 101.

С. 306–307, 320. *Меня заставили взять перевод ~ Сейчас сижу денно и ношно.; У меня здесь временно вышла заминка с одним японским переводом...* — Оба перевода АНС отождествить с известными не удалось.

С. 307. *Когда соизволишь прислать справку о детях? Зачем даром бросать деньги?* — В СССР с 1941 г. с мужчин от 20 до 50 лет и замужних женщин от 20 до 45, не имеющих детей, взимался налог «на бездетность» в размере 6% от заработной платы.

С. 307. *Только что прочитал два американских рассказа из «На суше и на море»...* — Лейнстер М. Исследовательский отряд; Пайпер Б. Универсальный язык // На суше и на море. — М.: Гос. изд-во географ. лит., 1960.

С. 307. *Ничегё* — **БНС, 17.07.2010**: Словечко «ничеГё» придумано было и имело хождение у нас в ГАО, в компании 18-й комнаты. Кто придумал, теперь уже и не вспомнить. По-моему, оно плавно перешло в реальность из известного анекдота: «...А не испить ли нам кофейкЮ, граф?.. ОтчегЁ же...»

С. 308. *Савченко на базе своего профессора Бернса...* — Рассказ «Пробуждение профессора Берна».

С. 310. *Астроклимат* — совокупность атмосферных условий, влияющих на качество астрономических наблюдений.

С. 311. *Получил письмо из Румынии — просили автобио данные, будут нас печатать в своей «Науке и технике».* — Будущее издание: Conul alb al Alaiidei. Cheia timpului / Trad. de R. Tudor // Povestiri științifico-fantastice (București). — № 138. — 1960. — Рум. яз. — Загл. ориг.: Белый конус Алаида, Частные предположения.

С. 311. *Харбас* — гора на Северном Кавказе, на территории Кабардино-Балкарской республики, высота 2398 м; упомянута в БМС.

С. 311. *Вообще-то, как жизнь? Хорошё-о?* — Автоцитата из ПНА.

С. 312. *Сдал в производство книжку Гребнева ~ Дописывать ее пришлось мне.* — Будущее издание: Гребнев Г. Пропавшее сокровище. Мир иной. — М.: Детгиз, 1961. Редактор издания — А. Стругацкий.

С. 312. *«Звездный человек»* — повесть А. Полещука.

С. 313. *Аркадий — брату, начало сентября 1960...* — Датировка составителей.

С. 314. *«Космический рейс», «Пятнадцатилетний капитан»* — к/фильмы 1935 и 1945 гг., реж. В. Журавлев.

С. 314. ...*тут же, не сходя с места, подписали договор и дают аванс. Совсем как «Шея».* — См. роман И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (ч. 2, гл. 24).

С. 314. ...*в Л<енингра>де уже делают фильм по «Планете бурь» Казанцева.* — «Планета бурь», Ленинградская киностудия научно-популярных фильмов, 1962 г., реж. П. Клушанцев.

С. 315. *Нынче еду к Томану — я редактирую его книжку...* — Будущее издание: Томан Н. Говорит космос! — М.: Детгиз, 1961. Редактор издания — А. Стругацкий.

С. 316. *Реминисценции написал почти все из того, что сам видел и знаю, за исключением сцены с политруком и ээсовцами.* — См. записную книжку БНС 1960 г. 17.07: «Хорошо бы ввести в «В» маленькие рассказы из нынешней жизни — для контраста и настроения — а la Хемингуэй или Дос-Пассос. Не позволят, наверное»; 12.08: «Двое немцев держали политрука...» Часть реминисценций, не включенных в текст ПХХПВ, позднее была использована в ДК.

С. 318. *Чевой-то я не вижу обещанного томика западной н<аучной> ф<антаски>ки?! — Научно-фантастические рассказы американских писателей. — М.: Изд-во иностр. лит., 1960.*

С. 318. *...посмотрев «Молчаливую звезду» Лема... — «Безмолвная звезда» («Der schweigende Stern»), восточногерм.-польск. к/ф 1960 г., реж. К. Метциг. По роману С. Лема «Астронавты».*

С. 319. *Телевизор, изъяв, заменить стерео-уан'ом. — Калька с английского оборота «прилагательное + one». В данном случае — «...заменить стереовизором».*

С. 319. *Имел весьма интересную беседу с одним академиком меднаук, занимающимся метапсихологией. Говорили много о телепатах и ясновидах. — Сост.: Это Леонид Леонидович Васильев? Параспсихологией занимался только он. Правда, он был не академиком АМН, а лишь членом-корреспондентом. БНС, 13.08.2012: С Васильевым я, да, встречался. Интересный был старик, — абсолютный фантазер и фантаст. Целый вечер мы с ним проговорили, он был родственником моих друзей. Кстати, параспсихологией занимался отнюдь не он один. Он называл имена и эксперименты многочисленные, но сейчас я уже ничего не помню. Кроме чувства ГЛУБОКОГО РАЗОЧАРОВАНИЯ: все это казалось мне тогда совершенно неубедительным.*

С. 321. *Пришли мне твое начало тридцать седьмого года. — Т. е. рассказ «Год тридцать седьмой».*

С. 321. *Аркадий — брату, 1 декабря 1960... — Датировка составителей.*

С. 321. *Тебе, вероятно, уже перевели деньги из Мол<одой> Гв<ардии>. Не смей тратить — произошла ошибка, часть денег придется вернуть. ~ Иначе выгонят с работы девчонку-секретаря, которая выписывала. — Б. Клюева, из «Воспоминаний»: Выписывая чуть ли не первый гонорар Стругацким — аванс за книгу «Путь на Амальтею», — Наташа Сиднева, младший редактор, так увлеклась разговором с Аркадием, что превысила причитающуюся сумму на 10 тыс. рублей (сумма весьма значительная и до денежной реформы 1961 г.). Авторы, ничего не подозревая, получили свой гонорар и удалились. Ошибка вскоре обнаружилась, законным образом произведенная выплата гонорара обратного хода не имела. Бедной (в полном смысле этого слова) Наталье пригрозили вычислять эту сумму из ее довольно ничтожной зарплаты. Были слезы, было страдание: Стругацких мы тогда еще почти не знали. Я позвонила Аркадию, рассказала ему все как есть. Он тут же примчался в редакцию и отдал эти деньги Наталье.*

С. 321. *...жизнь, здоровье, сила! — Слова, употреблявшиеся в виде пожелания счастья после имени фараона. См. И. Ефремов, «На краю Ойкумены»: «Он звал меня, великий царь, анх уда снеб [Жизнь, здоровье, сила — обязательная приставка ко всякому упоминанию фараона. — Авторская сноска.], — негромко сказал жрец, избегая назвать имя фараона и обращаясь к нему только в третьем лице».*

С. 322. *На мое письмо от нашего имени в «Комс<омольскую> правду» ни ответа, ни привета. ~ Пока ходим с «халтурщиками» на рыле. — Нефедова Г. Выбери мудрого друга // Комс. правда (М.). — 1960. — 29 нояб. Цитата из статьи: «Пользуясь интересом к этому жанру и нехваткой подобного рода литературы, прицепились к нему и халтурщики. Дети читают, например, «произведение» Б. и А. Стругацких «В стране багровых туч». Она привлекает их все тем же острым сюжетом. А вообще-то — это грубая и неумная книга».*

С. 322. *Ту-дэй — today — сегодня (англ.).*

С. 322. *...сборник Лема... — Лем С. Вторжение с Альдебарана. — М.: Изд-во иностр. лит., 1960.*

С. 323. *Напиши мне, что значит «гокуро-сама». — Японское выражение, означающее «Спасибо за (хорошую) работу».*

С. 323. *Компран ву? — Comprenez vous? — Понимаете? (искаж. франц.).*

С. 324. *«Капитал» — трехтомный труд К. Маркса по экономике.*

С. 324. «Утопия» — название произведения Т. Мора, ставшее нарицательным и обозначающее жанр литературы, описывающей идеальное с точки зрения автора общество.

С. 324. «Город Солнца» — роман Т. Кампанеллы.

С. 324. *Надо все-таки подумать о новом в новом человеке.* — «Новый человек» — термин из Третьей программы КПСС (Программы построения коммунизма), принятой XXII съездом КПСС.

Борис Стругацкий. Письма матери, 1960

Подборка писем БНС матери включает в себя письма из командировки 1960 г. на Северный Кавказ.

Публикуются впервые.

С. 328. *Ничего мне, пожалуй, не надо, кроме, как говорится, шоколада.* — Отсылка к строке народной песни «Девочка Надя»: «Девочка Надя, чего тебе надо? / Ничего не надо кроме шоколада».

Борис Стругацкий. Письма супруге, 1960

Подборка писем БНС супруге включает в себя письма в Ташкент и из командировки на Северный Кавказ. Фамилии персоналий, именованных кратко, даются прямо в текстах писем в угловых скобках.

Публикуются впервые.

С. 330. *Один рассказ про то, как записывали мозг. Второй — про первый контакт с жителями иных миров.* — Новеллы «Свечи перед пультом» и «Благоустроенная планета».

С. 330. *В тилу Ефремову они будут отнюдь не человекоподобными...* — Имеется в виду рассказ И. Ефремова «Cor Serpentis (Сердце Змеи)».

С. 330. *...перевод Шести Спичек на английский язык (...) рассказ пошел куда-то в Америку.* — Будущее издание: Six Matches / Transl. by R. Prokofieva // More Soviet Science Fiction. — NY: Collier Books, 1962. — Загл. ориг.: Шесть спичек.

С. 330. *И еще один рассказ — Испытание СКИБР — пошел во Францию.* — По-видимому, публикация не состоялась.

С. 330. *Мидия* — прозвище Лидии Камионко. Упоминается также в ДЗ.

С. 330. *БДИ!* — Цитата из Козьмы Пруткова.

С. 331. *«Мы — вундеркинды»* — западногерм. к/ф 1958 г., реж. К. Хоффманн.

С. 331. *...прочел за это время прекрасную книжку «Охотник» некоего Хантера (из серии ППФ)...* — Хантер Дж. Охотник. — М.: Географгиз, 1960. (Путешествия. Приключения. Фантастика).

С. 331. *И еще прочел «Поднятую целину».* — Речь о второй книге романа М. Шолохова (1959).

С. 332. *Козыревские маятники* — Н. Козырев предлагал использовать, в частности, маятники для обнаружения эффектов разработанной им «причинной» или «несимметричной» механики. Идеи Козырева были использованы АБС в нескольких произведениях, в частности — ЗЭ, ЧП, СБП.

С. 332. *Журнал «Словенка» приходит с дьявольской регулярностью.* — «Slovenka» — еженедельный иллюстрированный журнал на словацком языке, издававшийся в Братиславе, орган Словацкого союза женщин.

С. 333. *Рядовой Гневышев был облачен в ватник и берет. (Не следует думать, что на нем больше ничего не было: это обычная писательская манера говорить про вполне прилично одетого человека, входящего, скажем, в ресторан — «на нем был яркий галстук и желтые штиблеты»). Создается впечатление, что человек забыл одеться как следует или ищет вход в баню, тогда как он по смыслу действия только что прибыл с заседания редколлегии).* — Ср. цитату из ПНВС: «То и дело попадались какие-то люди, одетые

только частично: скажем, в зеленой шляпе и красном пиджаке на голое тело (больше ничего); или в желтых ботинках и цветастом галстуке (ни штанов, ни рубашки, ни даже белья); или в изящных туфельках на босу ногу. Окружающие относились к ним спокойно, а я смущался до тех пор, пока не вспомнил, что некоторые авторы имеют обыкновение писать что-нибудь вроде “дверь отворилась, и на пороге появился стройный мускулистый человек в мохнатой кепке и темных очках”».

С. 334. *Иксидент* — шутливо искаженное *accident* — авария (англ.).

С. 336. ...«*Я теперь розовенький, как поросенок*». — Возможно, цитата из к/ф 1958 г. «Мистер Икс» (по оперетте И. Кальмана «Принцесса цирка»): «Я помню вас еще маленькой девочкой, такой розовенькой, как поросенок...».

С. 337. *На мотив «Пока я дышать умею...»* — «Песня о тревожной молодости», слова Л. Ошанина, музыка А. Пахмутовой.

С. 337. *Я приеду работать. Мы должны за эти 20 дней кончить «Возвращение» — хоть кровь из носу.* — В подборке писем имеется телеграмма В. Новопашенного, отправленная из Кисловодска БНС в Ленинград от 23.09.60 со следующим текстом: ДЕНЕГ КРАЙНЕ МАЛО ВЫСЫЛАЮ ДВЕСТИ ПЛЮС СТО СТРУГАЦКОЙ. *БНС, 24.08.2009*: Это код, смысл: «Разрешаю 2 доп. дня отпуска и ради Адки — еще один».

Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1959–1960

Книжка включает в себя выписки и цитаты из книг и статей, заметки по обсуждению сценария, адреса и телефоны знакомых. Для настоящей публикации отобраны записи, предположительно относящиеся к 1960 г.

Выдержки из записной книжки публикуются впервые.

С. 338. *Вадецкий «Полярный юг»* — будущее издание: Вадецкий Б. Полярный юг. — М.: Детгиз, 1961. Редактор издания — А. Стругацкий.

С. 338. *Перля «Телевидение за работой»* — будущее издание: Марьянин Я., Пономарев Д. Телевидение в действии. — М.: Детгиз, 1961. Редактор издания — А. Стругацкий.

С. 338. *«Мир приключений»* — будущее издание: Мир приключений. Книга 7. — М.: Детгиз, 1962. Редактор издания — А. Стругацкий.

С. 338. *Тушкан* — будущее издание: Тушкан Г. Друзья и враги Анатолия Русакова. — М.: Детгиз, 1963. Редакторы издания — Н. Беркова и И. Кассель.

С. 339. *10.00 — Радио ~ Ред<акция> «Искусство».* — Возможно, связано с письмом АНС от 11.03.60: «Меня затерзали Госрадиокомитетчики. Не помню, писал ли я тебе, они с конца марта открывают новый журнал по радио и вот жаждут НФП. Для инсценировки».

С. 339. *М. И. Ромм. / Эфрос — театр, я остаюсь в театре, и сам в Мосфильм.* — Имеются в виду две статьи режиссеров: М. Ромма, выступавшего за главенство кинематографа в ущерб театральному искусству (Поглядим на дорогу // Искусство кино (М.). — 1959. — № 11), и А. Эфроса, подтвердившего свою приверженность театру (Я остаюсь в театре // Искусство кино (М.). — 1960. — № 4). АНС иронизирует над Эфросом, в то же самое время снимавшим на «Мосфильме» к/ф «Шумный день» (совместная постановка с Г. Натансоном).

С. 339. *This be the verse you grave for me ~ R. L. Stevenson* — вторая строфа «Реквиема» Р. Л. Стивенсона, его завещание, содержащее автоэпитафию. Перевод строфы А. Сергеева: «Написать на моей плите гробовой: / Моряк из морей вернулся домой, / Охотник с гор вернулся домой, / Он там, куда шел давно». Две строки «Реквиема» в переводе АБС использованы в ПХХІВ.

С. 339. *Стремление познавать, чтобы жить, превратилось со временем в стремление жить, чтобы познавать.* — Использовано в ПХХІВ.

С. 339. *Опасался смешения сценария с книгой. ~ Опять Ермаков.* — Вероятно, записи сделаны во время обсуждения на «Мосфильме» варианта сценария «Экипаж “СКИФА”».

Аркадий Стругацкий. Рабочие записи, 1959-1961

Тетрадь с записями датировок из папки «Письма». Озаглавлена АНС «Свои работы». Публикуется впервые.

С. 342. *«Мое величество кот»* — Нацумэ Сосэки. Ваш покорный слуга кот. — М.: Гослитиздат, 1960. Перевод Л. Коршикова и А. Стругацкого.

Борис Стругацкий. Записная книжка, 1960

Книжка включает в себя дневниковые записи времен командировки 1960 г. на Северный Кавказ, а также заметки для будущей книги. На отдельном развороте — запись варианта фольклорной песни «Вечерело, серенький дымок», использованного в БМС.

Публикуется впервые.

С. 343. *Смекальная черта* — итоговая линия при записи вычислений «столбиком». В записи от 1.07.60 в ироническом ключе использована стилизация А. Н. Толстого русской речи конца XVII — начала XVIII веков, см., например, роман «Петр Первый».

С. 343. *Партайгенацвале* — контаминация немецкого «партайгеноссе» (товарищ по партии) и грузинского обращения «генацвале» (дорогой, уважаемый). Употреблено также в «Комментариях к пройденному» и БМС.

С. 343. *Бивуак папанинцев* — И. Папанин, Э. Кренкель, П. Ширшов и Е. Федоров в 1937–1938 гг. совершили девятимесячный дрейф на льдине от Северного полюса до Гренландии (дрейфующая станция «Северный полюс»).

С. 343. *Хребет хорош и похож чем-то на лунные хребты. ~ Это было пике сокола.* — Использовано в БМС: «Хребет хорош, он похож чем-то на лунные хребты. ~ Оказалось, это была неудачная атака сокола...»

С. 344. *Хроматизм* — свойство белого светового луча при прохождении через преломляющие среды разлагаться на лучи разного цвета (давать спектр).

С. 344. *Стоит фельдмаршалу уехать, и что-нибудь случается ~ пока начальник поймет, в чем дело и что надо.* — Использовано в БМС: «Стоит Командору уехать, и что-нибудь обязательно случается ~ пока до начальника дойдет, в чем дело и как ему поступать надлежит...»

С. 345, 348. *Коровы, сволочи, повадились чесаться об антенну!; ...только чешется остервенело.* — Использовано в БМС: «...только чешется остервенело об триангуляционный знак третьего класса...»

С. 345. *Кажется, я понял, что такое романтика.* — Рассуждения о романтике были очень распространены в конце 50–60-х в искусстве, в прессе, в дискуссиях в молодежной среде; воспитание у молодежи чувства романтики (особенно с добавлением «...построения коммунизма») было немаловажным аспектом молодежной политики государства.

С. 345. *Хорошо бы вставить в «В» «ГФ» как рассказ Горбовского (или Лурье).* — Рассказ «Гигантская флюктуация» был впоследствии использован как рассказ Жилина в повести «Стажеры».

С. 346. *Король катался верхом в парке.* — Цитата из повести Марка Твена «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура»: «Придворная хроника. В понедельник король катался в парке. Во вторник — " —. В среду — " — (...)» (гл. 26).

С. 346. *«Искра — зверя убьет, а ни хрена не схватывает».* — Использовано в ПНВС.

С. 346. *...запуск спутника и ракеты.* — 2 января 1959 г. был осуществлен запуск ракеты «в сторону Луны». Сообщалось, что она прошла около Луны и стала первым рукотворным спутником Солнца. В действительности произошло отклонение аппарата «Луна-1» от расчетной трассы полета к Луне.

С. 347–348. *Опять уехали ~ Остаться бы живу!!* — Использовано в БМС: «21.08. Опять один ~ видимо, грязно ругался...»

С. 347. ...самое жуткое на свете животное — корова. (*Хантер не прав; он считает — леопард; ерунда.*) — См. главу 16 «Самые опасные звери» книги Дж. Хантера «Охотник».

С. 348. *Юра: «Я когда в конце сезона с машиной прощаюсь, каждый раз целую ее в баранку — прощай, милая». — Использовать для Горб<овского> или Кондратьева. —* Использовано в ПХХПВ, в новелле «Моби Дик»: «Сейчас я вернусь к себе на базу, поставлю «Голубку» в ангар и, прощаясь, по обычаю поцелую ее в мокрый иллюминатор: “Спасибо, дружок”».

С. 348. *Обезумевшие от мух коровы под <геодезическим> знаком. Даже Сиплый больше не ревет — только чешется остервенело. —* См. фото на с. 13 вклейки.

С. 349. *Сижу один. К ящичку прислонена дубина, рядом — груды булыжников. На психрометре лежит рогатка с запасом зарядов. Жду врага, но враг от жары столь ошалел, что даже не нарывается. —* Использовано в БМС.

С. 349. *Вчера читал чабанам краткую лекцию по астрономии ~ на Луне сидит голый чабан. —* Использовано в статье БНС «Больной вопрос» (см. в т. 29 публицистику 1993 г.).

С. 350. *Магнезия —* здесь: сульфат магния, применяемый в виде суспензии при холецистите.

С. 350. *Арьян —* молочный квас.

С. 350. ...*Юру трижды произвели в ГСС. —* Т. е. в Герои Советского Союза.

С. 351. *Сказка! Дивно! Персильфанс!* — Использовано в ПП. Восклицание «Персильфанс!» восходит к сокращению названия Первого симфонического ансамбля — оркестра, существовавшего в Москве в 1922–1932 гг., — «Персимфанс».

С. 351. *Вставить в «В» рассуждения Званцева о живописи. Художники делятся на две группы: 1) Художники-писатели пишут жизнь, то, что они видят. 2) Художники-сенсуалисты — играют на шестом чувстве, на нервах... —* Использовано в ПХХПВ: «Или — ты художник-писатель, или — ты художник-сенсуалист».

С. 351. *Маргузоры —* озера на Тянь-Шане.

С. 351. *«Можно я здесь прилягу» —* встреча с Горбовским. — Использовано в ПХХПВ.

С. 351. *Дзиккан —* в наброске сюжета СПП имеется следующий фрагмент: «Умирает академик Окада, 152 года. Океанолог, работает в Мировом океане 120 лет (...). Опыт и интуиция. Человек, ощущающий истину. Заметить: долголетие вызвало диалектический скачок у специалистов. (...) «Дзиккан» — условно».

С. 351. *М<ожет> б<ыть> звероящеры появились от радиоактивности (прохожд<ение> около сверхновой) и исчезли, когда исчез наведенный ур<ове>нь? —* Аналогичная гипотеза о причинах появления динозавров упомянута в ПХХПВ.

С. 351. *Двое немцев держали политрука ~ Это были его первые. —* Использовано в ГО.

С. 352. *Машина начинает себя вести... —* Использовано в ДР.

С. 352. *Информаторы —* микроскопические машины размером с бактерию. — Использовано в ПХХПВ: «...кибернетических инфузорий-микроинформаторов, которые тучами бродят по всему свету...»

С. 352. ...*приехали к знакомому кошу. — БНС, 15.12.2008:* Кош — временный сарай для скота.

С. 353. *Ах, девчонка —* егоза... — Использовано в ПП.

С. 353. *«Я во сне видел покойного отца, —* сказал Тимофей. — *Значит. Будут неприятности».* — Использовано в БМС.

С. 354. — *А что самое трудное в экспедиции? ~ И надо идти по нужде. —* Использовано в ГО.

С. 354. *Хотеть —* значит мочь. *Формула, годная для людей, которые могут, даже если не хотят. —* Использовано в ПХХПВ.

Борис Стругацкий. Записная книжка, 1960–1962

Книжка включает в себя запомнившиеся фразы и диалоги, цитаты из книг, адреса и телефоны знакомых и корреспондентов. Для настоящей публикации отобраны записи, предположительно относящиеся к 1960 г.

Выдержки из записной книжки публикуются впервые.

С. 357. У Катаева: «облокотился спиной». «Зимний ветер», стр. 39. — Гл. 14: «Он облокотился спиной на холодную батарею центрального отопления, и она резала ему спину».

С. 357. До сих пор не разгадана тайна блуждающих огней на болотах. — Использовано в ПХХПВ, новеллы «Злоумышленники» и «Томление духа».

С. 357. Минаэрт — Миннарт [на доп. титульном листе — Minnaert] М. Свет и цвет в природе. — М.: Физматгиз, 1958.

С. 357. Инструкция по полевой дисциплине лейб-гусар ее имп<ераторского> вел<ичест>ва. — Использовано в «Стажерах»: «Правила санитарной дисциплины для лейб-гусар Ея Императорского Величества».

С. 357. Какие вопросы вы зададите при первом контакте? / — А можно я лягу. — См. примечание к с. 351.

С. 357–358. — Дай 25 руб<лей> ~ Ну, может, последние есть? Дай. — Использовано в ПНВС.

С. 358. Единственный способ остановить их — показать, что они ничего не знают. Ведь они не делают ничего плохого. — Использовано в ПХХПВ: «“Как их остановить? — думал Тенин. — Как?” Есть много путей, но все они нехороши, потому что надо не просто остановить, надо заставить понять, что нельзя не остановиться».

Примечания к фотографиям и рисункам

Вкл. С. 13. Фото иллюстрирует записи от 5.07–26.07 записной книжки БНС 1960 г.

В. Курильский, Р. Мурунский, Л. Рудман

Библиография. 1960 г.

1. Художественные произведения

1.1. А. и Б. Стругацких

1.1.1. Путь на Амальтею: Науч.-фантаст. повесть и рассказы / Предисл. изд-ва; Худож. Н. Гришин. — М.: Мол. гвардия, 1960. — 144 с., ил. — (Фантастика. Приключения. Путешествия). — Содерж.: Путь на Амальтею; Почти такие же; Ночь в пустыне; Чрезвычайное происшествие.

1.1.2. Страна багровых туч: Науч.-фантаст. повесть / Предисл. изд-ва; Худож. И. Ильинский. — М.: Детгиз, 1960. — 296 с., ил. — (Б-ка приключений и науч. фантастики; Школьная б-ка).

1.1.3. Шесть спичек: Науч.-фантаст. рассказы / Предисл. изд-ва; Худож. Б. Алимов. — М.: Детгиз, 1960. — 208 с., ил. — Содерж.: Извне: Повесть в трех рассказах; Глубокий поиск; Забытый эксперимент; Шесть спичек; Испытание «СКИБР»; Частные предположения [2-й вариант]; Поражение.

1.1.4. Испытание «СКР» / Худож. В. Носков // Альфа Эридана. — М.: Мол. гвардия, 1960. — С. 140—160.

1.1.5. Частные предположения / Худож. В. Носков // Альфа Эридана. — М.: Мол. гвардия, 1960. — С. 161—179. — [1-й вариант].

1.1.6. Ночью на Марсе: Науч.-фантаст. рассказ / Худож. И. Ушаков // Знание — сила (М.). — 1960. — № 6. — С. 32—36.

1.3. Б. Стругацкого

1.3.1. В окна сонные луна льет синий свет... // Поют студенты матмеха: Сб. песен. — Л.: ЛГУ, 1960. — С. 9—10.

2. Статьи, интервью, выступления

2.1. А. и Б. Стругацких

2.1.1. Объяснение научно-технических терминов, встречающихся в тексте // Стругацкий А., Стругацкий Б. Страна багровых туч. — М.: Детгиз, 1960. — С. 291—294.

2.1.2. Объяснение некоторых научных и технических терминов, встречающихся в тексте // Стругацкий А., Стругацкий Б. Путь на Амальтею. — М.: Мол. гвардия, 1960. — С. 143.

2.2. А. Стругацкого

2.2.1. Инэко Сата // Сата Инэко. Пока не угаснет пламя. — М.: Гослитиздат, 1960. — С. 3—10.

2.2.2. Послесловие // Кобаяси Такидзи. Краболов. — Владивосток: Приморское книжн. изд-во, 1960. — С. 72—75.

3. Работа над переводами

3.1. Нацумэ Сосэки. Ваш покорный слуга кот: Роман / Пер. с яп. Л. Коршикова и А. Стругацкого. — М.: Гослитиздат, 1960. — 432 с.

3.2. Нома Хироси. Зона пустоты: Роман / Пер. с яп. А. Рябкина и А. Стругацкого. — М.: Гослитиздат, 1960. — 376 с.

4. Редакторская и составительская работа

4.1. Исикава Тацудзо. Тростник под ветром: Роман / Ред. Т. Редько и А. Стругацкий. — М.: Гослитиздат, 1960.

4.2. Ляпунов Б. Корабль вернулся из космоса / Ред. Н. Беркова и А. Стругацкий. — М.: Детгиз, 1960.

В. Казаков, Ю. Флейшман

Указатель имен

Feltrinelli Giangiacomo — см. Фелтринелли Джанджакомо.

Hunter John Alexander — см. Хантер Джон Александр.

Riva Valerio — см. Рива Валерио.

Stevenson R. L. — Стивенсон Роберт Льюис Бэлфур, английский писатель.

Айвазовский Иван Константинович (Айвазян Ованес) — художник.

Алимов Борис Александрович — художник-иллюстратор.

Альтов (Альтшуллер) Генрих Саулович — писатель, теоретик изобретательства.

Андреев Кирилл Константинович — критик, рецензент.

Андроников Ираклий Луарсабович — писатель, литературовед.

- Анна Захаровна — соседка А. И. Стругацкой.
 Аристотель — древнегреческий философ, ученый.
 Архимед — древнегреческий математик, механик, инженер.
 Беляев Александр Романович — писатель.
 Бердник Олесь Павлович — писатель.
 Бете Ханс Альбрехт — американский астрофизик.
 Брандис Евгений Павлович — критик, библиограф, литературовед.
 Брянецев Георгий Михайлович — писатель.
 Вадецкий Борис Александрович — писатель, сотрудник издательства Детгиз.
 Варовенко (Исаев) Юрий Дмитриевич — водитель Кисловодской экспедиционной группы ГАО.
 Варшавский Анатолий Семёнович — редактор журнала «Знание — сила».
 Ватт — см. Уатт.
 Вельтман Павел Генрихович — редактор журнала «Изобретатель и рационализатор».
 Вересаев Викентий Викентьевич — писатель.
 Винер Норберт — американский математик, создатель кибернетики.
 Владимир — водитель Кисловодской экспедиционной группы ГАО.
 Воскресенская (урожденная Ошанина, фамилия по первому замужеству; в тексте также — Крыса) Елена Ильинична — супруга АНС.
 Гитлер Адольф — немецкий политический и государственный деятель.
 Гневашев Михаил Мстиславович — сотрудник Кисловодской экспедиционной группы ГАО.
 Горький Максим (Пешков Алексей Максимович) — писатель, драматург, публицист.
 Гребнев (Грибонос) Григорий Никитич — писатель.
 Григ Эдвард Хагеруп — норвежский композитор, пианист.
 Гришин Николай Ильич — художник-иллюстратор.
 Громов Борис Васильевич — одноклассник БНС, микробиолог, педагог.
 Днепров (Мицкевич) Анатолий Петрович — писатель.
 Дойл Артур Игнатус Конан (в тексте — Конан-Дойл) — английский писатель.
 Дос Пассос Джон Родриго — американский писатель.
 Ежов Николай Николаевич — государственный и политический деятель.
 Екатерина II Алексеевна — императрица.
 Ефимов Анатолий Алексеевич — астроном.
 Ефремов Иван Антонович (Антипович) — писатель, палеонтолог.
 Ёлкин Анатолий Сергеевич — заведующий отделом литературы и искусства газеты «Комсомольская правда».
 Жемайтис Сергей Георгиевич — заведующий редакцией издательства «Молодая гвардия», писатель.
 Жигарев Лев Викторович — главный редактор журнала «Знание — сила».
 Жукова Мила — астроном ГАО.
 Журавлёв Василий Николаевич — режиссер.
 Журавлёва Валентина Николаевна — писательница.
 Иван (Иоанн) IV Васильевич (Грозный) — великий князь Московский и всея Руси, первый царь всея Руси.
 Иванов Александр Александрович — астроном, в 1919–1930 гг. директор ГАО.
 Игорь — водитель Кисловодской экспедиционной группы ГАО.
 Ильков Юрий Николаевич — астроном.
 Кажинский Бернанд Бернардович — инженер, исследователь телепатии.
 Казанцев Александр Петрович — писатель.
 Калиняк Александр Александрович — астроном.
 Кампанелла Томмазо — итальянский философ, поэт, политический деятель.
 Канаев Иван Иванович — астроном.

- Капралова Лидия Семёновна — инженер, приятельница А. И. Стругацкой.
 Кардано Джероламо — итальянский философ, врач, математик.
 Карпелюк Антонина Николаевна — теща БНС.
 Кассель Исаак Маркович — старший редактор издательства Детгиз.
 Кассиль Лев Абрамович — писатель.
 Катаев Валентин Петрович — писатель, главный редактор журнала «Юность».
 Ким Роман Николаевич — писатель.
 Киплинг Джозеф Редьярд — английский писатель, поэт.
 Ключева Бела Григорьевна — редактор издательства «Молодая гвардия».
 Кобаяси Такидзи — японский писатель.
 Козырев Николай Александрович — астроном.
 Колпаков Александр Лаврентьевич — писатель.
 Конан-Дойл — см. Дойл.
 Копылов Александр Иванович — инженер ГАО, друг БНС.
 Кошут Леонард (Лео) — заместитель главного редактора немецкого издательства «Культур унд Фортшритт», переводчик, составитель антологий.
 Крыса — см. Воскресенская Елена.
 Кубокава Цурудзиро — японский критик.
 Куньо Николя-Жозеф — французский инженер.
 Кучеров Николай Иванович — астроном.
 Кювье Жорж Леопольд — французский естествоиспытатель, натуралист. См. также Куньо.
 Лавдовский Виктор Владимирович — астроном, педагог.
 Левитина Генриетта Давыдовна — редактор Ленинградского отделения издательства Детгиз.
 Ленин (Ульянов) Владимир Ильич — политический и государственный деятель.
 Лем Станислав — польский писатель, философ.
 Лермонтов Михаил Юрьевич — поэт, писатель.
 Линкольн Авраам — американский президент.
 Лондон Джек (Гриффит Чейни Джон) — американский писатель.
 Луконин (дружески — Лукончик) Владимир Григорьевич — историк, археолог, друг БНС.
 Ляпунов Борис Валерьянович — писатель, критик, библиограф.
 Макаренко Антон Семёнович — педагог, писатель.
 Максудов Дмитрий Дмитриевич — сотрудник ГАО, конструктор-оптик.
 Маленков Георгий Максимилианович — политический и государственный деятель.
 Маркс Карл Генрих — немецкий экономист, философ, политик, создатель марксизма.
 Мартынов Георгий Сергеевич — писатель.
 Маршак Самуил Яковлевич — поэт, переводчик.
 Матвеева Марина Викторовна — астроном ГАО.
 Миннарт (Минаэрт) Марсел Гиллес Йозеф — нидерландский физик.
 Михайлов Александр Александрович — директор ГАО, астроном.
 Миямото Юрико — японская писательница.
 Накано Сигэхару — японский писатель, критик.
 Немцов Владимир Иванович — писатель.
 Новак — директор немецкого издательства «Культур унд Фортшритт».
 Новопашенный Виктор Борисович — астроном, начальник Кисловодской экспедиционной группы ГАО.
 Нома Хироси — японский писатель.
 Ньютон Исаак — английский физик, математик, астроном.
 Оношко Леонид Михайлович — писатель.

- Ошанин Илья Михайлович — синолог, составитель словарей, тесть АНС.
 Ошанина-Фортунатова Екатерина Евгеньевна — теща АНС.
 Панова Галина Валентиновна — инженер ГАО.
 Пастер Луи — французский микробиолог, химик.
 Перля (псевдоним — Марьянин) Ян Зигмундович — писатель, популяризатор науки.
 По Эдгар Аллан — американский писатель, поэт.
 Пожидаева (Канунова) Лидия Николаевна — литсотрудник журнала «Костер».
 Полещук Александр Лазаревич — писатель.
 Положенцев Дмитрий Дмитриевич — астроном, заведующий вычислительной лабораторией ГАО.
 Поттер Хейно Иоганнович — астроном-астрометрист, соавтор БНС по астрономическим публикациям.
 Прутков Козьма — псевдоним группы писателей.
 Пушкин Александр Сергеевич — поэт, писатель.
 Рахим Зея Абдулкерим-оглы Харун Аль-Каири — переводчик.
 Рива Валерио — сотрудник итальянского издательства Фельтринелли.
 Ромм Михаил Ильич — режиссер, сценарист, педагог.
 Рюриков Юрий Борисович — критик, литературовед, публицист, редактор.
 Савченко Владимир Иванович — писатель.
 Сапарин Виктор Степанович — писатель, главный редактор журнала «Вокруг света».
 Сата Инэко — японская писательница.
 Сафроновы Юрий Павлович и Светлана Александровна — писатели, супруги.
 Свенцицкая Наталия Александровна — физик-оптик, знакомая БНС, супруга Ю. Чистякова.
 Сеченов Иван Михайлович — физиолог, публицист, педагог.
 Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович — политический и государственный деятель.
 Стрелецкий Юрий Сергеевич — конструктор астрономических инструментов.
 Стругацкая Александра Ивановна — мать АБС, педагог.
 Стругацкая Мария Аркадьевна — дочь АНС.
 Стругацкий Андрей Борисович — сын БНС.
 Сыщенко Тимофей Евсеевич — сотрудник Кисловодской экспедиционной группы ГАО.
 Твен Марк (Клеменс Сэмюэл Лэнгхорн) — американский писатель, журналист.
 Тимашкова Галина Михайловна — астрометрист ГАО, супруга В. Новопашенного.
 Токуда Кюити — японский политический деятель.
 Томан (Анисимов) Николай Владимирович — писатель, критик.
 Тредьяковский, Третьяковский Василий Кириллович — поэт.
 Троцкий Лев Давидович (Бронштейн Лейба Давидович) — политический и государственный деятель.
 Турылёвы — Александра Мартьяновна, ее племянник Эдик — соседи А. И. Стругацкой.
 Тушкан Георгий Павлович — писатель.
 Уатт (Ватт) Джеймс — английский изобретатель.
 Ушаков Игорь Леонидович — художник-иллюстратор.
 Уэда Акинари — японский писатель.
 Фалес Милетский — древнегреческий философ.
 Фелтринелли, Фельтринелли Джанджакомо — итальянский издатель, политик.
 Ферма Пьер — французский математик.
 Фрадкин Борис Захарович — писатель.

Фурцева Екатерина Алексеевна — политический и государственный деятель, министр культуры.

Хантер Джон Александр — английский профессиональный охотник, проводник, писатель.

Хемингуэй Эрнест Миллер — американский писатель.

Циолковский Константин Эдуардович — основоположник теоретической космонавтики, писатель, философ.

Чеботарёв Николай Григорьевич — математик.

Чехов Антон Павлович — писатель, драматург.

Чингиз, Чингисхан (Темучин) — монгольский правитель, полководец, завоеватель.

Чистяков Юрий Николаевич — астроном, друг БНС.

Чуковский Корней Иванович (Корнейчуков Николай Васильевич) — писатель, критик, переводчик.

Шагенов Мухаммед Аслангериевич — знакомый БНС по северокавказской экспедиции.

Шагинян Мариэтта Сергеевна — писательница.

Шолохов Михаил Александрович — писатель.

Шуман Роберт Александер — немецкий композитор, дирижер.

Эйнштейн Альберт — немецкий, американский физик, общественный деятель.

Энгельс Фридрих — немецкий экономист, философ, политик, один из создателей марксизма.

Эфрос Анатолий Васильевич (Натан Исаевич) — режиссер, педагог.

Юрий Абрамович — архивариус, сотрудник устного журнала.

Ягода Генрих Григорьевич (Иегода Енох Гершенович) — государственный и политический деятель.

В. Курильский

Указатель заглавий произведений и их аббревиатур

6С — Шесть спичек.

Амальтея — см. Путь на Амальтею.

Астрономическая походная.

Белый конус Алаида.

Бессильные мира сего.

БКА — Белый конус Алаида.

Благоустроенная планета — новелла из повести «Полдень, XXII век».

БМС — Бессильные мира сего.

БП — Благоустроенная планета.

В — Возвращение.

В школе — см. Злоумышленники.

Ваш покорный слуга кот — перевод Л. Коршикова и АНС повести Нацумэ Сосэки.

Вариант заглавия: Мое величество кот.

ВГВ — Волны гасят ветер.

Великий КРИ — см. Загадка задней ноги.

Вечеринка — новелла, планировавшаяся для повести «Полдень, XXII век».

Водородная пропасть — см. Путь на Амальтею.

Возвращение [как новелла] — см. Известные люди.

Возвращение [как повесть] — см. Полдень, XXII век.

Волны гасят ветер.

Второе возвращение (одинокчество) — новелла, планировавшаяся для повести «Полдень, XXII век».

Гигантская флюктуация.

- Гимн астроразведчиков.
 Глубокий поиск — новелла из повести «Полдень, XXII век».
 ГО — Град обреченный.
 Год тридцать седьмой.
 ГП — Глубокий поиск.
 Град обреченный.
 ГФ — Гигантская флюктуация.
 Д — Десантники.
 Далекая Радуга.
 Двое в беде — новелла, планировавшаяся для повести «Полдень, XXII век».
 Двое с «Таймыра» — новелла из повести «Полдень, XXII век». Вариант заглавия:
 Чужой (больница).
 День затмения.
 Десантники — новелла из повести «Полдень, XXII век». Вариант заглавия:
 Следопыты, Странные люди.
 Десять лет спустя — планировавшееся именование главы повести «Полдень, XXII век».
 ДЗ — День затмения.
 ДК — Дни Кракена.
 Дни Кракена.
 ДР — Далекая Радуга.
 ЕВМД — Естествознание в мире духов.
 Естествознание в мире духов — новелла из повести «Полдень, XXII век». Варианты заглавия: Телепатостанция, Телепаты, Улавливатели информации.
 Забытый эксперимент.
 Загадка задней ноги — новелла из повести «Полдень, XXII век». Вариант заглавия:
 Великий КРИ.
 Заповедник — новелла, планировавшаяся для повести «Полдень, XXII век».
 ЗЗН — Загадка задней ноги.
 Злоумышленники — новелла из повести «Полдень, XXII век». Вариант заглавия:
 В школе.
 Знакомство с Горбовским — см. Пациенты доктора Протоса.
 Зона пустоты — перевод А. Рябкина и АНС романа Нома Хироси.
 ЗЭ — Забытый эксперимент.
 Известные люди — новелла из повести «Полдень, XXII век». Варианты заглавия:
 Возвращение [как новелла], Пациенты доктора Протоса.
 Извне.
 ИСкибр — Испытание СКИБР.
 ИСКИБР — Испытание СКИБР.
 Испытание СКИБР. Вариант заглавия: Испытание СКР.
 Испытание СКР — см. Испытание СКИБР.
 ИсСКИБР — Испытание СКИБР.
 Какими вы будете — новелла из повести «Полдень, XXII век». Вариант заглавия:
 Такими вы будете.
 Комментарии к пройденному.
 Кормильцы — см. Томление духа.
 Луна в тумане — перевод З. Рахима и АНС сборника новелл Уэда Акинари.
 Японское заглавие: Угэцу-моногатари.
 Люди Земли — планировавшееся название сборника.
 Люди, люди... — см. Свидание.
 Мир иной — повесть Г. Гребнева, написанная при участии АНС.
 Моби Дик — новелла из повести «Возвращение».

- Мое величество кот — см. Ваш покорный слуга кот.
- Ночь в пустыне — см. Ночь на Марсе.
- Ночь на Марсе — новелла из повести «Полдень, XXII век». Вариант заглавия: Ночь в пустыне, Ночью на Марсе, Нужен специалист.
- Ночью на Марсе — см. Ночь на Марсе.
- НС — Нужен специалист.
- Нужен специалист — см. Ночь на Марсе.
- Обитаемый остров.
- ОО — Обитаемый остров.
- ПХХПВ — Полдень, XXII век.
- Пациенты доктора Протоса — новелла из повести «Полдень, XXII век». Вариант заглавия: Знакомство с Горбовским.
- Пепел Бикини — повесть Л. Петрова и АНС.
- Перестарок — новелла из повести «Полдень, XXII век».
- ПКБ — Попытка к бегству.
- ПНА — Путь на Амальтею.
- ПНВС — Понедельник начинается в субботу.
- Погружение — см. Погружение у рифа Октопус.
- Погружение у рифа Октопус — новелла, планировавшаяся для повести «Полдень, XXII век».
- Поиск предназначения, или Двадцать седьмая теорема этики. Полдень, XXII век. Вариант заглавия: Возвращение.
- Понедельник начинается в субботу.
- Попытка к бегству.
- Почти такие же — новелла из повести «Полдень, XXII век».
- ПП — Поиск предназначения.
- ПТЖ — Почти такие же.
- ПУРО — Погружение у рифа Октопус.
- Путь на Амальтею. Вариант заглавия: Водородная пропасть, С грузом прибыл.
- Риф Октопус — см. Погружение у рифа Октопус.
- С — Стажеры.
- С грузом прибыл — см. Путь на Амальтею.
- Самодвижущиеся дороги — новелла из повести «Полдень, XXII век».
- Самый главный человек — новелла, планировавшаяся для повести «Полдень, XXII век».
- СБТ — Страна багровых туч.
- Свечи перед пультом — новелла из повести «Полдень, XXII век».
- Свидание — новелла из повести «Полдень, XXII век». Вариант заглавия: Люди, люди...
- СГП — С грузом прибыл.
- СД — Самодвижущиеся дороги.
- СЖС — Старый желтый Сатурн.
- Скатерть-самобранка — новелла из повести «Полдень, XXII век».
- СЛ — Странные люди.
- Следопыты — см. Десантники.
- Собиратель информации
- СПП — Свечи перед пультом.
- СС — Скатерть-самобранка.
- С-С — Скатерть-самобранка.
- Стажер — см. Стажеры.
- Стажеры. Вариант заглавия: Стажер.
- Старый желтый Сатурн — замысел.

Страна багровых туч.

Странные люди — см. Десантники.

Такими вы будете — см. Какими вы будете.

ТВБ — Такими вы будете.

Телепатостанция — см. Естествознание в мире духов.

Телепаты — см. Естествознание в мире духов.

Томление духа — новелла из повести «Полдень, XXII век». Вариант заглавия:

Кормильцы.

У рифа Октопус — см. Погружение у рифа Октопус.

Угэцу-моногатари — см. Луна в тумане.

Улавливатели информации — см. Естествознание в мире духов.

Улитка на склоне.

УНС — Улитка на склоне.

ХВВ — Хищные вещи века.

Хищные вещи века.

Хроника — новелла из повести «Полдень, XXII век».

Частные предположения.

Человек из Пасифиды.

ЧИП — Человек из Пасифиды.

ЧП — Частные предположения.

Чрезвычайное происшествие.

ЧрПр — Чрезвычайное происшествие.

Чужой (больница) — см. Двое с «Гаймыра».

Шесть спичек.

ШС — Шесть спичек.

Экипаж «Скифа».

[Экспедиция на Северный Кавказ, записки].

Эпилог — ТВБ — см. Такими вы будете.

В. Курильский

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ИЗ АРХИВА

Аркадий Стругацкий. [Эссе, 1960]	3
Борис Стругацкий. Год тридцать седьмой	3
Борис Стругацкий. Астрономическая походная	10
Борис Стругацкий. Гимн астроразведчиков	10
Борис Стругацкий. [Экспедиция на Северный Кавказ, записки]	11

ВАРИАНТЫ РУКОПИСЕЙ И ИЗДАНИЙ

«Полдень, XXII век». Ранние варианты новелл	23
«Полдень, XXII век». Первый книжный вариант	145

Раздел II. ПУБЛИЦИСТИКА

ОПУБЛИКОВАННОЕ

Аркадий Стругацкий. Инэко Сата	286
--	-----

Раздел III. ПИСЬМА, ДНЕВНИКИ, ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Переписка, 1960	291
Борис Стругацкий. Письма матери, 1960	325
Борис Стругацкий. Письма супруге, 1960	329
Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1959–1960	338
Аркадий Стругацкий. Рабочие записи, 1959–1961	339
Борис Стругацкий. Записная книжка, 1960	342
Борис Стругацкий. Записная книжка, 1960–1962	357

Раздел IV. ПРИЛОЖЕНИЯ

Необходимые пояснения	359
Комментарии и примечания	360
Библиография. 1960 г.	377
Указатель имен	378
Указатель заглавий произведений и их аббревиатур	382